

А. СОРЕЛЬ

ЕВРОПА И ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦІЯ

(L'EUROPE ET LA RÉVOLUTION FRANÇAISE)

СОЧИНЕНІЕ, УДОСТОВЕРЕННОЕ ФРАНЦУЗСКОЙ АКАДЕМІЕЙ БОЛЬШОЙ ПРЕМІИ ГОБЕРТ'А

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

СЪ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ ПРОФЕССОРА СПЕ. УНИВЕРСИТЕТА

Н. И. КАРЪЕВА.

ТОМЪ ТРЕТІЙ

ВОЙНА СЪ МОНАРХАМИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе Л. Ф. Пантелѣева.

1892.

9(4)4
сб5

А. СОРЕЛЬ

Т. Помялов
С. Петербург
30/IX 1901.

ЕВРОПА И ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦІЯ

(L'EUROPE ET LA RÉVOLUTION FRANÇAISE)

СОЧИНЕНІЕ, УДОСТОЕННОЕ ФРАНЦУЗСКОЙ АКАДЕМІЕЙ БОЛЬШОЙ ПРЕМІИ ГОВЕРТА

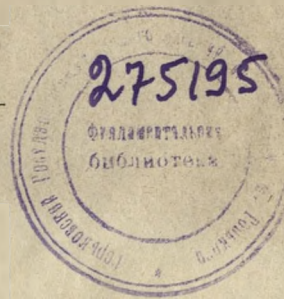
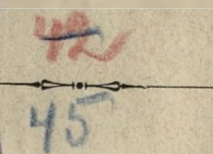
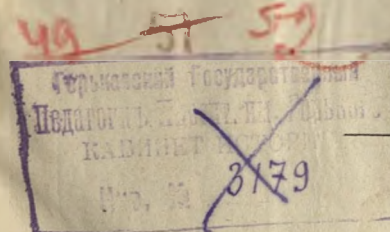
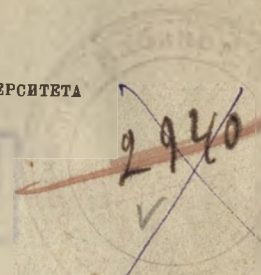
ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

СЪ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ ПРОФЕССОРА СПБ. УНИВЕРСИТЕТА

Н. И. КАРЪЕВА.

ТОМЪ ТРЕТІЙ

ВОЙНА СЪ МОНАРХАМИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

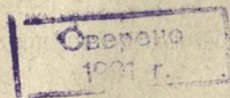
Изданіе Л. Ф. Пантелѣва.

1892.

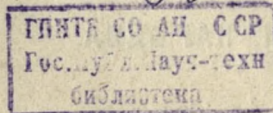
2X

4906

43

4
289 90

ОГЛАВЛЕНИЕ III ТОМА.

Война съ монархами.

КНИГА I.

Нашествіе и республика.

Глава		СТР.
I.	Война за національную независимость 1792	1
"	II. Война за независимость	52
"	III. Война съ цѣлью распространенія республиканскихъ идей	99
"	IV. Революціонная война	141
"	V. Завоевательная война. 1793	207

КНИГА II.

Коалиція и Терроръ.

Глава		
I.	Измѣна Дюмуре 1793	240
"	II. Первый Комитетъ Общественнаго спасенія	289
"	III. Террористическая война	344
"	IV. Революціонное правительство	398

ВОЙНА СЪ МОНАРХАМИ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Нашествіе и республика.

ГЛАВА I.

Война за національную независимость.

1792.

I.

29-го августа 1792 г., графъ Прованскій, графъ д'Артуа и ихъ маленькая эмигрантская армія перешли французскую границу. «Сердце мое мучительно жалось, — писалъ знаменитѣйшій изъ солдатъ этого феодальнаго войска, — когда въ одинъ пасмурный день мы увидѣли лѣса, окаймлявшіе горизонтъ, и намъ сказали, что эти лѣса — Франція. Не могу выразить словами чувство, испытанное мною при переходѣ границы моей родины съ оружіемъ въ рукахъ; у меня явилось какъ бы предчувствіе будущаго» ¹⁾. Армія принцевъ состояла не болѣе какъ изъ 4500 человекъ. Она представляла собою блѣдный и поблекшій образъ стараго порядка. Въ ея рядахъ замѣчались люди всевозможнаго происхожденія и званія, но въ особенности дворяне, группировавшіеся по провинціямъ, богатые и бѣдняки, старые и молодые. Шатобріанъ совершилъ кампанію съ мушкетомъ, у котораго не взводился курокъ. Къ этой пѣхотѣ присоединялась артиллерія, состоявшая изъ двѣнадцати плохихъ пушекъ, при которыхъ вмѣсто артиллеристовъ служили моряки. Кромѣ дворянъ, было и нѣсколько плебеевъ,

¹⁾ CHATEAUBRIAND, *Mémoires d'outre-tombe*, т. III. — О подробностяхъ военныхъ дѣйствій, о составѣ и духѣ французскихъ, прусскихъ и эмигрантскихъ войскъ, отъ 10-го августа до 30-го октября 1792 см. CHUQUET, *La première Invasion prussienne, la campagne de l'Argonne, la Retraite de Brunswick*, 3 v. Paris, 1886—1887.

безвѣстныхъ и безкорыстныхъ бойцовъ, военныхъ, увлеченныхъ командирами въ эмиграцію, и слугъ, послѣдовавшихъ за господами.

Рядовые дворянскаго происхожденія тщательно сторонились отъ недворянъ. Знатные офицеры поступали такимъ же образомъ относительно незнатныхъ дворянъ-офицеровъ. Главный штабъ, въ которомъ находилось два герцога и маршала, Броули и Кастри, представлялъ своимъ блескомъ яркій контрастъ съ нестройнымъ и убогимъ полчищемъ. Надменные, непредусмотрительные и легкомысленные командиры постоянно вызывали неудовольствие; солдаты-дворяне готовы были жертвовать жизнью, но неспособны были поступаться самолюбіемъ и подчиняться дисциплинѣ. Они противопоставляли демократическому равенству іерархію, въ которую сами перестали вѣрить и которую сами не уважали. Это «доблестное, но неискusstное въ военномъ дѣлѣ войско», по словамъ самихъ начальниковъ²⁾, было вѣрнымъ изображеніемъ той партіи, которая хотѣла править гордымъ народомъ, между тѣмъ какъ собственное тщеславіе дѣлало ее неспособною къ подчиненію какому бы то ни было правительству. Мелочные въ своихъ замыслахъ, храбрые въ битвахъ, гнусные въ своей политикѣ, эмигранты бросались завоевывать объятую революціей Францію такимъ же нестройнымъ полчищемъ, какъ рыцари Филиппа Валуа, когда они отправлялись усмирять фландрскихъ бунтовщиковъ.

Судя по тому, какъ они вели себя на занятыхъ ими французскихъ территорияхъ, можно было составить себѣ понятіе о грубой репрессіи, жестокости и тупой реакціи, которыя они водворили бы, если бы имъ удалось одержать верхъ: всѣ излишества революціи, ни одного изъ ея благотворительныхъ³⁾. Прелюдией служило ихъ прохожденіе по Германіи, то есть по союзной странѣ, оказавшей имъ гостепріимство. «Они дѣлали ужасы, грабили и разоряли все въ Трирскомъ краѣ»,—писалъ Ферзенъ. «Старые и молодые,—это какое-то отребье націй»,—передаетъ одинъ изъ секретарей прусскаго короля. «Глуны они невѣроятно... Рѣчи ведутъ жестока: если бы отдать въ ихъ распоряженіе ихъ французскихъ согражданъ, вся Франція превращена была бы ими въ чудовищное кладбище»⁴⁾. «Они не зна-

²⁾ Принцы Екатерина II, 31-го октября 1792. *Ferret de Conches*, V. VI, p. 398.

³⁾ «Только и рѣчи было у нихъ, что о мѣрахъ строгости, которыя будутъ ими предприняты, когда они сдѣлаются господами положенія, а до тѣхъ поръ они грызли другъ друга; однимъ словомъ, они дѣлали все, что могло усилить вражду къ нимъ и что дало бы возможность французамъ составить себѣ представленіе о повтореніи стараго режима, но въ еще болѣе гнусномъ видѣ, чѣмъ тотъ, который былъ уничтоженъ». *Tocqueville, Fragments, Correspondance*, t. I, p. 289.

⁴⁾ *Fersen, Journal*, 27 septembre, t. II.—Письмо Ломбара 23 іюля 1792

ють никакой мѣры,—замѣчаетъ очевидецъ;—большинство эмигрантовъ, по возвращеніи во Францію, желало приговорить къ смерти всѣхъ оставшихся въ странѣ французовъ»⁵⁾. Они видѣли только одинъ способъ восстановленія порядка во Франціи: поразить ужасомъ и обратить революцію противъ революціонеровъ. «Вотъ мысль, которая можетъ быть руководящей»,—объявляетъ одинъ изъ умниковъ французской эмиграціи: «Якобинцы стужали конституировать французскій народъ; они выказали изумительное искусство, и исторія отмѣтитъ этотъ фактъ. Прекрасно! Слѣдуетъ организовать порядокъ тѣмъ же способомъ, какимъ они организовали анархію; надо схватить ехидну и задушить ее». «Ихъ слѣдуетъ истребить»,—повторяютъ Ферзенъ и де-Мерси. «Прочь зловредное милосердіе»,—пишетъ Малле дю-Панъ;—«снисходительность была бы преступленіемъ противъ общества». «Знайте»,—объявляютъ братья Людовика XVI жителямъ Тіонвилля,—«что недостаточная поспѣшность въ отреченіи отъ преступленій узурпаторовъ равняется сообщничеству; оставаться вооруженными вмѣстѣ съ мятежниками—значитъ заслужить одинаковой съ ними кары; надо или снова сдѣлаться вѣрноподанными, или погибнуть».

Калоннъ остается министромъ этой кочующей монархіи. Съ его легкой канцеляріей возвращаются всѣ мѣропріятія, ускорившія паденіе Людовика XVI. Онъ везетъ за собою два фургона съ приборами для производства фальшивыхъ ассигнацій и восстанавливаетъ повсюду прежнія повинности. Высылаютъ «самозванныхъ», то есть присягнувшихъ конституціи священниковъ, водворяютъ на старыхъ мѣстахъ тѣхъ, которые отказались присягать; отъ правительственныхъ агентовъ требуютъ присяги въ вѣрности Людовику XVI и его величеству прусскому королю; освобождаютъ отъ контрибуцій «благочестивыхъ людей» и охраняютъ ихъ имущество, грозя разграбленіемъ селеній, гдѣ они живутъ, въ случаѣ нанесенія имъ какого-либо ущерба. Опасность предпріятія для эмигрантовъ и возмутительность его для остальныхъ французовъ удваиваются тѣмъ, что эмигранты не владѣютъ единственнымъ признаваемымъ ими политическимъ средствомъ, то есть матеріальною силою, и занимаютъ ее у непріятеля. Они являются не національною партіей, вооружившейся для междоусобной войны, они не застрѣльщики королевской арміи; они—аріергардъ иноземнаго нашествія: пруссаки вступили во Францію 19-го августа, десятью днями ранѣе эмигрантовъ.

Армія, которою командовалъ герцогъ Брауншвейгскій и которая шла изданное Г. Гюфферомъ, *Deutsche Revue*, 1883.—Эрцгерцогъ Карлъ императору, 21-го сентября 1792. *Zeissberg, Archiv für österreichische Geschichte*, t. LXXIII, стр. 50.

⁵⁾ *Souvenirs du comte de Contades*, Paris, 1885, p. 45.

на Парижъ, насчитывала, включая контингентъ принцевъ, болѣе 80000 человекъ; изъ нихъ 42000 пруссаковъ, съ 200 пушками, и 5500 гессенцевъ составляли центръ, поддерживаемый 15000 австрійцевъ съ правой стороны, подъ начальствомъ Клерфэ, и 14000, подъ начальствомъ Гогенлоэ-Кирхберга—съ лѣвой. Герцогъ Саксенъ-Тешенскій прикрывалъ Бельгію и грозилъ Лиллю 25000 солдатъ и 4000 эмигрантовъ герцога Бурбонскаго. 17000 австрійцевъ и небольшой корпусъ Конде, около 5000 человекъ, охраняли верхній Рейнъ и Бригау. 2-го сентября послѣдовала сдача Вердюна. Седанская армія была отрѣзана отъ мецкой; первой грозилъ Клерфэ, второй—Гогенлоэ. Герцогъ Брауншвейгскій, съ главными силами, шелъ между ними. Онъ рассчитывалъ отбросить къ 16-му сентября дезорганизованныхъ французовъ, которые рискнули бы помѣряться съ нимъ силами, и лѣстилъ себя надеждою быть въ Парижѣ 10-го октября. Эмигранты поддерживали эти иллюзіи и поощряли къ мѣрамъ строгости. По мнѣнію этихъ роялистовъ, пруссаки не выказывали къ тому достаточной готовности. Однако, они грабили, жгли, разоряли и вѣшали весьма усердно. Война велась по образцу военныхъ дѣйствій временъ Людовика XV, Фридриха и Маріи Терезіи въ Германіи и такимъ же способомъ, какъ вели ее союзники во Франціи въ 1814 г. Они брали контрибуціи и разстрѣливали жителей селеній, державшихъ оказывать сопротивленіе. Ношеніе оружія наказывалось смертью ⁶⁾.

Вотъ какого рода опасность грозила Франціи въ послѣднихъ числахъ августа 1792 г. Кромѣ непріятельскаго нашествія съ сѣвера, на западѣ подготавливалось религиозное и политическое возстаніе. Это былъ вопросъ жизни и смерти для независимости страны, для цѣлостности ея территорій, для свободы гражданъ и для гражданскихъ и социальныхъ пріобрѣтеній революціи, отнынѣ неразрывно связанныхъ. Франція могла выставить противъ союзниковъ не болѣе 24000 сѣверной арміи, 19000 арденской, 17000 мецкой и 22000 рейнской, всего 82000 человекъ, кромѣ гарнизоновъ; это составляло въ общемъ до сотни тысячъ солдатъ, эшелонированныхъ небольшими кучками отъ Рейна до моря и защищаемыхъ полускрытыми и лишенными боевыхъ снарядовъ укрѣпленіями. За исключеніемъ артиллеріи, которой всегда славилась Франція и которая сохранила и свои кадры и своихъ офицеровъ, войска были сомнительнаго качества и состава. То

⁶⁾ «Каждого прохожаго и, въ особенности, француза должны обыскивать часовые цѣпи, окружающей лагерь, и тотъ, у кого найдено будетъ какое бы то ни было оружіе—трость-кинжалъ или иное смертоносное орудіе—подвергнется позорной смерти въ виду лагеря, безотлагательно и безъ всякаго суда». Декларация 11-го сентября 1792 г. — «Въ австрійскихъ владѣніяхъ, всякій французскій проѣзжій будетъ считаться шпиономъ и съ нимъ поступлено будетъ соотвѣтствующимъ образомъ». — Ордонансъ, 2-го сентября 1792 г.

были солдаты, лишившіеся прежнихъ командировъ и еще не привыкшіе къ новымъ, дезорганизованные, сбитые съ толку, волнүемые подозрѣніями, анархической пропагандой, озлобленные лишеніями, потрясенные паникой. Если бы герцогъ Брауншвейгскій двинулъ только десятитысячный корпусъ къ Седану, утверждаетъ Дюмурье, вся армія разсѣялась бы по укрѣпленіямъ или бѣжала бы до самаго Парижа. Волонтеры прибывали въ большомъ количествѣ; это записавшіеся 11 іюля 1792 г., то есть послѣ объявленія отечества въ опасности. Они значительно отличались отъ призыва 1791 г., когда волонтеры записывались по личному желанію; теперь же многие были напаяты общинами и слишкомъ напоминали милицію стараго времени. Составъ ихъ очень смѣшанъ; они невѣжественны, непокорны, буйны и, при случаѣ, не прочь пограбить. Они внушаютъ страхъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, по которымъ проходятъ, и смущаютъ войска, къ которымъ примыкаютъ. Тѣмъ не менѣе имъ нельзя отказать въ мужествѣ, готовности драться и даже въ извѣстномъ энтузіазмѣ. Ихъ стоитъ одѣть, накормить, обучить въ кадрахъ, и изъ нихъ могутъ выйти хорошіе рекруты. — «Ихъ надо усмирить и очистить подъ непріятельскимъ огнемъ», говоритъ Сервантъ; «надо замѣнить у нихъ экзальтацію патріотизмомъ и фанатизмъ—дисциплиною». Этой цѣли достигли; средство уже намѣчалось: «Комплектовать линейныя войска волонтерскою національною гвардіей,—пишетъ Келлерманъ уже 20 августа 1792 г.;—включить новопривывшихъ въ старые батальоны, вотъ единственный способъ сформированія арміи, безъ которой государство погибло». Это пазывали амальгамой, и это спасло Францію. Кюстинъ, Келлерманъ и Дюмурье одновременно пришли къ этой мысли и попытались осуществить ее.

Что касается офицеровъ, то и тѣ, которые остались на своихъ мѣстахъ, и тѣ, которыхъ повысили въ чинахъ, въ видахъ замѣщенія эмигрировавшихъ, всѣ отличались самымъ искреннимъ патріотизмомъ, и духъ, господствовавшій въ ихъ средѣ, не оставлялъ желать ничего лучшаго. Это-то и помогло дисциплинировать войска и заставить ихъ повиноваться. Когда рѣчь шла о Франціи, всѣ были единодушны, офицеръ и солдатъ прекрасно понимали другъ друга. Родина одна для всѣхъ, а потому долгъ каждаго заключается въ защитѣ родной земли и отпорѣ чужеземцу. Войска уклоняются отъ политики. Лафайетъ предпринялъ спасти короля и конституцію. Онъ призывалъ департаменты выбрать новыхъ представителей; онъ обѣщалъ этому конгрессу поддержку своихъ войскъ. Собраніе осудило его, солдаты покинули, и онъ принужденъ былъ оставить Францію. Австрійцы задержали его и обращались какъ съ заложникомъ, т. е. безъ всякой гуманности и уваженія. Отвергнутый родиной какъ мятежникъ, онъ былъ захваченъ союзниками какъ измѣнникъ королю и избѣжалъ парижской

Консержери лишь для того, чтобы быть водвореннымъ въ Ольмюцкомъ казематѣ. Эта жестокая неудача человѣка, имя котораго было связано съ благороднѣйшими воспоминаніями революціи, указываетъ какъ нельзя болѣе ясно на духъ, преобладавшій во французскихъ войскахъ. Съ такими элементами спасеніе еще возможно, но эти элементы необходимо привести въ порядокъ, а такая задача требуетъ умѣлаго управленія, авторитетности правительства; но достиженіе именно этихъ условій крайне затруднялось состояніемъ парижскихъ партій.

II.

Королевская власть Людовика XVI была лишь фикціей; но этой фикціи достаточно было для замаскированія соперничества партій и безсилія Собранія. При всякомъ требованіи со стороны народа, была возможность указывать на короля, какъ на виновника всѣхъ беспорядковъ въ государствѣ. По низложеніи же Людовика Собранію нечѣмъ было ограждать себя отъ нападеній. Оно чувствовало себя окруженнымъ врагами и близкимъ къ гибели. Страхъ проскрипціи заставилъ многихъ удалиться. 8 августа 680 депутатовъ присутствовали на засѣданіи, въ которомъ обсуждалось письмо Лафайета, 10-го только 284 принимаютъ участіе въ назначеніи временнаго Исполнительнаго совѣта; 2 сентября не болѣе 257 явилось для избранія президента. Несмотря на патріотизмъ всѣхъ и краснорѣчіе нѣкоторыхъ, Собраніе представляетъ собою, такъ сказать, механизмъ для декретированія мѣръ, навязываемыхъ крайними. Сами крайніе Собранія служатъ лишь отголоскомъ парижскаго городского совѣта—коммуны. Она одержала верхъ 10 августа; въ ней сосредоточивается вся революціонная сила; все склоняется передъ нею. Безъ нея и вопреки ея волѣ становится невозможнымъ управлять. Коммуна засѣдаетъ въ ратушѣ непрерывно, овладѣваетъ дѣлами, разсылаетъ комиссаровъ въ войска, перехватываетъ государственную переписку, распоряжается обысками и арестами; это—безличная власть неизвѣстныхъ изступленныхъ людей, выдвинутыхъ фанатизмомъ и происками и поставленныхъ во главѣ нападенія. Ихъ въ свою очередь толкаетъ мятежное меньшинство, еще болѣе изступленное и фанатичное и позднѣе вышедшее изъ водоворота анархій.

Исполнительный совѣтъ (Conseil exécutif) — временное правительство, лишенное вліянія на породившій его мятежъ, не обладающее престижемъ въ глазахъ Собранія, такъ какъ его выбрала только треть этого Собранія; оно—орудіе ниспровергнутой конституціи и клонящейся къ паденію палаты. Роланъ, Клавьеръ и Серванъ были единогласно возвращены къ своимъ постамъ при министерствахъ: внутреннихъ дѣлъ, финансовъ и военномъ. Къ нимъ присоединили въ качествѣ министра юстиціи Дантона 222-мя голо-

сами. Монжа, въ качествѣ морского министра, 154-мя, и Лебрёна—какъ министра иностранныхъ дѣлъ, 109-ю голосами. Роланъ, стоически относившійся къ смерти, проявлялъ однако перѣшительность въ дѣлахъ, былъ робокъ съ мятежниками, слабъ и напыщенъ въ министерствѣ. Человѣкъ строгой нравственности, суровый по вѣншности, онъ находился, тѣмъ не менѣе, подъ сильнымъ вліяніемъ молодой, страстной и честной женщины, воображавшей себя рожденною для политики и вѣшивавшейся въ политическія дѣла настолько же отважно, насколько и нескусно. При дворѣ Роланъ являлся педагогомъ-пуританиномъ; по отношенію къ коммуѣ онъ казался растерявшимся преподавателемъ. Клавьеръ былъ пропитанъ жевевскими пристрастіями и былъ несравненно способнѣе къ революціонированію своей родины, чѣмъ къ управленію финансами своей второй родины. Монжъ, добродушный, честный, неповоротливый, принесъ въ морское министерство не требовавшіяся тамъ математическія познанія и отвѣченные взгляды, пасовавшіе передъ дѣйствительностью. Лебрёнъ отличался второстепенными дарованіями, усердіемъ, трудолюбіемъ; былъ хорошимъ редакторомъ, имѣлъ обширныя связи въ мірѣ журналистовъ и космополитическихъ агентовъ, былъ посвященъ въ дѣла Дюмуре и былъ настолько уменъ, что допускалъ сотрудничество болѣе опытныхъ, чѣмъ самъ онъ, людей: онъ ощущалъ потребность въ господинѣ и легко подчинялся тому, кто умѣлъ ему приказывать. Серванъ, человѣкъ далеко не гениальный, былъ образованъ, трудолюбивъ, честенъ и имѣлъ мужество и скромность обращаться къ способнымъ помощникамъ, каковыми были Гримоаръ и Лакюзэ, служившіе въ старыхъ войскахъ: задержать наступательное движеніе непріятеля, вооружить народъ и, пока его обучаютъ военному дѣлу, собрать достаточное количество войскъ для отпора нашествію—вотъ что поглощало все его вниманіе.

Добросовѣстные чиновники въ военномъ министерствѣ и въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, растерявшіеся посредственности въ остальныхъ министерствахъ—вотъ изъ кого состоялъ Исполнительный совѣтъ, долженствовавшій спасать Францію. Этотъ Совѣтъ не справился бы со своею задачею, не сумѣлъ бы внушить уваженія странѣ и Собранію, если бы въ его составѣ не находился человѣкъ, къ которому не прилагалась обыденная мѣрка. Въ рѣшающую минуту кризиса обороны, этотъ человѣкъ займетъ собою всю сцену и сыграетъ въ демократической и республиканской революціи роль аналогичную съ тою, которую сыгралъ Мирабо въ олигархической и монархической революціи.

«Меня упрекали,—говоритъ Кондорсе въ своемъ политическомъ завѣщаніи,—за то, что я подаль голосъ за Дантона, когда дѣло шло о назначеніи его министромъ юстиціи. Вотъ мое оправданіе. Въ министерствѣ

необходимъ былъ человѣкъ, пользующійся довѣріемъ того самаго народа, который только что опрокинулъ престолъ; необходимъ былъ человѣкъ, вліяніе и обаяніе котораго сдерживало бы достойныя презрѣнія орудія полезной, славной и необходимой революціи... Никто, кромѣ Дантона, не обладалъ этими качествами; я подаль за него голосъ и не раскаиваюсь». Кондорсе вѣрно оцѣнилъ Дантона. Этотъ грозный демагогъ былъ созданъ для управленія людьми. Но къ несомнѣннымъ дарованіямъ государственнаго человѣка примѣшивалось столько недостатковъ характера и темперамента, что, къ несчастію и для него и для государства, онъ не извлекъ изъ этихъ дарованій всего, что требовалось обстоятельствами ¹⁾.

Подобно Дидро онъ вышелъ изъ мірка провинціальныхъ канцеляристовъ и въ его жилахъ текла плебейская кровь. Онъ не былъ способенъ ни къ усидчивому умственному труду, ни къ созерцанію. Не лишенъ былъ, однако, нѣкоторой начитанности. Первое мѣсто среди знакомыхъ ему авторовъ занималъ Дидро. Онъ читалъ также Гельвеція, Энциклопедію, Адама Смита и зналъ англійскій языкъ; получилъ юридическое образованіе. Но онъ принадлежалъ къ тѣмъ, кто почерпаетъ знаніе не изъ книгъ, а изъ самой жизни, и кто склоненъ отпираться отъ фактовъ къ идеѣ, а не отъ системъ къ фактамъ. Будучи адвокатомъ въ королевскомъ судѣ, онъ продалъ свое мѣсто и бросился въ революцію. Здѣсь онъ сейчасъ же пришелъ къ крайнимъ рѣшеніямъ—демократіи и республикѣ. Общительный, неводержанный, не стѣснявшійся средствами и еще менѣе разборчивый въ выборѣ людей, онъ полагалъ, что политика—это люди, а они сдѣланы для того, чтобы играть ихъ страстями, глупостью и пороками; онъ принималъ участіе во всѣхъ заговорахъ, движеніяхъ и мятежахъ: въ кордельерскомъ клубѣ—въ качествѣ оратора, въ парижскихъ секціяхъ—въ качествѣ вожака. Его подозрѣвали въ продажности, чему подавала поводъ слишкомъ малая его щепетильность, но онъ весьма равнодушно относился къ репутаціи неподкупнаго, зато всегда былъ увѣренъ, что его не обманутъ ни въ какомъ дѣлѣ, потому что былъ неизмѣнно искрененъ съ самимъ собою и неизмѣнно вѣренъ своей партіи. Разбрасываясь по всевозможнымъ политическимъ кружкамъ, онъ умѣлъ въ то же время сосредоточивать и свои силы и народное движеніе, во главѣ котораго стоялъ, оставаясь любимымъ трибуномъ толпы. 10-го августа было дѣломъ его рукъ, и оно до-

¹⁾ BUCHEZ ET ROUX, *Histoire parlementaire*, t. XIX, *Mémoires de Garat*.—ROBINET, *Mémoires sur la vie privée de Danton*, Paris, 1865. *Procès des Dantonistes*, Paris, 1879; *Danton émigré*, Paris, 1887. ANTONIN DUBOST, *Danton et la politique contemporaine*, Paris, 1880; *Danton et les massacres de septembre*, Paris, 1885.—AULARD, *Danton; l'Eloquence parlementaire pendant la Révolution*, t. II, p. 168. Paris, 1885. LOUIS BLANC, *Histoire de la Révolution française*, t. X, p. 409.—TAINÉ, *La Révolution*, t. III, p. 174.

ставило ему власть. Онъ сразу сталъ во главѣ правленія и ринулся въ грозныя и грандіозныя приключенія, породившія Ріэнзи, Этьеннъ Марселей и Кромвелей.

По внѣшности, его нельзя было принять за молодого, тридцатилѣтняго человѣка ²⁾. Онъ былъ массивенъ, мощенъ и казался чело-
вѣкомъ зрѣлаго возраста. У него лицо дога, онъ сангвиникъ; его лицо выразительно, но изрыто оспой; цвѣтъ кожи воспаленный; глаза смотрятъ повелительно, голосъ—«громовый». Вся фигура говоритъ о властности и мощи; но эти ужасныя, когда ихъ искажаетъ гнѣвъ, черты внезапно озаряются и смягчаются подъ лучемъ великодушнаго порыва, трепета любви, прилива симпатіи, увлеченія энтузіазма. Это—человѣкъ съ интенсивными страстями и перемежающеюся усталостью. Тѣхъ, кто является ему препятствіемъ, онъ устраняетъ съ своего пути, но къ побѣжденнымъ врагамъ неспособенъ питать злопамятнаго чувства. Онъ склоненъ къ жалости, къ инстинктивнымъ движеніямъ и среди жесточайшаго бѣшенства умѣетъ сохранить чувствительность: слезы такъ же легко появляются на глазахъ его, какъ пѣна у рта. «Счастливы тотъ, — скажетъ онъ въ ту минуту, когда для него уже все было потеряно, — кто никогда не клеветалъ на жизнь!» И всѣ эти противоположныя свойства чередуются внезапно, приступами и скачками. Разсудокъ и политика слѣдуютъ въ немъ тѣмъ же законамъ, которымъ у другихъ людей повинуются инстинктъ и страсть. Онъ чувствуетъ и сознаетъ, что революція не есть дѣло нѣсколькихъ людей, а дѣло по преимуществу національное, что она продолжаетъ, а не прерываетъ исторію французскаго народа. Онъ видитъ, съ одной стороны, главарей, представителей партій, разединенныхъ соперничествомъ и тянущихъ и государство и революцію, каждый въ свою сторону; съ другой—привыкшій къ повиновенію народъ, жаждущій единенія и союза. Собрать этотъ народъ, готовый защищать свои права, свою родину, свой трудъ и свою безопасность; объединить, или, по крайней мѣрѣ, подчинить этихъ вожakovъ, которые, несмотря на свои несогласія, преслѣдуютъ одну и ту же цѣль съ народомъ, вотъ въ чемъ заключалась суть его политики, нервъ всѣхъ его рѣчей, соединительная нить всѣхъ его поступковъ, направленіе его, какъ государственнаго человѣка. Внутри страны—организация демократіи, извнѣ—могущество и престижъ Франціи, «блескъ республики». Ничего отвлеченнаго и несбыточнаго въ его планахъ: они всегда реальны и практичны. О социальныхъ теоріяхъ онъ не заботится, какъ не думаетъ и о способахъ управленія идеальнымъ человѣкомъ; онъ руководитъ людьми, которые окружаютъ его, которыхъ онъ знаетъ, съ которыми живетъ. Ро-

²⁾ ROEDERER, *Oeuvres*, Paris, 1856, t. III. MIOT, *Mémoires*, t. I. MOREAU DE JONNÈS, *Aventures de guerre*, Paris, 1858, t. II. GARAT, p. 447.

дина для него не утопичное, космополитическое государство, а та Франция, воздухомъ которой онъ дышетъ, почву которой попираетъ его нога. Онъ говоритъ, какъ чувствуетъ, презирая риторовъ паравя съ софистами. Ни одной фразы, ничего заранее подготовленнаго въ его рѣчахъ: выраженія наворачиваются сами собой, образы рельефны; онъ то тривиаленъ, то грозенъ, то величественъ, но всегда бьетъ въ цѣль. Въ критическія минуты онъ выказываетъ замѣчательную силу ума, который ранѣе не находилъ себѣ примѣненія въ жизни и которому предстояло развернуться въ будущемъ. Вѣрность глаза у него изумительная, а также находчивость, умѣнье пользоваться обстоятельствами; его здравый смыслъ и горячность скорѣе повелѣваютъ, чѣмъ убѣждаютъ; его осторожность и благоразуміе уравновѣшиваютъ экзальтацію и, наконецъ, что всего важнѣе, у него есть умѣнье распознавать людей и управлять ими.

Полный воспоминаній о прежнихъ парижскихъ революціяхъ, онъ смотритъ на ту, въ которой дала ему мѣсто судьба, какъ на войну; онъ вноситъ въ нее стратегію войны, по примѣру великихъ мятежниковъ лиги и распущенныхъ маккиавелистовъ фронды. Но ему недостаетъ гармоніи способностей, умственной напряженности, непрерывнаго импульса воли, того постоянства въ способахъ и намѣреніяхъ, которое дается личнымъ и сосредоточеннымъ честолюбіемъ. Методическій трудъ изнуряетъ его; письменныя занятія раздражаютъ; онъ избѣгаетъ ихъ не только потому, что они могутъ компрометтировать, но и просто потому, что они его утомляютъ. Во время опасности, отвaga его безпредѣльна; въ будничномъ теченіи жизни онъ предается лѣни. Обдумываніе комбинацій, ухищренія, веденіе дѣлъ, канцелярскій трудъ истощаютъ этого трибуна, заставляющаго трепетать собранія. У него явится отвращеніе отъ крови и просековъ, страшное утомленіе отъ политической дѣятельности. Онъ станетъ колебаться, останавливаться и уклоняться именно въ ту минуту, когда требовался рѣшительный шагъ, и все это подъ вліяніемъ непобѣдимой потребности въ отдыхѣ, забвеніи, покоѣ и счастіи. Онъ волнуетъ толпу и оказываетъ на всѣхъ какое-то очаровывающее вліяніе. Но такъ какъ онъ мыслитъ только для того, чтобы дѣйствовать и дѣйствуетъ только по необходимости; такъ какъ онъ пренебрегаетъ общественнымъ мнѣніемъ и благовидными предлогами, такъ какъ онъ отдаетъ себя цѣликомъ каждому кризису и образъ дѣйствій его такъ же буренъ, какъ влекуція его событія, такъ какъ онъ не заботится о театральности и поклоненіи толпы, то ему приходится ждать всего отъ волны событій. И если нѣкоторые изъ его выраженій перешли къ потомству, то все-таки дѣло его было дѣломъ минуты. Не отличаясь ни импонирующею людямъ добродѣтелью, ни заставляющимъ подчиняться характеромъ, онъ въ то же

время не обладалъ ни лицемѣріемъ, способнымъ обмануть, ни фанатизмомъ, могущимъ ослѣпить. Наконецъ, его связывала зависимость отъ своей партіи. Демагоги доставили ему власть; онъ держится у этой власти только съ ними и благодаря имъ; союзъ съ ними онъ сохраняетъ только тѣмъ, что жертвуетъ умѣренными. Ему было желательно управлять страной посредствомъ дружныхъ усилій дѣлой Франціи, а на дѣлѣ приходилось довольствоваться поддержкой шайки изступленныхъ. Онъ зналъ, что если попытается бороться съ ними, то погубитъ и свое дѣло и себя самого. Не имѣя возможности дѣйствовать помимо ихъ, онъ безсиленъ и противодѣйствовать имъ. Онъ обреченъ оставаться съ ними и погибнуть отъ ихъ рукъ. Эти антепеды, парализовавшіе его министерскую дѣятельность, обезсиливали его въ теченіе всего его дальнѣйшаго поприща.

А между тѣмъ въ Исполнительномъ совѣтѣ онъ одинъ составляетъ все правительство. Онъ господствуетъ надъ своими товарищами, председательствуетъ, толкаетъ ихъ. Во внутреннихъ дѣлахъ Роланъ морализируетъ, а Дантонъ ставитъ на ноги весь народъ для національной обороны. Монжъ повинуется ему, и это самое лучшее изъ того, что онъ дѣлалъ. «Такъ хочешь Дантонъ»,—отвѣчаетъ ученый на всѣ возраженія: «если я не согласенъ, онъ велитъ меня повѣсить». Дантонъ воодушевляетъ и руководитъ Лебрена; въ военномъ министерствѣ онъ помощникъ Сервана. Всего менѣе онъ занимается своимъ собственнымъ вѣдомствомъ, т. е. министерствомъ юстиціи. Хаосъ, среди котораго онъ дѣйствуетъ, его родная стихія; онъ выпутывается изъ затрудненій и набирается новыхъ силъ. У него есть люди для всѣхъ постовъ, декреты—по всѣмъ вопросамъ. Товарищамъ остается только подписывать. Его руку можно узнать во всѣхъ попыткахъ дипломатическихъ переговоровъ, предпринятыхъ Исполнительнымъ совѣтомъ.

III.

Этотъ Совѣтъ понималъ необходимость ограниченія предѣловъ войны и сохраненія для Франціи дипломатическихъ сношеній съ нейтральными державами. Задача была нелегка. Революція 10-го августа естественнымъ образомъ прерывала миссію дипломатовъ, аккредитованныхъ при дворѣ Людовика XVI; захваты власти парижской коммуной дѣлали пребываніе въ Парижѣ нестерпимымъ и опаснымъ для тѣхъ изъ этихъ агентовъ, которыхъ пыталось удержать въ немъ министерство. Коммуна придиралась къ нимъ, раздражала и тревожила ихъ на всѣ лады, нарушая неприкосновенность ихъ помѣщеній, перехватывая ихъ депеши, даже приглашая ихъ для объясненій. Большинство изъ нихъ требовало паспортовъ и немедленно по

полученіи пускалось въ путь ¹⁾. Необходимо было прекратить эту панику, если хотѣли занять прежнее мѣсто въ Европѣ и заинтересовать хотя бы нѣкоторые государства въ спокойствіи Франціи. Дантонъ старался расположить къ себѣ агентовъ и завладѣть распоряженіемъ секретными фондами ²⁾. Онъ вступилъ въ переговоры съ пріятелемъ своимъ Геро де-Сешелемъ, который по своему воспитанію, связямъ и манерамъ какъ нельзя болѣе подходилъ къ роли посредника между демократическимъ правительствомъ и дипломатами старого порядка. Сверхъ того, онъ нашелъ замѣчательно способнаго совѣтника въ лицѣ Талейрана.

По полученіи извѣстій о событіи 20 іюня, Талейранъ выѣхалъ изъ Лондона, найдя свое пребываніе тамъ совершенно бесполезнымъ. Теперь онъ желалъ вернуться въ Англію, не потому, что надѣялся на болѣе успѣшные переговоры, но для того, чтобы получить возможность уѣхать изъ Франціи въ видахъ личной безопасности и сохраненія состоянія, которому грозила бы конфискація въ случаѣ недозволеннаго отъѣзда. Онъ встрѣтилъ Дантона въ управленіи парижскаго департамента, гдѣ они одно время оба служили ³⁾. Эти люди не могли не оцѣнить другъ друга. Талейранъ далъ, такъ сказать, залогъ республиканской партіи: онъ редактировалъ циркуляръ, долженствовавшій разъяснить Европѣ революцію 10-го августа.

Въ то же время для успокоенія народовъ и для того, чтобы заручиться сочувствіемъ наиболѣе благородныхъ и великодушныхъ европейскихъ умовъ, Собраніе, по предложенію Гюаде, подтвердило «чувства всемірнаго братства, дорогія для народа, провозгласившаго свое отреченіе отъ какихъ бы то ни было завоеваній и желаніе братскаго отношенія ко всѣмъ народамъ»; Собраніе даровало титулъ французскихъ гражданъ достойнѣйшимъ людямъ различныхъ національностей: англичанамъ Пристлею, Пэну, Вильберфорсу, Бентаму, Давиду Вилліаму; итальянцу Горани; нѣмцамъ Клооцу, Кампе, Клопштоку, Шиллеру; швейцарцу Несталоцци; американцу Вашингтону и поляку Костюшкѣ ⁴⁾.

Лебрёнъ прочиталъ 23 августа Собранію краткое изложеніе внѣшнихъ отношеній Франціи. Онъ выказалъ при этомъ нѣкоторый оптимизмъ, утверждая, что положеніе вещей не измѣнилось со времени отчета, предста-

¹⁾ Masson, *Le ministère des affaires étrangères pendant la révolution*. Goveknor Morris.

²⁾ Отъ 27-го августа до 27-го сентября имъ взято означенныхъ фондовъ 148000 ливровъ. Masson, p. 262.

³⁾ Талейранъ былъ выбранъ въ парижскій департаментскій совѣтъ 18-го января, Дантонъ—31-го января 1791 г. Scharavay, *L'assemblée électorale de Paris en 1790 et 1791*. Paris, 1890, p. 387 et 430.

⁴⁾ Декретъ 26 августа 1792 г.

вленнаго его предшественникомъ Шамбонна, 10 іюля. Онъ рассчитывалъ на «безусловный» нейтралитетъ Даніи, на «симпатическій» нейтралитетъ Швеціи и «строгій» нейтралитетъ Англіи и Голландіи. О Швейцаріи не говорилось ни слова. Россію докладчикъ нашелъ не столько опасною, сколько недоброжелательною; итальянскіе дворы, по его мнѣнію, желали, но не были въ состояніи повредить; имперія выказывала нерѣшительность. О Турціи, на поддержку которой онъ рассчитывалъ, онъ не сказалъ ничего, какъ не упомянулъ и объ Испаніи, грозившей разрывомъ.

Лебрёнъ держался политическихъ взглядовъ Дюмуре, ловко приспособляя ихъ къ новымъ обстоятельствамъ. Онъ переписывался со своимъ бывшимъ начальникомъ, сохранивъ съ нимъ дружескія отношенія. Въ письмахъ своихъ онъ былъ почтителенъ; Дюмуре отвѣчалъ въ фамиллярномъ тонѣ и называлъ министра «кумомъ». За неизмѣнимъ насущныхъ комбинацій, Лебрёнъ искалъ ихъ въ будущемъ и, вынужденный довольствоваться обходными движеніями, задумывалъ обширные планы. Онъ лелѣялъ мечту склонить на свою сторону Швецію: эта держава привыкла къ роли наемницы. Франція могла бы приобрести за плату ея флотъ. Швеции пришлось бы болѣе не удовольствіи Россіи. Франція предотвратила бы его, заставивъ Екатерину заняться турками. Планъ такой классической диверсіи принадлежалъ Дюмуре. Выполнить его долженъ былъ Семонвилль. Этотъ посланникъ все еще ожидалъ приказа объ отъѣздѣ. Дюмуре торопилъ по этому поводу Лебрёна; онъ требовалъ также, чтобы тулонская эскадра была готова для отплытія въ Крымъ въ видахъ морской демонстраціи, чтобы въ Венгрію посланы были эмиссары и чтобы не ищали издержекъ, которыя дали бы возможность Семонвиллю выказать царскую щедрость. «Двадцати милліоновъ не было бы много, если бы была возможность дать ихъ», говорилъ Дюмуре. Онъ не ограничивался поощреніемъ турокъ и возбужденіемъ венгерцевъ, но хотѣлъ революціонировать и швейцарскіе кантоны, въ видахъ угожденія парижскимъ горячимъ головамъ. «Выработайте», писалъ онъ Лебрёну, «революціонный планъ совмѣстнаго дѣйствія бернскихъ подданныхъ и аллоброговъ, базельцевъ и эльзасцевъ, грюэрцевъ и неукротимыхъ жителей Юрекихъ горъ». Онъ совѣтовалъ утѣшить Женеву, обласкать Граубинденъ, такъ какъ послѣдній лежитъ на пути въ Италію, и пощадить Нефшатель—изъ уваженія къ прусскому королю. Дюмуре убѣждалъ Лебрёна послать въ Швейцарію «рьяныхъ революціонныхъ эмиссаровъ съ простою и энергическою рѣчью» и совѣтовалъ этому министру «поощрять и укрѣплять гельветическій клубъ, основанный въ Парижѣ». Это значило—ставить на карту нейтралитетъ Швейцаріи; но ему и не придавали значенія въ Парижѣ. Иное дѣло нейтралитетъ Англіи.

Невмѣстательство Англіи составляло одну изъ главныхъ статей системы

Дюмурье. Оно было также предметом непосредственных и личных видень Дантона. По этому же пункту Талейранъ могъ всего болѣе просвѣтить своихъ новыхъ начальниковъ и оказать имъ услугу. «10-е августа, — говорилъ онъ, — необходимо должно было измѣнить наше положеніе: оно можетъ быть спасло независимость и свободу Франціи, или, по крайней мѣрѣ, устранило и наказало предателей, но оно и парализовало насъ. Съ этой минуты невозможно ручаться за событія; слѣдуетъ дѣйствовать на новыхъ началахъ или, скорѣе, воздерживаясь отъ дѣйствія, ограничиваться наблюденіемъ и предотвращеніемъ ударовъ, которые могли бы быть нанесены со стороны Англіи». Удары, дѣйствительно, могли внушать опасенія. Британское министерство приказало 17 августа лорду Гоуэру требовать паспортовъ и извѣстить французское правительство, «что если король рѣшилъ держаться принципа невмѣшательства во все, что касается внутренняго управленія Франціей», то Англія не видитъ нарушенія такого нейтралитета въ выраженіи своего участія къ французской королевской фамилии и надѣется, что эта фамилія будетъ ограждена отъ всякаго насилія, «которое неизбѣжно вызвало бы чувство всеобщаго негодованія во всѣхъ европейскихъ государствахъ». Шовеленъ, несмотря на свое изолированное и неблагоприятное положеніе въ Лондонѣ, а также и на свое занесиванье у парижскихъ якобинцевъ, не могъ не замѣтить настроенія англійскаго правительства и не нашелъ возможнымъ умолчать о немъ Исполнительному совѣту. «Не могу скрыть отъ васъ, — писалъ онъ Лебрёну 31 августа, — что личное положеніе короля внушаетъ большое участіе, и я не боюсь утверждать, что друзья свободы всѣхъ странъ съ негодованіемъ узнали бы о бесполезномъ покушеніи на его жизнь, которое опозорило бы великое и прекрасное дѣло». Лебрёнъ нашелъ умѣстнымъ, при объясненіи событія 10 августа и приглашеніи признать временное правительство, напомнить англичанамъ о прецедентахъ 1648 г., а также и объ отношеніяхъ, существовавшихъ между Кромвелемъ и Мазареномъ. Шовеленъ указалъ, по этому поводу, что имя Кромвеля внушаетъ отвращеніе англичанамъ, что напоминаніе о революціи 1648 г. было бы крайне непріятно для всѣхъ и что въ Англіи ежегодно справляютъ день искупленія смерти Карла I. Никогда еще Шовеленъ не былъ такъ близокъ къ истинѣ. Онъ прибавлялъ, что лондонскій кабинетъ откажется признавать дѣйствительность полномочій какого бы то ни были французскаго агента.

Исполнительный совѣтъ рѣшилъ отозвать Шовелена; но Дантонъ и Лебрёнъ настаивали на продолженіи переговоровъ. Дантонъ рассчитывалъ на дружественныя связи, которыя ему удалось завязать съ нѣсколькими англійскими дипломатами. Лебрёнъ возлагалъ большія надежды на публициста Мильса, который называлъ себя его другомъ, желалъ сближенія обо-

ихъ государствъ и обѣщалъ свести съ Питтомъ дипломатическаго агента, который будетъ присланъ для замѣщенія Шовелена. Лебрёнъ предложилъ для этой миссіи Ноэля, старшаго секретаря второго политическаго отдѣла, завѣдывавшаго сношеніями съ Германіей. Ноэль долженъ былъ устроить въ Англіи заемъ въ 3 или 4 милліона фунтовъ стерлинговъ; взамѣнъ этого Англіи уступленъ былъ бы Табаго и послѣдовало бы возобновленіе торговаго договора 1786 г., наконецъ, онъ долженъ былъ провести мысль о совмѣстномъ дѣйствіи въ видахъ открытія для торговли обѣихъ странъ испанскихъ колоній въ Южной Америкѣ. Такою цѣною вознаградила бы Франція англійскій нейтралитетъ. Англія обезпечила бы себѣ спокойствіе въ Ирландіи. Что касается Голландіи, то Ноэль долженъ былъ успокоить англичанъ завѣщеніемъ, что Франція не станетъ оказывать никакой поддержки революціонной партіи этой республики. Сверхъ того, новому агенту вмѣнялось въ обязанность не поощрять явнымъ образомъ рвенія англійскихъ демократическихъ обществъ, въ особенности же *Общества друзей народа*, и остерегаться ошибокъ, дискредитировавшихъ французское посольство при Шовеленѣ; но въ частныхъ разговорахъ и путемъ распространяемыхъ имъ печатныхъ листовъ онъ долженъ былъ оправдывать 10-е августа, указывая на заговоры, сдѣлавшіе необходимымъ отрѣшеніе короля.

Оставалось узнать, будутъ ли терпѣть Ноэля въ Лондонѣ, примутъ ли его министры и можетъ ли онъ надѣяться на официальное положеніе, хотя бы черезъ нѣкоторое время. Для собиранія этихъ справокъ и для подготовленія успѣха миссіи, Совѣтъ увеличилъ число эмиссаровъ. Къ Ноэлю присоединенъ былъ Бенуа, котораго посылалъ ранѣе въ Пруссію Дюмурье; Рейнгардтъ и Сципюнъ Мурнь остались въ посольствѣ. Шовелену также разрѣшено было остаться. Итальянецъ Горани, плодовитый публицистъ и ревностный космополитъ, самъ предложилъ свои услуги. Ему вручили большую сумму денегъ; онъ умѣлъ завязывать связи и обладалъ мѣткостью наблюденія. Наконецъ и Талейранъ снова отправился въ Лондонъ 8 сентября. Онъ намѣревался отплатить за эту милость добрыми совѣтами и провести, по возможности, планъ освобожденія испанскихъ колоній, очерченный Дюмурье, но обдуманый и разработанный имъ самимъ. Возраставшая враждебность Испаніи склоняла Совѣтъ въ пользу такого образа дѣйствій; обстоятельства были, повидимому, благопріятны, и человекъ, казавшійся способнымъ для выполненія этого плана, самъ предложилъ свои услуги Франціи.

Французская революція отозвалась и на Южной Америкѣ, и пробужденное сѣверо-американской войной чувство независимости въ средѣ креоловъ ожило вновь. Эти креолы возлагали большія надежды на Англію;

они думали, что все может быть достигнуто соединенными силами Франции и Англии. Такого мнѣнія держался и наиболѣе пылкій и замѣчательный изъ нихъ Франческо Миранда ⁵⁾. Это былъ патріотъ и энтузіастъ, увѣренный поклонникъ Франціи и революціи. Послѣ напрасныхъ усилій увлечь Питта, онъ пріѣхалъ въ Парижъ проповѣдывать американскій крестовый походъ. Онъ зналъ всѣ европейскіе языки, посѣтилъ всѣ европейскія столицы, бесѣдовалъ со всѣми государственными людьми и предводителями партій; Шериданъ, Фоксъ, Пристлей были его друзьями; онъ представлялся даже императрицѣ Екатеринѣ. Въ Парижѣ онъ примкнулъ къ партіи Бриссо, благодаря которому онъ получилъ генеральскій чинъ въ августѣ 1792 г. Въ Дюмурье, подъ начальствомъ котораго онъ служилъ, Миранда нашелъ человѣка, склоннаго выслушать его планъ освобожденія Южной Америки и даже поддержать это дѣло. Исполнительный совѣтъ увидѣлъ въ этой комбинаціи «приманку», способную заставить англичанъ рѣшиться воевать съ Испаніей и такимъ образомъ отвратить опасность, грозившую Франціи. Лебрёнъ написалъ объ этомъ Шовелену 14 сентября. «До свѣдѣнія нашего дошло, — прибавлялъ онъ, — что жители Луизианы желаютъ избавиться отъ испанскаго ига. Англіи тѣмъ болѣе удобно воспользоваться настоящимъ моментомъ для этого завоеванія, что Испанія предоставлена исключительно собственнымъ силамъ и не можетъ рассчитывать на нашу помощь». Ноэлю поручено было пропагандировать этотъ взглядъ въ средѣ англійской публики. Можно было, по меньшей мѣрѣ, надѣяться, что Испанія испугается и прекратитъ свои вооруженія противъ Франціи, чтобы заняться лучшимъ огражденіемъ безопасности своихъ колоній.

Тѣмъ временемъ имперія рѣшилась на разрывъ. Кальяръ, французскій посланникъ, аккредитованный при германскомъ сеймѣ, по не принятой имъ, извѣстивъ объ этомъ Лебрана 16-го сентября. Онъ прибавлялъ: «Приведеніе въ исполненіе этого рѣшенія будетъ сопровождаться неизбежными замедленіями. По основательномъ разсмотрѣніи настоящаго положенія, могу утверждать, что имперія не въ состояніи потревожить Францію ранѣе конца этого года». Ловкая политика могла оттянуть исполненіе этого рѣшенія и на болѣе продолжительный срокъ. Нѣкоторые политики надѣялись вызвать расколъ въ средѣ коалиціи еще ранѣе собранія войскъ и отдѣлить отъ нея вмѣстѣ съ Пруссіей большую часть германскаго союза. Первоначальные шаги могли быть сдѣланы въ самомъ Парижѣ, въ сферѣ посольства. Агентъ, временно завѣдывавшій дѣлами французской миссіи въ Цвейбрюккенѣ, Депортъ, человѣкъ довольно сумасбродный и спѣшившій отличиться, увѣрялъ,

⁵⁾ ARISTIDE ROJAS, *Miranda dans la Révolution française*, CARACAS, 1889. Гервинусъ, *Исторія девятнадцатаго столѣтія*.

что имѣетъ возможность начать тайные переговоры съ Пруссіей. «Мы восхваляли вашъ умъ и вашъ патріотизмъ, — писалъ онъ 3-го сентября Леброну. — Вамъ предстоитъ случай блестящимъ образомъ проявить и то и другое, покрывъ себя неуязвимой славой, приковавъ къ ногамъ Франціи самаго опаснаго изъ ея враговъ». Герцогъ Брауншвейгскій разочаровался. «Этотъ герой никогда не любилъ Австрію». Въ его глазахъ Франція — истинная союзница Пруссіи. Надежды на Пруссію раздѣлялись всѣми тѣми представителями партіи революціи, которые считали себя свѣдущими въ европейскихъ дѣлахъ и отношеніяхъ. Эти надежды пережили пильницкую декларацию, союзъ съ Австріей, манифестъ герцога Брауншвейгскаго и самое нашествіе. Въ письмѣ къ Собранію, 12-го августа, прусскій баронъ Анахарсисъ Клоотцъ клеймилъ «сателлитовъ бранденбургскаго Сарданапала»; но тотчасъ вслѣдъ за этими словами прибавлялъ: «Всѣ просвѣщенные пруссаки раздѣляютъ чувства принца Генриха, генераловъ: Меллендорфа, Калькрейта и Шлиффена. Мнѣнія министра Герцберга колебались вначалѣ, но теперь рѣшительно благоприятны Франціи. Берлинъ и Парижъ вполне единодушны въ своей ненависти къ лотарингскимъ тиранамъ».

Всѣ досужіе эмиссары Франціи и Германіи, интриганы не у дѣлъ, ищущіе занятій публицисты, проголодавшіеся ищущіе, газетные корреспонденты, второстепенные агенты, посвященные въ тайныя дѣла Людовика XV или Фридриха, весь этотъ людъ выступилъ, преисполненный жажды славы и наживы, содѣйствовать возстановленію добрыхъ отношеній между Парижемъ и Берлиномъ, во имя блага всего человѣчества, пользы всѣхъ просвѣщенныхъ людей, возможно большаго распространенія просвѣщенія, а равно и ради расширенія прусскаго могущества, — двухъ вещей, которыя были всегда нераздѣльны въ предложеніяхъ этихъ эмпириковъ. Знаменательной чертой всѣхъ плановъ, строившихся съ цѣлью установленія мира въ Германіи, было требованіе расширенія Пруссіи. «Ваше величество не должны терять изъ вида Богемію, Моравію и три силезскихъ княжества, еще остающихся въ рукахъ австрійскаго дома. Эти государства пригодны для вашего величества. Они будутъ принадлежать вамъ, какъ только вы этого пожелаете». Такъ разсуждалъ парижскій *Мониторъ*. Въ той же газетѣ прославляли германскую лигу, какъ «дивный планъ, которымъ никогда не долженъ пренебрегать прусскій король».

Пруссскій резидентъ въ Кельнѣ, Домъ, повидимому держалъ въ своихъ рукахъ большую часть питей этихъ происковъ. Это былъ старый знакомый Лебрана. Публицистъ, завербованный нѣкогда на службу дипломатіи Фридриха Великаго, Домъ принадлежалъ къ числу «просвѣщенныхъ пруссаковъ», что не мѣшало ему быть въ то же время и весьма ловкимъ человекомъ. Онъ принималъ дѣятельное участіе въ дѣлахъ *Конфедерации*

государей, былъ другомъ маіора Мовильона, знавалъ Мирабо, обладалъ умомъ, подвижностью, умѣлъ сыпать фразами, былъ однимъ изъ застрѣльщиковъ штатгалтерской реакціи противъ французской партіи въ Голландіи, бельгійской революціи противъ австрійской партіи и лютихской революціи противъ князя-епископа. Въ теоріи онъ горячо стоялъ за *права человека*, на практикѣ былъ ревнителемъ прусскихъ притязаній; онъ былъ изъ тѣхъ людей, кому слѣпо должны были довѣрять французы—послѣдователи Фавье, ради общей ненависти къ Австріи. Онъ увлекалъ ихъ своими воззрѣніями, бралъ на себя открыть имъ тайные ходы прусскаго канцлерства, подавалъ имъ идеи и при ихъ помощи проводилъ тѣ, которыя клонились къ выгодѣ его господина.

Изъ этой-то лабораторіи исходила, по всей вѣроятности, записка, адресованная Лебрену 15 сентября пѣмцемъ, «другомъ Франціи». «Слѣдуетъ», писалъ этотъ лукавый совѣтникъ, «возобновить переговоры маршала Бели Иля съ Фридрихомъ II; они рѣшили и обсудили разореніе Австріи въ пользу Пруссіи, они дали себѣ слово нанести ей послѣдній и рѣшительный ударъ и доказать Пруссіи, что она никогда не достигнетъ преобладанія и господства въ Германіи помимо разоренія Австріи при содѣйствіи французовъ». Далѣе въ замѣткѣ напоминали Лебрену еще болѣе старинный замыселъ отца Фридриха II, Фридриха-Вильгельма. «Планъ этотъ заключается въ томъ, чтобы сдѣлаться не императоромъ, а королемъ Германіи до береговъ Рейна, предоставивъ Франціи овладѣть всѣми владѣніями другого берега»... Эта замѣтка, быть можетъ, свидѣтельствовала о сомнительномъ историческомъ смыслѣ своего автора, но, по крайней мѣрѣ, въ ней выказывалась забота о французскихъ интересахъ. Остальные составители проектовъ довольствовались тѣмъ, что предоставляли Франціи одни философскія размышленія. Таковъ, напримѣръ, проектъ союза, озаглавленный: «*Вопросъ, подлежащій рѣшенію Совѣта*». Проектъ разбитъ на три отдѣла. Въ первомъ трактуется о Франціи: король прусскій торжественно признаетъ верховную власть французскаго народа и раскаивается въ томъ, что несправедливо напалъ на него; во второмъ рѣчь идетъ о благодѣяніи: Франція и Пруссія признаютъ и будутъ отстаивать общими силами независимость Брабанта; въ третьемъ и наиболѣе существенномъ говорится о Пруссіи: «Франція должна отказаться отъ какихъ-либо притязаній на провинціи, принадлежащія австрійскому дому, которыя, будучи необходимы для прусскаго короля, должны быть завоеваны соединенными военными силами Пруссіи и Франціи, твердо держащейся принципа отреченія отъ завоеваній». Эти документы составляютъ звено между извращенной традиціей прежней королевской политики и обманчивой традиціей національной политики, которая пыталась выйти изъ нѣдръ революціи. По

странному атактистическому явленію, республика готовилась усвоить себѣ и раздуть наслѣдственное соперничество между Бурбонами и Австрійскимъ домомъ.

Австрія сдѣлала нѣкоторыя записки о попыткахъ или, точнѣе говоря, близкіе ея двору люди позондировали почву для переговоровъ. Эти попытки повторялись неоднократно въ разное время; онѣ всегда были неловки, мимоцѣльны и неудачны. Прежде всего ихъ предприняла Тоскана. Великій герцогъ Фердинандъ былъ умнымъ человекомъ: принципы революціи не пугали его, но онъ сильно опасался революціонной войны въ Италіи. Онъ желалъ сохранить за своими подданными и за торговлею города Ливорно выгоды нейтральнаго положенія. Старый наставникъ его, сдѣлавшійся главнымъ совѣтникомъ, Манфредини, прозванный за свои смѣлыя сужденія, образованность и склонность къ философіи «добродѣтельнымъ», поддерживалъ своего государя въ такомъ настроеніи. Ему удалось склонить къ такому воззрѣнію и сенатора Серристоріи, завѣдывавшаго внѣшними дѣлами великаго герцогства. Роль примирителя улыбалась Манфредини. Этотъ итальянецъ охотно поставилъ бы себѣ за честь сохраненіе мира и соединялъ вмѣстѣ съ искреннимъ доброжелательствомъ къ Франціи дѣйствительное благородство души. Его знали въ Парижѣ и насколько возможно старались сохранить его расположеніе.

«Одинъ изъ предметовъ вашей миссіи», писалъ министръ послѣднему агенту, посланному изъ Флоренціи, «должно быть пріобрѣтеніе тайнаго посредника, на вліяніе и правила котораго можно было бы положиться въ томъ случаѣ, если бы пришлось принять или сдѣлать какое-нибудь заявленіе». Послѣ 20 августа, Тоскана оставила въ Парижѣ повѣреннаго въ дѣлахъ. Франція, съ своей стороны, сохранила во Флоренціи своего дипломатическаго агента, нѣкоего Ла-Флотта. Манфредини неоднократно намекалъ ему на желаніе своего государя содѣйствовать возстановленію мира. Эти намеки были сдѣланы и до низложенія Людовика XVI и послѣ. Ла-Флоттъ извѣстилъ объ этомъ Лебрена, который однако не нашелъ нужнымъ обратить на это обстоятельство особое вниманіе. Онъ отвѣтилъ Ла-Флотту 4 сентября, что не вѣритъ миролюбію Австріи, а вышеуказанныя заявленія считаетъ лицемерными и клонящимися къ выгодамъ Людовика XVI и монархіи. Франція не дастъ ввести себя въ обманъ. «Французскій народъ желаетъ войны, потому что желаетъ свободы». Передайте г. Манфредини, что «французская нація не пойдетъ ни на какую сдѣлку, клонящую къ ограниченію ея независимости»... Лебренъ указывалъ, что исходъ столкновенія рѣшается теперь войной. «Она объявлена и Парижѣ уже испытываетъ ея отраженное дѣйствіе.

IV.

Предстояло замѣстить Лафайета въ Сѣверной арміи. 18 августа Совѣтъ сообщилъ Собранію, что выборъ его палъ на Дюмуре ¹⁾. Выборъ этотъ дѣлалъ честь комитету; онъ свидѣтельствовалъ также и о величіи души Сервана, котораго Дюмуре уволилъ за два мѣсяца передъ тѣмъ, и о смѣлости Дантона, такъ какъ Дюмуре не считали революціонеромъ. Дантонъ находилъ его самымъ находчивымъ и отважнымъ изъ французскихъ генераловъ. Онъ выбралъ его, но не подарилъ своимъ довѣріемъ. Впрочемъ Собраніе приняло мѣры предосторожности. 10 августа оно уполномочило двѣнадцать изъ своихъ членовъ отправиться въ качествѣ комиссаровъ во всѣ четыре арміи, стоявшія на границѣ. Они должны были сообщать о событіяхъ, возбуждать въ войскахъ готовность защищать революцію и отечество. Имъ предоставлено было право временнаго увольненія генераловъ. Одинъ изъ побѣдителей 10 августа, эльзасецъ Вестерманъ, взялся наблюдать за Дюмуре. То былъ солдатъ-рубака, интриганъ по склонности, сварливый человекъ по темпераменту. Ему весьма желательно было вмѣшаться въ политическія дѣла и сблизиться съ Дантономъ; Петіонъ оказывалъ ему покровительство, и его послали къ новому главнокомандующему.

Дюмуре расположенъ былъ къ проявленію самыхъ яркихъ республиканскихъ чувствъ. Искренность его всегда отличалась подвижностью, энтузіазмъ былъ у него гибокъ и экспансивенъ. Когда 18 августа трое комиссаровъ, назначенныхъ къ нему въ армію, Бельгардъ, Дюбуа и Дельма прибыли въ его мульдскій лагерь, онъ встрѣтилъ ихъ съ воинскими почестями. Декретъ, которымъ онъ назначался главнокомандующимъ, привѣтствовали возгласами: «Да здравствуетъ свобода! Да здравствуетъ Собраніе!» Дюмуре присягалъ передъ комиссарами и написалъ патетическое письмо президенту Собранія. Два дня спустя онъ извѣщалъ Сервана, что всѣ его генералы—санкюлоты. «Который изъ нихъ,—спрашивалъ онъ,—окажется достаточно дерзкимъ, чтобы сыграть роль Лафайета или Булье?» Онъ клеймилъ поведеніе Лафайета и называлъ его *маленькимъ Силлой*.

Возвышеніе Дюмуре утвердило въ немъ намѣреніе вернуться къ плану вторженія въ Бельгію. Это былъ главный замыселъ его министерства и пружина всей его политики. «Такимъ же образомъ,—говорилъ онъ въ своемъ письмѣ Собранію,—и римскій народъ переносилъ свои войска въ Африку въ ту минуту, когда Аннибалъ подступалъ къ воротамъ Рима».

¹⁾ AULARD, Recueil des actes du Comité de salut public, avec la correspondance des représentants en mission et le registre du conseil exécutif provisoire, t. I, août, 1792, 21 janv. 1793. Paris, 1889.

Онъ находилъ, что наступательный образъ дѣйствія есть единственное средство увлечь армію, еще не увѣренную въ своихъ силахъ, плохо довѣряющую своимъ командирамъ и малонискусную въ военномъ дѣлѣ. Въ смѣлость герцога Брауншвейгскаго онъ не вѣрилъ; онъ ждалъ отъ этого генерала только осады, а Парижу, по его мнѣнію, еще не грозила серьезная опасность. Напротивъ того, Серванъ полагалъ, что при существовавшемъ настроеніи умовъ во Франціи, и въ особенности въ Парижѣ, необходимо было успокоить общественное мнѣніе и что лихорадочное возбужденіе, господствовавшее въ странѣ, было весьма неудобно для наступательной войны. Прежде всего необходимо было не допустить непріятеля во Францію. Въ виду этого, Серванъ пригласилъ 22 августа Дюмуре согласовать свои военныя операціи съ движеніями войскъ Келлермана, только что замѣнившаго Люкнера въ менской арміи. Серванъ былъ правъ: въ этомъ случаѣ требованія политики совпадали съ военными интересами.

24 августа въ Парижѣ получено было извѣстіе о блокадѣ Лонгви. Эта тревога разожгла раздоры партій. Жирондисты желали удалить резиденцію правительства изъ Парижа. Они полагали, что революціей можно управлять при помощи провинцій. Но Дантонъ могъ руководить ею только изъ Парижа. Онъ заставилъ принять рѣшеніе, что правительство останется въ столицѣ. Съ этой мнѣнью и во что бы то ни стало необходимо было оградить Парижъ. Серванъ посылаетъ Дюмуре одно письмо за другимъ. Онъ настаиваетъ на томъ, чтобы Дюмуре шелъ къ Седану. «При томъ положеніи, въ которомъ мы находимся... слѣдуетъ, главнымъ образомъ, помѣшать непріятелю дойти до Парижа». Завоеваніе Бельгіи будетъ возможно и зимой; въ настоящую минуту оно было бы пагубнымъ. «Такого мое мнѣніе; его раздѣляютъ и Совѣтъ, и общественное мнѣніе». 26 августа получено было извѣстіе о капитуляціи Лонгви. Собраніе клянется не покидать своего поста до той минуты, когда соберется Конвентъ. «Вы, конечно, удивляетесь,—пишетъ Серванъ Дюмуре отъ 27-го,—что я ежедневно посылаю вамъ особаго гонца и повторяю постоянно одно и то же, а, главное, противорѣчу самымъ горячимъ желаніямъ вашимъ... Но вѣрьте, что я настаиваю исключительно ради спасенія государства и вашей собственной славы, которая тѣсно связана съ предписываемыми мною мѣрами».

Тревога росла. Коммуна зорко слѣдила за министерствомъ, подстерегая его ослабленіе и надѣясь его замѣнить. Дантонъ былъ не изъ тѣхъ, кто уступаетъ. Онъ держался того высказаннаго великимъ политикомъ мнѣнія, что «въ революціяхъ, настолько крупныхъ, чтобы держать въ тревогѣ умы, тѣ, кто стоитъ во главѣ, всегда одобряются, лишь бы успѣхъ былъ на ихъ сторонѣ» ²⁾. «10-е августа,—говорилъ онъ своимъ товарищамъ по

²⁾ *Mémoires de Retz*, 1652, по поводу замысловъ относительно Парижа.

о вѣту.—раздѣлило Францію на двѣ партіи, изъ которыхъ одна предана монархіи, а другая желаетъ республики... Эта послѣдняя, малочисленность которой въ государствѣ вамъ извѣстна, есть единственная, на поддержку которой вы можете рассчитывать для борьбы»... «Франція—въ Парижѣ... Въ Парижѣ слѣдуетъ держаться всѣми способами... Я нахожу, что для того, чтобы остановить непріятеля и разстроить замыслы роялистовъ, ихъ надо утратить». И нѣсколько дней спустя онъ повторилъ: «Мы можемъ управлять единственно путемъ утраты»³⁾.

Коммуна именно этого и требовала⁴⁾, Дантонъ опередилъ ее. Онъ слѣлалъ распоряженіе объ обыскахъ и арестахъ подозрительныхъ лицъ. Собраніе издало декретъ о конфискаціи имущества виновниковъ гражданской войны, о водвореніи родственниковъ и дѣтей эмигрантовъ, объ изгнаніи неприсягнувшихъ священниковъ. Дантонъ думалъ такимъ путемъ предвосхитить дѣйствія парижской коммуны. Онъ ошибся. Коммуна воспользовалась декретами и ускорила ихъ примѣненіе. Правительство наполнило тюрьмы заключенными. Тогда коммуна приступила къ дѣйствию⁵⁾. Ей было хорошо извѣстно, что правительство не будетъ ее стѣснять. Идея массоваго избіенія возникаетъ не только въ умахъ фанатиковъ-анархистовъ и у подонковъ парижской черни, но и въ средѣ самаго Собранія. 26 августа Жанъ Дебри предложилъ съ трибуны организовать двѣнадцатитысячный корпусъ волонтеровъ, который долженъ былъ бы нападать на тирановъ и на ихъ генераловъ. Верно удалось отсрочить эту кровавую мѣру. Тѣмъ не менѣе предложеніе Дебри остается знаменіемъ времени.

³⁾ Ровикет, *Procès des Dantonistes*, Ségur, *Mémoires*.

⁴⁾ Одинъ продажный пасквилянтъ временъ Фронды, нѣкій Монтандре, даетъ подобныя же совѣты принцу Конде въ 1652 г. «Слѣдуетъ укрѣпить ту партію, на сторонѣ которой справедливость... при помощи возстанія и общаго бунта въ Парижѣ. Намъ разсудить желѣзо. Кто окажется сильнѣе, тотъ и будетъ правъ... Устроимъ рѣзню нашимъ противникамъ, не щадя ни великихъ ни малыхъ, ни молодыхъ, ни старыхъ, ни самцовъ, ни самокъ... Встретимъ всѣ кварталы, протянемъ цѣпи, построимъ баррикады, пусть гуляетъ мечъ по вѣтру; будемъ разорять, разбивать, принесемъ въ жертву все, что не осѣнитъ себя крестомъ, какъ звѣкомъ партіи свободы... Не успѣетъ двинуться Парижъ, какъ за нимъ взволнуется вся Франція»... Результатомъ этихъ совѣтовъ была рѣзня въ парижской ратушѣ, имѣвшая цѣлью, по мнѣнію Конде, утратить и подчинить Парижъ. SAINT-AULAIRE, *Histoire de la Fronde*, Paris, 1857.—CHÉRUVEL, *Histoire de France sous le ministère de Mazarin*, Paris, 1879.

⁵⁾ Способъ классическій: наполнять тюрьмы, чтобы затѣмъ очищать ихъ рѣзней. Сравни. у Миснелет, *Histoire de France*, liv. IX, ch. II, исторію рѣзни Арманьяковъ въ 1418 г. съ рѣзней на югѣ Франціи въ 1815 г.; ERNEST DAUDET, *la Terreur blanche*, 1878; DUVERGIER DE HAURANNE, *Histoire parlementaire*, t. I; M-me DE RÉMUSAT, *Lettres*, t. I.

Каждое пораженіе на границѣ, каждый успѣхъ непріятеля подастъ поводъ къ новому взрыву бѣшенства. Вотъ почему временное правительство придавало такое значеніе прегражденію пути иностранному нашествію.

Дюмуре понялъ наконецъ въ чемъ дѣло: прибывшій въ мульдскій лагерь въ ночь съ 24 на 25-е Вестерманъ объявилъ ему о капитуляціи Лонгви. Онъ рѣшилъ ѣхать въ Седанъ на почтовыхъ, взявъ съ собою только Вестермана и слугу. Въ Седанѣ, куда онъ прибылъ 24 числа вечеромъ, войска встрѣтили его ропотомъ. Его назначеніе приписывали интригѣ. Онъ показалъ, что способенъ и достоинъ своего высокаго поста. Смѣло обходилъ онъ ряды солдатъ, давалъ отпоръ непокорнымъ и своею твердою рѣчью вернулъ себѣ довѣріе войскъ. Но это, не знавшее дисциплины, войско неспособно было, по его мнѣнію, выдержать натискъ пруссаковъ, и наблюденія, сдѣланныя имъ въ Седанѣ, еще болѣе укрѣпили въ немъ намѣреніе вернуться къ плану наступательныхъ дѣйствій въ сторону Бельгіи. Тѣмъ не менѣе ему необходимо было прикрытіе, и онъ созвалъ военный совѣтъ. Генералы поддались на его доводы и высказались въ пользу диверсіи. «Армія,—писалъ онъ Сервану,—находится въ самомъ плачевномъ состояніи. Если мы отступимъ, боюсь, чтобы она не разбѣжалась; если же двинемся впередъ, какъ она, повидимому, желаетъ, то будемъ побиты самымъ несомнѣннымъ образомъ... У насъ нѣтъ ни мундировъ, ни обуви, ни шапокъ... Въ ружьяхъ большой недостатокъ. Будьте увѣрены, что мы не въ состояніи вести оборонительную войну... Ничего не остается кромѣ рѣшительнаго шага, который удивилъ бы и смутилъ непріятеля... Пошлите подкрѣпленіе Келлерману въ его мецкскій лагерь, направьте значительныя силы къ Шалону и ждите нашихъ успѣховъ въ Бельгіи. Невозможно сомнѣваться въ томъ, что австрійцы бросятъ пруссаковъ, чтобы присоединиться къ намъ, а когда это совершится, пруссаки не въ силахъ будутъ двинуться одни»⁶⁾.

Дюмуре уѣхалъ въ Базейль, куда прибылъ 31 августа. Тамъ онъ слышалъ пушечныя выстрѣлы со стороны Вердюна и рѣшилъ, что пруссаки осаждаютъ эту крѣпость. Въ то же время онъ узналъ, что Клерфѣ съ 15 или 18000 тысячами солдатъ готовился къ переправѣ черезъ Маасъ у Стенъ. Этимъ все измѣнялось. Австрійцы грозили зайти въ тылъ Дюмуре и отрѣзать ему отступленіе. Въ Седанѣ невозможно было держаться, и французы очутились бы тамъ между двухъ огней. Не будучи въ состояніи ни задержать непріятеля, ни увлечь его за собою въ Бельгію, Дюмуре оставался только одинъ ресурсъ: предупредить непріятеля на пути къ Парижу. «Никогда еще,—писалъ онъ Сервану,—ни въ одной войнѣ не грозила Франціи большая опасность... Во избѣжаніе болѣе круп-

⁶⁾ 29 августа. Архивъ военнаго министерства.

ныхъ несчастій, я, быть можетъ, принужденъ буду предоставить Монмеди и Вердюнъ ихъ собственнымъ средствамъ, покинуть берега Мааса и направиться кратчайшимъ путемъ, то-есть чрезъ Шемери, Брюйлъ и Гранпрэ, къ рѣкѣ Эръ, чтобы защищать проломъ въ Отри въ то время, какъ особый корпусъ двинется къ ущельямъ Клермонта». Такимъ образомъ планъ кампаніи, которая должна была обезсмертить его имя, очерчивался въ его умѣ не вслѣдствіе обдуманнаго замысла, а какъ плодъ случайнаго вдохновенія и подъ вліяніемъ событий: таковъ былъ характеръ его авантюристскаго генія. Онъ закликаетъ Сервана направить шалонскую армію навстрѣчу пруссакамъ, между тѣмъ какъ самъ онъ съ 25—30000 пѣхоты и 6000 кавалеріи, находившимися въ его распоряженіи, бросится въ тылъ непріятелю, «перейдя въ отважное, неожиданное наступленіе, успѣхъ котораго почти несомнѣненъ». Но Серванъ не хотѣлъ и слышать о наступленіи въ Бельгію. Въ тотъ самый день, 31 августа, когда Дюмуре пришелъ къ мысли о движеніи къ Аргоннѣ, какъ къ единственному способу спасти армію, Серванъ совѣтывалъ ему избрать именно этотъ путь. «Я пишу Люкнеру и Келлерману,—извѣщаетъ онъ его,—чтобы они оставили Мецъ и Тіонвилль и приблизились къ вамъ, для совместной защиты края, лежащаго между Маасомъ и Марной и располагающаго серьезными оборонительными средствами».

Ночью доставленъ былъ планъ, выработанный седанскимъ военнымъ совѣтомъ. Серванъ передалъ его Совѣту, который отклонилъ его; затѣмъ онъ препроводилъ къ Дюмуре формальныя инструкціи.—Если непріятель захочетъ двинуться къ Парижу,—замѣчалъ онъ ему,—вашъ походъ въ Бельгію не послужитъ ему препятствіемъ. «Вы не заставите ихъ измѣнить планъ наступленія, такъ какъ они, въ случаѣ успѣха, заставятъ возвратитъ себѣ Брабантъ или сами займутъ его». Къ тому же, какимъ бы достоинствомъ ни обладалъ планъ наступленія самого Дюмуре, общественное мнѣніе усмотрѣло бы въ немъ измѣну и преданіе Парижа въ руки непріятеля. Изъ этого слѣдуетъ, что необходимо извлечь возможно большую пользу изъ укрѣпленій и немедленно присоединить седанскую армію, «чтобы направить ее къ Аргоннѣ... При такихъ обстоятельствахъ, кто выигрываетъ время, за тѣмъ побѣда... Келлерманъ можетъ или соединиться съ вами, или слѣдовать за вами на нѣкоторомъ разстояніи».

Это сліяніе обѣихъ армій было главной идеей Сервана. Онъ не переставалъ разрабатывать ее и занялся направленіемъ къ сѣверу рекрутъ, которые, по его распоряженію, стекались со всѣхъ концовъ Франціи. Отъ 3 по 25 сентября ежедневно выходило изъ Парижа болѣе двухъ тысячъ челоѣкъ парижскихъ и провинціальныхъ волонтеровъ. Эта великая національная манифестація была честью и гордостью Франціи и революціи.

Между тѣмъ парижскій городской совѣтъ (la commune de Paris), враждовалъ съ Собраніемъ. «Онъ мѣшаетъ и разстраиваетъ все, онъ поступаетъ противозаконно», говорилъ республиканецъ Шадье. «Это—узурпаторы», говорилъ о членахъ Совѣта Камбонъ, «и они должны быть наказаны, какъ таковыя».

30 августа, подъ предлогомъ преслѣдованія неправившагося ей журналиста, коммуна вторглась въ военное министерство. Собраніе декретировало распушеніе мятежнаго совѣта. Совѣтъ далъ отпоръ, рѣшившись терроризировать Собраніе, правительство, Парижъ и Францію. Обстоятельства способствовали тому: тюрьмы были переполнены; городской совѣтъ рѣшилъ истребить заключенныхъ. Послѣ рѣзни можно будетъ приписать ее народному негодованію, гнѣву, вызванному сдачей крѣпостей, ужасу, въ виду приближенія непріятеля, звѣрскимъ угрозамъ эмигрантовъ, обширному заговору всѣхъ противниковъ и жертвъ революціи. Парижскій городской совѣтъ, въ этомъ случаѣ, слѣдовалъ традиціи своихъ предшественниковъ XVI вѣка. Имъ руководили: искренній фанатизмъ нѣкоторыхъ изъ его членовъ, ненависть, алчность и даже трусость другихъ.

Министерство не обладало для противодѣйствія этой жестокой мѣрѣ ни силой, ни престижемъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ Роланъ не хотѣлъ ничего знать и не смѣлъ сдѣлать никакой энергической попытки въ смыслѣ ограниченія инициативы городского совѣта. Дантопъ лавировалъ. Онъ попытался, однако, не оказывая прямого противодѣйствія и не порывая съ Совѣтомъ, отвлечь народное теченіе въ сторону защиты отечества. Онъ предложилъ 1 сентября, въ ратушѣ, чрезъ посредство прокурора-синдика Манюэля, чтобы ударили въ набатъ, стрѣляли изъ пушекъ и трубили сборъ: всѣ способные къ ношенію оружія граждане созывались на Марсово поле; Парижъ долженъ былъ доставить шестьдесятъ тысячъ волонтеровъ. Городской совѣтъ принялъ предложеніе. Эта диверсія имѣла цѣлью отвлечь отъ тюремъ большинство парижскаго народа; но въ то же время она какъ нельзя болѣе служила и цѣлямъ убійцъ, предоставляя въ ихъ власть городъ. Ночью городской совѣтъ присоединилъ къ себѣ шесть помощниковъ, распредѣлил роли и подготовилъ гнусную комедію народнаго суда у дверей тюремъ. Утромъ, 2 сентября, въ Собраніи докладывался декретъ о распушеніи городского совѣта. Собраніе попыталось парализовать его, назначивъ дополнительные выборы. Внушившій эту мѣру Дантонъ надѣялся, что она усилитъ вліяніе умѣреннаго элемента въ средѣ совѣта. Блестящей, импровизованной рѣчью Верньо поддержалъ созывъ патріотовъ на Марсово поле. Послѣ него на трибунѣ появился Дантонъ: «Национальное Собраніе,—сказалъ онъ,—превращается въ истинный военный комитетъ; мы требуемъ, чтобы вы вмѣстѣ съ нами руководили великимъ народнымъ движеніемъ, назначивъ комиссаровъ,

которые бы содѣйствовали намъ въ этомъ дѣлѣ. Мы требуемъ, чтобы каждый, кто отказался бы служить лично или предоставить свое оружіе—наказывался бы смертию... Набатъ, который вы услышите, не будетъ знакомъ тревоги; это вѣсть о нападеніи на враговъ отечества. Для побѣды надъ ними намъ нужна смѣлость, еще смѣлость, всегда смѣлость, и Франция будетъ спасена». Собраніе вотировало декреты, предложенные Дантономъ, и онъ отправился на Марсово поле, гдѣ долженъ былъ обратиться съ рѣчью къ собравшимся патриотамъ.

Тѣмъ временемъ заговоръ приводился въ исполненіе. Убійцы овладѣваютъ тюрьмами, и избіеніе совершается не экзальтированной и изступленной толпой, а завербованными палачами и наемными убійцами, дѣйствовавшими методически и по программѣ. Народный фанатизмъ не принималъ въ этомъ дѣлѣ никакого участія. На улицахъ было немного народа, такъ какъ мпожество парижанъ отправилось на Марсово поле. Оставшіеся были напуганы, прятались и предоставляли шайкѣ убійцъ дѣлать, что угодно.

Ворвались даже въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Роланъ почувствовалъ себя подъ ножомъ. Дантонъ, пристыженный своимъ безміемъ, пытается вечеромъ того дня спасти отъ убійцъ сколько возможно жертвъ. Власти оцѣпѣли. Собраніе декретпруетъ мѣры, которыя никто даже не пробуетъ исполнять. Убійцы, до конца слѣдующаго традиціи Варолюмеевской ночи, отправляютъ въ департаменты циркуляръ, приглашающій патриотовъ послѣдовать примѣру Парижа⁷⁾. Циркуляръ былъ разосланъ въ конвертахъ министерства юстиціи⁸⁾. Дантонъ оставилъ это обстоятельство безъ

⁷⁾ «Извѣщая губернаторовъ объ открытомъ имъ въ Парижѣ заговорѣ, Карлъ IX приказывалъ имъ арестовывать протестантовъ, содержать ихъ въ вѣрномъ мѣстѣ и требовать отъ нихъ отреченія отъ ихъ вѣры. По полученіи этого приказа, являлись католическіе агенты безъ опредѣленной миссіи; они истодковывали его, вооружали народъ и разнуздывали фанатизмъ, алчность и месть». Darest, *Histoire de France*, t. IV, p. 286.—Michelet, *les Guerres de religion*, ch. XXVI.—HENRI MARTIN, IX, p. 338.

⁸⁾ MORTIMER TERNAUX, *Histoire de la Terreur*, t. III, p. 307—309. — Madame ROLAND, *Mémoires*, éd. Dauban, p. 270: «Этотъ гнусный циркуляръ былъ разосланъ отдѣльными министерства и за подписью министра юстиціи»; и далѣе: «весьма извѣстный циркуляръ, разсылавшійся Дантономъ въ конвертахъ его министерства». Подпись министра и министерскій конвертъ—вещи весьма различныя. На единственномъ уцѣлѣвшемъ экземплярѣ не имѣется никакой подписи. (ANTONIN DUBOST, *Danton et les massacres de septembre*, p. 55—56). Что касается разосланія циркуляра въ министерскомъ конвертѣ, то изъ этого не слѣдуетъ еще, какъ то утверждаетъ Мортимеръ Терно, чтобы Дантонъ и Фабръ д'Эглатинъ разрѣшили эту мѣру. Мортимеръ Терно подтверждаетъ свое мнѣніе тѣмъ, что въ министерствѣ юстиціи «все происходило совершенно такъ же, какъ при старомъ порядкѣ, все было взвѣшено и рассчитано, все распредѣлялось между высшимъ и низшимъ персоналомъ...

вниманія. Онъ зналъ, что погубилъ бы себя, если бы сталъ сопротивляться. Онъ не могъ ни предвидѣть, ни покарать преступленія, но съумѣлъ, по крайней мѣрѣ, имъ воспользоваться. Онъ не допустилъ, чтобы выгода, то есть наведенный страхъ и пріобрѣтенная власть, достались однимъ изступленнымъ представителямъ городского совѣта. Онъ желалъ силы во что бы то ни стало. Онъ предпочиталъ прослыть авторомъ устрашающаго злодѣянія, лишь бы его не считали пособникомъ слабаго правительства. При случаѣ, онъ даже цинично предъявить право на дикій престижъ сентябрьскихъ убійствъ и скажетъ одному изъ принцевъ королевскаго дома, служившему въ арміи Дюмуре: «Это было сдѣлано мною»⁹⁾. Дантону приписываютъ также слова: «Это было необходимо!»¹⁰⁾. Какъ бы то ни было, молва повторяетъ эти слова. Онъ не находитъ нужнымъ опровергать. Когда его просятъ высказаться, когда вокругъ него спорятъ по поводу отвѣтственности, онъ, выходя изъ себя, отвѣчаетъ тѣмъ, кто ищетъ себя извиненій, не сумѣвъ пособить бѣдѣ: «Ваши споры жалки. Я знаю только врага, будемъ бить врага! Вы, докучающіе мнѣ вашими личными распрями вмѣсто того, чтобы заниматься спасеніемъ республики, вы—въ моихъ глазахъ измѣнники отечества. Я всѣхъ васъ ставлю на одну доску. Какое мнѣ дѣло до моей репутаціи! Пусть заклеиваютъ мое доброе имя, но пусть Франция будетъ свободна! Пусть зовутъ меня кровопійцей!»¹¹⁾.

Роланъ, на котораго падала еще большая отвѣтственность, чѣмъ на министра юстиціи, выказалъ болѣе лицемерія и не менѣе снисходительности къ виновникамъ рѣзни. «Временной городской совѣтъ оказалъ большія услуги,—писалъ онъ президенту Собранія 3-го сентября;—онъ не нуждается въ моемъ свидѣтельствѣ, но я отдаю ему справедливость отъ полноты сердца... Въ настоящую же минуту онъ находится въ заблужденіи, продолжая революціонныя дѣйствія». Онъ приглашалъ Совѣтъ не выступать изъ предѣловъ законной компетенціи. Затѣмъ, доказавъ такими рѣчами,

Невозможно предположить, чтобы кто-нибудь изъ подчиненныхъ взялъ на себя смѣлость разослать циркуляръ, не представивъ бумаги на подписаніе министру, или, по крайней мѣрѣ, старшему секретарю. Слѣдовательно, циркуляръ былъ разосланъ по ихъ распоряженію. Это предположеніе опровергается, однако, однимъ мѣстомъ въ мемуарахъ госпожи Роланъ, противорѣчащимъ обѣимъ вышеприведеннымъ выдержкамъ. «Онъ (Дантонъ) весьма мало заботился объ исполненіи своихъ министерскихъ обязанностей и совсѣмъ не занимался дѣлами; чиновники вели дѣла; онъ поручалъ даже подписывать за себя бумаги (il confiait sa griffe)». *Mémoires*, p. 261.

⁹⁾ Разсказъ короля Луи-Филиппа, Тайнъ, *la Révolution*, t. II, p. 284.

¹⁰⁾ Разсказъ Прюдона. О сомнительной достовѣрности его свидѣтельства см. у Дюбоста въ вышеуказанномъ его сочиненіи.

¹¹⁾ Рѣчь Дантона 10 марта 1793. *Moniteur*, t. XV, p. 680.

что умѣетъ говорить истину народамъ совершенно такъ же, какъ говорилъ ее королямъ, онъ прибавилъ, повторяя въ свою очередь урокъ исторіи, данный Варооломеевской ночью ¹²⁾: «На событія вчерашняго дня исторія должна, быть можетъ, набросить покрывало... Я знаю, что народъ хотя и ужасенъ въ своей мести, но вносить въ нее своего рода справедливость ¹³⁾».

Между тѣмъ Серванъ получилъ отъ Дюмуре извѣстіе о томъ, что генераль направляется къ Аргоннѣ. «Вы на истинномъ пути», немедленно отвѣтилъ онъ главнокомандующему. «Или я ошибаюсь, или вы заслужите хвалу вашихъ согражданъ».

Надо было опередить пруссаковъ и отрѣзать имъ путь къ Парижу. Операція представляла большой рискъ: армія нуждалась въ провіантѣ и обозѣ, непріятель былъ уже на близкомъ разстояніи. При нѣкоторой отвагѣ, онъ могъ ее уничтожить, но не сдѣлалъ этого. 4-го сентября Дюмуре занялъ въ Гранпрэ одинъ изъ аргоннскихъ дефилеовъ съ 13000 человекъ; Диллонъ присоединился къ нему на слѣдующій день съ 7000. 7-го прибылъ и Дюваль съ 6000 человекъ.

Холмы, занятые этими войсками, тянутся на разстояніе около шестнадцати лѣ; они покрыты густымъ лѣсомъ, перерѣзываются ручьями, прудами и болотами, дѣлающими ихъ непроходимыми, за исключеніемъ пяти пересѣкающихъ дорогъ. Въ этихъ проходахъ нетрудно укрѣпиться. Дюмуре такъ и сдѣлалъ, но недостаточно остерегся. 12-го числа на одинъ изъ проходовъ, Ла-Круа О-Буа, напалъ непріятель. Армія была обойдена, но Дюмуре освободилъ ее, благодаря своему искусству.

Легкомысліе его нерѣдко подвергало его опасности, но живость и рѣшительность помогали избавляться отъ нея. Онъ нуждался въ стимулѣ, въ толчокѣ. Ему грозило быть окруженнымъ со всѣхъ сторонъ, при отсутствіи припасовъ и боевыхъ снарядовъ; онъ извлекъ изъ этой крайней

¹²⁾ Парижскій народъ не переставалъ обвинять за прискорбныя «излишества, подвергавшіяся громкому осужденію». Карлъ IX писалъ швейцарскимъ кантонамъ: «Его величество ничего не могъ предотвратить, такъ какъ это было дѣло народной ярости и бѣшенства». Darest, t. IV, p. 290. 25-го августа Карлъ IX писалъ своимъ агентамъ, что «все случившееся въ Парижѣ имѣло цѣлью помѣшать проклятому заговору». Guizot, *Histoire de France*, t. III, p. 364.—Разговоръ между тюремщикомъ и шайкой убійцъ въ Юзесѣ, въ августѣ 1815 г.: «Этихъ людей слѣдуетъ перерѣзать въ 10 часовъ».—По чьему приказу?—«Безъ всякаго приказа! но не пытайтесь намъ мѣшать, дѣло идетъ о вашей собственной жизни... Такъ хочетъ народъ». Комендантъ, на докладъ тюремнаго сторожа, отвѣчаетъ: «Повинуйтесь, такъ хочетъ народъ». Ernest Daudet, *la Terreur blanche*, p. 123.

¹³⁾ Ролану было хорошо извѣстно, что «сентябрьскіе дни были дѣломъ небольшого числа охъанѣвшихъ тигровъ». Madame Roland, *Mémoires*, édit. Dauban, p. 46.

опасности не только избавленіе, но и славный военный подвигъ. Отдавъ приказъ сняться съ мѣста въ ночь съ 14-го на 15-е и отступить къ Сенъ-Менегульду, онъ написалъ Бернонвиллю приказъ привести туда же 10000 человекъ, которые шли изъ Фландріи, и поторопилъ Келлермана присоединиться къ нему. Непріятель тѣснилъ и зорко слѣдилъ за французскими войсками; необходимо было замаскировать приготовленія; Дюмуре успѣлъ въ этомъ, и сами пруссаки дали ему возможность скрыть движенія французовъ.

Кажущееся бездѣйствіе Дюмуре тревожило герцога Брауншвейгскаго. 14-го сентября, желая получить свѣдѣнія и о состояніи французской арміи, и о настроеніи ея главнокомандующаго, онъ послалъ къ Дюмуре майора Массенбаха, которому довѣрялъ вполне и который зналъ дѣла и порядочно говорилъ по-французски. Массенбахъ долженъ былъ предложить Дюмуре личное свиданіе или съ герцогомъ, или съ княземъ Гогенлоэ. Онъ ожидалъ встрѣтить орду гунновъ или вандаловъ, толпу бунтовщиковъ, чернь, пустившуюся въ экспедицію. Подходя къ французскимъ аванпостамъ, онъ ощущалъ нѣкоторое безпокойство. Это безпокойство быстро исчезло, но его замѣнили еще болѣе серьезныя опасенія.

Онъ увидѣлъ лагерь, разбитый по всѣмъ правиламъ военнаго искусства; его приняли со всѣми обычными формальностями; сопровождавшій его офицеръ велъ себя съ безукоризненною вѣжливостью; эскортировавшие его солдаты не имѣли ни свирѣпаго, ни растерзаннаго вида. Его принялъ генераль Дюваль. Это былъ ветеранъ старой арміи, участвовавшій въ Семилѣтней войнѣ и знавшій Германію. Голова его была убѣдительно сѣдинами, наружность величественна; онъ говорилъ просто, но съ достоинствомъ, безъ всякаго пафоса и рѣзкости. «Повѣрьте,—сказалъ онъ Массенбаху въ то время, когда они ожидали отвѣта отъ Дюмуре,—союзники поступаютъ безумно, вмѣшиваясь во внутреннія дѣла Франціи. Они не имѣютъ на это права и имъ придется нести послѣдствія войны, въ которую вовлекло ихъ легкомысліе эмигрантовъ. Вы воображаете, что прямо придете въ Парижъ. Выслушайте меня, я долго служилъ, я размышлялъ о своемъ ремеслѣ: вашъ походъ на Парижъ кончится тѣмъ, чѣмъ кончился походъ Карла XII на Москву; вы найдете свою Полтаву... И какъ же прусскій король можетъ идти вмѣстѣ съ своей соперницей, коварной Австріей, и противъ державы, которая и есть его естественная союзница? Вы не произведете контръ-революціи во Франціи; напротивъ, вы только укрѣпите революцію. Не расчитывайте на измѣны и не довѣряйте эмигрантамъ...» Разговоръ продолжался до 10 часовъ вечера. Дюмуре отвѣтилъ, что отказывается въ аудіенціи. Массенбахъ удалился, унося впечатлѣніе, что еще существуютъ французская армія и генералы, способные ею командовать.

Лагерь был снятъ послѣ полуночи. Солдаты, убѣжденные, что идутъ впередъ, двинулись спокойно и въ порядкѣ. Но на разсвѣтѣ сгустился туманъ, пошелъ дождь. Утомившись ночнымъ переходомъ, попавъ на размытую дорогу, продрогнувъ, солдаты стали унывать. Они замѣтили, что отступаютъ и заволновались. Нѣсколько сотъ прусскихъ гусаръ бросились на одну изъ дивизій, которая и обратилась въ бѣгство. Были люди, забѣжавшіе за тридцать лье, крича объ измѣнѣ. Командирамъ удалось, однако, собрать большую часть войскъ. На другой день та же паника овладѣла и другими войсками. Дюмуре, пробывшій двадцать часовъ въ сѣдлѣ и только что сошедшій съ лошади, опять вскочилъ на нее, изрубилъ нѣсколько бѣглецовъ, успокоилъ встревоженныхъ и расположился лагеремъ. 17-го маленькая армія Дюмуре дошла до Менегульда: она была спасена. Теперь она могла ждать подкрѣпленій, посылавшихся къ ней со всѣхъ сторонъ, и Келлермана, получившаго приказъ присоединиться къ ней. Дюмуре прочно укрѣпился въ своемъ лагерѣ. Только что сдѣланный опытъ убѣдилъ его въ необходимости выждать время до той минуты, когда войска получатъ увѣренность въ своихъ силахъ, окрѣпнуть и почувствуютъ свою многочисленность. 19-го сентября дивизія Берновилля соединилась съ войсками Дюмуре. Въ то время какъ главнокомандующій привѣтствовалъ новоприбывшихъ, адъютантъ Макдональдъ объявилъ ему о прибытіи Келлермана. Этотъ генералъ привелъ 16.000 человекъ, почти исключительно линейныхъ войскъ. Армія дошла до 52.000. Вечеромъ Дюмуре писалъ одному изъ своихъ офицеровъ, оставленныхъ имъ при Сѣверпой арміи: «Пруссаки изнемогаютъ отъ болѣзней, измучены усталостью и голодомъ. Держась на этой позиціи, я окончательно истреблю ихъ войска: это дѣло двухъ недѣль, и я отвѣчаю за успѣхъ... Общаю вамъ ранѣе 10-го октября привести къ вамъ на помощь отъ 30 до 40.000 солдатъ и еще нынѣшнею зимою проникнуть въ Бельгію». На другой день, событіе, котораго онъ не ожидалъ, должно было покрыть его славой и оправдать всѣ его предположенія. Но для того, чтобы уяснить себѣ это событіе, его характеръ, послѣдствія, странные переговоры, которымъ оно послужило поводомъ, необходимо взглянуть на лагерь союзниковъ, изслѣдовать, почему они пренебрегли столькими преимуществами, совершили столько ошибокъ, и отдать себѣ отчетъ въ сложныхъ побужденіяхъ, рѣшившихъ исходъ кампаніи, въ которой политика играла болѣе важную роль, чѣмъ стратегія.

V.

Пруссаки вступили во Францію полные презрѣнія къ арміи, съ которой имъ приходилось бороться, и убѣжденные, повѣривъ на слово эмигрантамъ, что французское населеніе встрѣтитъ ихъ какъ избавителей, а города сами

отворятъ свои ворота; что касается революціонныхъ шаекъ, то ихъ вымрутъ къ самому Мецу, гдѣ пушки истребятъ тѣхъ, кого не разсѣетъ страхъ. На самомъ же дѣлѣ, пруссаки встрѣтили враждебное населеніе, обошлись съ нимъ какъ съ покореннымъ народомъ и окончательно возстановили его противъ себя. Разочарованіе произошло весьма быстро. «Ихъ безумный энтузіазмъ и въ особенности ихъ раздраженіе противъ насъ превосходить всякую дозволенную мѣру», писалъ отъ 20-го августа одинъ изъ секретарей прусскаго короля.

Надѣясь на покорность страны, пруссаки не приняли надлежащихъ предосторожностей. Съ первыхъ же дней они ощутили недостатокъ во всемъ. Ихъ громадные обозы скоплялись и нагромождались на размытыхъ ливнями дорогахъ. Дожди шли непрерывно съ 30-го іюля; марши утомляли войска, биваки изнуряли ихъ: открылась дизентерія, а съ нею появилось и уныніе. А между тѣмъ останавливались для отдыха въ Лонгви; отдыхали въ Вердюнѣ; не столько шли, сколько топтались по грязи. {Пройдя два лье въ день, люди и лошади падали отъ изнеможенія. Войска теряли множество людей по дорогѣ. Тяжелый военный механизмъ вязъ въ грязи и разсѣдался. Когда прусская армія настигла французовъ, она была неузнаваема. Молодой князь де-Линь былъ убитъ въ сраженіи 14-го сентября.

На немъ нашли неоконченное письмо: «Насъ начинаетъ утомлять война; эмигранты сулили намъ легкій походъ, но намъ приходится воевать съ линейными войсками, у которыхъ нѣтъ ни одного дезертира, съ ополченіемъ, которое даетъ отпоръ; крестьяне всѣ вооружены; они стрѣляютъ въ насъ, убиваютъ, если встрѣтятъ въ одиночку или спящихъ въ жилищѣ... Погода, съ той поры какъ мы во Франціи, такъ ужасна... что мы не можемъ вытащить изъ грязи нашихъ пушекъ; сверхъ того и голодъ... Не знаю, что мы будемъ дѣлать и что съ нами станется». Этотъ вопросъ ставилъ себѣ и главнокомандующій, герцогъ Брауншвейгскій. Онъ порицалъ войну, которою руководилъ, и планъ кампаніи, который ему поручено было выполнять. Затрудненія, имъ встрѣченныя, только подтверждали его тайныя опасенія; эти затрудненія ежедневно усиливали его природную нерѣшительность. Онъ получилъ отъ Горани два письма, которыя сильно встревожили его: письма исходили отъ одного изъ тѣхъ «просвѣщенныхъ» резонеровъ-революционеровъ, на которыхъ рассчитывалъ опереться герцогъ во Франціи. Горани отнималъ у него эту иллюзію. Онъ изображалъ Францію полною рѣшимости дать отпоръ: угрозы, — писалъ онъ, — могутъ только раздражить французовъ. Какъ можетъ герцогъ Брауншвейгскій ставить на карту свою славу и даже имя въ «войнѣ титановъ, столь же несправедливой, сколько и неполитичной?» И кому повѣрили? Дворянамъ-эмигрантамъ, «пользующимся повсюду репутаціей невѣжества, безнравственности

и, въ особенности, надменнымъ презрѣніемъ ко всѣмъ иностранцамъ». Горани высказывалъ то, что предчувствовалъ и чего опасался самъ герцогъ Брауншвейгскій. Герцогъ не могъ не вѣрить очевидности.—Да, разумѣется, пойдѣмъ на Парижъ,—говорилъ онъ русскому агенту, графу Алопеусу,—но этимъ дѣло не будетъ кончено. «Духъ мятежа пустилъ во Франціи слишкомъ глубокіе корни и его не задушить въ одинъ или два года». Что касается до эмигрантовъ,—прибавлялъ онъ,—то это люди, для которыхъ «милость замѣняетъ справедливость и нахальство которыхъ по отношенію къ прусскому королю не знаетъ границъ, несмотря на то, что они получаютъ изъ его рукъ милостыню».

Герцогъ Брауншвейгскій, какъ то предвидѣлъ Дюмурье, пришелъ отнынѣ къ мысли объ осадной войнѣ на границѣ: утвердившись въ занятыхъ пунктахъ, двинуться на Парижъ въ 1793 г. и нанести рѣшительный ударъ. Но эмигранты смотрѣли на дѣло иначе. Этому методическому плану войны они противопоставляли войну политическую, съ форсированными маршами, съ засадами и устрашеніемъ, съ блестящими сраженіями и триумфами. Они имѣли свои причины стоять за такой планъ, и эти причины не всѣ имѣли источникомъ нетерпѣливое желаніе реванша и возмездія. Эмигранты еще думали о спасеніи Людовика XVI. Они боялись также, что если война затянется, то превратится въ завоеваніе, и имѣли основаніе этого бояться. Они хвалили безкорыстіе своихъ союзниковъ, но хвалили именно для того, чтобы получить въ немъ увѣренность; этой увѣренности они не получали. Какъ со стороны французскаго населенія, такъ и со стороны союзниковъ, эмигранты встрѣчали одни разочарованія. Они просили, чтобы имъ передали пункты, занятые союзною арміей. Пруссаки отвѣтили, что эти мѣста принадлежатъ не партіи, а французскому королю и что они будутъ охранять ихъ сами. Графъ Прованскій потребовалъ признанія титула регента, имъ присвоеннаго. По этому поводу созвали конференцію въ Вердюнѣ 9 сентября, между представителямъ брата короля Мустье и дипломатами главной квартиры. Князь Рейссъ отказался признать регентство отъ имени императора, Шуленбургъ—отъ имени прусскаго короля, а вмѣшавшійся въ дѣло Бретейль—отъ имени французскаго короля. Этотъ представитель Людовика XVI былъ согласенъ съ эмигрантами только въ томъ, что слѣдуетъ идти на Парижъ.

Всѣ усилія сосредоточились на этомъ пунктѣ и восторжествовали, въ концѣ концовъ, надъ колебаніями Фридриха-Вильгельма. Слава освободителя короля, блескъ предпріятія, еще никогда и никакимъ нѣмцемъ не совершеннаго: спасеніе европейскаго порядка и водруженіе прусскаго орла въ столицѣ Людовика XIV, все это не могло не польстить честолюбію и рыцарскимъ чувствамъ прусскаго короля. Онъ отдалъ приказъ двинуться впе-

редъ. Герцогъ Брауншвейгскій покорился, но съ сожалѣніемъ, скорбя о рѣшеніи короля и осуждая его совѣтниковъ. Слишкомъ царедворецъ для того, чтобы противиться волѣ господина, онъ въ то же время былъ и слишкомъ упрямымъ, чтобы подчиняться чужимъ мнѣніямъ. Онъ сталъ небрежно выполнять планъ рискованной экспедиціи и подвергъ себя всѣмъ неудобствамъ непредусмотрительности, не заручившись ни одной изъ выгодъ смѣлаго и рѣшительнаго дѣйствія. Такимъ-то образомъ допустилъ онъ Дюмурье выполнить рискованное фланговое движеніе. Послѣ неожиданной встрѣчи 12 сентября, вмѣсто того чтобы атаковать Дюмурье, онъ захотѣлъ его обойти. То, что онъ узналъ о французской арміи во время этой встрѣчи, могло только усилить его колебанія.

Со словъ всякаго рода интригановъ, явившихся въ союзный лагерь, тамъ стали льстить себя надеждой, что французскіе генералы пойдутъ на сдѣлку съ непріятелемъ и готовы будутъ возстановить королевскую власть. Прошлое Дюмурье, его роль въ министерствѣ, переговоры, которые онъ пытался завязать въ Берлинѣ, увѣренія многихъ лицъ, называвшихъ себя его пріятелями, все это давало поводъ надѣяться, что онъ не откажется выслушать такого рода предложенія. Расчитывали подѣйствовать на него чрезъ его любовницу, баронессу д'Анжель. Она была сестра Ривароля и такимъ образомъ примыкала къ эмиграціи. Въ началѣ сентября какой-то эmissаръ подошелъ къ Дюмурье съ письмомъ, въ которомъ дѣлались авансы; генераль разорвалъ письмо, бросилъ клочки его къ ногамъ подателя и очень холодно сказалъ: «Я отвѣчу пушечными выстрѣлами». Отчетъ Массенбаха о свиданіи съ Дювалемъ убѣдилъ герцога Брауншвейгскаго въ ошибочности мнѣнія, составленнаго союзниками о французской арміи. Онъ рѣшилъ, что необходимо ждать подкрѣпленій. Подкрѣпленія не приходили.

Австрійцы медлили приступать къ дѣйствіямъ еще болѣе, чѣмъ ихъ союзники. Руководясь заднею мыслью о завоеваніяхъ и съ каждымъ днемъ яснѣе обнаруживая свои цѣли, они рѣшили осадить съ 25000 солдатъ и сильною артиллеріей городъ Лилль, защищаемый только 4000 линейныхъ войскъ и 6000 національныхъ гвардейцевъ. Главныя силы австрійцевъ должны были прикрывать Рейнъ и обезпечить такимъ образомъ пути сообщенія союзной арміи. Пруссія находила, что она не въ силахъ этого выполнить; она опасалась съ этой стороны появленія французовъ. Начавъ съ порицанія австрійской медлительности, которую приписывала политическимъ соображеніямъ, Пруссія стала испытывать нѣкоторую тревогу. Выступивъ въ походъ противъ общаго врага, обѣ германскія державы не перестали быть соперницами. Впрочемъ онѣ съ самаго начала не были согласны ни относительно цѣли войны, ни относительно ея веденія. Король прусскій, поддаваясь вліянію эмиграціи и побуждаемый Россіей, скло-

нялся въ пользу возстановленія во Франціи абсолютной монархіи, рассчитывая приобрести въ реставрированномъ правительствѣ могущественнаго союзника. Австрія находила для себя выгоднымъ продолженіе внутреннихъ смутъ во Франціи, такъ какъ этимъ парализовалось бы французское могущество: императоръ желалъ, чтобы французскій король сохранилъ свою корону и царствовалъ бы въ силу компромисса, не тревожа сосѣдей ни силою, ни слабостью своего правительства. Наконецъ оставался нерѣшеннымъ и вопросъ о вознагражденіи за военные издержки: важнѣйшій вопросъ, какъ откровенно заявлялъ прусскій министръ Шуленбургъ. Въ сентябрѣ союзники такъ же мало подвинулись къ рѣшенію этого вопроса, какъ и на майнцской конференціи, въ іюлѣ. Во всякомъ случаѣ, если не удастся спасти французскаго короля, можно будетъ выкроить себѣ кое-что изъ его королевства, и новое поле открылось бы для примѣненія «принципа» равноправности въ обоюдныхъ приобретеніяхъ. Но этотъ-то «принципъ», единственный руководившій старою Европою, въ то же время всего болѣе содѣйствовалъ ея разединенію.

Въ Вѣнѣ произошла маленькая революція въ сферѣ канцлерства. Старый Кауницъ окончательно удался; вице-канцлеръ, Филиппъ Кобенцель, замѣнялъ его съ 19 августа. На министерскихъ совѣщаніяхъ 3 и 7 сентября пространно обсуждали французскую революцію и ея странное дополненіе—вопросъ о вознагражденіяхъ. Австрія настаивала на полученіи, кромѣ обмѣна Бельгіи на Баварію, еще Анспаха и Барейта; въ случаѣ неудачи, она предоставляла себѣ искать вознагражденія въ Эльзасѣ или Польшѣ. Оставалось предусмотрѣть щекотливый случай, а именно тотъ, если Пруссія взяла бы свою долю въ Польшѣ, а баварцы не захотѣли бы обмѣна, или же Бельгію нельзя было бы обмѣнивать, вслѣдствіе занятія ея французами. Чтобы оградить себя отъ такой опасности, австрійцы находили благоразумнымъ занять въ видѣ залога ровно столько же польскихъ округовъ, сколько займетъ Пруссія. Если обмѣнъ Баваріи совершился бы, Австрія очистила бы часть этихъ округовъ и оставила бы за собою только тѣ территоріи, которыя должны составить дополненіе или *суррогатъ* вознагражденія, какъ выражались въ Вѣнѣ. Рѣшено было начать, по этому поводу, переговоры съ Пруссіей, и референдарій Шпильманъ, которому поручено было ихъ вести, уѣхалъ 12 сентября въ главную квартиру Фридриха-Вильгельма. Инструкція по статьѣ о французскихъ дѣлахъ предусматривала случай гибели французскаго короля и дофина и возможность для брата Людовика XVI предъявить свои права на престолъ. Австрія находила, что въ этомъ случаѣ было бы неосторожно и убыточно продолжать войну съ цѣлью навязать странѣ правительство, о которомъ она не хотѣла и слышать. Слѣдовало бы, чтобы вмѣшались, по крайней мѣрѣ,

Англія и Испанія, но на это едва ли можно было рассчитывать. Инструкція допускала, слѣдовательно, гипотезу о мирѣ при существованіи расчлененія Франціи: часть ея, роялистскіе департаменты, признали бы королемъ брата Людовика XVI, остальные составили бы федерацію. Если же король и дофинъ сохранять жизнь, то Шпильману разрѣшалось одобрить переговоры между французскимъ правительствомъ и герцогомъ Брауншвейгскимъ: существеннымъ условіемъ ихъ были бы: безопасность королевской фамиліи и возстановленіе королевской власти Людовика XVI. Сознаніе военныхъ затрудненій, боязнь слишкомъ громкихъ успѣховъ Пруссіи, нежеланіе связывать себя окончательно ранѣ полученія увѣренности въ приобретеніи Баваріи или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ польскихъ земель, возможное отступленіе отъ поддержанія монархіи и тенденція къ сдѣлкѣ съ революціей и переговорамъ,—таковы были заднія мысли, сквозившія въ инструкціяхъ Шпильмана и замедлявшія движенія австрійскихъ войскъ.

Подобныя же соображенія озабочивали одновременно и пруссаковъ, задерживая и ихъ дѣйствія. Россія выказывала, съ своей стороны, крайнюю сдержанность; русскій дворъ не находилъ нужнымъ давать какія-либо точныя объясненія. Пруссія знала только одно, а именно: что императрица дѣйствовала въ Польшѣ по своему усмотрѣнію и утверждалась въ ней. Австрія замыкалась въ таинственность; пруссаки имѣли основаніе бояться, что, вмѣсто военныхъ дѣйствій противъ Франціи, она ограничится тѣмъ, что займетъ Баварію и согласится съ Россіей для устройства польскихъ дѣлъ въ ущербъ Пруссіи. Благоразумно ли, при такихъ условіяхъ, компрометтировать прусскую армію? Всѣ эти размышленія укрѣпляли герцога Брауншвейгскаго въ рѣшимости выиграть время и вести переговоры до тѣхъ поръ, пока выяснится положеніе. Такого рода политика внушала отвращеніе Фридриху-Вильгельму, но приближенные его склонялись къ ней, а вспыльчивый и подвижной король никогда не избѣгалъ надолго вліянія окружавшихъ его людей. Цѣли же и средства этихъ людей были мелки. Министръ Шуленбургъ, единственный дѣловой человекъ, находившійся при особѣ короля, уѣхалъ въ Берлинъ почти опальнымъ, побѣжденный событіями, встрѣтивъ помѣху со стороны фаворитовъ. Руководительство прусской дипломатіи перешло въ руки итальянца, воспитавшагося въ школѣ Фридриха, ловкаго, даже искуснаго, хитраго, изворотливаго до невозможности, неуловимаго въ поступкахъ, неопредѣленнаго въ воззрѣніяхъ, въ сущности—величайшаго эгоиста, постоянно и зорко слѣдившаго за направленіемъ попутнаго вѣтра. То былъ Луккезини, нѣкогда состоявшій посланникомъ въ Варшавѣ, гдѣ выказалъ себя горячимъ противникомъ Австріи. Онъ пріѣхалъ въ главную квартиру 14 сентября. Вскорѣ вслѣдъ за нимъ прибылъ и Гаугвицъ, бывшій въ теченіе всего лѣта представи-

телемъ Пруссіи въ Вѣнѣ. Луккезини приходился зятемъ Бишофсвердеру; Гаутвицъ былъ товарищемъ этого шарлатана, по лабораторіи розенкрейцеровъ. Бишофсвердеръ помогъ обоимъ пробраться въ первый рядъ; но по мѣрѣ того, какъ дискредитировался союзъ съ Австріей, созданный трудами его рукъ, онъ принужденъ былъ держаться въ сторонѣ. Довѣріе короля переходило къ одному изъ адъютантовъ, нѣкому полковнику Манштейну. Это былъ ограниченный, настойчивый человѣкъ, мистикъ и царедворецъ, тайный сластолюбецъ, съ сдержанными, приличными манерами и мрачнымъ видомъ. Манштейнъ мѣтилъ замѣнить Бишофсвердера въ расположеніи короля. Онъ предвидѣлъ поворотъ и готовился имъ воспользоваться. Впрочемъ не онъ одинъ, но и всѣ считали войну—простою военною прогулкой и не желали серьезной кампаніи, которая въ случаѣ продолжительности дала бы перевѣсъ военнымъ и отодвинула бы на задній планъ фаворитовъ. Они предпочитали дипломатію войнѣ, а пруски—дипломатіи.

Такимъ образомъ, по различнымъ побужденіямъ, всѣ, державшіе нити этихъ критическихъ обстоятельствъ, склонялись въ пользу переговоровъ: Дюмуре—съ цѣлью выиграть время и дожидаться подкрѣпленій; союзники—для того, чтобы выпутаться изъ крайне затруднительнаго положенія, избѣжать новыхъ расходовъ и скорѣе обезпечить себѣ вознагражденіе; наконецъ эмигранты—въ надеждѣ ускорить событія и добиться успѣха. Французскіе дворяне-эмигранты старались подкупить Дюмуре, рассчитывая на посредничество баронессы д'Анжель. Этимъ маленькимъ заговоромъ руководилъ епископъ Памьерскій. Дѣло шло о томъ, чтобы добиться отъ Дюмуре обѣщанія, что, въ случаѣ пораженія его войскъ подъ Парижемъ, онъ станетъ на сторону Людовика XVI. Дворяне питали непоколебимую увѣренность въ успѣхѣ. «Оставалось дать только одно сраженіе,—писалъ Бретанъ де-Молевицъ;—этому мѣшала дурная погода; но я нисколько не сомнѣвался, что какъ только перестанетъ лить дождь, армія Дюмуре будетъ изрублена въ куски. Нетерпѣніе дожидаться этого дня оживляла меня». Бретейль также вѣрилъ въ близость этого дня. «Пруссаки идутъ къ Парижу», писалъ онъ Ферзену 12 сентября; герцогъ Брауншвейгскій рассчитывалъ остановиться въ Вальми, гдѣ и будетъ черезъ четыре дня, только для снабженія и обезпеченія войскъ провіантомъ». Дѣйствительно, герцогъ Брауншвейгскій прибылъ около этого времени въ Вальми; но онъ нашелъ тамъ Келлермана, чего вовсе не ожидалъ.

VI.

Вечеромъ, 19-го сентября, Дюмуре имѣлъ свою главную квартиру въ Сент-Менегульдѣ; Келлерманъ же стоялъ въ четырехъ лье, въ Дампьерѣ. Соединивъ свои силы, они могли выставить 36000 бойцовъ. Остальныя

части арміи охраняли проходы. Пруссаки располагали 34000 человѣкъ и пятидесятью восьмью пушками. Они находились между французскими войсками и дорогою въ Парижъ; французы же стояли между пруссаками и дорогою въ Германію. Противники, такимъ образомъ, обошли другъ друга. Король прусскій нашелъ минуту удобной для того, чтобы отрѣзать французамъ пути сообщенія. Опасаясь вторично дать ускользнуть Дюмуре, онъ велѣлъ занять 20-го сентября шалонскую дорогу. Пруссаки выступили утромъ среди густого тумана, скоро потомъ разрѣшившагося холоднымъ, мелкимъ дождемъ. Они наткнулись на авангардъ Келлермана, и началась канонада. Келлерманъ занялъ позицію на плато у Вальми. Дюмуре поддерживалъ его на обоихъ крылахъ и принялъ мѣры къ нападенію на пруссаковъ съ лѣвой стороны. Распоряженія эти были сдѣланы до полудня. Въ это же время и пруссаки готовились напасть на Келлермана.

Туманъ разсѣялся, и обѣ арміи увидѣли другъ друга. Пруссаки выстроились колоннами: то была знаменитая пѣхота Фридриха Великаго; со времени Семилѣтней войны ей не приходилось участвовать ни въ одномъ большомъ сраженіи. Нетерпѣніе помѣряться силами съ непріателемъ, сознаніе своего престижа придавали этимъ еще вчера унывавшимъ войскамъ грозный, внушительный видъ. Подъ жестокимъ огнемъ французской артиллеріи, по словамъ одного русскаго офицера, «они развертывали свой строй въ томъ строгомъ порядкѣ, который составляетъ отличительное свойство прусскихъ войскъ; если бы не ядра, можно было бы подумать, что присутствуютъ на какомъ-нибудь парадѣ въ Потсдамѣ. Никогда не видѣлъ я ничего болѣе величественнаго и прекраснаго и никогда не былъ я столько увѣренъ въ побѣдѣ»¹⁾. Союзники ожидали, что французы дрогнутъ и побѣгутъ предъ лицомъ этой надвигавшейся на нихъ живой крѣпости. Вмѣсто того они увидѣли ихъ непоколебимыми, выстроившимися въ образцовомъ боевомъ порядкѣ на плато, передъ возвышавшейся надъ нимъ мельницей, и спокойно ожидающими приступа. Въ это время въ рядахъ французовъ проявилось какое-то волненіе. Келлерманъ поднялъ на концѣ шпаги свою украшенную трехцвѣтной кокардой шляпу и прошелъ по рядамъ, воодушевляя солдатъ. Въ отвѣтъ ему раздались восторженные клики солдатъ: «Да здравствуетъ нація!» Пруссаки остановились. Завязалась бѣшеная канонада. У пруссаковъ было пятьдесятъ четыре батареи. Французы противопоставляли имъ только сорокъ, но превосходно поставленныхъ. Около двухъ часовъ взорвало нѣсколько кессоновъ на площадкѣ; французы, казалось, смѣтились на минуту и прекратили огонь. По приказу Келлермана, герцогъ Шартрескій привелъ двѣ батареи, которыя прикрыли пѣхоту. Артиллеристы оправились отъ тревоги и возобновили непрерывный, друж-

¹⁾ Князь Нассау Зигенскій, FEUILLET. t. VI, p. 354.

вый огонь. Смущенные самоуверенностью этих войск, которые ожидали увидѣть шаткими и нерѣшительными, удивленные и разстроенные огнемъ артиллеріи, которую считали дезорганизованной и которая не переставала слыть «первою въ Европѣ», пруссаки оробѣли. Герцогъ Брауншвейгскій рѣшилъ, что операція не удалась и прекратилъ ее. Тогда увидѣли, какъ эти еще недавно гордые и грозныя колонны заколебались, повернули и стали удаляться. Только канонада продолжалась до вечера. Это сраженіе стоило не болѣе двухсотъ человѣкъ убитыми, у пруссаковъ, и трехсотъ—у французовъ. Если судить по числу убитыхъ, это была простая стычка; но если мѣрить послѣдствіями, то это—одно изъ величайшихъ событій исторіи.

Дюмуре не принималъ участія въ битвѣ. Онъ съумѣлъ, однако, извлечь изъ нея всевозможныя выгоды. Онъ воодушевилъ войска, впустилъ имъ уверенность въ своихъ силахъ и довѣріе къ командирамъ. Они заставили отступить фаланги Фридриха и почли себя непобѣдимыми. Паника смѣнилась оживленіемъ. Пруссакки почувствовали себя побѣжденными; они усомнились не въ своей силѣ, а въ слабости непріятеля и въ полезности войны. Достаточно было одного этого столкновенія, чтобы пробудить исконную враждебность къ вчерашнимъ противникамъ, а нынѣ союзникамъ—австрійцамъ, ради которыхъ они изнуряли себя, не видя поддержки. Къ французамъ они въ ту минуту не питали никакой ненависти; найдя ихъ сильными, они стали уважать ихъ и вспомнили, что Франція была долгое время вѣрною союзницею Пруссіи. Между арміей, борющейся за дѣло цѣлаго народа, считающаго себя призваннымъ къ возрожденію міра, и солдатами, пришедшими на чужую сторону для чисто политической войны, подъ начальствомъ колеблющихся начальниковъ, игра переставала быть равной. Послѣ Вальми, все нравственные силы перешли на сторону французовъ.

Это почувствовали и въ прусскомъ лагерѣ: «Вы увидите, — сказалъ маіоръ Массенбахъ, — какъ расхорохорятся эти пѣтушки. Они приняли огненное крещеніе... Мы потеряли не только сраженіе: 20-ое сентября произвело поворотъ въ исторіи. Это—важнѣйшій день вѣка». Вечеромъ, у бивачнаго огня, товарищи по оружію спрашивали Гете о значеніи событія. Гете отвѣтилъ: «Съ этого дня и отъ этого мѣста начинается новая эпоха въ исторіи міра, и вы можете сказать: и я тамъ былъ». То, что Массенбахъ высказывалъ какъ военный, а Гете резюмировалъ какъ философъ, то инстинктивно чувствовалось каждымъ, и душевное угнетеніе было тѣмъ сильнѣе, что къ нему присоединялись и физическія страданія. Въ теченіе уже четырехъ дней войска питались мучною болтушкой: хлѣба не было, а, главное, ощущался большой недостатокъ въ годной для варки водѣ среди болотъ и подъ проливными дождями. «21-го утромъ, — передаетъ Гете, —мы чувствовали себя въ отчаянномъ и униженномъ поло-

женіи. Мы находились на краю обширнаго амфитеатра, а съ другой стороны, на высотахъ, у подножія которыхъ видѣлись рѣки, пруды, ручьи и болота, непріятельская армія образовала громадный полукругъ... Какъ ни были мы воинственно настроены наканунѣ, приходилось сознаться, что перемиріе желательно, такъ какъ самые храбрые и самые пылкіе вынуждены были признать, что атака была бы рискованнѣйшимъ въ мірѣ предпріятіемъ».

Но если положеніе пруссаковъ было неблагоприятно, то и положеніе Дюмуре оставалось опаснымъ. Упыліе непріятеля оказывало ему болѣе услугъ, чѣмъ собственные ресурсы. Онъ находилъ, что войска его еще недостаточно подготовлены для правильнаго сраженія. При нѣкоторой отвагѣ и рѣшимости, пруссаки еще могли зайти ему въ тылъ и отрѣзать отступленіе. Съ рѣдкою проникательностью онъ понималъ, что за него работало время. Въ этой странной встрѣчѣ успѣхъ зависѣлъ отъ умѣнья себя держать: достаточно было держать себя побѣдителемъ, чтобы одержать побѣду. Дюмуре былъ въ своей сферѣ; ему нравились такія ситuaціи. «Мнѣ удалось истощить эту армію биваками, голодовками, болѣзнями и дезертирствомъ», — писалъ онъ военному министру. — Я имѣлъ перевѣсъ во всехъ стычкахъ, и достойный генералъ Келлерманъ энергически поддержалъ меня. Я былъ Фабіемъ, онъ—Маркелломъ, и мы вмѣстѣ подбиваемъ Аннибала Брауншвейгскаго». Дюмуре намѣревался собрать до восьмидесяти тысячъ войска, а до тѣхъ поръ—установить «пѣчто въ родѣ передышки», занимая непріятеля «пустыми переговорами». Эти переговоры были пустыми лишь въ началѣ, но, по его мысли, не должны были оставаться такими впоследствии. Въ глубинѣ души онъ желалъ, чтобы непріятель отнесся къ нимъ серьезно. Мысль о выдѣленіи прусскаго короля изъ коалиціи естественно представлялась его уму, и онъ считалъ себя въ своемъ лагерѣ болѣе во главѣ дипломатин, чѣмъ три мѣсяца тому назадъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Тѣмъ не менѣе, ничего не зная о настроеніи собиравшагося въ то время въ Парижѣ Конвента, онъ рѣшилъ соблюдать крайнюю осмотрительность и ограничиться зондированіемъ почвы. Случай доставилъ ему къ тому поводъ.

Въ канцеляріи прусскаго короля былъ молодой секретарь, по имени Ломбаръ; это былъ не глупый молодой человѣкъ, весьма миролюбиваго нрава. Однако, услышавши пушечныя выстрѣлы, онъ не могъ преодолѣть своего любопытства и захотѣлъ увидѣть сраженіе, какъ и другіе. По злополучной случайности онъ попалъ въ руки французскихъ кавалеристовъ. Говорили, что эти люди не щадятъ пруссаковъ. Ломбаръ съ большою готовностью предоставилъ имъ свой кошелекъ, часы, кольцо, шпоры и печать. Въ то время какъ его уводили, навстрѣчу шелъ отрядъ волонтеровъ и,

по признанію Ломбара, ему пришлось пережить весьма неприятныя минуты. Ломбаръ принадлежалъ къ семейству французскихъ выходцевъ прежняго времени; онъ говорилъ по-французски; по его платью и говору волонтеры приняли его за эмигранта и захотѣли повѣсить. Гусары высвободили его и во весь карьеръ примчали въ лагерь генерала Дюваля, на попеченіе котораго и оставили Ломбара. Дюваль, узнавъ о званіи молодого человѣка, обошелся съ нимъ вѣжливо и приказалъ отвести къ Дюмуре въ Сентъ-Менегульдъ. Онъ отправился съ транспортомъ раненыхъ, бродилъ цѣлую ночь по дорогамъ подъ дождемъ, безъ плаща, голодный, продрогшій и опечаленный злосчастнымъ приключеніемъ, въ которое вовлекла его собственная неосторожность. Дюмуре прислалъ къ нему на другой день одного изъ своихъ адъютантовъ, который попробовалъ заставить его говорить; затѣмъ пришелъ къ нему самъ и напугалъ: «Ни одинъ пруссакъ не выйдетъ живымъ изъ нашей земли»,—сказалъ онъ ему. Между тѣмъ прусскій король сталъ требовать возвращенія своего секретаря. Дюмуре увидѣлъ въ этомъ происшествіи поводъ «закинуть удочку», то есть завязать переговоры, какъ онъ писалъ Лебрену 24-го сентября. Поэтому онъ освободилъ Ломбара и вручилъ ему для передачи королю записку, составленную по его указаніямъ однимъ изъ его адъютантовъ Фортэромъ, близко знакомымъ съ его бельгійскими происками и пользовавшимся его полнымъ довѣріемъ. Авторъ записки настаивалъ на опасности союза между Пруссіей и Австріей и на возстановляющемся, съ каждымъ днемъ, могуществомъ Франціи. Намекнувъ на то, что Дюмуре «въ силу всеобщаго довѣрія облеченъ вышею мѣрою власти», записка закапчивалась слѣдующимъ образомъ: «Принявъ въ соображеніе все вышеизложенное, главнокомандующій, г. Дюмуре, весьма охотно взялъ бы на себя смѣлость совѣтывать королю прежде всего удалиться съ мѣста дѣйствія, а затѣмъ приступить къ переговорамъ, на основаніяхъ, предложенныхъ ему генераломъ въ бытность его министромъ иностранныхъ дѣлъ; въ этомъ случаѣ король прусскій могъ бы извлечь свою армію изъ опаснаго положенія, въ которомъ она находится, и употребить ее, какъ то окажется неизбежнымъ и необходимымъ по соображеніямъ вышешаго порядка, на довершеніе истинной цѣли прусской монархіи, заключающейся въ созданіи противовѣса австрійскому дому...»

Ломбаръ пустился въ путь, но мытарства его еще не кончились. Вестерманъ, до котораго дошли слухи объ этомъ дѣлѣ, нагналъ его, задержалъ и привезъ обратно въ Сентъ-Менегульдъ, требуя, чтобы его не отпускали иначе, какъ обмѣнявъ на варенскаго мэра Жоржа, котораго пруссаки держали заложникомъ въ Вердюнѣ. Дюмуре не могъ отказать въ этомъ; онъ не могъ также скрыть отъ комиссара исполнительнаго Совѣта миссію, возложенную на Ломбара. Къ тому же онъ увидѣлъ въ этомъ вы-

нужденномъ сообщеніи ту выгодную сторону, что въ довольно таки скабрёзное дѣло будетъ посвященъ человѣкъ, хвалившійся довѣріемъ Дантона. Ломбаръ припужденъ былъ вернуться подъ арестъ, впрочемъ, далеко не суровый. Онъ написалъ своему государю, извѣщая о предложеніи обмѣна заложниковъ и прибавляя не безъ стилистическаго величія души, что вѣряетъ себя мудрости короля и подчиняетъ свою свободу необходимымъ высшей политики.

Вестерманъ нетерпѣливо стремился къ созданію себѣ роли, желалъ помѣряться силами съ королями и вышаться въ крупныя интриги. Онъ самъ повезъ въ прусскій лагерь письмо Ломбара и записку Фортэра. Онъ не удовольствовался передачей этихъ бумагъ, но намекнулъ на возможность соглашенія, которое обезпечило бы спасеніе Людовика XVI, и на то, что можно узнать обо всемъ подробнѣе, если будетъ прислано къ главнокомандующему какое-нибудь довѣренное и авторитетное лицо. Пруссаки желали сговориться съ Дюмуре; Дюмуре предлагалъ имъ, въ сущности, возобновленіе переговоровъ съ того пункта, на которомъ они оборвались въ Берлинѣ, въ апрѣлѣ. Его тогдашній эmissаръ Бенуа сказалъ при своемъ отъѣздѣ, что переговоры, быть можетъ, станутъ болѣе удобоисполнимыми на французской территоріи. Такъ оно и случилось теперь. Король принялъ предложеніе объ обмѣнѣ плѣнниковъ. Герцогъ Брауншвейгскій и Манштейнъ настаивали, совѣтуя не отвергать переговоровъ съ Дюмуре. Положеніе войскъ, необходимость предстоявшаго по мнѣнію всѣхъ отступленія, безпокойство, внушаемое образомъ дѣйствій Австріи и Россіи, наконецъ, надежда на спасеніе жизни Людовика XVI заставили Фридриха-Вильгельма согласиться. Онъ уполномочилъ Манштейна отправиться во французскій лагерь вмѣстѣ съ бывшимъ адъютантомъ Булье, Гейманомъ, имѣвшимъ претензію на нѣкоторое вліяніе на Дюмуре и связи въ средѣ революціонной партіи. Свиданіе происходило 23-го сентября въ Дамшербѣ, въ главной квартирѣ Келлермана. Обмѣнялись вѣжливостями и любезностями; Манштейнъ старался заставить Дюмуре высказаться за Людовика XVI. Не высказываясь по существу, Дюмуре сыпалъ неопредѣленными обѣщаніями и поощреніями, «пространно развивалъ всѣ пункты, затронутые въ запискѣ» и согласился передать исполнительному Совѣту письменныя предложенія, которыя Манштейнъ оставилъ ему подъ такимъ заглавіемъ: «Существенные пункты для миролюбиваго улаженія всякихъ недоразумѣній между французскимъ и прусскимъ королевствами». Текстъ былъ точенъ и кратокъ:

«1) Король прусскій, равно какъ и союзники его, желаютъ видѣть представителя французскаго народа въ лицѣ его короля, дабы имѣть возможность сношеній съ нимъ. Дѣло не идетъ о возвращеніи къ прежнему

порядку, но, напротивъ, о томъ, чтобы во Франціи было правительство, способное доставить благо королевству.

«2) Король, а равно и союзники, желаютъ прекращенія всякой пропаганды.

«3) Желательно полное освобожденіе короля».

Подъ этими условіями, — увѣрялъ Манштейнъ, — прусскій король не будетъ вмѣшиваться въ дѣла внутренняго устройства Франціи и еще менѣе въ дѣла эмигрантовъ: онъ покинетъ ихъ безъ всякаго затрудненія. По окончаніи совѣщанія, сѣли за столъ, затѣмъ рѣшено было сойтись еще разъ и прекратить на время военныя дѣйствія.

Манштейнъ вернулся въ прусскій лагерь полный самыхъ радужныхъ надеждъ и внушалъ эти надежды и окружающимъ. Чтобы не подвергать своего монарха упреку въ нелояльности, онъ предупредилъ о затѣвающихся переговорахъ князя Рейсса и уполномоченнаго Екатерины, князя Нассау-Зигенскаго. 25-го числа, Дюмуре и Вестерманъ приглашены были Манштейномъ на обѣдъ въ прусскую главную квартиру, гдѣ ихъ должны были представить прусскому королю. Дюмуре получилъ приглашеніе 24-го сентября. Онъ принялъ его, но затѣмъ, подумавъ, отказался. Дѣло въ томъ, что наканунѣ, вечеромъ, возвращаясь въ свою квартиру, онъ получилъ извѣстіе о созваніи Конвента и о первыхъ постановленіяхъ этого верховнаго собранія: упраздненіи королевской власти и провозглашеніи республики. Эти извѣстія являлись рѣшительнымъ препятствіемъ начатымъ Манштейномъ переговорамъ. Дюмуре не такой былъ человѣкъ, чтобы компрометтировать себя безъ всякой выгоды и рисковать своей карьерой, ставя ее на карту, по примѣру Лафайета. Онъ письменно извинился передъ Манштейномъ, сообщилъ ему о парижскихъ извѣстіяхъ и прибавилъ, что ждетъ для возобновленія переговоровъ приказаній отъ своего правительства. Письмо заканчивалось напыщенными любезностями и сентиментальными выраженіями сожалѣнія, по поводу войны, нарушавшей начала гуманности, философіи и разумности. Дюмуре такъ же прекрасно владелъ жаргономъ розенкрейцеровъ, какъ и жаргономъ якобинцевъ и съ одинаковою развязностью игралъ различныя роли, соотвѣтствовавшія его цѣлямъ.

Переговоры съ пруссаками не были главнымъ его дѣломъ. Ему необходимо было отстаивать противъ своего же правительства созданное имъ себѣ положеніе, изъ котораго онъ извлекалъ такую выгоду. Серванъ убѣждалъ его отступить и защищать прежде всего дорогу къ Парижу. Хотя французскія войска испытывали менѣе лишеній, чѣмъ прусскія, тѣмъ не менѣе и на ихъ долю выпало не мало страданій. Среди бездѣйствія лагерной жизни, въ сырости лѣсовъ, при постоянномъ ненастьѣ, можно было

ежечасно ожидать нарушеній дисциплины. Прїѣздъ и отъѣздъ эмиссаровъ, свиданія генераловъ, слухи о переговорахъ, все это волновало умы солдатъ и безъ того уже склонныхъ къ подозрительности. Наконецъ, Келлерманъ, почитавшій себя дѣйствительнымъ побѣдителемъ при Вальми, нетерпѣливо отвергалъ главенство Дюмуре и имѣлъ притязаніе на полную самостоятельность. Онъ желалъ отступленія къ Шалону. Сверхъ того и у него были свои политическіе виды и, не противорѣча открыто Дюмуре въ этомъ отношеніи, онъ желалъ вести свою линію. Горячій патриотъ, превосходный служака, но весьма завистливый въ дѣлѣ престижа и крайне самолюбивый, болѣе солдатъ, чѣмъ Дюмуре, онъ подобно всѣмъ, прошедшимъ школу Семилѣтней войны, восхищался Фридрихомъ II, ненавидѣлъ Австрію и считалъ себя способнымъ, не менѣе всѣхъ своихъ товарищей по оружію, къ веденію ловкой интриги и дипломатическихъ переговоровъ. Находя прусскія предложенія искренними и выгодными, онъ не скрывалъ такого своего мнѣнія. Онъ совѣтовалъ Сервану принять ихъ, для того, чтобы порвать «чудовищный союзъ», возстановить дружественныя отношенія между Франціей и Пруссіей и отбросить всю тягость войны на Австрію.

Дюмуре раздѣлялъ это мнѣніе, но, какъ дипломатъ и политикъ, онъ смотрѣлъ дальше. Онъ не считалъ невозможнымъ разьединеніе Пруссіи и Австріи; но прежде всего онъ желалъ отъ нихъ избавиться. Не довѣряя ихъ искренности и самъ платя имъ тою же монетою, онъ хотѣлъ заставить ихъ удалиться, и въ то время, какъ Келлерманъ преслѣдовалъ бы ихъ отступленіе, намѣревался вторгнуться въ Бельгію. Дюмуре попытался расположить Келлермана въ пользу этого плана, указывая ему на то, какая честь предстоитъ ему въ такомъ единоборствѣ съ прусскимъ королемъ. Но не успѣвъ убѣдить его, обратился къ Совѣту.

Онъ уладилъ свои отношенія съ новымъ правительствомъ и громко призналъ республику. «Я въ восторгѣ, что мы перескочили къ республикѣ, — писалъ онъ Клавьеру. — Въ настоящую минуту недоразумѣнія устранены. Умѣреннымъ остается читать Плутарха и перемѣнить шкуру, какъ зѣбякъ». Высказавшись такимъ образомъ, онъ вернулся къ своему плану вторженія въ Бельгію. Онъ написалъ Сервану и, полагая, что Вестерманъ лично знакомъ съ Дантономъ, послалъ его въ Парижъ съ письмомъ. Къ тому же онъ рассчитывалъ на то, что Лебренъ убѣдитъ Совѣтъ. «Существенные пункты, намѣченные Манштейномъ, не составляютъ еще основы для переговоровъ», — писалъ онъ 24-го сентября, — но этотъ, ни къ чему не обязывающій, документъ можетъ послужить поводомъ къ началію разговора. Онъ доказываетъ отчаянное положеніе прусской арміи. — Мнѣ кажется, — прибавлялъ онъ, — что прусскій король весьма смущенъ и раздо-

садованъ тѣмъ, что зашелъ такъ далеко; ему желательно найти способъ, чтобы выйти изъ затрудненія... Если я продержу его въ тискахъ еще дней восемь, армія его будетъ окончательно разбита и безъ сраженія». Впрочемъ, онъ обѣщалъ не приступать ни къ какимъ переговорамъ безъ формальнаго приказа. «Отвѣчайте мнѣ по этому вопросу; а пока я буду продолжать чинить свое перо сабельными ударами».

Эмиссары, выбранные изъ эльзасцевъ, служившихъ въ арміи Дюмуре, отправлялись къ прусскимъ аванпостамъ, распространяли тамъ листовки, направленные противъ Австріи, и воззванія, въ которыхъ говорилось о свободѣ; нѣмцевъ приглашали къ дезертирству, звали во Францію, гдѣ они будутъ пользоваться благами равенства: «Вы найдете тамъ и землю, и занятія, потому что французы любятъ пруссаковъ какъ братьевъ и ненавидятъ однихъ австрійцевъ»,—говорили эти наивные апостолы. Австрійцы и эмигранты жаловались на эту пропаганду, которой, повидимому, покровительствовали пруссаки. Эти послѣдніе рѣшили положить ей конецъ, и 24-го сентября Массенбаху поручено было объявить, что если эмиссары будутъ продолжать свою вербовку, то они будутъ встрѣчены ружейными выстрѣлами. Массенбахъ встрѣтилъ у аванпостовъ генералъ Штенгель, нѣмецъ по происхожденію и лично знакомый ему съ давнихъ поръ. Затѣмъ его проводили къ Келлерману. Здѣсь онъ нашелъ генераловъ: Ла-Барольеръ и Диллона, вмѣстѣ съ герцогами: Монпансье и Шартрскимъ, или, какъ ихъ называли въ то время, «принцами Эгалите». Стали бесѣдовать о кампаніи, какъ люди одной профессіи, воевавшіе другъ съ другомъ безъ всякой ненависти и злобы и безъ обоюднаго презрѣнія.

Въ восемнадцатомъ вѣкѣ военные считали войну чѣмъ-то среднимъ между дуэлью и партіей въ шахматы. Уважали другъ друга именно въ силу того, что дрались другъ съ другомъ, а во время пріостановки военныхъ дѣйствій бесѣдовали какъ люди одного общества, вскормленные одной цивилизаціей и связанные къ тому же великимъ союзомъ товарищества по оружію. Массенбахъ нашелъ, что французы поглощены политическими событіями настоящаго и не думаютъ о будущемъ, или, какъ онъ выразился, не осмѣливаются заглядывать въ будущее. Диллонъ, доблестный солдатъ и убѣжденный роялистъ, преданный Людовику XVI, выказалъ болѣе волненія, колебаній и экспансивности. Въ былое время онъ лично зналъ Фридриха-Вильгельма и герцога Брауншвейгскаго. Послѣ обѣда, отозвавъ въ сторону Массенбаха, онъ сказалъ ему: «Передайте королю и герцогу, что жизнь короля можетъ быть спасена только цѣною признанія коалиціей республики и примиренія съ нею. Этотъ миръ погубитъ республику, потому что поведетъ къ усиленію раздоровъ между партіями; война же только раздражитъ ее, монархія и дворянство будутъ уничтожены. Не

слѣдуетъ и думать о возвращеніи братьевъ короля: вся Франція презираетъ и ненавидитъ ихъ». Затѣмъ, отведя собесѣдника къ открытому окну, гдѣ никто изъ присутствовавшихъ не могъ ихъ слышать, онъ прибавилъ въ полголоса: «Скажите королю, что въ Парижѣ готовятъ вторженіе въ Германію, такъ какъ извѣстно, что Рейнъ не защищается нѣмецкими войсками, а также и потому, что надѣются ускорить такимъ образомъ очищеніе отъ этихъ войскъ французской территоріи». Быть можетъ, Диллонъ видѣлъ въ этомъ сообщеніи средство къ тому, чтобы заставить пруссаковъ отступить. Но его заявленіе превышало мѣру дозволеннаго и равнялось измѣнѣ. Долгъ могъ быть понимаемъ только однимъ способомъ: слѣдовало молчать и драться, согласно съ честнымъ совѣтомъ, даннымъ герцогу Шартрекому Дантономъ. Иначе путь становился слишкомъ скользкимъ, а разговоры, въ родѣ только что приведеннаго,—прямо опасными. Дюмуре былъ слишкомъ смѣтливъ и сдержанъ для того, чтобы у него могли вырваться неосторожныя слова; но, какъ генералъ и какъ дипломатъ, онъ былъ сильно заинтересованъ въ продолженіи переговоровъ, а потому употреблялъ все свое искусство, стараясь держать нѣмцевъ въ ожиданіи.

Въ Манштейнѣ онъ нашелъ усерднаго собесѣдника. Отказавшись ѣхать въ прусскій лагерь, подъ предлогомъ неодобренія такой поѣздки солдатами, Дюмуре пригласилъ королевскаго адъютанта къ себѣ: «Мы основательно поговоримъ объ интересахъ обоихъ народовъ, созданныхъ для взаимной дружбы и союза». Манштейнъ отобѣдалъ 25 сентября у Дюмуре въ Дампьерѣ, съ Келлерманомъ, Валансомъ и обоими «принцами Эгалите». Дюмуре доказывалъ, что прусскому королю неизбежно придется вступить въ сношенія съ Конвентомъ. Манштейнъ не отвергалъ безусловно такой мысли и далъ замѣтить, что «несмотря на нерасположеніе прусскаго монарха», по всей вѣроятности, будутъ сдѣланы новыя предложенія. Въ видахъ ихъ облегченія, рѣшили обсудить объѣмъ военнопленныхъ и условились, что пользовавшійся полнымъ довѣріемъ Дюмуре адъютантъ Туveno отправится по этому поводу, на слѣдующій же день, въ прусскій лагерь.

Пруссакіи должны были сознаться, что обманывали себя странными иллюзіями. Между тѣмъ, въ виду испорченныхъ дорогъ, падежа кавалерійскихъ лошадей и продолжавшей свирѣпствовать дизентеріи, невозможно было и думать о новомъ наступленіи ранѣ прибытія свѣжихъ подкрѣпленій. Ходили зловѣщіе слухи: увѣряли, что ежедневно приходили къ Дюмуре новыя войска, что разбойничьи шайки ходили по краю, прелятствуя сообщеніямъ, убивая встрѣчныхъ одинокихъ солдатъ. Волненіе росло. Пруссакіи остолебѣли, когда Манштейнъ привезъ 25-го сентября экземпляры

Moniteur'а, заключающіе отчеты о первых засѣданіяхъ Конвента, а Массенбахъ передалъ о планахъ французовъ относительно Рейна. Сторонники переговоровъ утратили всякую самоувѣренность и потеряли всякій кредитъ въ глазахъ прусскаго короля. Съ той поры Фридрихъ-Вильгельмъ пересталъ вѣрить въ возможность соглашенія. Луккезини, пріѣхавшій въ главную квартиру 24 сентября, еще болѣе утвердилъ его въ этомъ мнѣніи. Какъ ни враждебно относился онъ къ Австріи, прежде всего онъ придерживался осторожности. Онъ не довѣрялъ Дюмуре, и генералъ встрѣтилъ въ немъ партнера, способнаго съ успѣхомъ поспорить съ нимъ въ дѣлѣ тонкости и хитрости дипломатическаго расчета.

Когда Тувено явился 26 сентября въ прусскій лагерь, его принялъ герцогъ Брауншвейгскій. Картель объ обмѣнѣ плѣнныхъ былъ подписанъ безъ затрудненій; потомъ перешли къ политическимъ дѣламъ. Тувено держалъ себя съ тактомъ, избѣгая щекотливыхъ вопросовъ. «Вашъ и нашъ народъ,—говорилъ герцогъ Брауншвейгскій,—не созданы для взаимной неприязни. Не найдется ли средства для полюбовной сдѣлки? Мы знаемъ, что не имѣемъ права вмѣшиваться во внутреннія дѣла чужой страны и мѣшать ей народу устанавливать у себя новый государственный строй; мы на это и не посягаемъ. Намъ занимаетъ исключительно судьба французскаго короля». Пусть только обезпечить безопасность Людовика XVI, пусть дадутъ ему мѣсто въ новомъ порядкѣ вещей, и прусскій король удалится съ французской территоріи и станетъ даже союзникомъ Франціи.—«Я вижу только одинъ способъ добиться соглашенія,—отвѣтилъ Тувено:—вести переговоры съ національнымъ Конвентомъ». На вопросъ: нельзя ли прійти къ соглашенію посредствомъ арміи, Тувено возразилъ: «У насъ, во Франціи, армія не занимается политикой».

Дюмуре пашель, однако, что адъютантъ его выказалъ излишнюю сдержанность. «Надѣюсь», писалъ онъ Клавьеру 26 сентября, «что все это протянется не долго; при помощи нѣсколькихъ стычекъ и дружескихъ рѣчей, я избавлю васъ отъ пруссаковъ. Что касается австрійцевъ, то это дѣло другого рода. Держусь того мнѣнія, что имъ не слѣдуетъ дать отдѣлаться отъ насъ такою дешевою цѣною; мои славыя друзья, бельгійцы, должны выиграть при этомъ свою свободу, а мы—найти въ нихъ добрыхъ союзниковъ». «Такъ какъ пруссаки, повидимому, оказываютъ мнѣ исключительное довѣріе вслѣдствіе того, что я былъ ранѣе министромъ иностранныхъ дѣлъ», писалъ онъ Сервану въ тотъ же день, «я бы могъ дѣлательно работать и воспользоваться обстоятельствами, если республика найдетъ это умѣстнымъ и если мнѣ пришлютъ основательныя инструкціи». Признаніе республики, разрывъ коалиціи, нейтральность отношеній между Франціей, Австріей и Германскою имперіей, простое ходатайство въ пользу

Людовика XVI, очищеніе территоріи: «если всѣ эти статьи могутъ быть согласованы, то послѣдуетъ весьма быстрое заключеніе союза между Франціей и Пруссіей, который, почти безъ пролитія крови, дастъ свободу бельгійскому населенію».

Дюмуре немедленно возобновилъ переговоры. Узнавъ, что прусскій король терпитъ недостатокъ въ сахарѣ и кофе, онъ придумалъ 27 сентября послать ему и то и другое; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ препроводилъ вторую, болѣе пространную записку, въ которой патетически указывалъ вновь на опасность австрійскаго союза для Пруссіи. Ко всему этому приложено было письмо, адресованное Манштейну и величавшее его «добродѣтельнымъ мужемъ». Дюмуре увѣрялъ, что всѣ французы глубоко уважаютъ прусскаго короля и горячо стремятся къ возобновленію союза съ Пруссіей, утраченнаго по вину «коварнаго и легкомысленнаго двора». Онъ указывалъ также на бѣдствія, которыя повлекло бы за собою продолженіе войны. «Съ нами слѣдуетъ добиваться соглашенія, или же разгромить насъ, а разгромить мужественный двадцатиняти-милліонный народъ и стереть его съ лица земли не такъ-то легко. Къ тому же,—продолжалъ онъ,—такого рода успѣхъ былъ бы преступленіемъ противъ всего человѣчества, и если бы что-либо подобное совершилось, наша любовь къ вашему королю перешла бы въ ненависть и отвращеніе, внушаемая несправедливостью и жестокостью чловека. Нѣтъ, этого не можетъ быть; вы описывали мнѣ великодушное сердце и добродѣтели короля, вы должны поручиться за него. Дружески обнимаю васъ». Дюмуре рассчитывалъ, что эти гуманитарныя пошлости и густой оμίамъ одурманивъ мрачнаго теософа. Онъ подражалъ тону странныхъ царедворцевъ Фридриха-Вильгельма, въ надеждѣ расположить этого монарха въ пользу своихъ внушеній и вызвать съ его стороны какое-нибудь положительное предложеніе. Прускій король дѣйствительно высказался; но далеко не въ томъ духѣ, котораго желалъ Дюмуре.

Комментировалъ письмо генерала не кто иной какъ Луккезини; онъ же внушилъ и отвѣтъ. Со времени разговора съ Тувено и вслѣдствіе самой сдержанности, выказанной этимъ офицеромъ, Луккезини убѣдился, что Дюмуре не имѣлъ высшихъ полномочій; что Конвентъ, по всей вѣроятности, не пожелаетъ уполномочивать его вести переговоры на единственно-совмѣстимыхъ съ достоинствомъ Пруссіи основаніяхъ; что перемиріе было бы выгодно для однихъ французовъ и что всевозможные переговоры привели бы лишь къ совершенно напрасной ссорѣ между Австріей и Пруссіей. Вторая записка Дюмуре, полученная Манштейномъ, окончательно убѣдила Луккезини въ вѣрности его взгляда на дѣло. Къ тому же король оскорбился тономъ Дюмуре, нравоученіями его по поводу прусскихъ интересовъ и надменностью, съ которой ему совѣтовали измѣнить Австріи.

Онъ выразилъ неодобреніе герцогу Брауншвейгскому, порицалъ Манштейна и заставилъ его немедленно отвѣтить Дюмуре. Письмо было крайне сухо: имъ прекращались въ самой жесткой формѣ дальнѣйшія попытки французскаго генерала. Говорилось, что король ни въ чемъ не нуждается, что подарки излишни. «Осмѣливаюсь васъ просить не утруждать себя болѣе въ этомъ отношеніи». Манштейнъ просилъ также не упоминать болѣе объ Австріи. «У каждого свои правила: правила моего монарха и господина заключаются въ точномъ соблюденіи разъ принятыхъ на себя обязательствъ. Такой принципъ можетъ лишь усилить доброе мнѣніе французскаго народа объ этомъ государѣ... Эта ироническая выходка, напоминавшая тонъ Фридриха II, обличала сотрудничество Луккезини въ дѣлѣ переписки «добродѣтельнаго Манштейна».

Этимъ письмомъ обрывались переговоры; по сущности положенія вещей оставалась неизмѣнной. Непастѣ продолжалось: дороги еще болѣе портились, обозы вязли въ грязи, въ фуражѣ былъ недостатокъ, лошади падали, солдаты гибли отъ дизентеріи, русскіе утверждались въ Польшѣ, а австрійцы продолжали мѣшкать въ Германіи. Въ теченіе восьми дней прусская армія потеряла шесть тысячъ человѣкъ. Министерство не получало никакихъ реальныхъ предложеній ни изъ Вѣны, ни изъ Петербурга. 21 сентября пруссакамъ оставалось, собственно говоря, только отступить. Для прикрытія этого отступленія они, за неимѣніемъ лучшаго, прибѣгли къ манифесту. Герцогъ Брауншвейгскій, подписавшій іюльскій манифестъ, который самъ находилъ нигде не годнымъ, подписалъ и этотъ, не казавшійся ему лучшимъ. Первый возвѣщалъ нашествіе и долженъ былъ устрашить; второй—знаменовалъ отступленіе и долженъ былъ внушить иллюзію: онъ былъ переполненъ околичностями, темными, двусмысленными выраженіями и уловками. Это произведеніе канцелярскаго искусства было дѣломъ Луккезини. Этотъ дипломатъ гордился имъ, такъ какъ манифестъ могъ подать поводъ къ недоразумѣнію. «Я долженъ былъ», писалъ онъ прусскимъ министрамъ, «ограничиться требованіемъ освобожденія, безопасности и возстановленія достоинства христіаннѣйшаго короля; эти статьи могутъ быть удовлетворены помимо непремѣннаго возстановленія авторитета короля. Я тщательно избѣгалъ всего, что могло бы компрометтировать насъ по отношенію къ внезапному учрежденію республиканскаго государства; наконецъ, выраженія, нами употребляемые, оставляютъ за нами свободу и легкость примѣненія ихъ смысла какъ при счастливомъ будущемъ, такъ и при недостаточной успѣшности проведенія нашихъ замысловъ».

Манштейнъ прислалъ 28 сентября текстъ манифеста генералу Дюмуре и извѣстилъ объ его опубликованіи. Этотъ прусскій документъ произвелъ

на Дюмуре такое же впечатлѣніе, какое вызвано было у прусскаго короля французскимъ меморандумомъ: «Герцогъ Брауншвейгскій,—сказалъ онъ офицеру, доставившему манифестъ,—принимаетъ меня, вѣроятно, за какого-нибудь амстердамскаго бургомистра. Объявите ему, что съ этой минуты перемиріе кончено и что я при васъ же отдамъ приказъ объ этомъ». Затѣмъ, взявъ перо, онъ написалъ: «Весьма огорченъ, многоуважаемый Манштейнъ, что мнѣ пришлось получить въ отвѣтъ на разсужденія, внушенныя чувствомъ гуманности, заявленіе, могущее вызвать только раздраженіе у свободнаго народа... Не такимъ способомъ слѣдовало бы вести сношенія съ великой націей и диктовать законы облеченному верховною властью народу». Дюмуре не имѣлъ основанія скрывать манифестъ, онъ велѣлъ его отпечатать, приложить къ нему свою вторую записку къ прусскому королю, письмо Манштейна, свой отвѣтъ и приказалъ прочесть все это солдатамъ, при слѣдующемъ приказѣ по войскамъ: «Товарищи по оружію! вотъ разумныя предложенія, которыя были сдѣланы мною пруссакамъ, по полученіи отъ нихъ миролюбивыхъ заявленій. Герцогъ Брауншвейгскій прислалъ мнѣ манифестъ, который вызоветъ негодованіе по всей Франціи и умножитъ численность арміи. Перемиріе кончено; нападѣмъ на этихъ тирановъ и заставимъ ихъ раскаяться въ томъ, что они пришли оскорблять свободную націю». Затѣмъ вся переписка, меморія, манифестъ и приказъ по арміи были отосланы Конвенту. Дюмуре озабочился также распространеніемъ нѣсколькихъ экземпляровъ въ средѣ прусскихъ войскъ.

Рѣшительный тонъ и твердость Дюмуре взволновали пруссаковъ. Они вывели изъ нихъ то заключеніе, что французскій главнокомандующій спѣшитъ приступить къ дѣйствию вѣроятно потому, что чувствуетъ себя въ силахъ его начать. Если французы нападутъ, отступленіе прусской арміи будетъ крайне затруднено и можетъ легко превратиться въ настоящее бѣгство. Имъ показалось также, что французскій генералъ слишкомъ буквально понималъ реторику манифеста и не уловилъ всей его дипломатичности. Дюмуре обманывалъ ихъ пустыми разговорами и успѣлъ дожидаться своихъ подкрѣпленій. Въ свою очередь попытались они отплатить ему тѣмъ же и протянуть время, чтобы имѣть возможность обезпечить свое отступленіе. Для этого слѣдовало бы продлить перемиріе, хотя бы на одинъ день. Герцогъ Брауншвейгскій объявлялъ это необходимымъ; Манштейнъ написалъ 29-го сентября Дюмуре, увѣряя его, что онъ невѣрно понималъ смыслъ прусской деклараціи: «Это соображеніе, а равно и чувство гуманности предписываютъ мнѣ просить у васъ свиданія на завтрашній день».

Дюмуре, располагавшій уже болѣе чѣмъ семьдесятю тысячами солдатъ, проектировалъ движеніе, которое, по его мнѣнію, должно было заставить прусскую армію отступить. Т. III.

вить пруссаковъ отступить къ Маасу; но ему нужно было нѣсколько дней для сосредоточенія своихъ силъ. Чтобы выиграть время, онъ рассчитывалъ утомлять непріятеля мелкими стычками и нападать на обозы. Преслѣдуя пруссаковъ такимъ образомъ, онъ въ это время продолжалъ надѣяться на то, что убѣдить ихъ заключить миръ, но уже пересталъ рассчитывать на разрывъ Пруссіи съ Австріей: «Эти люди дерзки», писалъ онъ Лебрену отъ 29 сентября, «но они нуждаются въ мирѣ, и я полагаю, что они весьма сожалѣютъ о томъ, что поставили себя въ такое невозможное положеніе. Главное затрудненіе для нихъ—это соблюденіе декорума при переговорахъ. Мнѣ кажется, что прусскій король не покинетъ Австріи. Я полагаю, что и для насъ лучше было бы заключить общій миръ, если онъ будетъ почетный, чѣмъ подвергать себя случайностямъ слишкомъ продолжительной войны въ предѣлахъ собственного отечества. Надѣюсь, что они не отважатся требовать отъ насъ контрибуціи или территориальныхъ уступокъ и что мы, во всякомъ случаѣ, не согласимся ни на что, могущее оскорбить наше національное достоинство». Но чего желали въ Парижѣ? Не зная ничего по этому вопросу, Дюмуре не могъ сдѣлать ни одного лишняго шага: «Вотъ уже нѣсколько весьма важныхъ писемъ моихъ остаются безъ отвѣта. А между тѣмъ существенно необходимо принять рѣшеніе или въ смыслѣ переговоровъ, или въ смыслѣ окончательнаго разрыва. Я настоятельно требую отвѣта». Наканунѣ онъ прибѣгъ къ экстренному средству и написалъ Дантону: «Мнѣ не посылаютъ рѣшенія относительно командованія арміями; оно должно быть сосредоточено въ однѣхъ рукахъ, доколѣ арміи связаны во-едино... Озаботьтесь доставленіемъ себѣ моихъ четырехъ или пяти депешъ патріоту Сервану... Взвѣсьте все это своею мудростью, достойный Дантонъ; возьмите на себя трудъ прислать мнѣ точные отвѣты: да или нѣтъ».

Во всякомъ случаѣ, если желали снова завязать переговоры, приходилось выполнить необходимое предварительное условіе: взятіе назадъ манифеста. Убѣжденный, что добьется этого при нѣкоторой стойкости, Дюмуре снова обратился къ Манштейну, написавъ ему, что пока существуетъ манифестъ переговоры остаются невозможными. Онъ прибавилъ, что, впрочемъ, послалъ его Конвенту: «Я могу лишь ожидать приказаній верховной власти, т. е. французскаго народа, образовавшаго національный Конвентъ изъ своихъ представителей». Такимъ образомъ 29 сентября роли значительно перемѣнились. На другой день послѣ Вальми, пруссаки дѣйствительно желали вести переговоры; теперь такіе переговоры становились для нихъ только военною хитростью. Они старались пріостановить дѣйствія Дюмуре тѣмъ самымъ способомъ, посредствомъ котораго онъ сдерживалъ ихъ са-

михъ. Въ сущности, однако, Дюмуре удалось обойти ихъ и, пользуясь плодами своего ухищренія, онъ готовъ былъ отвѣтить на приглашеніе и построить на немъ серьезную игру. Съ той и другой стороны расположены были возобновить бесѣду. Но теперь всѣ рѣшенія подчинены были волѣ властелина, овладѣвшаго государствомъ на три самые бурные года французской исторіи. Этими властелиномъ былъ Конвентъ.

ГЛАВА II.

Война за независимость.

1792 г.

I.

Национальный Конвент собрался въ четвергъ, 20 сентября 1792 г. Онъ заключалъ въ себѣ 782 депутата и 298 кандидатовъ, долженствовавшихъ замѣнять выбывающихъ депутатовъ ¹⁾; на самомъ дѣлѣ явилось, однако же, только 371 депутатъ и не болѣе 253 отозвались на перекличку для избранія президента; Петіонъ былъ выбранъ 235 голосами ²⁾. Само собою разумѣется, что отдаленность многихъ мѣстностей и трудности пути являлись для многихъ препятствіемъ къ пріѣзду въ Парижъ, но и позднѣе, отсутствіе значительнаго числа представителей продолжало оставаться большимъ мѣстомъ Конвента. 21 сентября, единогласнымъ рѣшеніемъ наличнаго состава депутатовъ провозглашено было упраздненіе французской королевской власти, а 22-го числа рѣшено было, что всѣ публичные акты помѣчены будутъ первымъ годомъ французской республики. Уничтоженіе королевской власти было лишь констатированіемъ совершившагося факта; провозглашеніе же республики было дѣломъ простой необходимости. Франція нуждалась въ правительствѣ и ни одна форма правленія, за исключеніемъ республиканской, не оказалась осуществимой. Еще за годъ предъ тѣмъ только весьма незначительное меньшинство отваживалось произносить слово республика. Но фактически во Франціи уже существовалъ республиканскій строй со времени ареста Людовика XVI въ Вареннѣ и до введенія непримѣнной конституціи 1791 года. Всѣ уже успѣли привыкнуть къ этому режиму. Людовику XVI возвращены были вѣншіе признаки власти, но это содѣйствовало лишь утратѣ имъ послѣдняго престижа. Вмѣшательство чужеземцевъ вызвало окончательный разрывъ между націей и королемъ. Нація грозило посягательство на ея основныя права и самую независимость, и она возвратила себѣ верховную власть. Собраніе, являвшееся ея представителемъ, объявило себя верхов-

¹⁾ Jules Guiffrey, *Les Conventionnels* (списокъ депутатовъ и кандидатовъ въ національномъ Конвентѣ). Paris, 1889.

²⁾ Протоколы Национальнаго Конвента, изданные въ Парижѣ 1792—1795 г. (*Procès-verbaux de la Convention Nationale*, Paris 1792—1795)

нымъ властелиномъ. Оставалось узнать, какъ воспользуется оно этою своею властью.

Конвентъ прошелъ чрезъ всевозможныя крайности. Онъ удивилъ міръ своей военною смѣлостью, увлекъ за собою всю Францію, заставилъ трепетать Европу, принудилъ европейскихъ государей заключить миръ. Онъ унижилъ себя тираніей нѣсколькихъ кровавыхъ тирановъ, не смѣлъ ни управлять собою, ни сохранить собственную независимость передъ лицомъ вооруженной парижской черни. Онъ имѣлъ притязаніе на установленіе царства чистаго разума и постоянно подчинялся соображеніямъ о государственной пользѣ. Онъ провозгласилъ отвлеченное право лишь для того, чтобы смѣшать его съ прихотями народной силы. Онъ совершилъ, одновременно, дѣла высокія, ненавистныя и нелѣпыя. Его имя осталось связаннымъ съ воспоминаніемъ о народной оборонѣ и съ воспоминаніемъ о террорѣ. Онъ установилъ, почти безъ обсужденія, великіе соціальныя законы, обязательные и въ будущемъ, и безъ всякой пользы употребилъ множество засѣданій на обсужденіе произвольныхъ мѣропріятій, личныхъ вопросовъ, временныхъ мѣръ, утопій, декретовъ о проскрипціяхъ и преслѣдованіяхъ. Онъ скрѣпилъ своею печатью національное единство и угасъ въ разладѣ партій. Его царство дало нѣсколько наиболѣе славныхъ событій французской исторіи и породило нѣкоторыя изъ самыхъ пагубныхъ. Оно вызвало такихъ героевъ, какъ Гошъ, Марсо, Дезэ, и такихъ злодѣевъ, какъ Каррье. Никогда Франція не покрывала себя такимъ блескомъ извнѣ и никогда не унижала такъ своего достоинства внутри страны, какъ во времена Конвента. Состоя главнымъ образомъ изъ законниковъ, онъ отличился, преимущественно, въ военныхъ дѣлахъ; выбранный съ цѣлью установленія свободы во Франціи, онъ подготовилъ диктатуру военачальника. Онъ имѣлъ притязаніе на утвержденіе мира на незыблемыхъ началахъ, на указаніе Франціи ея естественныхъ границъ и на распространеніе братства въ средѣ всѣхъ народовъ стараго свѣта; по роковыя послѣдствія его принциповъ зажгли между французами и ихъ сосѣдями ужасающую борьбу; онъ вызвалъ общее возстаніе противъ монарховъ, и его политика привела Францію къ дѣлежу территорій и цѣлыхъ народовъ съ этими самыми монархами. Всѣ дѣйствія Конвента поражаютъ своими исполинскими размѣрами; противорѣчія его повергаютъ въ изумленіе, повороты въ его политикѣ поражаютъ. О совокупности его дѣятельности невозможно было бы составить никакого опредѣленнаго сужденія, если бы, несмотря на всѣ свои блужданія, онъ не оставался неизмѣнно вѣрнымъ двумъ рѣшеніямъ, составившимъ его *raison d'être* и его историческое величіе: спасти національную независимость Франціи и обезпечить французамъ права, завоеванныя революціей.

Обсуждая дѣятельность Конвента, не слѣдуетъ забывать, что онъ правилъ Франціей въ теченіе трехъ лѣтъ, отъ сентября 1792 г. до октября 1795 г., и что за этотъ періодъ времени онъ подвергался неоднократнымъ видоизмѣненіямъ. Смотря по различнымъ эпохамъ своего существованія, онъ измѣнялъ и свой личный составъ ³⁾. Робость большинства его членовъ почти постоянно заставляла его быть только частью себя самого и, если можно такъ выразиться, своимъ собственнымъ меньшинствомъ ⁴⁾. Наиболѣе мужественные и дѣятельные депутаты разсѣялись, исполняя различныя миссіи, или же подверглись проскрипціямъ и погибли на гильотинѣ. Отправлявшіеся съ различными порученіями депутаты замѣняли одни другихъ; подвергнушіеся проскрипціи возвращались; кандидаты замѣщали погибшихъ. Не только перемѣщалось большинство, но измѣнялся и самый составъ партій. Членовъ Конвента связывало только одно страстное стремленіе къ спасенію государства. Это стремленіе раздѣляла вся Франція; все великое, совершенное Конвентомъ, внушено цѣлою страной; духъ ея парилъ надъ депутатами и вдохновлялъ ихъ. До тѣхъ поръ, пока дѣло шло о борьбѣ съ иностраннымъ нашествіемъ, это стремленіе поддерживало ихъ, и они оставались всегда побѣдителями: они выражали волю всѣхъ и указывали на дѣйствія, которыя готова была выполнить вся совокупность французскаго народа. Но когда дошло дѣло до организаціи революціи и учрежденія республики, они оказались предоставленными самимъ себѣ, т. е. своимъ иллюзіямъ и пристрастіямъ, и изнемогли подъ бременемъ задачи. Вотъ почему Конвентъ встрѣчалъ безусловное повиновеніе своимъ

³⁾ По численности, составу и группировкѣ депутатовъ, Конвентъ представлялъ какъ бы нѣсколько различныхъ собраній: въ первые мѣсяцы своего существованія; послѣ 21 января 1793 г.; послѣ проскрипціи жирондистовъ въ іюнѣ 1793 г.; послѣ проскрипціи дантонистовъ, въ апрѣлѣ 1794 г.; послѣ паденія Робеспьера, въ іюлѣ 1794 г.; по возвращеніи жирондистовъ, въ мартѣ 1795 г., и проскрипціи монтаньяровъ, въ маѣ 1795 г. Изъ 782 выбранныхъ депутатовъ и 170 кандидатовъ, ихъ замѣнявшихъ, 35 вышло изъ собранія, 19 умерло отъ болѣзней, 9 погибло на войнѣ, 4 было взято въ плѣнъ непріятелемъ, 76 было убито или казнено, 126 заключено въ тюрьму (изъ нихъ 73 жирондиста), отъ марта 1793 г. до марта 1795 г. Кандидаты замѣщали умершихъ, подвергшихся проскрипціи и заключенныхъ, а затѣмъ оставались въ Конвентѣ и по возвращеніи временно удаленныхъ. Jules Guiffrey.

⁴⁾ Абсолютное большинство членовъ Конвента равнялось 392. Переключкой констатировано присутствіе 417 депутатовъ въ декабрѣ 1792 г.; отъ 721 до 355 въ январѣ 1793 г.; отъ 600 до 365 въ февралѣ; отъ 630 до 293 въ мартѣ. Эти цифры падаютъ до 241 послѣ 2 іюня 1793 г. и до 186 въ іюлѣ 1793 г.; начиная съ этого времени до и послѣ 9 термидора (іюль 1794 г.), онъ колеблется между 220 и 250. Въ 1794 г., въ день избранія президентомъ Робеспьера, но только въ этотъ день, число депутатовъ въ Конвентѣ дошло до 485.

требованіямъ до тѣхъ поръ, пока ему приходилось стоять во главѣ народной обороны; отсюда же проистекла его непопулярность и полное дискредитированіе, несмотря на всѣ оказанныя имъ услуги, несмотря на дѣйствительно великія дѣянія его, когда онъ попробовалъ управлять самостоятельно; отсюда несоотвѣтствіе между его мѣрами и громадными усиліями, употреблявшимися для того, чтобы получить отъ народа то, что ранѣе предлагалъ онъ самъ съ готовностью и энтузіазмомъ: его содѣйствіе, его кровь, его расположеніе.

Раздираемому личнымъ соперничествомъ и самолюбіемъ Собранію недоставало вождей и дисциплинированныхъ партій. Ихъ не только не было, но самые просвѣщенные умы находили ихъ существованіе пагубнымъ. «Оспеванныя на равновѣсіи властей, конституціи предполагаютъ или приводятъ къ существованію двухъ партій,—говорилъ Кондорсе;—а одна изъ первыхъ пуждъ республики заключается въ томъ, чтобы партій не было вовсе» ⁵⁾.

Въ основѣ всѣхъ парадоксовъ и софизмовъ, вводившихъ въ заблужденіе Конвентъ, лежала предвзятая мысль о необходимости и спасительности единогласія. Всѣ его желаютъ, всѣ находятъ его необходимо-полезнымъ; по каждый составляетъ себѣ о немъ понятіе, сообразно съ собственною утопией или честолюбіемъ, и это-то разногласіе порождаетъ самыя ожесточенныя распри. Не будучи въ силахъ убѣдить другъ друга, прибѣгаютъ къ взаимному исключенію и уничтоженію. Этотъ духъ проскрипціи составляетъ самую сущность фанатизма, но не всѣ фанатики предприимчивы, непоколебимы и властолюбивы; только нѣкоторые созданы быть пророками и вождями людей, большинство же способно вѣчно оставаться учениками и подчиненными, раболѣпными по отношенію къ болѣе сильнымъ, деспотическими по отношенію къ болѣе слабымъ.

Во всякомъ собраніи бываетъ подвижной контингентъ людей, всегда готовыхъ, сообразно съ интенсивностью воздѣйствія сверху, дать свои голоса въ ту или другую сторону. Въ Конвентѣ этотъ контингентъ состоялъ изъ новыхъ и неизвѣстныхъ людей. Изъ нихъ 476 человекъ никогда не засѣдали еще ни въ какомъ собраніи и изъ этихъ 476 только четверо составили себѣ громкое имя въ теченіе преній: Дантонъ, Сень-Жюсть, Барбару и Луве. Почти всѣ вышли изъ судебного вѣдомства, изъ преторій и канцелярій. Такое происхожденіе объясняетъ сравнительно высокій средній уровень ихъ образованія, ихъ пристрастіе къ судебной процедурѣ, ихъ способность къ дѣламъ, ихъ страсть къ произнесенію торжественныхъ рѣчей и къ діалектическимъ тонкостямъ, ихъ подчиненіе идеѣ о государственной пользѣ, ихъ конкретное пониманіе верховной власти народа и

⁵⁾ Рѣчь Кондорсе, 23 февраля 1793 г. *Moniteur*, т. XV, р. 460.

легкость, съ которой они отождествляли себя съ этой властью, ихъ покорность приказу руководителя, лишь бы онъ командовалъ съ соблюденіемъ извѣстныхъ правилъ, и готовность къ принятію насильственныхъ мѣръ, лишь бы онѣ облечены были въ законную форму. Въѣстѣ съ тѣмъ эти люди проникнуты были горячимъ патриотизмомъ, отличались благими намѣреніями, трудолюбіемъ и, почти всегда, искренностью и безкорыстіемъ⁶⁾.

Ихъ искренность и была причиной ихъ неудачъ. Они безусловно вѣрили въ разумность и благонамѣренность своихъ дѣйствій; они не сомнѣвались въ томъ, что изъ ихъ совѣщаній родится истина. Они вѣрили, что непріятель будетъ отброшенъ усиліями всѣхъ добрыхъ гражданъ, а республика организуется при содѣйствіи всѣхъ честныхъ людей. Они воображали, что, какъ только устранено будетъ препятствіе со стороны коалиціи и междоусобицы, все уладится и упорядочится само собою ко всеобщему благу. Это должно было быть дѣломъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Они не замѣчали, что казавшееся имъ наиболѣе грознымъ препятствіе коалиціи въ сущности было легко устранимо, потому что громадное большинство французовъ работало надъ его устраненіемъ. Оно было ничто въ сравненіи съ тѣмъ препятствіемъ, которое несли въ себѣ сами члены Конвента и вообще французы. Это-то послѣднее препятствіе противилось устройству идеальнаго правительства, потому что каждый понималъ этотъ идеалъ по-своему и потому, что почти ни у кого не было яснаго, удобопримѣнимаго, живого и національнаго представленія о такомъ идеалѣ. Всѣ раздражались при видѣ препятствій и каждый сваливалъ отвѣтственность на соперника. Это смутное состояніе сознанія отдало ихъ во власть событіямъ, народнымъ мятежамъ, предприимчивымъ смѣльчакамъ, которые, чтобы подчинить ихъ себѣ, воспользовались ихъ нетерпѣливымъ стремленіемъ къ единогласію и ихъ иллюзіей общаго соглашенія. Такимъ-то путемъ ежедневно и незамѣтно уклонялись они въ сторону, сообразно съ различными теченіями, и переходили отъ крайняго напряженія энергіи къ крайней слабости, почти помимо своей воли.

Большая часть депутатовъ имѣли въ засѣданіяхъ Конвента лишь членское значеніе и служили только для составленія большинства; но многіе изъ нихъ работали въ разныхъ комиссіяхъ, гдѣ они нашли совѣтниковъ и учителей въ уцѣлѣвшихъ представителяхъ Учредительнаго и Законодательнаго Собраній. Эти комиссіи или комитеты работали въ тиши, за-

⁶⁾ «Къ чести Франціи, какъ ни были бѣдственны труды нашихъ первыхъ совѣщательныхъ собраній... большинство въ этихъ собраніяхъ всегда было искренно.—Какъ! Даже въ Конвентѣ?.. — Да, сударь, даже въ Конвентѣ... Графъ де-Серръ, рѣчь 14 апрѣля 1819 г.

мыкаясь насколько то возможно было въ бурное время и появляясь вновь только съ наступленіемъ затишья; а между тѣмъ они-то и были самыми дѣйствительными орудіями законодательнаго и административнаго труда Конвента⁷⁾. Они продолжали дѣло комитетовъ предыдущихъ собраній. Имъ принадлежитъ честь совершенія всего наиболѣе прочнаго. Мѣры, справедливо прославившія Конвентъ, за малыми исключеніями, подготовлены были самыми умѣренными членами этого Собранія. По обѣимъ сторонамъ неопредѣленной и постоянно колебавшейся въ своемъ настроеніи массы представителей Конвента, носившей наименованіе *Равнины* и *Болота* (La Plaine, le Marais), группировались наиболѣе рѣшительные и честлюбивые, спорившіе о преобладаніи въ Конвентѣ; на правой—засѣдали тѣ, кого принято называть жирондистами; на лѣвой — якобинцы и монтаньяры (Гора).

Жирондистамъ пришлось сыграть въ Конвентѣ ту роль, которую играли въ Законодательномъ собраніи, такъ называемые, фельяны. Всѣ они были искренними республиканцами и вѣрили во всемогущество свободы. Это были политики-доктринеры; они осуждали, по крайней мѣрѣ въ теоріи, исключительныя мѣры и правила государственной пользы, *raison d'état*; но на практикѣ они слишкомъ охотно сливали политику съ интригой, когда эта послѣдняя служила ихъ доктринамъ и намѣреніямъ. Они хотѣли основанія правоваго правительства, въ которомъ господствовали бы люди просвѣщенные; но опять-таки они слишкомъ легко смѣшивали правовое правительство съ царствомъ просвѣщенныхъ умовъ, иначе говоря—съ собственнымъ господствомъ. Они строго смотрѣли на чистоту средствъ, когда дѣло шло о противникахъ, и снисходительнѣе относились къ выбору собственныхъ средствъ. Они ненавидѣли безпорядокъ, питали презрѣніе къ демагогіи и отличались гуманностью. Принимая въ соображеніе, что народъ состоитъ изъ совокупности французовъ, они находили, что департаментамъ должна быть предоставлена болѣе значительная доля вліянія, чѣмъ Парижу, и отстаивали это свое воззрѣніе съ несомнѣннымъ мужествомъ. Парижъ былъ противъ нихъ; они хотѣли, чтобы его поглотила провинція; съ этимъ проектомъ связывался и ихъ личный интересъ, и они отстаивали его страстно. По ихъ понятію, Франція должна бы создать у себя республику, скорѣе сходную съ американской, чѣмъ съ древне-римской. Власть была въ ней сильно децентрализована и ею заправляла бы олигархія фило-

⁷⁾ 1-го и 2-го октября 1792 г. изданы были декреты объ учрежденіи слѣдующихъ комиссій: законодательной, финансовою, народнаго просвѣщенія, общественныхъ работъ, конституціонной, ликвидаціонной, дипломатической, колониальной, морской, военной, торговой, земледѣльческой, государственныхъ имуществъ и общественной помощи.

софовъ. Такой идеалъ не имѣлъ никакихъ корней въ историческомъ прошломъ Франціи; обстоятельства же, требовавшія могущественнаго и централизованнаго правительства, также были противъ него; жирондисты не находили ни въ себѣ самихъ, ни въ странѣ элементовъ для проведенія въ жизнь своего государственнаго идеала. У нихъ не было ни плана, ни вождей, и среди блестящихъ и вліятельныхъ ораторовъ ихъ общества не было ни одного государственнаго человѣка. Провинція, которая должна была служить имъ рычагомъ, не представляла для нихъ ни малѣйшей точки опоры. Ничто не было въ ней подготовлено для приведенія въ исполненіе ихъ замысловъ. Единственная организованная сила работала въ Парижѣ, и работала противъ нихъ.

Этой силой было общество якобинцевъ. Люди, руководившіе имъ и пользовавшіеся содѣйствіемъ его отраслей, засѣдали на лѣвой сторонѣ Конвента. Жирондисты, строго говоря, были только кoterіей; якобинцы же представляли собою настоящую партію. Централизаторы и демократы, они смотрѣли на Парижъ какъ на естественную голову Франціи и полагали, что заручиться Парижемъ—значило держать въ рукахъ правленіе Франціей. Парижемъ владѣли вожаки демагогіи и коммуна, т. е. городской совѣтъ: якобинцы помогали овладѣть народными силами, поглотить ихъ, если то окажется возможнымъ и, во всякомъ случаѣ, добиться ихъ поддержки. Ихъ воззрѣніе на государство не сложно: это чисто римское воззрѣніе; Франція была къ нему подготовлена. Они будутъ республиканцами, подъ главенствомъ Марія или Цезаря, насколько то возможно для эманципировавшихся подданныхъ Людовика XIV, воспитавшихся въ монархическихъ и католическихъ коллежахъ въ духѣ ученія о единствѣ власти и переносящихъ его живьемъ съ королевской верховной власти на верховную власть демократіи. Бонапартъ былъ якобинцемъ въ 1793 году; сдѣлавшись императоромъ, онъ правилъ при помощи якобинцевъ. Въ революціи, въ которой царила неумолимая логика, ничто не могло быть логичнѣе подобнаго заключенія. Это логика, превратившая въ послѣдствіи якобинскую революцію въ демократическую имперію, обезпечила въ Конвентѣ торжество Горы надъ Жирондой.

При такомъ положеніи вещей, только одинъ человѣкъ, быть можетъ, способенъ былъ измѣнить теченіе событій и дать умѣреннымъ то, въ чемъ они нуждались, т. е. государственнаго человѣка, вождя-практика и поддержку народныхъ массъ. Но наиболѣе вліятельные въ средѣ умѣренныхъ, жирондисты ненавидѣли Дантона именно потому, что, признавали въ немъ и самаго опаснаго соперника, котораго надлежало устранить изъ правительства. Они возобновили противъ него гибельную войну, которую монархисты вели въ свое время противъ Мирабо. Въ Дантонѣ все было для

нихъ ненавистно; онъ казался имъ подозрительнымъ по своему происхожденію, отталкивающимъ по своимъ связямъ, недостойнымъ по своему характеру, заслуживающимъ презрѣнія по своему эмпиризму, жестокимъ по тѣмъ средствамъ, къ которымъ прибѣгалъ, по прежде всего они завидовали его вліянію и опасались его популярности. Госпожа Роланъ подлила масла въ огонь своею чисто женскою враждебностью. Она вообразила себя регентшей Франціи послѣ 10 августа, но, гордясь результатами этого дня, она охотно набросила бы покрывало на его событія. Дантонъ же любилъ напоминать ихъ, повторяя по каждому поводу своимъ грубымъ голосомъ: «*Nous sommes de la canaille, nous sortons du ruisseau!*» (Мы—подлая чернь, мы вышли изъ грязной канавы!) Онъ возмущалъ буржуазное тщеславіе жирондистской Элоизы и ея политическую щепетильность: ей всегда казалось, что у него руки въ крови; она не забывала, что онъ—«вожакъ черни», держащій въ рукѣ факелъ или кинжалъ. Она говорила о немъ такъ, какъ говорила Марія-Антуанета о Мирабо, но съ большей злобой, потому что разстояніе, отдѣлявшее ее отъ Дантона, было не такъ велико.

Дантонъ прекрасно сознавалъ, что его соперники и даже пріятели не станутъ терпѣть его въ министерствѣ: у членовъ Конвента былъ непобѣдимый предрасудокъ, въ силу котораго депутатъ не долженъ былъ принимать непосредственнаго участія въ правительствѣ. Онъ отказался отъ должности 21-го сентября. Собраніе декретировало 29-го, что министры не могутъ быть назначаемы изъ среды депутатовъ. Дантонъ мѣтилъ сдѣлаться главою большинства: для этого онъ нуждался въ поддержкѣ со стороны умѣренныхъ. Онъ искалъ въ нихъ не изъ-за однихъ политическихъ соображеній, но также и потому, что уважалъ, любилъ ихъ и желалъ сдѣлать ихъ центромъ тяжести своего правленія. Довѣріе ихъ могло помочь ему освободиться отъ демагогическаго сообщничества и дать отпоръ анархіи. «Двадцать разъ,—говорилъ онъ,—двадцать разъ предлагалъ я имъ миръ. Они его не хотѣли». Жирондисты обвинили его въ посягательствѣ на диктатуру: они взяли на себя трудъ унижить его, чтобы вѣрнѣе подорвать его вліяніе. Такимъ образомъ, отбросили они его коммуниѣ, но ранѣе, чѣмъ удалось погубить его, погибли сами среди борьбы, которая была истиннымъ бичемъ Конвента.

Дантонъ былъ замѣщенъ только двѣ недѣли спустя по удаленіи своемъ изъ министерства юстиціи. Преемникомъ его былъ Гара, весьма посредственный литераторъ и политикъ, здраво разсуждающій лишь въ своихъ мемуарахъ. Серванъ также ушелъ, находя, что онъ не можетъ быть болѣе полезнымъ въ министерствѣ. Ему удалось получить военное назначеніе при пиренейской арміи. Въмѣсто него 3 октября назначенъ былъ въ министерство Пашъ, приказчикъ на всѣ руки, угодникъ Ролановъ, къ которымъ попалъ въ милость, благодаря внѣшнему виду добродѣтельнаго человѣка. Въ сущ-

ности, это былъ слейный интриганъ, покинувшій патроновъ какъ только на-
шелъ, что они могутъ его компрометтировать; лично честный и трудолюбивый,
но слабый къ плутамъ, кроткій съ злодѣями, покровитель негодяевъ,
щадить которыхъ побуждали страхъ или честолюбивый расчетъ. Усердный
въ канцелярскихъ дѣлахъ и мелочахъ, вздорный въ дѣлахъ серьезныхъ, ни-
чего не понимавшій въ военномъ дѣлѣ, онъ не хотѣлъ и не умѣлъ быть
въ министерствѣ не чѣмъ инымъ, какъ посредникомъ городского совѣта ⁸⁾.
Лебрень становился орломъ этого кабинета, который оказался бы вполне
ничтожнымъ, если бы Дантонъ не продолжалъ вдохновлять его, по край-
ней мѣрѣ во виѣшнихъ дѣлахъ, до 12 октября—непосредственно, а въ
слѣдующія недѣли—косвеннымъ путемъ. Вліяніе его проявилось особенно
замѣтнымъ образомъ въ переговорахъ съ Пруссіей.

II.

Исполнительный Совѣтъ получилъ 25 сентября привезенныя Вестерма-
номъ письма и ознакомился съ *существенными пунктами*, установлен-
ными Манштейномъ. Совѣтъ высказался въ пользу переговоровъ. «Не осо-
бенно довѣряя искренности заявленій прусскаго короля, онъ тѣмъ не ме-
нѣе не находилъ нужнымъ ихъ отвергнуть». По первому и третьему пунктамъ
указаннымъ Манштейномъ и касавшимся освобожденія Людовика XVI и
возстановленія его престола, соглашеніе было вполне невозможнымъ; по
при тщательномъ изученіи и нѣкоторой натяжкѣ текста перваго пункта,
Совѣтъ извлекъ изъ него «формальное признаніе главной основы респу-
блики... верховной власти французскаго народа»... «Ходатайствуя за Лю-
довика XVI, какъ за представителя, съ которымъ имѣлъ бы возможность
вести переговоры, прусскій король, по странному противорѣчію, заявлялъ
требованіе, согласное съ постановленіемъ той самой конституціи, противъ
которой вооружились союзныя державы»... Этотъ первый *существенный*
пунктъ заключалъ между прочимъ «формальное признаніе негодности ста-
раго порядка для блага королевства». Совѣтъ выводилъ изъ этого, что,
отклоняя статьи, касавшіяся Людовика XVI, возможно было бы придти къ
соглашенію на основаніи интересовъ самого прусскаго короля. Въ виду
этого рѣшено было снова отправить Вестермана къ Дюмуре и присоеди-
нить къ нему Бенуа «съ достаточными полномочіями». Бенуа только что
пріѣхалъ изъ Лондона; онъ могъ дать генералу надлежащіе свѣдѣнія и
долженъ былъ, по совѣщаніи съ нимъ, вести дѣло подъ его руковод-
ствомъ.

⁸⁾ О министерствѣ Паша и его роли «дезорганизатора побѣды», см. у
Сноулет. *Jemmapes*, Paris, 1790, ch. V. Pache и *La trahison de Dumouriez*,
Paris, 1891, ch. I.

Безъ сомнѣнія, требовалась значительная степень ловкости для того,
чтобы согласовать *существенные пункты* Манштейна, касавшіяся исклю-
чительно Людовика XVI, съ переговорами, изъ которыхъ исключалась бы
особа этого государя. Члены Совѣта изощрялись во всѣхъ этихъ тонко-
стяхъ не только для успокоенія своей юридической щекотливости, но и
потому, что знали, насколько было опасно явиться въ глазахъ своихъ
грозныхъ довѣрителей людьми, идущими на сдѣлку съ тиранами. Въ этомъ
отношеніи ни сокращенный протоколъ, ни неизбежно-тайныя дипломатиче-
скія депеши не могли бы достаточно оградить членовъ Совѣта, по крайней
мѣрѣ на первыхъ порахъ. Стѣдовало прежде всего устроиться съ Конвен-
томъ, а такъ какъ цѣлью переговоровъ было добиться очищенія тер-
риторіи, то они и нашли удобнымъ поставить предварительнымъ условіемъ
для этихъ переговоровъ то, что должно было явиться ихъ конечнымъ ре-
зультатомъ. Вслѣдствіе такихъ соображеній члены Совѣта и редактировали
слѣдующую декларацію.

«Такъ какъ генералы сообщали, что прусскимъ королемъ сдѣланы были
заявленія, указывающія на нѣкоторое расположеніе къ переговорамъ, то
по обсужденіи означеннаго сообщенія, совѣтъ рѣшилъ отвѣтить, что фран-
цузская республика не можетъ выслушивать никакихъ предложеній ранѣе,
чѣмъ не послѣдуетъ окончательная эвакуація французской территоріи отъ
прусскихъ войскъ».

На другой день, 26-го, Лебрень явился съ этимъ постановленіемъ въ
Конвентъ. Предварительно прочитанъ былъ рѣзкій докладъ, въ которомъ
говорилось о «безконечномъ коварствѣ, такъ часто и такъ скандально
проявлявшемся въ политикѣ берлинскаго кабинета». Остальная часть до-
клада составлена была въ томъ же духѣ. Если герцогъ Брауншвейгскій
оказалъ неумѣлость въ своихъ объясненіяхъ съ свободнымъ народомъ,
дружба котораго была желательна, то и Лебрень также показалъ, что онъ
не имѣетъ ни малѣйшаго понятія объ искусствѣ бесѣдовать съ королями,
съ которыми домогаются союза. Конечно, кое о чемъ умалчивалось и зад-
нія мысли скрывались за высокопарными фразами точно такъ же, какъ
скрывались онѣ и въ манифестѣ Луккезини, но все это оставалось внѣ
поля зрѣнія публики, для которой предназначалось, и эта публика, при-
нявъ все буквально, увидѣла въ министерскомъ докладѣ только вызовъ и
угрозы врагамъ. II декларація и докладъ были покрыты рукоплесканіями.
Лебрень заканчивалъ обѣщаніемъ, что «отнынѣ политика будетъ настолько
же искренней, насколько и малосложной», и что не будетъ болѣе надоб-
ности прибѣгать къ той «дипломатіи, которая была лишь искусствомъ,
упражнявшимся въ лицемеріи, коварствѣ и обманѣ». Исполнивъ все это,
Лебрень вернулся въ министерство и подписалъ инструкціи довѣренному

лицу, на которое возлагалъ тонкую игру съ однимъ изъ тѣхъ монарховъ, котораго только что такъ жестоко клеймилъ, горделиво отвергая его заискиванія.

Относительно *пунктовъ* Манштейна, Лебрень объявлялъ, что Людовикъ XVI пересталъ быть представителемъ Франціи и что его нельзя освободить. «Онъ преданъ будетъ суду, и народъ не потерпитъ никакого иностраннаго вмѣшательства, клонящагося къ тому, чтобы оказать давленіе на его правосудіе или на его милосердіе» ¹⁾. По второму пункту, т. е. по поводу пропаганды, Лебрень говорилъ, что онъ ее отрицаетъ, какъ навѣтъ эмигрантовъ: пропаганда никогда не была ни организована, ни дозволена. «Французская нація всегда полагала, что вѣчная книга природы и разума представляетъ болѣе мощное и непогрѣшимое средство пропаганды, чѣмъ всѣ ея французскіе ораторы и памфлеты. Поэтому Франція основываетъ счастье человечества не столько даже на собственныхъ благожелательныхъ чувствахъ къ народамъ всего міра, сколько на разумѣ и на вѣрно понятыхъ интересахъ самихъ государей. Она никогда не потерпитъ, чтобы злоупотребляли ея именемъ и ея вліяніемъ для того, чтобы вносить смуту въ государства ея союзниковъ». Пруссія могла бы быть союзницею Франціи: судьба Людовика XVI не можетъ имѣть никакого вліянія на ея благополучіе. «Если бы прусскій король отказался отъ бѣдственной войны, его предложенія могли бы быть выслушаны со вниманіемъ, и союзъ между обѣими державами могъ бы осуществиться»; но прежде всего пруссаки должны отступить на нейтральную территорію. «При такомъ условіи, не замедлили бы обѣщать заключеніе союза и занялись бы выработкой его основаній». Всѣ эти предположенія относятся къ одной Пруссіи: Австрія изъ нихъ исключается; Франція сложитъ оружіе, лишь отомстивъ вѣнскому двору. Затѣмъ слѣдовали соображенія крайне щекотливаго свойства, показывавшія, между прочимъ, что Совѣтъ читалъ и обдумывалъ тѣ записки, которыя доставлялись ему услужливыми дипломатами и о которыхъ упоминалось выше. Этотъ Совѣтъ, продолжая еще придерживаться, самъ по себѣ, принциповъ революціи, уже готовъ былъ слѣдовать, въ своихъ сношеніяхъ съ государствами старой Европы, обычной системѣ раздѣловъ и обмѣновъ, однимъ словомъ, примирять систему государственныхъ удобствъ съ принципомъ народной верховной власти. «Если бы прусскій король отнесся со справедливымъ негодованіемъ къ австрійскому дому и вмѣстѣ съ тѣмъ заявилъ притязаніе на вознагражденіе за издержки, вызванныя войной, которая была предпринята вслѣдствіе коварныхъ доводовъ и безумныхъ надеждъ вѣнскаго двора, то, быть можетъ, нашли бы удобнымъ, чтобы онъ завладѣлъ остальною частью Силезіи; но

¹⁾ Письмо Лебрёна къ Дюмуре, 26 сентября 1792 г.

въ такомъ случаѣ онъ долженъ былъ бы обезпечить независимость бельгійскихъ провинцій, въ которыя Франція не замедлитъ ввести свои войска. Вслѣдствіе освященныхъ волею народа принциповъ, независимость этихъ провинцій должна быть безусловной, и французскій народъ формально обѣщалъ бы, что никогда, даже въ случаѣ свободно выраженного желанія освобожденныхъ бельгійцевъ, не согласится на присоединеніе къ французскому государству какой бы то ни было части нидерландской территоріи».

Сознавая, что статьи, относящіяся до Людовика XVI, были весьма уязвимою стороною проектируемаго плана переговоровъ, Исполнительный совѣтъ вручилъ Вестерману документы, въ которыхъ доказывалось, что низложенный монархъ содержится въ своемъ мѣстѣ заключенія съ надлежащею внимательностью. Снабженные этими документами, инструкціями для себя и другими—для Дюмуре, Бенуа и Вестерманъ уѣхали 27 сентября къ этому генералу. Имъ поручено было объявить ему, что въ силу своего старшинства, онъ будетъ командовать обѣими арміями до тѣхъ поръ, пока онѣ останутся соединенными: онъ долженъ совѣщаться съ Келлерманомъ объ отступленіи къ Марнѣ, въ видахъ прикрытія Реймса и Шалона. Совѣтъ предоставлялъ первое мѣсто Дюмуре, но это дѣлалось для того, чтобы заставить его выполнить планъ его соперника. Дѣло въ томъ, что Лебрень усматривалъ комбинацію, въ которой пришлось бы не только покинуть и предоставить собственнымъ силамъ валлонскихъ патріотовъ, но и окончательно успокоить союзниковъ относительно Бельгіи. 28 сентября онъ поручилъ Ноэлю освѣдомиться о степени довѣрія пруссаковъ къ лондонскому кабинету. Онъ сообщилъ ему содержаніе посланныхъ генералу Дюмуре депешъ: «Вы легко усмотрите», прибавлялъ министръ, «что присоединеніе Франціи къ тройному союзу между Пруссіей, Голландіей и Англіей, можетъ явиться необходимымъ слѣдствіемъ нашихъ новыхъ переговоровъ съ прусскимъ королемъ, который не можетъ не желать прекращенія нашего вліянія на внутреннія распри Голландіи».

Въ такомъ-то положеніи находились дѣла въ ту минуту, когда Лебрень получилъ письмо Дюмуре отъ 29 сентября, а Дантонъ—его же письмо отъ 28 числа. Письма обнаруживали несогласія, существовавшія между обоими генералами. Дантонъ былъ встревоженъ этимъ обстоятельствомъ. Онъ послалъ одного изъ близкихъ ему лицъ, Фабръ-д'Эглантина, въ Сент-Менегульдъ, чтобы помирить генераловъ, «полюстить самолюбію» Дюмуре, «увѣрить его, что онъ будетъ генералиссимусомъ, а Келлерману обѣщать, что онъ будетъ назначенъ маршаломъ». Что касается переговоровъ съ Пруссіей, то Совѣтъ одобрилъ образъ дѣйствій и виды генерала. Основываясь на слухахъ, впрочемъ довольно основательныхъ, о волненіяхъ въ Пруссіи, Ле-

бренъ полагалъ, что Фридрихъ-Вильгельмъ желаетъ благовидно отдѣлаться отъ своей экспедиціи. Онъ допускалъ теперь даже мысль о заключеніи мира съ обѣими державами. За три дня передъ тѣмъ онъ объявлялъ о безпощадной войнѣ съ Австріей; подъ впечатлѣніемъ же письма Дюмуре, онъ мирился съ мыслью о сдѣлкѣ даже съ этимъ исконнымъ врагомъ. «Я въполнѣ понимаю,—писалъ онъ,—что честь не позволяетъ прусскому королю внезапно покинуть свою союзницу, и что если возможно заключеніе общаго мира на единственно допустимыхъ въ настоящее время для французской республики основаніяхъ, то было бы неумѣстнымъ упорствомъ не воспользоваться этимъ случаемъ». Къ тому же это была бы только простая отсрочка: не пройдетъ трехъ мѣсяцевъ, какъ между Австріей и Пруссіей неизбежно вспыхнетъ война, а тогда Пруссія была бы союзницей Франціи. «Слѣдовательно, любезный генералъ, не нужно слишкомъ стоять за переговоры съ одною только Пруссіей; но во всякомъ случаѣ не слѣдуетъ соглашаться на открытіе конгресса для веденія правильныхъ переговоровъ ранѣе очищенія нашей территоріи отъ непріятельскихъ войскъ; вы можете только условиться о нѣкоторыхъ предварительныхъ основаніяхъ, съ ратификаціей Конвента, въ видахъ облегченія ихъ выхода изъ Франціи». Итакъ, въ то самое время какъ пруссаки желали переговоровъ съ цѣлью замаскированія своего отступленія, Исполнительный совѣтъ предлагалъ имъ переговоры подъ условіемъ ихъ удаленія.

III.

Бенуа и Вестерманъ прибыли 29 сентября вечеромъ въ лагерь Дюмуре. Они нашли здѣсь трехъ комиссаровъ Конвента, пріѣхавшихъ для осмотра войскъ и для провозглашенія республики. Это были: Пріеръ (де-ла-Марнъ), Силлери и Карра. Пріеръ былъ адвокатъ и рѣшительный якобинецъ; Силлери—офицеръ, эксъ-маркизь, пріятель герцога Орлеанскаго и мужъ г-жи Жанлисъ; Карра—журналистъ, умѣвшій совѣщать крайность мнѣній съ самыми странными компромиссами: онъ сдѣлалъ себѣ спеціальность изъ прославленія «добродѣтелей» герцога Брауншвейгскаго и, повидимому, дѣйствительно въ нихъ увѣровалъ.

Солдаты встрѣтили комиссаровъ криками: «Да здравствуетъ республика! Да здравствуетъ Конвентъ!» Республика, въ ихъ глазахъ, означала національную войну и возможность повышенія для всѣхъ. «Слово *республика*,—передаетъ одинъ современникъ¹⁾,—произвело въ войскахъ совершенно такое же впечатлѣніе, какое произвело слово *третье сословіе* въ началѣ

¹⁾ Toulougeon, *Histoire de France*, t. II. Snuquet, t. II.

революціи». Комиссары, восхищенные такимъ привѣтомъ, вскорѣ поддались и обаянію Дюмуре²⁾.

«Онъ ведетъ прекраснѣйшую и искуснѣйшую кампанію, которую когда либо вела Франція»... писалъ Силлери Петіону. «По этому поводу не можетъ быть двухъ мнѣній: слѣдуетъ сдѣлать Дюмуре маршаломъ Франціи, и это положить конецъ несогласіямъ между генералами: онъ одинъ сумѣлъ справиться со всѣми разнородными мнѣніями, и результатомъ явилось то, что онъ спасъ Францію». Убѣдившись въ ихъ поддержкѣ, Дюмуре узналъ чрезъ Фабра, что можетъ рассчитывать и на содѣйствіе Дантона. Тогда онъ сталъ самоувѣреннѣе съ Келлерманомъ и высокоумнѣе съ уполномоченными Совѣта, въ особенности же съ Бенуа, котораго не считалъ способнымъ помѣяться силами «съ такою старою лисицей, какъ маркизь Луккезини, воспитавшійся въ школѣ великаго Фридриха». Ни Карра, ни Силлери не способны были почувствовать отвращеніе къ интригамъ. Всѣ согласны были относительно возобновленія переговоровъ. Бенуа и Вестерманъ отправились въ прусскій лагерь.

Въ этомъ лагерѣ нашли, что они явились весьма кстати. Въ случаѣ отступленія, пруссаки могли подвергнуться нападенію и быть задержаны въ проходахъ Гранпрэ. Они воспользовались представлявшимся случаемъ, чтобы обратить противъ Дюмуре его собственную игру. Герцогъ Брауншвейгскій былъ такимъ же «кунктаторомъ» и «грекомъ», какъ и его противникъ. Луккезини, не желавшій вести переговоровъ по существу, ничего не имѣлъ противъ переговоровъ ради тактики, и у обоихъ былъ подъ рукою генералъ Калкрейтъ, воинъ Семилѣтней войны, умѣвшій пофилософствовать порой и проявить «добродѣтельность», вообще человекъ какъ нельзя болѣе пригодный для усыпленія французовъ льстивыми и лукавыми рѣчами. «Онъ—французъ и по сердцу и по склонностямъ», писалъ генералу Дюмуре одинъ изъ его адъютантовъ, Берновиль; «я нашелъ, что онъ очень гуманенъ и очень расположенъ къ миру». Бенуа и Вестерманъ были приняты самымъ любезнымъ образомъ. Они охотно выслушивали комплименты и не трудно было занять ихъ пустыми разговорами и выиграть время. А въ ту минуту только это и было нужно пруссакамъ.

Отступленіе прусскихъ войскъ уже началось, и оно производилось при самыхъ бѣдственныхъ условіяхъ. Приказъ о выступленіи былъ отданъ въ ночь съ 30 сентября на 1 октября. Армія двинулась уныло и медленно. Обозы и артиллерія путались и загромождали дорогу. Войска шли по мѣстности съ красноватою глинистою почвой, вязкой и липкой. Мѣстами пе-

²⁾ См. ихъ отчеты въ *Moniteur*ѣ, t. XIV, p. 93, 105. Письма Силлери къ Петіону; Mortimer Ternaux, t. IV.—Aclard, t. I.

перѣзывали ее болотистыя лужи. Кавалеристы и пѣхотинцы ежеминутно рисковали увязнуть въ этой грязи. Гёте назвалъ это отступленіе зловѣщею пародіей на катастрофу, поразившую Фараона въ Красномъ морѣ. Дороги усеяны были трупами солдатъ и лошадей; 3 октября пришлось побросать больныхъ, предоставивъ ихъ великодушію французовъ. Войска толпились и тѣснились, мѣшая другъ другу, и безпорядокъ усиливалъ угнетенное состояніе ихъ духа. Всѣ чувствовали себя во власти непріятеля. «Признавались, что не будетъ спасенія, какъ только непріятель, стоявшій у насъ и справа, и слѣва, и за спиной, сочтетъ нужнымъ атаковать насъ», писалъ Гёте... «Но такъ какъ нападенія не послѣдовало въ первые часы, то нуждавшіяся въ надеждѣ сердца скоро успокоились... Увѣряли себя, что переговоры между главными квартирами окончились въ нашу пользу». Переговоры были простою уловкой, но этой уловки достаточно было, чтобы спасти прусскую армію.

Дюмуре считалъ эту армію еще слишкомъ грозной для того, чтобы подвергнуть себя катастрофѣ, доведя ее до отчаяннаго шага. Онъ берегъ себя для Бельгіи и полагалъ, что расположить къ себѣ пруссаковъ, строя имъ «золотой мостъ», т. е. облегчая имъ отступленіе. Онъ бродилъ по дорогамъ, спѣшилъ отъ одного поста къ другому, отдавая множество приказовъ съ цѣлю ихъ запутать, комбинируя фальшивыя движенія, противорѣчившія одно другому, стараясь несравненно болѣе о томъ, чтобы ввести въ заблужденіе собственныя войска, чѣмъ непріятельскія, и ища не столько случая напасть на пруссаковъ, сколько поводовъ для сношеній съ ними. Такимъ образомъ онъ пропустилъ дни отъ 1-го до 4 октября, въ теченіе которыхъ могъ сильно повредить герцогу Брауншвейгскому. Келлерманъ, также расположенный къ переговорамъ, содѣйствовалъ и этой тактикѣ.

Пруссакамъ, чтобы выиграть время, стоило только поощрять надежды французскихъ генераловъ. Они выполняли это съ большою ловкостью. Въ разговорахъ съ Бенуа и Вестерманомъ, ихъ генералы мало говорили о республикѣ; они держали себя осторожно по вопросу о мирѣ и еще болѣе осторожно по вопросу о союзѣ; зато не щадили горячихъ діатрибъ противъ Австріи. Уполномоченные Исполнительнаго совѣта дали обмануть себя этимъ классическимъ маневромъ. Такъ какъ ихъ одолевала ненависть къ Австріи, то достаточно было, чтобы съ ними соглашались по этому поводу, и они воображали, что съ ними согласны и во всемъ остальномъ. Они полагали, что тотъ, кто ненавидитъ ихъ врага, тѣмъ самымъ становится ихъ другомъ. Они не видѣли середины между этими двумя положеніями; само собою разумѣется, что пруссаки не находили нужнымъ разъяснять это недоразумѣніе и разрушать выгодныя для нихъ иллюзіи. Союзъ казался нетруднымъ дѣломъ, когда люди такъ прекрасно понимали

другъ друга на полусловѣ; посланные Исполнительнаго совѣта считали этотъ союзъ почти заключеннымъ. Увѣряли, что Вестерманъ былъ подкупленъ пруссаками и получилъ 250000 ливровъ за то, что далъ себя обойти; но это мнѣніе слишкомъ высоко ставитъ щедрость пруссаковъ и отводитъ слишкомъ малое мѣсто человѣческой глупости. Вестерманъ просто далъ себя убѣдить. Вотъ что онъ пишетъ одному изъ своихъ пріятелей: «Я былъ въ прусскомъ лагерѣ и обѣдалъ съ прусскимъ королемъ; я сдѣлалъ болѣе, чѣмъ когда-либо ожидали отъ меня; въ настоящее время я всемогущъ... Все идетъ хорошо: пруссаки покидаютъ австрійцевъ; всѣ ихъ арміи разбиты... Республика утвердится несмотря ни на что». Коммиссары Копвента послали Вестермана сообщить эти добрыя вѣсти Исполнительному совѣту. Онъ выѣхалъ 3 октября. Маневръ пруссаковъ удался. Время было упущено и уже нельзя было отрѣзать имъ отступленіе.

Какъ только дали имъ пройти дефиле, случай нанести имъ жестокое пораженіе былъ потерянъ. Трудности переходовъ были одинаковы какъ для пруссаковъ, такъ и для французовъ, а такъ какъ французскія войска были менѣе привычны къ военному дѣлу и обладали менѣе твердыми кадрами, то, быть можетъ, пострадали бы еще сильнѣе. «Погода и дороги отвратительны,—писалъ Дюмуре военному министру отъ 6 октября,—у насъ нѣтъ ни припасовъ, ни фуража, и мы кончили бы тѣмъ, что поставили себя еще въ худшее положеніе чѣмъ они, если бы имѣли неосторожность преслѣдовать ихъ съ ожесточеніемъ». Тогда онъ вернулся къ своему первоначальному плану, отъ котораго никогда не отказывался. 6 октября онъ сдѣлалъ слѣдующія распоряженія: Диллонъ долженъ слѣдить за австрійцами и гессенцами; Келлерманъ съ 28000 человекъ—медленно тѣснить пруссаковъ, добиваться возвращенія Вердюна и Лонгви безъ пролитія крови, а также окончательнаго примиренія прусскаго короля съ Франціей; тѣмъ временемъ самъ Дюмуре намѣревался направиться къ Нидерландамъ и снять блокаду Лилля, между тѣмъ какъ Кюстинъ будетъ угрожать Рейну, а Монтескю вторгнется въ Савойю. Во время этихъ военныхъ дѣйствій переговоры не должны прерываться. «Такимъ-то образомъ», писалъ Дюмуре Бирону, «мы станемъ работать въ широкихъ размѣрахъ... Надѣюсь, что заставлю прусскаго короля предпочесть союзъ съ Франціей союзу съ коварной и опасной Австріей. Поручаю Келлерману довершить его обращеніе при содѣйствіи пушечныхъ выстрѣловъ... Я посылаю 30000 человекъ на выручку Сѣверному департаменту; иду самъ во главѣ этого войска и, какъ вы мнѣ повѣрите, любезный другъ, не думаю этимъ ограничиться и надѣюсь провести масленицу въ Брюсселѣ. Это—единственная награда, которой прошу за спасеніе отечества». Въ ту минуту все благопріятствовало его намѣреніямъ.

Исполнительный совѣтъ относился вполне серьезно къ уклончивымъ переговорамъ пруссаковъ. «Прусскій король и герцогъ Брауншвейгскій,—писалъ Лебренъ 1 октября 1792 г.,—пубавили спѣси своему манифесту. Они уже признають и верховную власть народа, и его право избрать форму правленія... Они охотно заключили бы миръ, если бы могли обставить его такъ, чтобы не пострадала при этомъ ихъ честь». Отвѣтъ Исполнительнаго совѣта указывалъ имъ на выгодный и удобный способъ. 1 октября, Лебренъ сообщилъ Собранію послѣдніе официальные документы, которыми обмѣнялись уполномоченные. Онъ комментировалъ ихъ съ большею сдержанностью. «Вся Европа, — сказалъ онъ, — признаетъ, что нашъ образъ дѣйствій былъ согласенъ съ достоинствомъ народа, умѣющаго цѣнить миръ, но не боящагося и войны». Вестерманъ пріѣхалъ 5 числа и объяснилъ закулисную сторону переговоровъ. Совѣтъ еще болѣе укрѣпился въ своихъ иллюзіяхъ. Газеты начинали раздѣлять ихъ и внушали публикѣ надежду на миръ съ пруссаками. Лебренъ написалъ Депорту, чтобы онъ оставался въ Цвейбрюккенѣ, гдѣ могутъ продолжаться переговоры, начатыя въ Шампаньѣ. Онъ извѣстилъ Дюмуре, что Совѣтъ поручаетъ ему «высшее командованіе экспедиціей, которую предполагается направить въ австрійскіе Нидерланды», съ цѣлью «преслѣдованія самага смертельнаго врага республики на его собственной территоріи», и прибавлялъ: «Истинная радость для меня—еще продолжать быть членомъ Совѣта и имѣть возможность вручить вамъ чрезвычайную власть и безпредѣльное довѣріе». Оставалось устроить подробности и согласовать бельгійскую экспедицію съ общимъ наступленіемъ къ Рейну и Альпамъ. Дюмуре нашелъ необходимымъ личное свое присутствіе и уѣхалъ въ Парижъ.

Между тѣмъ ландграфъ гессенскій, получивъ свѣдѣнія о движеніи французскихъ войскъ въ сторону Рейна, объявилъ герцогу Брауншвейгскому, что уводитъ свои войска для защиты собственныхъ владѣній. Онъ поспѣшилъ уѣхать и самъ 8-го октября. Герцогъ саксенъ-тешенскій отозвалъ и австрійскій контингентъ арміи герцога Брауншвейгскаго, въ видахъ защиты Нидерландовъ; такимъ образомъ эта армія осталась при 30000 человекъ. Двѣ трети ея состояли изъ больныхъ. Это войско было «медленно ползущимъ походнымъ госпиталемъ»³⁾; оно шло, разсѣвая по дорогѣ мертвыхъ и умирающихъ, грабя и разоряя, вслѣдствіе нужды, раздраженія, желанія мести. Въ то же время къ военнымъ затрудненіямъ присоединились политическія неудачи, смущавшія главную квартиру.

Австрійскій посланный, Шпильманъ, прибылъ въ Люксембургъ 28-го сентября. Ему показалось подозрительнымъ то, что онъ узналъ о маневрахъ пруссаковъ. Онъ увидѣлъ въ этомъ лишній поводъ ограничиваться

³⁾ Геге, Французская кампанія.

инструкціями, предписывавшими ему опредѣлить вознагражденіе, причитающееся на долю императора, ускорить окончаніе войны и поладить съ французами «возможно дешевымъ образомъ», довольствуясь въ крайнемъ случаѣ «полусвободой для короля». Князь Рейссъ, слѣдовавшій за прусскимъ королемъ, также не довѣрялъ Пруссіи. Заявленія Луккезини не казались ему успокоительными. Онъ боялся сепаратнаго мира и измѣны и просилъ Шпильмана встрѣтиться съ нимъ въ Вердюнѣ. Шпильманъ пріѣхалъ 8-го октября и нашелъ тамъ Гаугвица. Этотъ пруссакъ объявилъ имъ, что его государь расположенъ рѣшить дѣло о вознагражденіяхъ; онъ отказывается уступить маркграфства, но соглашается на обмѣнъ Баваріи съ добавкой приличнаго *суррогата*. Онъ прибавилъ, что Шпильманъ будетъ принять Фридрихомъ-Вильгельмомъ 11-го октября.

Въ это самое время Диллонъ тѣснилъ союзныя войска и причинялъ имъ большой уронъ артиллерійскимъ огнемъ своего авангарда. Пруссаки прибѣгли къ способу, уже оказавшему имъ столько услугъ. Диллонъ облегилъ имъ дѣло. Одинъ изъ подчиненныхъ ему генераловъ, Ла-Барольеръ, извѣстилъ Калькрейта запиской, писанной карандашемъ, что ему приказано выбить союзниковъ изъ занимаемаго ими лѣса, но что онъ приостановитъ дѣйствія для совѣщанія. Калькрейтъ извѣстилъ герцога Брауншвейгскаго, который разрѣшилъ свиданіе, объявивъ, что будетъ присутствовать на немъ самолично. Свиданіе происходило на холмѣ, въ виду Вердюна, на открытомъ воздухѣ. Генералы Ла-Барольеръ и Гальбо вели переговоры съ Калькрейтомъ. Рѣчь шла о приостановкѣ военныхъ дѣйствій. Французы ставили условія, которыя, по мнѣнію Калькрейта, могли быть рѣшены только главнокомандующимъ. Это послужило предлогомъ отправиться за герцогомъ Брауншвейгскимъ. По его пріѣздѣ, Калькрейтъ держался въ сторонѣ; немного поодавъ Гогенлоэ-Кирхбергъ и французскій эмигрантъ Клинглингъ смотрѣли на совѣщаніе, но не могли слышать того, что говорилось. Бесѣда быстро перешла на общія дѣла.

«Поговоримъ о вашемъ народѣ,—сказалъ герцогъ Брауншвейгскій,—я люблю французовъ и неоднократно доказывалъ это. Сожалѣю, что по поводу моего послѣдняго манифеста Дюмуре напрасно разсердился изъ-за нѣсколькихъ незначущихъ выраженій. Эти вещи пишутся для толпы, но образованные люди знаютъ ихъ настоящую цѣну». Гальбо замѣтилъ, что нація не можетъ допустить переговоровъ съ тѣми, кто отрицаетъ ея верховную власть. Въ эту минуту онъ замѣтилъ Клинглина. Герцогъ Брауншвейгскій не скрывалъ своихъ чувствъ по отношенію къ эмигрантамъ. «Я никогда не любилъ измѣнниковъ,—сказалъ онъ,—дѣлайте съ ними, что хотите, это для насъ безразлично. Но я настаиваю на томъ, что французскій народъ долженъ вѣрнѣе понять собственные интересы и вернуться къ болѣе

умѣреннымъ принципамъ». Ла-Барольеръ отвѣчалъ на это, что удаленіе прусской арміи всего лучше подтвердило бы эти слова: французы имѣютъ возможность заставить пруссаковъ очистить территорію, но для пруссаковъ выгода избѣгать кровопролитія. Эти разсужденія навели разговоръ на перемиріе, и оно было установлено на двадцать четыре часа. Условились также о новомъ совѣщаніи, на которомъ должна обсуждаться капитуляція Вердюна; но герцогу необходимо было предварительно испросить разрѣшеніе у короля. «Я весьма радъ, — сказалъ онъ, прощаясь съ Ла-Барольеромъ, — что имѣлъ случай познакомиться съ вами; что касается васъ, генералъ Гальбо, то я имѣлъ удовольствіе видѣть истиннаго артиллериста: вы показали мнѣ своей батареей образецъ искусства стараго королевскаго корпуса. Продолжайте служить родинѣ и вѣрьте, что несмотря на содержаніе манифестовъ, нельзя не уважать тѣхъ, кто стремится отстоять независимость своей страны». Послѣ такой бесѣды, «государь-философъ» удалился въ свой лагерь.

Диллонъ расположилъ свои войска передъ Вердюномъ и потребовалъ сдачи крѣпости. Пруссаки сами желали сдать ее, но на выгодныхъ условіяхъ. Этимъ дѣломъ занялся Калькрейтъ на совѣщаніи съ Диллономъ и Гальбо, послѣдовавшемъ 11-го октября. Соглашеніе было достигнуто на счетъ Австріи. «Вамъ небезызвѣстно, — сказалъ генералъ Диллонъ, — что во все время, французы уважали пруссаковъ, что они всегда порицали чудовищный трактатъ 1756 г.... Желательно, чтобы оба народа, понявъ свои дѣйствительные интересы, соединились противъ общаго врага! — Вѣрьте, — отвѣтилъ Калькрейтъ, — что не отъ меня будутъ исходить препятствія къ ускоренію такого счастливаго событія. Моего совѣта не спрашивали по поводу настоящей войны; я нахожу, что она такъ же мало политична со стороны короля, какъ неполитична была со стороны Людовика XV война 1756 года». Диллонъ настаивалъ на томъ, что Пруссія должна порвать съ Австріей. «Надѣюсь, — сказалъ онъ, разставаясь съ Калькрейтомъ, — что слѣдующая кампанія застанетъ насъ въ союзѣ между Франціей и Пруссіей и что вы поможете намъ освободить Австрійскіе Нидерланды. Напомните прусскому королю, что не можетъ быть лучшаго союза, какъ союзъ со свободнымъ народомъ». Калькрейтъ не возражалъ. Сдача Вердюна была рѣшена. Пруссаки добровольно очистили эту позицію, и Диллонъ занялъ ее.

По мѣрѣ того какъ союзная армія приближалась къ границѣ, бѣдствія ея усиливались. Пруссакамъ приходилось ѣсть лошадиную пададь. Увязшія повозки оставались въ колеяхъ. Нужно было опять выиграть время, и Калькрейту поручено было добиться новаго перемирія. 14-го октября онъ велъ переговоры о немъ съ Келлерманомъ и Диллономъ. Онъ обѣщалъ

возвратить французамъ Лонгви, лишь бы они не тревожили союзниковъ, и прибавилъ, что дальнѣйшій ходъ событій, по всей вѣроятности, просвѣтитъ прусскаго короля относительно его истинныхъ выгодъ. Келлерманъ, польщенный прикосновенностью къ дипломатіи и возвращеніемъ Лонгви «почеркомъ пера», обязался «преслѣдовать пруссаковъ только по формѣ». «Если война продлится, — сказалъ онъ одному изъ сопровождавшихъ нѣмецкаго генерала офицеровъ, — то желаютъ непремѣнно освободить австрійскіе Нидерланды. Во Франціи знаютъ, что вы имѣете въ виду второй раздѣлъ Польши; Франція съ удовольствіемъ увидитъ усиленіе такимъ путемъ державы, которая, рано или поздно, будетъ ея союзницею». Этимъ затронуто было большое мѣсто пруссаковъ. Луккезини, дѣлавшій видъ, что не одобряетъ «этихъ злокозненныхъ переговоровъ», вынужденъ былъ сознаться, что тактика французовъ принесла свои плоды. Австрійцы тревожились по этому поводу, а пруссаки, съ своей стороны, ежедневно находили новые новоды къ подозрѣніямъ по отношенію къ Австріи. Французскіе генералы, конечно, заблуждались, рассчитывая на немедленный разрывъ между Пруссіей и Австріей и на превращеніе прусскаго короля въ республиканца; однако, отношенія между обоими дворами были дѣйствительно далеко не дружественны и если до окончательнаго разрыва было еще далеко, то все-таки дѣло шло именно къ тому.

Пруссійскій король не зналъ, что и думать о намѣреніяхъ вѣнскаго двора. Одни увѣряли, что императоръ желаетъ идти на сдѣлку съ французской республикой, такъ какъ при такой формѣ правленія Франція становится менѣе опасной; другіе извѣщали, что Францъ II будетъ продолжать войну лишь съ цѣлью завоеваній; третьи — что онъ предоставилъ Пруссіи дѣйствовать на свой страхъ и рискъ и что онъ ищетъ тайнаго соглашенія съ Россіей, ко вреду и ущербу Пруссіи. Образъ дѣйствія командовавшего австрійскимъ контингентомъ Гогенлоэ подтвердилъ такіа подозрѣнія. Этотъ генералъ самымъ рѣшительнымъ образомъ отказался содѣйствовать герцогу Брауншвейгскому въ дѣлѣ защиты Лонгви. То былъ послѣдній ударъ. Послѣ бурнаго совѣщанія съ австрійскимъ генераломъ, Фридрихъ-Вильгельмъ, срывая гнѣвъ на Бишофсвердеръ, воскликнулъ: «Вотъ какими (слѣдовало непечатное выраженіе) союзниками вы меня наградили; я готовъ сейчасъ же порвать съ ними». Затѣмъ король велѣлъ объявить Шпильману, что Пруссія будетъ заботиться исключительно о собственныхъ интересахъ; иначе говоря, что ея пріобрѣтенія въ Польшѣ не могутъ долѣе откладываться. Въ такомъ же смыслѣ написалъ онъ и Екатеринѣ, 17-го октября. Гольцу поручено было заявить русской императрицѣ, что король не въ силахъ продолжать войны, если ему не доставятъ субсидій: у него

не было денег и онъ не имѣлъ возможности вести долѣе дѣло, въ которомъ «не былъ заинтересованъ лично» ⁴⁾).

При такомъ настроеніи по отношенію къ союзникамъ, пруссаки стали выказывать еще болѣе предупредительности къ французамъ. Французы не уступали имъ въ вѣжливости. Калькрейтъ встрѣтился съ Валансомъ 18-го октября; этотъ генералъ видѣлся съ герцогомъ Брауншвейгскимъ 22-го. Онъ далъ замѣтить, что Франція не согласится на перемиріе ранѣе полной эвакуаціи территории и что если Пруссія признаетъ республику, то вмѣстѣ съ миромъ приобрететъ союзника въ лицѣ французскаго народа; война же съ Австріей будетъ продолжаться вплоть до учрежденія республики въ Нидерландахъ. Послѣ этого Франція, можетъ быть, согласится возвратить свободу Людовику XVI. Всѣ эти соображенія были переданы австрійцамъ. Эти послѣдніе не менѣе пруссаковъ переполнены были раздраженіемъ, нетерпѣніемъ и подозрѣніями. «Союзъ между этими двумя государствами есть чудо, вызванное обстоятельствами», — писалъ одинъ эмигрантъ. 24-го октября Фридрихъ-Вильгельмъ имѣлъ совѣщаніе съ агентомъ Екатерины II, княземъ Нассау-Зигенскимъ. «Я имѣю много поводовъ къ неудовольствію относительно австрійцевъ», — сказалъ король. — Мнѣ извѣстно это, ваше величество, — отвѣтилъ князь; — но да позволено мнѣ будетъ выразить, что и австрійцы имѣютъ поводъ къ неудовольствію по случаю этихъ безпрестанныхъ совѣщаній между прусскими генералами и мятежниками, ведущими самыя ужасныя рѣчи противъ австрійцевъ, которыхъ они преслѣдуютъ повсюду въ то время, какъ избѣгаютъ пруссаковъ и обмѣниваются съ ними при встрѣчахъ любезностями!.. Я никого не обвиняю, государь; я говорю вообще и, къ несчастію, число демократовъ въ вашей арміи велико. Зло проникаетъ въ Германію и даже въ ваши владѣнія. Двое прибывшихъ вчера курьеровъ говорили мнѣ, что по дорогѣ они встрѣтили болѣе людей, радующихся нашимъ несчастіямъ, чѣмъ людей, имъ сочувствующихъ...—Я это знаю. — Тѣмъ не менѣе ваше величество позволяете продолжать эти совѣщанія; мнѣ извѣстно, что завтра герцогъ Брауншвейгскій увидится съ Келлерманомъ и Валансомъ, и уже открыто говорятъ о томъ, что перемиріе будетъ заключено съ одними пруссаками...—Я ничего не предприму безъ согласія императрицы. Завтрашнее совѣщаніе дѣйствительно состоится; я согласился на него лишь подъ условіемъ присутствія на немъ австрійскихъ уполномоченныхъ; я не заключаю особаго перемирія, хотя это совершенно въ моей власти; но я знаю какое зло это причинило бы австрійцамъ и не желаю ихъ покидать. Я могу предпринять вторую кампанію, но не желаю вести войну одинъ; если хотять, я буду дѣйствовать, но пусть дѣйствуютъ и другіе».

⁴⁾ Мартенсъ, т. VI, стр. 164.

Это совѣщаніе, мотивированное важными извѣстіями, полученными изъ прирейнскаго края, и необходимостью для пруссаковъ помѣшать Келлерману поддержать успѣхи французовъ на лѣвомъ берегу, — состоялось 25-го октября ⁵⁾. Келлерманъ и Валансъ встрѣтили тамъ герцога Брауншвейгскаго, Луккезини, Рейсса и Гогенлоэ. Бесѣда тотчасъ же перешла на условія общаго мира. Валансъ указалъ на признаніе республики, на невмѣшательство въ дѣла Людовика XVI и эмигрантовъ, на срытіе укрѣпленій въ Люксембургѣ. Франція, — прибавилъ онъ, — желаетъ окружить себя свободными народами и совершить революцію въ Нидерландахъ; Австріи слѣдовало бы, по крайней мѣрѣ, отдать эту провинцію въ обмѣнъ курфирсту-палатину, который и сдѣлался бы ея штатгальтеромъ. Онъ спросилъ: послѣдуетъ ли заключеніе союза послѣ подписанія мира. Пруссакки отклонили вопросъ о признаніи республики; относительно намѣренія Франціи — окружить себя свободными народами, — они замѣтили, что исполненіе этого намѣренія поставило бы ее во враждебныя отношенія къ цѣлой Европѣ; срытіе укрѣпленій въ Люксембургѣ пруссаки допускали послѣ того, какъ Франція, съ своей стороны, сроетъ тройной рядъ своихъ крѣпостей; союзъ же, по ихъ мнѣнію, можетъ служить лишь вѣнцомъ дружественныхъ отношеній; прежде всего слѣдуетъ переговорить о перемиріи, которое и будетъ первымъ шагомъ къ примиренію. Келлерманъ настаивалъ на вопросѣ о Нидерландахъ: такъ какъ императоръ напалъ первый, то и долженъ нести послѣдствія войны. Рейссъ остался очень недоволенъ этою рѣчью. Рѣшено было, что французскіе генералы увѣдомятъ Конвентъ о намѣреніяхъ союзниковъ. Луккезини прибавилъ, что союзники не имѣютъ сдѣлать никакихъ предложеній, но не отвергаютъ мысли о мирѣ; что если желаютъ совѣщаться по этому поводу формальнымъ и согласнымъ съ принятыми правилами образомъ, то баронъ Тутутъ и онъ самъ останутся въ Люксембургѣ еще нѣкоторое время и будутъ въ состояніи дать отвѣты уполномоченнымъ, которые явились бы со стороны Франціи. Герцогъ Брауншвейгскій подтвердилъ эти слова и оставилъ генераловъ подъ впечатлѣніемъ возможности соглашенія даже по вопросу о Бельгіи: достаточно было бы, чтобы Франція «согласилась дать установиться тамъ правительству, сходному съ голландскимъ, глава котораго указывался бы Пруссіей и признавался Франціей». По улаженіи этого дѣла, «независимость устроенныхъ такимъ образомъ бельгійскихъ провинцій и обязательство (Франціи) не вмѣшиваться въ дѣла Соединенныхъ Провинцій, послужило бы основой четвертого союза между Франціей, Англіей, Пруссіей и Голлан-

⁵⁾ Валансъ къ Дюмурье, 26-го окт. 1792 г. — Реляція Луккезини отъ того же числа. Vivenot, t. II, p. 297. — Реляція Келлермана. — FEUILLET, t. VI, p. 374. — CHUQUET, t. III, ch. V.

дѣй»⁶⁾. Луккезини подалъ поводъ на это рассчитывать; но самъ онъ не разумѣлъ дѣла въ такомъ именно видѣ. Напротивъ, онъ вынесъ изъ конференціи то мнѣніе, что французы стараются поссорить союзниковъ, чтобы удобнѣе завладѣть Бельгіей. «Если они промахнутся,—замѣчалъ онъ,—то станутъ сговорчивѣе; если же будутъ имѣть успѣхъ, то всѣ европейскія державы будутъ имѣть поводъ воспротивиться ихъ намѣреніямъ». Онъ совѣтовалъ прекратить эти «зловредные переговоры». Мнѣніе его одержало верхъ; переговоры были прерваны; но несмотря на залогъ своей лояльности, данный австрійцамъ, пруссаки не впустили имъ къ себѣ большаго довѣрія.

Эмигранты громко обвиняли пруссаковъ въ измѣнѣ. Небольшой корпусъ принцевъ раздѣлялъ всѣ невзгоды отступленія своихъ союзниковъ. «Они голы и голодны»,—писалъ одинъ республиканскій генералъ. Пруссаки защищали ихъ отъ нападеній республиканской арміи; но они не могли оградить ихъ отъ засадъ, устраиваемыхъ мѣстными крестьянами. Эмигранты шли во Францію, какъ на парадъ; они возвращались разстроенные—«безъ палатокъ, безъ повозокъ, измученные дизентеріей, беспомощные, нуждающіеся въ припасахъ», и избиваемые безъ всякой пощады крестьянами, какъ только сворачивали съ дороги⁷⁾. Несмотря на всѣ эти неудачи, они оставались вѣрными своей террористической тактикѣ и были такъ же неумолимо жестоки теперь при своемъ пораженіи, какъ возмѣщали о томъ прежде, собираясь побѣдить. Около Стенэ на ихъ арріергардъ напалъ отрядъ солдатъ и вооруженныхъ крестьянъ. Маркизь д'Отитанъ, командовавшій эмигрантами, запретилъ оказывать пощаду окрестнымъ жителямъ. Онъ велѣлъ поджечь пять селеній, заподозрѣнныхъ въ томъ, что изъ нихъ стрѣляли; это было приведено въ исполненіе. Репрессаліи крестьянъ были ужасны. Эмигрантамъ оставалось одно утѣшеніе: проклипать своихъ союзниковъ, клеймить монарха, котораго сами же въ былое время называли «современнымъ Агамемнономъ» и который теперь въ ихъ глазахъ былъ «позоромъ для всѣхъ европейскихъ государей», и утверждать, что герцогъ Брауншвейгскій отступилъ потому, что Бильо-Вареннъ, Карра и Тальенъ уплатили его долги, простиравшіеся до тридцати шести милліоновъ, изъ суммъ, вырученныхъ отъ разграбленія дворцовой кладовой.

Такъ завершилось нашествіе 1792 г. Освободившаяся Франція перешла въ наступленіе и выступила изъ своихъ предѣловъ. 23-го октября три артиллерійскихъ салюта изъ пушки въ Лонгви возвѣстили, что непріятель оставилъ территорію республики. Кюстинъ былъ уже въ Майнцѣ, и лѣвый берегъ Рейна открывался для французовъ.

⁶⁾ Отчетъ 8 ноября, HAEUSSER, t. I.

⁷⁾ FERSEN, t. II, 39—41.

IV.

Союзники не приняли никакихъ мѣръ для защиты этого края¹⁾. Правительства же лѣваго берега Рейна неспособны были защищать себя самостоятельно. Они не обладали ни военною силою, ни нравственнымъ престижемъ. Они были непопулярны и вполнѣ того заслуживали. Въ большей части территорій они были подчинены выборному началу и между ними и ихъ народомъ не существовало династической связи. Населеніе на этой окраинѣ германской имперіи не было связано съ остальной Германіей ни національнымъ, ни мѣстнымъ патріотизмомъ. Соціальное положеніе этого населенія заставляло его желать и для себя проведенія тѣхъ реформъ, которыя совершены были революціей въ такомъ близкомъ отъ нихъ сосѣдствѣ. Такимъ образомъ ничто не могло оградить этихъ государствъ ни отъ вооруженнаго нашествія французовъ, ни отъ распространенія французскихъ идей. Пропганда эта совершалась сама собою вдоль смежныхъ границъ, въ силу постоянныхъ торговыхъ сношеній жителей съ французами, съ которыми многихъ связывали къ тому же и узы родства. Страсбургъ былъ очагомъ пропаганды. Нѣмцы, увлеченные революціей, бѣжали туда и начинали проповѣдывать своимъ соотечественникамъ великую соціальную реформу посредствомъ печатнаго слова и эмисаровъ. Въ Страсбургѣ жилъ нѣкоторое время виртембергскій врачъ Георгъ Кернеръ, добравшійся до самаго Парижа; туда же явился и бывший монахъ-реколлетъ Шнейдеръ, профессоръ гуманитарныхъ наукъ въ Боннѣ, сдѣлавшійся конституціоннымъ викаріемъ и печатавшій въ газетѣ «Argus» свои демагогическія мечтанія; тамъ же можно было встрѣтить: доктора богословія Дорша, бывшаго профессора метафизики въ Майнцѣ, также превратившагося въ конституціоннаго викарія и сдѣлавшагося, сверхъ того, дѣятельнымъ членомъ яacobинскаго клуба; эксъ-монаха-премонтранца Георга Папа, викарія—директора семинаріи; публициста и юрисконсульта Котту изъ Штутгарта, редактировавшаго газету «въ видахъ распространенія просвѣщенія и свободы». Всѣ эти нѣмцы побуждали французовъ освободить лѣвый берегъ Рейна и располагали жителей края принять освобожденіе отъ французовъ. Все благопріятствовало здѣсь революціонному перевороту. Къ этому были вполнѣ приспособлены и тѣ французскіе полки, которые назы-

¹⁾ HAEUSSER, t. I.—PERTHES, *Politische Zustände und Personen in Deutschland*.—KLEIN, *Geschichte von Mainz*, 1792—93.—REMLING, *Die Rheinpfalz*, 1792—1798.—RAMBAUD, *Les Français sur le Rhin*.—MORTIMER-TERNAUX, t. IV. GOUVION DE SAINT-CYR, *Mémoires*.—VENEDEX, *Die Deutsche Republicaner*.—FORSTER, *Werke*.—WOHLWILL, *Weltbürgerthum und Vaterlandsliebe*; Georg Kerner. —HETTNER, BIEDERMANN, SYBEL, JOMINI и другіе.

вали себя рейнскою арміею и авангардомъ которыхъ командовалъ военный авантюристъ.

Во главѣ этихъ войскъ стоялъ замѣнившій Люкнера Биронъ. Онъ предполагалъ приблизительно 45000 человекъ, разбросанныхъ по разнымъ пунктамъ, и старался обучить ихъ и создать для нихъ кадры. Никакой иной цѣли онъ не преслѣдовалъ. Главный помощникъ его, генералъ Кюстинъ, долженъ былъ охранять Ландау и слѣдить за непріятелемъ. Такая пассивная роль не подходила ни къ характеру, ни къ честолюбію Кюстина. Этому эксъ-графу было въ то время пятьдесятъ-два года; онъ принималъ участіе въ Семилѣтней и Американской войнахъ и вступилъ въ Генеральные Штаты депутатомъ отъ менскаго дворянства. Онъ находилъ, что монархія не оцѣнила его гениальности и, бросившись въ революцію, долженъ былъ стараться, чтобы окружающіе простили ему его аристократическое происхождение; для этого онъ принялъ аллюры демократа и усвоилъ себѣ пылкія демократическія рѣчи и стремленія. Во всемъ этомъ большую роль играло его непомятое тщеславіе. Военныя привычки облегчили ему новое положеніе; онъ былъ солдатомъ въ душѣ, любилъ солдатъ, обращался съ ними просто и заботился объ ихъ благосостояніи во время переходовъ и лагерныхъ стоянокъ. Въ военныхъ дѣйствіяхъ онъ отличался отчаянною смѣлостью. Громадные усы Кюстина не мало содѣйствовали популярности его фizioноміи. Онъ любилъ обращаться съ рѣчью къ солдатамъ, и такъ какъ онъ самъ легко воспламенялся и дѣйствительно воодушевлялся своими рѣчами, то этому оратору стараго порядка довольно легко было превратиться въ завоевателя-революціонера. Какъ въ политическихъ, такъ и въ военныхъ дѣлахъ это была взбалмошная, вздорная голова, тѣмъ не менѣе онъ считалъ себя политикомъ вслѣдствіе того, что посѣщалъ «берлинское гяѣздо» интригъ; отличался завистливостью, своеволіемъ и склонностью къ проискамъ; играя въ революцію, на подобіе того, какъ ранѣе играли въ междоусобіе и религіозную агитацію, чисто внѣшнимъ образомъ, безъ всякаго убѣжденія, онъ, подобно многимъ ему подобнымъ, проникнуть былъ классическою идеею рейнской границы. Дюмурье остановилъ свой выборъ на Бельгій; Кюстинъ обратилъ свое вниманіе на нѣмецкія провинціи.

Уже съ августа задумалъ онъ вторженіе. Онъ старался расположить мнѣнстерство въ пользу своего плана, а въ ожиданіи одобренія тайно готовилъ приведеніе его въ исполненіе. Призвавъ въ свою главную квартиру Котту, онъ привлекъ и другого пропагандиста, Штамма, близко знакомаго съ прирейнскимъ населеніемъ. Къ концу сентября онъ добился разрѣшенія двинуть часть войскъ къ Шпейеру. Экспедиція была рассчитана согласно съ старыми преданіями королевскихъ войнъ, въ которыхъ старались разединить нѣмцевъ и щадить однихъ для того, чтобы вѣрнѣе справиться съ

остальными. Кюстинъ намѣревался щадить именно свѣтскихъ князей, т. е. наименѣе богатыхъ изъ рейнскихъ государей. Онъ предупредилъ курфирста-палатина о томъ, что французскія войска пройдутъ по его владѣніямъ, но будутъ соблюдать строгую дисциплину; онъ желалъ «доказать свѣтлѣйшему курфирсту свое искреннее намѣреніе сохранить тѣсную связь, существующую между нимъ и французами». Онъ велъ за собою 13000 пѣхоты, около 4000 кавалеріи и 40 пушекъ. Съ такимъ-то войскомъ собирався онъ революціонировать Священную Имперію. Въ приказѣ по войскамъ, прочитанномъ солдатамъ 29 сентября, имъ повелѣвалось уважать личность и имущество мирныхъ жителей: «Французъ, сражающійся за свободу... подаетъ имъ одною рукою символъ мира въ то время, какъ другою пронзаеетъ грудь ихъ угнетателей; подъ ударами нашего оружія да падаютъ лишь тѣ солдаты, которые отстаиваютъ рабство!» Это было комментариемъ пресловутой программы: «Война замкамъ, миръ хижинамъ!» Кюстинъ сталъ примѣнять ее съ самаго начала своей кампаніи.

30-го сентября онъ появился у Шпейера, бомбардировалъ городъ и ворвался въ городскія ворота; вслѣдъ за этимъ гарнизонъ поспѣшилъ сдаться на капитуляцію. Взято было 2700 плѣнныхъ и пять знаменъ, которыя генералъ послалъ Конвенту. 1 октября нѣкоторые солдаты начали грабить. Воспоминаніе объ опустошеніяхъ, производившихся войсками Людовика XIV, еще было живо въ памяти жителей. Кюстинъ примѣрно наказалъ грабителей и успокоилъ населеніе: солдаты были разстрѣлены. Въ то же время онъ наложилъ на правительство, дворянъ и духовенство—контрибуцію въ 1450000 ливровъ. Затѣмъ посадилъ дерево свободы, получилъ большую долю контрибуціи, за остальную взялъ заложниковъ, пошелъ на Вормсъ, прибылъ туда 4 октября, овладѣлъ имъ, наложилъ контрибуцію на привилегированныхъ въ размѣрѣ 1200000 ливровъ, изъ которыхъ 350000 были уплачены ранѣе 9 октября. Къ своей революціонной канцеляріи онъ прикомандировалъ революціонера Бемера, сына профессора каноническаго права въ геттингенскомъ университетѣ, поселившагося въ Вормсъ, гдѣ его считали неблагонадежнымъ, вслѣдствіе его литературной дѣятельности. Бемеръ сдѣлался секретаремъ генерала и главнымъ посредникомъ между нимъ и нѣмцами.

Уже не въ первый разъ французы, вступая въ Германію, расточали тамъ краснорѣчивые призывы къ свободѣ и обѣщанія широкаго освобожденія. Въ шестнадцатомъ вѣкѣ король Генрихъ также объявлялъ нѣмцамъ, что ведетъ войну безъ всякой корыстной цѣли: онъ сражался лишь для защиты «свободы германской націи и Священной Имперіи». Слова измѣнили свой внутренній смыслъ за два вѣка времени; но это измѣненіе дѣлало ихъ еще болѣе увлекательными для нѣмецкаго уха. Призывъ къ

освобожденію, поддерживаемый блестящими военными дѣлами, встрѣтилъ такой откликъ, на который и не могъ рассчитывать Кюстинъ. Гарнизоны сдались; край покорился. Эта покорность была искренна, такъ какъ основывалась на сознании собственной выгоды: она вела къ освобожденію отъ феодальнаго порядка, къ избавленію отъ ненавистныхъ, разорявшихъ господъ; также привлекала и перемиріе, при которой выигрывалась вся разность между прежними, весьма отяготительными, налогами, уплачиваемыми въ пользу ненавидимаго привилегированнаго класса, и новыми, взимаемыми для общей пользы сборами, значительно облегченными для буржуазіи и мелкаго люда, такъ какъ главная тяжесть ихъ была перенесена на привилегированныхъ. Прирейнскимъ жителямъ было выгодно вѣрить обещаніямъ французовъ, и они поняли ихъ прокламаціи въ буквальный смыслъ.

Прохождение войскъ по этому краю было дѣломъ обычнымъ. Французы показались агнцами въ сравненіи съ соотечественниками, которымъ не долго передъ тѣмъ пришлось оказывать гостепримство: пруссаками, гессенцами, австріяцами, которые вымогали и оскорбляли даже во время мира и союза. Дворяне и духовные одни почувствовали тягость войны. Дружеское обращеніе французскихъ солдатъ завоевало арміи сочувствіе простаго народа. «Французы пришли, но, казалось, принесли одну дружбу и, дѣйствительно, то была дружба,—передаетъ знаменитѣйшій очевидецъ той эпохи ²⁾—все они преисполнены были воодушевленія и бодро сажали веселыя деревья свободы. Они обѣщали всемъ и каждому уваженіе личныхъ правъ и народное правительство. Французы вскорѣ овладѣли умами мужчинъ, въ силу доблести и пылкости предпріятія, а затѣмъ и сердца жепщинъ—своею неотразимою обходительностью. Даже тягость войны со всеми ея требованіями казалась намъ легкою. Надежда сіяла намъ въ будущемъ и притягивала наши взоры къ открывавшимся передъ нами новымъ путямъ». «Города сдаются безъ сопротивленія», писалъ дипломатъ того времени, «и *Провозглашеніе правъ человека* производитъ дѣйствіе трубы Іисуса Навина» ³⁾.

Это дѣйствіе отозвалось во всей имперіи. Если день 10-го августа и, въ особенности, сентябрьскія убійства уменьшили въ Германіи число поклонниковъ революціи, то зато тѣ, кто не измѣнилъ ей, оказались и болѣе твердо убѣжденными и болѣе проникнутыми энтузіазмомъ. Духъ, господствовавшій въ этой средѣ, былъ духомъ космополитизма. Жиронда была для нея олицетвореніемъ новой Франціи. Туманныя воззрѣнія этой партіи, диамрамбическій характеръ рѣчей ея ораторовъ, ихъ великодушныя

²⁾ Гете, *Germann und Dorothea*, гл. Klio.

³⁾ GOVERNOR MORRIS, t. II, p. 223.

чувства, ихъ культъ человечества, ихъ призывы къ освобожденію всехъ народовъ, позволяли ихъ нѣмецкимъ послѣдователямъ опираться на ихъ примѣръ и обращаться къ ихъ содѣйствію, не переставая чувствовать себя нѣмцами и не измѣняя Германіи. Французская революція воспламеняла въ нихъ любовь къ свободѣ и любовь къ родинѣ: подъ громкими словами французскаго происхожденія, или повторяемыми, они разумѣли собственную свободу и собственное отечество и на первыхъ порахъ не видѣли ни недоразумѣнія, ни повода къ столкновенію между собою и этими французами. Многие изъ тѣхъ, кто упрекалъ своихъ государей въ началѣ нашествія за плохую защиту имперіи, стали затѣмъ рукоплескать побѣдамъ этихъ самыхъ завоевателей надъ своими неспособными властителями. Горожане пѣли Марсельезу и вслѣдъ за нею оду Шиллера къ свободѣ. Они соединяли въ своемъ восторженномъ привѣтѣ освободительницу Францію и освобожденную Германію. Весьма немногіе раздѣляли впечатлѣніе Пертеса, говорившаго при видѣ успѣховъ Кюстина: «Какъ человекъ и гражданинъ всего міра, я имъ радуюсь; какъ нѣмецъ—я долженъ бы плакать».

Этотъ смутный и искренній энтузіазмъ отразился и на маленькой интеллектуальной республикѣ, образовавшейся въ Майнцѣ. Здѣсь были свои фанатическіе поклонники свободы во вкусѣ Эвлогія Шпейдера: профессоръ естественнаго права Іосифъ Гофманъ, профессоръ математики Матвей Меттернихъ, профессоръ патологіи Фогтъ, врачъ Ведекинъ; но большинство этихъ майнцскихъ патриотовъ были бюргерами, учеными, просвѣщенными чиновниками. То были люди робкаго права, мягкаго характера, сентиментальнаго добродушія. Среди нихъ немного можно было встрѣтить ревнителей якобинской революціи. Ихъ колоповожатаи были, собственно говоря, благородными мечтателями; таковы были, на примѣръ: богословъ Блау, нѣкоторымъ образомъ предшественникъ Шлейермахера, Адамъ Люксъ, поэтъ, затерявшійся въ политикѣ; наконецъ Георгъ Форстеръ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ и благороднѣйшихъ умовъ своего времени.

Форстеръ, казалось, былъ рожденъ для этой космополитической революціи, иллюзіи которой онъ такъ чистосердечно олицетворялъ собою и за крушеніе которой заплатилъ такую печальную смертью. Онъ родился въ Данцигѣ. Отецъ его, извѣстный путешественникъ и натуралистъ, вмѣстѣ съ сыномъ сопровождалъ генерала Кука въ его кругосвѣтномъ путешествіи. Форстеръ-сынъ написалъ отчетъ объ этой экспедиціи и выказалъ въ немъ истинно научный духъ и оригинальное литературное дарованіе. Александръ Гумбольдтъ называлъ его своимъ учителемъ. Форстеръ заѣзжалъ въ Парижъ, гдѣ познакомился съ Бюффономъ и вернулся въ Германію въ 1778 г. Здѣсь онъ жилъ въ бѣдности и прошелъ чрезъ всевозможныя испытанія. Отецъ его, вслѣдствіе своей расточительности, попалъ въ лон-

донскую долговую тюрьму. Георгъ Форстеръ избавилъ его отъ тюрьмы, содержалъ его и въ то же время пытался продолжать свои ученые занятія. Его живое воображеніе и страстность натуры заставляли его увлекаться вѣяніями времени. Онъ прошелъ чрезъ «періодъ бури и натиска»; его коснулось и религіозное настроеніе Якоби; онъ знавалъ Гете, принадлежалъ къ обществу розенкрейцеровъ, но ясность ума и реальное отношеніе къ жизни скоро оттолкнули его отъ этихъ ханжей. Онъ вернулся къ изученію человѣческихъ отношеній и живой природы съ такою жаждой идеала, съ такимъ культомъ цивилизаціи и стремленіемъ къ свободѣ, что его не могли поглотить нерѣдко сухія подробности его научныхъ изслѣдованій. Онъ занимался переводами иностранныхъ сочиненій, жилъ и учительствовалъ въ Польшѣ и Германіи. Майнцскій курфирстъ пригласилъ его въ 1788 г. и назначилъ своимъ бібліотекаремъ. Форстеръ сблизился съ швейцарскимъ историкомъ Іоганномъ Мюллеромъ, бывшимъ въ то время секретаремъ курфирста, и сдѣлался украшеніемъ ученаго міра въ Майнцѣ. Ему было 38 лѣтъ; онъ женился и нашелъ личное счастье, но не могъ успокоиться: въ душѣ его продолжало жить тревожное стремленіе къ неизвѣданному. Революція привлекла его вниманіе и пробудила въ немъ еще дремавшее стремленіе къ политической дѣятельности и борьбѣ за счастье человѣчества. Вмѣстѣ съ Александромъ Гумбольдтомъ совершилъ онъ экскурсію на Рейнъ въ 1790 г. Они посѣтили затѣмъ Парижъ и присутствовали на праздникѣ Федерациі. Изъ Парижа они отправились наблюдать бельгійское движеніе. Форстеръ напечаталъ рассказъ объ этомъ путешествіи; имя его стало популярнымъ въ Германіи, а книга его не мало способствовала возбужденію сочувствія къ французской революціи. Онъ не желалъ, однакоже, чтобы революція распространилась на его отечество, находилъ, что для этого не настало еще время; не созрѣли еще умы. Онъ предчувствовалъ крушеніе свободы и порицалъ нѣмецкихъ государей за то, что они, своей несправедливой коалиціей, ускорили теченіе кризиса и повредили будущности нѣмецкаго народа, ничего не измѣнивъ въ судьбѣ французовъ. Онъ считалъ революцію непобѣдимой во Франціи, но оставался нѣмцемъ по чувству и инстинкту, несмотря на свою космополитическую окраску, совершенно такъ же, какъ французскіе космополиты оставались французами, въ силу инстинкта и традиціи. Ему пришлось присутствовать при коронаваніи Франца II, и ничто не обличаетъ лучше его внутренняго настроенія, какъ впечатлѣніе, вынесенное имъ изъ этого зрѣлища въ то самое время, когда онъ осуждалъ монархическій крестовый походъ и когда видъ французскихъ эмигрантовъ внушалъ ему отвращеніе къ контръ-революціи. «Императоръ, — писалъ онъ, — такъ молодъ, производитъ впечатлѣніе такой чистоты и честности, что смотря на него въ ту минуту, когда онъ, по выходѣ

изъ церкви, прошелъ съ короною на головѣ, я чувствовалъ, что у меня къ глазамъ поступаютъ слезы!»

Приближеніе французовъ смутило его. Правда, онъ склонялся къ тому, чтобы поладить съ ними какъ можно лучше, но не призывая ихъ въ Германію. Онъ не принималъ никакого участія въ сношеніяхъ нѣкоторыхъ майнцскихъ «патріотовъ» съ Кюстиномъ. Ихъ естественными посредниками во французской главной квартирѣ были: Бемеръ, Доршъ и Штаммъ. Эти майнцы увѣрили Кюстина, что ихъ сограждане стремятся лишь къ освобожденію отъ дворянъ и духовенства; они дали свѣдѣнія о слабыхъ пунктахъ крѣпости и увѣрили, что она не въ силахъ оказать сопротивленія. Сервантъ, Биронъ и Дюмуре опасались рискованнаго предпріятія. Самъ Кюстинъ считалъ его сомнительнымъ. Тѣмъ не менѣе онъ подготавливалъ его чрезъ своихъ эмиссаровъ. Майнцы еще до нападенія собирались капитулировать и занимались тѣмъ, что старались угодить побѣдителю. Правительство курфирста растерялось; войска поглощены были австрійскимъ корпусомъ; казна была растрачена на содержаніе французскихъ эмигрантовъ и на празднества въ честь нѣмецкихъ государей. Курфирстъ находился въ Ашаффенбургѣ; онъ поспѣшилъ пріѣхать въ Майнцъ 5 октября, призвалъ жителей къ сопротивленію до послѣдней крайности и, приказавъ стереть гербы съ своей кареты, отправился ночевать въ Вюрцбургъ. Началась паника; агенты двора заботились только объ укладкѣ церковныхъ и дворцовыхъ драгоценностей. Дворяне, духовные, французы-эмигранты, всѣ, кто имѣлъ основаніе бояться нашествія, набились въ лодки и кареты, увозя все, что успѣли захватить, даже вина изъ погребовъ. 9 октября, передаетъ Форстеръ, на моей улицѣ было только два дома, въ томъ числѣ и мой, изъ которыхъ не выѣхали жильцы.

Въ крѣпости оставалось 1300 имперскихъ солдатъ и 800 австрійцевъ. Правительство сдѣлало реквизицію у крестьянъ и успѣло поставить батареи съ 190 пушками. Если казармы были пусты, то въ арсеналахъ было еще много оружія. На просьбу о помощи, ландграфъ дармштатскій отвѣтилъ, что французы усердно берегли его эльзасскія владѣнія, а потому онъ не можетъ съ ними ссориться. Министры курфирста обратились къ сейму, прося его вмѣшательства. Это собраніе издало циркуляръ и заслушало 11 октября императорскій рескриптъ. «Потомство, — объявлялъ императоръ, — изумится, узнавъ, что въ концѣ восемнадцатаго столѣтія въ Германіи уже не существовало духа общенности». Императоръ приглашалъ нѣмцевъ доказать свой патріотизмъ. Но патріотизмъ защитниковъ города Майнца продолжалъ отсутствовать. Солдаты, родомъ изъ Фульды и Нассау, служившіе въ гарнизонѣ, ушли домой, найдя совершенно бесполезнымъ отдать себя на истребленіе изъ-за майнцевъ. Эти послѣдніе искренно желали, чтобы не истребляли никого.

Военныя приготовленія показали имъ угрожающими ихъ собственной безопасности. Они отказались отъ службы на укрѣпленіяхъ и съ 5 октября повсюду можно было встрѣтить въ городѣ трехцвѣтную кокарду. Кюстинъ не безъ тревоги, однако, слѣдилъ за движеніями австрійцевъ; его успокоилъ ужасъ, внушаемый его появленіемъ. Онъ сказалъ себѣ, что завоеваніе Майнца заставитъ остолебѣть имперію и что это нетрудное завоеваніе усилитъ престижъ Франціи. 19 октября онъ подступилъ къ городу, развернулъ фронтъ, велѣлъ зажечь большіе костры, принести лѣстницы, разложить фашины и поднялъ такую возню, что и безъ того готовые покориться майнцы пришли въ ужасъ при чтеніи адресованныхъ къ нимъ требованій: «Если вы станете колебаться, завтра же васъ не будетъ. Вамъ предстоитъ выборъ между истребленіемъ и братствомъ, которое мы вамъ предлагаемъ... У меня полная возможность испепелить вашъ городъ: каленныя ядра, зажигательные снаряды»... Кюстинъ подкрѣпилъ эти риторически-воинственные фигуры нѣсколькими залпами своей легкой артиллеріи, и Майнцъ высказался за братство. Капитуляція была подписана 21 октября. Нельзя сказать, чтобы гарнизонъ удостоился воинской чести, но онъ вышелъ съ оружіемъ и имуществомъ. Агенты, придворные чины и слуги курфюрста получили разрѣшеніе удалиться. Безопасность личная и имущественная была гарантирована жителямъ.

Около полудня отворились городскія ворота. Это было въ воскресенье; толпы народа хлынули къ французскому лагерю. Форстеръ съ женой отправился туда же. «Да здравствуетъ республика!» закричалъ онъ, привѣтствуя перваго замѣченнаго солдата. «Будетъ здравствовать и безъ васъ!» отвѣтилъ республиканецъ. Французы раздавали во множествѣ трехцвѣтныя кокарды; а нѣмецкая чернь воспользовалась случаемъ и разорила университетскіе виноградники. Въ шесть часовъ Кюстинъ вступилъ въ городъ. Онъ отправился, прежде всего, въ епископскій дворецъ, гдѣ былъ встрѣченъ по-княжески челядью, затѣмъ отправился въ ратушу. Тамъ былъ имъ созванъ городской совѣтъ или, какъ онъ тамъ назывался, магистратъ. Нѣсколько горожанъ присоединилось къ совѣтникамъ; было всего около ста человѣкъ. Кюстинъ обратился къ нимъ съ краткою рѣчью. Онъ объявилъ, что республика предлагаетъ имъ свою дружбу: она не паложитъ на нихъ никакой контрибуціи и предоставитъ имъ управляться по собственному ихъ усмотрѣнію: «Если бы даже вы предпочли рабство благодѣяніямъ свободы, вамъ предоставляется рѣшить самимъ, отъ какого именно деспота желаете принять цѣпи... Слѣдовательно вы имѣете верховное право рѣшить: желаете ли сохранить свое прежнее устройство, избрать новое или принять французское». Бемеръ перевелъ на нѣмецкій языкъ эту утѣшительную рѣчь. Она была принята хорошо, главнымъ образомъ потому, что дисци-

плина французскихъ войскъ и прекрасное расположеніе духа солдатъ внушили полное довѣріе къ обѣщаніямъ генерала.

Пропагандисты поспѣшили основать «Нѣмецкое общество друзей свободы и равенства». Этотъ клубъ открылся 24 октября; около тысячи майнцскихъ гражданъ присутствовали на торжествѣ. Кюстинъ произнесъ вторую рѣчь, подтверждавшую то, что уже было высказано въ первой: «Мы ведемъ эту войну только для того, чтобы не вести вовсе войнъ на будущее время, чтобы наказать несправедливости, противъ насъ содѣяныя, чтобы дать узнать родившимся для свободы людямъ *Права человека*». Присутствующіе рукоплескали; кричали: «да здравствуетъ нація»; такъ какъ каждый могъ отнести это на свой счетъ, а потому всѣ могли на этомъ согласиться.

Форстеръ не записался въ клубъ; но онъ рѣшилъ стать на сторону Франціи. 21 октября, въ самый день капитуляціи, онъ писалъ одному изъ своихъ друзей въ Берлинъ: «Приходится сообразоваться съ обстоятельствами. Къ счастью для Германіи существуетъ Рейнъ. Онъ долженъ быть границей между владѣніями республики и Германіей. Было бы чистымъ безуміемъ дорожить теперь старыми бреднями о неприкосновенности и нераздѣльности имперіи. Это значило бы рисковать утратою всего ради удержанія малаго. Доказательствомъ тому можетъ служить королевская власть во Франціи». Иоганнъ Мюллеръ раздѣлялъ эти чувства; онъ высказалъ такое же мнѣніе. 25 октября Форстеръ отправился къ Кюстину съ депутаціей отъ университета. Въ тотъ же вечеръ, по распоряженію генерала, прочитано было въ клубѣ «воззваніе къ нѣмецкому народу». Въ немъ развивалась и пояснялась тема предыдущихъ рѣчей». Онъ обѣщалъ обложить налогомъ исключительно привилегированныхъ, уважать свободно выраженное желаніе народовъ и отстаивать ихъ независимость противъ деспотизма. 26 октября онъ созвалъ представителей сословій и пригласилъ ихъ выразить свои пожеланія относительно будущей формы правленія въ странѣ. Представители склопались въ сторону буржуазной олигархіи и общиннаго устройства въ средневѣковомъ духѣ; но, какъ люди осторожные, они отвѣтили, что полагаются на мнѣніе торговаго сословія. Это сословіе насчитывало 97 представителей. Трое изъ нихъ отсутствовало, 13 подали голосъ за французскую конституцію и 81—за монархическую, ограниченную штатами, и за сохраненіе союза съ имперіей. Профессоровъ, врачей, юристовъ и священниковъ не спрашивали: одни примкнули къ клубу и работали въ пользу республики; другіе относились къ ней прямо враждебно.

Кюстинъ спохватился и нашелъ, что слишкомъ много взялъ на себя. Онъ нашелъ благоразумнымъ испросить приказаній военнаго министра и

освѣдомиться о настроеніи Конвента. Впрочемъ онъ понималъ, что успѣхъ его—чисто вѣнскій. Но такъ какъ у него не было никакой послѣдовательности въ мнѣніяхъ и такъ какъ онъ прежде всего любилъ пожить, то въ ожиданіи инструкцій изъ Парижа онъ развлекался и наслаждался побѣдой. Однако это не помѣшало ему заняться и войсками; онъ далъ имъ отдохнуть, привелъ въ порядокъ, устроилъ магазины; но упустилъ самое важное, а именно: затруднить отступленіе пруссаковъ и воспользоваться страшною паникою, которую французское нашествіе навело на имперію.

Герцогъ цвейбрюккенскій уладилъ свои отношенія къ республикѣ. Онъ призналъ Депорта дипломатическимъ агентомъ Франціи и обѣщалъ подать голосъ въ пользу заключенія мира на германскомъ сеймѣ. Трирскій курфирстъ, не могшій надѣяться на пощаду со стороны Франціи, думалъ только о спасеніи бѣгствомъ. Резиденціей его былъ Кобленцъ: онъ велѣлъ уложить все, что возможно было увезти; его примѣру послѣдовали дворъ, должностныя лица, судьи и монахи: всѣ они перебрались на другой берегъ Рейна. Въ Эрэнбретштейнѣ было нѣкоторое количество солдатъ: жители заговорили о защитѣ этой крѣпости. Военный совѣтъ воспротивился. Кобленцское населеніе испугалось; оно построило баррикады и задержало экипажи курфирста. Штаты собрались и рѣшили послать Кюстину депутацию, чтобы заранѣе уладить вопросъ о капитуляціи. Наконецъ, 21-го октября курфирсту удалось покинуть свою резиденцію. Онъ укрылся въ Боннѣ, гдѣ господствовала такая же паника, какъ и въ Кобленцѣ. Рейнъ не казался достаточною защитою правительствамъ праваго берега. Семейство ландграфа кассельскаго боялось остаться въ Боннѣ и уѣхало въ глубь Германіи. Ландграфъ дармштадтскій доѣхалъ до самаго Гиссена; маркграфъ баденскій и герцогъ виртембергскій заявили о своемъ нейтралитетѣ; курфирстъ баварскій велѣлъ поставить на границѣ своихъ владѣній столбы съ надписью: «Нейтральная территорія палатината». Вецларъ объявилъ себя нейтральнымъ, въ качествѣ резиденціи имперскаго суда, а ратисбоннскій сеймъ приготовился къ отплытію внизъ по Дунаю.

26-го октября кобленцкіе делегаты пріѣхали въ Майнцъ, предлагая сдать городъ Кобленцъ и его крѣпость: по ихъ увѣренію, въ Эрэнбретштейнѣ не имѣлось пороха, такъ какъ курфирстъ отдалъ его весь эмигрантамъ; они прибавляли, что почти никакихъ усилій не будетъ стоить взятіе Рейнфельза. Но Кюстина поглощали въ ту минуту заботы иного рода. Онъ пашелъ, что и выгодно и почетно доставать деньги, пропагандируя свободу. Онъ отправилъ своихъ адъютантовъ въ объѣздъ по всему краю до праваго берега Рейна включительно: они должны были нести населенію благую вѣсть и брать реквизиціи съ тирановъ. Гушару поручено было вымогать деньги въ Гомбургѣ; онъ доѣхалъ до Мангейма. Нейвин-

геръ, съ 3000 человекъ, требовалъ сдачи Франкфурта. Городъ сдался. Нейвингеръ захватилъ у одного банкира 14.000.000 флориновъ, принадлежавшихъ Австріи, и наложилъ на привилегированныхъ контрибуцію въ 2.000.000 флориновъ. Сенатъ протестовалъ, увѣряя, что во Франкфуртѣ нѣтъ привилегированныхъ и что каждый платитъ тамъ налогъ, соответствующій его достаткамъ. Объясненія франкфуртскихъ олигарховъ смутили Нейвингера: онъ согласился на нѣкоторыя уступки и разрѣшилъ отправить депутацию къ Кюстину. Генералъ ничего не хотѣлъ выслушивать и велѣлъ собрать 300.000 флориновъ путемъ военной экзекуціи. Франкфуртцы были люди разсудительные: они заплатили, но прибавили, что деньги ихъ представляютъ собою чужіе вклады и въ огражденіе себя декретировали принудительный заемъ, падавшій на всѣхъ. Кюстинъ не въ такомъ смыслѣ понималъ равенство. Онъ возразилъ, объявивъ, что жители, имѣющіе менѣе 30.000 флориновъ капитала, могутъ ничего не платить. Французъ, сказавъ онъ, желаютъ одного: «оказывать покровительство неимущимъ и заставить почувствовать людямъ, несправедливо утопающимъ въ роскоши, что люди, родившіеся равноправными, не должны терпѣть ярма богатыхъ». Въ видахъ убѣжденія франкфуртскихъ банкировъ, онъ рѣшилъ послать имъ тысячу человекъ солдатъ, нѣсколько пушекъ и переводчика Бемера. 27-го октября, послѣ полудня, онъ самолично прибылъ въ вольный имперскій городъ, сдѣлавъ смотръ войскамъ, потребовалъ уплаты перваго милліона контрибуціи и взялъ семь заложниковъ. Милліонъ былъ уплоченъ 31-го октября, заложники были возвращены, и Кюстинъ позволилъ пяти франкфуртскимъ граждамъ отправиться въ Парижъ для того, чтобы просить у Конвента отсрочки уплаты втораго милліона.

28-го октября генералъ издалъ прокламацію къ гессенскимъ солдатамъ, приглашая ихъ къ переходу на французскую службу. 30-го издана была другая прокламація, заявлявшая о томъ, что «единственное памѣреніе французовъ заключается въ желаніи доставить нѣмцамъ свободу». Гессенцы не дали соблазнить себя. Ихъ властитель дѣйствовалъ съ такою быстротою, что уже вернулся съ своею маленькою арміею. Войска его съ 28-го октября занимали Кобленцъ и Эрэнбретштейнъ. Увидя ихъ, жители приняли ихъ за французовъ и стали-было кричать: «да здравствуетъ Франція!» Но, замѣтивъ свою ошибку, поудержались и стали размышлять о превратностяхъ судьбы. Все одушевленіе, съ которымъ они еще наканунѣ предоставляли себя въ распоряженіе Кюстина, превратилось въ смиренную покорность верпущимся гессенцамъ и ожидаемымъ пруссакамъ. Кюстинъ упустилъ случай. Понявъ свою ошибку, онъ тотчасъ же обвинилъ въ ней Келлермана и донесъ на него Конвенту; такой способъ былъ классическимъ во времена стараго порядка, а революція добавила къ нему новые поводы:

«Объявляю Келлермана недостойным имени генерала и еще болѣе недостойнымъ руководить войсками республики». Чтобы предотвратить грозу, Кюстинъ увоилъ свои фанфаронады, налегая на пропаганду и прокламаціи. Но реторика его начинала отдавать пустозвонствомъ. Предоставленный имъ майнцамъ выборъ правительства по собственному вкусу, снисходительность по отношенію къ прежнимъ правительственнымъ агентамъ курфирста обращались противъ Франціи. Онъ занялся устройствомъ новой администраціи, запретилъ отправлять правосудіе именемъ курфирста и приказалъ 30-го октября отправлять его «именемъ французской націи».

Между тѣмъ, майнцскій клубъ обсуждалъ будущность края. Чтобы подогрѣть умы, Кюстинъ велѣлъ посадить, 3-го ноябрю, дерево свободы. Это подало поводъ къ празднеству, во время котораго была разбита желѣзная глыба, воздвигнутая архіепископомъ Адольфомъ Нассаускимъ въ видѣ символа своего могущества: «Когда солнце растопитъ эту глыбу,—сказалъ тиранъ жителямъ города Майнца,—тогда и къ вамъ вернутся ваши вольности». Вечеромъ пріѣхали изъ Страсбурга Доршъ и Штаммъ. Форстеръ публично заявилъ о томъ, что присоединяется къ революціи и желаетъ натурализоваться французомъ.

Кюстинъ колебался между провозглашенною имъ свободою и строгими мѣрами, которыхъ требовали военные условія. Онъ обратился къ Конвенту и потребовалъ комиссаровъ. Онъ чувствовалъ, что трудно оставить Майнцъ майнцамъ и въ то же время завоевать его для республики. Деньги перестали приливать. Напрасно облагали податью только привилегированныхъ; большинство изъ нихъ уѣхало, а оставшіеся не платили. Кюстинъ возвѣстилъ объ отнятіи всѣхъ несправедливыхъ правъ и заклеилъ злоупотребленія духовнаго правительства; онъ прибавилъ, что въ ожиданіи реформы и окончательнаго установленія правительственной власти, майнцы должны показать себя достойными свободы, уважая существующіе законы, т. е. платя прежнія подати. «Свобода,—сказалъ онъ,—заключается въ томъ, чтобы повиноваться только закону». Это была прекрасная сентенція; онъ пополнилъ ее слѣдующимъ образомъ: «Только представители французскаго народа могутъ ставить рѣшеніе относительно правъ тѣхъ, кого власть оружія присоединила къ братскому обществу, образуемому нашимъ правительствомъ. Съ чувствомъ глубокаго уваженія ожидаю его депутатовъ. Они явятся провозгласителями вашихъ правъ и вашей свободы». Это чисторимское воззрѣніе на супрематство французскихъ гражданъ относительно окружающихъ народовъ въ значительной степени противорѣчило первоначальнымъ, чисто-американскимъ воззваніямъ генерала. Но Кюстинъ этимъ мало смущался. Онъ вообще придавалъ весьма малое значеніе словамъ, не скупился на нихъ и даже у ступеней эшафота удивлялся, что можно при-

давать какую-нибудь важность рѣчамъ, которыя онъ такъ мало обдумывалъ.

Какъ человѣкъ своего времени и своей школы, онъ, само собою разумѣется, путался съ разными секретными агентствами и принималъ нѣкоторое участіе въ прусскихъ переговорахъ. Не имѣя возможности остановить Фридриха-Вильгельма во время его отступленія, онъ надѣялся его окружить. Я работаю надъ «усыпленіемъ пруссакъ надеждой на союзъ съ Франціей»,—извѣщалъ онъ Лебена. Въ виду такой цѣли, онъ возобновилъ свои берлинскія знакомства, написалъ Меллендорфу и сталъ заискивать у княгини Голенлоэ. Какъ и въ Шампанѣ, дипломаты-маклера чужливы торгъ и высѣживали его вокругъ главной квартиры. «Наши переднія,—писалъ Кюстинъ,—переполнены довѣренными лицами отъ всѣхъ имперскихъ князей, курьерами, за сорокъ лье привозящими депеши отъ этихъ господъ». Генералъ нашелъ въ Депортѣ весьма усерднаго сотрудника. Этотъ бывшій монмартрскій мэръ горѣлъ желаніемъ играть роль и, за неимѣніемъ болѣе обширнаго поля дѣйствія, намѣревался сдѣлать Цвейбрюккенъ поприщемъ своихъ дебютовъ въ политической высокой комедіи. «У меня есть нѣсколько вѣрныхъ людей при этомъ дворѣ, которымъ правятъ женщины и который въ концѣ концовъ совершенно подчинится нашему вліянію», писалъ онъ Лебрену 20-го октября. Онъ написалъ и Герцбергу, осыпая его комплиментами въ надеждѣ, что ему отвѣтитъ тѣмъ же. Но старый графъ не занимался болѣе политикою: онъ устраивалъ филантропическія общества и компилировалъ жизнеописаніе Фридриха II. Отъ него ничего не добились. Депортъ сообщилъ Кюстину о своихъ видахъ по поводу Цвейбрюккена: «Правительство дрожитъ отъ страха. Оно не скрыло отъ меня своихъ опасеній. Я успокаивалъ его сегодня утромъ; но задумайте, когда хотите, при помощи какихъ-нибудь двухъ тысячъ солдатъ... Я могу все зажечь; могу и заключить миръ».

Горани, потерпѣвъ неудачу въ Лондонѣ, перенесъ свою дѣятельность на Рейнъ и попытался встрѣтиться съ Луккезини на его пути. Литераторъ Мандрильонъ, редакторъ *Spectateur américain*, предложилъ свои услуги Лебрену и обѣщалъ переговорить съ Домомъ. Подобно всѣмъ, стремившимся интриговать съ Пруссіей, Мандрильонъ льстил честолюбивымъ поползновеніямъ этой державы, стараясь превзойти ихъ своими посулами. Онъ надѣялся привлечь ее къ игрѣ Франціи, подстрекая къ развитію *Конфедерации государей*, т. е. группировки вокругъ себя сѣверо-германскихъ государствъ. «Домъ», извѣщалъ онъ Лебена, «прислалъ мнѣ объ этомъ предметѣ превосходный меморій». Въ то же время Домъ нашелъ себѣ другаго пособника въ лицѣ журналиста Меттра, публициста, спекулянта, находившаго возможнымъ вести параллельно: французскую пропаганду, прусскій прозелитизмъ, куртажъ мира и поставку военныхъ принадлежностей.

Ему уже ранѣе пришлось работать надъ сближеніемъ Людовика XV и Фридриха, въ 1768 и въ 1771 годахъ. Онъ явился въ Парижъ какъ человекъ, входяій къ Дому, а Домъ представилъ его въ Германіи, какъ человека, будто бы лично знакомаго съ Лебреномъ, хотя въ дѣйствительности Лебренъ вовсе не зналъ Меттра.

Домъ передалъ въ главную прусскую квартиру о стараніяхъ Мандрильона и Меттра. Луккезини и Гаугвицъ нашли, что все это—новыя козни, имѣющія единственною цѣлью посорить Австрію съ Пруссіей. Фридрихъ-Вильгельмъ положилъ конецъ всей этой секретно-дипломатической дѣятельности, написавъ Дому, отъ 1 ноября: «Я подожду, чтобы господинъ Кюстинъ перелазилъ обратно за границу и только тогда приму рѣшеніе относительно предлагаемыхъ мнѣ переговоровъ»... Онъ отказался объясняться съ неизвѣстнымъ эмиссаромъ въ то время, «когда французское министерство хранить зловѣщее молчаніе по поводу сдѣланнаго предварительнаго запроса, касательно намѣреній и средствъ, которыми оно могло бы располагать для спасенія короля и его семейства... Къ тому же,—прибавлялъ Фридрихъ-Вильгельмъ,—я никогда не позволялъ себѣ вести переговоры съ французами, безъ вѣдома и въ ущербъ императора, моего союзника».

Хорошо было дѣлать завоеванія и разумно вести переговоры; но на какой почвѣ поведетъ переговоры республика? Что станетъ она дѣлать съ завоеваніями? Какъ будутъ урегулированы отношенія республики къ народамъ и государствамъ? Кюстинъ спрашивалъ объ этомъ, по поводу Прирейнскаго края, Дюмурье спрашивалъ о томъ же по случаю проектируемой имъ экспедиціи въ Бельгію. Такіе же вопросы ставились и на противоположномъ концѣ военныхъ дѣйствій.

V.

Монтескю вступилъ въ Савойю 21 сентября, съ 18000 солдатъ. Въ то самое время, какъ онъ шелъ, подвигаясь въглубь страны, Конвентъ декретировалъ его смѣщеніе, подъ предлогомъ его отказа продолжать наступленіе ¹⁾. Декретъ былъ постановленъ 23-го; 24-го до свѣдѣнія Конвента дошло, что Монтескю повиновался. Назначено было три комиссара: Дюбуа-Крансе, Лакомбъ и Гаспаренъ. Они должны были разсмотрѣть образъ дѣйствій генерала и привести въ исполненіе декретъ, если найдутъ это нужнымъ. Въ этотъ самый день Монтескю вступалъ въ Шамбери. Муниципалитетъ ожидалъ его у городскихъ воротъ. «Мы—не завоеванный, а свободный народъ», заявилъ ему синдикъ.—«Мы съ вами братья», отвѣтилъ

¹⁾ BIANCHI, Storia della monarchia piemontese, t. II. Botta, Storia d'Italia.—MORTIMER-TERNAUX, liv. V.

Монтескю. Толпа закричала: «Да здравствуетъ Франція!» Французскіе солдаты пропѣли Марсельезу, раздали трехцвѣтныя кокарды и посадили дерево свободы. Монтескю обѣщалъ уваженіе къ личностямъ, собственности, законамъ и религіи. Онъ возвѣстилъ, что аллоброгскій народъ ²⁾ получить возстановленіе своихъ правъ и будетъ господиномъ своихъ судебъ. «Отдѣлитесь отъ вашихъ тирановъ,—говорилъ онъ савойцамъ,—мы пришли бороться только съ ними» ³⁾. Монтескю написалъ военному министру: «Шествіе моей арміи—рядъ триумфовъ. Сельское и городское населеніе бѣгутъ къ намъ навстрѣчу... Мнѣ кажется, что умы расположены здѣсь къ революціи, подобной нашей. Я уже слышалъ о предложеніи Франціи образовывать восемьдесятъ четвертый департаментъ или республику, подъ ея покровительствомъ». Онъ просилъ инструкцій, а въ ожиданіи ихъ поощрялъ надежды.

Письмо Монтескю не грѣшило преувеличеніемъ. Дѣйствительно, изъ всѣхъ сосѣдей Франціи савойцы всего лучше подготовлены были къ присоединенію. Ихъ располагали къ тому и нравы и социальное положеніе, сходныя съ французскими; подготовила и пропаганда мѣстныхъ демократовъ и эмиссаровъ сосѣднихъ странъ. Коммиссары Конвента получили заявленія самаго трогательнаго довѣрія со стороны савойскаго населенія. «Перейдя границу», писали они, «мы не замѣтили, что вступили въ чужой край» ⁴⁾. Они, такъ сказать, открыли «дотолѣ неизвѣстную часть Франціи, старую, простодушную Францію, которая лепетала на языкѣ Генриха IV слова и воззрѣнія революціи. Эти бѣдняги, жестоко угнетаемые Пьемонтомъ, давно привыкли уходить во Францію за хлѣбомъ. Теперь сама Франція приходила навѣстить ихъ и садилась у ихъ очага...» ⁵⁾. Дюбуа Крансе заявилъ Совѣту, что слѣдуетъ «дать кончить генералу Монтескю то, что онъ такъ удачно началъ». Декретъ о смѣщеніи былъ отмѣненъ. Савойцы, нашедшіе убѣжище въ Парижѣ, требовали присоединенія; основался клубъ въ Шамбери съ цѣлью распространенія идеи этого присоединенія. Коммиссары призывали населеніе къ образованію избирательныхъ собраній для выраженія своихъ пожеланій и выбора депутатовъ въ Національное Собраніе, которое имѣетъ засѣдать въ Шамбери. Голосованіе происходило 14-го октября. Три общины были еще заняты пьемонтцами; во всѣхъ остальныхъ избиратели были весьма многочисленны. Изъ 658 общинъ, 583 высказались за присоединеніе, 72 предоставили рѣшеніе своимъ депутатамъ.

21-го октября образовалось въ Шамбери аллоброгское національное

²⁾ Древнее наименованіе савойцевъ.

³⁾ Прокламація 21 сентября.

⁴⁾ Отчетъ Конвенту, 20 окт. 1792 г. AULARD, t. I, p. 92.

⁵⁾ MICHELET, Histoire de la Révolution. t. IV, p. 267.

Собрание; оно засвидѣтельствовало желанія народа, упразднило королевскую власть, сеньориальный режимъ и налогъ на соль, отмѣнило пытку, установило свободу торговли съ Франціей, закрыло монастыри, секуляризовало монаховъ, конфисковало недвижимое имущество духовенства и отдало подъ секвестръ имущество эмигрантовъ. Наконецъ, признавая необходимымъ *указать законъ и заставить его исполнять*, — вотировало конституцію. Такимъ путемъ, аллоброги выполнили въ четыре дня то, что французы совершили въ три года. Не потребовалось ни особыхъ усилій, ни пролитія крови. Никто не противился; примѣръ повиновенія подалъ епископъ и подчиненное ему духовенство. Законники явились въ національное Собрание и присягнули новому порядку. «То, что вы до сихъ поръ называли оскорбленіемъ величества», сказалъ президентъ собранія Доппе, «то будете называть оскорбленіемъ націи». 29-го октября Собрание разошлось, назначивъ четырехъ депутатовъ въ Конвентъ для выраженія желаній аллоброгскаго народа. «Если и г. Ансельму посчастливится такъ какъ мнѣ, — писалъ Монтеスキу, — то владѣнія сардинскаго короля скоро ограничатся Пьемонтомъ и Сардиніей» ⁶⁾.

Ансельмъ былъ хорошимъ солдатомъ, усерднымъ и дѣятельнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и весьма вздорнымъ человекомъ. Онъ шелъ къ Ниццѣ, поддерживаемый морской демонстраціей Трюге. Пьемонтцы отступили, несмотря на численное превосходство своихъ силъ. Жители Ниццы были предоставлены самимъ себѣ; чернь принялась грабить городъ, и мирные люди пришли въ ужасъ. Они призвали Ансельма, который и вступилъ въ Ниццу 28-го сентября. У него было не болѣе 3000 человекъ солдатъ; дурная погода заставила Трюге уйти въ открытое море. Можно было ожидать возобновленія нападенія со стороны пьемонтцевъ. Ансельмъ не сумѣлъ ни возстановить порядокъ въ городѣ, ни подчинить своихъ солдатъ дисциплинѣ, отличавшей войска Кюстина и Монтеスキу. Онъ соперничалъ съ этими генералами только ревностностью своего прозелитизма. Ниццекіе клубисты прославляли его доблести и послали множество адресовъ Конвенту съ просьбой о дарованіи Ансельму маршальскаго жезла. «Ансельмъ любимъ здѣсь всѣми» ⁷⁾, писали изъ Ниццы 12-го октября; «восхищаются и его сестрой, которая, обладая не меньшею доблестью, чѣмъ Орлеанская Дѣва, служить еще болѣе великому дѣлу». 21-го октября установилось якобинское управленіе. Оно послало въ Парижъ двухъ делегатовъ, которымъ поручено было отъ имени жителей Ниццы просить объ «усыновленіи первоначальной родиной, отъ которой не должны бы быть отторгнуты, и о присоединеніи къ республикѣ». Одновременно съ этимъ

⁶⁾ Письмо въ Конвентъ. *Moniteur*, t. XIV, p. 70.

⁷⁾ Тоже *Moniteur*, t. XIV, p. 317.

ходатайствомъ и витіеватыми похвалами Ансельму, Конвентъ получалъ и жалобы на излишнюю мягкость генерала по отношенію къ анархистамъ. Представленъ былъ по этому поводу и докладъ въ Конвентъ. Въ немъ излагалось, между прочимъ, слѣдующее: «Воровство, грабежъ, насиліе, самовольные поборы, нарушеніе правъ гостепріимства, вѣроломство, оскорбленіе бѣдняка въ его собственной хижинѣ, разореніе жилища земледѣльца, безнаказанность всѣхъ этихъ преступленій постигаютъ край, которому вы возвратили свободу...» ⁸⁾.

Эти излишества навели ужасъ на цѣлый край. 23-го октября къ Онейлю пришелъ флотъ съ десантомъ. Жители, которые должны были принять военный постой, вмѣсто отвѣта перебили всѣхъ парламентаровъ. Чтобы наказать ихъ за это, Трюге велѣлъ бомбардировать городъ; войска заняли его 30-го, разграбили, разорили и убили монаховъ, возбуждавшихъ народъ противъ французовъ.

Вмѣсто того, чтобы устроить управленіе въ завоеванной странѣ и возстановить спокойствіе, Ансельмъ мечталъ о новыхъ и еще болѣе необычайныхъ предпріятіяхъ. Слава Кюстина казалась ему недостаточно блестящей. Онъ имѣлъ притязаніе сдѣлаться новымъ Пирромъ республики. Исполнительный Совѣтъ помышлялъ о занятіи острова Сардиніи. Бывшій корсиканскій депутатъ въ національномъ Собраніи, Арена, былъ назначенъ комиссаромъ исполнительной власти; ему-то было поручено подготовить эту экспедицію, по соглашенію съ Ансельмомъ и Трюге. Онъ написалъ изъ Ниццы 24-го октября, сперва Лебрёну, а затѣмъ Бриссо: «Экспедиція въ Сардинію невозможна въ настоящее время. Ансельмъ находитъ, что республика должна бы послать армію въ Римъ съ цѣлью разогнать дворъ, который ведетъ съ нами войну болѣе опасную, чѣмъ прусско-австрійская. Освободить римлянъ, перейти въ Медіоланскій край, въ Ломбардію и вернуться въ Пьемонтъ для осажденія крѣпостей сардинскаго короля — вотъ планъ, задуманный Ансельмомъ. Никогда не представится Франціи болѣе удобнаго случая избавить себя отъ римскаго двора, водворить тамъ своего епископа и поднять общее народное возстаніе. Мы располагаемъ Средиземнымъ моремъ; зимою перевѣсъ будетъ на сторонѣ нашей арміи; она будетъ существовать на счетъ тирановъ и доставить намъ множество другихъ преимуществъ, которыя легко будутъ вами усмотрѣны».

Мысль о вмѣшательствѣ въ римскія дѣла занимала многіе умы. Эксбаронъ Мако былъ въ то время посланникомъ въ Неаполѣ. Это былъ дипломатъ и по природнымъ склонностямъ, и по профессіи; въ революцію попалъ онъ случайно; скорѣе интриганъ, чѣмъ республиканецъ, онъ былъ

⁸⁾ Гупилю, 18-го ноября 1792, *Rapport rétrospectif. Moniteur*, t. XIV, p. 509.

болѣ сродни Шовелену, чѣмъ Бартелеми. Назначенный еще во время министерства Дюмуре, онъ пріѣхалъ къ своему посту только въ началѣ августа, и дворъ держалъ его, такъ сказать, въ карантинѣ. Онъ спѣшилъ доказать свою гражданскую доблесть пріобрѣтеніемъ репутаціи политика съ широкими замыслами. Римъ представлялся ему болѣе пригоднымъ поприщемъ для того, чтобы развернуть свои замѣчательныя дарованія и добиться личныхъ выгодъ. Франція содержала въ Римѣ только почтмейстера, нѣкоего Динья, консульскаго агента Мульта, бывшаго въ то же время и банкиромъ, учениковъ академіи и нѣсколькихъ живописцевъ. Двое изъ этихъ художниковъ, Шинаръ и Ратеръ, были заключены въ тюрьму 26-го сентября, по обвиненію въ произнесеніи мятежныхъ рѣчей. Мако нашелъ случай, удобнымъ для вѣнательства, вступился въ дѣло и настаивалъ, чтобы исполнительный Совѣтъ сдѣлалъ энергическій запросъ святому престолу. Горани, имѣвшій большое вліяніе въ такихъ дѣлахъ, далъ тонъ и съ своей стороны обратился къ папѣ съ письменнымъavorомъ. Письмо его было напечатано въ Мониторѣ. Въ немъ приглашали римскаго первосвященника «уступить вѣчному разуму, истинѣ, природѣ и Богу, голосъ Котораго слышится въ *Провозглашеніи правъ человека*: «Никогда, ни Зороастръ, ни Конфуцій, ни Моисей, ни Пилпей⁹⁾, Солонъ, Ликуръ, Нума... не давали еще людямъ болѣе простаго, высокаго и плѣняющаго сердце закона...» Горани убѣждалъ папу Пія VI отказаться отъ своей тиары; этою цѣною онъ получитъ прощеніе; въ противномъ случаѣ народъ сотворитъ надъ нимъ судъ и раздавитъ его невѣрующаго и безнравственнаго со всею его кастою.

Одновременно съ этимъ, дипломатическій агентъ въ Генуѣ, Нальякъ придавалъ тѣмъ же требованіямъ болѣе дипломатическую форму. «Мнѣ кажется правдоподобнымъ,—писалъ онъ Лебрену отъ 29-го октября,—что, въ видахъ обезпеченія свободы французской республики, вы будете стремиться окружить ее мелкими государствами, которыя, будучи освобождены отъ цѣпей деспотизма, останутся связанными съ нею ради поддержанія своей независимости; въ такомъ случаѣ я не сомнѣваюсь, что вы далеко отодвинете границы Австріи и создадите изъ бельгійскихъ провинцій, Люксембурга и Бризгау кольцо свободы вокругъ очага, изъ котораго изойдетъ священный огонь». Въ такомъ смыслѣ составлена была Нальякомъ обширная записка, относившаяся къ Италіи и посланная имъ къ Лебрену. Онъ находилъ однакоже въ своемъ заключительномъ выводѣ, что всего лучше оставить Италію раздробленною для того, чтобы она занимала подчиненное

⁹⁾ «Тамъ-то (въ Индіи) написалъ свои правоучительныя басни знаменитый Пилпей, 2300 лѣтъ тому назадъ... и проч.» Voltaire, *Essai sur les mœurs*, ch. III: *Des Indes*.

положеніе. Онъ увѣрялъ, что въ Миланѣ и Туринѣ такъ напуганы, что при нѣкоторой смѣлости французы могутъ овладѣть обоими городами.

Все эти соображенія замѣчательны тѣмъ, что ихъ починъ принадлежить людямъ стараго порядка; это все тѣ же планы расширенія предѣловъ, которые занимали королей, и революціонными они могутъ считаться лишь по выставившимся мотивамъ. Венеціанскій повѣренный въ дѣлахъ, Феликсъ Гененъ, развивалъ эти планы рапѣ Ансельма и Нальяка, советуя взять Геную, занять Пармѣ и Піаченцу, гдѣ найдется фуражъ, товары, холстъ, вьючный скотъ; напасть на Модену, гдѣ можно найти оружіе, боевые снаряды и казну съ нѣсколькими милліонами; грозить Венеціи, которая не въ силахъ будетъ сопротивляться и доставить провіантъ: населеніе, зная, что его не хотятъ поработать, благопріятно отнесется къ нашествію. «Именно въ Италіи», такъ заключаетъ свои соображенія предусмотрительный агентъ, «должны мы побѣдить нѣмцевъ; поэтому нападѣмъ же на нихъ въ Италіи». И вотъ уже съ 1792 г. вышли изъ картоновъ классической дипломатіи замыслы и средства 1796 г., то есть Бонапартовской экспедиціи и политики Директоріи.

Эта политика уже зародилась въ умахъ новыхъ республиканцевъ и, по странному противорѣчію, первой пришлось испробовать ее на свой счетъ одной изъ немногихъ уцѣлѣвшихъ въ Европѣ республикъ. Правительства стараго порядка не имѣли предубѣжденія противъ республикъ: они не обращали вниманія на конституціонную форму этихъ государствъ, а имѣли въ виду лишь выгоду сохранить или же расчленивъ ихъ. Правительства, вышедшія изъ революціи, также не стѣснялись въ этомъ отношеніи. Директорія произвела раздѣлъ безобидной венеціанской республики и подѣлила ее съ австрійскимъ дворомъ несмотря на то, что этотъ дворъ оставался явнымъ врагомъ французской республики. Уже въ 1792 году мы видимъ какъ одни и тѣ же министры, которые искали союза съ прусскимъ королемъ и готовы были отдать ему цѣлые народы и провинціи, потому что расширеніе Пруссіи отвѣчало ихъ политическимъ соображеніямъ,—тревожили Швейцарію и грозили Женевѣ на томъ основаніи, что это небольшое государство стѣсняло ихъ расчеты или противорѣчило ихъ страстнымъ стремленіямъ. Къ тому же въ поводахъ къ недовѣрію и неудовольствіямъ между республиканскою Франціей и швейцарскими кантонами недостатка не было. Инсurreкція 10 августа, избіеніе швейцарской гвардіи и отвѣтственность за кровопролитіе, возлагавшаяся именно на этихъ швейцарцевъ, все это оскорбляло швейцарскій патріотизмъ, а въ то же время угрозы вторженія и прозелитизма заставляли эту республику опасаться за свою независимость.

Кантоны отказывались признать временное правительство и заботились

о возвращении на родину оставшихся во Франции швейцарских солдат. Лебрень, призывая Швейцарию к миру и согласию, держал себя по отношению к ней с некоторым высокомерием. Это было ошибкой по отношению к свободному и гордому своею независимостью народу, честный нейтралитет которого к тому же имел важное значение для защиты французских границ. К счастью, Франция имела в Швейцарии образованного и добросовестного посланника, способного ясно видеть, верно передавать вещи и смягчать, при случае, неосторожную резкость получаемых инструкций. В то время Бартеlemi, которому предстояло играть столь важную роль в дипломатических делах республики, было сорок два года. Он приходился племянником известному автору *Анахарсиса* и вступил на дипломатическое поприще под покровительством Шуазеля. Он был секретарем посольства в Швеции, Вienne и Лондон, где его и застала революция. В Швейцарии он находился с февраля 1792 г. В дипломатии он был учеником Верженна; хороший наблюдатель, осторожный в дипломатических переговорах, посредственный редактор, умный, миролюбивый, не державшийся никакой системы, кроме верно понятого интереса Франции, искренний патриот и прежде всего деловитый человек; связанный происхождением с либеральными и умеренными мнениями, а вкусами и манерами — с хорошим обществом, весьма равнодушный к своему спокойствию, имуществу, месту, он намеревался с достоинством продолжать при республике карьеру, с честью начатую при монархическом правительстве.

Бартеlemi не скрыл от Лебрена неудовольствия швейцарцев: «Негодование и скорбь, вызванные событиями 10-го августа, дошли до высшей степени напряжения. С нашей французской точки зрения, солдаты, составлявшие швейцарскую гвардию — изменники; но в Швейцарии их горячо прославляют за великодушную преданность королю. Австрия убеждает кантоны высказаться против нового парижского правительства; без сомнения, они не захотят первые признать его: все, чего можно достигнуть — это отсутствия прямой враждебности, но враждебность эта проявится, если их не будут щадить». «Жестокія события 2-го сентября, жертвами которых сделалось множество швейцарских офицеров, делают мое личное положение с каждым днем более и более шатким и подвергают серьезной опасности наши политические отношения с Швейцарией». «Следовало бы, — замечает в конце своего отчета Бартеlemi, — дать кантонам время забыть об этих событиях; следовало бы успокоить правительство; в особенности же необходимо избывать вызывающего образа действий».

Именно об этом всего меньше заботились в Париже. Военные за-

няли местность, прилегающую к Порантрию, так как она была, по их мнению, необходима для целей военной обороны; пропагандисты немедленно явились туда проповедывать возмущение против местного властителя, епископа базельского. Население ваадского и арговийского кантонов, подчиненное Берну и находившееся во власти аристократов, стоявших во главе правительства, волновалось, вследствие подстрекательства французских эmissаров. Конфликт, тлевший под пеплом повсеместно, вспыхнул в Женеве.

Женева пользовалась независимостью; она не входила в состав гельветической конфедерации, но она связала себя в 1558 и 1584 годах вечным союзом с бернским и цюрихским кантонами. В 1782 г. демократы попытались произвести в Женеве революцию. Тогда вмешались три соседние державы: Франция, Сардиния и Швейцария. Они заставили издать эдикт о примирении и восстановили аристократическую конституцию, которую обеспечили своею коллективною гарантией. Было условлено, что если между двумя из держав-поручительниц возникнет война, то Женева должна быть объявлена нейтральной, причем тогда предстояло решить: займут ли республику войска всех трех держав-поручительниц, или же только войска той из них, которая не примет участия в военных действиях. Война между Францией и Сардинией ставила именно такой *casus foederis*.

Один из вожаків женевской революции 1782 г., Клавьер, сделался членом французского правительства. Естественным образом, вокруг него группировались эмигранты его партии и нетерпеливо ждали реванша. Королевская Франция раздавила их возмущение; республиканская придет к нему на помощь. Клавьер расположил Бриссо и его друзей в пользу этого замысла. Он хотел послать в Женеву Горани, для агитации, в видах добровольного присоединения к Франции. Но Горани хорошо знал положение вещей в Женеве и отказался от этой миссии, утверждая, что «проект не честен, несправедлив, не политичен, безнравственен и безразуден». Клавьер, упорно желавший отомстить женевской аристократии, обратился к Сервану и старался доказать ему выгоду занятия Женевы: можно было бы конфисковать арсенал и наложить реквизицию на богатую казну республики.

Женевские демократы волновались; они относились очень серьезно к проекту вмешательства, приписываемому Франции. Аристократы испугались и сами дали партии вмешательства желаемый повод. Генеральный Совет собрался 24-го сентября, решил вооружение населения и поручил правительству требовать помощи союзников, т. е. Берна и Цюриха, в силу договоров 1558 и 1584 годов. Решение было постановлено боль-

шинствомъ 948 голосовъ противъ 736. Бернское правительство расположено было отвѣтить на призывъ. Оно собрало десяти тысячный корпусъ въ Нюнѣ и пять тысячъ для наблюденія за Порантрию. Женева просила тысячу шестьсотъ; ихъ прислали немедленно. Въ то же время гельветическій Союзъ, подтверждая свой нейтралитетъ, требовалъ уваженія этого нейтралитета со стороны Франціи и выражалъ надежду, что, въ силу стараго обычая, Женева присоединится къ нейтралитету.

Между тѣмъ женева, увѣряя въ своей готовности, признали 26-го сентября за французскимъ дипломатическимъ агентомъ Шатонефомъ достоинство посланника французской республики. Но они уже дали поводъ вмѣшательства Клавьеру, и онъ не замедлил этимъ воспользоваться. 28-го сентября, Исполнительный совѣтъ, принявъ во вниманіе, что женеваскія событія обличали въ этой республикѣ дѣйствіе партіи, «состоящей изъ честолюбцевъ и интригановъ», преданной Сардиніи, благопріятной французскимъ эмигрантамъ, враждебной революціи, и что, съ другой стороны, вмѣшательство Берна противно условіямъ договора 1782 г., приказалъ Монтескю воспротивиться вступленію швейцарскихъ войскъ въ Женеву, или выгнать ихъ оттуда, если они уже вступили. Шатонефу поручалось увѣдомить о томъ женевацевъ; онъ долженъ былъ прибавить, что французскій народъ не желалъ «посягать на свободу и независимость республики, но что онъ потребуетъ кары для правителей, измѣнившихъ своему отечеству и нарушившихъ трактаты».

Увѣдомленіе было сдѣлано. Женевацы ссылались на договоръ 1584 г., который оставался въ силѣ, несмотря на трактатъ 1782 г., и не нарушалъ ничьихъ правъ. Швейцарцы вступили въ городъ. Въ видѣ компенсации, женеваскій губернаторъ распорядился высылкой французскихъ эмигрантовъ. Швейцарскія войска прибыли на судахъ по озеру и были встречены громкими патриотическими привѣтствіями; эмигранты отплыли «среди сцены смятенія, ужаса и скорби», — какъ повѣствоваль Малле дю-Панъ. Шатонефъ протестовалъ и выѣхалъ изъ Женевы 4-го октября. Монтескю подошелъ къ Каружу съ четырьмя тысячами человекъ и нѣсколькими пушками. Здѣсь получилъ онъ, 6-го октября, письмо отъ Сервана, предписывавшее занять Женеву «мирнымъ или насильственнымъ путемъ». Это могло быть приведено въ исполненіе не иначе, какъ посредствомъ бомбардировки, такъ какъ войскъ было недостаточно для простаго занятія города; Монтескю колебался поступить «во вкусъ Людовика XIV». «Мы можемъ испортить такимъ образомъ дѣйствіи весь успѣхъ настоящей кампаніи», — писалъ онъ Сервану. — «Первый пушечный выстрѣлъ противъ Женевы будетъ сигналомъ къ вооруженію цѣлой Швейцаріи». Къ тому же это было и бесполезно, такъ какъ швейцарскій нейтралитетъ ограждалъ

восточную границу: Монтескю взялъ на себя попытку переговоровъ и началъ ихъ съ женеваскими комиссарами 8-го октября.

Исполнительный Совѣтъ смотрѣлъ на дѣло иначе. Онъ находилъ, что достаточно обезпечилъ для Франціи швейцарскій нейтралитетъ, увѣдомивъ Бартелеми о томъ, что онъ долженъ оставаться на своемъ посту и приславъ ему прекрасно составленный адресъ швейцарскому народу, редактированный Майлемъ и принятый Конвентомъ 9-го октября. На слѣдующій день постановлено было, что Монтескю долженъ настаивать на немедленномъ удаленіи швейцарскихъ войскъ; въ случаѣ же неисполненія такого требованія, генералъ «употребить все средства къ тому, чтобы принудить женевацевъ къ соблюденію трактатовъ и поддержать національную честь». Совѣтъ подтвердилъ, впрочемъ, завѣренія Шатонефа относительно того, что не будетъ «нанесено никакого ущерба ни личной, ни имущественной безопасности, а равно и свободѣ и независимости республики». Документы, касавшіеся переговоровъ, были препровождены въ дипломатическій комитетъ. Бриссо представилъ по этому поводу докладъ въ Конвентъ, 16-го октября. Онъ не допускалъ, чтобы женевацы имѣли право опасаться чего бы то ни было. Ихъ боязнь была бы оскорбленіемъ французамъ! Но Женева стоитъ на пути, и этотъ путь необходимъ для Франціи. Пропускъ французскихъ войскъ чрезъ Женеву ни въ чемъ не нарушилъ бы свободы и независимости женевацевъ. Швейцарскія войска могутъ быть призываемы въ Женеву не иначе, какъ по согласію Франціи. Бриссо полагалъ, что трактатъ 1782 г. упразднялъ прочіе женеваскіе договоры и, въ частности, договоръ 1584 г. Въ самомъ трактатѣ 1782 г. онъ различаетъ два рода статей: тѣ, которыми обезпечивается за Франціей нейтралитетъ Женевы, онъ желалъ сохранить въ цѣлости; тѣ же, которыя гарантировали Женевѣ ея аристократическую конституцію, онъ считалъ «актомъ разбойниковъ, не могущимъ пользоваться поддержкой французской республики». Конвентъ одобрилъ заключеніе доклада, «принявъ во вниманіе, что всякая гарантія подобной конституціи была бы посягательствомъ на независимость гарантируемой державы». Исполнительный Совѣтъ поручилъ Бартелеми потребовать отъ кантоновъ созыва чрезвычайнаго сейма для улаженія спорныхъ вопросовъ между обѣими націями; французскій посланникъ долженъ былъ засвидѣтельствовать желаніе республики поддержать союзъ съ Швейцаріей и употребить все мѣры для достиженія соглашенія; но если не будетъ достигнуто немедленное удаленіе изъ Женевы союзныхъ войскъ, онъ уполномочивался объявить войну бернцамъ.

Между тѣмъ Монтескю приступилъ къ компромиссу. 22-го октября онъ подписалъ договоръ съ женевацами, въ силу котораго эти республиканцы обязывались удалить швейцарскія войска ранѣе 1-го января, фран-

цузская же артиллерія удалится немедленно по ратификаціи этого договора. Въ документѣ не упоминалось ни о проскрипціи аристократовъ, ни объ отъѣздѣ обезпеченія конституціи 1782 г. Клавьеръ же именно это и считалъ предметомъ первостепенной важности. Исполнительный Совѣтъ отнесся къ предложеніямъ Монтескю съ негодованіемъ. Онъ нашелъ первую статью неприличной и рѣшительно отвергъ вторую. Женету поручено было побудить Монтескю къ болѣе энергичному образу дѣйствій. Но генералъ понималъ всѣ неудобства занятія Женевы французскими войсками; онъ находилъ это несправедливымъ и не имѣлъ ни малѣйшаго желанія компрометтировать безопасность своихъ войскъ и рисковать потерей швейцарскаго нейтралитета, ради удовлетворенія желаній Клавьера; поэтому онъ возобновилъ переговоры. Условились, что швейцарцы уйдутъ, а французская артиллерія удалится ранѣе 1-го декабря. Что же касается отъѣзды гарантій 1782 г., то Монтескю ничего не могъ добиться, такъ какъ женефцы смотрѣли на нихъ, «какъ на самую твердую опору своей независимости». Тѣмъ не менѣе, они признавали за Франціей право добиваться пересмотра трактатовъ и вести переговоры по этому поводу. Трактату, подписанному 2-го ноября, предпослано было обширное предисловіе. Монтескю заявлялъ въ немъ, что «Франція не имѣетъ притязанія ни на какую власть надъ женефской республикой и ни на какое давленіе на ея правительство». Затѣмъ онъ написалъ Лебрену: «Теперь отъ васъ зависитъ окончаніе женефскаго дѣла, а съ нимъ и прекращеніе неудовольствія Швейцаріи... Какъ военный и какъ гражданинъ, весьма преданный французской республикѣ, я желаю, чтобы ничтожная сама по себѣ ссора не имѣла серьезныхъ послѣдствій»...

Письма Бартелеми подтверждали благоразуміе этого мнѣнія. Онъ указывалъ на ослабленіе враждебности у швейцарцевъ. «Отъ насъ зависитъ, чтобы въ весьма скоромъ времени эта враждебность смѣнилась дружественными чувствами къ французскому народу, издавна существовавшими у швейцарцевъ, и намъ не придется опасаться ни предательства, ни неприязненныхъ поступковъ со стороны Швейцаріи».

Подобныя же благоразумныя совѣты и заявленія ежедневно приходили и изъ Лондона; они исходили отъ лицъ, пользовавшихся большимъ довѣріемъ и кредитомъ, чѣмъ Монтескю и Бартелеми, и соответствовали дѣйствительному положенію вещей въ Европѣ. Но эти агенты, при своей изолированности, руководились одними догадками и предположеніями; если бы общее положеніе вещей было имъ лучше извѣстно, они дѣйствовали бы настойчивѣе.

ГЛАВА III.

Война съ цѣлью распространенія республиканскихъ идей.

1792 г.

I.

Союзныя арміи распались, удаляясь изъ Франціи; распался и самый союзъ. 24-го октября, австрійскій уполномоченный Шпильманъ принять былъ прусскимъ королемъ въ Мерль, близъ Люксамбурга. Онъ настойчиво домогался узнать мнѣніе Фридриха-Вильгельма о будущности войны. Гаугвицъ, которому было поручено слѣдить за этими переговорами, отвѣтилъ нотою отъ 25-го октября. Если, объяснялось въ этой нотѣ, всѣ европейскіе дворы согласятся вести борьбу противъ французской революціи и возстановить на престолѣ Людовика XVI, то прусскій король приметъ въ этомъ соглашеніи участіе, соответствующее его значенію. Если же такой концертъ не состоится, а имперія будетъ вести отдѣльную войну съ Франціей, то прусскій король выполнитъ обязательства, лежація на немъ какъ на государѣ германскаго союза. Въ томъ же случаѣ, если король рѣшитъ продолжать войну помимо только что указанныхъ обстоятельствъ, онъ предприметъ ее не иначе, какъ по обезпеченіи за собою вознагражденія за военные расходы. И въ такомъ случаѣ онъ будетъ ожидать, что Россія и Австрія немедленно предоставятъ въ его владѣніе округъ, котораго онъ потребовалъ бы для себя въ Польшѣ.

За этою деклараціей послѣдовали 26-го и 27-го октября довольно тревожныя совѣщанія между Шпильманомъ и Гаугвицемъ. Гаугвицъ заявилъ, что рѣшеніе его монарха—безповоротно; онъ развернулъ карту Польши и указалъ на линію завоеваній, начертанную рукою самого короля. «Если немедленное приобрѣтеніе предполагаемаго округа встрѣтило бы малѣйшее препятствіе,—сказалъ онъ,—прусская армія удалится немедленно и безвозвратно». Шпильманъ не преминулъ сослаться и на великій принципъ равноправности; онъ объявилъ, что Пруссія не приобрѣтетъ въ Польшѣ ничего, ранѣе чѣмъ Австрія вступила бы во владѣніе Баваріей и получила

бы надлежащее добавление. Гаугвицъ возразилъ, что было бы несвоевременно затѣвать объѣмъ въ имперіи; впрочемъ, прибавилъ онъ, король готовъ и на это, если таково желаніе императора.

Шпильманъ захотѣлъ удостовѣриться въ томъ лично. Фридрихъ-Вильгельмъ удовлетворилъ его желаніе въ тотъ же день. Шпильманъ воспользовался случаемъ, чтобы внушить прусскому королю мысль, что въ случаѣ соглашенія всѣхъ трехъ державъ по поводу новаго раздѣла Польши, каждая изъ нихъ могла бы немедленно занять причитающуюся ей долю. Австрія взяла бы свою въ качествѣ залога и если, впоследствии, получить вознагражденіе и добавленіе къ нему въ другомъ мѣстѣ и очистить Польшу, то полякамъ можно будетъ представить эту эвакуацію какъ выгоду, которая должна побудить ихъ къ утвержденію раздѣла, совершеннаго остальными двумя дворами. Этотъ соблазнительный планъ понравился Фридриху-Вильгельму и онъ одобрилъ его. Шпильманъ слѣдующимъ образомъ резюмировалъ дѣло: «Если мы откажемъ прусскому королю въ справедливомъ вознагражденіи въ Польшѣ, мы заставимъ его тѣмъ немедленно отдѣлиться отъ коалиціи; это не представитъ для него ни малѣйшаго затрудненія, и французы, безъ сомнѣнія, всѣми мѣрами облегчатъ ему такой шагъ».

Такова была степень вѣрнаго довѣрія къ вѣрности Пруссіи. Хотѣли рѣшить все одною силою, писалъ одинъ изъ самыхъ близкихъ къ императору людей, де-Мерси, а въ силѣ-то и оказался недостатокъ. Французы выдержали рѣшающее испытаніе, то, которое погубило Польшу и создало могущество американцевъ. «Этотъ народъ видѣлъ иностранныя арміи на своей территоріи и остался единодушнымъ, непоколебимымъ въ своихъ идеяхъ... Приходится отказаться отъ безумной надежды покорить цѣлую націю, подавить силою двадцатичетырехъ-милліонную массу людей. Приходится, наконецъ, отказаться и отъ контръ-революціи и отъ эмигрантовъ, а также, до поры до времени, и отъ плана восстановленія монархіи во Франціи». Тѣмъ не менѣе тотъ же Мерси стоялъ за продолженіе войны, но исключительно въ видахъ охраненія Нидерландовъ. «Черезъ пять мѣсяцевъ,—прибавлялъ онъ съ грустью,—послѣ значительной потери людими и деньгами, мы были бы счастливы, если бы могли вернуться къ той точкѣ, отъ которой отиралялись». Кауницъ совѣтовалъ начать переговоры о мирѣ, заручившись освобожденіемъ Людовика XVI, вознагражденіемъ эльзасскихъ князей и возвращеніемъ Авиньона папѣ; впрочемъ по этому послѣднему пункту онъ готовъ былъ идти на сдѣлку. Императоръ также склонялся въ пользу мира, цѣною приобрѣтенія Баваріи. Кобенцель написалъ Шпильману 26-го октября слѣдующее: «Восстановленіе монархіи и возвращеніе королевской фамиліи ея правъ уже не могутъ быть, въ на-

стоящую минуту, главною цѣлью нашихъ усилій. Этою цѣлью, отнынѣ, должно быть наказаніе непріятельскаго нападенія, полученіе удовлетворенія и, если возможно, заключеніе мира на такихъ условіяхъ, которыя вознаградили бы насъ отчасти и тѣмъ или другимъ способомъ обезпечили выполнение договоровъ по отношенію къ имперскимъ князьямъ».

Очевидно, что въ послѣднихъ числахъ октября ни Пруссія, ни Австрія не думали уже о восстановленіи монархіи и еще менѣе о реставраціи стараго порядка во Франціи. Все ихъ монархическое рвеніе ограничивалось желаніемъ спасти особу Людовика XVI и подыскать благовидный предлогъ для предоставленія дѣла его монархіи на волю судьбы. Онъ продолжали войну, но Австрія вела ее исключительно для сохраненія за собою Нидерландовъ и объѣма ихъ на Баварію; Пруссія же имѣла въ виду только Польшу. Война пріобрѣтала характеръ обыкновенныхъ предпріятій стараго порядка. Союзъ становился обществомъ, образовавшимся съ цѣлью приобрѣтенія барышей, погонею за наживой, преисполненнымъ взаимной зависти и недовѣрія. Война во имя принципа не выдержала испытанія и шестинедѣльной кампаніи. Эмигрантамъ, собиравшимся пожинать плоды побѣды, пришлось первымъ ощутить послѣдствія пораженія.

«Такъ какъ цѣль войны въ настоящее время не имѣетъ ничего общаго съ ихъ замыслами, то остается лишь отъ нихъ избавиться,—писалъ вице-канцлеръ Кобенцель¹⁾. «Они—причина нашихъ ошибокъ, нашихъ неудачъ и нашихъ затрудненій», говорилъ съ своей стороны де-Мерси; они мѣшаютъ всему; необходимо во что бы то ни стало удалить и остерегаться ихъ. Это могло быть сдѣлано лишь въ ущербъ челоуколюбію; но такого рода соображеніе не могло остановить союзниковъ. Однако Тугутъ, также не отличавшійся чувствительностью въ политикѣ, опасался отчаянія, которое должно овладѣть этими несчастными при такомъ крушеніи ихъ надеждъ и благосостоянія. «Они дошли до такой нищеты,—писалъ онъ,—что не въ состояніи будутъ даже повиноваться приказу о распусценіи. Они должны будутъ бродить по лѣсамъ, по дорогамъ, а если бы пришлось удалить ихъ военною силою и сосѣднія государства отказались бы принять ихъ, то ничего не осталось бы дѣлать съ ними, какъ истребить». 23-го октября, эмигранты, находившіеся въ Нидерландахъ и не имѣвшіе жилищъ, духовные какъ и міряне, получили приказъ о выѣздѣ за границу въ восьмидневный срокъ, «подъ страхомъ подвергнуться участи бродягъ». Французамъ, которыхъ терпѣли въ странѣ, запрещено было носить бѣлую кокарду. Что касается арміи принцевъ, то австрійскія военныя власти давали отставку всѣмъ, кто ее просилъ, и предоставили себѣ право распусить остальныхъ. «Уныніе овладѣло почти всѣми», передаетъ одинъ изъ эми-

¹⁾ Шпильману, отъ 26 октября 1792 г. Vivénot, t. II, p. 303.

грантовъ. Многіе пытались вернуться во Францію; нѣкоторые возвращались переодѣтыми; другіе просили разрѣшенія. Депортъ сообщаетъ объ этомъ изъ Цвейбрюккена отъ 12-го октября; Ноэль — изъ Лондона 18-го. «Декреты объ ихъ имуществѣ приводятъ ихъ въ отчаяніе», замѣчаетъ онъ. «Всѣ, кто можетъ вернуться во Францію, возвращаются», пишетъ Шовеленъ отъ 24-го. «Почти всѣ тѣ, кто не высказался за форму правленія передъ отѣздомъ, дѣлаются республиканцами». Нѣкоторые поступали даже въ національную армію: эти нашли почетное убѣжище; ихъ чувства согласовались съ чувствами ихъ согражданъ, по крайней мѣрѣ по двумъ существеннымъ пунктамъ: ненависти къ Австріи и рѣшимости противиться раздѣлу Франціи. Большинство эмигрантовъ крайне нуждалось. Изгнанные изъ отечества, покинутые Европой, перегоняемые изъ одного государства въ другое, они теряли семью, очагъ, состояніе, теряли не только свои преимущества, но самый *raison d'être* своихъ привилегій. Они видѣли, какъ на почвѣ ихъ родного края возвысилось, такъ сказать, по ихъ слѣдамъ, воинственное поколѣніе, которое повторяло, освѣжая новыми силами, славную традицію ихъ предковъ. Они же стояли въ сторонѣ и имъ оставалось только платоническое сочувствіе нѣкоторыхъ государей и наемная служба въ австрійской арміи, въ небольшомъ корпусѣ Конде.

Причины, затруднявшія походъ союзниковъ, препятствовали и другимъ государствамъ примкнуть къ коалиціи. Итальянскія правительства опасались нашествія французовъ. Они просили помощи въ Вѣнѣ. Вѣнскій дворъ посоветовалъ имъ защищаться собственными средствами и замѣтилъ, что они могли бы, образовавъ лигу, поставить на ноги стотысячную армію. Пьемонтскіе политики давно мечтали объ образованіи итальянской лиги подъ ихъ управленіемъ. Это значило, по ихъ мысли, обезпечить спасеніе сардинской монархіи въ настоящемъ и положить начало ея величію въ будущемъ. Графъ д'Отевилль еще въ 1791 г. выработалъ планъ *Итальянской конфедерации*: цѣлью ея ставилась «возможность для Италіи занять мѣсто въ ряду великихъ европейскихъ державъ и не имѣть надобности въ поддержкѣ иностранцевъ». Когда нашествіе сдѣлалось уже совершившимся фактомъ, Викторъ-Амедей открылъ этотъ планъ папѣ, великому герцогу тосканскому, королю обѣихъ Сицилій, генуэзскому и венеціанскому дожамъ. Переговоры имѣли нѣкоторый успѣхъ въ Венеціи, правительство которой было объято страхомъ, и въ Неаполѣ, по причинѣ страстной враждебности королевы къ Франціи. Императоръ выказалъ готовность присоединиться къ лигѣ, въ которой ему принадлежала бы руководящая роль и которая доставила бы ему верховное вліяніе надъ цѣлою Италіей; однако, по его соображеніямъ, надлежало изъять изъ гарантіи Савойю, Ниццу, Сицилію и венеціанскіе острова. Это равнялось уничтоженію Италіи какъ

таковой и преданію ея въ руки Австріи. Венеція тогда же начала опасаться этого оборонительнаго союза еще сильнѣе, чѣмъ самаго французскаго нашествія; она объявила себя нейтральной. Тоскана послѣдовала ея примѣру. Неаполь обратился за совѣтомъ къ Англіи; Пьемонтъ — къ испанцамъ.

Испанцы были въ тревогѣ. Они узнали изъ французскихъ газетъ, что 40000 армія формировалась на ихъ границѣ. Оставшіеся въ Мадридѣ Бургоанъ повторялъ, что 30000 уже собрано въ Баіоннѣ, что усердіе патриотовъ на югѣ Франціи не знаетъ предѣловъ и что Франція уже успѣла доказать въ Шпейерѣ и Савойѣ, что не знаетъ страха ни передъ кѣмъ.

Тѣмъ временемъ крестьяне и французскіе священники, обѣжавшіе изъ сосѣднихъ департаментовъ, вели среди ревностно-католическаго и роялистскаго населенія испанскаго сѣвера контръ-пропаганду, которая была несравненно опаснѣе для французской республики, чѣмъ могла быть опасной для испанскаго правительства пропаганда республиканскихъ эмисаровъ. Умы начинали приходиться въ тревожное и страстное настроеніе; въ видахъ успокоенія, мадридское правительство возвѣщало о своихъ военныхъ приготовленияхъ. Но во всемъ этомъ было мало реальнаго. Казна испанская была пуста: въ 1791 году показанъ былъ дефицитъ въ сто-шестьдесятъ-восемь милліоновъ реаловъ; еще болѣе значительный дефицитъ ожидался въ 1792 г. Армія пуждалась и въ оружіи и въ людяхъ. Съ великимъ трудомъ удалось собрать 13700 линейныхъ солдатъ и 18600 милиціонеровъ на сѣверной границѣ. Туда же направили къ концу октября около 16000 войска. Для этого пришлось оставить безъ всякой военной защиты всѣ остальные части страны, и испанцы съ ужасомъ ожидали появленія французскаго флота.

Аранда принималъ полуофициальнымъ образомъ Бургоана и старался смягчить его; Бургоанъ говорилъ въ угрожающемъ тонѣ съ испанцами; но въ своихъ сообщеніяхъ собственному правительству совѣтовалъ умѣренность и осторожность. «Въ этой столицѣ», писалъ онъ отъ 22 октября, «никто не желаетъ войны и всѣ стоятъ за то, чтобы избѣгать малѣйшаго вызова... Желательно, чтобы французы, съ своей стороны, не принимали никакихъ вызывающихъ мѣръ. Испанія нисколько не опасна и ея ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ бояться»... И прибавлялъ 29 октября: «Изъ всего этого заключаю, что намъ рѣшительно не слѣдуетъ опасаться Испаніи, что изъ ложнаго понятія чувства чести она не прекратитъ своихъ вооруженій, но что наши собственные военныя приготовленія сильно импонируютъ ей и что она сдѣлаетъ для нашего успокоенія все, что дозволить ей ея достоинство». Именно это-то достоинство и слѣдовало щадить.

Point d'honneur'омъ была участь Людовика XVI. Карлъ IV выходилъ изъ своего оцбленѣнія только тогда, когда дѣло шло объ этомъ вопросѣ. Тогда онъ говорилъ, что самъ сядетъ на коня и станетъ во главѣ своихъ войскъ. Остальныя дѣла его не касались и онъ предоставлялъ ихъ веденіе своему министерству.

Аранда лавировалъ между коалиціей, побуждавшей его высказаться противъ Франціи, и французами, побуждавшими его признать республику. На требованіе объясненій отъ Англіи, эта держава отвѣчала тѣмъ, что замкнулась въ своемъ нейтралитетѣ. Въ глубинѣ души, Аранда сохранилъ расположеніе къ французамъ и старался щадить ихъ. Онъ ждалъ развитія событій, окруженный всеобщимъ недовѣріемъ и дискредитированный у всѣхъ партій. Испанская знать попрекала его «якобинствомъ»; «просвѣщенные люди», старые друзья его, обвиняли его за излишнюю снисходительность ко двору; эмигранты упрекали за отсутствіе энергіи; русскіе, австрійскіе и прусскіе агенты обвиняли за измѣну европейскимъ интересамъ, а старо-кастильцы кричали о томъ, что онъ—измѣнникъ престолу. Королева, найдя, что онъ достаточно утратилъ кредитъ, избавилась отъ него. Она призвала его въ министерство только для того, чтобы, такъ сказать, беречь мѣсто для своего фаворита. Она уже задумала тотъ скандальный планъ, который обнаружился пятнадцать лѣтъ спустя, и работала надъ устраненіемъ отъ престола собственнаго сына, принца Астурійскаго. Она домогалась власти для того, чтобы раздѣлить ее съ фаворитомъ Годоемъ. Этотъ рыцарь алькова былъ членомъ государственнаго совѣта съ іюля 1792 г. Марія-Луиза нашла, что Испанія созрѣла для правленія ея любимца. Испанія попадала въ руки женщины, руководившей исключительно низкими страстями, и авантюриста, свѣдущаго лишь въ дѣлѣ происковъ. И тотъ и другая были ненавидимы народомъ и презираемы знатью.

«До чего бы мы не дошли,—восклицалъ одинъ наивный революціонеръ,—если бы геній и орлиная прозорливость Фридриха продолжали царить въ Берлинѣ?» Геній Фридриха царилъ теперь только въ Петербургѣ въ душѣ великой Екатерины, достойной ученицы и послѣдовательницы этого короля. Этотъ геній подчеркивалъ, такъ сказать, политическіе недостатки старой Европы и излишества пресловутой *raison d'état*. Екатерина «очистила» Петербургъ отъ неудобныхъ для нея французовъ; она награждала и деньгами и вниманіемъ только тѣхъ эмигрантовъ и принцевъ, которые могли быть полезны для ея собственныхъ цѣлей. Она находила эти мѣры достаточными по отношенію къ революціи. О союзникахъ императрица отзывалась насмѣшливо и неодобрительно. Русскія войска стояли въ Польшѣ, русскіе дипломаты относились саркастически къ союзникамъ,

въ высшей степени внимательно къ французскимъ принцамъ и сочувственно къ монархическимъ принципамъ, но хранили непроницаемое молчаніе по вопросу о субсидіяхъ и вообще всякой фактической помощи. Все вниманіе русской иностранной политики обращено было въ сторону Востока и Польши. Въ Варшавѣ конфедераты, правившіе Рѣчью Посполитой, выслали французскаго посланника Декорна, вслѣдствіе русскаго давленія. Въ Константинополь русскіе дипломаты старались помѣшать сближенію турокъ съ французскою республикою. Нашелся французъ, взявшійся содѣйствовать въ этомъ случаѣ императрицѣ, а принцы—братья Людовика XVI—приняли горячее участіе въ этомъ дѣлѣ.

Не безъ причины Дюмуре, а затѣмъ и Лебренъ придавали такое значеніе присутствію въ Константинополь ловкаго агента, обильно снабженнаго реальными средствами для убѣжденія турокъ. Нельзя сказать, чтобы Семонвилль былъ вполне подходящимъ человѣкомъ для такой миссіи и что онъ сумѣлъ бы возвыситься надъ мелочными происками партій и стать на серьезно-дипломатическую точку зрѣнія. Но назначеніе его въ Константинополь сильно взволновало союзниковъ. Переговоры по поводу приведенія въ исполненіе систовскаго и яскаго договоровъ еще не были приведены къ окончанію; можно было опасаться со стороны турокъ внезапнаго взрыва фанатизма, который при данныхъ обстоятельствахъ имѣлъ бы рѣшающее политическое значеніе. Поэтому дипломатическіе агенты союзныхъ дворовъ всячески старались дискредитировать Семонвилля передъ Портой. Вокругъ Дивана повторилось нѣчто аналогичное интригамъ, пущеннымъ въ ходъ въ Берлинѣ, по случаю назначенія Сегюра. Никто не выказалъ болѣе готовности въ этомъ случаѣ, какъ самъ французскій посланникъ Шуазель-Гуффье, и это усердіе вполне объясняетъ щедрость по отношенію къ нему императрицы. Уже съ іюня, Шуазель-Гуффье рѣшился перейти на службу къ принцамъ. Онъ предложилъ свои услуги старшему брату Людовика, который или не получилъ письма, или не захотѣлъ отвѣчать на него.... А пока Шуазель почелъ за лучшее, въ интересахъ праваго дѣла «оставаться на томъ посту, изъ котораго враги монархіи могли извлечь такія серьезныя выгоды». Онъ продолжалъ писать отчеты и посылать ихъ французскому министерству, въ свою очередь получая депеши изъ Парижа. Такимъ образомъ узналъ онъ о миссіи Семонвилля и сообщилъ о ней брату короля въ письмѣ отъ первыхъ чиселъ августа. Причины, которыми онъ руководился до сихъ поръ, заставляютъ его предупреждать приказанія принцевъ, какъ объяснялъ онъ въ этомъ письмѣ. Онъ нашелъ, что эти приказанія должны предписывать союзъ съ врагами государства съ цѣлью «плодить затрудненія» для новаго посланника и, если нельзя помѣшать его назначенію, то по крайней мѣрѣ слѣдуетъ «постоянно противодействовать»

ему. Людовик XVI был еще королем, иностранною политикой завѣдывалъ извѣстный роялистъ. когда Шуазель-Гуффье приступилъ къ выполнению своего преступнаго замысла.

Неаполитанскій посланникъ рѣшился пустить первую зажигательную ракету. Онъ передалъ Портѣ депешу Актона, въ которой, по выраженію самого Шуазеля. «Семонвилль изображенъ былъ въ самомъ гнусномъ свѣтѣ». Актонъ писалъ о немъ какъ о виновникѣ анархіи, авторѣ злодѣйскаго плана опустошенія Италіи, которое превзошло бы нашествіе гунновъ, и наконецъ какъ объ агентѣ, намѣревающемся революционировать Востокъ и подкупить Диванъ. Этого, безъ сомнѣнія, было еще недостаточно, чтобы взволновать турокъ; рассчитывать на успѣхъ подобныхъ навѣтовъ—значило предполагать у нихъ слишкомъ много безкорыстія и слишкомъ мало традиціи. Болѣе шансовъ на удачу имѣло изображеніе Семонвилля въ видѣ сѣятеля раздоровъ: увѣряли, что онъ намѣренъ коварными обѣщаніями вовлечь Турцію въ новую войну съ Россіей, причемъ Турціи пришлось бы одной нести все бремя этой войны. Говорили о Франціи, раздираемой мятежомъ, разоренной, занятой непріятелемъ, находящейся на краю завоеванія.

Этотъ способъ былъ дѣйствительнѣе, и его придерживались русскіе агенты и руководитель ихъ Шуазель. Однако турки оставались мало-чувствительными. Тогда прибѣгли къ болѣе сильному средству, къ мнпистерскимъ потамъ. Австрійскій интерпретъ Гербертъ и прусскій министръ Кнобельсдорфъ вручили таковую Дивану, 9 августа.. Она написана была патетическимъ слогомъ и можно подозрѣвать, что исходила отъ самого Шуазеля. Нѣмцы характеризовали Семонвилля какъ «самаго преданнаго мятежникамъ человека, которому поручено сдѣлать самыя коварныя предложенія. Г. де-Семонвилль», говорилось въ нотѣ, «принадлежитъ къ злодѣйской сектѣ, состоящей изъ бѣшеныхъ фанатиковъ, заклятыхъ враговъ и убійцъ, посягающихъ на всѣхъ государей, прибѣгающихъ къ предательству, вѣроломству, кинжалу и яду... и такое-то чудовище приблизится къ самому подножію священнаго престола оттоманскаго императора!» Оба пѣмца присовокупляли, что допущеніе Семонвилля сочтено будетъ актомъ враждебности, и выражали надежду, что Порта избѣжитъ ловушки. До сихъ поръ Диванъ не торопился ссориться съ Франціей; къ тому же онъ относился съ крайнимъ равнодушіемъ къ тому, что происходило во Франціи; но угрозы, заключавшіяся въ нотѣ 9-го августа, заставили его выйти изъ бездѣйствія. Турецкое правительство дало знать въ Парижъ, 20-го августа, что Семонвилль не будетъ принятъ.

14-го сентября Шуазель, извѣщенный о переворотѣ 10-го августа, объявилъ, что считаетъ свою миссію оконченной и 24-го потребовалъ отъ

пускнаго фирмана. Секретарь посольства Шальгрень поспѣшилъ увѣдомить Лебрена, что Шуазель «повергся къ стопамъ брата короля». Шуазель заявилъ, что не имѣетъ возможности «ручаться за соблюденіе капитуляцій». Еще ранѣе 10-го августа онъ измѣнилъ правительству и продолжалъ оставаться его представителемъ; послѣ же 10-го августа, онъ не только покинулъ этотъ постъ, что было бы съ его стороны только лойально, но предоставилъ французскую колонію на произволъ турокъ и довѣрилъ ихъ чести капитуляціи, которая справедливо почиталась какъ бы частью національнаго наслѣдія Франціи. Но турки долгою опытностью научены были не принимать въ буквальный смыслъ рѣчи «невѣрныхъ». Они дали Шуазелю неопредѣленный отвѣтъ, разрѣшили ему уѣхать въ Россію и продолжали соблюдать капитуляціи. Катастрофа съ престоломъ христіанскаго государя не могла ихъ взволновать. Узнавъ о провозглашеніи республики, великій визирь замѣтилъ только: «Ну, хорошо, эта республика-то не будетъ вступать въ бракъ съ австрійскими эрцгерцогинями!» Это замѣчаніе обличало догадливость турецкаго политика, тѣмъ не менѣе событія не оправдали ея; не слѣдуетъ, впрочемъ, обвинять великаго визиря въ легкомысліи, если онъ не предусмотрѣлъ столь неправдоподобнаго событія. Къ тому же оттоманскій скептицизмъ поддерживался во всѣхъ дѣлахъ англійскою политикою. Англійскій посланникъ работалъ во вредъ своимъ австрійскимъ и русскимъ коллегамъ. Этого требовали непосредственные интересы его правительства, это являлось также слѣдствіемъ нейтралитета, изъ котораго Питтъ не хотѣлъ выходить ²⁾.

Маркизь Бретеилъ отправилъ въ Лондонъ епископа памьерскаго. Этотъ прелатъ побуждалъ Питта объявить, что всякое посягательство на королевскую семью будетъ считаться поводомъ къ объявленію войны. Питтъ ограничился тѣмъ, что поручилъ лорду Гоуэру выразить въ Парижѣ участіе, принимаемое англійскимъ правительствомъ въ судьбѣ Людовика XVI. Затѣмъ лордъ Гоуэръ былъ отозванъ, и всякія официальные отношенія между Лондономъ и Парижемъ прекратились. 20-го сентября австрійскій посланникъ Штадіонъ и посланникъ королевства Обѣихъ Сицилій, де-Кастельчикала, просили Питта объявить, что Англія будетъ отказывать въ убѣжищѣ всякому участнику въ покушеніи на жизнь членовъ королевской фамиліи. Питтъ принялъ этихъ дипломатовъ довольно холодно и отвѣтилъ, что не имѣетъ уже никакихъ способовъ сообщенія съ Франціей, такъ какъ король запретилъ всякія сношенія съ Шовеленомъ и Ноэлемъ. Однако,

²⁾ OSCAR BROWNING, *Despatches of earl Gower, Cambridge, 1885; England and France in 1793, Fortnightly Review, февраль 1883.* — STANHOPE, *William Pitt, t. II.* — FERSEN, *t. II.* — DUMONT, *Souvenirs.* — ROBINET, *Procès des Dantonistes, Danton émigré.* — VILLEMEN, *Souvenirs, t. I.*

лордъ Гренвилль составилъ ноту, помѣченную 21 сентября и которая распространена была по всему дипломатическому корпусу: она содержала декларацию, о которой ходатайствовала Австрія. Шовеленъ справедливо заключилъ изъ этого, что Англія остается вѣрной своему нейтралитету. Ничего болѣе уже нельзя было ожидать отъ англійскихъ министровъ: ни секретной аудіенціи, ни полуофициальной бесѣды.

Агентовъ можно мѣнять по усмотрѣнію; но нельзя по собственной прихоти измѣнять политику и интересы той страны, куда ихъ посылаютъ. Не провелъ Ноэль и одной недѣли въ Лондонѣ, какъ уже повторялъ въ своихъ письмахъ жалобы Шовелена. Ему удалось сохранить сношенія только съ тремя англичанами: Мильсомъ, Перри, издателемъ *Morning Chronicle* и Голькрофтомъ, другомъ Дантона. «Но,—замѣчалъ онъ,—я не могу слишкомъ часто доставлять себѣ удовольствіе видѣться съ этими двумя лицами (Перри и Голькрофтомъ), потому что не долженъ выказывать желанія сблизиться съ оппозиціонной партіей, а Голькрофтъ—строгій республиканецъ, что весьма дурно принято въ странѣ, гдѣ предразсудокъ роялизма основанъ на религіозномъ фанатизмѣ. Если меня будутъ считать здѣсь якобинцемъ, то мнѣ нечего будетъ здѣсь дѣлать. Вы не можете себѣ представить, какое отвращеніе внушаетъ здѣсь это слово... Избѣженіе заключенныхъ произвело здѣсь крайне неблагопріятное впечатлѣніе. Наши друзья не смѣютъ насъ защищать. Оппозиція и именно г. Фоксъ... совершенно охладѣли. Уступка Національнаго собранія передъ Городскимъ совѣтомъ и отказъ повиноваться единственной признаваемой добрыми гражданами власти, со стороны этого послѣдняго, укрѣпили неблагопріятное впечатлѣніе... Дипломатическимъ агентамъ невозможно вести переговоры отъ имени парижскаго городского совѣта».

Талейранъ пріѣхалъ въ Лондонъ 15-го сентября и немедленно извѣстилъ о своемъ пріѣздѣ лорда Гренвилля, увѣряя, что не имѣетъ никакой миссіи и никакого официальнаго положенія, но имѣетъ возможность ознакомиться съ положеніемъ французскихъ дѣлъ. Гренвилль не выказалъ никакого желанія знакомиться съ ними. Но то, что успѣлъ узнать Талейранъ, подавало надежду на сохраненіе Англіей нейтралитета. Онъ написалъ объ этомъ Лебрену и прибавилъ: «Не могу, однако же, не довести до вашего свѣдѣнія, что если французская революція продолжаетъ имѣть ревностныхъ сторонниковъ въ Англіи, то преступленія, совершенныя въ первыхъ числахъ текущаго мѣсяца... оттолкнули отъ насъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, о чемъ искренно сожалѣю». Горани подтверждалъ это мнѣніе. «О насъ говорятъ,—писалъ онъ 13-го сентября,—съ тѣмъ же омерзѣніемъ, съ которымъ нѣкогда говорили о флибустьерахъ и убійцахъ». Молодой и пылкій якобинецъ Маркъ Жюльенъ, пріѣхавшій въ Лондонъ съ письмами отъ

Бриссо и Кондорсе, чтобы вести пропаганду, писалъ отъ 14-го сентября: «Тотъ самый народъ, который еще недавно покрывалъ стѣны грозной для Георга надписью: «No French war or revolution!» (Не надо войны съ французами или мы возстанемъ!), тотъ самый народъ... введенный въ заблужденіе преступными внушеніями, видитъ теперь въ французахъ какихъ-то людоедовъ... смѣшивающихъ свободу съ самою омерзительною распущенностью». Бенуа могъ только констатировать невозможность для Ноэля подойти къ министрамъ. Англійское правительство,—говорилъ онъ,—«считаетъ какъ бы долгомъ приличія отказываться отъ выслушиванія всякихъ сообщеній».

За невозможностью сноситься съ англичанами, всѣ эти французскіе агенты интриговали другъ противъ друга. «Эти перекрещивающіяся миссіи нигде не годятся», говорилъ Ноэль. Ноэль желалъ, чтобы миссія была одна, а именно его собственная, чтобы она была роскошна и изумила щедростью продажныя души старой Европы. «Построимъ золотой мостъ непріятелю,—писалъ онъ Дантону отъ 4-го октября. Это правило находить примѣненіе во всѣ времена... Вспомните, что Сегюру были даны милліоны, когда его посылали въ Пруссію. Однимъ словомъ, случай благопріятенъ. Но мнѣ нужно положеніе и большія средства. Не слѣдуетъ терять ни минуты». Дѣло въ томъ, что Ноэль постоянно считалъ себя накануне встрѣчи съ Питтомъ и постоянно обманывался въ этой надеждѣ.

Однако, неудача пруссаковъ, слухи о завязанныхъ съ ними переговорахъ, возможность отпаденія ихъ отъ коалиціи, вѣра, придаваемая повсюду этому подозрѣнію, на основаніи одной только репутаціи берлинскаго кабинета, все это произвело, до нѣкоторой степени, въ общественномъ мнѣніи поворотъ, благопріятный для республики. Тѣ изъ англичанъ, которые интересовались Франціей, приходили въ восторгъ отъ національной обороны, одинъ видъ которой смущалъ непріятеля. Фоксъ торжествовалъ въ ту минуту, когда Мерси предавался отчаянію. Вальми смягчило сентябрьскія впечатлѣнія. «Ни одно событіе,—писалъ Фоксъ,—не исключая Саратоги и Йоркъ-Тоуна, не доставило мнѣ такой радости... Пораженіе великихъ армій, вторгающихся въ чужую страну, всегда доставляло мнѣ живѣйшее удовольствіе». Но не слѣдовало революціи въ свою очередь вторгаться въ чужіе предѣлы, а въ особенности въ предѣлы тѣхъ мелкихъ государствъ, въ которыхъ Англія видѣла своихъ кліентовъ. Не слѣдовало также, чтобы революція становилась вызывающей и кровавой: только такую цѣною могло быть пріобрѣтено сочувствіе просвѣщенной Европы. Но вотъ, въ то самое время, какъ газеты передавали объ отступленіи герцога Брауншвейгскаго, онъ сообщалъ и объ экспедиціи Дюмуре въ Бельгію. Англійскіе либералы, начинавшіе успо-

коиваться по поводу спасенія Франціи, стали тревожиться возможными послѣдствіями французскихъ побѣдъ.

«Брабантская экспедиція Дюмурье обращаетъ на себя серьезѣйшее вниманіе британскаго министерства,—писалъ Шовеленъ отъ 26 октября; оно рѣшило употребить все способы интриги, чтобы помѣшать ея успѣху; если же она удастся и онъ (Дюмурье) устроится на эту зиму въ Брюссель, какъ то обѣщалъ, то, повидимому, Питтъ твердо рѣшился не щадить насъ и даже объявить намъ войну, скорѣе чѣмъ допустить спокойное довершеніе завоеванія Брабанта. Онъ полагаетъ, что вопреки нашимъ многократнымъ увѣреніямъ, мы, опираясь на свободно выраженное желаніе брабантскаго народа, намѣреваемся присоединить современемъ Бельгію къ французской республикѣ. Онъ, сверхъ того, полагаетъ, что въ наши планы входитъ и возбужденіе возстанія въ Голландіи, и что распространяя наши предѣлы до моря, мы можемъ пріобрѣсти на этой стихіи такое могущество, которое сведетъ къ нулю или, по крайней мѣрѣ, значительно ослабитъ вліяніе самой Англіи». Причины войны, которая тѣла подъ пепломъ и охватила затѣмъ пламенемъ всю Европу до Ватерлоо, какъ мы видимъ, заявляли о себѣ уже на другой день послѣ провозглашенія республики; тогда же проявился и поводъ, которому предстояло навлечь эту грозную войну.

Шовеленъ, расточавшій въ своей перепискѣ увѣренія въ цивическихъ чувствахъ, не скупился и на совѣты: «Будемъ челоуѣколюбивы и милосерды къ этому челоуѣку, который былъ королемъ, а теперь только несчастенъ, и я увѣряю васъ, что, быть можетъ, еще ранѣе, чѣмъ Конвентъ завершитъ выработку конституціи республики, ее признаютъ и будутъ уважать все нейтральныя державы». Участъ Людовика XVI и его семейства внушаетъ всею самое живое участіе, прибавлялъ онъ. «Даже тѣ, кто постоянно выражалъ наиболѣе сочувствія къ французской революціи, единодушно признаютъ, что всякое покушеніе на ихъ жизнь будетъ нагубнѣйшимъ событіемъ для свободы». «Здѣсь, повидимому, убѣждены», сообщаетъ Ноэль, «что судьба короля и королевы будетъ имѣть большое вліяніе на рѣшенія Сентъ-Джемскаго кабинета... Мыслимъ тѣхъ, кто интересуется здѣсь французскими дѣлами, заключается въ томъ, что Конвентъ долженъ поспѣшить организаціей правительства и не начинать съ неосмотрительнаго шага, какимъ былъ бы судъ надъ королемъ и королевой, потому что главное дѣло—спасеніе Франціи... Эти соображенія показались Ноэлю такими важными, что онъ послалъ Бенуа для изустнаго изложенія ихъ въ Парижъ. Милльсъ, англичанинъ, предложившій содѣйствовать сближенію съ Англіей, увѣрялъ, что помилованіе Людовика XVI и его семейства было бы первымъ условіемъ, которое поставитъ Англія для признанія

республики.—«Питтъ не вооружается,—писалъ Ноэль въ концѣ октября;—онъ продолжаетъ склоняться къ невмѣшательству въ дѣла Франціи; онъ будетъ ждать, пока истощится Европа и станетъ властвовать надъ нею. Возобновить сношенія съ Англіей будетъ возможно лишь въ томъ случаѣ, если во Франціи установится правительство и если пощажена будетъ королевская фамилія. Если же, напротивъ, они найдутъ Конвентъ неблагоуразумнымъ, а мы еще неизвѣстно, что именно они подразумеваютъ подъ этимъ словомъ, то предоставятъ дѣйствовать другимъ державамъ. Англія же возьметъ свою долю пирога, когда его будутъ рѣзать».

II.

Три вопроса ставились между Франціей и Европой. Они имѣли важное значеніе для будущности какъ Франціи, такъ и самой Европы. То были: вопросъ о революціонной пропагандѣ, вопросъ о завоеваніи Франціей сосѣднихъ странъ и, наконецъ, вопросъ о жизни Людовика XVI. Наступательный образъ дѣйствій былъ средствомъ скорѣйшаго заключенія мира и наложенія всей тяжести войны на непріятеля; пропаганда и завоеваніе могли только продлить войну и придать ей ожесточенный характеръ; такъ какъ она коснулась бы будущей безопасности и самаго существованія враговъ Франціи: освобожденіе Людовика XVI было предварительнымъ условіемъ, которое ставили державы для признанія республики и возстановленія мира. Смертный приговоръ Людовику XVI могъ только умножить число враговъ республики. Революціонная пропаганда не была необходимымъ условіемъ установленія республики, также какъ и завоеваніе сосѣднихъ странъ не было необходимою для поддержанія французскаго государства. Но пропаганда была присуща самому духу революціи, завоевательныя стремленія были въ духѣ народа, а смерть Людовика XVI была въ интересахъ революціонеровъ. Вотъ почему рѣшено было предать смерти Людовика, вотъ почему велась пропаганда, а завоеваніе естественныхъ границъ связано было съ мыслью о торжествѣ революціи.

Конвентъ не сразу и не единодушнымъ порывомъ рѣшилъ эти вопросы. У него не было никакого предвзятаго рѣшенія этихъ задачъ. Наиболѣе опасный для будущности Франціи вопросъ о завоеваніи постоянно обращалъ на себя тревожное вниманіе Конвента. Послѣдній касался этого вопроса урывками, случайно и лихорадочно въ минуты кризисовъ; онъ постоянно откладывалъ его обсужденіе по существу и рѣшилъ его только въ послѣднюю минуту случайнымъ же голосованіемъ и декретомъ, который лишь констатировалъ совершившіеся уже факты. Эти колебанія между принципами и интересами, между государственной традиціей и революціонной уто-

пій, національної вигодою і космополитическими ілюзіями, фанатизмом пропаганди і вимогами общественої безпеки складають саму видаючуся рису характеру Конвенту.

В одній декларації, ім'юваної цілью роз'яснення Європі факта утворення республіки і причин низложення Людовика XVI, читаємо слідує: «Республіка не має наміру оскорбляти настоящимъ изложеніємъ бывшаго главу держави, о нещастіяхъ якої вона сожалеє, хоча і осуджає його помилки, котрі вистекають, бути може, скоріе изъ вживанія королівської влади, чімъ складають його особні вчинки... Республіка об'являє, сверхъ того, що не намірена втручатися во внутрішні діла якої би то ні було держави. Твердо рішившись уважати права всіхъ, вона має право очікувати і зъ другої сторони уваженія ея особнихъ правъ». Такові були дійствительні наміри більшості членів Конвенту; оставалося прим'ятати їхъ въ політичнихъ злученняхъ. Но події примусили це зібрання приймати рішення по поводі фактовъ раніе, чімъ оно успіло вповні вияснити свої погляди і визначити свої наміри.

Уже 3-го вересня, пылкій якобинець Дюгемъ восклицавъ: «Я требую, чтобы изъявление признательности генераламъ было отложено до того времени, когда освобожденъ будетъ Брабантъ и заняты будутъ курфиршества». 28-го вересня Конвентъ заслушалъ чтеніе письма генерала Монтеск'ю. Генералъ извѣщалъ о покорности Савойи и спрашивалъ, что именно намірено предпринять Зібраніе съ этою державою: будетъ ли образована изъ нея восемьдесятъ четвертый департаментъ, или же она будетъ республикой, состоящей подъ протекторатомъ Франціи? Одинъ изъ умѣренныхъ, Банкаль, подалъ мѣрку въ пользу предоставленія Савойи права образовать особое государство. Другъ Дантона, Делакруа, возразилъ, что Франція должна, по крайней мѣрѣ, обезпечить за собою вѣрное и прочное распространіе принциповъ свободы. Она не можетъ же отдать этого края деспотамъ, прибавилъ ораторъ: въ такомъ случаѣ у нея не осталось бы ни одного сторонника. Жирондистъ Луве согласился съ этимъ, но замѣтилъ: «Вы признали принципъ отреченія отъ завоеваній и отъ посягательства на верховную власть якої би то ні было держави.— Кто же вознаградитъ насъ за военные расходы?— прервалъ его Делакруа.— Свобода, которую вы завоевали бы и укрѣпили на вѣки», отвѣчалъ Луве. Дантонъ вступилъ въ споръ: всѣ противорѣчія этихъ прений толпились и сталкивались въ его рѣчи. Пропаганда есть народное стремленіе, и онъ раздѣляетъ его; партія пропаганды являетъ собою революціонную силу и онъ не желаетъ покидать этой силы въ пользу соперниковъ; жирондистскій космополитизмъ казался ему обманомъ, противнымъ его политиче-

скому смыслу; расширеніе предѣловъ послужило бы къ увеличенію славы Франціи, и это лестно для его честолюбія; но миръ казался необходимымъ для установленія республики, и онъ склонялся въ пользу переговоровъ. Политическій смыслъ Дантона бралъ верхъ надъ остальными соображеніями. «Давая свободу сосѣднимъ народамъ, мы, въ то же время, должны сказать имъ: у васъ не будетъ болѣе короля, потому что до тѣхъ поръ, пока васъ будутъ окружать тираны, ихъ коалиція подвергаетъ опасности вашу свободу. Избравъ насъ депутатами, французскій народъ создалъ великій комитетъ всеобщей инсurreкціи народовъ; выполнимъ же нашу миссію, дадимъ созрѣть принципъ и не будемъ торопить нашихъ рѣшеній». Рѣшено было передать вопросъ въ дипломатическій комитетъ; Дантонъ, какъ то нерѣдко съ нимъ случалось, добился мировой сделки посредствомъ боевой рѣчи.

Но вопросъ не могъ быть отложенъ надолго. Монтаньяръ Шудье потребовалъ 13-го октября, чтобы Конвентъ далъ инструкціи генераламъ. «Вы сказали: война тиранамъ, миръ народамъ! Слѣдуетъ сдержать слово», заявилъ жирондистъ Ласурсъ. «Народы, въ среду которыхъ несетъ свое оружіе республика, не должны терпѣть разоренія; но не слѣдуетъ также, чтобы Франція завоевывала свободу другихъ народовъ въ ущербъ себѣ... Я требую, чтобы французскіе генералы, вступая въ чужіе края, имѣли право и были бы обязаны предоставлять французскому народу все, что принадлежало бы монархамъ, аристократамъ и дворянамъ». «И поамъ!» прибавилъ Камбонъ. Предложеніе было отослано въ дипломатическій и военный комитеты съ тѣмъ, чтобы выработана былъ проектъ соответствующаго закона. Крайніе не одобряли этихъ отсрочекъ, размышленій и разсмотрѣній. Имъ нужны были головы. Госсюэнъ предложилъ осудить голову герцога саксен-тешенскаго. Кто-то протестовалъ, упомянувъ о республиканскихъ добродѣтеляхъ. Жанъ Дебри (впослѣдствіи баронъ и обладатель маюрата), воскликнулъ: «Я не понимаю этого феодальнаго понятія о чести, заключающагося въ томъ, чтобы щадить тирановъ, воюющихъ противъ народовъ. Нужно истребить хищниковъ. Я представилъ въ законодательное Зібраніе проектъ противъ тирановъ; я продолжаю придерживаться смысла высказанныхъ въ немъ соображеній, находя, что они согласны съ принципами всемирной нравственности». Дебри едва не поплатился жизнью, нѣсколько лѣтъ спустя, за опытъ примѣненія этой мировой нравственности. Большинство отложило обсужденіе свирѣпаго предложенія.

Въ такомъ-то положеніи находился Конвентъ, когда Дюмурье пріѣхалъ въ Парижъ съ цѣлю позондировать Конвентъ, узнать о наміреніяхъ новаго главы держави и ознакомиться со сценою, на которой располагалъ занять первую роль. Званіе протектора французскаго государства соблаз-

нало его. Онъ былъ государственнымъ человѣкомъ и ненавидѣлъ беспорядокъ; сутолока докучала ему; неспособность анархическихъ администраторовъ, овладѣвшихъ всѣми отраслями управленія, раздражала; онъ говорилъ себѣ, что народъ, желая мира, порядка и твердой власти, съ восторгомъ встрѣтитъ человѣка, который освободитъ французскую территорію отъ иностраннаго нашествія и обезпечитъ затѣмъ общественную безопасность внутри страны, закрѣпивъ гражданскія приобрѣтенія, сдѣланныя революціей. Дюмуре полагалъ, что можетъ быть этимъ человѣкомъ: славная экспедиція поставила бы его выше всякаго соперничества и расположила бы къ нему армію. Побѣдоносному и популярному генералу не трудно было бы справиться съ якобинцами, опираясь на войско; онъ возстановилъ бы монархію въ пользу Людовика ХІІІ и сталъ бы во главѣ меньшинства, которое охотно признало бы за нимъ эту роль въ видахъ собственной безопасности.

Этотъ замыселъ, въ довольно смутныхъ еще чертахъ посившійся въ его головѣ и окончательно выяснившійся нѣсколько мѣсяцевъ спустя, порожденъ былъ самыми обстоятельствами революціи. Подобныя же намѣренія смущали Лафайета; они соблазняютъ затѣмъ Пишегрю и будутъ прельщать Моро; Гошъ будетъ казаться предназначеннымъ для выполненія ихъ въ пользу республики; Бонапартъ осуществитъ ихъ въ пользу собственной славы и французскаго супрематства въ Европѣ. Сила вещей должна была отдать республику во власть полководца-диктатора. Причины къ тому проявились уже съ самыхъ первыхъ шаговъ Конвента; неудивительно, что генералъ, главнокомандующій, предчувствовалъ такой исходъ. Дюмуре обладалъ достаточно пылкимъ воображеніемъ, чтобы нарисовать въ своемъ умѣ фигуру протектора, но для того, чтобы сыграть такую роль, у него не доставало характера. Не доставало также молодости и популярнаго прошлаго; онъ все-таки оставался авантюристомъ стараго порядка, слишкомъ замѣшанъ былъ во всевозможныя интриги. Его прошлое тревожило умѣренныхъ, пугало крайнихъ и внушало справедливыя опасенія всѣмъ демократамъ. Онъ недостаточно отождествлялся съ эманципировавшеюся Франціей. Для того, чтобы увлечь за собою людей, надо было имѣть право сказать имъ: «Я олицетворяю собою революцію» и повѣрить этому. Дюмуре говорилъ это, но слишкомъ умно и хитро; всѣ сомнѣвались въ истинности такого завѣренія и самъ онъ—больше всѣхъ. Обладая способностью къ тому, чтобы соперничать въ хитрости и изобрѣтательности уловокъ съ генералами и дипломатами старой Европы, онъ не въ силахъ былъ овладѣть Франціей, подчинить партіи, поглотить демократію. Духъ революціи ускользалъ отъ него, какъ и ото всѣхъ людей стараго міра. Наконецъ и революція не созрѣла еще для такого предпріятія. До 18-го фруктидора не разъ домо-

гались власти генералы, старавшіеся для этого создать себѣ партію; послѣ 18-го фруктидора сама собою образовалась партія для какого бы то ни было генерала, умѣющаго овладѣть ею. Мѣсто сдѣлалось тогда вакантнымъ, а такъ какъ занявшій его оказался выходящимъ изъ ряду человѣкомъ, то ему и удалось какъ бы заколдовать Францію. Но въ 1792 г. Франція еще принадлежала самой себѣ. Республика открывала воображенію всѣ чары неизвѣстнаго и поддерживалась всѣмъ энтузіазмомъ свободы. Она стояла выше военнаго заговора. Никто не ждалъ Дюмуре, никто не спѣшилъ къ нему навстрѣчу: онъ встрѣтилъ одни подозрѣнія, а престижъ Вальми не только не очаровалъ, но напротивъ еще болѣе встревожилъ умы.

Приѣхавъ 11-го октября въ Парижъ, онъ на другой же день явился въ Конвентъ. Ему дано было слово, и онъ засвидѣтельствовалъ свою преданность свободѣ. Онъ отправился въ Оперу и тамъ его привѣтствовали, по старому обычаю, какъ всѣхъ генераловъ-побѣдителей. Въ якобинскомъ клубѣ онъ обнялся съ Робеспьеромъ и выслушалъ привѣтствіе отъ Дантона, исполнявшаго въ тотъ день обязанности президента. «Идите», сказалъ ему Дантонъ, «затмевайте новыми услугами тѣ, которыя вы только что оказали родинѣ. Пусть повсюду народное оружіе разбиваетъ скипетры королей, а троны исчезаютъ предъ красной шапкой, которой почтало васъ это собраніе!» Дюмуре искалъ сближенія съ Дантономъ, хорошо понимая, что всѣ реальныя силы республики живутъ въ этомъ трибунѣ. Онъ совѣтовалъ жирондистамъ придти къ соглашенію съ нимъ и слѣдовать за нимъ. Онъ увѣрялъ умѣренныхъ, что для спасенія жизни Людовика ХІІІ необходимо положиться на Дантона. Но Дюмуре ошибался, если рассчитывалъ привлечь Дантона къ своей игрѣ. Все вниманіе трибуна сосредоточено было на внѣшнихъ опасностяхъ для республики: ему нуженъ былъ генералъ, этотъ генералъ казался ему болѣе отважнымъ, чѣмъ остальные, и онъ двигалъ его впередъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ Дантонъ опасался военныхъ *coup d'état*. Дюмуре приносилъ въ этотъ кризисъ рутину конспирацій стараго времени; Дантонъ вносилъ въ него инстинктъ демократическихъ революцій. Между этими двумя людьми могло имѣть мѣсто временное соглашеніе, но не могло быть никакого соглашенія по существу. Такимъ-то образомъ, имѣя въ виду неодинаковыя цѣли и неодинаково относясь къ желательнымъ послѣдствіямъ, они работали вмѣстѣ надъ бельгійской экспедиціей.

Дюмуре просилъ для этого предпріятія неограниченныхъ полномочій. Онъ имѣлъ въ виду завоеваніе Нидерландовъ, хотѣлъ содержать тамъ свою армію, образовать республику—союзницу Франціи, ослабить Австрію отторженіемъ отъ нея цѣлой провинціи, изолировать эту монархію и въ то же время отдѣлить Пруссію отъ коалиціи. Поэтому, генералъ совѣтовалъ шадить во время предстоящей кампаніи и Пруссію и Имперію. Французская армія,

стоявшая въ Германіи, не должна была переходить Рейнъ, а только поддерживать его движеніе. Этотъ планъ противорѣчилъ плану Кюстина и давалъ этому генералу второстепенную роль. Кюстинъ съ такою же ревностью бунтовалъ Германію, съ какою Дюмурье стремился освободить Нидерланды. Онъ, подобно Дюмурье, надѣялся выдѣлнить прусскаго короля изъ коалиціи, но вмѣсто того, чтобы спекулировать па пощадѣ, онъ рассчитывалъ на страхъ и алчность. Кюстинъ добивался предпочтенія своему проекту, увѣренный въ томъ, что если направиться къ правому берегу Рейна и напасть на Австрію на почвѣ германской имперіи, то этимъ будетъ болѣе сильно потрясено ея могущество и ее легче заставить тогда заключить миръ. Кюстина не такъ опасались революціонеры; онъ держалъ себя бахваломъ, проявлялъ восторженность и былъ почтителѣе Дюмурье; въ немъ не видѣли диктатора. Мѣшки съ нѣмецкимъ золотомъ, сопровождавшіе его депеши, доставляли государственной кассѣ неожиданный доходъ и придавали практическій отгѣнокъ предложеніямъ этого генерала.

Совѣтъ высказался въ пользу средняго, смѣшаннаго плана, примирявшаго, повидимому, планы обоихъ генераловъ, но въ сущности дробившаго ихъ силы и открывавшаго поприще для ихъ соперничества. 6-го октября рѣшено было, что Дюмурье будетъ главнымъ руководителемъ бельгійской экспедиціи, имѣвшей цѣлью «освобожденіе угнетенныхъ народовъ и преслѣдованіе самаго смертельнаго врага республики на его же территоріи». Дюмурье поручено было овладѣть Бельгіей, между тѣмъ какъ Келлерманъ долженъ былъ идти на Кельнъ. Кюстинъ долженъ былъ получить полкрѣпленія для того, чтобы довершить тѣмъ временемъ занятіе лѣваго берега Рейна. Дюмурье выѣхалъ изъ Парижа и прибылъ въ Камбре, гдѣ находилась его главная квартира, 19-го октября.

Въ этотъ же день Конвентъ вотировалъ адресъ волонтерамъ 1791 г. Многіе изъ нихъ возвращались домой; еще большее число просило о возвращеніи, находя, что такъ какъ непріятель удалился за предѣлы Франціи и опасность не грозитъ болѣе отечеству, то служба ихъ можетъ считаться оконченной: «Граждане солдаты, — обращался къ нимъ Конвентъ, — законъ позволяетъ вамъ удалиться; по голосъ родины запрещаетъ это. Развѣ древніе римляне покидали оружіе, когда Порсена еще стоялъ у воротъ Рима?.. Развѣ непріятель уже ушелъ за Рейнъ? Развѣ онъ призналъ величіе республики и верховную власть народа? Солдаты, только тогда наступитъ дѣйствительный конецъ вашимъ трудамъ!» Этотъ адресъ прошелъ безъ преній; членъ Конвента, бывшій авторомъ адреса, Форъ, принадлежалъ къ жирондистской фракціи. Бареръ, требовавшій принятія адреса безъ преній, указалъ на то, что текстъ его въ высшей степени ясенъ, сжатъ и энергиченъ.

По мѣрѣ того какъ удалялись непріятельскія арміи, Дюмурье приближался къ Бельгіи, а Кюстинъ подвигался въ глубь имперіи, классическая идея рейнской границы, эта великая мечта французскихъ королей, которую восьмивѣковая историческая традиція превратила въ національную мечту французскаго народа, давала о себѣ знатъ въ рѣчахъ и, покидая, такъ сказать, область воображенія, переходила въ публичные акты. Въ ту минуту, когда война измѣняла свой прежній характеръ и становилась наступательной, Исполнительный совѣтъ почелъ необходимымъ разъяснить ея цѣль и указать народу и арміи ея предѣлы. Къ такому рѣшенію побуждали Совѣтъ мотивы сложнаго характера. Наболѣе настоятельными были причины политическаго свойства. Нужно было содержать арміи, а онѣ разорили бы казну, оставаясь на своей границѣ, и грозили бы спокойствію республики, если бы ихъ не направили въ чужіе предѣлы. «Необходимо, — сказалъ однажды Роланъ, — заставить эти тысячи поставленныхъ подъ ружье людей идти такъ далеко, какъ только ихъ понесутъ ноги, иначе они придутъ и перерѣжутъ намъ горло». Однако, приходилось назначить какой-нибудь предѣлъ, хотя бы изъ уваженія къ общественному мнѣнію и для того, чтобы удержать въ лагерѣ волонтеровъ. Магическое слово «Рейнъ» само собою навернулось министрамъ, и они занялись придаемъ торжественной формы своимъ весьма практическимъ соображеніямъ. Кто-то предложилъ слѣдующую формулу:

«Припимая во вниманіе, что отечество не будетъ избавлено отъ опасности, что республика не утвердится, что довѣріе и миръ не возродятся въ пѣдрахъ Франціи до тѣхъ поръ, пока земля свободы будетъ окружена угнетаемыми тиранами народами; припимая во вниманіе, что нація и національный Конвентъ выразили по этому поводу свои пожеланія не оставляющимъ сомнѣнія образомъ, и что патріотизмъ вооруженныхъ для защиты республики гражданъ съ восторгомъ приметъ всякую мѣру, необходимую для чести и безопасности республики...»

Однако, пожеланія націи далеко не были ясны; Конвентъ ничего не декретировалъ по этому поводу. Сдѣлавъ подобную декларацію, Совѣтъ привалъ бы на себя слишкомъ большую отвѣтственность. Онъ понялъ это. Неудобный параграфъ былъ зачеркнутъ и замѣненъ весьма неопредѣленнымъ рѣшеніемъ, оставлявшимъ открытымъ все, не исключая и вопроса о возможности для побѣдителя: присоединять, обмѣнивать или освобождать, смотря по собственнымъ интересамъ — тѣ народы, которые будутъ имъ покорены. Такимъ-то путемъ возникло знаменитое рѣшеніе 24-го октября.

«Совѣтъ, обсуждая положеніе республики по отношенію къ предпринятой ею войнѣ противъ вступившихъ въ союзъ деспотовъ и принимая во вниманіе, что патріотизмъ гражданъ, доблесть воиновъ и искусство ге-

нераловъ напрасно отбросили бы за свои предѣлы непріятельскія арміи, если непріятелю остается возможность, утвердившись въ прилежащихъ мѣстностяхъ, приобрести подкрѣпленія и безнаказанно изыскать средства для непрестаннаго повторенія своего пагубнаго нашествія; принимая также во вниманіе, что всякое великодушное рѣшеніе, необходимое, какъ для огражденія чести, такъ и для охраненія безопасности республики, можетъ быть только одобрено націей и національнымъ Конвентомъ,—постановляетъ, что французскія войска не покинуть оружія и не расположатся на зимнихъ квартирахъ до той поры, пока враги республики не будутъ отброшены по ту сторону Рейна».

Въ тотъ же день Совѣтъ обратился къ войскамъ со слѣдующею прокламаціей: «Вы будете преслѣдовать непріятеля до тѣхъ поръ, пока Франція будетъ оставаться доступною хотя бы его взорамъ; вы будете преслѣдовать враговъ до того берега быстрого потока, который, служа какъ бы для омовенія ихъ грязныхъ слѣдовъ, течетъ между землею свободныхъ людей и землею рабовъ». «Совѣтъ,—писалъ нѣсколько дней спустя одинъ изъ министровъ,—не имѣлъ въ виду опредѣлить характеръ войны и положить обязательство на республиканскую политику; онъ только имѣлъ намѣреніе удалить театръ войны съ французской территоріи, оградить эту территорію такою вѣрною линіей какъ Рейнъ и укоротить границу, отдѣляющую свободные народы отъ тѣхъ, которые могутъ быть вооружены противъ насъ своими государями».—Исполнительный совѣтъ думалъ принять простую военную мѣру, и форма, въ которую онъ ее облекъ, была чисто-ораторской. Но форма подавила содержаніе. Этотъ повидимому пустой аггетѣ сдѣлался первою статьею цѣлой программы національной политики. Народу нужны простыя идеи и грандіозные образы. Рейнъ, какъ граница, явился съ той минуты какъ бы естественнымъ предѣломъ войны за независимость и вѣрнымъ залогомъ мира. Но такое воззрѣніе отнюдь не вытекало изъ революціонныхъ принциповъ; оно имѣло источникомъ историческое прошлое; республиканцы усвоили его себѣ почти помимо своего вѣдома. Но разъ будучи вызванъ, этотъ образъ уже не стирался, и тотъ самый вѣковой импульсъ, который побудилъ французскую революцію воскресить римскую республику, отождествилъ идею республики съ идеей о предѣлахъ цезаревой Галліи.

Однако, что же дѣлать съ населеніемъ этихъ краевъ? Совѣтъ, вычеркивая статью, касающуюся свободныхъ націй, благоразумно воздержался отъ отвѣта. Рѣшить его было дѣломъ Конвента. 24 октября, въ тотъ самый день, когда Совѣтъ постановилъ свое рѣшеніе, Ласурсъ представилъ докладъ дипломатическаго комитета по вопросу о томъ, какъ должны были поступать генералы съ населеніемъ покоренныхъ странъ. Докладъ резюми-

ровался въ слѣдующихъ трехъ положеніяхъ: *безопасность личности, огражденіе собственности, независимость мнѣній*. Генералы не должны муниципализировать военнымъ и официальнымъ путемъ завоеванныя страны: «это—право, которымъ вы не владѣете», говорилъ Ласурсъ своимъ коллегамъ, «а слѣдовательно не можете и передавать его». Изгнавши тирановъ, генералы могутъ и должны провозглашать *Права человека*, призывать народы къ изданію законовъ, согласныхъ съ этимъ правомъ; но они не могутъ идти далѣе того и предлагать завоеваннымъ народамъ какую-либо форму правленія, и хотя бы французскіе законы... по той причинѣ, что ихъ предложенія равнялись бы приказамъ, а приглашенія—законамъ. Вы должны быть не побѣдителями міра, какъ римляне, а благодѣтелями рода человѣческаго. Вы должны не поработать, а избавлять. За предѣлами своихъ владѣній, французская республика не желаетъ обладать ничѣмъ, кромѣ признательности народовъ». Тѣмъ не менѣе существовало и ограниченіе этой независимости, признаваемой Франціей за освобожденными ея солдатами народами: имъ не будетъ дозволено вновь призывать своихъ тирановъ: «Если большинство желаетъ цѣпей, то у васъ есть оружіе». Несмотря на эту оговорку, докладъ Ласурса былъ въ общемъ проникнутъ жирондистскимъ духомъ и оставался вѣрнымъ принципамъ начала революціи. Конвентъ выслушалъ его молча. Докладъ не понравился. Дюбуа-Крансе, только что вернувшійся изъ савойской арміи, объявилъ его несвоевременнымъ и добился отсрочки декрета, предложеннаго комитетомъ.

1-го поября Конвенту сообщены были: постановленія 24-го октября, манифестъ Дюмуре къ бельгійцамъ и прокламація этого генерала къ своимъ войскамъ. Манифестъ былъ призывомъ къ свободѣ, прокламація—призывомъ къ братству. Эти документы были зарегистрированы безъ преній. Одинъ Бареръ сдѣлалъ замѣчаніе по поводу намѣренія комиссаровъ съверной арміи слѣдовать за войсками въ Брабантъ. Бареръ находилъ это неловкимъ для республики. «Вы высказали большое уваженіе къ суверенитету народовъ,—сказалъ онъ.—Но что дѣлаютъ комиссары, слѣдуя за арміей? Они производятъ политическое нашествіе». Конвентъ декретировалъ, что комиссары не переступать черезъ границу.

Эти инструкции служили намѣреніямъ Дюмуре. «Когда будетъ возстановлено достоинство бельгійскаго народа и возвращены его неотъемлемыя права», писалъ онъ одному изъ своихъ адъютантовъ, «тогда онъ можетъ торговаться какъ ему угодно съ своимъ бывшимъ владѣтелемъ; мы же будемъ принимать участіе въ этихъ переговорахъ только въ качествѣ поручителей... Мы держимъ въ рукахъ непріятеля, не нужно давать ему вздохнуть». Въ прирейнскомъ краѣ можно не стѣсняться, и опека можетъ быть и болѣе широ-

кой. Дюмуре не признавал за нѣмцами того права на великодушное отношеніе, которое предоставлялъ бельгійцамъ. Онъ писалъ Келлерману отъ 26-го октября: «Вамъ предстоитъ прекраснѣйшая миссія, а именно: муниципализировать *Поповскую долину*, т. е. крупныя епископства, архіепископства и аббатства, которыми начинена эта германская граница. Надѣюсь, что весною вы пріѣдете повидаться со мною чрезъ Кельнъ. Рейнъ долженъ быть единственнымъ предѣломъ нашей кампаніи отъ Женева до Голландіи и, быть можетъ, до самаго моря. Тогда пусть будетъ, что будетъ; но, выполнивъ эту задачу, мы сильно подвинемъ европейскую революцію». Такова была мысль и Совѣта. Излагая ее Кюстину, Лебренъ прибавилъ: «Слѣдуетъ вымести все, что передъ вами и около васъ, вдоль Рейна, относясь къ имперскимъ городамъ и слѣдовательно и къ населенію по-братски... Я думаю также, что вы хорошо бы сдѣлали, если бы воспользовались случаемъ обогатить Національную бібліотеку нѣсколькими хорошими и цѣнными сочиненіями, которыя нашлись бы въ завоеванныхъ вами для свободы мѣстностяхъ». Впрочемъ, не нужно перемирій, не нужно этихъ переговоровъ на аван-постахъ, которые не что иное, какъ потеря времени.—«Прогопимъ непріятеля», писалъ Лебренъ, «а затѣмъ уже увидимъ, выгодно ли намъ его выслушивать».

Но, запрещая переговоры генераламъ, Совѣтъ позволялъ ихъ самому себѣ. Въ этомъ отношеніи, вернулись къ естественному ходу вещей. Лебренъ нашелъ полезнаго сотрудника въ бывшемъ посланникѣ при германскомъ сеймѣ, Кальярѣ, хорошо знавшемъ Европу и, въ особенности, Германію. Поползновенія императора на Баварію представляли вѣрное средство встревожить имперію. Лебренъ поручилъ обѣщать поддержку республики палатинскому дому и попытался раздуть огонь у всѣхъ враговъ Австріи. «Неизбѣжная гибель этого дома (австрійскаго),—писалъ онъ Депорту,—будетъ яркимъ событіемъ въ ряду готовящихся великихъ разгромовъ». Онъ очень охладѣлъ къ союзу съ англичанами, мечту о которомъ лелѣялъ нѣкоторое время, и вернулся къ старымъ предположеніямъ: Англія всегда будетъ завидовать Франціи; если Франція сдѣлается сильной, Англія, повсюду, будетъ создавать ей враговъ; если Франція будетъ казаться слабой, Англія станетъ повелѣвать ею. «Слѣдовательно,—говорилъ онъ,—проектъ союза есть вещь, на которую невозможно рассчитывать и его надо рѣшительно исключить изъ нашихъ политическихъ соображеній». Лебренъ желалъ только нейтралитета Англіи и надѣялся на его сохраненіе. Въ видахъ успокоенія англичанъ, онъ объявилъ, что республика не имѣетъ намѣренія присоединить къ себѣ Бельгію. Менѣе щедрымъ на обѣщанія выказалъ онъ себя по вопросу объ участи Людовика XVI. Онъ не допускалъ, чтобы судьба низложеннаго короля могла быть предметомъ какихъ-

либо переговоровъ. «Одна только нація имѣетъ право судить Людовика XVI; ни одна иностранная держава не должна вмѣшиваться въ рѣшеніе, которое будетъ ею принято». Лебренъ велѣлъ заявить это въ Лондонѣ для того, чтобы прусскіе агенты извѣстили о томъ своего государя. Съ испанцами онъ дѣйствовалъ смѣлѣе. Онъ зналъ, что миръ или война съ Испаніей будутъ зависѣть отъ того, какъ поступятъ съ Людовикомъ XVI. Желая сохранить миръ съ испанцами, онъ, чрезъ посредство Бургоана, велѣлъ полуофициальные переговоры объ одновременномъ разоруженіи и надѣялся, что Испанія согласится на это ради интересовъ французскаго короля. Но въ случаѣ упорства съ ея стороны, Лебренъ намѣревался отвлечь ея вниманіе въ другую сторону. Миранда пріѣхалъ совѣщаться съ нимъ о планѣ революціонированія въ испанскихъ колоніяхъ. Онъ рѣшилъ послать Женева въ Соединенные Штаты съ тайной миссіей возбудить это возстаніе.

Революція становилась естественнымъ наказаніемъ враговъ республики. Республиканцы все болѣе и болѣе склонялись къ тому, чтобы примѣнить его къ недоброжелательнымъ итальянскимъ правительствамъ. Пять русскихъ военныхъ кораблей зашли въ Ливорнскую гавань. Принимая во вниманіе, что Россія поставила себя во враждебное отношеніе къ Франціи, Исполнительный Совѣтъ рѣшилъ 19 октября, что адмиралъ Трюге долженъ овладѣть этими кораблями. Монжъ указалъ на то, что этого нельзя сдѣлать, не нарушая нейтралитета Тосканы; Совѣтъ постановилъ, что Трюге потребуетъ отъ тосканцевъ выдачи этихъ кораблей, въ случаѣ же отказа имъ объявятъ войну. Тосканское министерство стало увѣрять въ своихъ миролюбивыхъ намѣреніяхъ, и Совѣтъ взялъ назадъ свое рѣшеніе, найдя, что «будетъ болѣе цѣлесообразнымъ и политичнымъ не предпринимать противъ Россіи никакого враждебнаго дѣйствія до тѣхъ поръ, пока морскія силы республики не будутъ достаточно внушительны для открытаго нападенія, при которомъ можно будетъ рассчитывать на успѣхъ». Но если флотъ не могъ помѣряться съ Россіей, то онъ былъ достаточно силенъ для Сардиніи; Совѣтъ уже рѣшилъ высадку на этотъ островъ и занялся этой диверсіей. Онъ проектировалъ и другую, внушенную Семонвиллемъ.

Этотъ посланникъ *in partibus* находился въ Генуѣ; онъ былъ не у дѣлъ и проявлялъ большое революціонное усердіе. Къ Лебрену онъ отправилъ молодого журналиста, кандидата на дипломатическое поприще, одѣвавшегося національнымъ гвардейцемъ и называвшаго себя гренадеромъ Бельвиллемъ; этотъ молодой человекъ искалъ доступа въ министерство иностранныхъ дѣлъ и собирался ѣхать въ Константинополь. Бельвилль, котораго Семонвилль считалъ «умнымъ малымъ», изложилъ Лебрену способы, при помощи которыхъ Семонвилль находилъ возможнымъ бороться съ врагами его посольской миссіи и республики, въ Константинополѣ. Исполни-

тельный Совѣтъ одобрилъ эти мѣры. Рѣшено было, что Мако выѣдетъ изъ Неаполя и будетъ путешествовать по Италіи до тѣхъ поръ, пока неаполитанское правительство согласится его принять. Въ видахъ побужденія этого правительства, Совѣтъ постановилъ 24 октября, что Трюге подойдетъ къ Неаполю, потребуеть, подъ страхомъ бомбардировки города, публичнаго удовлетворенія за происки Актона у Порты, потребуеть отъ короля выраженія порицанія этимъ проискамъ и заставить отдать себѣ неаполитанскаго министра въ заложники до того времени, когда Семонвилль будетъ аккредитованъ Диваномъ. Рѣшено было также, что въ виду неудовольствія Франціи противъ римскаго двора, «этого чудовищнаго правительства», будетъ поручено Трюге «наказать, мимоходомъ, папу и его священную коллегію и вернуть ихъ къ чувству должнаго уваженія къ французской республикѣ». Гренадеръ Бельвилль прикомандированъ былъ къ экспедиціи; *Мониторъ* напечаталъ статью, въ которой грозили неаполитанскому правительству возмездіемъ французскаго народа, какъ одному изъ коварнѣйшихъ враговъ Франціи.

Полагая, что турки призадумаются по поводу такого примѣра, Лебрень велѣлъ составить инструкцію для Шальгрена, котораго еще не считали измѣнникомъ и который долженъ былъ исправлять должность посланника; затѣмъ онъ набросалъ проектъ писемъ, непосредственно предназначавшихся для великаго визиря. Въ этихъ письмахъ онъ пытался разсѣять предубѣжденія, распространенныя противъ Семонвилля, и возражалъ на нихъ, разоблачая козни Шуазеля. «Этотъ посланникъ,—писалъ онъ визирю,—напечаталъ сочиненіе, въ которомъ выражаетъ святотатственное желаніе увидѣть когда-нибудь Екатерину II властвующею надъ европейскою частью оттоманской имперіи и сидящею на тронѣ Константина». Въ то время, какъ дипломатія занималась всѣми этими ухищреніями, армія подвигалась впередъ, и вскорѣ одно событіе рѣшило вопросъ, оставленный нерѣшеннымъ Конвентомъ: цѣль наступленія и характеръ завоеванія.

III.

Дюмуре имѣлъ подъ непосредственнымъ своимъ начальствомъ 40000 человекъ; его поддерживалъ—справа Валансъ съ 20000 и слѣва—Лабурдонэ, приблизительно съ 18000. Австрійцы могли противопоставить ему не болѣе 26000, изъ которыхъ 13000 были сосредоточены у Монса, подъ командой герцога саксенъ-гешенскаго; остальные были разбросаны по разнымъ мѣстамъ. За арміей Дюмуре было численное превосходство; но она нуждалась во всемъ: не хватало лошадей, чтобы везти пушки, не доставало пороку, чтобы стрѣлять. Плохо одѣтые, страдавшіе отъ холода и сырости солдаты нетерпѣливо рвались въ бой. Патриотическое чувство

и энтузіазмъ свободы возбуждали въ нихъ воинственный пылъ и національную стремительность. Дюмуре пустилъ въ ходъ всевозможные способы, чтобы заручиться содѣйствіемъ мѣстныхъ жителей. Онъ зналъ ихъ издавна и не переставалъ поддерживать сношенія съ бельгійскими патриотами. Его расположеніе было на сторонѣ демократической партіи, желавшей основать въ Бельгіи республику, по образцу французской. Дюмуре было извѣстно, что эта партія не имѣетъ за собою большинства, а потому щадилъ аристократовъ-католиковъ, *штатистовъ*, остававшихся вѣрными національнымъ учрежденіямъ и духу своей революціи 1789 г.¹⁾ Вся дипломатія французскаго генерала была направлена къ тому, чтобы заручиться расположеніемъ обѣихъ партій и объединить ихъ на время на почвѣ двухъ общихъ имъ чувствъ: любви къ независимости и ненависти къ австрійскому дому. Согласно съ рѣшеніями Конвента, представители послѣдняго при сѣверной арміи получили предписаніе остановиться на границѣ. Они громко отказались отъ всякаго намѣренія «оказывать давленіе на общественное мнѣніе народа, желающаго добиться конституціи, на основаніи своего права». «Войдемъ въ эти прекрасныя провинціи,—говорилъ Дюмуре своимъ солдатамъ,—какъ друзья, братья и освободители!..» И, обращаясь къ бельгійцамъ: «Мужественная бельгійская нація!.. мы вступаемъ на вашу территорию для того, чтобы помочь вамъ водрузить дерево свободы, не вмѣшиваясь въ рѣшеніе вопроса, какую конституцію вы захотѣли бы у себя ввести. Лишь бы только вы установили верховную власть народа и отказались терпѣть иго какого бы то ни было деспота, и мы будемъ вамъ братьями, друзьями, опорой. Мы не посягнемъ ни на вашу собственность, ни на ваши законы».

Тѣмъ не менѣе онъ озаботился военными распоряженіями и составилъ для генераловъ инструкцію, въ которой военные обычаи стараго порядка примѣнялись къ освободительной войнѣ. Французскій генералъ, вступая въ городъ, долженъ былъ собрать «весь народъ» на площади, объявить этому народу, что онъ свободенъ и облеченъ верховною властью, пригласить его къ выбору делегатовъ, которымъ поручено будетъ временное управленіе страной, причемъ такіе же выборы должны быть произведены во всѣхъ подвѣдомственныхъ общинахъ. «Генералы», говорилось въ инструкціи, «не должны ничего приказывать и даже не оказывать давленія относительно образа правленія и политической конституціи, которые пожелали бы ввести у себя бельгійскія провинціи въ своей совокупности или каждая, отдѣльно взятая. Если окажутся города или села «забитые рабствомъ» или настолько «тупые», что не поймутъ преимуществъ свободы и предпочтутъ имъ императорское ярмо, то генералы объявятъ, что поступать съ ними какъ съ

¹⁾ См. *Бельгійская революція*, т. II, кн. I, гл. II.

врагами и что «республиканскія арміи, въ видахъ отомщенія за жестоко-сти, совершенныя свирѣпыми солдатами свирѣпаго деспота, обратятъ въ пепелъ города и будутъ вѣзять контрибуціи, которыя заставятъ долго помнить объ ихъ прохожденіи». Австрійскіе отряды и гарнизоны, которые не захотятъ сдаваться, будутъ подвергнуты военной экзекуціи и послѣ предписаннаго срока преданы смерти. Французскіе эмигранты, взятые съ оружіемъ въ рукахъ, будутъ судимы и казнены въ двадцать-четыре часа. Вообще же, генералы должны предоставить взиманіе общественныхъ сборовъ бельгійскимъ должностнымъ лицамъ и производить реквизиціи, необходимыя для содержанія арміи.

Дюмурье двинулся 28 октября. Австрійцы дали ему сраженіе 6 ноября у Монса, на Жемаппскихъ высотахъ. Императорскія войска, хотя и уступавшія по своей численности, были болѣе выдержаны и обладали болѣе военнымъ опытомъ; онѣ успѣли занять и болѣе выгодную позицію. Но Дюмурье, не щадя себя, энергично распорядился своими силами, воодушевилъ солдатъ, опередилъ австрійцевъ и опрокинулъ ихъ. Моральный результатъ этой второй побѣды имѣлъ громадное значеніе для обѣихъ сторонъ. Вальми и его канонада дали французскимъ войскамъ увѣренность въ своихъ силахъ; сраженіе при Жемаппѣ окрылило ихъ. У Вальми они встрѣтили пруссаковъ и остановили ихъ; въ Жемаппѣ они встрѣтили австрійцевъ и обратили ихъ въ бѣгство. Въ этотъ день революціонная тактика, заключающаяся въ томъ, чтобы дѣйствовать массовымъ образомъ, бурнымъ натискомъ, обезпечивая за собою и численное превосходство, и выгоды нападенія, вышла, такъ сказать, изъ самой силы вещей. Эта побѣда создавала дальнѣйшія; Дюмурье инстинктивно пришелъ къ тому способу, изъ котораго Карно извлекъ цѣлую систему.

Дюмурье истребилъ бы австрійцевъ безъ остатка, если бы могъ ихъ преслѣдовать; но армія его была голодна и утомлена до крайности. Онъ былъ вынужденъ дожидаться подкрѣпленій и вступилъ въ Монсъ 7 ноября; *Соединенный бельгійскій и люксембургскій комитетъ* слѣдовалъ за нимъ и работалъ надъ выборами. Они происходили 8-го и на нихъ преобладалъ демократическій элементъ. Всѣ тридцать выбранныхъ членовъ временнаго управленія немедленно объявили вѣчный разрывъ своего государства съ австрійскимъ домогъ. Дюмурье далъ своимъ солдатамъ отдохнуть и опривиться въ Монсъ до 11 ноября.

Между тѣмъ страшная паника охватывала Брюссель. Какъ только получено было извѣстіе о пораженіи, правительственная власть объявила, что удаляется и пригласила мѣстныхъ власти остаться на своемъ посту. Но передъ отъѣздомъ старое правительство велѣло отворить тюрьмы, расковало колодниковъ, предало городъ на произволъ грабителей и убійцъ

и затѣмъ уѣхало. Дворянамъ оставалось только спасаться бѣгствомъ. Ихъ экипажи загромождали дороги. Самыми жалкими изъ этихъ бѣглецовъ были французскіе эмигранты, потому что они знали, что имъ не будетъ пощады отъ побѣдителя. «Это было раздирающее душу зрѣлище», передаетъ очевидецъ; «молодые люди и старики Бурбонскаго корпуса отставали, не будучи въ силахъ нести ружье и ранецъ; другіе шли пѣшкомъ или ѣхали въ повозкахъ, увозя все, что могли... Женщины... пѣшкомъ, нѣкоторыя съ ребенкомъ на рукахъ, другія—съ узелкомъ». Эта злополучная толпа направлялась на востокъ, среди громоздившихся повозокъ; ее тѣснили и давили императорскія войска, въ безпорядкѣ спѣшившія къ границѣ.

Предшественные этимъ бѣгствомъ стараго порядка, торжествующіе республиканцы 14 ноября вступили въ Брюссель. Члены магистрата припесили городскіе ключи и отдали ихъ Дюмурье. «Граждане, — сказали онѣ имъ, —храните свои ключи сами и берегите ихъ получше. Не допускайте никакого иностраннаго господства; не для этого вы созданы. Присоединитесь къ намъ, чтобы прогнать нѣмцевъ. Мы—ваши друзья, ваши братья». Генераль успокоилъ ихъ прежде всего относительно уваженія къ церквямъ, что было для нихъ особенно дорого; онъ озаботился возстановленіемъ порядка и назначилъ выборы. Революціонный комитетъ подготовилъ къ нимъ умы, а военная власть постаралась обезпечить большинство голосовъ демократамъ. Восемьдесятъ делегатовъ этой партіи были выбраны единогласно 18 ноября въ церкви св. Гудулы. На слѣдующій же день Дюмурье принялъ ихъ въ городской ратушѣ; онъ совѣтовалъ имъ отказаться отъ стараго дѣленія на провинціи и образовать «единую и свободную бельгійскую націю». Делегаты конституировались, провозгласили упраздненіе Брабантскихъ штатовъ и австрійскаго дома; затѣмъ отправили депутатовъ въ Конвентъ для выраженія признательности этому собранію, а также и для того, чтобы испросить гарантіи противъ принудительнаго курса французскихъ ассигнацій и противоудѣйствовать уже распространявшейся мысли о присоединеніи ихъ страны къ французской республикѣ.

Дюмурье продолжалъ свой походъ. Онъ пришелъ къ Люксембургу 28-го ноября; въ тотъ же день Антверпенъ сдавался на капитуляцію Мирандѣ. Бельгія была завоевана. Люксембургъ произвелъ у себя революцію, не дожидаясь французовъ. Епископъ убѣждалъ, а бывшіе изгнанники, демократы, вновь овладѣли городскимъ управленіемъ. Выборы происходили въ Бельгій повсемѣстно; въ общемъ они не были такъ благопріятны для демократовъ, какъ выборы въ Монсъ и Брюссель. Большинство временнаго управленія принадлежало сторонникамъ національной независимости; оно было явно враждебно присоединенію къ Франціи. Меньшинство распредѣлялось между

аристократами, требовавшими простого сохраненія стараго порядка, и незначительною группою фанатиковъ-революціонеровъ, которые желали «муниципализировать» Бельгію и получали свое *mot d'ordre* отъ парижскихъ якобинцевъ. Почти всѣ высказывались, однако же, за образованіе свободнаго государства. Австрійцы считали Бельгію для себя потерянною. Ихъ армія находила убѣжище въ одномъ только Люксамбургѣ, уже разоренномъ проходомъ войскъ. Они видѣли лѣвый берегъ Рейна уже захваченнымъ французами и Голландію—наканунѣ демократической революціи. Все это создавало для императорскихъ войскъ отчаянное положеніе. Но увлеченія Конвента, безумства Кюстина и раздоры французскихъ генераловъ въ теченіе немногихъ недѣль измѣнили положеніе вещей. Причины такого поворота заявили о себѣ уже на другой день послѣ побѣды Дюмуре.

IV.

Мысль о томъ, чтобы отдавать приказы монархамъ и господствовать надъ Европой посредствомъ ея революціонированія, выйдя изъ лабораторій космополитической пропаганды, бродила въ клубахъ, въ Конвентѣ, въ печати и въ публикѣ. Всѣ были проникнуты патріотизмомъ въ первыя минуты опасности, всѣ объаты были энтузіазмомъ въ первыя минуты избавленія; наступалъ часъ гордыни. Въмѣсто сильной и осторожной республики, становящейся въ рядъ остальныхъ государствъ, путемъ игры интересовъ и дѣловыхъ сношеній, какъ то было при Кромвелѣ и еще такъ недавно—при Вашингтонѣ, начинали рисовать себѣ образъ блестящей и предприимчивой республики, которая возродила бы старый свѣтъ во имя блага человечества, торжества революціи и супрематства Франціи. Эти воззрѣнія проявлялись внезапными вспышками то по одному, то по другому поводу и пробивались, такъ сказать, въ каждую щель. Исполнительный Совѣтъ шелъ за этимъ теченіемъ общественнаго мнѣнія невѣрнымъ шагомъ: онъ не регулировалъ его. Депеши этого Совѣта обличали колебанія изъ стороны въ сторону, а именно: между официальными правилами, которыми онъ долженъ былъ руководствоваться, и настроеніемъ умовъ, подвергавшимся непрестаннымъ видоизмѣненіямъ.

Лебрень испытывалъ необходимость объясняться по этому поводу со своими агентами столько же, сколько и необходимость разобратся самому въ противорѣчіяхъ, создаваемыхъ положеніемъ вещей. «Австрія вторглась въ наши предѣлы,—писалъ онъ,—мы въ свою очередь вторгаемся въ ея владѣнія. Пытаясь лишить австрійскій домъ этихъ богатыхъ провинцій, мы поступаемъ на основаніи всегда существовавшаго и на-вѣки имѣющаго существовать права войны». Дѣйствительно, таково было международное право въ Европѣ; Европа не могла упрекать французовъ въ томъ, что

они имъ пользовались. «Но мы позволяемъ себѣ думать, что французская республика имѣетъ слишкомъ высокое понятіе о міровой справедливости и о правахъ народовъ для того, чтобы придерживаться подобныхъ политическихъ принциповъ». Франція торжественно отреклась отъ завоеваній; Европа можетъ быть увѣрена, что Франція не нарушитъ даннаго обѣщанія. Бельгія будетъ имѣть возможность ввести у себя ту форму правленія, которая наиболѣе пригодна для нея, «не имѣя основанія опасаться съ нашей стороны малѣйшаго, косвеннаго или прямого, насилія». Къ тому же, зачѣмъ вмѣшиваться въ управленіе внутренними дѣлами чужихъ народовъ? «Не подлежитъ сомнѣнію, что наши принципы сами собою проникнутъ всюду, рано или поздно, и именно потому, что эти принципы здравы и что Европа созрѣла для ихъ воспринятія».

Лебрень, безъ сомнѣнія, не могъ проводить болѣе благоразумной и лойальной политики. Онъ старался примѣнять ее и относительно начинавшаго проявляться, у населенія сосѣднихъ съ Франціей нѣмецкихъ общинъ, желанія присоединиться къ французской республикѣ. «Мы обязаны уважать права народовъ, даже послѣ вооруженной оккупации, а тѣмъ болѣе тѣхъ, которые сами ищутъ свободы, и мы не должны злоупотреблять тѣмъ первымъ порывомъ, который влечетъ ихъ къ присоединенію къ нашему государству... Полезность присоединенія для одного должна распространяться и на другого, а природа нерѣдко создаетъ къ тому препятствія». Цвейбрюккенскій агентъ Депортъ предлагалъ уладить, во время заключенія мира, вопросъ объ эльзасскихъ князьяхъ при помощи обмѣна на счетъ курфирстовъ; такого рода обмѣны позволили бы Франціи исправить свои границы. Лебрень отвѣтилъ ему: «Ваши соображенія... нѣсколько отзываются германской дипломатіей... Вы, повидимому, забыли о населеніи этихъ курфиршествъ... Не передаете ли вы ихъ, такимъ путемъ, подъ другое ярмо? Вы замѣчаете, что такая сдѣлка не противорѣчила бы принципу, въ силу котораго мы отреклись отъ завоеваній. Но мы признали еще и другой принципъ—верховой власти народовъ, и онъ былъ бы нарушенъ». Тѣмъ временемъ подоспѣли ходатайства франкфуртцевъ. Исполнительный Совѣтъ высказался въ смыслѣ удовлетворенія всѣхъ ихъ требованій. «Онъ находитъ, что всякое такого рода обложеніе недостойно республики», писалъ Лебрень; «что это значило бы возстановлять въ иномъ видѣ тотъ духъ завоеванія, отъ котораго она отреклась, что наше оружіе не должно присвоивать ни чужого золота, ни чужихъ земель».

Однако, рано или поздно, пришлось бы вести переговоры о мирѣ. Какимъ образомъ привести правительства стараго порядка къ признанію законнаго существованія новыхъ государствъ, образованныхъ подъ покровительствомъ Франціи, освободившимися отъ ихъ власти народами. Слѣдо-

вало ли вознаграждать старья государства за такую экспроприацию въ пользу свободы? «Компенсации въ ущербъ духовнымъ правительствамъ праваго берега Рейна не могутъ быть одобрены французскою республикою», писалъ Кюстинъ-сынъ. «Она не должна и не можетъ вести торгъ народами; но приходится или завоевывать міръ, или примиряться на время съ нѣкоторыми изъ тѣхъ правилъ, къ которымъ привыкъ человѣческій родъ». Такая дилемма ставилась при началѣ всякихъ переговоровъ. Исполнительный Совѣтъ обсуждалъ этотъ вопросъ, и мы видѣли до какой широкой терпимости по отношенію къ старымъ обычаямъ доходилъ этотъ Совѣтъ подъ вліяніемъ Дантона и Дюмуре. Но иностранныя правительства не хотѣли дѣлать уступокъ. Республика же еще не была въ силахъ раздавать территории и заключать договоры съ монархами. Лебрень отдался пропагандѣ добродѣтельныхъ воззрѣній. «Вы спрашиваете,—писалъ онъ тому же Депорту,—хотимъ ли мы мира, или войны; конечно, мы хотимъ мира, но обстоятельства сложились такъ, что мы можемъ добиться мира не иначе, какъ путемъ войны. Всеобщій миръ не можетъ быть близокъ, потому что настоящая война ведется между деспотизмомъ и свободой. Нужно примиряться съ этимъ бѣдствіемъ ради великаго блага, которое должно явиться его результатомъ».

Въ Парижѣ проживало не мало голландскихъ выходцевъ, бѣжавшихъ изъ отечества вслѣдствіе революціи 1787 г. Эти, какъ ихъ принято было называть, «батавскіе патріоты», представляли собою французскую партію, потерпѣвшую поражение, вслѣдствіе вмѣшательства Пруссіи. Поддерживаемые и ободряемые издали Дюмуре, они окружали министерство, комитеты и Конвентъ, увѣряя, что демократическая партія ждетъ только прибытія французовъ для того, чтобы низложить штатгальтера. Въ такомъ случаѣ, Англія стала бы защищать принца Оранскаго: спокойствіе Голландіи было неперемѣннымъ условіемъ британскаго нейтралитета; Совѣтъ былъ извѣщенъ объ этомъ ¹⁾, но рѣшилъ, что время снисходительности миновало. 16-го ноября, этотъ Совѣтъ, «принявъ во вниманіе, что не слѣдуетъ падать враговъ республики, что должны быть употреблены все мѣры для побѣды надъ ихъ арміями и истребленія ихъ ранѣе, чѣмъ они успѣютъ оправиться и предпринять новое нападеніе на Францію или на тѣ страны, гдѣ находятся французскія войска», постановилъ, что если австрійцы будутъ искать убѣжища въ Голландіи, то Дюмуре долженъ преслѣдовать ихъ и на голландской территоріи. «Надѣюсь,—писалъ ему Лебрень,—что къ славѣ

¹⁾ См. выше. «Англія,—писалъ Шовеленъ отъ 31-го октября,—не будетъ беспокоиться по поводу нашихъ завоеваній въ Савойѣ; она заботится только о Голландіи».

освобожденія бельгійскихъ католиковъ, вы присоедините и славу избавленія ихъ батавскихъ братьевъ отъ ига штатгальтера».

Въ то же время Совѣтъ принялъ мѣру, которая, удовлетворяя интересы бельгійцевъ, являлась въ глазахъ голландцевъ враждебнымъ поступкомъ: Совѣтъ декретировалъ свободу судоходства по Шельдѣ. Право на это судоходство принадлежало Голландіи въ силу старинныхъ договоровъ; въ 1784 г. Иосифъ II хотѣлъ лишить ее этой монополіи: послѣдовало довольно серьезное столкновеніе; оно было улажено посредничествомъ Франціи, и договоромъ, заключеннымъ въ Фонтенебло въ 1785 г., признана была привилегія голландцевъ. И въ то самое время, какъ французы готовились произвести нападеніе на одно изъ мелкихъ государствъ, нѣкогда пользовавшихся покровительствомъ Франціи, Исполнительный совѣтъ нашелъ нужнымъ доказать, что республика угрожаетъ европейскому порядку не болѣе, чѣмъ то дѣлали мнимые защитники этого самаго порядка. Совѣтъ попытался придать дѣлу характеръ репрессалій; его тайные агенты доставили ему документъ, соотвѣтствовавшій, по его мнѣнію, такой цѣли. 18-го октября, по распоряженію Исполнительнаго совѣта напечатанъ былъ въ *Монитерѣ* якобы секретно заключенный въ Павіи, въ іюнѣ 1791 г., договоръ между Пруссіей, Австріей, Испаніей и Россіей и одобренный Англіей и Голландіей. «Это,—замѣчали въ *Монитерѣ*:—подлинное доказательство дерзости монарховъ и снисходительности народовъ». Но дѣло въ томъ, что подлинности-то и не было: трактатъ былъ подложный; авторъ его былъ очевидно весьма ловкимъ человѣкомъ, и такъ какъ въ немъ приписывались каждой изъ державъ тѣ полномочія, которыя дѣйствительно существовали, то подлинности договора повѣрили все. Это былъ широкій планъ раздѣловъ: Фландрія воссоединялась съ Нидерландами и должна была образовывать королевство Австрасію, куда переносился палатинскій домъ; Австрія брала Баварію для себя и Лотарингію—для эрцгерцогини Маріи-Христины; Эльзасъ поступалъ во владѣніе германской имперіи; Порантрюи предоставлялся Швейцаріи; край Жэ и Бюже—Савойѣ; Руссильонъ и Беарнъ—Испаніи; Пруссія и Россія должны были раздѣлить между собою Польшу, которая исчезала съ карты Европы какъ самостоятельное цѣлое. Опубликованіе этого документа успокоило тѣхъ членовъ Конвента, которые чувствовали укоры совѣсти, по поводу расширенія предѣловъ республики.

Все склоняло Конвентъ къ такому расширенію. Ежедневно появлялись заявленія патріотическихъ комитетовъ сосѣднихъ странъ, депутаціи, адреса, просьбы о присоединеніи къ Франціи. Брабантцы, савойцы, жители Нидцы, батавцы, нѣмцы являлись въ Конвентъ, въ сопровожденіи парижскихъ космополитовъ. Подъ впечатлѣніемъ этихъ кортежей, рѣчей, привѣтствій, въ воображеніи членовъ Конвента возникалъ грандіозный образъ француз-

ской республики, окруженной дружественными народами, ею освобожденными и скрѣплявшими своею признательностью къ ней великую свободную федерацію. Конвентъ отвѣчалъ на привѣтъ этихъ народныхъ делегатовъ, но отложилъ рѣшеніе вопроса о присоединеніяхъ. Онъ передалъ его на обсужденіе своимъ комитетамъ и объявилъ, что для удовлетворенія просьбъ о присоединеніи требовалось заявленіе желанія единого властителя, то есть всенародныхъ собраній. Итакъ, начали съ признанія принципа свободного и ясно выраженного желанія населенія. Конвентъ хотѣлъ опредѣлить значеніе принимаемаго обязательства, прежде чѣмъ окончательно связывать себя. Но энтузіазмъ усиливался и послѣдовавшія событія ускорили рѣшеніе.

9-го ноября Конвентъ получилъ извѣстіе о побѣдѣ при Жемаппѣ. Жанъ Дебри предложилъ устроить національное празднество. Верньо провелъ декретъ о немъ. «Воспѣвайте же побѣду, которая станетъ побѣдой всего человѣчества,—воскликнулъ онъ.—Погибли люди, но для того, чтобы не гибло больше людей. Клянусь... каждая изъ вашихъ битвъ будетъ шагомъ къ миру, торжеству человѣчности и счастію народовъ!» 19-го ноября Карра сказалъ съ трибуны Конвента, что майнцскіе патріоты боятся быть покинутыми Франціей. «Я требую,—сказалъ онъ,—чтобы французская нація оказывала покровительство народамъ, которые пожелаютъ выразить ей братскія чувства». Бриссо замѣтилъ, что дипломатическій комитетъ готовить докладъ по вопросу объ отношеніяхъ Франціи къ освобожденнымъ народамъ. Это переполнило чашу нетерпѣнія пылкихъ. Барра, Ла-Ревельеръ и Трейльяръ предложили немедленно постановить принципиальный декретъ, съ тѣмъ, что комитетъ будетъ затѣмъ регулировать только его примѣненіе. Бриссо присоединился къ этому мнѣнію, и декретъ былъ формулированъ слѣдующимъ образомъ: «Національный Конвентъ объявляетъ отъ имени французскаго народа, что будетъ оказывать помощь и братство всѣмъ народамъ, которые пожелаютъ возвратить себѣ свободу, и поручаетъ исполнительной власти дать генераламъ надлежащую инструкцію, для оказанія поддержки этимъ народамъ и защиты гражданъ, которые пострадали или могутъ пострадать за дѣло свободы».

V.

Такая декларация, казалось, должна бы вполне удовлетворить бельгійцевъ и обезпечить успѣхъ плану Дюмуре. Не такъ случилось на дѣлѣ. Декретъ 19-го ноября остался въ Парижѣ эффектнымъ инцидентомъ засѣданія, а за французскою границею—мертвою буквой. Бельгійцамъ онъ принесъ одно разочарованіе и прибавилъ только лишнее столкновеніе къ тѣмъ, отъ которыхъ отбивался Дюмуре. Этотъ генералъ завершилъ свое завое-

ваніе быстрѣе и болѣе блестящимъ образомъ, чѣмъ даже могъ надѣяться. Но ему приходилось кормить и одѣвать армію; ему приходилось организовывать республику въ австрійскихъ Нидерландахъ. Все это поглощало его вниманіе и заботы. И въ томъ и другомъ дѣлѣ онъ натолкнулся на одно и то же препятствіе: оппозицію со стороны парижской революціонной партіи и военнаго министра, и по отношенію къ его личности, и относительно его замысловъ. Пашъ посылалъ демагоговъ туда, гдѣ требовались интенданты. Его агенты расхищали и дезорганизовали, предоставляли арміи страдать отъ холода и голода, оставляли больныхъ безъ госпиталей, солдатъ безъ одежды, кавалерію безъ фуража. Когда армія расплачивалась за провіантъ, она платила ассигнаціями. Бельгійцы не желали этихъ кредитныхъ знаковъ. Дюмуре рѣшилъ, что армія будетъ платить звонкою монетою и что средства будутъ взяты изъ имущества духовенства. Военное министерство желало устроить всѣ заготовки, но не поставляло ничего. Дюмуре заключилъ сдѣлки съ поставщиками, Пашъ не захотѣлъ ихъ утвердить, и армія, вынужденная жить на счетъ завоеваннаго края, начала притѣснять мѣстное населеніе; началось мародерство и ослабленіе дисциплины. «Хотя мои успѣхи кажутся намъ весьма быстрыми,—писалъ Дюмуре Лебрену, отъ 22-го ноября,—я не раздѣляю этого мнѣнія. Я нуждаюсь во всемъ и принужденъ часто останавливаться по недостатку средствъ, несмотря на то, что войска мои полны энтузіазма и готовности къ бою. Если бы австрійцы не были объаты паникой, они не мало затрудняли бы мой походъ, потому что моя армія значительно уменьшается дезертирствомъ волонтеровъ вслѣдствіе декрета, слишкомъ рано объявившаго, что опасность для республики уже миновала».

Ла-Бурдоннэ, бывший гувернеръ при дѣтяхъ графа д'Артуа, бездарный офицеръ, льстецъ, интриганъ, доносчикъ, но умѣвшій пріобрѣсть нѣкоторую популярность въ клубахъ и пользовавшійся уваженіемъ Паша, наложилъ тяжелыя контрибуціи въ Турнэ. Дюмуре отмѣнилъ эту мѣру и, потребовавъ удаленія Ла-Бурдоннэ, написалъ Пашу: «Этотъ генералъ поступаетъ какъ завоеватель: его агенты угрожаютъ городамъ военными экзекуціями, какъ то дѣлали пруссаки въ Шампаньѣ. Я не буду ни Атиллою, ни бичемъ Бельгіи». Надѣясь быть охотнѣе выслушаннымъ и лучше понятымъ, онъ обратился также къ Лебрену и писалъ ему, между прочимъ: «Пзвѣщаю васъ, что какъ бы я ни билъ австрійцевъ, эта превосходная экспедиція кончится весьма плохо, потому что есть люди, которые идутъ наперекоръ всѣмъ моимъ планамъ и тиранически обращаются съ краемъ, потому что алчные спекулянты, поддерживаемые военнымъ министерствомъ, захватываютъ въ свои руки всѣ жизненные средства подъ предлогомъ продовольствованія арміи, которую заставляютъ терпѣть недостатокъ во всемъ. Негодованіе

мое безмѣрно... Когда я установлю зимнія квартиры на Маасѣ, то подамъ въ отставку. Нужно, чтобы всё содѣйствовало моимъ планамъ, или я откажусь отъ нихъ».

За исключеніемъ Паша, Исполнительный совѣтъ продолжалъ стоять за Дюмуре. Рѣшили отозвать ла-Бурдоннэ. «Я не потерплю, и Исполнительный совѣтъ также не потерпитъ, чтобы кто-бы то ни было стѣснялъ ваши операціи», написалъ Лебрень Дюмуре 25-го ноября. Между тѣмъ столкновенія между командирами и военной администраціей продолжали обостряться; необходимо было къ тому же какъ можно скорѣе принять рѣшеніе относительно способа управленія въ Бельгіи, поэтому Конвентъ послалъ туда 30-го ноября четырехъ комиссаровъ. Дантонъ, желавшій судить по личному опыту о войнѣ, видѣть на дѣлѣ генераловъ, войска и освобожденный народъ, сталъ во главѣ этой делегаціи. Она состояла изъ слѣдующихъ лицъ: Делакруа, политическаго бретера, Госсюэна, монтаньяра, хотѣвшаго, чтобы оцѣнены были головы непріятельскихъ генераловъ, и Камюса, узкаго легиста на янсенистской подкладкѣ. Всѣ эти люди неспособны были понять особенности иностраннаго народа и примирить требованія войны съ освобожденіемъ народа.

Бельгійцы хотѣли быть свободными по-своему; для представителей же Конвента это желаніе было преступленіемъ противъ революціи. Временныя управленія, именно потому что были національны, давали отпоръ монтаньярскому прозелитизму и наводненію страны ассигнаціями. Представители Конвента не отдѣляли въ этомъ случаѣ интересовъ отъ принциповъ. Они рѣшили, что нужно подгонять бельгійцевъ и обращать ихъ къ революціоннымъ принципамъ, заставляя ихъ примѣнять эти принципы. «Революціи,—говорили они,—не дѣлаются сами собою; принципы справедливости и гуманности хороши въ теоріи и въ философскихъ книгахъ; но при примѣненіи ихъ на практикѣ нужны иныя средства: необходимы наемные головорѣзы». Они требовали людей этого рода изъ пограничныхъ департаментовъ. «Мы просимъ у васъ не солдатъ, а рѣшительныхъ людей, патріотовъ, которые могли бы дѣйствительнымъ образомъ поддержать бельгійскихъ патріотовъ и принести энергическую поддержку въ ихъ политическихъ операціяхъ». Делакруа пріобрѣлъ во время своей бельгійской миссіи «зловѣщую славу». Дантонъ наслаждался революціонною силой и, казалось, былъ опьяненъ злоупотребленіями побѣды. Онъ всѣмъ пыломъ своего краснорѣчія побуждалъ ко всѣмъ тѣмъ мѣрамъ, которыя клонились къ подчиненію и эксплуатированію Бельгіи. Въ головорѣзахъ также не было недостатка. Агенты этого разряда одновременно организовали пропаганду и хищеніе.

Съ той минуты начинается среди бельгійцевъ борьба между экзальти-

рованнымъ революціоннымъ меньшинствомъ, поддерживаемымъ французскою республикою, и громаднымъ большинствомъ, желающимъ устроить у себя національный образъ правленія. Это разногласіе препятствовало успѣху предпріятій Дюмуре. Онъ находилъ, что независимая Бельгія была бы для Франціи «несравненно болѣе прочной оградой, чѣмъ военныя укрѣпленія, къ тому же и менѣе дорого стоящей». Онъ полагалъ, что при хорошемъ обращеніи съ ними бельгійцы, находя во Франціи гарантію своей независимости, готовы были бы продовольствовать французскую армію и даже принимать французскія ассигнаціи. Уже съ 8-го ноября онъ пригласилъ ихъ къ образованію конфедераціи. «Составьте сами ваши законы,—говорилъ онъ имъ;—выберите депутатовъ въ свой Конвентъ, учредите народное правительство, республику». Въ то же время онъ предлагалъ имъ собрать національное войско и, по его разсчету, это войско въ нѣсколько недѣль могло дойти до 40.000. Комиссары Конвента хотѣли только клубовъ и шаекъ вооруженныхъ демагоговъ. Силою вещей Дюмуре приведенъ былъ къ сообщничеству съ бельгійцами противъ комиссаровъ Конвента. Онъ не разсчитывалъ, однако-же, вѣчно оставаться въ Бельгіи. Если онъ такъ ревностно принялся успокоивать, организовывать эту страну и искать расположенія ея населенія, то дѣлалъ это не столько изъ уваженія къ «Правамъ человека» и изъ сочувствія къ бельгійцамъ, сколько изъ разчета генерала, нетерпѣливо желавшаго воспользоваться своею побѣдой. Бельгія должна была быть для него операціоннымъ базисомъ для наступательныхъ дѣйствій, а въ случаѣ нужды—линіей отступленія. Онъ намѣревался возобновить наступленіе, какъ только войска его оправятся, принудить непріятеля къ заключенію мира, укрѣпить свой престижъ во Франціи, свой авторитетъ въ арміи и двинуть, такимъ образомъ, всѣ свои замыслы.

Онъ повиновался общему импульсу умовъ во Франціи. Слова испытывали въ его умѣ тѣ же превращенія, которыя замѣчались и вообще въ умахъ французовъ, и ихъ смыслъ расширялся вмѣстѣ съ завоеваніями. Выраженіе «естественныя границы имѣли для него въ началѣ войны чисто стратегическое значеніе. Теперь онъ сталъ придавать ему значеніе политическое. «Весьма необходимо,—писалъ онъ военному министру,—и согласно съ моимъ принципомъ сдѣлать Рейнъ границей французскаго государства, обезпечить за собою эту границу, по крайней мѣрѣ, на время войны, и довершить интеллектуальное завоеваніе этихъ духовныхъ государствъ посредствомъ ихъ муниципализаціи». Кюстину онъ писалъ слѣдующее: «Не подлежитъ сомнѣнію, что мы не должны складывать оружія ранѣе, чѣмъ получимъ увѣренность, что Рейнъ станетъ границею нашему государству, будь то при помощи объединенія свободныхъ республикъ подъ нашимъ

протекторатомъ, или же путемъ принятія народовъ, которые захотѣли бы присоединиться къ намъ и войти въ составъ Франціи. Люди робкіе скажутъ, что это значить идти противъ нашихъ принциповъ и бросаться въ завоеванія. Имъ можно отвѣтить, что существуетъ безспорное различіе между завоеваніемъ, т. е. актомъ насилія, и припятіемъ въ свою среду добровольно предлагающихъ себя народовъ, что есть актъ братства». «Идите же до Кобленца, — продолжаетъ онъ, — но тамъ и остановитесь. Когда вы овладѣете этимъ городомъ, республика будетъ въ безопасности: вы опредѣлите тогда ея естественную границу, такъ какъ мы въ состояніи будемъ отстоять и удержать то, что возьмемъ».

Дюмуре держался того мнѣнія, что не слѣдуетъ переходить на правый берегъ Рейна; это значило бы, какъ онъ предполагалъ, бросить имперію въ объятія Австріи. Достаточно было бы закрыть австрійцамъ доступъ въ Германію; тогда имъ осталось бы только искать убѣжища на голландской территоріи. Дюмуре намѣревался преслѣдовать ихъ тамъ и принудить къ заключенію мира. Онъ рассчитывалъ, сверхъ того, на революцію въ Голландіи въ самый день вступленія своего въ ея предѣлы. Онъ подготавливалъ эту революцію, увлекался планомъ, успѣхъ котораго долженъ былъ повлечь за собою и осуществленіе всѣхъ остальныхъ его замысловъ. Экспедиція была бы такъ быстро совершена, что Англія не успѣла бы спохватиться. Къ тому же имѣлось въ виду и грозить ей, и закупать ее. Франція предоставила бы ей выбирать между морской войною и громадной выгодой, которую могло доставить ей освобожденіе испанскихъ колоній. «Овладевъ голландскимъ флотомъ, — писалъ Дюмуре, — мы были бы достаточно сильны для того, чтобы раздавить Англію, въ особенности же заинтересовавъ Соединенные Американскіе Штаты въ поддержкѣ нашихъ колоній и привести въ исполненіе превосходный планъ генерала Миранды».

Итакъ, Англія была еще нейтральна и Голландія уклонялась отъ войны, когда Бельгія была уже занята. Но для сохраненія этого завоеванія, хотя бы въ качествѣ покровительствуемой республики, являлась необходимость овладѣть Голландіей, отнять у англичанъ точку опоры на европейскомъ континентѣ и заинтересовать ихъ въ успѣхахъ Франціи. Чтобы заставить ихъ соблюдать миръ, не находили иного средства, кромѣ обширной диверсіи. Дюмуре искалъ ее въ коммерческой ассоціаціи на югѣ Америки; Бонапартъ станетъ искать ее въ торговомъ соперничествѣ въ Египтѣ и Индіи.

VI.

Дюмуре совѣтовалъ Кюстину остановиться въ Кобленцѣ, но Кюстинъ не могъ исполнить этого совѣта, несмотря на то, что, какъ оказалось, его водвореніе на берегахъ Рейна встрѣчало несравненно менѣе затрудне-

ній, чѣмъ положеніе Дюмуре въ Бельгіи, Рейнскіе нѣмцы не обладали ни патристическимъ духомъ, ни мѣстными вольностями, ни національными учрежденіями бельгійцевъ; они болѣе покорно подчинялись завоеванію, потому что оно представляло для нихъ, во всякомъ случаѣ, несомнѣнныя выгоды. А между тѣмъ французскія войска отступали и пропаганда не дѣлала успѣховъ. Кюстинъ, усердно донося на Келлермана, добился перемѣщенія его въ альпійскую армію. Съ отъѣздомъ этого стараго солдата, резонера и завистливаго, но храбраго, осторожнаго и опытнаго, у Кюстина не прибавилось ни благоразумія, ни дарованій. Онъ допустилъ пруссаковъ расположиться въ Кобленцѣ, оправиться и усилиться. Онъ не могъ выбить ихъ изъ этого города. Его маленькая армія, значительно уступавшая прусской по своей численности, еще болѣе уступала ей по качеству солдатъ и по военной организаціи. Наконецъ она была разбросана по разнымъ городамъ, что являлось слѣдствіемъ реквизицій и прозелитизма. Нужно было собирать на мѣстѣ подати, наложенныя на духовенство, поддерживать клубы и оказывать покровительство сторонникамъ республики.

Клубъ, основанный въ Майнцѣ, оставался очагомъ французской пропаганды; рѣчи, которыя въ немъ произносились, казалось, были переведены изъ какой-нибудь парижской газеты. То были тѣ же многословныя разсужденія на тѣ же темы. Воспитанные на чтеніи Плутарха, нѣмецкіе демагоги, почти всѣ вышедшіе изъ духовныхъ школъ и монастырей, инстинктивно усвоивали себѣ галиматью парижскихъ риториковъ. Они работали надъ вопросомъ о присоединеніи къ Франціи, или путемъ простой аннексаціи, или въ формѣ протектората. Крайніе требовали присоединенія, благоразумные и умѣренные его совѣтовали. «Это было бы средство обезпечить за нами нѣкоторыя реформы, даже въ случаѣ возвращенія нашего въ составъ имперіи», замѣчалъ Іоганнъ Мюллеръ. Форстеръ публично высказался слѣдующимъ образомъ: «Рейнъ, — сказалъ онъ 15 ноября въ майнцкомъ клубѣ, — есть естественная граница великаго, свободнаго государства, не стремящагося къ завоеваніямъ: оно только принимаетъ въ свою среду народы, свободно отдающіеся ему, и оно въ правѣ требовать у своихъ враговъ справедливаго вознагражденія за войну, которую они легкомысленно объявили ему. Рейнъ, согласно съ законами справедливости, будетъ границей Франціи». Это былъ рейнскій комментарий къ постановленію Исполнительнаго совѣта отъ 24-го октября и какъ бы пробужденіе въ этихъ краяхъ воспоминаній о древней Галліи, волновавшихъ въ то время воображеніе французовъ.

Число членовъ майнцскаго клуба не превышало 450; среди нихъ было къ тому же и много французовъ. Съ конца ноября эта цифра не увеличивалась, и клубъ сталъ посѣщаться значительно менѣе усердно. Бемеръ придумалъ положить въ Академіи красную книгу — *книгу жизни* — и чер-

ную—*книгу рабства*. Все граждане, желающие жить свободными, приглашались записаться въ первую, а предпочитающие рабство—во вторую. Никто не пожелалъ заявить о желаніи быть рабомъ, но и желающихъ быть свободными оказалось не болѣе тысячи человекъ. «Майнцская Газета» грозила смотрѣть какъ на рабовъ на всѣхъ, кто не объявлялъ себя свободнымъ, т. е. посылать ихъ на земляныя работы по укрѣпленіямъ, высылать изъ края, если то потребуется, и конфисковать ихъ имущество. Ведекинъ предложилъ клубу учредить тайный инквизиціонный комитетъ, который принималъ бы мѣры противъ подозрительныхъ. Предложеніе не понравилось клубистамъ: эти нѣмцы охотно слушали и рукоплескали звонкимъ рѣчамъ, вотиrowали гуманныя резолюціи, но боялись себя скомпрометировать и не имѣли склонности къ терроризму. Въ остальныхъ завоеванныхъ городахъ образовались общества, которыя вошли въ сношенія съ майнцскимъ клубомъ. Сажали деревья свободы. На французской окраинѣ нѣмецкія общины братались съ французами, а нѣкоторыя потребовали и полного присоединенія. Жители Бергцаберна вотиrowали его 10 ноября. 19 ноября Кюстинъ учредилъ въ Майнцѣ временное правительство, вѣдѣнію котораго подлежали: Майнцъ, Вормсъ, Шпейеръ, съ принадлежащими къ нимъ территоріями, и графство Фалькенштейнъ. Онъ предоставилъ себѣ верховный контроль, но только для того, чтобы тотчасъ же передать его Бемеру, фактически сдѣлавшемуся губернаторомъ края. Доршъ получилъ титулъ президента, водворился въ курфиршескомъ дворцѣ, заставилъ отдавать себѣ почести и ничѣмъ не занимался. «Онъ добивается митры», говорилъ демократъ Гоффманъ, не любившій этого эксъ-священника. Управление состояло изъ девяти делегатовъ; въ числѣ ихъ находился бывшій совѣтникъ курфиршества Рейтеръ, человекъ способный и умѣренный, а также умный Блау и Форстеръ, бывшіе честию и душою этого временнаго правительства.

Священники получили инструкцію, которую должны были прочесть населенію съ церковной кафедры. Въ этомъ документѣ объявлялось объ упраздненіи феодальнаго порядка, о доступности для всѣхъ должностей, о свободѣ, общественной безопасности и благоденствіи: «Положитесь на Бога, видимо поддерживающаго все предпріятія французовъ!» Немедленная отмѣна прежнихъ податей была бы самымъ естественнымъ слѣдствіемъ и показалась бы самымъ убѣдительнымъ толкованіемъ этихъ обѣщаній. Но Кюстинъ нуждался въ деньгахъ. Онъ не рѣшился взять на себя измѣненіе системы общественныхъ обложеній. Къ тому же его агенты дали понять, что полное освобожденіе, т. е. отмѣна прежнихъ налоговъ, и финансовая реформа будутъ наградой населенію, которое пожелаетъ присоединиться къ

Франціи. Такимъ путемъ создавался ресурсъ для завоеванія и подготовлялась самая дѣйствительная пропаганда въ пользу аннексаціи.

Въ этомъ ревностно-католическомъ краѣ управленіе, находящееся въ рукахъ лютеранина-профессора и священника-ренегата, не могло быть популярнымъ. Противъ него боролось духовенство. Агенты курфирста ободрились и распространяли памфлеты противъ мысли о завоеваніи. Населеніе не имѣло никакой привычки къ республиканскимъ нравамъ. Кроткое, склонное къ удовольствіямъ, оно, въ силу своего легкомыслія, безопасности и страсти къ новизнѣ, съ такою же легкостью могло отвернуться отъ французовъ, съ какою покорилось имъ. Нужда начинала давать себя чувствовать. Мелкій людъ ликовалъ по случаю удаленія дворянъ; но съ тѣхъ поръ, какъ послѣдніе уѣхали, ощутился недостатокъ въ работѣ для ремесленниковъ и отсутствіе помощи для бѣдныхъ. Буржуазіи нравилось унижать аристократовъ, но демократическое равенство корбило ея кастовое тщеславіе. Контрибуціи казались ей убыточными. Крестьяне страдали отъ нихъ еще сильнѣе, такъ какъ вынуждены были уплачивать натурою. Наконецъ все призадумывалось по поводу возможнаго повторенія наступательныхъ дѣйствій со стороны пруссаковъ. Рейнское населеніе, такъ спѣшившее привѣтствовать Кюстина при его вступленіи, замѣтно охладѣвало, переходя отъ восторга къ сдержанности и предоставляя себѣ право перейти отъ сдержанности къ прямой враждебности въ ту минуту, когда сила перейдетъ на сторону Германіи.

Такъ и случилось во Франкфуртѣ. Кюстинъ оставилъ тамъ двѣ тысячи солдатъ. Пруссакъ и гессенцы явились съ значительными силами къ городу 2 декабря. Населеніе взбунтовалось, и французамъ пришлось очистить Франкфуртъ. Послѣдствія этого отступленія были бѣдственны. Напрасно майнцскіе клубисты объявили, что достаточно будетъ толчка для провозглашенія республики въ Пруссіи. Ближайшій толчокъ былъ направленъ не въ эту сторону. Французы перестали казаться непобѣдимыми и престижъ Кюстина разсѣялся какъ дымъ. Крестьяне оставались глухи къ увѣщаніямъ. «Они туны», писалъ Форстеръ. «Что же будетъ, когда эти огрубѣвшіе въ неволяхъ бѣдняки убѣдятся, что у нихъ нѣтъ никакого господина, кромѣ собственной воли?.. Они употребили бы эту волю на то, чтобы вернуться подъ ярмо, при первой угрозы своихъ прежнихъ господъ». Берновиль, замѣстившій Келлермана, писалъ военному министру: «Исключая Франкфуртъ, гдѣ мнѣ не пришлось быть, я не видѣлъ ни одного края, который желалъ бы полной свободы. Я бы могъ, по примѣру моихъ товарищей, послать вамъ блестящіе протоколы, констатирующіе насажденіе деревьевъ свободы и патриотическое одушевленіе жителей Трирскаго края; но все это одно притворство, которому не вѣрю и которое внушено страхомъ». При

таких-то шатких условіяхъ, Кюстинъ, вынужденный стянуть свои войска при отступленіи, возвратился въ Майнцъ.

По пути, «завазанный громадною перепискою, проводя дни и ночи верхомъ», раздраженный «страшнымъ утомленіемъ», онъ попытался, по крайней мѣрѣ, остановить пруссаковъ хитростью и задержать ихъ переговорами. «Мнѣ приходится падѣвать попеременно то лъвиную, то лисью шкуру». Онъ написалъ прусскому королю слѣдующее: «Вслѣдствіе какой-то роковой случайности, одинъ изъ первыхъ поклонниковъ дѣяній прусскаго народа, французскій гражданинъ, всего болѣе преданный славы короля, принужденъ сражаться противъ тѣхъ, чьи интересы побуждаютъ ихъ быть союзниками французской республики!» Кюстинъ убѣждалъ Фридриха-Вильгельма устранить чудовище, т. е. союзъ съ Австріей; онъ приглашалъ его также устранить ландграфа гессенскаго, включить его войска въ составъ прусской арміи, а гессенскую казну присоединить къ прусской королевской казнѣ. Онъ увѣрялъ, что эти деньги «окрашены кровью его подданныхъ; остается лишь одно средство очищенія столь нечистаго источника, а именно—употребленіе этихъ средствъ на войну, которая имѣла бы цѣлью разрушеніе австрійскаго дома». Всегда готовый на интриги съ Пруссіей, Биронъ также попытался завязать тайные переговоры чрезъ посредство Геймана, находившагося въ Базелѣ. Всѣ эти попытки оказались напрасными. Кюстинъ-сыпъ тщетно ожидалъ случая отправиться въ главную квартиру Фридриха-Вильгельма. Онъ писалъ Лебрену: «Ничего не можетъ быть несомнѣннѣе въ настоящую минуту, какъ нерасположеніе прусскаго короля къ переговорамъ», и признавался, что король весьма презрительно отнесся къ его запискамъ: «Намъ остается одно», заявлялъ онъ Дюмурье: «уничтожить его со всѣми его естественными врагами».

Прусскій король соглашался на переговоры не иначе, какъ по согласію съ Австріей и подъ условіемъ безопасности для жизни Людовика XVI; многіе изъ его совѣтниковъ склоняли его къ переговорамъ на такихъ основаніяхъ. Письмо Кюстина было принято какъ авансъ и, не отвѣчая на него, пруссаки пытались уяснить себѣ намѣренія французскаго министерства. Послѣ неудачныхъ сношеній съ Домомъ, Меттра вернулся въ Нейвидъ. Здѣсь его посѣтилъ герцогъ саксенъ-веймарскій, зять Фридриха-Вильгельма. Герцогъ не скрылъ, что король желаетъ мира; онъ внушилъ мысль о посредничествѣ Пруссіи между Австріей и Франціей и предложилъ Меттра свести его съ Луккезини. Свиданіе происходило въ Кобленцѣ; Луккезини высказывался въ томъ же смыслѣ какъ и герцогъ, настаивая на невозможности разрыва съ Австріей. «Этотъ разговоръ, — передаетъ Меттра, — былъ почти повтореніемъ той бесѣды съ Фридрихомъ въ 1771 г., когда онъ сказалъ мнѣ, что быть государемъ еще не значитъ не быть

честнымъ человѣкомъ». Мандрильонъ присоединился къ своему коллегѣ Меттра и они оба совѣщались съ Луккезини. Этотъ послѣдній объявилъ, что обѣ державы уже назначили своихъ уполномоченныхъ и что если республика вторгнется въ Голландію, война станетъ общей: Англія и имперія присоединятся къ борьбѣ. Меттра нашелъ, что дѣло достаточно важно, чтобы совершить поѣздку, и отправился въ Парижъ за указаніями. Лебренъ далъ ему только рекомендательное письмо къ Кюстину: онъ напоминалъ этому генералу, что «почтенный писатель» Меттра долгое время состоялъ агентомъ прусскаго двора въ Парижѣ».

Миссія Меттра заключалась единственно въ наблюденіи; но весьма правдоподобно, что Лебренъ говорилъ съ нимъ довольно откровенно и что, по всей вѣроятности, къ этой попыткѣ сойтись съ Пруссіей относится помѣченный 10-мъ декабря «проектъ инструкцій, согласно съ которыми слѣдуетъ вести переговоры съ прусскимъ королемъ». Это былъ планъ предварительнаго мирнаго договора и косвеннаго соглашенія съ Пруссіей, такъ какъ республика «не желаетъ и не можетъ никогда и ни въ какомъ случаѣ заключить миръ съ Австріей». Пруссія должна была привести свои войска въ Германію и къ веснѣ объявить войну Австріи. При поддержкѣ Баваріи, она овладѣла бы Богеміей, гдѣ передъ тѣмъ озаботятся возбужденіемъ инсurreкцій; Венгрія возстанетъ; Польша нападетъ на Россію, поддерживаемая пруссаками и турками, которыхъ перевезутъ въ Крымъ французскіе корабли. Пруссія «весьма скоро нашла бы себѣ вознагражденіе»; приобрѣтя господствующее значеніе въ Германіи, она могла бы возвратитъ полякамъ Галицію и получить, взаменъ, Торнъ и Данцигъ. Австрія распалась бы на три королевства: Венгрію съ Кроаціей, собственно Австрію съ Иллиріей и Моравіей, и Богемію. Турки вернули бы себѣ Крымъ, а Трансильванія снова обратилась бы въ ихъ вассальную область. «Французы не взяли бы для себя ничего и нашли бы достаточную награду за свои труды и издержки въ чувствѣ удовольствія по поводу того, что они доставили свободу и независимость населенію, живущему по берегамъ Рейна, Мааса и Шельды, и дали Европѣ прочный и продолжительный миръ, не говоря уже объ уничтоженіи гнуснаго австрійскаго дома». За исключеніемъ послѣднихъ словъ, обличающихъ парижскій жаргонъ, этотъ планъ былъ несравненно болѣе прусскій, чѣмъ французскій, и могъ быть подписанъ любымъ министромъ Фридриха-Вильгельма, напримѣръ Гердбергомъ; но за послѣднее время настроеніе прусскаго двора значительно измѣнилось, и не время было рассчитывать теперь на осуществленіе широкихъ плановъ, при помощи Пруссіи. Планъ 10 декабря интересенъ только какъ дипломатическій комментарий декрета 19 ноября. Онъ показываетъ, на какихъ условіяхъ ду-

мали примѣнить его тѣ публицисты, которые серьезно относились къ упомянутому декрету.

Между тѣмъ нѣмцы достаточно холодно относились къ войнѣ: самые воинственные изъ нихъ не простирали своихъ пожеланій далѣе избавленія отъ французовъ германской территоріи. «Вотъ», писалъ Кюстинъ-сынъ, «довольно распространенное мнѣніе въ средѣ прусскихъ и гессенскихъ войскъ: французы занимаютъ часть германской территоріи; слѣдуетъ соединить всѣ наши усилія для отпора имъ, но да избавитъ насъ небо отъ возвращенія во Францію!» Если вѣрно было сообщеніе французскаго агента, оставшагося въ Штутгартѣ, то швабы выказывали еще меньшую требовательность: «Не подлежитъ сомнѣнію», писалъ онъ Бирону, «что если французы удовольствуются на границѣ, гдѣ вы командуете, тѣмъ, что населеніе будетъ спокойно относиться къ ихъ торжеству, то они найдутъ въ швабскомъ округѣ искреннее желаніе мира, добраго сосѣдства и нейтральности». Баварскій дворъ поглощенъ былъ исключительно оперными спектаклями. Кохъ, только что объѣздившій Южную Германію, констатировалъ тамъ «настроеніе, весьма мало благопріятное для союзныхъ дворовъ». Такого рода настроеніе было повсемѣстнымъ во всей имперіи и, главнымъ образомъ, въ вольныхъ городахъ, гдѣ преобладала демократическая партія.

Если бы дѣло шло объ обыкновенной войнѣ, политической, или имѣвшей предметомъ споръ о границахъ, то Франція могла бы, въ слѣдующей кампаніи, принудить своихъ враговъ къ заключенію мира: она держала въ своихъ рукахъ залогъ этого мира. Но для этого нужно было, чтобы республика сдѣлала этотъ миръ возможнымъ для союзниковъ, чтобы коалиція не получила подрѣзленія со стороны Англіи, Голландіи и Испаніи, еще оставшихся нейтральными, чтобы покоренные народы были бы если не искренно расположены, то по крайней мѣрѣ не опасны для оккупационной арміи. Согласилась ли бы Европа на миръ? Не было сдѣлано попытки узнать желаніе канцлерствъ и населенія относительно возможнаго соглашенія. Несомнѣнно было одно, что при условіяхъ, въ которыхъ находились Европа и Франція, Франція могла рассчитывать на уваженіе Европы лишь въ той степени, въ какой внушила бы ей опасенія; она не могла поддержать свою независимость иначе, какъ заставивъ себя бояться. Причины, вызвавшія войну, продолжали дѣйствовать и послѣ того, какъ непосредственная цѣль войны казалась достигнутой; импульсы, которымъ Франція обязана была своими побѣдами, продолжали увлекать французовъ и послѣ этихъ побѣдъ. Конвентъ, своимъ образомъ дѣйствій, побуждалъ нейтральныя государства къ войнѣ, а покоренные народы — къ возмущенію.

ГЛАВА IV.

Революціонная война.

Республика побѣдила и внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ. Конвенту предстояло рѣшать участь побѣжденныхъ. Изъ подлежащихъ рѣшенію дѣлъ всего проще было дѣло эмигрантовъ. Конвенту стоило только сообразоваться съ прецедентами монархіи и продолжать трудъ Законодательнаго собранія. Эмигранты составляли, за предѣлами Франціи, вооруженную партію, вступившую въ союзъ съ иностранцами; они поддерживали сношенія съ оставшимися въ странѣ роялистами, которые подстрекали къ гражданской войнѣ. Мѣры, принятыя Конвентомъ противъ эмигрантовъ и ихъ сообщниковъ, вотиновались изо дня въ день, подъ вліяніемъ обстоятельствъ; тѣмъ не менѣе совокупность этихъ мѣръ представляетъ стройное цѣлое. Принятые среди бурнаго негодованія Собранія, онѣ, казалось, были редактированы до мельчайшихъ подробностей въ прокурорской преторіи. Онѣ безсвязны только по внушавшимъ ихъ мотивамъ, но строго послѣдовательны по вызваннымъ ими послѣдствіямъ. Эти кажущіяся противоположности объясняются двойнымъ источникомъ этихъ законовъ: Конвентъ рѣшалъ эти мѣры и тѣмъ совершалъ актъ политической и соціальной войны; легисты, заставшіе въ комитетахъ, располагали статьи декретовъ и дѣйствовали на основаніи обычной прокурорской процедуры. Они — не новички въ этомъ дѣлѣ. Они искусились въ немъ, сидя во французскихъ провинціяхъ и распутывая безконечный мотокъ процессовъ, порожденныхъ отмѣною Нантскаго эдикта.

Опытъ массовой проскрипціи цѣлаго класса гражданъ и конфискаціи имущества цѣлаго класса собственниковъ, среди весьма развитой уже цивилизаціи и весьма сложнаго уже законодательства, былъ сдѣланъ при Людовикѣ XIV. Всѣ послѣдствія гражданской смерти, всѣ непредвидѣнныя отношенія между изгнанниками и оставшимися на родинѣ родственниками, случаи наслѣдствъ и опеки, дѣйствительность браковъ, секвестръ спорнаго имущества, долговые обязательства и ипотеки, способы предупрежденія фиктивной продажи, преслѣдованіе подставныхъ лицъ — не было ни одного изъ этихъ казусовъ, который не представлялся бы уже сто лѣтъ тому назадъ и котораго не приходилось бы разрѣшать юриспруденціи ¹⁾.

¹⁾ Это была одна изъ самыхъ тягостныхъ функцій старыхъ королевскихъ совѣтовъ. Сень-Симонъ констатировалъ при вступленіи въ Совѣтъ ре-

Легисты Конвента имѣли въ рукахъ ихъ полное собраніе²⁾; они черпали отсюда съ избыткомъ³⁾. Отсюда быстрота составленія декретовъ, опредѣленность ихъ текстовъ, подробность рѣшеній, неисчерпаемые ресурсы процедуры. Первый изъ легистовъ эпохи, Мерленъ де Дуэ, обладалъ изумительною памятью и необычайною способностью къ упорному труду. Онъ съ молодости приучилъ себя къ внимательной и усидчивой судебной работѣ и до 1792 г. уже четырнадцать лѣтъ сотрудничалъ въ «*Répertoire universel et raisonné*» Гюйо. Законодательный комитетъ былъ переполненъ учениками Мерлена.

Такимъ образомъ члены Конвента приспособили средства и способы времени стараго режима къ требованіямъ революціи, но они примѣняли ихъ къ новому и своеобразному предмету, а потому ихъ система конфискаціи отличается отъ всѣхъ практиковавшихся до той поры и еще продолжавшихъ примѣняться въ самое время французской революціи системъ: Людовика XIV, по отношенію къ реформатамъ, англійскаго парламента, относительно ирландцевъ, католиковъ и якобитовъ, Екатерины II, по отношенію къ полякамъ. Всѣ эти правительства конфисковали просто въ пользу государства

гентства «въсѣ противорѣчія и всѣ затрудненія, наполнявшія эдикты и деклараціи покойнаго короля, по отношенію къ гугенотамъ; невозможно было ихъ выполнять, потому что невозможно было согласовать и примѣнять къ ихъ бракамъ, духовнымъ завѣщаніямъ и проч. Мнѣ нерѣдко приходилось убѣждаться въ томъ въ Совѣтѣ регентства, какъ по поводу вызываемыхъ ими процессовъ, потому что одинъ король могъ интересоваться этими различными противорѣчіями, такъ и по поводу совѣщаній судовъ съ канцлеромъ, который онъ передавалъ на рѣшеніе Совѣта». *Mémoires, année 1716.*

²⁾ *Edits, déclarations et arrêts concernant la religion prétendue réformée.* Paris, 1714, 1716, 1729, 1752. Вновь изд. въ Парижѣ въ 1885 г.

³⁾ Сравнить, наприимѣръ, декретъ 6-го сентября о конфискаціи секвестрованныхъ имѣній эмигрантовъ, приглашавшихся къ возвращенію на родину въ мѣсячный срокъ декретомъ 30-го марта—8-го апрѣля 1792 г. съ январскимъ эдиктомъ 1688 г. о конфискаціи секвестрованныхъ имѣній реформатовъ, приглашавшихся къ возвращенію во Францію ранѣе марта 1687 г. июльскимъ эдиктомъ 1686 г. и возвращенію на лоно католической церкви; параллельныя статьи декрета относительно заимодавцевъ.—Декреты отъ 30-го августа и 3-го сентября 1792 г.: отставленіе отъ службы всякаго должностнаго лица, которое отвезло бы за границу своихъ несовершеннолѣтнихъ дѣтей или способствовало бы ихъ эмиграціи; декларація 17 іюня 1681 г.: запрещеніе реформатамъ посылать своихъ дѣтей за границу подъ страхомъ лишенія половины дохода. Декретъ 9-го октября 1792 г.: смертная казнь эмигрантамъ, взятымъ съ оружіемъ въ рукахъ; 23—25 октября: вѣчное изгнаніе и смертная казнь эмигрантамъ, возвращающимся во Францію; декларація 1-го іюля 1686 г.: смертная казнь французамъ, виновнымъ въ устройствѣ какихъ бы то ни было религіозныхъ собраній, кромѣ католическихъ; эдиктъ 14 мая 1724 г.: смертная казнь реформатамъ, взятымъ съ оружіемъ въ рукахъ.

и употребляли конфискованныя имѣнія: Людовикъ XIV—въ пользу «преуспѣянна истинной вѣры», англичане—въ пользу англиканскихъ церквей, для награжденія служителей государства и обогащенія дворянъ въ ущербъ крестьянамъ; Екатерина—въ пользу генераловъ и приближенныхъ. Конвентъ же продавалъ конфискованныя имѣнія съ аукціона и употреблялъ вырученные съ самой націи деньги на веденіе національной войны. Такимъ путемъ произошло обширѣйшее перемѣщеніе собственности, когда-либо имѣвшее мѣсто въ новѣйшія времена; это перемѣщеніе совершено было не путемъ произвольной раздачи. Проведеніе въ жизнь принципа, установленнаго законодательнымъ путемъ Учредительнымъ собраніемъ, то есть упраздненіе сеньеріальной собственности и образованіе собственности демократической, осуществилось посредствомъ буржуазныхъ и крестьянскихъ сбереженій⁴⁾. Но это было, такъ сказать, дѣломъ комитетовъ. Конвентъ единогласно принималъ выработанныя ими мѣры; онѣ не возбуждали публичныхъ преній. Напротивъ, рѣшеніе участи Людовика XVI было великимъ кризисомъ этого собранія. Вначалѣ этотъ вопросъ вызвалъ въ Конвентѣ глухое волненіе, затѣмъ потрясалъ его въ теченіе нѣсколькихъ недѣль и смущалъ до самаго конца существованія.

Процессъ Людовика XVI—одна изъ самыхъ потрясающихъ трагедій въ исторіи. Если смотрѣть на него какъ на событіе само по себѣ, то невольно проникаешься всѣми волновавшимися въ немъ страстями и приходишь къ невозможности отчетливаго о немъ сужденія. Но необходимо изслѣдовать политическія побужденія, заглянуть за кулисы и открыть суть драмы, проявленіями которой были патетическія сцены въ Конвентѣ и въ Тампльской тюрьмѣ. Процессъ этотъ былъ судебнымъ только по внѣшности: на самомъ дѣлѣ это былъ чисто политическій актъ.

Обвинители Людовика XVI ссылались на конституцію, которая въ то время уже не существовала; они упрекали его за нарушеніе этой конституціи, а сами уничтожали ее; они выбирали изъ нея статьи, предписывавшія королю подчиняться законамъ, и отклоняли тѣ, которыми особа короля ставилась выше закона и которыя признавали только одну кару для главы государства, даже въ томъ случаѣ, если бы онъ сталъ во главѣ арміи, направленной про-

⁴⁾ Сравнить декретъ 6 сентября 1792 г., предписывавшій при продажахъ дробить конфискованныя имѣнія «въ видахъ умноженія числа собственниковъ» съ эдиктомъ января 1688 г., предписывавшимъ присоединеніе конфискованныхъ имѣній къ доменамъ для того, чтобы доходы употреблялись «какъ на учрежденіе школъ для бесплатнаго обученія дѣтей обоюбого пола въ данной мѣстности, такъ и на постройку церквей, госпиталей и проч., «необходимыхъ для пользы новообращенныхъ и блага религіи». Главнымъ же образомъ на пользу «истинной вѣры». Постановленіе 8 января 1689 г., дарующее новообращеннымъ пенсію изъ секвестрованныхъ имѣній консисторій.

тивъ народа, а именно—лишеніе королевской власти; они вооружались противъ низложеннаго короля публичнымъ правомъ, которое объявляютъ неотъемлемымъ и стоящимъ выше буквы конституцій, но которое не признается самимъ королемъ и не существуетъ ни въ одной европейской монархіи; они ставили въ преступленіе королю заговоры, которые онъ будто бы составлялъ съ иностранцами, врагами государства, но при этомъ они основывались на однихъ подозрѣніяхъ и не могли привести доказательствъ. Защищая себя, Людовикъ указывалъ на ту же самую конституцію, принятіе которой было для него вынужденнымъ, и которой онъ присягалъ только для того, чтобы дать себѣ возможность ее упразднить; при этомъ онъ опирался на суверенитетъ, отрицаемый его обвинителями, на монархическое право, ими отвергаемое, на понятіе о государствѣ, котораго они не допускали; наконецъ, онъ оспаривалъ приписываемые ему поступки, не могущіе быть фактически доказанными его обвинителями, но о дѣйствительномъ существованіи которыхъ ему было извѣстно и на которые онъ далъ согласіе именно съ тѣмъ намѣреніемъ, которое ему ставятъ въ преступленіе, поступки, имѣвшіе въ дѣйствительности болѣе важное значеніе и вѣсь, чѣмъ то могли предполагать злѣйшіе враги короны.

Людовикъ XVI и его обвинители не стояли на одной и той же правовой почвѣ. Борьба, завязавшаяся между ними, касалась именно самыхъ основъ публичнаго права. Остается узнать, что одержитъ верхъ въ этомъ публичномъ правѣ: королевская власть, на которую ссылается Людовикъ XVI, или верховная власть народа, отъ которой отправлялся Конвентъ. Каждый смѣшивалъ спасеніе государства съ своимъ собственнымъ дѣломъ. Людовикъ XVI боролся за право, унаслѣдованное отъ предковъ, за монархическій принципъ, за честь и могущество короны, а также и за свою свободу, жизнь свою и своихъ кровныхъ. Республиканцы боролись за права французовъ, за принципы революціи, за народныя вольности, за независимость націи, за неприкосновенность территоріи, за родину, которой грозили узурпация и раздѣлъ союзниками короны, наконецъ и за себя лично, такъ какъ тѣ же союзники грозили имъ страшными кáрами. Ни Людовикъ XVI не чувствовалъ себя виновнымъ, вступая въ союзъ съ иностранными государствами съ цѣлью борьбы противъ революціи, произведенной французами, ни его судьи не находили преступнымъ осуждать его въ силу той самой революціи, которая его неспровергла. Въ этой борьбѣ, Людовикъ ставилъ на карту свою корону и свою голову; республиканцы—свою свободу и свою жизнь. Они знаютъ, что ожидаетъ ихъ въ случаѣ побѣды коалиціи. Людовику XVI было извѣстно, какая участь ждетъ его въ случаѣ пораженія. Для Людовика XVI Законодательное Собраніе было сборищемъ мятежниковъ; въ глазахъ членовъ Конвента Людовикъ—измѣнникъ. Но несмотря

на это различіе возрѣній между Людовикомъ и его судьями, они руководились одной и той же идеей. Государственная необходимость, *raison d'Etat*, вотъ единственное оправданіе поведенія Людовика XVI съ 1790 г., его невысказанныхъ условій, его мнимыхъ клятвъ, козней его агентовъ внутри страны и заговоровъ за ея предѣлами. Она же оправдываетъ революцію 10-го августа. Она создаетъ и разъясняетъ полномасштабное Конвента. Она рѣшаетъ поступки, которые приводятъ къ низложенію Людовика XVI; она руководитъ судебною процедурою и диктуетъ приговоръ. Однимъ словомъ, весь процессъ Людовика XVI ведется во имя государственной необходимости.

Было три возможныхъ рѣшенія: изгнаніе короля, заключеніе, смертная казнь. Цѣль событій показала, что изгнаніе не представило бы опасности. Людовикъ XVI не нашелъ бы, подобно Іакову II, другого Людовика XIV для ратованія за свое дѣло; да и вопреки поддержкѣ Людовика XIV, Іаковъ II умеръ въ изгнаніи. Въ 1792 г. Европа разгонила эмигрантовъ. Ни одинъ Бурбонъ извнѣ или внутри страны не могъ быть страшнѣе торжествующей республикѣ и свободной Франціи. Послѣ смерти Людовика XVI, въ Тампльской тюрьмѣ остался наслѣдникъ престола, и никто въ Европѣ не принялъ участія въ его бѣдственномъ положеніи. Послѣ смерти Людовика XVII, остался претендентъ въ Веронѣ, Европа оставила его въ бѣдности, континентъ выславъ его, и Англія дала ему только то, въ чемъ не отказывала вообще изгнанникамъ: убожище. Но отъ членовъ Конвента нельзя было ожидать такого довѣрія къ будущему и такого забвенія возможной, ближайшей опасности. То, что по прошествіи цѣлаго вѣка и послѣ примѣра многочисленныхъ революцій сдѣлалось фактомъ, подтвержденнымъ опытомъ, то могло казаться тогда опасною самонадѣянностью. Ничто, напротивъ, не говорило противъ ареста Людовика XVI вплоть до заключенія мира. Это было бы самою политичною и самою гуманною мѣрой. Она соотвѣтствовала и желанію значительнаго большинства въ Конвентѣ. Исполнительный Совѣтъ, несмотря на свою робость и осмотрительность, когда дѣло шло объ истолкованіи намѣреній Конвента, не побоялся скомпрометировать себя, приписавъ ему именно такое благоразумное намѣреніе. «Республика, писалъ Лебрень, «не можетъ дать иностранцамъ никакой гарантіи по этому вопросу; это было бы равносильно отреченію отъ своихъ правъ... Только Франція имѣетъ право судить Людовика; но,—прибавлялъ онъ,—можно предвидѣть, что не изъ боязни, не вслѣдствіе постороннихъ соображеній, но изъ великодушія и человеческого чувства, французская нація найдетъ, что Людовикъ достаточно наказанъ потерей трона, и что національная месть удовлетворена уничтоженіемъ королевской власти. Вы можете представить эти соображенія какъ вѣроятное желаніе французовъ...»)

¹⁾ Лебрень Шовелену, 19-го октября 1792 г.

Въ такомъ духѣ высказывался Лебренъ ранѣе, чѣмъ Конвертъ декретировалъ преданіе суду короля; онъ не измѣнилъ своего мнѣнія и тогда, когда процессъ оказался неизбѣжнымъ. «Мнѣ кажется, что невозможно помѣшать суду короля»,—писалъ онъ тогда. Повидимому, вся Франція требуетъ этого. Что касается исхода, то полагаю, что нація расположена будетъ дать по этому поводу великій примѣръ милосердія и великодушія». Дѣйствительно, это былъ бы великій примѣръ, и изъ всѣхъ нововведеній революціи онъ способенъ бы былъ всего болѣе изумить міръ, подѣйствовать на воображеніе народовъ, закупить благородныя души и повергнуть въ смущеніе враговъ Франціи. Вожди революціи рѣшили иначе; но въ этомъ случаѣ ихъ рѣшеніе сообразовалось съ понятіемъ государственной необходимости, то есть съ понятіемъ, присущимъ старому порядку, и руководились страстями, собственными всѣмъ временамъ.

«Тотъ, кто питалъ свой умъ чтеніемъ о древнихъ событіяхъ,—сказалъ еще Макіавель,—признаетъ, что всякое измѣненіе образа правленія: республики, превращающейся въ тиранію, или тиранніи, переходящей въ республику, должно сопровождаться и отмѣчаться какимъ-нибудь страшнымъ ударомъ, направленнымъ противъ враговъ новаго порядка». Вотъ вся сущность политики монтаньяровъ въ этомъ дѣлѣ, въ которомъ они постепенно заставляли Конвентъ служить ихъ соображеніямъ.

Монтаньяры были фанатиками идеи, но имѣли и личное честолюбіе. Они хотѣли водвориться въ республикѣ и господствовать надъ нею, но они не были господами положенія: они составляли лишь партію въ Собраніи. Для того, чтобы властвовать, необходимо было смѣлымъ ударомъ продлить революціонное состояніе, которое доставитъ имъ средство къ достиженію власти, и показать, что революція зависитъ отъ продолженія ихъ господства. Необходимо было, чтобы смѣшались и отождествились мысли о спасеніи Франціи и республики съ мыслью объ ихъ личномъ спасеніи, чтобы они могли подчинить однихъ и устрасить другихъ, чтобы во всемъ государствѣ восторжествовало мнѣніе: кто не за насъ, тотъ противъ насъ. Нужно сдѣлать невозможнымъ возстановленіе монархіи, неосуществимою всякую сдѣлку съ Европой по этому поводу; нужно, чтобы въ этомъ была заинтересована безопасность каждаго, чтобы Европа, также какъ и Франція, вынуждена были договариваться съ ними, или выдерживать беспощадную войну. Смерть короля доставитъ все это. Партія, которая казнить короля, будетъ властвовать въ республикѣ. Она заставитъ умѣренныхъ и колеблющихся или отречься или сдаться; она принудитъ все, что желало бы играть роль въ республикѣ, принять кровавое крещеніе и свяжетъ казнью короля тѣхъ, кто сдѣлается ея виновниками или сообщниками. Однимъ ударомъ монтаньяры унижатъ жирондистовъ, потому что жирондистамъ противна эта

крайность. Жирондисты уступать, ради сохраненія популярности и руководящаго значенія въ республикѣ; но самую эту уступкою они навсегда утратятъ престижъ, вліяніе и власть. Процессъ Людовика XVI сразитъ буржуазную республику, какъ сразило конституціонную монархію низложеніе короля.

Никогда еще не видало было такого обдуманнаго рѣшенія; никогда также не признавались въ немъ такъ громко. «Мы не хотимъ судить короля,—сказалъ Дантонъ,—мы хотимъ его убить»⁶⁾. «Короля,—объявилъ Сенъ-Жюсть,—слѣдуетъ судить какъ врага».—«Людовикъ Капетъ,—сказалъ Жанбонъ,—былъ осужденъ 10-го августа; подвергать сомнѣнію его осужденіе, значило бы судить революцію, а слѣдовательно объявить себя бунтовщикомъ». «Должно,—сказалъ Робеспьеръ,—немедленно приговорить его къ смерти, на основаніи права на инсурренцію». И онъ резюмировалъ всѣ эти соображенія государственной пользы въ самой макіавелистической и обдуманной изъ своихъ рѣчей: «Дѣло идетъ не о судѣ. Людовикъ не подсудимый, а вы не судьи; вы только государственные люди, представители народа, и не можете быть ничѣмъ инымъ. Вы произнесете не приговоръ, а примете мѣру общественной безопасности и совершите актъ національной предусмотрительности. Что можетъ укрѣпить возникающую республику? Глубокое запечатлѣніе въ сердцахъ презрѣнія къ королевской власти и пораженіе ужасомъ всѣхъ сторонниковъ короля...» Въ такомъ-то духѣ разсуждали монтаньяры и такимъ же образомъ разсуждали въ древности всѣ тѣ знаменитые политики, правила которыхъ составили сводъ понятій о государственной пользѣ; въ такомъ же духѣ и по тѣмъ же древнимъ примѣрамъ разсуждалъ Генрихъ III, когда замышлялъ смерть Гиза, Елизавета и пуритане—когда задумывали смерть Маріи Стюартъ, Ришелье—когда намѣревался избавиться отъ Монморанси⁷⁾; Кромвель—

⁶⁾ Сенъ-Жюсть, 13 ноября; Жанбонъ, 2 декабря 1792 г.—Рѣчь президента англійской палаты общинъ, обратившагося къ королевѣ Елизаветѣ съ требованіемъ смерти Маріи-Стюартъ: «Развѣ она—не упованіе всѣхъ недовольныхъ, опора всѣхъ заговорщиковъ? Поощадить ее, значитъ сразить насъ. Всякая жалость къ ней есть жестокость по отношенію къ намъ: *Est quaedam crudelis misericordia*. Тотъ, у кого нѣтъ рукъ, не можетъ сражаться: тотъ, у кого нѣтъ ногъ, не можетъ спастись бѣгствомъ; но еще вѣрнѣе то, что кому отрубили голову, тотъ уже не можетъ причинить никакого зла».—22 ноября 1586. Kervyn de Lettenhove, *Marie-Stuart*, Paris, 1890, t II, p. 66, 118.

⁷⁾ Соображенія, представленные Ришелье Людовику XIII, по вопросу о томъ, слѣдуетъ ли помиловать герцога Монморанси, или же предать его въ руки правосудія: «Тѣ, кто полагаетъ, что необходимо подвергнуть герцога карѣ, говорятъ, что настоящее положеніе дѣла требуетъ строгихъ мѣръ... они подкрѣпляютъ свое мнѣніе историческими примѣрами... и тѣмъ, что лишеніе должностей безъ лишенія жизни ничто въ такихъ случаяхъ... Сверхъ

когда замышлялъ казнь Карла I; такъ же точно будетъ разсуждать и Бонапартъ, когда задумаетъ смерть герцога Англенскаго.

Но такого рода откровенныя сужденія свойственны мраку заговоровъ. Они не всегда возможны въ Собраніяхъ. Конвентъ еще не привыкъ къ такому полному цинизму изложенію принципа государственной пользы. Оно внушало ему отвращеніе, и онъ требовалъ покровъ и софистическаго тумана. Монтаньяры поняли, что слѣдуетъ считаться съ укорами совѣсти и тревогами умѣренныхъ въ такомъ дѣлѣ, гдѣ требовалось не столько убѣдить ихъ, сколько впутать въ него. Они громко потребовали смерти Людовика XVI, безъ судебной процедуры и фразъ; такимъ путемъ они заручились со стороны фанатической толпы всѣми преимуществами событія, которыя явились-бы слѣдствіемъ его совершенія. Они предоставили Жирондѣ поставить вопросъ юридически, расположить драпировку преторіи и повести, согласно съ обычными формальностями, этотъ процессъ, знаменовавшій собственное осужденіе жирондистовъ.

Представлялся завидный случай, прекрасный поводъ для великодушныхъ людей и краснорѣчивыхъ ораторовъ. Доводы монтаньяровъ въ пользу смертной казни безъ суда возмущали совѣсть и оскорбляли чувства большинства представителей Конвента. Существовали также соображенія высшей политики и выгоды, настолько же логичныя, болѣе вѣскія и даже болѣе настоятельныя въ пользу отсрочки процесса. Предлагая такую отсрочку, жирондисты оказались бы болѣе ловкими чѣмъ монтаньяры, такъ какъ опирались бы не на интересы одной партіи, а на интересы цѣлой страны и предложили бы ей вмѣсто призрака ожесточенной войны образъ близкаго мира. Въ Собраніи, а тѣмъ болѣе въ странѣ, было гораздо болѣе людей, заинтересованныхъ въ мировой сдѣлкѣ съ Европой, чѣмъ такихъ, которые захотѣли бы тому препятствовать. Нѣкоторое затишье передъ заключеніемъ мира было бы одною изъ тѣхъ полумѣръ, которыя способствуютъ объединенію колеблющихся умовъ. Тѣ, кто предложили бы такую мѣру во имя гуманности, могли быть увѣрены, что найдутъ откликъ на скамьяхъ умѣренныхъ, составлявшихъ большинство въ Конвентѣ и еще не компрометировавшихъ себя сообщничествомъ съ крайними. Слѣдуя такой политикѣ,

того они указываютъ на то, что содержаніе въ заключеніи такого лица—дѣло трудное и опасное... и если узникъ хитростью нашелъ бы возможность выйти на свободу, то онъ сталъ бы непремѣнно искать способовъ отомстить за свое заключеніе... если же помиловать его, то этимъ отнюдь не задушить его партіи, а напротивъ она окажется сильнѣе прежняго... если же держать его въ заключеніи и отрубить нѣсколько другихъ головъ, то все-таки у него остались бы тайные друзья, тѣмъ болѣе ему преданные, что питали бы надежду возвыситься вмѣстѣ съ нимъ и потому стали бы глухо помогать ему всѣми средствами». *Année 1632. Ed. Petitot, t. VIII, p. 208.*

жирондисты остались бы вѣрными своимъ чувствамъ, которыя были несомнѣнно великодушны, своимъ принципамъ, которые опирались на справедливость, своимъ интересамъ, которые требовали укрѣпленія республики и, въ то же время, спасенія короля. Они обладали и талантомъ и мужествомъ, необходимыми для такой роли; но и у нихъ былъ свой честолобивый расчетъ. Какъ и для монтаньяровъ, такъ и для жирондистовъ участь короля была лишь поводомъ къ преніямъ, реальнымъ же вопросомъ было управленіе республикою. Имъ казалось, что оно въ ихъ рукахъ; они желали сохранить его, а для этого надо было сохранить и популярность. Объявить «особу короля неприкосновенной и священной», по буквѣ конституціи 1791 г., это значило навлечь на себя обвиненіе въ роялизмъ, противопоставить крикамъ объ измѣнѣ и заслуженной казни, исходившимъ со стороны монтаньяровъ, нѣчто въ родѣ возвращенія къ предварительному вопросу, то есть къ вопросу о томъ, стоитъ ли еще разсуждать объ этомъ дѣлѣ. Они полагали, что придумали ловкій маневръ, предложивъ торжественную процедуру, которая смутила бы крайнихъ своею медленностью, доставила бы случай проявить краснорѣчіе, указать на стремленіе монтаньяровъ къ диктатурѣ, скрываемое подъ взрывами негодованія, дала бы удовлетвореніе толпѣ, предложивъ если не строгую кару, то эффектное зрѣлище, и позволила бы направить развязку въ сторону милосердія.

Монтаньяры безъ труда разгадали соображенія соперниковъ и не находили нужнымъ противорѣчить имъ. Они предупредили ихъ; они занимали видимо неприступное положеніе и охотно согласились на процессъ, въ которомъ будутъ судьями и пренія котораго дадутъ случай организовать «дни» и терроризовать Конвентъ. Назначена была слѣдственная коммиссія. Валазе представилъ 6 ноября докладъ, въ которомъ перечислялись обвинительные пункты противъ Людовика XVI. Майль, отъ имени законодательнаго комитета, представилъ 7-го докладъ, доказывавшій законность преданія суду. Но кто же будетъ судить? Весьма многіе изъ членовъ Конвента колебались принять на себя грозную роль судей. Петіонъ предложилъ 13 ноября, чтобы рѣшенъ былъ сперва вопросъ о законности судебного преслѣдованія. Конвентъ приступилъ къ обсужденію этого предложенія, постоянно прерываемому инцидентами засѣданій, появленіемъ депутацій и, главнымъ образомъ, болѣе спѣшными правительственными и военными дѣлами. Пренія затягивались и промедленія благопріятствовали сторонникамъ помилованія; 20-го ноября Роланъ заявилъ о находкѣ въ Тюильрійскомъ дворцѣ потайного шкафа, заключавшаго важныя документы. Въ желѣзномъ шкафѣ оказались клочки переписки Мирабо съ дворомъ и кое-что изъ бумагъ обширнаго комитета для подкуповъ, задуманнаго Мирабо и организо-

ваннаго послѣ него Бертрапомъ де-Моллевишемъ. Какъ ни отрывочны были эти бумаги, онѣ послужили подавляющимъ образомъ къ обвиненію Людовика XVI и оказались особенно бѣдственными для него, вслѣдствіе разстройства, произведеннаго въ средѣ умѣренныхъ. Подозрѣнія тѣли повсюду; они превратились въ достовѣрность и овладѣли воображеніемъ. Мирабо, измѣнникъ и продавшій себя, хотѣлъ купить всѣхъ, и всѣхъ сочли подкупными; все показалось подозрительнымъ, за исключеніемъ одного человѣка, который изъ этой язвы вѣка, продажности, и изъ этого душевнаго недуга, подозрительности, создалъ для себя родъ престижа и возвысился отнынѣ, обличая чужую подкупность и объявляя о собственномъ безкорыстіи. Это былъ дѣйствительно неподкупный Робеспьеръ.

Всѣ партіи стали искать оружія въ этихъ разрозненныхъ бумагахъ, самая безпорядочность которыхъ дѣлала еще болѣе грозными найденные отрывки. То, что нашли, дало поводъ дѣлать самыя ужасныя предположенія относительно того, что было уничтожено. Весьма немногіе изъ людей, игравшихъ роль, считали себя неуязвимыми; всѣ боялись быть вынужденными оправдываться отъ обвиненія, которое становилось еще опаснѣе отъ недостатка доказательствъ. Произошло нѣчто въ родѣ крушенія всѣхъ партій. Жирондисты низведены были на ту ступень, на которой стояли фельяны, ранѣе 20 іюня. Съ той минуты гибель Людовика была рѣшена. Прежде, для того чтобы пощадить его жизнь, достаточно было оставаться человѣчнымъ и казаться политичнымъ: это не было чрезмѣрною добродѣтелью, и большинство было способно на это. Теперь, чтобы отстаивать его, требовалось не тревожиться не только за популярность, но и за свою жизнь. Показалось прямо опаснымъ противиться преданію суду и отказываться отъ роли судьи; скоро станетъ героизмомъ заговорить о милосердіи. 3-го декабря, по почину Петіона, было вотировано, что короля будетъ судить Конвентъ. За нѣсколько дней передъ тѣмъ, Грегуаръ восклицалъ: «Толчокъ данъ... вулканъ разразится и произведетъ политическое возрожденіе міра... Что, если въ ту минуту, какъ народы собираются разбить свои цѣпи, вы обезпечите безнаказанность Людовику XVI? Европа заподозритъ въ васъ малодушіе». Война съ монархами была бы естественнымъ слѣдствіемъ преданія суду французскаго короля; завоевательная пропаганда должна была примкнуть къ факту его казни. И то и другое имѣло источникомъ одни и тѣ же соображенія; оба предпріятія вытекли одновременно изъ преній Конвента.

II.

Сосѣдніе съ Франціей народы призваны были къ освобожденію 19-го ноября. Въ то же время они узнали, что если Франція дѣлается распредѣлительницею и покровительницею свободы народовъ, то она намѣрена

удержать за собою главенство и что покровительство ея будетъ оказываемо только тѣмъ народамъ, которые обратятся на путь французской свободы. Женева представила тому знаменательное доказательство. Когда Конвентъ получилъ второй договоръ, заключенный съ женевами генераломъ Монтескю, то еще ранѣе его разсмотрѣнія декретировалъ обвиненіе этого генерала «за постыдную сдѣлку», за «преданіе женевскихъ патріотовъ въ руки военнаго деспотизма и городской аристократіи». Дипломатическій комитетъ, однако же, разсмотрѣвъ договоръ, нашель, что его можно принять и далъ себя убѣдить увѣреніями женевскаго патріота Дюмона въ томъ, что, совершая насиліе надъ «липпутской» республикой, какъ ее называли, Франція лишитъ себя добраго расположенія всей Швейцаріи и другихъ нейтральныхъ странъ. По инициативѣ Бриссо, Конвентъ вотировалъ, что французскія войска удалятся, лишь только бернцы очистятъ Женеву. Но это могло совершиться только въ томъ случаѣ, если Женева приметъ французскіе принципы и подчинится партіи, покровительствуемой Франціей. «Едва замѣтный сателлитъ обширной планеты,—сказалъ Бриссо,—она повинется ея нравственному импульсу, хотя и не входитъ въ кругъ ея политической системы. Въ ней должна совершиться революція, иначе наша революція можетъ пойти назадъ». Эта революція не должна была ограничиться Леманомъ. Келлерманъ, назначенный командующимъ альпійской арміей, явился въ Конвентъ для засвидѣтельствованія своихъ гражданскихъ чувствъ: «Мы должны,—сказалъ онъ,—нести къ сосѣднимъ народамъ стягъ свободы и скрижаль правъ человѣка... Вы направляете стопы наши къ востоку; вы повелѣваете французскимъ солдатамъ переступить за Альпы для освобожденія древняго Рима отъ ига поповъ; мы перейдемъ Альпы». Пьемонтъ стоялъ на пути; его слѣдовало революционировать. Бриссо возвѣстилъ объ этомъ 21 ноября: «Пьемонтъ долженъ быть свободнымъ; вашъ мечъ не можетъ вернуться въ ножны до тѣхъ поръ, пока всѣ подданные вашего врага не получатъ свободы, а Францію не окружить поясъ изъ республикъ».

Такіе планы волновали воображенія; Бриссо только что кончилъ свою рѣчь, какъ появилась савойская депутація и объявила Собранію о законно выраженномъ желаніи савойцевъ быть присоединенными къ Франціи. Президентомъ былъ Грегуаръ. Этотъ конституціонный епископъ отличался весьма звонкимъ проповѣдническимъ многорѣчіемъ; онъ проникнутъ былъ искреннею и туманною экзальтаціей: «Со времени возникновенія человѣческаго общества,—сказалъ онъ пророческимъ тономъ,—тираны находятся въ состояніи открытаго бунта противъ народовъ; но народы начинаютъ уже возставать цѣлыми массами, чтобы раздавить тирановъ... Наступаетъ минута, когда нелѣпая гордыня тирановъ будетъ унижена, когда торговцы

невольниками и тираны будутъ внушать одинаковое отвращеніе просвѣщенной Европѣ. Откроется новая эра... Свобода, парящая надъ всей Европой, посѣтитъ ея владѣнія, и въ этой части земного шара не будетъ ни крѣпостей, ни границъ, ни чуждыхъ другъ другу народовъ». Онъ обнялъ савойцевъ среди восторженныхъ привѣтствій всего Собранія. Закричали: «На голоса присоединеніе!» Благоразумнымъ не безъ труда удалось добиться того, чтобы отложили вотированіе до представленія доклада дипломатическаго и конституціоннаго комитетовъ.

Этотъ докладъ, въ сущности, былъ дѣломъ весьма затруднительнымъ. Грегуаръ, по выраженію Барера, произнесъ «манифестъ всѣхъ народовъ противъ монарховъ», и Конвентъ, одобряя его, выразилъ свою съ нимъ солидарность. Этимъ онъ, такъ сказать, продиктовалъ выводы доклада; тѣмъ труднѣе становилось развитіе мотивовъ. Конвентъ, дѣйствительно, не довольствовался проявленіемъ своего всевластія: онъ имѣлъ притязаніе на справедливость и разумность своихъ дѣйствій. Это пылкое и непостоянное Собраніе боготворило принципы и чувствовало потребность въ логикѣ. Послѣ принятія какого-нибудь рѣшенія подъ вліяніемъ необходимости или страсти, оно желало подвести свое рѣшеніе подъ извѣстныя міровыя истины, которыя превратили бы его въ законъ для всего человѣчества. Оно требовало отъ своихъ докладчиковъ не только изложенія своей воли, но и ея оправданія. Со времени большихъ докладовъ по авиньонскому вопросу въ Учредительномъ Собраніи, ни одному комитету не приходилось примирять такого множества противорѣчій между отвлеченными положеніями, провозглашенными всѣми, но не проанализированными и пылкими страстями, которымъ всѣ подчинялись безъ размышленія. Замыслы расширения предѣловъ, изъ которыхъ монархія сдѣлала національную традицію, разжигались у членовъ Конвента со всѣмъ жаромъ революціоннаго прозелитизма. Среди нихъ было не мало хитроумныхъ законниковъ, искусившихся въ дѣлѣ государственной діалектики, и нѣсколько богослововъ, хотя и покинувшихъ лоно церкви, но не переставшихъ быть тонкими казуистами въ политикѣ. Для тѣхъ и другихъ требовался только гибкій и растяжимый текстъ, и они уже съумѣютъ вывести изъ него оправданіе революціонному завоеванію и соблюсти демократическое приличіе. Достаточно открыть Коранъ новой эры. Они найдутъ въ немъ оракула. Отвѣтъ показался имъ способнымъ примирить все: это было прекрасное изреченіе, парящее въ воздухѣ, свѣтозарное и пустое, такъ что каждый, оживляя его своимъ дуновеніемъ, могъ заставить его летѣть по какому угодно направленію.

Руссо написалъ въ своемъ «*Общественномъ договорѣ*», въ книгѣ II: *О законодательствѣ*, глава IX: *О народѣ*: «Въ каждомъ политиче-

скомъ организмѣ заключенъ максимумъ силы, который онъ не можетъ превысить и отъ котораго онъ нерѣдко уклоняется при своемъ увеличеніи... существуютъ основанія, для расширенія границъ и существуютъ основанія для ихъ стягиванія, и требуется не малое искусство для политика, чтобы найти между тѣми и другими наиболѣе выгодное для прочности государства соотношеніе». Въ назиданіе политикамъ, та самая рука, которая запечатлѣла въ совѣсти своихъ человѣческихъ правъ, начертала на материкахъ и границы государствъ: непогрѣшимая и неограниченная властительница, природа, произнесла свой приговоръ, и человѣку остается только слѣдовать ея предписаніямъ. Руссо пишетъ въ своемъ *Трактатѣ о вѣчномъ мирѣ*: «Расположеніе европейскихъ горъ, морей и потоковъ, служащихъ границами народамъ, опредѣлило, повидимому, количество и размѣры этихъ народовъ и можно сказать, что политическое распредѣленіе этой части свѣта есть, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, дѣло самой природы». Для Франціи этими естественными границами служатъ *Альпы, Рейнъ, море, Пиренеи*. Это въ то же время и границы древней Галліи, это—предѣлы, которые вслѣдствіе смутнаго пониманія «дѣла природы» короли приписывали правамъ своей короны; это—предѣлы, у которыхъ войны прекращаютъ наступательную войну и гдѣ политики проводятъ линію, отграничивающую страну, которой они считаютъ возможнымъ управлять; это, наконецъ, предѣлы того края, гдѣ общность стремленій располагаетъ населеніе присоединиться къ Франціи и гдѣ революція, какъ бы сама собою, разлила свою пропаганду. Итакъ, вотъ законъ будущаго, и все тутъ въ порядкѣ: чистая идея, интересы и страсти. Таковъ былъ сущевственный смыслъ доклада Грегуара, если отбросить риторическія украшенія. Онъ представилъ его отъ имени законодательнаго и дипломатическаго комитетовъ Конвенту, 27-го поября.

Въ этотъ же день Бриссо писалъ Дюмуре: «Это—война на жизнь и смерть между свободой и тиранніей, между старой германской конституціей и нашей... Ни одинъ Бурбонъ не долженъ оставаться на престолѣ!.. О, любезный другъ, чего стоятъ всѣ эти столь прославленные Альберони и Ришелье? Что значать ихъ мелочные проекты въ сравненіи съ этими міровыми потрясеніями, съ этими великими переворотами, которые мы призваны совершить?.. Не станемъ болѣе, другъ мой, заниматься этими планами союзъ съ Пруссіей, съ Англіей: все это—жалкія построенія, и все это должно исчезнуть. *Novus rerum nascitur ordo!* Я скажу вамъ, что здѣсь довольно распространено слѣдующее мнѣніе: французская республика должна имѣть границею Рейнъ. Подготовлены ли у васъ умы къ такому присоединенію? Слѣдуетъ ихъ подготовить. Намъ говорятъ о депутаціи штатовъ,

она не будетъ принята. Савойя будетъ присоединена сегодня же»⁸⁾. «Новый порядокъ вещей», зарождавшійся въ 1792 г., осуществился: въ послѣдствіи весь лѣвый берегъ Рейна, Савойя и Ницца были присоединены къ Франціи, Голландія покорена, Пруссія раздавлена, Австрія укрощена, германская конституція уничтожена, Англія ослаблена, Бурбоны вычеркнуты изъ списка династій; все это мы увидимъ въ 1808 году; но этотъ порядокъ вещей былъ достигнутъ весьма страннымъ окольнымъ путемъ, котораго не могли предвидѣть люди, намѣревавшіеся вести къ этому порядку французскую революцію.

«Прежде чѣмъ дать согласіе на свободно выраженное желаніе Савойи», сказалъ Грегуаръ своимъ коллегамъ, «вы хотѣли навести справки въ архивахъ самой природы... Вотъ что дозволяетъ вамъ право, вотъ что предписываетъ вамъ долгъ въ этомъ отношеніи... Обладая верховною властью, народы могутъ и присоединяться по своему произволу; но, хотя законы природы и права человѣка принадлежать всѣмъ временамъ и странамъ, политическое единство всего міра есть химера. Народы могутъ собираться въ федеративные союзы; но такая система не пригодна для Франціи: она была бы «смертнымъ приговоромъ для французской республики». Франція не вступитъ въ федерацію съ другими народами. Въ какой же мѣрѣ можетъ она допустить другіе народы къ сліянію съ французскою республикою? *«Франція есть довлеющее себѣ цѣлое, такъ какъ природа со всѣхъ сторонъ окружила ее границами, избавляющими ее отъ необходимости расширенія; вслѣдствіе чего наши интересы вполне совпадаютъ съ нашими принципами»*. Франція, продолжалъ Грегуаръ, никого не будетъ принуждать. И такъ какъ нѣтъ власти, которая была бы выше свободы, то Франція признаетъ за другими народами всѣ права, не исключая и права выбирать себѣ господина. Она клятвенно отрелась отъ завоеваній и отъ королей! «Если народы, занимающіе территоріи, врѣзывающіяся въ нашу или заключающіяся въ предѣлахъ, указанныхъ Франціи самою природой, желаютъ политическаго къ намъ присоединенія, должны ли мы принять ихъ? Конечно, да. Отказываясь отъ разбойническихъ завоеваній, мы не объявляли, что будемъ отталкивать отъ себя населенія, которыя связаны съ нами сходствомъ принциповъ и интересовъ и которые свободно и добровольно пожелаютъ слиться съ нами. А именно таковыми оказыва-

⁸⁾ Письмо Бриссо см. у Роланъ въ *Miranda*, р. 1—4. Оно помѣчено 28-го ноября; послѣднія изъ приведенныхъ словъ показываютъ, что оно было написано 27-го. Депутаціи Брабантскихъ штатовъ, о которой упоминаетъ Бриссо, было отказано въ пріемъ 4-го декабря.—См. у Снугуетъ, *Jemappes*, р. 144 выдержки изъ брошюръ и газетъ того времени, прославлявшихъ систему присоединеній и естественныхъ границъ.

ются савойцы... Естественный порядокъ вещей былъ бы нарушенъ, если бы они не слились съ нами...» Грегуаръ не спрашивалъ себя, будутъ ли признаны міромъ эти міровыя истины; онъ не спрашивалъ себя: не поставятъ ли иностранные народы свою національную независимость выше политической свободы, какъ то дѣлали сами французы; не противопоставятъ ли они этому чисто французскому, цезарскому воззрѣнію на природу другія воззрѣнія на природу, напримѣръ: германское, русское, итальянское или испанское; не приспособятъ ли они свое старинное честолюбіе къ демократической оболочкѣ съ такою же легкостью, какъ то и случилось во Франціи; не будутъ ли столкновенія изъ-за естественныхъ правъ народовъ такими же кровавыми, какъ были конфликты изъ-за наслѣдственныхъ правъ государей; не будетъ ли обреченъ республиканскій Коранъ, какъ и Магометовъ, на то, чтобы достигнуть торжества путемъ вооруженной силы, желѣза и огня? Грегуаръ не сомнѣвался во всеобщемъ содѣйствіи народовъ: Франціи предстоитъ бороться только противъ монарховъ. Природа осудила тирановъ, республика выполнить ея приговоры. «Жребій брошенъ», сказалъ онъ въ заключеніе, «мы ступили на этотъ путь, всѣ правительства намъ враги, всѣ народы—друзья, они будутъ свободны, или мы уничтожены... Они будутъ свободны, и мечъ свободы, разрушивъ троны, опустится на главу каждаго, кто захотѣлъ бы собрать ихъ обломки».

Путь, на который указывалъ Конвенту этотъ докладъ, былъ полонъ опасныхъ неожиданностей. Тѣмъ не менѣе изъ всей этой ораторской диалектики выдѣлялась простая и свѣтлая мысль; достаточно было руководиться этою свѣтлою, неподвижною точкою, чтобы оградить себя отъ самыхъ губельныхъ заблужденій. Изъ всѣхъ выставленныхъ Грегуаромъ принциповъ одинъ этотъ былъ дѣйствительно согласенъ съ духомъ французской революціи: верховная власть народа, перенесенная въ область народнаго права, свободно выраженная воля народа, какъ единственное основаніе, единственная узда, единственное оправданіе, санкція и гарантія будущихъ завоеваній. Конвентъ примѣнилъ это начало къ савойцамъ и издалъ слѣдующій декретъ:

«Національный Конвентъ... признавъ, что весь савойскій народъ свободно выражалъ, въ общинныхъ собраніяхъ, желаніе слиться съ французскою республикой; и принявъ въ соображеніе, что природа, взаимные отношенія и интересы дѣлаютъ сліяніе выгоднымъ для обоихъ народовъ, объявляетъ, что принимаетъ предположенное сліяніе и что съ настоящей минуты Савойя составляетъ неразрывную часть французской республики».

«Это не будетъ послѣднимъ доказательствомъ уваженія Конвента къ естественнымъ стремленіямъ народовъ», сказалъ Грегуаръ. Природа становилась чѣмъ-то въ родѣ секуляризованнаго PROVIDENTIA; но философы, взывавшіе къ ней, поступали съ нею такъ же безцеремонно, какъ принято

было во все времена поступать и с небесным провидением: они обращались с нею как с покорною служанкою своей политики и подчиняли ее всяким судьбам, даже невысказываемым условиям. 4 декабря бельгийские и люксембургские депутаты явились в Конвент и просили объявить, что Франция не начнет переговоров о мире раньше формального признания безусловной независимости Бельгии и Люксембургского края. Председательствовал Барер; он смутился и ответил напыщенною речью; но озабочился умолчать о каком-либо обязательстве относительно независимости Бельгии. «Ничего надобности—заявил он,—ни в союзах, ни в договорах. Наш трактат союза и взаимной защиты начертан самой природой».

Жители Порантрюи, под влиянием пропаганды конституционного парижского епископа Гобеля, бывшего суффрагана базельского епископа, освободили себя от всякой зависимости по отношению и к этому последнему и к империи; 27-го ноября они образовали Равракскую республику и попросили содействия французских войск. Занять этот край было полезно для военных целей: равракцам оказано было покровительство, и Лебрен извещил о том 5-го декабря Конвент, который и одобрил распоряжения генералов. В это самое время в Женеве совершалась революция, возмущенная Бриссо. Бернская войска очистили город 1-го декабря; 4-го, «патриоты» организовали комитет общественной безопасности, по почину которого решением был пересмотр конституции «с целью внесения в нее философского духа *Прав человека*». 7-го декабря, Исполнительный совет получил уведомление об этом событии и поздравил себя с установлением добрых отношений между обеими республиками: братская связь между ними может лишь укрепиться вследствие счастливых изменений, только что произведенных в женевской конституции».

Женева была Лиллипутом *Общественного договора*; пропаганда могла безнаказанно заваривать там революцию. Французской республике не нужно было делать больших усилий для того, чтобы предписывать свои законы Женеве. Но не так легко было справиться с остальными швейцарскими кантонами. Франция имела основание опасаться, что вмешательство в дела Порантрюи и Женевы покажется прочим швейцарцам угрожающим их независимости. Исполнительный совет взялся их успокоить. Абсолютные принципы не знают исключений; но так как они универсальны, то должны применяться ко всем отдельным случаям, а следовательно допускают и различные толкования, смотря по месту своего применения. Лебрен написал Бартели 10-го декабря: «Значило бы неправильно понимать смысл декрета 19-го ноября, если предположить, что французская республика принимает им на себя обязательство покровительствовать вся-

кой чужеземной инсurreкции, имеющей целью добыть себе свободу». Декрет применяется во всей силе только к народам, сбрасывающим с себя ярмо тирана; он уже не так широко применяется к «народу, который свободно выработал себе конституцию и подчиняется ей». Если часть такого народа возмущается, то она напрасно стала бы рассчитывать на наше покровительство. «Мы увидим в этом частную волю, стоящую в оппозиции с общей. В наших глазах это было бы лишь мятежом, и мы не приняли бы в нем никакого участия». Бартели передал об этом швейцарцам и подтвердил свое заявление; они выслушали посланника, старались повтрить ему, так как желали только мира, и стали ждать событий для окончательного подтверждения заявлений французского посланника.

Благоразумие и осторожность были особенно необходимы в это время: республика, которой соседи грозили разломом, могла, не сегодня завтра, подвергнуться опасности монархической пропаганды, и уже несколько провинций высказывали недовольство властью Конвента. Успех доклада Грегуара отбрасывает собою апогей жирондистской, освободительной и космополитической политики. Но эта политика была казовым концом и получила только эфемерную санкцию на трибуне Конвента. Сам Грегуар в значительной мере суживал значение своих принципов; так, он подчинял волю народов контролю интересов, ограничивающих распространение этой воли пограничными с Францией территориями, входившими в состав древней Галлии. Не прошло и трех недель, как Конвент перевернул свои решения и нарушил и смысл и текст декрета 19-го ноября. Он привел к этому двумя фактами, бывшими неизбежными следствиями наступательной войны. Грегуар не принял их во внимание, жирондисты не предусмотрели, и никакие манифесты в мир не могли устранить их результатов: армия, вторгающаяся в чужие пределы, нуждается в деньгах: подвергшийся нашествию народ отказывается их ссужать; армия принуждена жить на счет страны; население не желает ни продовольствовать ее, ни давать постоя: приходится брать и то и другое силою, взимать контрибуции, требовать предметы первой необходимости.

Представители, посланные в Бельгию, с первых же шагов натолкнулись на эти затруднения. Отпор бельгийцев усиливался по мере возрастания требовательности оккупационной армии, и вся свобода, дарованная населению—проявлять свою волю,—обнаруживалась в манифестациях, направленных против завоевания. Никто не судил об этом с такою ясностью, как Дантон. Он понял, что предоставленные самим себе бельгийцы не примкнут к демократической революции и французской республике. Принципы, декретированные 19-го ноября, его мало заботили; он не стеснялся заставлять бельгийцев покоряться против воли демо-

кратической революции. Но реалист-политикъ всегда связанъ былъ въ немъ съ демагогомъ. Прежде всего онъ заботился о средствахъ для веденія войны и о добываніи этихъ средствъ на счетъ иностранцевъ: правительствъ, королей, дворянъ, духовенства, а за неимѣніемъ таковыхъ—на счетъ всѣхъ тѣхъ, кто могъ платить деньгами или натурой. Впрочемъ онъ охотно вѣрилъ, что ему удастся согласовать революцію съ реквизиціей, насильственное обращеніе покореннаго народа къ ученію его завоевателей съ принудительнымъ курсомъ бумажныхъ денегъ завоевавшаго государства въ завоеванной странѣ. Вмѣстѣ со своими коллегами онъ обсудилъ главные статьи декрета, имѣвшаго цѣлью регулировать фискальныя стороны пропаганды и финансовыя послѣдствія нашествія. Дѣло не терпѣло отлагательствъ. Камюсу поручено было отвезти проектъ Конвенту и поторопить его проведеніе. Онъ уѣхалъ въ Парижъ 10-го декабря.

Въ то самое время, какъ Дантонъ и его товарищи предлагали эти мѣры, мнѣніе, которое должно было содѣйствовать ихъ успѣху, проявилось въ Парижѣ и готовило поворотъ въ Конвентѣ. Мысль о конфискаціи бельгійскихъ богатствъ уже возникала въ умахъ. Въ особенности имѣнія духовенства казались почти неисчерпаемымъ источникомъ. «Почему,—писалъ одинъ изъ эмиссаровъ Исполнительнаго совѣта,—не захватить этихъ громадныхъ доходовъ фламандскаго суевѣрія и не увеличить ими республиканской казны?» Въ Конвентѣ, на скамьяхъ Горы и вокругъ Собранія существовала фракція положительныхъ и суровыхъ политиковъ, скорѣе соперниковъ, чѣмъ учениковъ Дантона. Эта фракція должна была направить революцію въ сторону реальныхъ требованій политики. Она будетъ преобладать въ правительствѣ III года, по уже заявляетъ о себѣ и въ 1792 г. Ея воззрѣнія высказываются въ одномъ произведеніи, современномъ докладу Грегуара, и его необходимо сопоставить съ послѣднимъ для лучшаго уразумѣнія послѣдующихъ событій. Это—отвѣтъ на соображенія Исполнительнаго совѣта, относительно требованій франкфуртскихъ жителей. «Какимъ образомъ,—спрашиваетъ анонимный публицистъ,—французы пришли во Франкфуртъ? Путемъ военныхъ дѣйствій. Кто хочетъ достигнуть цѣли, тотъ не гнушается и средствами. Конtribusi—обычная принадлежность войны. Необходимость того требуетъ, и публицистъ покоряется... Когда поднять мечъ, горе несвоевременной филантропіи, которая пыталась бы смягчить его удары! Само человѣчество рукоплещетъ тогда великимъ бѣдствіямъ... Наиболеѣ разорительная война есть и наиболеѣ гуманная, потому что она бываетъ менѣе продолжительной... Намъ говорятъ: будьте вѣрны своимъ принципамъ. Прекрасно! Вотъ они эти принципы: французы ведутъ войну съ правительствами, а не съ народами. Но кто управляетъ во Франкфуртѣ? Богачи... Принципъ требуетъ, чтобы мы освобождали, то

есть офранцуживали всю Европу... Освобождаете ли вы?—Вы не смѣете?—Хорошо! Платите, и мы васъ освободимъ. Потому что дознано, что германская конституція и французская республика не могутъ существовать совместно». Исполнительный совѣтъ рѣшилъ 8-го декабря, что депутаты, пріѣхавшіе въ Парижъ для предъявленія требованій франкфуртцевъ, будутъ задержаны какъ заложники до того времени, когда городъ выплатитъ милліонъ флориновъ и дастъ «достаточное удовлетвореніе за свою измѣну».

Мысль о ниспроверженіи германской конституціи, этого труда старой королевской дипломатіи, ея восхваляемаго, занимала первое мѣсто въ планахъ парижскихъ реформаторовъ Европы. Эта мысль неотступно преслѣдовала ихъ. Со стороны нѣмецкихъ патріотовъ она была бы вполне законною; но для французскихъ она была самою несвоевременною и безразсудною. Однако, какъ бы для постоянной путаницы и окончательнаго пораженія французской политики въ Германіи, эта мысль связывалась съ понятіемъ о естественныхъ границахъ. Эти границы еще не были достигнуты республиканскими войсками, какъ уже ихъ стали находить недостаточными. Мало было одной ограды: потребовалось еще, въ видахъ защиты этой ограды, укрѣпленіе въ видѣ федеративныхъ республикъ. Такимъ образомъ побѣда, которая должна была доставить миръ республикѣ, могла быть скрѣплена только новыми завоеваніями, то есть новыми войнами и новыми переворотами. Сторонники этой политики разжигали одинъ изъ такихъ переворотовъ въ Голландіи; они замыслили другой, боле обширный, въ Германіи; они искали повода къ третьему—въ Италіи.

Мако, продолжавшій сидѣть въ своемъ неаполитанскомъ карантинѣ, не могъ ничего дѣлать, кромѣ нелѣпостей, и онъ не упускалъ къ тому случая. Напрасно Лебрентъ, во всѣхъ своихъ депешахъ, совѣтовалъ этому посланнику сдержанность и молчаніе, Мако не соглашался на это.

Этотъ бывший дворцовый дипломатъ хвалился тѣмъ, что ему удалось разстроить замыслы бывшаго лютихскаго заговорщика, попавшаго, благодаря игрѣ революціонныхъ теченій, въ правители Франціи. Чтобы достигнуть освобожденія двухъ художниковъ, арестованныхъ въ сентябрѣ, онъ прибѣгъ къ посредничеству Берни, перешедшаго въ Римъ изъ роли посланника въ роль эмигранта. Этимъ онъ и долженъ бы ограничиться. Но, воспользовавшись приключеніемъ съ художниками, онъ предложилъ Лебренту послать въ Римъ одного изъ секретарей своей легатіи, чтобы наблюдать тамъ за интересами французской колоніи и слѣдить также за папскимъ дворомъ. Лебрентъ позволилъ, но съ условіемъ, чтобы секретарь явился туда въ качествѣ обыкновеннаго путешественника безъ малѣйшаго officialнаго характера. Въ то же время Мако потребовалъ доступа въ неаполитанскому двору; Актонъ отвѣтилъ, что республиканскіе посланники могли

бы быть приняты въ Неаполѣ, также какъ и при другихъ дворахъ. Такой отвѣтъ иронически означалъ, что Мако совсѣмъ не былъ бы принятъ. 8-го ноября онъ возобновилъ попытку и уже съ большей настойчивостью. Актопъ сообщилъ ему, что ему разрѣшено будетъ представить вѣрительныя грамоты, лишь только онъ будетъ ихъ имѣть въ надлежащей формѣ. Чтобы умѣрить его нетерпѣніе, неаполитанскій министръ отмѣнилъ мѣры, принятыя противъ французскихъ судовъ. Но тотчасъ вслѣдъ затѣмъ Мако получилъ изъ Парижа приказаніе оставить Неаполь. Опасаясь разрыва, Актопъ обнадеживалъ его новыми обѣщаніями, которыя въ сущности были только новыми увертками, и Мако, которому весьма нежелательно было покидать Неаполь, остался. Онъ узналъ, что художники, арестованные въ Римѣ, уже выпущены на свободу; но такъ какъ онъ намѣревался интриговать въ Римѣ, то послалъ туда секретаря подъ предлогомъ поблагодарить Папу.

Агентъ, на котораго палъ его выборъ, весьма мало годился для порученія самого по себѣ пустого, но требующаго, однако, такта и находчивости. Бывшій стипендіатъ семинаріи, потомъ незначительный аббатикъ и преподаватель богословія, Гюгонъ де-Бассвилъ перешелъ изъ лона церкви въ свѣтъ, промѣнявъ католическую вѣру на міеологію. Въ 1784 году онъ напечаталъ свои «*Eléments de la Fable à l'usage des deux sexes*» (Основы міеологіи для обоихъ половъ). Міеологія дала возможность попасть въ «Меркурій»; онъ сотрудничалъ въ немъ при Малле дю-Панъ, оставался въ немъ при Карра и слѣдовалъ за журналомъ во всѣхъ его превращеніяхъ. Онъ познакомился съ Лебренемъ во время путешествія; такимъ-то образомъ онъ вдругъ очутился на дипломатическомъ поприщѣ. Прибывъ въ Римъ 13-го ноября, онъ навелъ тамъ ужасъ. Пронесся слухъ, что флотъ Трюге приближается къ берегамъ. Папское правительство послало къ Семонвиллю, въ Геную, правительственнаго агента, который обѣщалъ всевозможныя уступки по всѣмъ спорнымъ статьямъ, начиная съ вопроса объ Авиньонѣ и кончая статьей, касающейся гражданскаго устройства духовенства. Бассвилъ передалъ объ этомъ и удвоилъ хвастовство, убѣжденный, что, вселяя страхъ, онъ всего достигнетъ отъ этого молоддушнаго духовенства. Онъ созвалъ французскихъ художниковъ и туристовъ, обратился къ нимъ съ рѣчью, старался ихъ экзальтировать и въ концѣ-концовъ заставилъ повѣрить, что обладаетъ широкими полномочіями и что ему извѣстны тайныя намѣренія республики. Ему удалось нагнать панику. Римляне стали укладывать свои сокровища. «Кардиналы,—писалъ Бассвилъ,—заказываютъ себѣ свѣтское платье и парики, чтобы переодѣться». Извѣстія изъ Франціи были таковы, что поддерживали эти угрозы и довершали ужасъ римлянъ.

Объ арестѣ двухъ художниковъ узнали въ Парижѣ, но не знали еще ни объ ихъ освобожденіи, ни объ умѣренности, проявленной въ этомъ случаѣ папскимъ правительствомъ. Живописецъ Давидъ довелъ дѣло до трибуны Конвента; Конвентъ затребовалъ отъ дипломатическаго комитета доклада по этому инциденту. Исполнительный совѣтъ рекомендовалъ своимъ агентамъ соблюдать осторожность, но самъ не соблюдалъ ея въ тѣхъ случаяхъ, когда Конвентъ казался возмущеннымъ. И вотъ Совѣтъ подписалъ высокопарное и угрожающее письмо, адресованное папѣ. Его составила г-жа Роланъ, которой это доставило не малое удовольствіе: «Первосвященникъ римской церкви, государь, еще владѣющій государствомъ, готовымъ отложиться отъ насъ, вы не можете болѣе сохранить за собою и государство и церковь, какъ только въ силу безкорыстнаго примѣненія тѣхъ евангельскихъ началъ, которыя наиболѣе одушевлены чистымъ демократическимъ духомъ». Г-жа Роланъ постаралась только развить знаменитое письмо Руссо къ парижекому архіепископу: «Почему необходимо, ваше высокопреосвященство, чтобы я вамъ сказалъ что-нибудь? И что есть общаго между мною и вами?» Письмо было напечатано 27 ноября. За два дня передъ этимъ, Давидъ предложилъ уничтожить бюсты Людовика XIV и Людовика XV, находившіеся въ Римѣ во дворцѣ французскаго посольства. «Предадимъ разрушенію,—сказалъ Карра Келлерману,—всѣ эти памятники высокомѣрія и рабства и низвергнемъ ихъ во прахъ вмѣстѣ съ эмблемами церковнаго гнета». Какъ разъ въ это время пришло отъ Келлермана письмо, которое и было сообщено Конвенту 29-го числа. «Граждане,—писалъ онъ—подъ вашимъ высокимъ покровительствомъ я несу древнимъ римлянамъ свободу, такъ давно изгнанную изъ-подъ этого прекраснаго неба». Прюдомъ далъ комментаріи всѣхъ этихъ манифестовъ въ своемъ журналѣ. «Галлы,—говоритъ онъ,—еще разъ предприняли походъ на Римъ... Новый Ріенци, мудрѣ перваго, ждетъ нашего прихода, чтобы явиться... Мы не нарушаемъ права народовъ, если идемъ съ цѣлю овладѣть особой первосвященника и заставить его направить путь къ Франціи на своемъ вхождѣ». Онъ явится съ повинной, конвоируемый Келлерманомъ, который повезетъ за собою «тяжелый обозъ, взятый у непріятеля, а именно Лоретскую Богоматерь со всѣми сокровищами, которыми набожные государи не переставали въ продолженіе многихъ вѣковъ украшать ее... Это было бы назидательное и достойное революціи зрѣлище: папа, напутствующій короля на ступеняхъ эшафота». Плѣнный Пій VI, отпускающій грѣхи Людовику XVI, приговоренному къ смерти—лишняя сцена и лишній персонажъ въ трагедіи. Зрѣлище, которое увидѣли нѣсколько лѣтъ спустя, было еще болѣе необыкновенно и болѣе «назидательно» для исторіи. Сокровища Лоретской Богоматери были конфискованы и папа прибылъ въ Парижъ; онъ прибылъ туда, чтобы благословить, т. III.

вить того самого солдата, который отнял у него эти сокровища, и чтобы помазать на царство императора, окруженного двором безбожников и цареубийц, цезаря, вышедшего из революции.

Лебрень написал кардиналу Целадѣ (Zelada), требуя удовлетворения; въ противномъ случаѣ республикѣ пришлось бы самой добиваться правосудія, употребивъ военную силу и внеся мечъ и пламя въ страну, гдѣ люди слишкомъ уже давно получаютъ только оскорбленія. Въ то же время онъ уполномочилъ Бассвиля оставаться въ Римѣ, рекомендуя ему быть благоразумнымъ и не ставить себя тамъ въ щекотливое положеніе. Въ сущности, ни республика не была еще опасной итальянцамъ, ни итальянцы не были страшны республикѣ. Какъ въ Римѣ, такъ и въ Неаполѣ все ограничивалось пока только одними демонстраціями. Совсѣмъ другое происходило въ Англіи, гдѣ французскія дѣла отозвались болѣе серьезными послѣдствіями.

III.

Враждебное настроеніе, проявившееся въ Англіи, было гораздо важнѣе для республики, чѣмъ вражда одного государя; это была вражда цѣлой націи. Возбужденіе англичанъ не было результатомъ министерской политики, а было проявленіемъ общественнаго мнѣнія. Это послѣднее до сихъ поръ выражалось мирнымъ настроеніемъ, сколько по склонности, столько же и по расчету. Либералы сочувствовали революціи за ея принципы и за великій примѣръ патриотизма, который обнаружили французы, сдѣлавшись свободными. Большинство же англичанъ относилось равнодушно къ волненіямъ на континентѣ; революція ослабляла флотъ французовъ, компрометировала значеніе ихъ колоній и роняла французскую торговлю. Полобный миръ былъ благопріятенъ всѣмъ въ Англіи, тогда какъ война, при запутанномъ состояніи британскихъ финансовъ, являлась никому нежелательною. Это былъ чисто англійскій взглядъ на дѣла; отъ англичанъ нельзя было ждать другого, и самая важная ошибка французовъ тогдашняго времени заключалась въ томъ, что они вообразили по нѣкоторымъ признакамъ, что писанная и словесная пропаганда могла измѣнить силою революціонной благодати то, что вырабатывалось вѣками, т. е. характеръ англійской націи и интересы британскаго государства.

Несомнѣнно, демократическая партія въ Англіи росла, но она оставалась въ ничтожномъ меньшинствѣ и производила болѣе шума, банкетовъ, тостовъ, митинговъ и адресовъ, чѣмъ дѣйствительно подготовляла дѣло революции. *Общество друзей революціи* 1688 года пило за торжество *правъ чловека*, за верховенство народа, равенство правъ Ирландіи, за торжество Франціи и посрамленіе Брауншвейга и тирановъ. Общество земледѣльцевъ

въ графствѣ Честеръ вотивовало принципъ политическаго равенства. *Общество лондонской корреспонденціи* во множествѣ распространяло *Права чловека* Томаса Пэна; оно перепечатавало старые памфлеты левеллеровъ («уравнителей») и анархическія брошюры временъ Кромвеля между прочими одну, которую якобиты присвоили себѣ въ 1743 году и которая поучала, что лишать жизни тирановъ не значитъ быть убійцами; они распространяли принципъ всеобщей подачи голосовъ, поддерживали сношенія съ парижскими якобинцами и имѣли единомышленниковъ во всѣхъ большихъ городахъ Англіи. Эти демократы называли другъ друга «гражданами» и титуловали короля Георга «первымъ сановникомъ». Въ Шеффилдѣ давались большія торжества въ честь французскихъ побѣдъ; закололи быка, публично его изжарили, съѣли, а потомъ носили трехцвѣтное знамя по улицамъ. Въ Дунди кричали: «долой акцизъ! долой короля!» и посадили дерево свободы.

Французскіе клубы ободряли и одушевляли англійскихъ республиканцевъ. Тайные агенты министерства въ Лондонѣ были не что иное, какъ эмиссары пропаганды. Они входили въ сношенія съ комитетами ирландскихъ мятежниковъ, поддерживали ихъ неопредѣленными обѣщаніями и небольшою денежною помощью. Въ Парижѣ они посылали въ преувеличенномъ видѣ сообщенія о проявленіяхъ этой агитаціи. Въ особенности въ этомъ дѣлѣ отличался плодовитымъ воображеніемъ Ноэль. По его утвержденію, броженіе все болѣе и болѣе усиливалось: виги стремились отдѣлаться отъ аристократовъ, народъ желалъ разрушить Лондонскую башню, эту англійскую бастилію. «Всѣ симптомы предсказываютъ, что революціонное движеніе не замедлитъ вспыхнуть». Какимъ образомъ могли бы усомниться въ Парижѣ въ правдивости этихъ донесеній и отвергать такую пріятную очевидность, когда депутаціи англичанъ являлись съ подтвержденіемъ рассказовъ республиканскихъ агентовъ къ рѣшеткѣ Конвента? «Французы, вы уже свободны», читаемъ мы въ одномъ изъ этихъ адресовъ. «Британцы готовятся быть свободными. Тройственный союзъ, не коронъ, а народовъ Америки, Франціи и Великобританіи дастъ свободу Европѣ и миръ вселенной». Этотъ адресъ былъ отпечатанъ и разосланъ по всѣмъ департаментамъ Франціи. То же было сдѣлано 10 ноября и съ другимъ адресомъ. 28 числа послѣдовательно появлялись передъ Конвентомъ, одна за другой, депутаціи англичанъ, шотландцевъ и ирландцевъ, проживающихъ въ Парижѣ, потомъ делегаты *Лондонскаго конституціоннаго общества*. У нихъ находятъ, — говорили они, — союзники по всему королевству: «По примѣру Франціи, революціи становятся дѣломъ легкимъ. И ничего не будетъ необычайнаго, если въ непродолжительномъ времени придутъ такіе же поздравленія въ англійскій національный Конвентъ». Гре-

гуаръ, президентъ, отвѣчалъ: «Природа и принципы сближаютъ насъ съ Англіей, Шотландіей и Ирландіей... Да раздадутся дружескіе клики въ обѣихъ республикахъ... Королевская власть въ Европѣ разрушена или испускаетъ послѣднее дыханіе на обломкахъ феодализма, и *Провозглашеніе правъ* будетъ пожирающимъ огнемъ, который испепелитъ ее. Несомнѣнно приближается тотъ моментъ, когда французы пойдутъ въ свою очередь привѣтствовать Національный Конвентъ Великобританіи». Грегуаръ провозглашаетъ это, Лебренъ пишетъ объ этомъ Шовелену. Онъ убѣжденъ, что въ его рукахъ находится мина, взрывъ которой произведетъ одновременную революцію въ Ирландіи, Шотландіи и въ Англіи, и что достаточно одной искры для того, чтобы оба острова провозгласили республику.

Это было страннымъ заблужденіемъ. Правда, Питтъ еще уклонялся отъ войны. Этотъ государственный человѣкъ, сдѣлавшійся душою коалиціи, примкнулъ къ ней позже всѣхъ. Онъ покрылъ дефицитъ, поправилъ финансы, уменьшивъ расходъ на вооруженія, подготовилъ расширеніе избирательныхъ правъ и задумалъ планъ примиренія съ Ирландіей. Война разстроила бы всю его политику. Нелегко поддающійся тревогамъ, склонный къ оптимизму и не особенно дальновидный, онъ всегда сохранялъ въ себѣ какое-то пренебреженіе, въ которое входила нѣкоторая доля лѣни, къ дипломатіи и континентальнымъ дѣламъ. Но когда онъ размышлялъ о нихъ, то онъ не останавливался на разсмотрѣніи однихъ только французскихъ дѣлъ. Онъ взвѣшивалъ послѣдствія польскаго кризиса и огромныя выгоды, которыя Россія могла бы изъ него извлечь въ случаѣ общей войны. Это для него служило лишнимъ мотивомъ сохранить свою свободу дѣйствія. «Императоръ»,—писалъ лордъ Гренвилль 7-го ноября,—долженъ чувствовать, что у него теперь есть врагъ, котораго ему слѣдуетъ истребить или который истребитъ его самого. Остальная часть имперіи выставитъ свой контингентъ, если не будетъ на столько счастлива, что подпишетъ капитуляцію о нейтралитетѣ... Сардинія и Италія будутъ защищаться, какъ могутъ, но по всей вѣроятности очень плохо. Какъ поступитъ Испанія, она и сама не знаетъ. Португалія и Голландія сдѣлаютъ все, что мы захотимъ. Мы пока ничего не предпринимаемъ».

Австрія были убѣждены, что Англія «пожелаетъ установленія республики во Франціи». Съ этой стороны ей оставалось только ждать, что «дерзкое сумасбродство французовъ» вынудитъ англичанъ измѣнить противъ воли свою политику. Это и случилось на самомъ дѣлѣ, и именно благодаря той демократической агитаціи, на которой покоились всѣ иллюзіи французскаго министерства. Ничего не было похожего между состояніемъ Франціи въ 1789 г. и состояніемъ Англіи въ 1792 году: въ Англіи не было ни банкротства, ни антагонизма между классами, ни третьяго со-

словія, вооруженнаго съ цѣлю замѣнить привилегированную аристократію; Англію не окружали сосѣди, готовые воспользоваться внутренними смутами, чтобы перейти границу и расчленивъ государство, наконецъ, и монархія ея пользовалась популярностью. «На одну личность, одушевленную мятежнымъ духомъ»,—говоритъ Маколей,—было тысяча, готовыхъ защищать законъ и конституцію цѣною собственной жизни». Послѣдующія событія доказали это. Англичанами овладѣлъ страхъ, и страхъ этотъ произвелъ у нихъ послѣдствія, совершенно отличныя отъ тѣхъ, которыя онъ породилъ у французовъ. Тогда какъ во Франціи паника, съ 1789 года, привела въ замѣшательство правительство, уронила въ общественномъ мнѣніи власть, распустила привилегированныя сословія, обратила въ бѣгство начальствующихъ и передала государство въ руки нападающихъ; въ Англіи нація спланивается и вооружается съ цѣлю укрѣпить власть и защитить конституцію. Образовались противъ «республиканцевъ и уравниателей» общества, неизмѣримо болѣе страшныя для демократіи, чѣмъ были демократическія общества по отношенію къ правительству. Pamphlet Борка послужилъ консерваторамъ пунктомъ сближенія и программой. Религіозныя убѣжденія, оскорбленные противохристіанскимъ прозелитизмомъ въ Парижѣ, присоединились къ лойялизму, а забота объ интересахъ взяла верхъ надъ всѣмъ. «Девятнадцать двадцатыхъ изъ тѣхъ, головы которыхъ укрыты были надежнымъ кровомъ и которые имѣли на плечахъ хорошее платье, сдѣлались жаркими и упорными анти-якобинцами»,—говоритъ Маколей. Репрессивныя мѣры одобрялись всѣми; въ правящихъ классахъ только и говорилось о подавленіи демократическаго духа.

Прибавьте къ этому исконное соперничество, постоянно существующее въ скрытомъ состояніи, коммерческую зависть и все еще жгучее воспоминаніе о военныхъ пораженіяхъ въ Америкѣ. Страхъ незамѣтно перешелъ въ подозрительность и ненависть къ французамъ. Въ Парижѣ обвиняли англійское золото, которымъ будто бы оплачивалось всякое возмущеніе, а въ Лондонѣ, наоборотъ, вездѣ видѣли протски французскаго золота. «О томъ, до какой степени члены оппозиціи держатъ себя на-сторожѣ,—писалъ Шовелень 17 ноября,—вамъ могутъ дать вѣрное понятіе тѣ усилія, которыя вотъ уже три дня употребляетъ Фоксъ, чтобы предупредить меня, что онъ былъ бы поставленъ въ затруднительное положеніе, если бы Конвентъ удостоилъ его титуломъ французскаго гражданина»... Англичане, развившіе чувство симпатіи къ Франціи, сдѣлали это, впрочемъ, подъ не-премѣннымъ условіемъ, что Франція останется вѣрною своей деклараціи объ отреченіи отъ завоеваній. Въ силу такой-то увѣренности *Общество друзей народа* рукоплескало побѣдѣ при Жемаппѣ; только при этомъ условіи Англія намѣревалась оставаться нейтральною. «Такъ какъ въ совѣтѣ республики

рѣшено, что мы не коснемся Голландіи,—писалъ Шовеленъ отъ 14 ноября,—вы теперь можете рассчитывать на полное бездѣйствіе англійскаго правительства и даже на благопріятное къ намъ расположеніе... Ноэль въ тотъ же день извѣщалъ: «Если не хотятъ имѣть Англію врагомъ, я полагаю, слѣдуетъ придерживаться системы дѣйствія, которую вы постоянно уподомочивали меня заявлять здѣсь; я разумѣю твердое рѣшеніе не вмѣшиваться во внутреннее управленіе народовъ, противъ которыхъ мы ничего не можемъ имѣть». Относительно этого пункта, бывшаго самымъ существеннымъ, существовало полное согласіе между англійскимъ кабинетомъ и націей, и почти можно сказать, не было разницы и въ мнѣніяхъ между партіями.

Исполнительному Совѣту это было не безызвѣстно. Корреспонденціи, обманчивыя во многихъ отношеніяхъ, не оставляли никакого самообольщенія на счетъ этой статьи. Но такъ какъ ни Шовеленъ, ни Ноэль не имѣли доступа къ англійскимъ министрамъ, и они говорили только понаслышкѣ, Совѣтъ хотѣлъ, во избѣжаніе всякихъ сомнѣній, употребить въ дѣло новаго агента. Выборъ палъ на Маре, который отличался хорошими манерами, велъ себя съ тактомъ въ Бельгіи и потому могъ рассчитывать, что добьется доступа, по крайней мѣрѣ не гласнаго, къ Гренвиллю и Питту. Онъ прибылъ 10 ноября и представился въ качествѣ путешественника, говоря, что пріѣхалъ за госпожей Жанлисъ и ея воспитанницей, юной принцессой Орлеанской.

Обстоятельства становились критическими. Голландія, чувствуя себя угрожаемой, требовала, въ силу трактатовъ, помощи у англичанъ. «Какъ ни тяжело видѣть эту страну втянутой въ войну,—писалъ Питтъ,—но мнѣ кажется колебаться нельзя... Лордъ Оклендъ, посланникъ въ Гагъ, объявилъ генеральнымъ штатамъ, что они могутъ рассчитывать на союзъ съ Англіей. Въ то же время и въ первый разъ англійскій кабинетъ старался завязать съ континентальными государствами одну изъ тѣхъ бесѣдъ о французскихъ дѣлахъ, отъ которыхъ онъ до сихъ поръ уклонялся. Лордъ Гренвилль писалъ въ Вѣну и Берлинъ, что «настоящій кризисъ слишкомъ важенъ для общихъ интересовъ Европы», чтобы англійскій кабинетъ не пожелалъ «войти откровеннымъ и безусловнымъ образомъ въ конфиденціальныя сношенія по этому предмету» съ австрійскимъ и прусскимъ дворами. Впрочемъ, онъ это дѣлалъ не столько съ цѣлію положить основаніе союзу, сколько для того, чтобы изыскать способы къ посредничеству, которое прекратило бы войну, остановило бы французскія завоеванія, предоставило бы этой странѣ истощать свои силы въ внутреннихъ смутахъ и предупредило бы, на Востокъ и въ Польшѣ, замыслы Россіи. Въ такомъ же смыслѣ онъ писалъ и въ Мадридъ. Узнавъ объ этихъ

дѣлахъ, Шовеленъ просилъ у него 19-го ноября свиданія. Ноэль просилъ его о томъ же. Официальный посредникъ, чрезъ котораго переговаривались объ этихъ встрѣчахъ, поставилъ условіемъ, чтобы Ноэль предварительно посоветовался съ Дюмурье. Ноэль отправился въ Бельгію, и Маре писалъ, отъ 21 ноября, Лебрену: «Если бы Дюмурье напалъ на Мاستрихтъ, какъ онъ мнѣ о томъ говорилъ, тогда завѣренія, данныя нашими агентами, показались бы поступкомъ поистинѣ слишкомъ развязнымъ».

Декретъ 16-го ноября о свободномъ судоходствѣ по Шельдѣ и другой декретъ объ освобожденіи народовъ подтвердили опасенія публики и измѣнили намѣренія англійскаго правительства. Неодолимая сила взвела Кабинетъ къ войнѣ. Провозгласивъ ее назадъ тому мѣсяцъ, онъ вызвалъ бы манифестации со стороны демократовъ; продолжалъ оставаться въ бездѣйствіи, онъ заслужилъ бы упреки консерваторовъ и лишился бы поддержки огромной части населенія, для которой, въ каждомъ подобномъ кризисѣ, важны только британскіе интересы.

«Декретъ Конвента и нападеніе на Нидерланды вынудили Питта взяться за оружіе,—говоритъ либеральнѣйшій изъ современныхъ историковъ англійскаго народа (Greeen);—Англія не могла видѣть французскій флотъ предъ Антверпеномъ, ни оставить безъ помощи своей союзницы, Голландіи. Но раньше, чѣмъ приступить къ враждебнымъ мѣрамъ, лондонскій кабинетъ рѣшился на шагъ, который, безъ сомнѣнія, ему не дешево стоилъ. 28-го ноября Шовеленъ получилъ записку отъ лорда Гренвилля, приглашающую его придти переговорить съ нимъ на другой день, 29-го ноября. На этомъ свиданіи Шовеленъ велъ себя высокомерно и торжественно; онъ безтактно настаивалъ на пунктахъ этикета, тогда какъ лордъ Гренвилль прямо объявилъ, что подобные вопросы никогда не останавливали Англію «въ виду достиженія успокоительныхъ и выгодныхъ для обеихъ странъ заявленій». Гренвилль хотѣлъ назвать Исполнительный совѣтъ «Правительствомъ, установленнымъ въ Парижѣ». Шовеленъ подхватилъ выраженіе и разразился цѣлой рѣчью на эту тему. Гренвилль далъ волю ему поговориться, и когда тотъ кончилъ, сказалъ: «Пусть будетъ такъ, я назову его «правительство Франціи», и онъ пожелалъ узнать о намѣреніяхъ этого французскаго правительства на счетъ Бельгіи. «Начала французскаго правительства непреложны какъ вѣчный разумъ»,—отвѣчалъ Шовеленъ. Гренвилль потребовалъ разъясненія. Шовеленъ сталъ утверждать, что виды Исполнительнаго совѣта на Бельгію были самые чистые, и что они не могутъ измѣниться. Онъ ручался, что республика одушевлена желаніемъ жить въ добромъ согласіи съ Англіей. «Что касается французовъ,—прибавилъ онъ,—то самой тягостной для нихъ была бы мысль о войнѣ съ Англіей». Если

это случится, то по винѣ французовъ,—возразилъ Гренвилль. — Впрочемъ, можетъ быть, черезъ нѣсколько дней вы будете имѣть сообщить мнѣ нѣчто болѣе. Я буду радъ видѣть васъ тогда, да и всякій разъ, какъ вы только этого пожелаете». Изъ этой бесѣды Шовеленъ заключилъ, что англійскій министръ боялся разрыва. Такое же впечатлѣніе вынесъ и Маре изъ встрѣчи въ то же время съ однимъ изъ горячихъ членовъ парламентской оппозиціи, Вильямомъ Смитомъ. «Готовность сблизиться съ нами очевидна,—писалъ онъ 29-го ноября.—Все доказываетъ безпокойство англійскаго министерства, которое оно даже не можетъ скрыть; все говоритъ о томъ, что Питтъ очень далекъ отъ враждебныхъ плановъ...»

Рѣши французскихъ агентовъ не были ни достаточно ясны, ни достаточно авторитетны для того, чтобы Англія позволила застать себя врасплохъ ¹⁾. Совѣтъ министровъ собрался 30-го ноября. Королевская прокламація оповѣстила, 1-го декабря, о созывѣ парламента на 13-е число и объ усиленіи сухопутныхъ и морскихъ силъ, а также и о призывѣ милиціи. На другой день Питтъ имѣлъ свиданіе съ Маре, устроенное черезъ посредничество Мильса. «Республиканская Франція,—сказалъ Маре,—желаетъ видѣть въ Англіи не соперницу, а друга». Питтъ выразилъ сожалѣніе относительно естественнаго охлажденія, которое замѣчается между обѣими странами; онъ настаивалъ на желаніи Англіи избѣжать войны и на рѣшеніи взяться за оружіе, если Голландія будетъ атакована. Маре протестовалъ, завѣряя, что Исполнительный совѣтъ совѣтъ не думаетъ нападать на голландцевъ, и что декретъ 19-го ноября никоимъ образомъ не примѣняется къ Англіи. Свиданіе кончилось обоюднымъ выраженіемъ готовности къ соглашенію, и Питтъ увѣрялъ, что если ему пришлютъ агента, пользующагося авторитетомъ, онъ готовъ его выслушать и вести съ нимъ дружескіе и искренніе переговоры.

«Если возможно,—писалъ Маре, отдавая отчетъ объ этомъ разговорѣ,—истолковать декретъ 19-го ноября въ томъ смыслѣ, что онъ касается только тѣхъ правительствъ, съ которыми мы находимся въ войнѣ, вы увидѣли бы, что многія недоразумѣнія были бы устранены».

Эти совѣты, подкрѣпленные извѣстіемъ объ англійскихъ вооруженіяхъ, были такого свойства, что невольно заставили призадуматься Исполнительный совѣтъ. Съ той же почтой онъ получилъ документъ, который долженъ бы подѣйствовать на него еще сильнѣе. Талейранъ жилъ въ Лондонѣ очень уединенно. У него было мало охоты витать въ пустомъ пространствѣ и говорить, когда его не слушали. Однако, онъ счелъ своимъ долгомъ собрать и изложить свои мысли о кризисѣ, который, по его мнѣ-

¹⁾ «Мы можемъ сохранить миръ только тогда, когда будемъ готовы къ войнѣ», Питтъ Дундасу, 4 дек. Станноре, t, II, p. 174.

нію, надвигался на политическій горизонтъ. Онъ это сдѣлалъ въ своемъ *Мемуарѣ о современныхъ отношеніяхъ Франціи къ другимъ государствамъ Европы*, который и послалъ 25-го ноября 1792 г. Лебрену. Общая война, страшная война, сопровождаемая ниспроверженіями и завоеваніями, не разошлась еще по Европѣ; Талейранъ предвидѣлъ ея приближеніе и спрашивалъ себя: какой цѣной можно бы ее избѣжать, и предлагалъ начать съ того, чѣмъ она неизбежно должна была кончиться ²⁾.

Политика, приличествующая свободному народу съ республиканскимъ образомъ правленія, — говоритъ онъ, — совсѣмъ не та, которая приличествуетъ абсолютнымъ монархіямъ. Франція не должна болѣе гоняться за первенствомъ (primatie), которое прежнія доктрины навязывали ей честолюбію. Истинное богатство состоитъ въ выгодномъ употребленіи собственныхъ сокровищъ; истинное первенство заключается отнынѣ въ томъ, «чтобы быть господиномъ у себя и никогда не имѣть смѣшной и пагубной претензіи быть имъ у другихъ». Завоеванія не иное что, какъ узурпаціи при помощи силы и ловкости, ошибочные расчеты власти. Нѣтъ ничего болѣе противнаго законамъ и современнымъ обычаямъ Франціи какъ политическая система союзовъ, направленная къ расширенію, завоеванію и политическому господству. Эти «домашнія сдѣлки между государями» суть «заговоры противъ народовъ». Франція можетъ желать союзовъ только въ виду «ускоренія полнаго развитія великой системы освобожденія народовъ». «Въ этомъ, и только въ этомъ долженъ состоять единственный объективъ ея настоящей политики, потому что въ немъ сосредоточенъ истинный принципъ общихъ и непреложныхъ интересовъ человѣческаго рода». «Территорія французской республики достаточно велика для ея населенія и для обширѣйшихъ промышленныхъ предпріятій, которыя призываетъ къ жизни духъ свободы... Эта территория не могла бы быть расширена безъ опасности для благосостоянія, какъ природныхъ, такъ и новыхъ гражданъ Франціи... Должно откровенно отбросить всѣ эти проекты присоединеній, которыя предлагаются признательной услужливостью или преданностью, болѣе пылкой, чѣмъ просвѣщенной; слѣдуетъ убѣдиться, что согласіе со стороны Франціи, не принося ей ни чести, ни выгоды вначалѣ, и навлекая опасность впоследствии, явилось бы нарушеніемъ того славнаго и торжественнаго ея отреченія, въ искренность котораго Европа вполнѣ вѣрить.

²⁾ Текстъ этой записки въ первый разъ напечатанъ ROBINET, *Danton émigré*, p. 243, и позже PALLAIN, *Le ministère de Talleyrand sous le Directoire*, Paris, 1891, p. XLII. *Sur le rapport des vues de Talleyrand en 1792 avec ses vues en 1814 et en 1830*, см. *Talleyrand au congrès de Vienne, Essais de critique et d'histoire*, Paris, 1833. PALLAIN, *Ambassade de Talleyrand à Londres, 1830—1834*, Paris, 1891.

Слѣдовательно, Франція должна оставаться заключенной въ собственныхъ границахъ: ее обязываютъ къ тому ея слава, справедливость, ея разумъ, ея интересъ и интересы тѣхъ, которые, благодаря ей, приобретутъ свободу». Она войдетъ въ союзъ съ этими народами не съ тѣмъ, чтобы воспользоваться ихъ помощью, а съ тѣмъ, чтобы оказать имъ свою. Въ этой новой федеративной системѣ она найдетъ вознагражденіе за свою умѣренность. Возвративъ свободу савойцамъ, бельгійцамъ, лютихцамъ и проч., Франція заключитъ съ этими народами торжественные братскіе договоры, въ которыхъ интересы взаимной обороны будутъ установлены пенарушимымъ образомъ и въ которыхъ новые источники для торговли и промышленности будутъ щедро предоставлены въ распоряженіе всего человеческого рода». Съ другими государствами можно заключить только временныя конвенціи по политическимъ и торговымъ вопросамъ, которые могутъ возникнуть, смотря по обстоятельствамъ, напримѣръ, съ Пруссіей или съ Турціей. Англія и Франція, дѣйствуя такимъ образомъ, могутъ создать для сбыта своихъ произведеній обширные рынки. Талейранъ намѣчалъ для дѣятельности двухъ соединенныхъ націй политическое освобожденіе и коммерческую эксплуатацію испанской Америки. Онъ заключалъ слѣдующимъ глубокимъ размышленіемъ: «Послѣ революціи, необходимо открыть новыя пути для промышленности, необходимо дать исходъ всѣмъ страстямъ. Подобное предпріятіе совмѣщаетъ въ себѣ всѣ возможныя выгоды».

Мемуаръ Талейрана полученъ былъ Лебренемъ въ то время, когда онъ только что составилъ, по поводу Шельды, обширный докладъ о свободѣ рѣкъ и морей. Онъ говоритъ въ немъ, что если бельгійцы, припущенные и ослабленные, допустили лишиться себя естественныхъ правъ, то «нація, защищающая свою собственную свободу, будетъ настолько мужественна, чтобы возвратить имъ ихъ свободу, и настолько великодушна, чтобы помочь имъ возвратить все то, что имъ принадлежитъ, согласно непреложнымъ законамъ общей міровой справедливости». Другими словами, это значило: война противъ голландцевъ, если они будутъ упорствовать, и, какъ слѣдствіе,—революція въ Англіи, если англійское министерство будетъ настаивать на своей связи съ Голландіей въ силу трактатовъ. Въ тотъ самый день, когда онъ подписалъ эту воинственную депешу, Лебренъ получилъ отъ посланника въ Гагъ, Молда, извѣщеніе, что 21-го числа главный пенсіонарій приглашалъ его къ себѣ и сказалъ: «Я вамъ говорю отъ имени этого государства и Англіи, вашихъ истинныхъ друзей, которые вамъ предлагаютъ почетный и прочный миръ. Согласитесь на наше общее посредничество. Предъявите основанія: я вижу изъ нихъ одно—это признаніе вашей новой конституціи. Какъ посредники, мы ее признаемъ. Чего вы еще хотите? Вы не ищете завоеваній? Въ этомъ случаѣ мы съ вами и будемъ

врагами тѣхъ, кто стремится къ нимъ». Это предложеніе казалось очень важнымъ. Оставалось только узнать, былъ ли уполномоченъ сдѣлать его главный пенсіонарій. Донесенія Шовелена и Маре объ ихъ разговорахъ съ Гренвиллемъ и Питтомъ не оставляли никакого сомнѣнія на этотъ счетъ. Записка Талейрана представила рѣшающіе мотивы для присоединенія къ этому предложенію. Всѣ эти корреспонденціи 5-го декабря были уже въ Парижѣ, и министры въ тотъ же день приняли слѣдующее рѣшеніе: «Совѣтъ, не оставляя проекта объ оказаніи содѣйствія революціи вступленіемъ французскихъ войскъ въ Голландію, постановляетъ, что въ данномъ случаѣ надлежитъ прежде всего направить всѣ усилія республики противъ враговъ, которые первые напали на нея, продолжать преслѣдовать австрійцевъ и отбросить ихъ за Рейнъ, согласно рапѣ принятому плану». Намъ извѣдомили объ этомъ Дюмуре 6-го декабря; 7-го числа Совѣтъ рѣшилъ озаботиться укрѣпленіемъ Антверпена, но вмѣстѣ съ тѣмъ объявилъ, что при этомъ онъ не преслѣдуетъ никакой цѣли, кромѣ огражденія свободы бельгійцевъ; эта мѣра не заключаетъ въ себѣ никакого акта завоеванія, какъ противнаго началамъ, которыхъ держится республика.

Талейранъ навлекъ на себя подозрѣніе по дѣлу о бумагахъ желѣзнаго шкафа; Конвентъ рѣшилъ привлечь его къ отвѣтственности. Лебренъ велѣлъ составить для его защиты статью, въ которой говорилось о «мемуарѣ», только что присланномъ изъ Лондона, и «всѣ взгляды котораго основаны на самыхъ чистыхъ принципахъ революціи». Благоразуміе, вѣвшее надъ Исполнительнымъ совѣтомъ, оказалось однако не въ силахъ разсѣять господствовавшія въ немъ подозрѣнія; Совѣтъ выбралъ для веденія переговоровъ съ Питтомъ Шовелена, несмотря на то, что англійскій министръ, прося прислать авторитетное лицо, когда Шовеленъ былъ въ Лондонѣ, тѣмъ самымъ въ достаточной мѣрѣ обнаружилъ свое недовѣріе къ нему. Совѣтъ сдѣлалъ этотъ выборъ подъ влияніемъ двухъ, одинаково неpoliticalныхъ мотивовъ, во-первыхъ, потому, что Шовеленъ, благодаря именно безтактной, но крикливой заносчивости, приобрѣлъ родъ популярности среди парижскихъ клубовъ; и, во-вторыхъ, потому, что Совѣтъ хотѣлъ дать почувствовать Питту «неприличіе тайнаго подхода, коль скоро дѣло шло о предметахъ такой высокой важности, какъ принципы, долженствующіе сдѣлаться современемъ достояніемъ всѣхъ просвѣщенныхъ націй».

Инструкціи Шовелену, намѣченныя 9-го декабря, говорили, что декретъ 19-го ноября примѣняется только къ правительствамъ, находящимся въ войнѣ съ Франціей: Конвентъ не обѣщалъ безграничной поддержки каждому возмущенію въ нейтральныхъ странахъ. «Но,—прибавляетъ Лебренъ,—когда какой-нибудь народъ, поработенный деспотомъ, возымѣетъ мужество разбить оковы... когда этотъ народъ... устроится такимъ образомъ, что ясно

формулируетъ выраженіе общей воли; когда эта общая воля призываетъ братскую помощь французской націи,—тогда декретъ 19-го ноябрю найдеть примѣненіе до такой степени естественное, что мы сомнѣваемся, чтобы оно показалось кому-либо подозрительнымъ». Сами по себѣ эти положенія ничего не заключали въ себѣ поваго. Прежній режимъ не иначе поступалъ въ дѣлѣ революцій, вмѣшательства и признаній новыхъ государствъ. Но прежній режимъ не изощрялся, не догматизировалъ публичнаго права; въ политикѣ онъ видѣлъ только интересъ. Англія не заботилась ни о естественномъ правѣ голландскаго народа, ни о «всеобщей справедливости», которая будто бы предоставляетъ бельгійцамъ свободное судоходство по Шельдѣ. Англія требовала, чтобы французы не эксплуатировали въ свою пользу Антверпенскаго порта. Шовелену было приказано заявить, что въ дѣлѣ Шельды Франція не сдѣлаетъ никакой уступки. Что же касается до Голландіи, Франція не будетъ вмѣшиваться въ ея дѣла; она требовала, чтобы и Англія также не вмѣшивалась и «не выпуждала Францію охранять конституцію, которую она находитъ отжившей и гибельной для самой страны». Гарантіи, данныя Англіей и Пруссіей голландскому правительству, казались Лебрену актами совершенно призрачными и явными нарушеніями правъ государства. «Мы ихъ находимъ исполнѣ не дѣйствительными и какъ бы никогда не существовавшими». Республика въ свою очередь не могла ожидать, чтобы европейскія правительства признали гарантіи, которыя Конвентъ своимъ декретомъ 19-го ноября предоставлялъ освобожденнымъ народамъ подъ покровительствомъ Франціи, и вотъ почему переговоры Шовелена не могли увѣнчаться успѣхомъ.

Исполнительный совѣтъ дѣйствовалъ съ полною искренностью. Дюмурье получилъ приказъ оставить Голландію въ покоѣ и расположиться на зимнія квартиры. Но эти распоряженія хранились въ секретѣ; они были отрицательнаго свойства, и въ глазахъ англичанъ не устраняли того, что было тревожнаго въ манифестахъ Конвента и поступкахъ французскихъ комиссаровъ въ Бельгіи, въ двусмысленности заявленій и непослѣдовательности образа дѣйствій министерства и ненадежности власти самого Конвента. 6-го числа Гренвилль имѣлъ свиданіе съ австрійскимъ посланникомъ Штадіономъ; онъ выразилъ желаніе сблизиться съ континентальными державами и объясниться откровенно «о положеніи дѣлъ». Фоксъ предусматривалъ на горизонтѣ войну, которая приводила его въ отчаяніе. Онъ встрѣтилъ Шовелена въ обществѣ Шеридана. «Слѣдовательно, возстаніе какихъ-нибудь тысячи человекъ въ Ирландіи было бы достаточнымъ мотивомъ для нападенія»,—замѣтилъ онъ по поводу декрета 19 ноября; и онъ прибавилъ: «Мы не желаемъ войны изъ-за Шельды; но въ то же время заявляемъ, что мы будемъ заодно съ министерствомъ, и увѣрены, что девять деся-

тыхъ жителей Соединенныхъ Королевствъ примутъ участіе въ отраженіи французскаго вмѣшательства въ наши внутреннія дѣла. Мы съумѣли сами дать имъ примѣръ революціи... Мы съумѣемъ также, при помощи нашихъ собственныхъ силъ, улучшить наше правительство и расширить нашу свободу.

Въ такомъ духѣ высказывался въ Англіи одинъ изъ самыхъ искреннихъ друзей новой Франціи и одинъ изъ самыхъ рѣшительныхъ противниковъ войны. Въ парламентѣ они были въ меньшинствѣ, и страсти публики возмущались уже противъ нихъ за ихъ снисходительность къ французамъ. Засѣданіе парламента открылось 13 декабря. Королевская тропная рѣчь упоминала о мѣрахъ предосторожности, которыя были приняты; она выражала желаніе, чтобы миръ былъ сохраненъ; далѣе дѣлался намекъ о замыслахъ, возникшихъ при поддержкѣ нѣсколькихъ иностранцевъ съ цѣлью попытаться «разрушить нашу счастливую конституцію и ниспровергнуть всякій порядокъ и всякое правительство». Король прибавилъ слѣдующія знаменательныя слова: «Я воздержался отъ всякаго вмѣшательства во внутреннія дѣла Франціи; но мнѣ нельзя не видѣть безъ скрытой тревоги сильнаго увеличенія признаковъ, которые указываютъ на желаніе возбуждать безпорядки въ чужихъ государствахъ, не обращая вниманія на права нейтральныхъ державъ и преслѣдуя завоевательныя цѣли». Обсужденія адреса начались въ тотъ же день. Фоксъ выступилъ противъ воинственныхъ мѣръ. Поводомъ къ войнѣ нѣтъ,—сказалъ онъ,—дѣло о Шельдѣ было улажено еще при жизни Іосифа II; оно можетъ уладиться снова. «Какое намъ дѣло, что сосудъ съ муромъ разбитъ и реймскій елей не помазалъ членовъ Исполнительнаго совѣта?» Говорятъ объ опасности, которой грозитъ французская революція Европѣ; успѣхъ союзниковъ былъ бы «не только паденіемъ свободы во Франціи, но паденіемъ также и австрійской свободы, паденіемъ общечеловѣческой свободы». Боркъ отвѣчаетъ одной изъ самыхъ ядовитыхъ своихъ выходокъ. Виндгамъ, расходясь съ Фоксомъ, выставилъ только политическія причины, но сдѣлалъ это съ желчною язвительностью. «Если бы Франція исполнила обѣщаніе отрѣшиться отъ всякихъ завоеваній, она не вооружила бы противъ себя націи; но не въ привычкахъ французовъ держать свое слово. Ихъ замыселъ—унизить нашу страну». Онъ указывалъ, что французы захватили Савойю, терзаютъ Женеву, угрожаютъ папѣ, готовятъ высадку и революцію въ Англіи. Дундасъ изложилъ взгляды правительства: «что касается войны, молю Бога, чтобы Онъ насъ отъ нея предохранилъ; но она неизбежна, если французы откроютъ Шельду, ибо трактаты нашей страны съ Голландіей обязываютъ насъ охранять ея особливое право на эту рѣку». Поправка къ адресу, предложенная Фоксомъ въ его рѣчи, была отвергнута 290 голосами противъ 50.

На другой день, 14-го декабря, Фокс возобновил попытку и развил новую поправку, приглашая кабинет употребить допускаемая чувством собственного достоинства усилия, дабы избѣжать войны. Онъ напомнилъ прежніе случаи, въ которыхъ Англія не была столь несговорчива и которыми она не очень любитъ гордиться: «Развѣ она не сама признала республику Соединенныхъ Штатовъ? Развѣ республика Кромвеля не была признана континентальными монархіями, несмотря на казнь Карла I, казнь, правда, менѣе несправедливую,—прибавилъ Фокс,—чѣмъ та, которая, угрожаетъ несчастному французскому королю». Шериданъ поддержалъ предложеніе. Боркъ выступилъ противъ. «Ссылаются—сказалъ онъ—на Америку и Кромвеля; но англійская революція при Кромвелѣ не была «сумасшедшей», копульсіи которой грозили бы всѣмъ европейскимъ престоломъ; она не произносила кощунственной и безсмысленной присяги—превратить всѣ христіанскія государства въ республики; она не объявляла войны всѣмъ монархамъ; она не создавала миссіонерской семинаріи, чтобы разсыпать новыхъ апостоловъ проповѣдывать міру дурныя ученія. Америка не была повинна въ преступномъ оскорбленіи божества и человѣчества. Но Франція! Франція! Она не останется въ покоѣ до тѣхъ поръ, пока вся вселенная не сдѣлается республикой. Съ мечомъ въ рукѣ, подобно Магомету, она стремится силою заставить всѣ націи признать *декларацию правъ человека*. Завладѣвъ Шельдой, Маасомъ, Рейпомъ, она потрясетъ древніе устои германской имперіи и будетъ грозою для всей Европы». Предложеніе Фокса было еще разъ отвергнуто. Палата приняла министерскій адресъ.

15-го числа Фокс потребовалъ назначенія въ Парижъ посланника. Поднялись шумные протесты. «Какой позоръ!—воскликнулъ одинъ депутатъ, неужели мы спустимся до такой степени низости, что первые санкціонируемъ преступленія разбойниковъ и воровъ, признавая то, что имъ угодно называть ихъ республикой?» Дженкинсонъ (Jenkinson), будущій лордъ Ливерпуль, указалъ на завоевательный духъ французовъ: «Конвентъ стремится къ учрежденію всемірной республики, какъ Людовикъ XIV стремился къ основанію всемірной монархіи. Франція—наша естественная соперница, при республикѣ еще болѣе, чѣмъ при монархіи. Менѣе извѣстно, на чемъ остановится народъ, чѣмъ гдѣ остановится король. Палата приступила къ голосованію, и проектъ Фокса былъ отвергнутъ. Этому мужественному оратору ничего болѣе не оставалось, какъ объявить публично распаденіе его партіи и потерю ея вліянія.

Съ этихъ поръ министерство стало обнаруживать менѣе склонности къ переговорамъ. Маре видѣлъ Питта вечеромъ 14-го декабря и сообщилъ ему, что Исполнительный совѣтъ назначилъ для переговоровъ Шовелена. Питтъ перемѣнилъ разговоръ и ясно далъ понять Маре, «что онъ болѣе не упол-

номоченъ сказать ему хотя бы одно слово о государственныхъ дѣлахъ». Черезъ нѣсколько дней Маре снова уѣхалъ въ Парижъ. Ноэль, вернувшійся изъ Бельгіи, имѣлъ разговоръ съ Вильямомъ Смитомъ и убѣдился, что нападеніе со стороны Франціи прекратило бы въ Англіи всѣ партійныя несогласія. «Общественное мнѣніе будетъ въ такомъ случаѣ единодушно—сказалъ ему англійскій демократъ. Никогда кабинетъ не приметъ Шовелена. Почему вы отказываетесь отъ секретныхъ предложеній? Такъ иногда велись дѣла первостепенной важности. Ничего нѣтъ безпадежнаго, пока Англія не связана обязательствомъ; по разъ она обяжется, она будетъ замочнымъ камнемъ въ сводѣ, цементомъ коалиціи. Свобода восторжествуетъ, но цѣною какихъ страшныхъ междоусобицъ». —«Мы разстались,—писалъ Ноэль,—Смитъ въ возбужденномъ состояніи, доходившемъ почти до бреда, а я съ великою грустью... Ради отечества, гражданъ..., откажитесь чистосердечно отъ вашего послѣдняго рѣшенія...» Милль далъ многочисленныя доказательства своего рвенія въ пользу Франціи; его письма подтверждали извѣстія, которыя сообщали агенты. Не надо воображать,—писалъ онъ Лебрену,—что англійскій народъ готовъ возстать или что онъ желаетъ войны; по война будетъ объявлена, если Франція нападетъ на Голландію. Для чего порывать переговоры, начатыя Маре? Надо было воспользоваться ими и показать себя удовлетворенными.

Соображенія объ участи Людовика XVI занимали въ корреспонденціи Бургоана болѣе мѣста, чѣмъ сама испанская политика. Годой, достигнувъ власти, далъ все, чего отъ него ожидали—непослѣдовательность въ дѣйствіяхъ, двуличность въ рѣчахъ, малодушіе характера. «Испанія,—говорилъ онъ русскому послу,—поддержитъ успія, направленныя на доброе дѣло, какъ она это дѣлала до сихъ поръ. Но она не въ состояніи дѣйствовать самостоятельно: ей недостаетъ войска; кромѣ того, она сосѣдка Франціи. Бургоанъ въ то же время писалъ: «Онъ мнѣ повторилъ увѣренія въ своихъ миролюбивыхъ чувствахъ и доказательствомъ этого выставилъ приказаніе, данное съ цѣлью остановить движеніе многихъ полковъ къ границѣ». Но Годой не хотѣлъ деклараціи о нейтралитетѣ. Его удерживало безпокойство Карла IV за жизнь своего кузена и боязнь публично разоружиться передъ угрозою царевубійства. Лебренъ сообразилъ все это и уполномочилъ Бургоана попытаться дать нѣсколько конфиденціальныхъ обѣщаній по этому, «очень щекотливому», предмету. «Мнѣ кажется невозможнымъ избѣжать, чтобы вышеупомянутый король не былъ преданъ суду; вся нація готова этого требовать. Слѣдовательно, судъ неизбеженъ. Что касается исхода этого суда, я полагаю, что нація расположена въ этомъ случаѣ дать великій примѣръ милосердія и великодушія». Онъ прибавилъ, совѣтуя Бургоану при этомъ случаѣ соблюдать всевоз-

возможные оттенки приличия: «Когда герцогъ д'Алкудіа доставитъ вамъ случай коснуться этого предмета, мнѣ казалось бы полезнымъ не указывать рѣшительно на возможность снисхожденія націи, но поставить его въ зависимость отъ поведенія Испаніи относительно насъ, стараясь внушить герцогу мысль, что одно должно, такъ сказать, обусловливаться другимъ».

По полученіи этой депеши, Бургоанъ просилъ свиданія у Годоя, которое 10-го числа и состоялось. О Людовикѣ XVI онъ выражался обиняками, темно, тогда какъ о деклараціи, о нейтралитетѣ—съ настойчивостью. Годой понялъ. «Судьба вашего короля меня глубоко трогаетъ. — сказалъ онъ Бургоану 13-го декабря.—Если вы пощадите его жизнь, его присутствіе вамъ покажется стѣнительнымъ», и онъ предложилъ дать ему убѣжище въ Испаніи. Бургоанъ ничего не отвѣтилъ на это предложеніе; но спустя нѣсколько дней узналъ, что подкрѣпленія были посланы въ каталонскую армію. Онъ «горько» на это жаловался и грозилъ удалиться, если не получитъ удовлетворительнаго объясненія. «Это простое недоразумѣніе»,—возразилъ Годой, и показалъ ему нѣсколько проектовъ, заготовленныхъ имъ относительно деклараціи о нейтралитетѣ. Затѣмъ они условились насчетъ ея текста, и Годой послалъ ее въ тотъ же день, 17-го декабря, Окарицу, которому поручено было веденіе корреспонденціи между Испаніей и Парижемъ. Онъ предлагалъ приступить къ обоюдному разоруженію, назначивъ для приведенія его въ исполненіе особую комиссію. «Этотъ шагъ, — писалъ Бургоанъ, — мнѣ кажется рѣшительнымъ». Онъ совѣтовалъ Лебрену удовольствоваться этимъ предложеніемъ, въ противномъ случаѣ, Испанія бросится въ объятія Англіи. И онъ присовокупилъ слѣдующее знаменательное замѣчаніе, которое было настоящимъ заключеніемъ инцидента: «Какъ ни осторожны были мои намеки, они произвели болѣе дѣйствія, чѣмъ я, можетъ быть, этого желалъ. Министръ мнѣ ихъ напомнилъ... Составивъ двѣ ноты, которыя мой курьеръ вамъ доставитъ, онъ мнѣ сказалъ съ замѣтнымъ волненіемъ: «Король, мой повелитель, расположенъ сблизиться съ вашимъ правительствомъ; но одинъ изъ настоятельныхъ мотивовъ, руководящихъ имъ въ этомъ, это — надежда повліять на участь короля, его кузена. Вы дали мнѣ ее предчувствовать, эту надежду. Ради Бога, постарайтесь, чтобы она не была обманута. Пусть ваша страна для собственной же безопасности отдѣляется отъ присутствія этого несчастнаго государя и позволить ему найти убѣжище при дворѣ короля, его родственника». На другой день Годой адресовалъ Бургоану письмо въ еще болѣе настойчивомъ тонѣ и въ то же время писалъ Окарицу, чтобы тотъ сдѣлалъ въ этомъ смыслѣ предложеніе Лебрену.

IV.

Комитеты финансовый, военный и дипломатическій дѣятельно заняты были изученіемъ грознаго и щекотливаго вопроса о выработкѣ инструкцій для руководства армій въ непріятельскихъ странахъ; надо было примирить необходимое примѣненіе военныхъ обычаевъ, т. е. реквизицій и контрибуцій съ принципомъ декрета 19 ноября, который обѣщалъ братство и помощь народамъ. Во время обсужденій, 11 декабря, явился Камюзъ (Camus) съ проектомъ, выработаннымъ въ Бельгій подъ внушеніемъ Дантона. Соединенные комитеты четыре дня совѣщались съ Исполнительнымъ совѣтомъ. Этотъ Совѣтъ, подъ вліяніемъ Клавьера, позволилъ себя убѣдить въ необходимости эксплуатировать ресурсы Бельгій, а затѣмъ и вовсе присоединить ее къ Франціи. Камбону было поручено составить докладъ Конвенту. Камбонъ былъ человѣкъ лѣтъ 38-ми, негоціантъ изъ Монпелье, неутомимый работникъ, отличный счетчикъ, съ открытымъ характеромъ; при этомъ онъ былъ одушевленъ всѣми страстями нивелирующаго демократа съ практическимъ складомъ; онъ облагалъ податями, руководясь цѣлями пропаганды, собиралъ съ беспощадностью; казалось, онъ былъ рожденъ для роли революціоннаго военнаго комиссара и фискальнаго прокурора республики. 15-го декабря онъ читалъ свой докладъ передъ Конвентомъ.

Этотъ документъ отмѣчаетъ второй этапъ революціонной политики и составляетъ эпоху въ этотъ періодъ исторіи. Главная сущность его проста: декретъ 19 ноября—дѣло самообольщенія; онъ вынуждаетъ республику самоотрекаться или испытывать неодобреніе народовъ; онъ ее губитъ: она не на столько богата, чтобы даромъ освобождать европейскія націи. Европа заставила ее вести войну; спасеніе государства зависитъ отъ успѣховъ этой войны. Война, слѣдовательно, составляетъ первѣйшую заботу государства, и, прежде всего, необходимо приготовиться къ ней. А между тѣмъ дефицитъ во Франціи растетъ, цѣнность бумажныхъ денегъ падаетъ, металлическая монета исчезаетъ изъ казначейскихъ сундуковъ. Остается одно средство ихъ наполнить; средство это—то, къ которому прибѣгаютъ всѣ правительства: заставить платить непріятеля. Оно указывается само собою и уживается рядомъ съ дѣломъ революціи. Между непріятелемъ есть привилегированные, обладающіе сокровищами, знаніями, землями: слѣдуетъ изгнать привилегированныхъ, отобрать ихъ сокровища, отдать имѣнія подъ секвестръ и выдать ипотеку на самого непріятеля въ возмѣщеніе расходовъ, вызванныхъ борьбою съ нимъ. слѣдуетъ принудить жителей занятыхъ территорій принимать обезпеченныя такимъ способомъ ассигнаціи; тогда бумажное обращеніе во Франціи сократится, а населенія, принужден-

ныя принимать республиканскія ассигнаціи въ обмѣнъ на ихъ монету, будутъ заинтересованы въ дѣлѣ республики и будутъ поддерживать революціонное движеніе. Они легко поймутъ, что возвращеніе привилегированныхъ и возстановленіе правъ эмигрантовъ на ихъ имѣнія и другія преимущества повлекли бы за собою порабощеніе и разореніе непривилегированныхъ лицъ; слѣдовательно, интересъ послѣднихъ, какъ и во Франціи, будетъ содѣйствовать при помощи распродажъ отобранныхъ имуществъ упроченію революціоннаго режима. Мысль, которая въ послѣдствіи должна была привести Камбона къ созданію книги государственныхъ долговъ, уже обрисовывалась въ его докладѣ отъ 15 декабря.

Нашей первой заботой,—говоритъ онъ,—вступая въ чужую страну, долженъ быть «захватъ, въ обезпеченіе покрытія военныхъ издержекъ, всѣхъ имуществъ нашихъ враговъ... Мы усилимъ наше собственное могущество... Общій интересъ сплотитъ оба народа на борьбу съ тиранией». Это неизбежное требованіе какъ войны, такъ и революціи. Въ чемъ состоятъ цѣль войны? Въ уничтоженіи всѣхъ привилегій. *Война противъ замковъ, миръ жителямъ!*—вотъ правило республики. Спрашивается, какъ поступали до сихъ поръ? До сихъ поръ являлись «побѣдителями, братьями»; провозглашали «великіе философскіе принципы и сохраняли все: «дворянство, привилегированные классы, барщину, феодализмъ». Дюмурье считалъ своей обязанностью, руководясь инструкціями Исполнительнаго совѣта, щадить независимость и суверенитетъ бельгійскаго народа. Это—ошибка. Привилегіи—наши враги. Необходимо ихъ разрушить, въ противномъ случаѣ нашей собственной свободѣ будетъ грозить опасность... Мы не одянемъ только тиранамъ объявляемъ войну: если бы они были одни, тогда дѣло ограничилось бы снятіемъ десяти—двѣнадцати головъ. Мы должны сражаться противъ всѣхъ ихъ соумышленниковъ, противъ привилегированныхъ кастъ... Надо, чтобы установилось народное правленіе, чтобы всѣ власти были переменны, если вы не желаете видѣть во главѣ дѣлъ однихъ только враговъ... Надо, чтобы мы объявляли революціонную власть въ странахъ, въ которыя мы вступимъ... И пусть раздастся нашъ набатный колоколъ повсюду... Итакъ, слѣдуетъ остерегаться предоставлять народы самимъ себѣ. Пусть созываютъ ихъ на мѣстныя собранія, но «никто не долженъ быть допускаемъ ни къ голосованію, ни къ избранію, если не принесетъ присяги свободѣ и равенству и если не отречется письменно отъ всѣхъ привилегій, какими онъ пользуется. «Народъ будетъ доволенъ, онъ отдѣлается отъ всякихъ тягостей, которыя перенесутся на богатыхъ. Народъ не будетъ платить ничего и распоряжаться всѣмъ». Республика не позволитъ населеніямъ, занятымъ нашими арміями, довольствоваться полусвободою; они будутъ предупреж-

дены, что республика никогда не пойдетъ ни на какія сдѣлки съ ихъ прежними тиранами. «Должно сказать народамъ, которые захотѣли бы сохранить свои привилегированные касты: вы—наши враги! И тогда слѣдуетъ поступать съ ними, какъ съ таковыми, если они не хотятъ для себя ни свободы ни равенства». Чтобы ихъ просвѣтить, устроить, необходимо будетъ послать къ нимъ комиссаровъ съ полномочіями, водворить у нихъ свободу и собирать контрибуціи съ богатыхъ. Полномочія этихъ комиссаровъ прекратятся съ момента, когда «установится народное свободное правительство» самимъ народомъ и когда народъ провозгласитъ свою независимость.

Согласно этимъ заключеніямъ своего доклада, Камбонъ представилъ и проектъ декрета. Конвентъ прибавилъ къ нему формулу прокламаціи къ народамъ, а Исполнительный совѣтъ разъяснилъ оба текста въ общихъ инструкціяхъ національнымъ комиссарамъ. «Нами нисколько не руководитъ необузданное тщеславное стремленіе къ завоеваніямъ; мы не хотимъ ни господствовать надъ народами, ни порабощать ихъ; болѣе чѣмъ когда-либо мы уважаемъ независимость націй»... Но «горе тому народу, который задумаетъ освободиться, не разбивъ въ то же время своихъ цѣпей!.. Всякая революція требуетъ временной власти, которая руководитъ ея разрушительными движеніями, которая приказываетъ ломку существующаго, такъ сказать, методически... Кому же эта революціонная власть можетъ принадлежать, какъ не французамъ, въ странахъ, въ которыя преслѣдованіе враговъ можетъ увлечь ихъ армію?»

Слово «страна», такъ часто встрѣчающееся въ декретѣ 15 декабря и въ его приложеніяхъ, страдало особенною неопредѣленностью. Въ революціонной практикѣ «освободить» переводилось «учреждать муниципалитеты» («municipaliser»). Изъ этого выходило, что каждая община могла составлять «страну», которую можно было освобождать, муниципализировать, а, при случаѣ, и присоединять. Такое неопредѣленное толкованіе системы въ примѣненіи было столько же произвольно, сколько и удобно по отношенію къ иностранцамъ. Но иностранцы не должны были имѣть претензіи, по праву возмездія, примѣнять къ самой Франціи процедуру декрета 15 декабря. Конвентъ предвидѣлъ опасность и принялъ противъ этого мѣры, въ родѣ тѣхъ, которыя Учредительное Собраніе примѣнило въ дѣлѣ присоединенія Авиньона. Французская республика поставила себя выше своихъ собственныхъ принциповъ и заняла положеніе внѣ публичнаго права, которое она имѣла претензію навязывать другимъ. 16-го декабря Конвентъ, по предложенію Тюрію, опредѣлялъ «смертную казнь для каждаго, кто предложитъ или сдѣлаетъ попытку разорвать

единство французской республики или отделить от нея составныя ея части, чтобы присоединить ихъ къ иностранной территории».

Иснарь и Кондорсе составили манифестъ войны за освобождение, за ними Грегуаръ—таковой же относительно войны съ цѣлю распространения республиканскихъ идей, а теперь Камбонъ издалъ манифестъ революціонной и завоевательной войны. Заставляя занятые страны содержать и продовольствовать дѣйствующія въ нихъ войска, Конвентъ слѣдовалъ только обычаямъ всѣхъ другихъ государствъ прежняго режима; по введеніемъ муниципальнаго управленія онъ покончилъ съ доктринами 1789 года. Онъ игралъ словами «народъ», «свобода», которыя имѣютъ только одинъ, и именно тотъ смыслъ, въ какомъ первые учредители ихъ принимали. Онъ создалъ опасное недоразумѣніе между европейскими націями и республикой: націи разумѣли подъ словомъ «народъ» всю совокупность гражданъ, а подъ словомъ «свобода»—право народа распоряжаться собой по своему усмотрѣнію; республика же разумѣла подъ именемъ народа—только одну общественную категорію гражданъ, а подъ понятіемъ «свобода»—революціонную систему во Франціи. Такимъ образомъ республика исключила изъ своей освободительной программы первый параграфъ хартіи народовъ—національную независимость. Она образовывала въ занятыхъ республиканскими войсками странахъ классъ средній между средневѣковыми вассалами и французскими гражданами, классъ мнимо-освобожденныхъ, остающихся подъ опекой и присмотромъ и подлежащихъ особому палогу. Она ихъ провозгласила полноправными только для того, чтобы облегчить имъ возможность закабалиться за Франціей и воспрепятствовать имъ жить свободно по своей волѣ или присоединиться къ другому государству. Эти законовѣды, пропитанные насквозь римскимъ правомъ, инстинктивно возстановляли древнее подчиненіе римлянамъ (*deditio ad Romanos*), и эта мнимая революція общечеловѣческаго права (*droit des gens*) была только возвратомъ къ тѣмъ приемамъ, которые римляне употребляли для покоренія Италіи¹⁾. Дѣйствуя такимъ образомъ, Конвентъ рисковалъ возбудить, да и въ самомъ дѣлѣ быстро возбудилъ въ странахъ, подчиненныхъ этому ре-

¹⁾ «Тарквиній царь, обращаясь къ депутатамъ, спросилъ ихъ: «вы ли тѣ депутаты и ораторы, посланные коллатинскимъ народомъ, чтобы подчинить себя и коллатинскій народъ моей власти?—Да, мы.—Коллатинскій народъ имѣетъ ли право располагать собой?—Имѣетъ.—Отдаете ли вы, чтобы быть въ моей власти и власти римскаго народа, самихъ себя, коллатинскій народъ, городъ, поля, воды, межи, храмы, домашнюю утварь, всѣ предметы божескіе и человѣческіе?—Мы ихъ отдаемъ.—Въ такомъ случаѣ, я принимаю». Титъ-Ливій, 1, гл. XXXVIII.—Festel de Coulanges, *La cité antique*, liv. V, ch. II. *La conquête romaine*.—D'Arbois de Jubainville, *Recherches sur les origines de la propriété foncière*, liv. I, ch. II: *Souveraineté et propriété, deditio*, p. 18.

жиму, сопротивленіе противъ республики болѣе упорное, чѣмъ сопротивленіе противъ королей и ихъ армій,—національное сопротивленіе народовъ, внушенное самими пачалами французской революціи.

Начало государственной необходимости (*raison d'Etat*) вошло во внутреннія дѣла республики съ процессомъ Людовика XVI; съ этой поры оно распространилось окончательно и на внѣшнія дѣла. Въ тѣхъ и другихъ оно подкапывало жирондистскую политику. Жирондисты начали процессъ, надѣясь его кончить актомъ великодушія. Монтаньяры взяли дѣло въ свои руки и прямо довели до смертнаго приговора. Судебныя пренія открылись 10 декабря; 11 числа предсталъ передъ судомъ Людовикъ XVI; 26 числа де-Сезъ произнесъ защитительную рѣчь и двумя фразами доказалъ несправдливость суда: «Никто не можетъ быть судимъ иначе, какъ только въ силу закона, обнародованнаго раньше преступленія; никакое наказаніе не можетъ быть произнесено, если оно не вписано въ основной законъ. Несомнѣнно, нація имѣла право отнять королевскую власть; но, уничтожая конституціонный актъ 1791 года, она не можетъ лишить Людовика пользованія содержащимися въ немъ постановленіями». Эта защита вызвала оживленныя пренія. Лапжунне вскричалъ: «долой маски! Должно ли судить Людовика, или надо принять относительно его мѣры общей безопасности?» Монтаньяры были слишкомъ хорошими макиавелистами, чтобы настаивать на собственномъ мнѣніи, видя, какъ ихъ враги сами помогаютъ имъ. Они предложили «мѣры безопасности», чтобы поставить въ затрудненіе жирондистовъ, а къ суду присоединились, чтобы ихъ поставить втупикъ. Жирондисты не могли отказаться отъ суда. Они имѣли намѣреніе обратиться за окончательнымъ рѣшеніемъ къ народу. Монтаньяры же знали только одинъ народъ,—парижскую демагогію. Они и донесли этому народу о намѣреніи жирондистовъ обратиться къ французскому народу. «Рѣшено обратиться къ народу,—сказалъ Сенъ-Жюсть 27 декабря.—Не значить ли это призвать монархію?» Этого было достаточно, чтобы объявить подозрѣваемымъ въ преступленіи оскорбленія революціи всякаго сторонника воззванія къ народу. Жирондисты поняли, что для того, чтобы сдѣлать актъ чело-вѣчности, имъ необходимо, если не хотять потерять своего кредита, сдѣлать революціонный актъ. Многие изъ нихъ пришли такимъ образомъ къ смертному приговору. Замѣтно было, какъ они мало-по-малу склонялись къ этой постыдной капитуляціи во время засѣданій конца декабря; важныя государственныя дѣла, обсуждавшіяся тогда съ трибуны, были только предлогомъ и формой личнаго соперничества, соперничества самаго ожесточеннаго, когда-либо видѣннаго въ собраніяхъ. Когда они были приперты къ стѣнѣ, Бареръ имъ нанесъ послѣдній ударъ. Онъ предложилъ, чтобы за приговоръ голоса подавались громко, публично, по перекличкѣ. Это

значило—поставить судей короля въ зависимость отъ трибунъ и клубовъ парижской черни. Никто не рѣшался отклонить этого предложенія, не рискуя попасть въ подозрительные. Оно было принято. Кто захотѣлъ бы спасти голову короля, тотъ подвергъ бы опасности свою и въ то же время долженъ былъ бы отказаться отъ управленія республикой. Заставивъ декретировать публичное голосованіе, Гора очевидно дѣлала смертный приговоръ обязательнымъ.

Жирондисты, наконецъ, увидѣли пропасть, въ которую этотъ роковой ходъ вещей низвергалъ государство. Завѣдывающій испанскимъ посольствомъ, Окарицъ, передалъ Лебрену проекты нотъ касательно одновременнаго разоруженія. И въ то же время онъ ему писалъ: «По тому, какъ поступить французская нація съ несчастнымъ Людовикомъ XVI и его семействомъ, иностранныя націи могутъ судить о степени ея великодушія и умѣренности». Это посланіе было сообщено Конвенту 28 декабря. Гора встрѣтила его неистовымъ ропотомъ. Еще 12 декабря Тюріо выразился: «Иностранныя націи, для ихъ собственной свободы, пуждаются въ серьезномъ примѣрѣ; необходимо, чтобы тиранъ снесъ свою голову на плаху». По прочтеніи письма Окарица, онъ потребовалъ слова; онъ обвинялъ Карла IV, который имѣлъ виды на французскій тронъ, и убѣждалъ собраніе стряхнуть съ себя вліяніе представителей «коронованныхъ разбойниковъ». Между членами Собранія распространился слухъ, что Англія поставила условіемъ для признанія республики отдачу королевской фамиліи Испаніи. Конвентъ на сообщеніе Окарица перешелъ къ очереднымъ вопросамъ. Извлеки изъ угрозъ Европы свои аргументы для низложенія Людовика XVI, жирондисты искали въ настроеніи иностранцевъ аргументъ, чтобы отстоять королевскую жизнь. Бюзо оказался политикомъ: «Людовикъ, заключенный въ Тампльскую башню, ничего не представляетъ ни для иностранныхъ государствъ, ни для эмигрантовъ; но Людовикъ, сошедшій съ эшафота въ могилу—великій предлогъ для ихъ вмѣшательства». Верно, смущенный въ глубинѣ души, никогда еще не находилъ такихъ патетическихъ выраженій для волновавшихъ его чувствъ; онъ какъ бы провидѣлъ зловѣщій призракъ грядущаго: страна, выведенная изъ терпѣнія, обратитъ противъ Конвента тѣ самыя обвиненія, которыя выставлены были противъ Людовика XVI; республика, попавшая въ руки кровожадныхъ демагоговъ, будетъ осуждена на безконечныя войны со всей Европой. Наконецъ, обличитель *Австрійскаго комитета*, первый зачинщикъ континентальной войны, Бриссо указалъ на Францію, оклеветанную въ Англіи, на англичанъ, прежде симпатизирующихъ, вчера охладѣвшихъ, а завтра враждебныхъ: «Мы недовольно присматриваемся къ Европѣ... Наши враги представляютъ насъ готовыми возмутить міръ. «Есть одно только средство уничтожить подобныя кле-

веты, и процессъ вамъ его дастъ въ руки». Смерть Людовика послужитъ замысламъ нашихъ враговъ, броситъ нейтральныхъ въ коалицію, произведетъ общую войну». Онъ заключилъ рѣчь въ пользу помилованія короля и умѣренности по отношенію къ покореннымъ народамъ. Независимость Бельгій, миръ съ Голландіей, дарованіе жизни Людовику XVI, нейтралитетъ Англіи—все это, дѣйствительно, было тѣсно связано между собой.

По мѣрѣ того, какъ процессъ развивался въ Парижѣ, а война въ Бельгій принимала завоевательный характеръ, отношенія между Франціей и Англіей становились все болѣе и болѣе натянутыми. Исполнительный совѣтъ не рѣшался признаться Конвенту о тѣхъ намекахъ, которые онъ дѣлалъ Испаніи; онъ боялся также, что его обвинять въ потворствѣ по отношенію къ Англіи. Лебренъ хотѣлъ предупредить упрекъ и 15 декабря послалъ депешу Шовелену; онъ требовалъ отъ англійскаго кабинета точнаго и быстрого отвѣта: желаетъ ли онъ мира или войны. Изъ всей переписки съ Лондономъ онъ составилъ докладъ и представилъ его Конвенту 19 декабря. Въ этомъ докладѣ онъ противопоставилъ враждебности короны и англійскихъ министровъ къ Франціи симпатіи британскаго народа; онъ объявилъ, что республика сдѣлаетъ обращеніе къ этимъ симпатіямъ, если англійское правительство будетъ упорствовать въ своемъ враждебномъ положеніи, несмотря на мирныя заявленія Франціи. Этотъ докладъ былъ только орудіемъ пропаганды. Конвентъ разослалъ его въ восемьдесятъ четыре департамента, чтобы разжечь умы во Франціи, а Лебренъ послалъ его Шовелену, что, разумѣется, не могло послужить къ успокоенію умовъ въ Англіи. Онъ настаивалъ на полученіи письменнаго отвѣта отъ Гренвилля. «Мы его ждемъ съ нетерпѣніемъ. Не теряйте ни минуты, гражданниъ, чтобы выполнить новыя приказанія, которыя я вамъ передалъ по распоряженію Совѣта». Ноэль также получилъ докладъ при письмѣ, которое ясно указывало на неурядицу въ министерствѣ. «Этотъ документъ познакомитъ васъ съ направленіемъ идей въ странѣ и покажетъ вамъ, что я почти болѣе не господинъ положенія; нація, въ нѣкоторомъ родѣ, овладѣла имъ, благодаря повсемѣстному одобренію, данному этому докладу...»

Нація овладѣла имъ также и въ Англіи, и Ноэль увѣдомилъ объ этомъ Лебрена 22 декабря. «Война,—сообщалъ онъ ему,—наканунѣ взрыва и готова сдѣлаться популярной; уже говорятъ о мѣрахъ противъ французовъ, проживающихъ въ Англіи.—Палата лордовъ, съ 19 числа обсуждаетъ проектъ закона, подъ именемъ *alien bill*; это законъ, касающійся иностранцевъ, ставящій ихъ подъ строгія полицейскія правила и позволяющій правительству выселить изъ страны. Лордъ Лансдаунъ требовалъ по этому случаю попытки договориться съ Франціей; Гренвилль отказался наотрѣзъ. 26 числа билль былъ принятъ лордами и тотчасъ же перенесенъ

въ Палату общинъ. 28 числа наступила очередь Борка. Его анти-революціонныя филиппики по рѣзкости тона не уступали парижскимъ излишествахъ рѣчи. При заключительныхъ словахъ своей рѣчи, онъ выхватилъ кинжалъ, сдѣланный, какъ онъ увѣрялъ, бирмингемскими якобинцами, и вскричалъ: «Предохранимъ нашъ умъ отъ началъ, а наше сердце отъ кинжаловъ французскихъ! Сохранимъ наше достоинство при жизни и наше утѣшеніе въ часъ смерти, всѣмъ благодѣяніямъ времени и всѣмъ загробнымъ надеждамъ!» Тщетно пытались либералы успокоить страсти; но и у нихъ лежало на сердцѣ и совѣсти заявить болѣе громко чѣмъ кто-либо, о состраданіи, которое имъ внушало Людовикъ XVI, и о негодованіи, которое возбуждаетъ въ нихъ «несправедливый, жестокий и безчеловѣчный поступокъ», готовящійся въ Парижѣ. При такихъ-то обстоятельствахъ Шовеленъ просилъ свиданія у Питта, намѣреваясь доказать ему, что «Франція противна мысли о войнѣ съ Англіей, и что она рѣшится на нее только тогда, когда исчерпаетъ всѣ честныя средства, чтобы избѣжать ея». 27 декабря онъ передалъ Гренвиллю ноту, сообразно его инструкціямъ отъ 15 числа. Онъ не надѣялся, чтобы она произвела какое-либо умиротворяющее дѣйствіе, и ждалъ приглашенія оставить Лондонъ. Въ сущности, это почти и означала записка, которую онъ получилъ отъ Питта 28 числа. «Въ положеніи, въ которомъ мы находимся,—писалъ этотъ министр,—не было бы ни удобства, ни пользы вести переговоры... Я вынужденъ просить васъ о позволеніи избѣгать чести встрѣчаться съ вами».

Палата общинъ обсуждала законъ объ иностранцахъ (*allien bill*) и запретила вывозъ хлѣба во Францію. 31 декабря Гренвилль отвѣтилъ на ноту Шовелена формальнымъ отказомъ признать его въ качествѣ посланника республики. Онъ разобралъ всѣ спорные вопросы, выставленные Лебреномъ, и опредѣлилъ причину столкновенія въ томъ видѣ, въ какомъ она оставалась до конца войны: Франція,—говорилъ онъ—не можетъ объявить свободы судоходства по Шельдѣ и распространять революціонныя идеи въ Бельгіи, не нападая тѣмъ самымъ на Голландію. Она можетъ проявить свою волю съ этой стороны только тогда, когда «будетъ обладательницей Нидерландовъ и получить право предписывать законы цѣлой Европѣ... Англія никогда не допуститъ, чтобы Франція могла присвоить себѣ право отмѣнять, по своему произволу и подъ предлогомъ естественнаго права, политическую систему Европы, торжественно установленную трактатами. Правительство, вѣрное правиламъ, которымъ оно слѣдуетъ болѣе столѣтія, никогда не будетъ смотрѣть равнодушнымъ взглядомъ на то, какъ Франція, прямо или косвенно, будетъ стремиться сдѣлать себя обладательницей Нидерландовъ или общимъ арбитромъ правъ и свободы въ Европѣ. Если Франція дѣйствительно желаетъ оставаться въ дружбѣ и мирѣ съ Англіей, надо, чтобы она пока-

зала себя расположенною отказаться отъ своихъ наступательныхъ и завоевательныхъ видовъ и держаться въ предѣлахъ собственной территоріи, не оскорбляя другихъ правительствъ, не тревожа ихъ покоя, не нарушая ихъ правъ...» Лордъ Гренвилль сообщилъ Франціи условія, при которыхъ миръ можетъ быть сохраненъ; онъ старался договориться съ континентальными державами объ условіяхъ, при которыхъ можно бы было предпринять войну въ общихъ интересахъ. «Французская политика представляетъ опасность для всей Европы—писалъ онъ британскимъ дипломатическимъ агентамъ;—необходимо защищаться противъ нея; о вмѣшательствахъ въ внутреннія дѣла Франціи не можетъ быть и рѣчи, дѣло идетъ только о приглашеніи французовъ отозвать свои войска къ своимъ внутреннимъ границамъ, отказаться отъ завоеваній, отмѣнить акты, посягающіе на суверенитетъ другихъ націй, дать доказательство того, что она отказывается отъ всякой пропаганды противъ иностранныхъ правительствъ». Если она откажется въ этомъ, тогда державы должны образовать лигу, чтобы ее къ тому принудить.

Англійскимъ министрамъ было однакоже нежелательно принимать на себя отвѣтственность за разрывъ. Исполнительный совѣтъ заключилъ изъ этого, что онъ можетъ ихъ запугать; онъ наивно думалъ, что если возвысить тонъ и угрожать имъ революціей, ихъ можно заставить отступить. 30 декабря онъ рѣшилъ, что Шовеленъ долженъ потребовать снятія съ очереди *allien bill*'я, какъ противорѣчащаго торговому договору 1786 года, если Англія откажется отъ этого, то Франція нарушитъ этотъ договоръ.

Въ то же время этотъ Совѣтъ, не скрываясь, занимался приготовлениями къ высадкѣ на англійскую территорію. Одинъ проектъ, бывший почти воспроизведеніемъ стараго проекта графа де-Броули, былъ представленъ ему 28 декабря. Монжъ, 31 числа, разослалъ циркуляры *Друзьямъ свободы и равенства* въ приморскіе города. Онъ извѣщалъ ихъ о близкомъ нападеніи англичанъ; увѣщевалъ ихъ предупредить это нападеніе, обѣщая имъ помощь «англійскихъ республиканцевъ»; совѣтовалъ имъ торопиться вербовкой матросовъ въ виду высадки: «Скажите имъ, что они будутъ защищать свое собственное дѣло. Къ этимъ соображеніямъ, въ высокой степени важнымъ для республиканцевъ, прибавьте вопросъ о ихъ собственномъ интересѣ. Укажите имъ на широкое поприще повышеній и отличій, которое передъ ними откроется...» Лебренъ, въ тотъ же день, донесъ Конвенту о «неприличныхъ выходкахъ» англійскихъ ораторовъ, о запрещеніи вывоза хлѣба и о предстоящемъ принятіи *allien bill*'я. 1 января, одинъ бретонскій дворянинъ, по имени Керсеппъ, капитанъ королевскаго флота, у котораго революціонный пылъ сливался съ расовою ненавистью къ англичанамъ и преданностью къ морскому дѣлу, клеймилъ ковар-

ный Альбионъ и проповѣдывалъ войну на жизнь и смерть противъ этого ненавистнаго соперника. Онъ насмѣхался надъ Фоксомъ, «другомъ правъ человѣка и льстецомъ короля»; онъ доказывалъ, что Питтъ если и не желалъ войны, то продолжаетъ посредничество, имѣющее цѣлью остановить завоеванія Франціи. Франція не должна этимъ смущаться; французы поднимутъ Ирландію, произведутъ броженіе въ Шотландіи, распространять революціонныя идеи въ самой Англіи; они снарядятъ крейсера, ввѣривъ эту важную охоту на англичанъ всѣмъ морскимъ пиратамъ, «толпѣ смѣлыхъ людей, которыхъ можно найти у всѣхъ европейскихъ народовъ». «Эта масса кораблей, богато нагруженныхъ, станетъ добычей французскихъ крейсеровъ». Нѣтъ болѣе нейтральныхъ! Республика въ этой борьбѣ признаетъ только друзей или враговъ! И борьба распространится на оба полушарія. «Надо послать вспомогательное войско Типо-Саibu... слѣдуетъ произвести нападеніе на Лиссабонъ... проникнувъ по рѣкѣ Таго въ лежащія по берегамъ ея провинціи и, истощивъ ихъ военными контрибуціями... наши войска должны увѣнчать эти дѣянія занятіемъ и освобожденіемъ Бразиліи...» Испанскія колоніи будутъ также освобождены. Нашествіе на Англію закончить споръ: «на развалинахъ Лондонской башни вы должны подписать съ освободившимся отъ заблужденія англійскимъ народомъ трактатъ, который опредѣлитъ судьбы націй и положить основы всемірной свободы²⁾». Керсентъ высказалъ въ своей экзальтированной рѣчи то, чему политическій опытъ и государственныя интересы поучали въ то же время англійскихъ министровъ. Война, начатая при такихъ условіяхъ, могла кончиться только разрушеніемъ Англіи или отступленіемъ Франціи въ свои прежнія границы. Надо, по выраженію Гренвилля, или «чтобы Франція имѣла право предписывать законы всей Европѣ», или чтобы она отказалась отъ своихъ завоеваній. Все, что совершалось съ января 1793 года по іюнь 1815 года, проявилось именно въ этихъ рамкахъ. Уже и въ то время предугадываются всѣ послѣдствія борьбы, и болѣе близкія, какъ Булонскій лагерь, и самыя отдаленныя, какъ обходное движеніе противъ Индіи, и самыя чудовищныя, какъ напримѣръ континентальная блокада.

²⁾ «Тогда англичане, угрожаемые въ Индіи, выгнанные изъ Леванта, будутъ подавлены тяжестью событій, атмосфера которыхъ слишкомъ напряжена». Съ окраины Европы слѣдуетъ зайти въ тылъ Азіи, чтобы добраться до Англіи. Согласенъ, что это была бы гигантская экспедиція, но возможная, въ девятнадцатомъ столѣтіи. Этимъ же ударомъ Франція завоевала бы независимость Запада и свободу морей. «Napoléon à Alexandre, 2 février 1808, *«Corr.»*, t. XVI, p. 498. Napoléon à Narbonne, 1812, у VILLEMAIN, *«Souvenirs»*, t. I, p. 175.

V.

Недоставало для этого колоссальнаго предпріятія только кораблей, армій, денегъ, солдатъ, наконецъ, правительства, способнаго приготовить всѣ средства и управлять движеніями. Корабли приходилось еще построить, оружіе выковать, деньги найти и солдатъ павербовать. Арміи, побѣдившія при Вальми, покорившія Бельгію и занимавшія лѣвый берегъ Рейна, гибли отъ лишеній и трудностей зимней стоянки, болѣе убійственной, чѣмъ сама война, и вельдствіе мѣръ военнаго министра, болѣе пагубныхъ для республики, чѣмъ всѣ генералы коалиціи. Къ 1 декабря въ пѣхотѣ считалось 112.000 человѣкъ, волонтеровъ 289.000 человѣкъ, всего же 401.000. Къ 1 февраля эта численность уменьшилась до 228.000 человѣкъ, «благодаря войнѣ, суровости времени года, страшнымъ лишеніямъ, стремленію волонтеровъ возвратиться къ своимъ очагамъ». Бельгійская армія, состоявшая изъ 100.000 человѣкъ къ концу октябрю, насчитывала не болѣе 45.000 къ концу декабря мѣсяца. Волонтеры 1791 года подлежали роспуску 1 декабря: большое число изъ нихъ оставили службу еще рапѣ срока. То, что осталось, «дезорганизовано, раздроблено»,—заявляетъ Дюбуа-Крансе. «Въ состояніи невообразимаго истощенія», говоритъ Мерленъ де Тионвилль. «Безъ обуви, босые, безъ панталонъ, безъ одежды, безъ шапокъ, утомленные, полные отчаянія»,—писалъ Бернонвилль. Новые интендантскіе агенты военнаго министерства грабили завоеванныя страны, обкрадывали государство и морили голодомъ войска. Армія утратила энергію, дисциплину, одушевленіе, вѣру въ свои силы посреди обманутаго и ожесточеннаго населенія. Переписка генераловъ—нескопчаемый рядъ жалобъ, крикъ отчаянія, патріотическій доносъ на неспособность Паша и нерадивость его канцелярій, плутни и взяточничество его агентовъ¹⁾.

Въ Бельгіи кавалерія и артиллерія теряютъ лошадей по недостатку фуража. «У насъ страшная нужда,—пишетъ одинъ изъ штабныхъ офицеровъ,—лошади падаютъ отъ недостатка корма; многіе солдаты не въ силахъ

¹⁾ Rapport de Dubois-Crancé, 7 févr. 1793; discours du même, 12 févr., *Moniteur*, t. XV, p. 384, 437; — *Correspondance de Dumouriez avec Pache et avec Lebrun*; *Correspondance de Merlin de Thionville*; *Correspondance de Miranda*; *Mémoires de Dumouriez et de Gouvion Saint-Cyr*. — CAMILLE ROUSSET, *Les volontaires*. — MONTIMER-TERNAUX, t. IV. — SINGUET, *Jemappes* ch. IV, p. 130—133; ch. V: Pache.—Карно, комиссаръ при пиренейской арміи, писалъ отъ 4-го декабря комитету сношеній Конвента: «Я вамъ высылаю различные документы, которые съ очевидностью доказываютъ или недоброжелательство военнаго министра, или его абсолютную неспособность, или наконецъ его полное нежеланіе имѣть армію въ Пиренеяхъ. Я могъ бы вамъ послать много другихъ документовъ, которые доказываютъ его невѣжество или его пренебреженіе къ законамъ, исполненіе которыхъ ему ввѣрено».

служить; страна истощена, и крестьяне вынуждены убивать свой скотъ, по невозможности его прокормить». Министерскіе военные чиновники, агенты Лебрена, комиссары Конвента находятся въ постоянномъ столкновеніи съ генералами. Страна доведена до полной анархіи. Лишь только декретъ 15-го декабря сталъ извѣстенъ, какъ со всѣхъ сторонъ посыпались протесты населенія. Расклеенныя прокламаціи увѣщевали народъ выгнать иностранцевъ, которые пришли уничтожить вѣковыя вольности страны, отнять у нея права, навязать ей свои бумажныя деньги, уничтожить религію. Генералы, самъ Ла-Бурдонне признаютъ, «что революція, опережающая понятія народа, подвергалась бы опасности вызвать обратное движеніе». «Крестьяне, доведенные до отчаянія,—доносятъ Дюмуре,—избивали нашихъ солдатъ, когда они ихъ встрѣчали небольшими группами». Онъ пишетъ Лебрену: «Очень неудачны планы, имѣющіе цѣлю произведеніе революціи въ Бельгіи: вмѣсто того, чтобы возбудить въ народѣ любовь къ свободѣ, они какъ разъ способны внушить ему только вполнѣ заслуженную ненависть къ ихъ освободителямъ. Сама Бельгія доставитъ только враговъ, съ которыми придется имѣть дѣло. Въ нашихъ рукахъ нѣтъ ни одного укрѣпленнаго пункта, который далъ бы возможность оставить въ нѣмъ врага, или сдерживать народъ. Атакующіе со всѣхъ сторонъ, мы будемъ выгнаны еще скорѣе, чѣмъ вошли». Вотъ въ какомъ состояніи были ресурсы республики, когда она бросила съ такою гордостью вызовъ Англіи и когда вступала въ борьбу на жизнь и смерть, чтобы предпринять рядъ завоеваній, которыхъ она не въ состояніи даже была сохранить, и поддержать революціонную пропаганду, противъ которой начали возставать сами народы.

Только какой-нибудь деспотъ, вооруженный безграничною властью, могъ бы выполнить подобные замыслы. Республика, упорствуя въ нихъ, принуждена будетъ водворить у себя деспотизмъ. Она придетъ къ нему нечувствительно, шагъ за шагомъ, слѣдуя глухими и окольными путями, какъ бы увлекаемая роковою необходимостью. Уже съ первыхъ дней 1793 года та же страсть, которая внушила проекты нескончаемой войны, начала готовить страшное орудіе власти, необходимой если не для выполнения этихъ проектовъ, то по крайней мѣрѣ для попытки такого выполнения. Дантонъ, въ продолженіе августа и сентября, превратилъ Исполнительный совѣтъ въ нѣчто въ родѣ военнаго совѣта. Послѣ удаленія изъ него Дантона, Исполнительный совѣтъ превратился въ простое канцелярское отдѣленіе чиновниковъ. Роланъ, подавшій въ отставку 20-го января, не появлялся въ немъ въ продолженіе многихъ недѣль, и никто этого даже не замѣтилъ. Пашъ занятъ былъ только услугами Коммунъ. Изъ остальныхъ министровъ каждый ограничивался своимъ вѣдомствомъ, управляя

съ грѣхомъ пополамъ только детальною стороною дѣла, избѣгая общаго ихъ направленія и прежде всего озабочиваясь тѣмъ, чтобы какъ-нибудь не скомпрометировать себя. Исполнительная функція, ускользнувшая изъ рукъ этого Совѣта, разсыялась по комитетамъ Конвента. Эти комитеты, несомнѣнно способные къ законодательной роли, совѣтъ не были подготовлены для дѣйствія. Они мѣшали другъ другу, и ихъ перекрестные распоряженія, отмѣняющія другъ друга, парализовали даже и то, что еще сохранилось отъ административной рутинны прежнихъ правительственныхъ учрежденій. Конвентъ не желалъ имѣть ни главы государства, ни даже болѣе самостоятельнаго исполнительнаго комитета. Онъ желалъ сохранить власть за собой и самостоятельно располагать ею. Но такъ какъ военное управленіе требовало обширныхъ полномочій, сосредоточенныхъ въ однихъ рукахъ, то Конвентъ долженъ былъ признать такую власть, но для этого необходимо было, чтобы эта власть, такъ сказать, выскользнула у него изъ рукъ, чтобы онъ создалъ ее помимо своего вѣдома, чтобы она казалась исходящею отъ него и принадлежащею ему.

Эта власть порождена была войной; она была учреждена для войны и пригодна только для войны. Мысль о ней подалъ одинъ военный. Керсенъ не былъ государственнымъ человѣкомъ и, еще менѣе, законодателемъ, но онъ имѣлъ привычку къ командованію и зналъ условія начальствованія. Онъ закончилъ свою рѣчь 1-го января слѣдующимъ предложеніемъ. Комитеты военный, финансовый, колониальный, морской, дипломатическій, конституціонный и коммерческій, каждый назначить изъ своей среды трехъ членовъ, которые будутъ собираться въ особомъ помѣщеніи и составлять изъ себя *Комитетъ общей обороны* (*Comité de défense générale*). Этотъ Комитетъ будетъ имѣть постоянныя засѣданія и займется при содѣйствіи министерства обсужденіемъ мѣръ, которые потребуются будущей кампаніей и настоящимъ положеніемъ дѣла, и когда ему будетъ необходимо потребовать слова для какого-нибудь сообщенія, президентъ не долженъ ему отказывать въ немъ». Въ этомъ предложеніи нельзя искать вліянія смутныхъ воспоминаній о совѣтахъ регентства и неясныхъ понятій о подвижныхъ совѣтахъ, зависящихъ и постоянно возобновляемыхъ, которые рекомендовалъ Руссо польскому сейму²⁾. По всей

²⁾ «Чѣмъ болѣе государство увеличивается, тѣмъ болѣе правительство должно сконцентрироваться, такъ чтобы число правящихъ уменьшилось обратно пропорціонально увеличенію населенія. Правительство, чтобы быть хорошимъ, должно быть относительно сильнымъ, но мѣрѣ того, какъ населеніе становится болѣе многочисленнымъ». *Contrat Social*, liv. III, ch. 1. et ch. II.— «Чтобы администрація была сильна, хороша и шла прямо къ цѣли, вся исполнительная власть должна быть сосредоточена въ однихъ и тѣхъ же рукахъ; но недостаточно, чтобы эти руки мѣнялись, необходимо, чтобы онѣ дѣйство-

вѣроятности. Керсенъ ничего подобнаго и не думалъ, точно такъ, какъ никто и изъ окружающихъ, но всѣ умы были втайнѣ расположены къ этому средству. Предложеніе было принято: оно всѣмъ казалось и болѣе простымъ, и болѣе подходящимъ. Еще раньше законодательное собраніе, во время своихъ кризисовъ, прибѣгало къ совмѣщенію въ себѣ исполнительной и законодательной властей, давало своимъ декретамъ силу закона и импровизировало, подъ формою контрольных комиссій, эфемерные правительственные комитеты. Конвентъ слѣдовалъ по той же наклонной. Онъ не могъ видѣть соперника въ себѣ самомъ и декретировалъ образованіе *Комитета общей обороны*. Съ 1789 года эта была первая серьезная попытка возстановленія верховной власти, которую до этихъ поръ всѣми усиліями стремились разрушить. Этотъ импровизированный комитетъ содержалъ въ зародышѣ всѣ послѣдующія правительства. Конвентъ, создавая его, съ цѣлью выйти какъ-нибудь изъ затрудненія, не подозревалъ, что основывалъ государственное учрежденіе, которое въ силу своего собственнаго развитія должно было уничтожить самыя искусныя и тонкія комбинаціи его законодателей. Этотъ комитетъ, долженствующій только представлять другіе спеціальныя комитеты, поглотилъ ихъ.

Выборы въ него происходили 3-го января, а 4-го онъ уже окончательно сформировался. Онъ состоялъ изъ двадцати четырехъ членовъ. Въ него вошли: Керсенъ, Бриссо, Гюйтонъ—по дипломатическому отдѣленію; Дюбуа-Крансе, Лакомбъ-Сенъ-Мимель, Дусе-Понтекуланъ—по военному; Бреаръ—по морскому; Камбонъ—по финансовому; Женсоне, Бареръ, Сізіесть—по учредительному комитету. Большинство можно было назвать жирондистскимъ. Въ первое же засѣданіе, 5-го января, внесено было предложеніе о замѣщеніи Паша. Затѣмъ приступили къ обсужденію военныхъ плановъ. Комитетъ рассмотрѣлъ не мало такихъ, которые, если не вполне противорѣчили другъ другу, тѣмъ не менѣе трудно согласовались между собою.

Кюстинъ продолжалъ настаивать на занятіи лѣваго берега Рейна. «Германскія государства,—писалъ онъ Лебрену,—предполагаютъ, что если границы республики будутъ отодвинуты до Рейна, то Германская имперія погибла; а я лично думаю—и вполне въ этомъ убѣжденъ,—что если Рейнъ не будетъ границей республики, то, во-первыхъ, она погибнетъ отъ того же самага, отъ чего погибла королевская власть, именно отъ разстройства финансовъ; во-вторыхъ, духовенство отвоюетъ Фландрію и страны, которыя мы занимаемъ... Намъ остается одно средство спасенія—это поразить міръ и

вали, если это возможно, на глазахъ законодателя и чтобы этотъ послѣдній руководилъ ими. *Gouvernement de la Pologne*, ch. VII. См. Мавлю, *Du gouvernement de la Pologne*, 1 partie, ch. VIII. См. о томъ же въ I томѣ.

самихъ себя массою нашего собственнаго могущества; но на это мы можемъ разсчитывать, только измѣнивъ образъ правленія въ Европѣ». Военнымъ естественно мечтать о завоеваніяхъ, и республиканскіе генералы были не единственные, смѣшивавшіе собственное честолюбіе съ патриотическимъ чувствомъ. Однако встрѣчались и между ними благоразумные люди. Шереръ, въ запискѣ отъ 31 декабря 1792 года, возставалъ противъ плана естественныхъ границъ; онъ былъ того мнѣнія, что надо удержать Савойю, взять сѣверной границей сліяніе рѣкъ Саары и Мозеля, потребовать Люксембургъ, отдать духовныя княжества пфальцскому курфюрсту въ обѣнъ на Баварію, которая отошла бы къ Австріи, и предоставить бельгіяцамъ устроить у себя республиканскій образъ правленія подъ покровительствомъ Франціи, которой это независимое государство служило бы оплотомъ. Въ этомъ планѣ Шереръ видѣлъ двѣ выгоды: планъ его былъ согласенъ съ принципомъ отреченія отъ завоеваній и давалъ Франціи именно то, что она легко могла сохранить. Бэрнонвиль высказался въ томъ же смыслѣ. «Когда мы у себя дома—писалъ онъ,—все будетъ за насъ, и мы будемъ непобѣдимы; а когда мы будемъ у другихъ, все будетъ противъ насъ, и мы будемъ побѣждены...» «Наши вооруженныя силы уменьшились до половины; онѣ нуждаются въ новой организаціи, а между тѣмъ у насъ занимаются только пустыми мечтами. Мы думаемъ только о томъ, чтобы надѣлать свободой людей, которые ея не хотятъ, а сами не умѣемъ быть свободными, какъ бы этого хотѣли». «Дюмурье,—прибавилъ онъ еще,—ратуетъ за войну съ Голландіей, что представляетъ предпріятіе весьма опасное. Онъ утверждаетъ, что его армія ждетъ только приказанія, чтобы идти въ Голландію; однако, какъ это согласить съ тѣмъ, что онъ рискуетъ подвергнуться погозовному бѣгству волонтеровъ изъ арміи.

Дюмурье очень хорошо зналъ, что его армія не могла въ условіяхъ, въ которыхъ она находилась, ни завоевать Голландіи, ни даже просуществовать въ Бельгіи; но это ему служило, по крайней мѣрѣ, лишнимъ мотивомъ требовать изъ Парижа снабженія продовольствіемъ своихъ войскъ, обезопасить и умиротворить Бельгію и двинуться на Голландію, какъ только позволятъ это необходимыя средства. Онъ льстил себя надеждою, что его солдаты, заново экипированные и снабженные провіантомъ, увидели бы въ этой экспедиціи выходъ изъ жалкаго положенія; что, нападая врасплохъ, успѣхъ ему достанется легко; что слава такого блестящаго нападенія восстановила бы довѣріе къ нему войска и поразила бы воображеніе толпы. Онъ считалъ свои дѣла очень скомпрометированными, видя себя обманувшимся во всѣхъ своихъ надеждахъ и угрожаемымъ во всѣхъ своихъ проискахъ. Отправляясь въ Бельгію, онъ разсчитывалъ возвратиться оттуда диктаторомъ: побѣду онъ уже стяжалъ, но до диктатуры было да-

леко. Напротивъ, его популярность меркла, парижская печать нападала на него. Въ клубахъ доносили на него. У Конвента онъ былъ въ подозрѣніи. Онъ былъ убѣжденъ, что его враги замыслили не только противъ него, но и противъ его арміи. «Вы можете его арестовать только послѣ пораженія», вскричалъ одинъ изъ нихъ въ кабинетѣ Лебрена. «Чѣмъ болѣе вы пріобрѣтете славы, тѣмъ болѣе усилится гнѣвъ вашихъ враговъ», извѣщалъ его этотъ министръ. Якобинцы его ненавидѣли; онъ зналъ объ этой ненависти и обдумывалъ ихъ полное уничтоженіе.

«Есть,—писалъ онъ Мирандѣ, отъ 13 декабря,—сплетеніе мерзостей, съ одной стороны, и невѣжество—съ другой, что погубитъ республику раньше, такъ сказать, чѣмъ она успѣетъ родиться. Нѣтъ ни правительства, ни конституціи. Національный Конвентъ не занимается рѣшительно ничѣмъ. Но за то онъ постоянно изображаетъ изъ себя инквизиторскій трибуналъ... Никто не можетъ быть спокоенъ за себя... Настоящее время опалъ, безумія, злобы можно сравнить развѣ только съ вѣками Тиверія и Нерона. Честные люди Собранія молчатъ вслѣдствіе недостатка мужества. Вотъ польза, которую представители страны извлекли изъ нашихъ побѣдъ». Если онъ замыслилъ, по своему любимому выраженію, «работать на широкомъ поприщѣ», онъ долженъ былъ торопиться. Онъ слишкомъ много говорилъ, чтобы не скомпрометировать себя. Смотря по ходу событій, близокъ былъ моментъ, когда ему придется выбирать между государственнымъ переворотомъ, изгнаніемъ или гильотиной. Его выборъ былъ сдѣланъ.

Онъ послѣдовательно одного за другимъ посылалъ въ Парижъ: Вестерманна—въ концѣ ноября, Тувено—въ началѣ декабря, чтобы изложить «отвратительное положеніе», въ какомъ онъ находился. Отвѣта не было. Пашъ продолжалъ свое разрушительное дѣло. Столкновеніе между министромъ и генераломъ обострилось до крайней степени. 18 декабря, Дюмуре испрашивалъ у Исполнительнаго совѣта позволенія явиться въ Парижъ. Декретъ 15 декабря прибавилъ новое неудовольствіе ко всѣмъ тѣмъ, которыя онъ уже породилъ. Этотъ декретъ облакалъ силою закона тѣ мѣры, которыя, по его мнѣнію, вредили военнымъ успѣхамъ, сохраненію Бельгіи, самому существованію арміи. Дюмуре обнаружилъ даже нѣкоторую попытку къ неповиновенію, отказавшись примѣнять декретъ. Комиссары Конвента пригрозили отрѣшить его отъ командованія, арестовать и призвать его къ отвѣтственности передъ Конвентомъ. Онъ сдѣлалъ видъ, что покорился, но сталъ готовить созваніе бельгійскаго національнаго Конвента, который учредилъ бы независимую республику и организовалъ бы вооруженныя силы, способныя отстоять независимость страны. Подготовительныя собранія были созваны въ послѣднихъ числахъ декабря, а окончательные выборы назначены на 10 января. Пропагандистскіе агенты употребили всѣ усилія и средства

чтобы помѣшать этимъ мѣрамъ. Дюмуре рассчитывалъ только на дѣйствіе своей побѣды въ Парижѣ, чтобы вырвать свое завоеваніе изъ ихъ рукъ. Онъ отправился туда къ концу декабря. Онъ намѣревался ниспровергнуть Паша и его безчестныхъ провіантмейстеровъ, постараться отстоять дѣло бельгійской независимости, ходатайствовать объ отмѣнѣ декрета 15 декабря, провести свои планы относительно Голландіи, испросить средства для ихъ выполненія, наконецъ побудить Конвентъ—отложить процессъ Людовика XVI, «возмутительный процессъ», какъ онъ его называлъ. Дюмуре не лишенъ былъ человѣчности: онъ видѣлъ Людовика XVI вблизи. Это глубокое несчастіе, такъ благородно переносимое, его тронуло; онъ боялся послѣдствій процесса для Франціи, республики, для самого себя.

Прибывъ въ Парижъ 1 января, онъ съ перваго взгляда убѣдился, что вмѣшательствомъ въ процессъ короля онъ погубилъ бы только себя, не принеся пользы Людовику XVI. Поэтому онъ ограничился хлопотами о судьбѣ Бельгіи и подготовленіемъ голландской экспедиціи: два дѣла, съ которыми отнынѣ будетъ связана вся его будущность. Онъ искалъ въ Парижѣ сторонниковъ или соумышленниковъ и едва нашелъ нѣсколько друзей. Явившись съ цѣлью прісмотреться къ средѣ и въ то же время показать себя, онъ принужденъ былъ уединенно поселиться въ Клиши, въ небольшомъ сельскомъ домикѣ, принимая только близкихъ друзей и работая надъ планами кампаніи, которые онъ представилъ Собранію вмѣстѣ съ жалобами на безпомощное состояніе, въ которое поставлена его армія, и угрозою выйти въ отставку. Его призывали въ Комитетъ общей обороны и въ Исполнительный совѣтъ, выслушивали, одобрили многія изъ его предложеній, но нигдѣ онъ не пріобрѣлъ преобладающаго вліянія. Онъ попробовалъ было доказать Камбону неудобство декабрьскаго декрета, но достигъ только того, что поссорился съ этимъ представителемъ Конвента.

Вслѣдъ за нимъ пріѣхалъ въ Парижъ Мольдъ (Maulde), посланникъ республики въ Гагѣ. Мольдъ видѣлся съ лордомъ Окландомъ и вторично съ пенсіонаріемъ ванъ-Спигелемъ. И тотъ и другой завѣряли, что они желали бы мира и что послѣдній возможенъ, если Франція откажется отъ присоединенія Бельгіи: въ противномъ случаѣ, война неизбежна. 3 января получено было письмо отъ Кюстина съ предложеніемъ начать переговоры о перемиріи съ Пруссіей; Исполнительный комитетъ отложилъ обсужденіе по этому предмету до того времени, когда выяснятся намѣренія Англіи. Въ тотъ же день Келлерманъ извѣщалъ письмомъ, что въ Женевѣ революція окончилась и что власть перешла къ демократамъ. Совѣтъ удовольствовался приглашеніемъ этого генерала сообщить, въ случаѣ надобности, что онъ имѣетъ приказаніе запясть Женеву, если бы иностранное вмѣшательство угрожало новому правительству. Казалось, все склоняло, по край-

ней мѣръ на короткое время, къ осторожности, какъ вдругъ пришло неожиданное извѣстіе, которое вызвало инцидентъ въ засѣданіи и повернуло страсти въ сторону приключеній. 6 января, секретарь Семонвиля, котораго Совѣтъ послалъ 24 октября съ распоряженіями относительно неаполитанской экспедиціи, прибылъ въ Парижъ съ депешами отъ адмирала Латуша. Монжъ, получившій ихъ, не имѣлъ времени даже распечатать ихъ; онъ отправился въ Конвентъ и потребовалъ, чтобы Бельвиль былъ допущенъ въ засѣданіе. Бельвиль вошелъ вслѣдъ за Монжемъ, президентъ дозволилъ ему присутствіе на засѣданіи и далъ ему слово. Вотъ факты, которые Бельвиль изложилъ изысканнымъ слономъ, обличавшимъ литературность рассказчика и интригана, но отнюдь не качества дипломата и военного человѣка.

Адмиралъ Труге довѣрилъ Латушу исполненіе инструкцій Совѣта. Адмиралъ 16-го декабря явился предъ Неаполемъ съ четырнадцатью кораблями. Парламентеръ пригласилъ его остановиться при входѣ въ портъ; онъ отвѣтилъ, что если осмѣлятся пустить хоть одинъ пушечный выстрѣлъ, онъ разрушитъ городъ. Ему было позволено высадиться на берегъ, и неаполитанскіе демократы тотчасъ же сбѣжались, чтобы обнять французовъ подъ окнами королевскаго дворца. 17-го числа Бельвиль высадился на берегъ. Латушъ непремѣнно хотѣлъ выбрать иѣстникомъ республики «гренадера» парижской національной гвардіи. Мако взялся ввести этого посланника-гражданина, и они вдвоемъ вручили Актову посланіе адмирала къ королю. Латушъ требовалъ, чтобы черезъ часъ времени ему было заявлено: неодобреніе посланника Обѣихъ-Сицилій въ Константинополь, отозваніе этого агента и назначеніе посланника въ Парижъ; въ противномъ случаѣ миръ будетъ нарушенъ и враждебныя дѣйствія начнутся немедленно. «Я прекращу разрушеніе и смерть,—объявилъ генералъ,—только тогда, когда превращу Неаполь въ груды развалинъ». Актонъ въ сильномъ волненіи понесъ депешу Фердинанду. Король, пришедшій въ ужасъ при видѣ флота, соглашался на всѣ требованія, лишь бы поскорѣе отдѣлаться отъ Латуша и его кораблей. Марія-Каролина въ бѣшенствѣ, униженная, но также страшно испуганная, совѣтовала уступить во всемъ, лишь бы поскорѣе быть свободной и вымѣстить на неаполитанскихъ демократахъ обиду, полученную ею отъ французовъ. Черезъ полчаса Актонъ принесъ порицаніе и обѣщанія, требуемыя Латушемъ. Бельвиль былъ допущенъ привѣтствовать Фердинанда. Латушъ отказался явиться ко двору. Какъ только Бельвиль воротился на корабль, адмиралъ поднялъ паруса и оставилъ Неаполь.

Рассказъ Бельвиля привелъ въ восторгъ Конвентъ. «Еще одинъ изъ Бурбоновъ зачисленъ въ списокъ побѣжденныхъ; короли стоятъ здѣсь на

очереди», — сказалъ президентъ Трейляръ, и пригласилъ Бельвиля принять почетное участіе въ засѣданіи Конвента. Приѣмъ совершенно военный, которымъ Латушъ такъ удачно смирилъ высокомерный неаполитанскій дворъ, ободрилъ сторонниковъ войны. Стиль Латуша, который былъ не чѣмъ инымъ, какъ солдатской риторикой, показался имъ слономъ республиканской дипломатіи. Многіе воображали, что стоитъ заговорить этимъ тономъ съ англичанами, и самъ Питтъ преклонится, какъ это сдѣлалъ Актонъ. Бриссо, не заходя такъ далеко въ самонадѣянности, склонялся однако къ тому же мнѣнію. Его избраніе въ Комитетъ обороны разогрѣло его безпокойную экзальтацію и страсть къ проискамъ. Онъ со своими друзьями былъ убѣжденъ, что англійскій народъ введенъ въ заблужденіе своимъ правительствомъ, что министерство, ведя борьбу съ республикой, на самомъ дѣлѣ, старалось нанести ударъ англійскимъ вольностямъ, что война, о которой Питтъ распускалъ слухи, была въ особенности парламентскою войною, предложомъ для внесенія законопроектовъ о вооруженіи, что, опередивъ приготовленія англійскаго Кабинета, разстроили бы его расчеты, что въ Англіи находится безчисленная масса гражданъ, расположенныхъ требовать отрѣшенія министровъ при первомъ взрывѣ борьбы съ Франціей, и что осталшая часть англичанъ, видя опасность для своей торговли, выскажется за миръ. Бриссо и его друзья воображали, что достаточно успокоить англійское общество относительно судьбы Бельгіи, чтобы нація отдѣлилась отъ правительства, призвала демократовъ къ власти, подтвердила нейтралитетъ государства и, можетъ быть, даже потребовала отъ правительства союза съ Франціей ³⁾).

Подъ вліяніемъ этихъ соображеній, Исполнительный совѣтъ рѣшилъ, 7-го января, что Шовелену будутъ даны вѣрительныя грамоты и что этотъ агентъ долженъ вручить Гренвиллю официальный отвѣтъ на ноту отъ 31-го декабря ⁴⁾. Эта нота воспроизводила вновь ограничительные комментаріи къ декрету 19-го ноября и низводила, нѣкоторымъ образомъ, этотъ революціонный декретъ къ обычаямъ стараго порядка. Франція вмѣшается только тамъ, куда призываетъ ее общая воля, выраженная ясно и безъ малѣйшихъ недоразумѣній: «Генриху IV не вмѣнялось въ преступленіе, что онъ повиновался волѣ народа, точно такъ же, какъ и королевѣ Елизаветѣ». Республика совѣтъ не выдастъ себя за всесвѣтнаго посредника. Она никому не навязываетъ закона, но и сама ни отъ кого не приметъ его. «Она отказалась и отказывается отъ всякихъ завоеваній; занятіе Нидерландовъ не продлится дальше войны и времени, необходимаго бельгійцамъ,

³⁾ Рѣчь Бриссо 12-го января 1793.

⁴⁾ *Moniteur*, t. XV, p. 123. Текстъ этой ноты.

чтобы обезпечить и утвердить свою свободу». Но если, несмотря на эти объясненія, враждебныя приготовленія будутъ продолжаться въ Англіи, Франція также вынуждена будетъ готовиться къ войнѣ. «Мы съ сожалѣніемъ будемъ воевать съ Англіей, которую уважаемъ; но мы будемъ сражаться безъ страха». Эта нота была послана Шовелену 8-го числа; 10-го Лебренъ писалъ ему: «Я васъ предупреждаю, гражданинъ, что мы здѣсь ждемъ съ нетерпѣніемъ рѣшительнаго отвѣта лондонскаго двора относительно его видовъ въ пользу мира или войны... Слѣдовательно очень важно, чтобы вы намъ сообщили немедленно ультиматумъ британскаго кабинета».

Это значило прямо идти къ разрыву съ британскимъ министерствомъ. Лебренъ этого не боялся, напротивъ, онъ полагалъ даже, что этотъ разрывъ повлечетъ за собою паденіе Питта. Съ этой задней мыслью онъ старался снова сблизиться съ англійской оппозиціей. Въ этомъ смыслѣ Маре, возвратившійся въ Парижъ, написалъ 7 января длинное письмо Миласу. Онъ изложилъ въ немъ подробно и ясно всѣ тѣ аргументы, которые могли бы оправдать присоединеніе къ республикѣ завоеванныхъ ея арміями странъ. Эти разсужденія, чрезвычайнаго вѣска, входили потомъ, въ продолженіе существованія Конвента, въ тексты государственныхъ манифестовъ. Въ сущности, это были разсужденіе диалектиковъ Конституанты; но подъ перомъ Маре они особенно выиграли въ ясности и слѣдовали въ своемъ развитіи за успѣхами революціи. «Представители французской націи,—писалъ Маре,—объявили, что Франція никогда не предприметъ никакой войны съ цѣлью завоеванія»; но изъ этого не слѣдуетъ, что каждое государство вольно напасть на Францію и замышлять ея раздробленіе, не подвергаясь никакому другому риску, кромѣ удаленія отъ французскихъ границъ. Франція, подвергшаяся нападенію, имѣетъ право на возмѣщеніе издержекъ, которыя ей были причинены этимъ несправедливымъ нападеніемъ. Она не постановляла декрета о неприкосновенности монархіи. Если вы хотите, чтобы въ будущемъ Франція отказалась отъ всякаго проекта расширенія, требуйте также, чтобы всѣ державы отказались навѣки отъ нападенія на нее». Присоединяя къ своей территоріи Савойю, Ницу, Майнцъ, Франція возмѣстила этимъ только свои потери людьми и деньгами; она покрыла издержки, но не обогатилась; она оказала возмездіе, но, собственно говоря, несколько не увеличилась. Впрочемъ, Маре развивалъ это положеніе единственно для того, чтобы придти къ слѣдующему заключенію: Франція, въ силу общественнаго права и обычая, имѣла бы права сохранить за собой завоеванныя территоріи; но она ихъ не сохранить. «Мы поступились безусловно признаваемыми въ Европѣ правами, но оспариваемыми пашею философіей. Мы подчинили наше законное удовлетвореніе волѣ покоренныхъ народовъ. Мало того: мы сохра-

нили за собой право отклонить желаніе присоединенія у другихъ народовъ, если бы нашли его неудобнымъ. «Такъ напримѣръ: великія побѣды сдѣлали насъ обладателями Бельгіи. Однако мы охотно согласимся предоставить ей свободное и независимое существованіе». Бельгійцы, вступивъ въ свои права, сами порѣшавъ со своими сосѣдями дѣло о Шельдѣ. Въ заключеніе Маре замѣтилъ, что если англійскій Кабинетъ будетъ упорно отказываться вести переговоры съ Шовеленомъ, Исполнительный совѣтъ не прочь послать другого посредника, напримѣръ, Бартелеми. Письмо было составлено такъ, чтобы сложить всѣ вины на англійскій кабинетъ и провести мысль, что при другихъ министрахъ Франція и Англія легко могли бы договориться.

Между тѣмъ какъ эти депеши шли въ Лондонъ, Конвентъ открыто предписывалъ, а Исполнительный совѣтъ припималъ къ немедленному исполненію мѣры, которыя были въ прямомъ противорѣчіи съ мирными завѣреніями. Въ то самое время, какъ гонецъ Лебрена долженъ былъ прибыть въ Лондонъ, парижскіе журналы давали англичанамъ возможность убѣдиться, что если республика расположена гарантировать, по соглашенію съ Англіей, «свободное и независимое существованіе» Бельгіи, то не иначе, какъ по введеніи въ этой странѣ надлежащаго, по мнѣнію Франціи, муниципальнаго устройства и послѣ того, какъ революція будетъ въ ней совершившимся фактомъ. Агенты-пропагандисты были—и не безъ причины—смущены отъѣздомъ Дюмуре въ Парижъ. Самый ярый, самый хитрый, самый предприимчивый и главный «вымогатель» изъ этихъ демагогическихъ разбойниковъ, Шепи, служившій очень непродолжительное время въ дипломатіи, дебютировавшій теперь на своемъ настоящемъ поприщѣ и закончившій его, естественнымъ образомъ, въ императорской полиціи, отправился по пятамъ генерала. Бельгійскіе клубисты, подобранные и выдрессированные его компаніонами и имъ самимъ, протестовали противъ выбора временныхъ администратцій; они требовали «сильныхъ мѣръ», «дня» (*une journée*) на манеръ парижскаго; корреспонденты парижскихъ журналовъ ихъ поддерживали; парижскіе клубы заволновались. Поддержанный такимъ образомъ, Шепи представился 2-го января Исполнительному совѣту. Министры, въ большомъ замѣшательствѣ, отсрочили свой отвѣтъ до выслушанія Дюмуре. Шепи возвратился въ Конвентъ. Письма комиссаровъ подготовили въ немъ умы въ сторону насилія. 8-го января клубисты изъ Брюгге явились въ Конвентъ, поздравляя Собраніе по поводу декрета 15-го декабря и требовали образованія восьмьдесятъ пятаго департамента республики. Камбонъ только и ждалъ этого случая. «Декретъ 15-го декабря,—сказалъ онъ,—постановленъ единодушно. Онъ былъ «настоящимъ пробнымъ камнемъ, котораго желалъ Конвентъ». Но его разослали безъ комиссаровъ. «Черезъ то дано

было партіямъ время сплотиться въ союзы противъ его исполненія. Однако, вотъ случай, когда должно озаботиться о благодѣяніяхъ, ниспосланныхъ намъ Богомъ для спасенія нашей свободы; свобода, вотъ та обѣтованная земля, гдѣ всѣ народы найдутъ небесную манну... Я требую, чтобы Исполнительный совѣтъ представилъ отчетъ въ этомъ же засѣданіи, и притомъ письменно, относительно исполненія декрета и о посылкѣ національныхъ комиссаровъ». Конвентъ сдѣлалъ постановленіе, и Исполнительный совѣтъ былъ немедленно объ этомъ увѣдомленъ.

Это верховное повелѣніе остановило всѣ распоряженія Совѣта. Совѣтъ уже приготовилъ посылку комиссаровъ, тщательно подобравъ ихъ, составилъ для ихъ руководства проектъ весьма подробныхъ инструкцій и только отложилъ приведеніе въ исполненіе этой мѣры, желая предварительно выслушать Дюмурье и, въ особенности, приберечь ее, какъ послѣднее средство для соглашенія съ Англіей. Онъ не осмѣлился противиться декрету. Въ тотъ же день онъ доложилъ Конвенту, что его повелѣнія были предупреждены, что мѣры уже приняты и черезъ нѣсколько дней всѣ комиссары будутъ въ дорогѣ. 16-го января инструкціи комиссарамъ были обнародованы въ Парижѣ. 18-го числа декретъ былъ расклеенъ по стѣнамъ въ Брюсселѣ, — примѣненіе его началось — и всѣ плоды побѣды, приобретенные при Жемаппѣ, были разрушены. Бельгія не могла болѣе служить французскимъ арміямъ ни зимнею квартирой, ни операціоннымъ базисомъ, ни линіей отступленія. Кампанія 1793 года заранѣе была скомпрометирована. Въ тотъ самый день, въ который былъ объявленъ бельгіянамъ этотъ роковой декретъ, французское правительство вынуждено было отсрочить приготовленія къ экспедиціи въ Зеландію, такъ какъ Миранда, на котораго возложены были эти приготовленія, заявилъ, что проектъ «очень трудно выполнить въ томъ состояніи нужды и познато отсутствія магазиновъ, въ которомъ наши арміи находятся».

Между тѣмъ съ Англіей положеніе вещей явно клонилось къ разрыву. 10-го января прибылъ гонецъ отъ Шовелена; этотъ уполномоченный, сообразно своимъ инструкціямъ, адресовалъ Гренвиллю, въ качествѣ посланника республики, ноты по поводу *alien bill* и хлѣбной торговли. Гренвилль отослалъ ему назадъ его писаніе, «которое онъ разсматриваетъ, — извѣщалъ онъ, — какъ вполне лишнее всякой авторитетности, такъ какъ г. де-Шовеленъ присвоиваетъ въ немъ себѣ достоинство, которое за нимъ совсѣмъ не признано. Исполнительный совѣтъ сообщилъ эти документы, 31-го числа, дипломатическому комитету. Комитетъ рѣшилъ довести до свѣдѣнія Конвента ноту Гренвилля, отъ 31-го декабря, и ноту Лебрена, отъ 7-го января. Лебренъ читалъ ихъ въ Собраніи 12-го января. Бриссо, во время самаго засѣданія, составилъ докладъ отъ имени комитетовъ: ди-

пломатическаго, морскаго и общей обороны. Онъ, казалось, помолодѣлъ на нѣсколько мѣсяцевъ и исправилъ, въ примѣненіи къ Англіи, второе изданіе своего доклада объ отношеніяхъ къ Австріи. «Англія, — сказалъ онъ, — хочетъ, какъ того хотѣла Австрія, истощить насъ вооруженнымъ миромъ и ждать благоприятнаго часа, чтобы объявить намъ войну. Надо разрушить замыслы Сепъ-Джемака кабинета, какъ разрушили замыслы вѣнскаго двора, принять безотлагательно энергическія мѣры и потребовать категорическихъ объясненій». При этомъ Бриссо, съ свойственными ему легкомысліемъ и самохвальствомъ, не преминулъ заявить, что въ этомъ предпріятіи можно стяжать славу, не рискуя ничѣмъ, и проявить героизмъ, не подвергаясь ни малѣйшей опасности. Воображая, что онъ этими риторическими пугалами приведетъ въ трепетъ англичанъ, что, отнесся съ презрѣніемъ къ британскимъ «патріотамъ» и оскорбляя ихъ отечество, онъ привлечетъ ихъ въ французскій союзъ, — онъ изобразилъ картинку разрушенія Альбіона, зловѣщую для англичанъ и ободряющую для французовъ. Онъ «раздираетъ завѣсу, скрывающую этотъ величественный колоссъ». Онъ «разоблачаетъ на чистоту эти подмостки англійскаго величія», показывая ихъ пустоту». Нѣтъ денегъ, нѣтъ залоговъ для займовъ, нѣтъ войска, однѣ только толпы переселенцевъ, бѣгущихъ изъ Шотландіи, да три милліона готовыхъ къ возстанію ирландцевъ; нѣтъ друзей! «Судите же о безпокойствѣ величайшей изъ державъ!» Прибавьте ко всему этому возстаніе въ Индіи: французы появятся въ Азіи «не для того, чтобы замѣстить англичанъ, изгнавъ ихъ, но чтобы возвратитъ Индіи ея независимость». Бриссо, въ заключеніи, приглашаетъ англійскую націю предупредить «эту нечестивую, братоубійственную борьбу», которой Франція гнушается, и единственнымъ защитникомъ которой является англійскій Кабинетъ. Франція готова успокоить англійскій народъ. «Мы общаемъ уважать ваши и вашихъ союзниковъ права, уважайте же и вы наши принципы».

Конвентъ издаетъ декретъ согласно этимъ заключеніямъ: Исполнительный совѣтъ заявить, что республика желаетъ жить въ братскомъ соглашеніи съ англійскимъ народомъ и потребуетъ взятія назадъ проекта *alien bill*, отмѣны запрещенія вывоза хлѣба и успокоительнаго объясненія относительно англійскихъ вооруженій. На другой день, 13-го января, по представленіи Комитета обороны, Конвентъ рѣшаетъ немедленно вооружить тридцать кораблей и двадцать фрегатовъ, построить двадцать пять новыхъ кораблей и двадцать фрегатовъ, вотируетъ тридцать милліоновъ франковъ на военныя приготовленія, посылаетъ въ порты комиссаровъ и обращается съ призывомъ къ волонтерамъ-морякамъ. Въ видѣ дополненія ко всѣмъ этимъ мѣрамъ и съ цѣлью держать англичанъ въ извѣстныхъ границахъ, если они пожелаютъ мира, или ослабить ихъ, если они захо-

тять войны, Жене, назначенный посланникомъ въ Соединенные штаты, получилъ приказаніе завязать переговоры съ этой республикой относительно «національнаго договора», изъ котораго долженъ будетъ произойти союзъ съ цѣлью распространенія свободы и верховенства народовъ... Этотъ договоръ долженъ былъ повести къ освобожденію испанской Америки и открыть Миссисипи американцамъ, освободить Луизиану и, можетъ быть, «присоединить къ американскому созвѣздію прекрасную звѣзду Канады». Жене вмѣнялось въ обязанность подготовить къ этому умы при помощи дѣятельной пропаганды въ Луизианѣ, въ испанскихъ колоніяхъ Соединенныхъ штатовъ и въ Кентуки. Онъ долженъ былъ также выдавать каперскія свидѣтельства французскимъ и американскимъ судохозяевамъ и офицерскіе дипломы индѣйскимъ начальникамъ, вооружившимся противъ Англіи и Испаніи.

Между тѣмъ билль (*alien bill*), принятый Палатою общинъ, былъ санкціонированъ 8-го января. Шовеленъ предчувствовалъ тяжесть своей отвѣтственности. Онъ отложилъ заявленіе объ упраздненіи торговаго договора, ожидая новаго распоряженія. Онъ не получилъ ничего, и 12-го числа, утромъ, рѣшился заявить о нарушеніи договора 1786 года. Днемъ онъ получилъ депешу изъ Парижа, отъ 7-го и 8-го января, и поэтому немедленно просилъ свиданія съ лордомъ Гренвиллемъ, который на этотъ разъ согласился его принять. Шовеленъ передалъ ему ноту Исполнительнаго совѣта, отъ 7-го января. Лордъ Гренвилль сказалъ, что онъ отвѣтитъ на нее письменно. Шовеленъ требовалъ разрѣшенія представить ему свои вѣрительныя грамоты: лордъ Гренвилль нахмурился и отговорился тѣмъ, что ему необходимо посоветоваться предварительно съ своими товарищами. Шовеленъ настаивалъ на скоромъ отвѣтѣ. Въ тотъ же самый день Мильсъ, который съ тѣмъ же курьеромъ получилъ письмо отъ Маре, отвѣчалъ ему: «Съ невыразимой радостью смотрю на сближеніе. Еще одинъ шагъ, мой другъ, и все пойдетъ на славу». Но этотъ шагъ представлялъ огромныя затрудненія. Раньше чѣмъ требовать предварительнаго признанія республики, Франція, по мнѣнію Мильса, должна бы «отложить» дѣло о Шельдѣ и дать «удовлетворительныя объясненія» по поводу декретовъ 19-го ноября и 15-го декабря. «Сдѣлайте это, — прибавилъ этотъ гуманнѣйшій англичанинъ, — повторите увѣреніе, что Франція рѣшительно не имѣетъ намѣренія присоединять бельгійскія провинціи и ваши другія завоеванія къ Франціи, и вы увидите, какъ всѣ поводы къ опасенію и зависти будутъ устранены и не останется никакого предлога искать съ вами ссоры».

Такимъ образомъ въ Англіи республика очутилась не въ завидныхъ отношеніяхъ и съ друзьями, и съ врагами. Извѣстія, получавшіяся въ послѣдующіе затѣмъ дни изъ Парижа, роковой ходъ королевскаго процесса,

докладъ Бриссо, военныя приготовленія — все это служило къ усиленію унынія въ однихъ и равнодушія въ другихъ. 18-го числа Гренвилль послалъ свой отвѣтъ Шовелену. Онъ былъ совершенно отрицательный и написанъ въ высокобѣрномъ тонѣ. Письмо извѣщало, что въ виду французскихъ вооруженій Англія приметъ также необходимыя мѣры, «чтобы противопоставить преграду честолюбивымъ и завоевательнымъ видамъ, опаснымъ вообще во всѣ времена для остальной Европы, но которые становятся еще болѣе опасными, когда поддерживаются распространеніемъ началъ, разрушающихъ великій общественный порядокъ». 19-го числа Шовеленъ переслалъ эту ноту Лебрену. «Мое положеніе, — прибавилъ онъ, — становится невозможнымъ; и не могу даже послать гонца; ничего болѣе не остается, какъ взяться за оружіе».

Дѣла Франціи съ Испаніей были почти въ такомъ же положеніи. Лебренъ предложилъ назначить уполномоченныхъ для контроля взаимнаго обезоруженія. Но онъ не слишкомъ рассчитывалъ на успѣхъ этихъ переговоровъ, послѣ извѣстныхъ сильныхъ декларацій и отказа Конвента выслушать предложенія Окарица. 14-го января получилъ онъ депешу отъ Бургоана, помѣченную 3-мъ числомъ: «Гражданинъ-министръ, считаю своею обязанностью повторить вамъ, не позволяя себѣ высказать при этомъ никакого своего мнѣнія, что поведеніе испанскаго двора, по всей вѣроятности, будетъ завѣсть отъ участіи Людовика XVI. Если онъ погибнетъ, война мнѣ кажется неизбежною; если онъ будетъ пощаженъ, я полагаю, тогда не трудно будетъ заставить Испанію выслушать доводы противъ ея морскихъ вооруженій».

VI.

Этотъ процессъ, смутившій всю Европу, привелъ весь Парижъ въ лихорадочное состояніе. Всѣ революціонные элементы въ сильнѣйшемъ возбужденіи хлопотали вокругъ Собранія. Воззванія и предложенія клубовъ, пасквили и доносы, сборища толпы — все это были только бѣшенныя угрозы подъ различными формами. Большинство членовъ Конвента капитулировало по всѣмъ статьямъ. Даже тѣ, которые взялись подчинить это большинство, презирали его при видѣ такого его униженія, и опасаясь, чтобы оно не встрепнулось въ порывѣ мужества, они старались еще болѣе принизить его¹⁾. Подача голосовъ началась 15-го числа, и происходила на трибунѣ, публично, по переключкѣ. Собраніе было почти въ полномъ составѣ: никогда

¹⁾ «Національный Конвентъ... подавленъ тяжестью своего позора», писала 14 января жена одного монтаньяра, ярая фанатичка. «Никогда еще талантъ и порокъ не являлись въ такомъ сочетаніи на позоръ и несчастіе человечества»... Лосроу, *Journal d'une bourgeoise*, p. 331.

оно не было столь многочисленно. Всёмъ чувствовалось, что приходится платить своей головой и что не будутъ приняты въ уваженіе никакія оправданія въ отсутствіи. Изъ числа 720-ти присутствующихъ депутатовъ, 683 высказались за виновность Людовика. Изъ 717-ти депутатовъ, 283 подали голосъ за обращеніе къ народу и 424 противъ. Отбираніе голосовъ о назначеніи наказанія началось 16-го числа, въ 8 часовъ вечера. Члены Конвента засѣдали цѣлый день. Они были уже въ нервномъ состояніи, когда отправились, въ сумрачную зимнюю ночь, на это засѣданіе, продолжавшееся двадцать-четыре часа. Зала представляла длинный параллелограммъ съ двухъ-этажными огромными навѣсными галереями. Люстра и подвѣшники издавали тусклый и закопѣлый свѣтъ. Депутаты входили изъ корридоровъ въ залу и выходили, ожидая очереди явиться по зову и ободряя друзей своимъ присутствіемъ или запугивая своихъ враговъ, и повременамъ расхаживая то тамъ, то сямъ, между скамьями, переходя отъ возбужденнаго состоянія къ сонливости. Публика, находившаяся на трибунахъ, давила другъ друга, чтобы лучше видѣть. Нѣсколько роялистовъ успѣло обратиться въ лучшія, особыя мѣста первой галереи. Большинство присутствующихъ состояло изъ любопытныхъ, между которыми было много женщинъ, тогдашнихъ щеголей и щеголихъ; ихъ находили вездѣ и всегда, даже около гильотины: ихъ привлекала менѣе жажда зрѣлища, нежели желаніе порисоваться и потщеславиться своей принадлежностью къ высшему свѣту. Наверху публичныя трибуны, занятые тысячею изступленныхъ клубистовъ, были биткомъ набиты подъ темнымъ и глубокимъ сводомъ крыши. Эти люди топали ногами, орали, ревѣли, рукоплескали, примѣшивая къ плоскимъ шуткамъ ругань. Такъ какъ никто не хотѣлъ потерять занятаго имъ мѣста, то тутъ же, каждый на своемъ мѣстѣ, располагался ѣсть, какъ въ театрѣ во время народныхъ представленій. Эта толпа грубо наслаждалась единственнымъ въ своемъ родѣ зрѣлищемъ, когда рѣшалась по поводу жизни одного человѣка жизнь столькихъ тысячъ людей. Депутаты появлялись на трибунѣ одинъ за другимъ, сопровождаемые рукоплесканіями или шиканьемъ, смотря по тому, подавали ли они голосъ за смертную казнь или за помилованіе. Настоящій приговоръ былъ, въ сущности, не тотъ, который они произносили надъ королемъ, а тотъ, который они произносили надъ самими собой. Въ этой трагедіи, которую члены Конвента давали нации, по выраженію Дантона ²⁾, особа Людовика XVI исчезла со сцены. Все ея дѣйствіе сосредоточилось въ голосованіи Конвента. Члены Конвента чувствовали, что они вотируютъ свою собственную участь въ революціи и въ исторіи. Два великіе образа, которые каждый изъ нихъ долженъ бы вызвать въ умѣ—

²⁾ Discours du 16 janvier, *Moniteur* t. XV, p. 176.

справедливость и отечество—какъ бы затмились въ потемкахъ этой ночи. Между тѣми, которые считали себя справедливыми, сколько было только фанатиковъ! Между тѣми, которые полагали, что спасаютъ государство, сколько было спасающихъ только самихъ себя! Вслѣдствіе этого произошло то, что многіе изъ царевѣицъ сохранили родъ священнаго ужаса при воспоминаніи объ этомъ засѣданіи и сурово молчали, когда впоследствии спрашивали у нихъ объясненія ихъ вота, или вмѣсто всякаго другого отвѣта произносили лишь одни простые слова: такъ пужно было! ³⁾.

Подача голосовъ закончилась 17 января въ 8 часовъ вечера. Въ то время, какъ считали голоса, президентъ заявилъ, что испанскій дипломатическій агентъ Окарицъ сообщилъ депешу отъ своего правительства. Это была послѣдняя попытка заступничества за короля. Дантонъ, вернувшійся изъ Бельгіи днемъ 16 января, мотивировалъ свою подачу голоса слѣдующими словами: «Съ тиранами нельзя идти на сдѣлку, ихъ поражаютъ только въ голову; отъ европейскихъ правителей можно добиться чего-нибудь только при помощи силы оружія!» Онъ взомелъ на трибуну: «Если бы всѣ раздѣляли мое мнѣніе, то немедленно вотировали бы войну съ Испаніей. Впрочемъ пусть выслушаютъ, если хотятъ, этого посланника, но президентъ долженъ ему сказать, что побѣдители при Жемаппѣ не унижать славы, которую они стяжали тамъ, и что они найдутъ въ себѣ новыя силы, чтобы истребить всѣхъ европейскихъ королей, сговорившихся противъ насъ». Собраніе отказалось выслушать чтеніе депеши, и затѣмъ результатъ голосованія былъ провозглашенъ.

Несмотря на всю махинацію застраиванія, которою монтаньяры окружили умѣренныхъ, голосъ сердца и совѣсти былъ такъ силенъ до послѣдняго часа, что недоставало только нѣсколькихъ голосовъ, чтобы смертная казнь была отвергнута. Изъ 749-ти членовъ 721 приняли участіе въ голосованіи; абсолютное большинство, требуемое для законности вота, было 361 голосъ; 361 голосъ высказался безусловно за смертную казнь. 26 членовъ вотировали за смертную казнь съ оговоркою относительно вопроса объ отерочкѣ, но объявляя свой вотъ за смертную казнь независимымъ отъ этой оговорки. При провѣркѣ, эти 26 голосовъ были прибавлены къ тѣмъ, которые были безусловно за смертную казнь, и такимъ образомъ казнь была провозглашена 387 голосами.

Исполненіе приговора происходило 21-го января. Если самый процессъ

³⁾ Нѣтъ ничего знаменательнаго, какъ слѣдующая глава ихъ трехъ строчекъ въ запискахъ одного изъ подававшихъ голоса, Тибодо. «Мемуары: гл. II, 21 января: Здѣсь представляется событіе въ высшей степени трагическое въ революціи; еще недостаточно тридцати лѣтъ, протекшихъ съ того времени, чтобы можно было приступить къ изслѣдованію этого предмета». И только.

имѣлъ характеръ театральный, то казнь совершилась съ полною торжественностью. Коммуна, располагавшая фанатизированною и вооруженною чернью, считала необходимымъ развернуть всѣ свои боевыя силы и расположить побатарейно свои пушки, чтобы заставить уважать приговоръ Конвента. Людовикъ XVI, влекомый на эшафотъ, казалось все еще былъ опасенъ для тѣхъ, кто его свергъ съ престола. Такихъ грозныхъ приготовленій не было бы сдѣлапо, если бы на казнь вели жирондистовъ, Дантона или Робеспьера. Эти приготовления даже въ своей подѣлкѣ все еще были королевскими. Члены Конвента тщетно домогались смѣшнымъ прозвищемъ Капета низвести короля въ сферу общаго права; тщетно претендовали они, бросивъ трупъ въ негашеную известь, уничтожить послѣдніе остатки королевской власти; помимо своей воли они продолжали обходиться съ нимъ какъ съ монархомъ, и казнь короля еще болѣе выдѣляла его изъ среды французовъ.

Казнь сдѣлала болѣе. Она возвысила Людовика XVI и отиѣтила его въ исторіи. Царствованіе его было очень посредственное: служившій предметомъ насмѣшекъ собственнаго двора, презираемый другими монархами, которые воображали себя сильными и гениальными, обреченный погибнуть жалкимъ образомъ въ волнахъ революціи, онъ могъ бы прибавить еще лишнее имя къ темной серіи неспособныхъ или благодушныхъ королей, предназначенныхъ къ ниспроверженію, бѣгству и изгнанію. Междоусобная война сдѣлала бы его имя ненавистнымъ; изгнаніе изгладило бы память о немъ, эшафотъ же окружилъ его ореоломъ. Срывая съ него королевскую мантию и корону, которая его давила, Конвентъ открылъ въ немъ человѣка безпримѣрнаго благодушія, человѣка, который обнаружилъ во время разлуки со всѣмъ тѣмъ, что онъ любилъ, въ забвеніи оскорбленій, которыя получилъ, наконецъ въ смертный часъ—самопожертвованіе и абсолютное упованіе въ вѣчную справедливость, что составляетъ самый трогательный источникъ добродѣтелей человѣческаго рода. Конвентъ исключилъ его изъ списка политическихъ властителей, въ которомъ онъ занималъ низшій рангъ, но помѣстилъ его въ рядъ высокихъ жертвъ судьбы. Въ первый разъ съ того времени, какъ Людовикъ началъ царствовать, онъ оказался на высотѣ своего положенія. И такъ какъ въ этотъ день его выставили на позорище толпы съ необыкновенною торжественностью,—а такіе дни остаются въ исторіи народовъ,—то его имя соединилось въ умѣ народа съ мыслью о величайшемъ здополучіи, перенесенномъ съ благороднѣйшимъ мужествомъ. Его царствованіе и его паденіе ступеневываются среди событій французской революціи; его смерть остается наиболѣе знаменательною и наиболѣе трагической страницей этой революціи.

Если бы что-либо въ состояніи было воскресить старинную монархію

Капетинговъ, то событіе 21 января, благодаря этому, такъ сказать, преображенію, могло бы совершить это чудо. Но паденіе королевской власти было неизбежно: королевство подготовило его собственными руками, революція только провозгласила его. Эта монархія, почти жреческая при своемъ возникновеніи, исчезла, такъ сказать, со свѣта въ доблести христіанскаго мученичества. Есть что-то символическое и глубокое въ словахъ, которыя приписываютъ духовнику Людовика XVI: «Сынъ св. Людовика! взйди на небо!» Корона, бывшая долгое время знакомъ мистическаго союза династіи съ французскимъ народомъ, съ этой поры становится священной реликвіей исчезнувшей религіи. Съ Людовикомъ XVI навсегда погибла старинная королевская власть. Были и послѣ французскіе монархи, но не было французскихъ королей. Отнынѣ во Франціи будутъ возможны только временныя, непрочныя монархіи, вышедшія изъ войнъ или путемъ государственнаго переворота и обреченныя рушиться отъ военныхъ пораженій или мятежей. Исторія насчитываетъ семь царствованій со дня 21 января. Только одно прекратилось естественной смертью государя, остальные шесть кончились изгнаніемъ, въ числѣ изгнанниковъ было три императора и три короля.

Здѣсь выказывается политическая ошибка монтаньяровъ. Единственное чувство, которое было способно оживить въ сердцахъ французовъ привязанность къ монархіи, это состраданіе; единственная необходимость, которая была способна привести націю къ правительству одного человѣка—это спасеніе революціи. Монтаньяры совершили цареубійство съ цѣлью искоренить даже воспоминаніе о королевской власти, сдѣлать правленіе ихъ партіи неразрывнымъ съ торжествомъ демократіи, отождествить ихъ личности съ республикой, возбудить всеобщую войну, которая сдѣлала бы невозможною сдѣлку между Европой стараго режима и революціонной Франціей. Всѣ эти расчеты обратились противъ республики. При своихъ расчетахъ они не приняли въ соображеніе ни Франціи, ни Европы: Францію съ ея великодушнымъ характеромъ, ея стремленіемъ къ порядку, труду и спокойствію; Европу съ ея алчкими нравами, съ ея завоевательными обычаями. Терроръ не преобразовалъ ни французовъ въ спартанцевъ, ни европейскихъ королей въ крестоносцевъ. Франція была человѣчна; это чувство составляло душу ея революціи; она жалѣла Людовика XVI и гнушалась террористовъ. Цареубійство, рѣшенное, мотивированное и публично провозглашенное какъ декларация войны противъ всѣхъ монарховъ, соединило этихъ королей противъ Франціи. Республика предприняла принципиальную войну противъ монарховъ, которые, напротивъ, вели ее противъ Франціи чисто въ своихъ личныхъ интересахъ; она доставила Европѣ связь, которой у ней не было; она, такъ сказать, обязала составить противъ самой себя, хотя бы только въ видѣ предосторожности, союзъ государей, распри которыхъ могли быть,

да и были въ дѣйствительности, ея спасеніемъ; потомъ, переставъ ихъ звать и грозить имъ смертію, она вошла съ ними въ торговые сдѣлки и договоры. Европейскіе короли обнаружили весьма мало участиваго отношенія къ Людовику XVI. Вооружась, чтобы возстановить его монархію, они не должны были ее обирать: выступая на защиту его особы, они должны были шадить республику, которая держала короля заложникомъ. Послѣ 21 января нечего было болѣе шадить. Европа заботилась теперь только о защитѣ себя отъ пропаганды и отъ завоеваній. На войну во имя пропаганды и революціонныхъ завоеваній она отвѣтила войною раздробленія и истребленія. Эта война, принявшая гигантскіе размѣры, которыхъ монтаньяры только и желали, поглотила всю дѣятельность республики и всю революцію. Она привела къ военному правленію и царству солдата, но этотъ солдатъ, вышедшій изъ республики, былъ побѣдителемъ королей, разрушителемъ прежняго режима и организаторомъ революціи, короновацной въ его особѣ. Именно этимъ околнымъ, но вѣрнымъ путемъ царевѣйство привело Францію къ монархіи, въ которой столь многіе изъ тѣхъ, кто участвовалъ въ этой непоправимой баллотировкѣ, сдѣлались сановниками, царедворцами или слугами монарха, ими призваннаго, начиная Бареромъ, бывшимъ шпиономъ императорской полиціи, Фуше, бывшимъ министромъ полиціи, и кончая Давидомъ, изобразившимъ на полотнѣ коронованіе императора и нарисовавшимъ портретъ папы ⁴⁾. Казнь Людовика XVI требовалась только во имя общественнаго спасенія, она оправдывалась по закону даже тѣхъ, кто ее требовалъ, только государственной необходимостью. Исторія показываетъ, что политически она была актомъ гибельнымъ для благосостоянія Франціи; и потому во имя той же политической необходимости ее не слѣдовало допускать.

⁴⁾ Изъ 361 подавшихъ голосъ за безусловную смертную казнь и 26, за казнь но съ отсрочкою, т. е. изъ 387 членовъ Конвента, 34 погибли на эшафотѣ, 21—отъ насильственной смерти, 28—отъ естественной смерти, всего 83 члена исчезли раньше 18 брюмера; изъ остальныхъ 304, 127 человекъ занимали государственныя должности при Наполеонѣ. MORTIMER-TERNAUX, t. V, p. 515.—См. QUINET. *La Révolution*, liv. XII, ch. II: *Procès et mort de Louis XVI*; liv. XXVI, ch. VI: *Les conventionnels en exil*.

ГЛАВА V.

Завоевательная война.

1793.

I.

Послѣдствія 21 января не замедлили своимъ проявленіемъ. Разрывъ съ Англіей былъ теперь неизбѣженъ. Національныя страсти и съ той и съ другой стороны влекли къ нему неотразимо, и сами правительства были увлечены этимъ теченіемъ. Правда, сдѣлано было нѣсколько попытокъ для замедленія событій. Онѣ остались безуспѣшными. Дюмуре видѣлъ, что всѣ его планы рушились. Людовикъ XVI былъ казненъ, революціонная система торжествовала въ Парижѣ и въ Бельгіи; общая война, возбуждаемая страстями правящихъ, казалась необходимостью, благодаря ихъ дѣйствіямъ. Онъ чувствовалъ «отчаяніе въ душѣ». И все-таки онъ не отказывался еще употребить нѣкоторыя рѣшительныя мѣры, которыя могли бы доставить миръ извнѣ, потомъ возстановить его внутри и послѣдовательно уничтожить и коалицію и монтаньяровъ неожиданнымъ вторженіемъ, противъ первой, и возвращеніемъ французскихъ арій для дѣйствія противъ вторыхъ. Экспедиція въ Индію не осуществилась, по причинѣ плохого состоянія флота,—Совѣтъ долженъ былъ отказаться отъ нея. Послѣднимъ ресурсомъ для войны оставалась голландская экспедиція, но при жалкомъ состояніи расположенной въ Бельгіи арміи необходимо было имѣть нѣсколько дней отсрочки, чтобы привести ее въ надлежащій видъ. Важно было при походѣ въ Голландію прибыть туда раньше, чѣмъ Англія вступитъ въ коалицію. Дюмуре указывалъ министрамъ на необходимость выиграть время. Отъ Мольда прибыли предложенія со стороны лорда Окленда и главнаго пенсіонарія; эти предложенія были сдѣланы еще раньше 21 января. Дюмуре, однако, льстилъ себя надеждою, что лица, ведущія переговоры, окажутся податливыми. Бенуа, пріѣхавшій изъ Лондона съ сообщеніями Талейрана, поддерживалъ его въ этой иллюзіи.

Дантонъ поддержалъ его. Несмотря на перемѣну, происшедшую въ рѣчахъ и положеніи англійскихъ либераловъ, Дантонъ все еще надѣялся привлечь ихъ симпатіи къ Франціи, доставить имъ случай ниспровергнуть Питта, помочь имъ овладѣть властью и открыть съ ними переговоры, по

крайней мѣрѣ, о нейтралитетѣ, а можетъ быть и о союзѣ, который былъ бы основанъ на революціонныхъ началахъ и долженъ былъ бы освятить, такъ сказать, побѣды революціи. Дантонъ, въ свою очередь, составилъ химерическій планъ, на которомъ ошибся Бриссо и который спустя нѣсколько лѣтъ такъ лелѣялъ Наполеонъ. Онъ рассчитывалъ привести въ ужасъ англичанъ смѣлостью и неожиданностью ударовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ сдерживать ихъ постоянными обѣщаніями переговоровъ до того момента, когда Питтъ падетъ подъ ударами негодующаго общественнаго мнѣнія, а либералы устроятся отвѣтственности войны; страхъ принудить англичанъ уступить всѣмъ требованіямъ Франціи. Къ этому времени военныя дѣйствія были бы настолько подвинуты, что французы могли бы предложить переговоры на основаніи совершившихся фактовъ, т. е. на основаніи признанія революціи Бельгіи и подчиненія Голландіи. Англійская торговая аристократія, при видѣ увѣнчанныхъ военныхъ предпріятій, которыхъ она такъ страшилась, покорится всѣмъ вытекающимъ изъ нихъ послѣдствіямъ, изъ опасенія сдѣлать ихъ еще болѣе для себя тяжелыми, и покинетъ Бельгію, чтобы спасти Голландію. Тѣ же самые интересы, которые соединились, чтобы поддержать Питта и воодушевить его къ войнѣ, направятся тогда къ тому, чтобы требовать мира и переменъ министерства ¹⁾. Несмотря на сопротивление Клавьера, Наха и Монжа, Лебренъ и Гара настояли на возобновленіи тайныхъ переговоровъ съ Англіей.

23 января Дюмурье писалъ Мирандѣ: «По всей вѣроятности, катастрофа 21 января сдѣлаетъ нашими врагами всѣ европейскіе народы... Намъ еще не извѣстно, какое положеніе приметъ Англія, и это положеніе должно рѣшить наше отношеніе къ Голландіи. Совѣтъ, по желанію Англіи и Голландіи, имѣетъ намѣреніе послать меня въ Англію чрезвычайнымъ посломъ, чтобы заставить эту націю категорически высказаться за миръ или войну... Такъ какъ дѣло идетъ о *да* или *нѣтъ*, которыхъ я долженъ требовать, какъ Катонъ въ Карфагенѣ, то моя миссія не продлится болѣе недѣли... Эта мѣра важна и благородна. Если она удастся, мы уменьшимъ число нашихъ враговъ и можемъ вести ту же войну, какъ въ предшествовавшую кампанію. Если она не удастся, мы опередимъ англичанъ и пруссаковъ. Мы изумимъ ихъ нападеніемъ на Голландію; мы совершимъ важную диверсію, которая спасетъ армію Кюстина, и достигнемъ скорѣе мира, ибо къ этому должно стремиться... ²⁾».

Въ тотъ же день Дюмурье писалъ лорду Окланду, прося у него свиданія на голландской границѣ, между Антверпеномъ и Бредой. Маре отправился въ Англію, чтобы подготовить Питта, въ случаѣ надобности, къ

¹⁾ Robinet, *Danton émigré*. Рѣчи Дантона 10 марта 1793 г.

²⁾ Rolas, *Miranda*, p. 42.

принятію Дюмурье. Лебренъ приказалъ Шовелену возвратиться во Францію, передавъ лорду Гренвиллю послѣднюю ноту. «Вы дадите понять, что если британское министерство, возвратившись къ чувствамъ болѣе благоразумнымъ, пожелало бы сближенія, оно найдетъ насъ расположенными къ этому; ...что эта война, будь она для насъ даже рядомъ побѣдъ, представляется намъ все-таки бѣдствіемъ, если она вызываетъ національную ненависть, для искорененія которой недостаточны будутъ многіе годы».

Дюмурье оставилъ Парижъ 26 января, рѣшившись на борьбу. Онъ обладалъ достаточной пропихательностью, чтобы понять, что время заманчивыхъ приключеній прошло, но не имѣлъ ни достаточно предусмотрительности, ни достаточно гражданской доблести, чтобы видѣть въ революціи нѣчто иное, кромѣ отважныхъ военныхъ приключеній.

Извѣстіе о казни Людовика XVI распространилось въ Лондонѣ 23 числа къ вечеру. Уныніе было всеобщее. Театры закрылись. При дворѣ наложенъ трауръ. Король появился въ публикѣ и былъ принятъ восклицаніями: «Война французамъ!» Однако Питтъ и Гренвилль еще колебались относительно принятія окончательныхъ мѣръ. Они опасались полного разрыва съ тѣми изъ виговъ, которые, не оправдывая царубійства, однакожъ оставались противниками войны. Они не вполне отчаявались достигнуть, при помощи переговоровъ лорда Окланда, честнаго способа сохранить нейтралитетъ для Голландіи и добиться очищенія Бельгіи. Но Георгъ III былъ въ негодованіи. Онъ вмѣшался въ дѣло лично и повелѣлъ Гренвиллю выгнать Шовелена. Кабинетъ объявилъ, 24 числа, этому посланнику, что онъ долженъ оставить королевство 1 февраля. Онъ тотчасъ же уѣхалъ. 28 числа парламентъ былъ увѣдомленъ объ этомъ, а король въ посланіи потребовалъ вооруженій противъ республики. Этимъ временемъ пріѣхалъ Маре. Онъ написалъ Лебрену, что его нигдѣ не принимаютъ. «Я вынужденъ, — прибавилъ онъ, — оставаться дома, чтобы не подвергать себя оскорбленіямъ и, пожалуй, звѣрству той невѣжественной и обманутой части народа, которую называютъ здѣсь чернью... Смерть короля произвела дѣйствіе вполне предвидѣнное; ненависть къ французскому имени дошла до высочайшей степени... Трауръ, наложенный при дворѣ, принятъ всѣми въ Лондонѣ. Всѣ, кто имѣлъ или могъ достать черное платье, облеклись въ него». «Общественное мнѣніе нации совершенно намъ неблагопріятно, — сообщалъ, съ своей стороны, посольскій секретарь Рейнгардъ, — и даже въ случаѣ меньшаго единодушія мы не можемъ рассчитывать на изолированіе правительства отъ нации. Англійское правительство потеряло всякую иллюзію на возможность примиренія. Оно рѣшилось на войну съ непоколебимымъ намѣреніемъ довести ее до конца, т. е. подавить революціонную пропаганду и выгнать французовъ изъ австрійскихъ Нидерландовъ.

1-го февраля, Гренвилль произнесъ въ Палатѣ лордовъ спѣшную рѣчь противъ честолюбія Франціи. Стэнгопъ, Лансдаунъ, Лодердаль и Дерби настойчиво продолжали протестовать противъ войны. Въ тотъ же день Питтъ говорилъ въ Палатѣ общинъ. Онъ назвалъ царевѣйство 21 января «злодѣяніемъ самымъ гнуснымъ и кровавымъ, когда-либо рассказаннымъ исторіей». Онъ обвинялъ Францію въ неисполненіи трехъ принятыхъ ею обязательствъ: отреченіе отъ завоеваній, отреченіе отъ вмѣшательства во внутреннія дѣла нейтральныхъ державъ, и обѣщаніе уважать права англійскаго короля и его союзниковъ. Онъ сослался на декреты 19 ноября и 15 декабря; на революціонное правило: *Война противъ дворцовъ, миръ жижицамъ!* на претензію французовъ отличать въ своей политикѣ иностранныя націи отъ ихъ правительствъ; на завоевательный прозелитизмъ, уже выразившійся въ присоединеніи Савойи, и на открытіе свободнаго судоходства по Шельдѣ. Французы, — сказалъ онъ, — имѣя претензію на распространеніе своихъ принциповъ, тѣмъ самымъ дѣлають свою революцію несовмѣстимой съ европейскимъ миромъ. Англія должна заботиться о собственной безопасности, точно также и о безопасности своихъ союзниковъ и континента. Если она этого не сдѣлаетъ, она покроетъ себя позоромъ и отдастъ Европу подъ ярмо французовъ. Если Франція представитъ объясненія — прибавилъ Питтъ, — мы не откажемся ихъ выслушать, но такой случай едва-ли правдоподобенъ. Бошанъ поддержалъ Кабинетъ. Онъ напомнилъ, что со времени паденія бургундскаго дома, принципомъ англійской политики было никогда не оставлять Брабанта французамъ. Онъ указалъ на зажигательный характеръ французскихъ началъ. Мировлюбивые виги противопоставили этимъ обвиненіямъ мнимыя начала коалиціи и «кровавый, позорный» манифестъ герцога Брауншвейскаго. Уитбрелъ приравнялъ этого, такъ называемаго, принца-философа къ варварскимъ завоевателямъ. Это, — сказалъ онъ, — духъ Атиллы одушевляетъ союзниковъ, духъ разрушенія и завоеваній. Много кричатъ о честолюбіи Франціи; но ничего не говорятъ объ увеличеніи Россіи, о вторженіи въ Польшу, что конечно также нарушаетъ европейское равновѣсіе. Фоксъ былъ краснорѣчивъ, какъ всегда, но не прибавилъ сторонниковъ своему мнѣнію, и Кабинетъ сохранилъ свое большинство.

Въ сущности, тѣ самые мотивы, которые долго удерживали англичанъ отъ разрыва съ Франціей, отнынѣ стали способствовать популярности войны. Англійскіе либералы были поклонниками революціонныхъ принциповъ. Но какъ только французы предприняли силою распространять внѣ своихъ предѣловъ свою систему революціонной свободы, они встали въ оппозицію съ англійскими либералами, и именно потому, что послѣдніе держались системы англійскихъ вольностей. Французы помогали увеличенію своихъ морскихъ береговъ,

пріобрѣтенія новыхъ пунктовъ сбыта, и вотъ тѣ же корыстные мотивы, изъ-за которыхъ радовались въ Лондонѣ упадку французской торговли и разстройству нашего флота, породили въ умахъ враждебность къ этимъ стремленіямъ поднятія и расширенія французскихъ ресурсовъ. Вотъ этого-то ни Дантонъ, ни его друзья совершенно не поняли. Восторжествуй республика въ Бельгій и Голландіи, ужъ чрезъ это одно Англія дѣлалась бы непримиримымъ ея врагомъ. Иначе Англія перестала бы быть сама собой. Но этого никакая революція не могла совершить. Націи подчиняють абстрактныя идеи своимъ унаследованнымъ страстямъ и своимъ насущнымъ интересамъ; ихъ революціи отражаютъ ихъ характеръ, и онѣ проявляютъ этотъ характеръ тѣмъ болѣе могущественно, чѣмъ болѣе глубоки и народны сами идеи. Сила вещей бросила эти два народа въ борьбу, которая поставила на карту даже самыя условія ихъ существованія. Главные предметы англійской національной политики: Бельгія, Антверпенъ, Голландія сдѣлались главными предметами національной политики французской республики. Вступленіе одной націи въ союзъ королей измѣнило всѣ условія войны. Республика до сихъ поръ имѣла передъ собой генераловъ-медлителей и растерявшихся топкихъ дипломатовъ Германіи, византійцевъ, приведенныхъ въ смятеніе мусульманами. Теперь она выступала противъ народнаго правительства, противъ народа, страстно преданнаго своимъ принципамъ и вооруженнаго на защиту своихъ интересовъ, противъ quasi самодержавнаго собранія, противъ трибуны, блистающей краснорѣчіемъ, и форума, пылающаго гнѣвомъ, противъ вѣковаго соперничества, зажженного и распространившагося пламенемъ въ тысячахъ сердецъ, — однимъ словомъ, противъ силы, аналогичной ея собственной силѣ.

Послѣ деклараціи 1 февраля, было мало вѣроятности, чтобы Питтъ принялъ Дюмурье. Республиканское правительство даже не дало ему времени начать переговоры о свиданіи. 27-го числа Исполнительный совѣтъ, разсматривая изгнаніе Шовелена, какъ начало открытія непріязненныхъ дѣйствій, отдалъ приказъ немедленно вторгнуться въ Голландію. На другой день Лебренъ доложилъ Конвенту о послѣднихъ событіяхъ въ Лондонѣ и выразилъ надежду, что нація сдѣлаетъ отмститель за «оскорбленіе, которое ничѣмъ не можетъ быть оправдано». Между тѣмъ депутаціи и адреса прибывали изъ Нидерландовъ. Одни, какъ напримѣръ, изъ Намюра, Антверпена, Лувэна, Мехельна, Брюсселя, протестовали противъ декрета 15 декабря и требовали независимости, торжественно обѣщанной бельгійцамъ. «Свобода упраздняется, если пользованіе ею предоставляется нѣсколькимъ лицамъ въ силу права завоеванія, — говорили уполномоченные изъ Генегану: такая революціонная власть будетъ въ нашихъ глазахъ и всей Европы властью сильнаго... Французскіе генералы, отмѣните вашъ декретъ!» Другіе требо-

вали присоединенія къ республикѣ не только изъ демократическаго рвенія, но также и по расчету, чтобы избавиться отъ ненавистой эксплуатаціи комиссаровъ. Къ этой группѣ принадлежали жители Генегау, Мопса, огромное число общинъ провинціи Люттиха. Эти ходатайства безъ перерыва шли одни за другими отъ 22 до 31 января. Въ этотъ день Нашъ сообщилъ люттихскую баллотировку. Раздались голоса: Присоединеніе! Нѣкто Дюко, жирондистъ, предложилъ отсылку въ дипломатическій комитетъ. Камбонъ былъ противъ: жирондисты-дипломаты казались ему подозрительными, — они мирволятъ Англіи. Камбонъ напомнилъ, что уже болѣе двухъ мѣсяцевъ, какъ въ Комитетъ поступило ходатайство изъ Ниццы. Онъ предлагалъ тотчасъ же, во время засѣданія, декретировать ея присоединеніе. «Эти присоединенія, — отвѣтилъ Дюко, — должны вліять на цѣлыя столѣтія, въ хорошую или дурную сторону, на судьбу республики: мы не можемъ ихъ рѣшать, не изслѣдуя». Ницца, вскричалъ Ласурсъ, «это ключъ, которымъ падо поспѣшить воспользоваться». И присоединеніе Ниццы было рѣшено.

Тогда появился на трибунѣ Дантонъ. Его умъ наполненъ комбинаціями относительно Англіи. Случай нанести задуманный имъ ударъ казался ему благоприятнымъ. Собраніе занято обсужденіемъ принципа: онъ хочетъ извлечь изъ этого принципа послѣдствія, требуемая обстоятельствами, но вмѣстѣ съ тѣмъ также и ограничить его примѣненіе, ибо завоеванія, которыя желательны Дантону, — завоеванія прибыльныя и полезныя; онъ думаетъ о необходимости укрѣпить республику, окружить ее бастионами и контрафорсами, а не распустить ее до исчезновенія въ потрясенной Европѣ. Съ другой стороны, самая война еще официально не объявлена англичанамъ; вотъ настоящій моментъ объявить имъ условія, на которыхъ республика готова вести съ ними переговоры о мирѣ и утвердить эти непремѣнныя условія объяснительнымъ декретомъ Собранія. Эти мирныя условія, этотъ окончательный предѣлъ завоеваній республики Дантонъ недолго затрудняется отыскать: онъ ихъ видитъ въ очертаніи Галліи, которая обрисовывается ленивыми чертами передъ его глазами. Итакъ, онъ предлагаетъ декретировать присоединеніе Бельгіи. «Я ничего не требую отъ вашего вдохновенія, — сказалъ онъ, — но всего отъ вашего разума, всего во имя интересовъ французской республики... Вы совершили все уже однимъ тѣмъ фактомъ, что сказали народамъ въ Бельгіи и особенно въ Люттихѣ: мы васъ устроимъ, какъ мы сами устроились! Вы имъ дали увѣренность, что вы принимали бы ихъ союзъ, если бы они вамъ его предложили. Что же! они вамъ сегодня его предлагаютъ. Тамъ не требуется докладовъ, гдѣ все извѣстно, гдѣ все исчерпано... Не обманывайтесь: простолюдинъ, настоящій земледѣлецъ въ Бельгіи, желаетъ присоединенія. Таковы

дѣйствія уничтоженія феодальныхъ правъ на эти народы». Затѣмъ онъ отвѣтилъ разомъ и тѣмъ, кто опасался за свободу при чрезмѣрномъ расширеніи Франціи, и тѣмъ, кто желалъ бы, чтобы республика пустилась въ безконечный рядъ освободительныхъ предпріятій: «я говорю, что напрасно хотятъ напугать слишкомъ обширнымъ распространеніемъ республики. *Границы Франціи отмѣчены природой. Мы ихъ расширимъ до четырехъ точекъ: у Океана, береговъ Рейна, Альпъ и Пиренеевъ.* Никакая сила не остановитъ насъ. Напрасно пугаютъ насъ гнѣвомъ королей. Вы бросали имъ перчатку. Эта перчатка — голова короля. Это сигналъ ихъ близкой смерти. Намъ остается только развить національныя силы; мы приближаемся къ моменту, когда міръ увидитъ наши послѣднія усилія. Насъ запугиваютъ Англіей. Англійскіе тираны умерли. Этотъ народъ будетъ свободенъ. Мы будемъ имѣть друзей среди англичанъ. Вы располагаете всѣмъ избыткомъ могущества націи. Въ тотъ день, когда Конвентъ избереетъ комиссаровъ, которые разойдутся по всѣмъ общинамъ, чтобы требовать людей и оружія, всѣ французы будутъ съ нимъ».

Эти пылкія слова вырвались у человѣка, который былъ какъ бы невольнымъ выразителемъ положенія вещей въ революціи. Они проникли глубоко въ умы и сдѣлались основнымъ руководящимъ правиломъ государства во все продолженіе войны, которая потомъ тянулась двадцать три года. Напрасно было бы доискиваться объясненія причинъ возвышенія и паденія Бонапарта, секрета его замысловъ и связи французской исторіи при имперіи съ исторіей Франціи при республикѣ, если всего этого не будутъ искать въ этихъ словахъ. Рѣчь Дантона имѣла болѣе важное вліяніе, чѣмъ онъ того ожидалъ. Нѣсколькими недѣлями позже Дантонъ понималъ ее только въ примѣненіи, — и въ этомъ онъ оказался политическимъ человѣкомъ; тогда онъ и самъ ихъ испугался и попробовалъ отступить, но было слишкомъ поздно. Слова 31 января были изъ тѣхъ, которыя, разъ выпущенныя, болѣе не останавливаются: они обладаютъ крыльями, и дуновение вѣтра уноситъ ихъ съ собой.

Два комиссара, бывшіе съ Дантономъ въ Бельгіи, Камюзъ и Делакруа, требовали особыхъ мѣръ для того, чтобы въ завоеванныхъ странахъ «минимые представители народа» не стѣсняли дѣйствія примарныхъ собраній. Декретъ 15 декабря еще предоставлялъ право воздержанія отъ выборовъ. Но показалось, что слишкомъ много свободы оставлено для освобожденныхъ. Конвентъ, принимая въ соображеніе, что въ нѣкоторыхъ странахъ, занятыхъ въ настоящее время республиканскими арміями, исполненіе декретовъ 15—22 декабря остановлено вполне или отчасти врагами народа, соединившимися противъ его верховенства, — повелѣвалъ, чтобы генералы создали примарныя собранія; чтобы комиссары постановляли о дѣйстви-

тельности выборов, чтобы народы, спрошенные такимъ путемъ, были приглашены высказаться о формѣ ихъ правительства; чтобы тѣ изъ нихъ, которые по прошествіи двухъ недѣль послѣ обнародованія декретовъ 15 и 22-го чиселъ декабря не собирались, должны были объявлены «не желающими быть друзьями французскаго народа» и сообразно тому съ ними и поступить.

Монтаньяры одержали побѣду; жиропдисты, которые уже допустили однажды взять себя врасплохъ, обойти и сбить съ своихъ позицій, искали случая снова завоевать популярность. 1-го февраля Бриссо представилъ докладъ Комитета общей обороны о сношеніяхъ съ Англіей. Онъ отбросилъ всю отвѣтственность за разрывъ на англійское правительство. Англійская нація желаетъ мира,—говоритъ онъ,—и только съ помощью подкупа и интригъ Кабинетъ добился сдѣлать войну популярной. «Вотъ почему въ скоромъ времени она сдѣлается предметомъ ужаса и проклятія». Франція будетъ сражаться съ тиранами Европы во имя защиты всѣхъ европейскихъ народовъ. Бриссо закончилъ объявленіемъ войны англійскому королю и голландскому штатгальтеру. Декретъ, въ которомъ были изложены всѣ неудовольствія республики на министерство Питта, былъ единодушно принятъ. Дюко предложилъ выпустить манифестъ, который покажетъ міру коварство британскаго Кабинета. Завязались пренія. Фабръ д'Эглантинъ потребовалъ, чтобы къ манифесту прибавлено было обращеніе къ англійскому народу и чтобы помѣстили подъ покровительство закона англичанъ и голландцевъ, проживающихъ во Франціи. Это—примѣненіе на практикѣ Дантоновской идеи: отдѣлить англійскій Кабинетъ отъ націи и подготовить сближеніе съ Англіей послѣ того, какъ правительство подвергнется революціи. Проектъ Фабра поддержали Камилль Демуленъ и Бареръ. Дюко высказался противъ: «Фактъ тотъ, что весь англійскій народъ,—возразилъ онъ,—за войну... что война является національною»... Камбонъ былъ того же мнѣнія. Маратъ заявилъ, что обращеніе къ англійскому народу было бы непоследовательностью и недѣльностью:—никакой журналъ его не напечатаетъ. «Не при помощи же уличныхъ комедіантовъ вы его обнародуете? Напрасно думаютъ, что англійскій народъ съ нами... Въ Англіи за насъ только мыслители, а этотъ классъ самый немногочисленный». Кто-то замѣтилъ, что адресъ просвѣтитъ самихъ французовъ. Обнародованіе адреса было принято и составленіе его редакціи было поручено Бареру, Фабру, Кондорсе и Тома Пэну.

Батавскіе патріоты представились 6 февраля въ Конвентъ; они поздравляли Собраніе, что оно не смѣшало ихъ дѣла съ дѣломъ тирановъ, и предлагали сражаться въ республиканскихъ рядахъ. «Враги Австріи и Питта, настоящіе батавцы—наши друзья,—отвѣчалъ президентъ на привѣтствіе.—

Мы будемъ договариваться съ ними въ самой ихъ странѣ. Національный Конвентъ обѣщаетъ имъ всякую жертву, чтобы поддержать ихъ въ войнѣ за свободу». Теперь оставалось только вступитъ въ Голландію и распространить въ ней революціонный духъ. Исполнительный совѣтъ въ тотъ же день отдалъ приказаніе Дюмуре прервать всякіе переговоры и предпринять наступательное движеніе. Лебренъ писалъ генералу: «Высокомѣріе и оскорбленіе» англійскаго министерства сдѣлало войну неизбежною; англійскія приготовленія вынудили Францію упредить ее. «Эти настоятельные мотивы, которые вызвали, во время вашего министерства, объявленіе войны противъ венгерскаго короля, заставили французскую республику рѣшиться выступить противъ Георга и штатгальтера и положить копецъ неизвестности». Какъ бы ни казался опаснымъ этотъ шагъ, Дюмуре не видѣлъ ни для себя, ни для Франціи другого выхода къ спасенію. Надо было побѣдить во что бы то ни стало. И вмѣстѣ съ тѣмъ, несмотря на увѣренность въ самомъ себѣ, онъ сомнѣвался въ успѣхѣ, потому что условія, очень дурныя уже въ декабрѣ, сдѣлались теперь еще худшими во всѣхъ отношеніяхъ. «Я нуждаюсь во всемъ,—писалъ онъ Лебрену...—Только находясь въ положеніи столь безнадежномъ, какъ наше, можно предпринимать подобную экспедицію ранѣе обладанія всѣми необходимыми средствами для достиженія успѣха...

II.

Французскій національный Конвентъ рѣшилъ, что Бельгія не будетъ имѣть бельгійскаго національнаго Конвента. Собраніе подобнаго рода могло бы послужить центромъ для сопротивленія бельгійцевъ. Это сопротивленіе проявлялось съ каждымъ днемъ все живѣе, а прибытіе комиссара исполнительной власти могло только еще болѣе возбудить его. Эти тридцать миссіонеровъ болѣею частію были люди грубые, опьяненные своимъ могуществомъ, глупцы, экзальтированные столько же своимъ тщеславіемъ, сколько и своей демагогической ревностью; многіе были подобны хищнымъ звѣрямъ, какъ-бы выпущеннымъ въ эти богатые провинціи для грабежа и убійства ¹⁾. Анархія царствовала въ странѣ; они грабили, наводя ужасъ повсюду. Съ населеніемъ они обращались какъ съ непріятельскимъ и достигли того, что сдѣлали его враждебнымъ. Франція побуждала бельгійцевъ стряхнуть съ себя австрійское иго, но большинство изъ нихъ ненавидѣло это ярмо само по себѣ, безъ всякаго отношенія къ его происхожденію, и не желало имѣть надъ собою никакого господина. Бельгійцы держались своихъ обычаевъ. Они возстали противъ Іосифа II, потому что онъ нарушилъ старинныя хартии и имѣлъ притязаніе организовать Бельгію, со-

¹⁾ Dumouriez, *Mémoires*. Chuquet, *Jemappes*.

образно духу вѣка, централизовать правительство, подчинить церковь государству, распустить конгрегаціи, закрыть семинаріи. Свобода для бельгийцев заключалась именно въ томъ, что Іосифъ II у нихъ отнялъ и что его преемники возвратили только на половину. Взмѣвъ этой свободы имъ дали революцію. Имъ казалось слишкомъ тяжелымъ управленіе австрійскихъ чиновниковъ: ихъ подчинили режиму парижскихъ клубистовъ. Они протестовали противъ взиманія налоговъ Австріей: ихъ раздавили военными реквизиціями и контрибуціями. Они требовали возвращенія своихъ монаховъ, семинаристовъ: у нихъ изгнали монаховъ и разграбили церкви. Они желали установить въ федеративной республикѣ мирную торговую и процвѣтающую олигархію, подобно фламандской: ихъ же подчинили строгостямъ военной оккупации, разоряли бумажными деньгами и помимо ихъ желанія толкали въ революціонную демократію большой централизованной республики.

Все искусство агентовъ исполнительной власти было направлено къ тому, чтобы воспрепятствовать бельгийцамъ основать мятежнической очагъ. Инструкціи Совѣта вмѣняли въ обязанность этимъ агентамъ только «муниципализировать» (вводить общинное устройство) города и дистрикты, а не организовать и установить государство; затѣмъ, они должны были «поддерживать, ободрять и облегчать» въ этой раздробленной и выбитой изъ колеи странѣ мѣстные баллотировки въ пользу присоединенія. Совѣтъ разъяснилъ, какія могутъ произойти отъ того выгоды. Это значило бы увеличить наше населеніе тремя милліонами человѣкъ, возвысить ипотеку нашихъ бумажныхъ денегъ болѣе, чѣмъ на милліардъ, продажемъ національныхъ имуществъ, увеличить наши годовые доходы приблизительно на сорокъ милліоновъ и подкрѣпить наши военныя силы пятьюдесятью тысячами солдатъ..... чтобы успѣшнѣе распространять свободу и, наконецъ, довести Голландію до революціи, а Англію принудить къ такой сдѣлкѣ, которая заставила бы уважать нашу республику, на сколько ей подобаешь быть уважаемой ²⁾).

Пріемы, преподанные Исполнительнымъ совѣтомъ, доставили неисчерпаемые источники для системы устрашенія. Комиссары широко ими и пользовались. Эти кулачные ревнители собрались въ Брюссель для обсужденія своихъ инструкцій; разсматривая Бельгію, какъ уже принадлежащую имъ страну, они совѣщались объ участи, какая ей лучше, по ихъ мнѣнію, приличествуетъ. Единодушно рѣшили они вызвать и навязать голосованіе въ пользу присоединенія къ республикѣ. Не слѣдовало допускать, чтобы бельгийцы могли выразить противоположное мнѣніе. «Желаніе народа-дѣтяти или слабоумнаго было-бы недѣйствительно, потому что онъ могъ-

²⁾ Циркуляръ отъ 31 января 1793.

бы сдѣлать постановленіе противъ себя», сказалъ комиссаръ Шоссаръ. Шели выразилъ мнѣніе, что присоединеніе должно совершиться «по власти разсудка, по симпатическимъ влеченіямъ философіи, братства и при помощи всѣхъ средствъ революціонной тактики.—Въ случаѣ же,—прибавилъ онъ,—если наши усилія окажутся безплодными и намъ будутъ противопоставлять печальную систему неподвижности, я полагаю, что право завоеванія, впервые сдѣлавшееся полезнымъ міру и справедливымъ, должно стать политическимъ воспитаніемъ бельгійскаго народа ³⁾).

Повсюду комиссары являлись господами. Они позаботились распределить выборы эшелонами, чтобы легче было употребить военную силу, такъ какъ она была у нихъ главнымъ средствомъ убѣжденія. «Необходимо,—сказалъ еще Шели,—выставить внушительный аппаратъ національныхъ силъ, чтобы удалить съ театра примарныхъ собраній скандальныя сцены». Проникнувшись примѣромъ интендантскихъ уполномоченныхъ Людовика XIV, они требовали обращенія въ республиканизмъ при содѣйствіи республиканскихъ драгуновъ. «Мы не скроемъ отъ васъ,—писали они,—что мы не рѣшили бы созвать примарныя собранія раньше прибытія этихъ войскъ. Все, что мы ни видимъ, удостовѣряетъ насъ, что кровь навѣрное пролилась бы на этихъ собраніяхъ, если значительныя силы не придутъ, чтобы сдерживать неблагонадежныхъ ⁴⁾». Мопсъ былъ однимъ изъ самыхъ благопріятно расположенныхъ городовъ. Избиратели собрались въ немъ 11-го февраля; однако все-таки потребовалось вмѣшательство войска, чтобы выгнать противниковъ избирательнаго собранія. Затѣмъ французскій военный начальникъ, предсѣдательствовавшій въ собраніи, пригласилъ желающихъ присоединенія перейти на правую отъ него сторону, а не желающихъ — на лѣвую—и присоединеніе къ республикѣ было баллотировано единодушно. Тѣ же мѣры и съ такимъ же успѣхомъ послѣдовательно были примѣнены въ Брюссель, Брюгге, Дуупель, Намуръ, Остенде. Камюзъ и Трейляръ, объѣзжавшіе страну, писали 22-го февраля.—Въ Куртрѣ духъ населенія неблагопріятенъ республикѣ; Брюгге боятся бумажныхъ денегъ; Остенде, городъ торговый, относительно равнодушенъ; Гентъ полонъ усердія и зажегъ иллюминацію послѣ вотированія присоединенія; въ Дорникѣ царитъ «выжидательная и мрачная инерція»: можетъ быть, жалѣютъ прошлаго, надѣются на лучшее въ будущемъ, но не любятъ настоящаго; во Фландріи языкъ представляетъ серьезныя трудности относительно прогресса демократическихъ идей, особенно когда приходится расшатывать тупыя головы

³⁾ О выборахъ и ходатайствахъ о присоединеніи см. у Снукетъ, *Jemappes*, p. 238—252.

⁴⁾ Gossuin, *Delacroix et Merlin à la Convention*, 17 février 1793; 13, 18 février; AULARD, t. II, p. 151, 159.

фламандцевъ, дѣлающихъ видъ, отчасти по привычкѣ, отчасти по неуверенности, что они совѣщаются, нисколько не подвигаясь... Выгоды,—заклучали представители,—которые народъ находитъ въ революціи, благодаря отиѣнѣ налоговъ, уравниваютъ эти трудности. Это рычагъ, которымъ можно пользоваться для поднятія массъ въ городахъ и деревняхъ.

Однако нельзя было и заикаться о бумажныхъ деньгахъ. Это было камнемъ преткновения. Брюссель, Брюгге, Дорпикъ, выражая свое желаніе присоединенія, сопровождали его оговоркою противъ излишка въ обращеніи республиканскихъ ассигнацій. Въ Гептѣ, куда явилось только сто пятьдесятъ избирателей, изъ которыхъ треть вышла изъ тюремъ, требовали, «чтобы бумажные деньги не имѣли обратнаго дѣйствія». Люттихъ, община котораго была наиболѣе благопріятно расположена къ республикѣ, подалъ примѣръ этой оговорки въ своемъ вотѣ. Делакруа выразилъ люттихцамъ «неприличіе подобнаго условія со стороны народа, который желаетъ присоединиться къ великой республикѣ». Съ согласія Госсюнна, Камюза и Мерлена, онъ написалъ президенту Конвента не допускать, чтобы эти ограничительныя вѣты доходили до Собранія. Вліяніе ихъ было бы пагубно: всѣ города, которые еще «остается присоединить, не преминули бы высказаться также условно». Надо сказать, что сами представители и ихъ товарищи въ Парижѣ не питали никакихъ иллюзій на счетъ значенія баллотировокъ, на которыхъ они председательствовали. «Существуютъ,—писали они,—въ временной администраціи Люттиха двѣ партіи. Одна, состоящая изъ отличныхъ патріотовъ, желаетъ присоединенія простого, безусловнаго; но они въ меньшинствѣ. Другая, болѣе многочисленная... совсѣмъ не желаетъ присоединенія, это она и настояла на принятіи условнаго присоединенія». Такимъ образомъ, въ сущности, ничего не было сдѣлано; все это принужденіе вырвало у Бельгій только какое-то подобіе голосованій, и эти вынужденныя голосованія представляли только безпорядочныя мнѣнія санкюлотскаго меньшинства. «Только они одни принимаютъ участіе въ голосованіи», рассказываетъ одинъ очевидецъ. «Присоединеніе не получило одного голоса на тысячу». Исполнительный Совѣтъ какъ бы впередъ призналъ не дѣйствительными эти баллотировки, произведенныя его уполномоченными, когда, объявляя незаконными первыя собранія, состоявшіяся въ Бельгій въ ноябрѣ мѣсяцѣ, онъ писалъ въ своихъ инструкціяхъ по приведенію въ исполненіе декрета 15 декабря: «Они были составлены неправильно; ихъ члены были выбраны единогласно, т. е. такимъ способомъ избранія, который мало способенъ дать выборы свободные и сознательные» *).

*) AULARD, t. II, p. 151.

Большинство населенія молчало, желая пораженія французамъ или ставляя противъ нихъ заговоры. «Если военный министръ немедленно не пришлетъ намъ сильныхъ подкрѣпленій,—писали комиссары Конвенту,—слѣдуетъ ждать обширныхъ революціонныхъ движеній. И что можетъ произойти, если, къ несчастію, наши передовыя войска потерпятъ неудачу, которая заставила бы ихъ отступить хотя на одинъ шагъ? Весьма вѣроятно, что тогда *Сицилійскія вечера* прогудятъ по всей Бельгій противъ французовъ, и бельгійскіе патріоты, трепещущіе за себя, не будутъ въ состояніи принести ни малѣйшей помощи». Вотъ что декретъ 15 декабря сдѣлалъ въ одинъ мѣсяцъ времени изъ народа, который еще недавно, въ продолженіе двухъ лѣтъ, боролся противъ деспотизма монарха.

Дюмуре не переставалъ указывать на эту опасность. Онъ слѣдилъ за ея развитіемъ; онъ могъ опредѣлить ея размѣры въ моментъ эвакуаціи объятаго мятежемъ страны, собираясь напасть на Голландію, въ то время какъ австрійцы перестраивали свои силы на Рейнѣ, угрожая обойти и отрѣзать ему сообщенія. «Что меня заставляетъ отважиться на все,—писалъ онъ военному министру,—это опасенія за поголовное возстаніе въ Бельгій». А одному изъ помощниковъ своихъ онъ пишетъ: «Если мы не поразимъ врасплохъ, если мы не упреемъ голландцевъ и англичанъ, то къ веснѣ все будетъ потеряно, въ особенности, потому что эта страна дурно расположена къ намъ по нашей же ошибкѣ; итакъ, сдѣлаемъ вещи невѣроятныя, смѣю сказать—невозможныя... Вотъ случай сказать: побѣдить или умереть... Я смотрю на наше предпріятіе, какъ на единственное средство спасти республику... Если намъ не удастся походъ на Голландію, то, не пользуясь любовью бельгійцевъ и не располагая арміей, годной для оборонительнаго положенія, мы будемъ выгнаны изъ Бельгій съ такою же поспѣшностью, съ какою сдѣлались ея повелителями. Всевозможныя напасти и глубокое уныніе послѣдуютъ за нашимъ отступленіемъ, которое можетъ произойти только въ безпорядкѣ, и намъ потомъ не малаго труда будетъ стоять защита даже нашей собственной страны» *).

На лѣвомъ берегу Рейпа война сопровождалась не менѣ тревожными признаками, хотя подобныхъ возстаній нельзя было ожидать со стороны населенія. Нѣмцы этихъ территорій совсѣмъ не обладали національнымъ темпераментомъ бельгійцевъ; они представляли въ высшей степени ту «выжидательную инерцію», которой члены Конвента попрекали фламандцевъ. Они склонялись передъ побѣдителемъ, и пропаганда скользила по нимъ, нисколько не западая въ нихъ. Сплочивая бельгійцевъ, сконцентрировали

* Дюмуре Бернонвилю, военному министру, 4 и 15 февраля 1793. Дюмуре Мирандѣ, 8, 11, 15 февраля 1793. — Suvquet, *La trahison de Dumas*, ch. I.—Rojas, *Miranda*, p. 49, 51, 63.

бы національное сопротивление; распространяя пропаганду въ Германіи, рисковали бы ее потопить. Необходимо было поэтому создать органъ, посвященный революціи, возбудить нѣчто въ родѣ республиканскаго духа, который замѣстил бы національный духъ. Сторонники присоединенія находили все выгоды и не видѣли никакого неудобства въ образованіи національнаго собранія. Въ немъ засѣдали бы одни только демократы, и ихъ баллотировки, по крайней мѣрѣ, по внѣшности, получили бы значеніе общественаго мнѣнія. Имѣнно этимъ путемъ представители, состоящіе уполномоченными при рейнской арміи, пришли къ мысли о созваніи рейнскаго Конвента, въ Майнцѣ, въ то время, какъ ихъ товарищи отказывали отъ созванія въ Брюсселѣ бельгійскаго Конвента. Но было уже поздно заниматься этимъ созваніемъ.

Предварительныя заявленія народныхъ пожеланій, выраженныя сообразно декрету 19 ноября, имѣли мѣсто 18 и 19 декабря въ одной части Германіи. «Отъ Шпейера до Бингена,—доноситъ Форстеръ,—все выборы высказались единодушно за принятіе французской республики и за присоединеніе къ Франціи». Но съ тѣхъ поръ пруссаки стали подаваться впередъ; французы должны были отодвинуться передъ ними къ своимъ позиціямъ. Населеніе, весьма робкое и прежде, думало только о томъ, какъ бы отдѣлаться отъ настоящихъ французовъ, чтобы избѣжать возмездія со стороны пруссаковъ. Даже въ Майнцѣ рвеніе ослабло. Прошелъ слухъ, что списокъ клубистовъ былъ доставленъ прусскому королю, и клубы начали расходиться сами собой. Императорская декларация, отъ 19 декабря, грозила тяжкими наказаніями всемъ тѣмъ, кто присягнетъ свободѣ и равенству, или поступитъ на службу республики.

Кюстинъ видѣлъ, что ему грозитъ осада. Онъ отдалъ приказъ о распусценіи майнцской національной гвардіи, объявилъ, что всякій, кто заговоритъ о сдачѣ, будетъ повѣшенъ и велѣлъ поставить въ видѣ угрозы четыре висѣлицы. 1 января прибыли три комиссара Конвента, уполномоченные привести въ исполненіе декретъ 15 декабря. Это были: Ребель, изъ Кольмара, Мерленъ, изъ Тюнвилля, Гауссманъ, изъ Страсбурга; все трое люди дѣйствія, относившіеся къ германскому феодализму, и особенно къ духовенству, съ ненавистью легистовъ и демократовъ. Кюстинъ оказалъ имъ высшія почести; они мало обратили на нихъ вниманія и немедленно приступили къ дѣлу. 5 января пруссаки заняли мостовое укрѣпленіе Майнца, Кастель, на правомъ берегу Рейна. Между майнцскими «патріотами» произошло раздѣленіе; рознь вспыхнула между крайними, предводителями Гюффманомъ, и благоразумными, съ Доршомъ во главѣ,—явленіе, которое во все времена и во всехъ странахъ происходитъ въ осажденныхъ городахъ.

Изъ 459 членовъ, записанныхъ въ клубъ, только 121 уплатили взносы къ 1-му января 1793 года, а между остальными многіе старались, чтобы ихъ вычеркнули изъ списка. Чтобы одушевить ревность республиканцевъ и подогрѣть народный патріотизмъ, конвентисты организовали 13 января торжественную посадку дерева свободы. Предшествуемый музыкой кортежъ, съ разсыпными въ немъ аллегорическими группами, двинулся при колокольномъ звонѣ и запахахъ пятаго тысячелѣтія. Весь этотъ шумъ и грохотъ не разсыпалъ однако бури. Пруссакіи окружили городъ, и вѣра въ непобѣдимость французовъ пропадала по мѣрѣ принятія Кюстиномъ необходимыхъ для обороны мѣръ. Два новыхъ представителя, Грегуаръ и Симонъ, прибыли, чтобы усилить пропаганду и ускорить военные приготовления. Они отвѣчали на императорскую декларацию манифестомъ, отъ 17 февраля:—«Если германцы, въ жилахъ которыхъ течетъ старинная германская кровь, борясь за свободу и утомившись деспотизмомъ, желаютъ служить свободному народу, какая человѣческая власть можетъ запретить имъ это?» Республика прибѣгнетъ, если ее затронутъ, къ жестокимъ репрессаліямъ: за одного нѣмца, подвергнутаго смерти вслѣдствіе произнесенія гражданской присяги, французы разстрѣляютъ двухъ офицеровъ коалиціи. Это обѣщаніе никого не успокоило, потому что ожидали блокады Майнца. Кюстинъ объявилъ, что все агенты прежнихъ правительствъ въ государствахъ, лежащихъ между Рейномъ и Мозелемъ, будутъ изгнаны, если не принесутъ присяги раньше 23 февраля. Большинство не ждало этого срока и перешло за нѣмецкія линіи.

Присяга служила предварительнымъ условіемъ для участія въ выборахъ. Трудность ея полученія замедлила созваніе примарныхъ собраній, и въ послѣднихъ числахъ февраля къ выполненію декрета 31 января еще не было приступлено. Коммиссары Конвента отдали приказъ изгнать изъ Майнца наиболѣе упрямыхъ нѣмцевъ. Чтобы предупредить мятежи, они распорядились о полномъ обезоруженіи населенія, а чтобы успокоить робкихъ—объявили, что принятіе присяги не влечетъ за собой обязанности военной службы. Эти мѣры были приняты 23 февраля.

Выборы проходили 24 февраля въ церквяхъ. Баллотировка началась пѣніемъ *Veni creator*; къ участію въ ней приглашены были все майнцы не моложе двадцати одного года. Явилось около 260 человекъ. Новый призывъ къ избирателямъ былъ сдѣланъ 4 марта. «Высылаютъ каждый день по другую сторону Рейна десятка по три изъ тѣхъ, кто отказывается отъ присяги»—писалъ Форстеръ.—Такъ что совсѣмъ обезлюдятъ городъ, если не убѣдятъ населеніе». Но никакія средства убѣжденія не побѣдятъ ни «фанатизма», ни «невѣжества», и общее число приведенныхъ къ присягѣ не превышало 345 человекъ. Такимъ образомъ, 6 депутатовъ изъ

Майнца были избраны въ рейнскій Конвентъ. Форстеръ былъ въ числѣ ипести. Нѣчто подобное происходило и въ другихъ занятыхъ провинціяхъ, несмотря на убѣжденія пропагандистовъ, прогулки войскъ съ пушками, разстановки военныхъ постоевъ, изгнанія, аресты и всѣ другія средства военного прозелитизма. Въ Вормсѣ явилось 250 избирателей, въ Шпейерѣ—479.

Одинъ республиканскій отрядъ занялъ Цвейбрюкенъ, обнародовалъ тамъ декретъ 15-го декабря и посадилъ дерево свободы. Министръ фонъ-Эзебекъ протестовалъ, основываясь на нейтралитетѣ правительства; за это онъ былъ отведенъ плѣнникомъ въ Нанси. Жители Ахена обнаруживали полное недружелюбіе. Генералъ Дампьеръ приказалъ избрать мэра 22 января, и чтобы заставить избраннаго исполнять свою должность, онъ угрожалъ ему постоемъ тридцати солдатъ. «Вы не созрѣли еще для свободы,—сказалъ генералъ упрямамъ.—Вы, какъ тѣ больные, которыхъ друзья должны насильно заставлять перенести спасительную операцію». Они отвѣчали, какъ настоящіе горожане среднихъ вѣковъ, да они и на самомъ дѣлѣ остались таковыми: «У насъ нѣтъ другихъ начальниковъ кромѣ гѣхъ, которыхъ мы выбираемъ сами и которыхъ можемъ смѣнить». Созванные на 12 февраля, чтобы выбрать представителей въ одинъ изъ конвентовъ, они заявили, что не желаютъ ни Конвента, ни конституціи. Однакожъ, они вотировали изъ благоразумія; но австрійцы заняли городъ 2-го марта, и баллотировка не послужила ни къ чему.

III.

2 февраля Конвентъ получилъ письмо Лебрена, начинавшееся слѣдующими словами: «Большое преступленіе только-что совершилось, кровь французскихъ патріотовъ пролилась въ недостойномъ Римѣ». Фактъ былъ вѣренъ и вызванъ былъ наглою безтактностью Мако, усугубленной еще неосторожностью Басвиля. Этотъ злополучный литераторъ хотѣлъ непременно разыгрывать роль дипломата, и Мако, вмѣсто того, чтобы вразумлять и сдерживать, подстрекалъ его и подготовилъ ему случай отличиться глупостью, оказавшейся очень серьезной по послѣдствіямъ. Когда инструкціи Исполнительнаго совѣта прибыли въ Римъ, Басвиль воспользовался ими, чтобы выдать себя за уполномоченнаго отъ французскаго народа. Въ то самое время римляне узнаютъ, что корабли Латуша разсѣяны бурей. Курія ободрилась, а французскіе эмигранты снова стали держать себя вызывающимъ образомъ; чернь начала роптать. Морской офицеръ, по имени де-Флоттъ, посланный Мако, привезъ депешу отъ Монжа, предписывавшія французскимъ консуламъ замѣстить вездѣ щитъ съ гербовыми лиліями

республиканскими эмблемами. Динь, консулъ, проживающій въ Римѣ, зналъ страну, а потому не рѣшался исполнить распоряженіе Монжа. Басвиль приказалъ ему повиноваться, и щитъ съ лиліями исчезъ ночью съ 1-го на 2-е января. Ученики Академіи опрокинули статую Людовика XIV, стоявшую во дворѣ дворца, и помѣстили въ дворцовой столовой бюстъ Брута. Басвиль прогуливался съ кокардой на шляпѣ и вошелъ въ сношенія съ римскими революціонерами. Флоттъ уѣхалъ въ Неаполь. Папское правительство протестовало противъ замѣны щита, напоминая объ оставшемся безнаказаннымъ оскорбленіи, нанесенномъ въ Парижѣ изображенію святого отца. Динь отказывался помѣстить на своемъ домѣ республиканскую эмблему. Флоттъ принесъ ему 12 января отъ Мако формальный приказъ водрузить эту эмблему въ двадцать четыре часа. Мако усматривалъ въ инцидентѣ, который онъ рѣшился вызвать, предлогъ для великой политики à la Макіавель. «Упрямство римскаго двора, на которое я рассчитываю,—писалъ онъ Леброну,—развяжетъ намъ руки». Ему уже представлялось, какъ неаполитанскій Бурбонъ входитъ въ союзъ съ республикой, чтобы подѣлится между собой Папскія владѣнія.

Басвиль велѣлъ ученикамъ Академіи нарисовать республиканскій гербъ и отправился къ кардиналу Целадѣ. Этотъ министръ опасался народныхъ волненій и предупредилъ объ этомъ Басвиля. Динь тоже настаивалъ на благоразуміи. «Вы не знаете римскаго народа,—говорилъ онъ Басвилю,—онъ еще не созрѣлъ для революціи... Онъ ненавидитъ французовъ... Если коснутся его вѣрованій, его предразсудковъ, онъ придетъ въ такую ярость, что его ничѣмъ нельзя будетъ остановить». Ни Басвиль, ни Флоттъ ничего не хотѣли слушать. «Папа принялъ рѣшеніе,—писалъ одинъ испанскій дипломатъ... Рѣшеніе это—воспрепятствовать помѣщенію гербовъ, по воспрепятствовать не употребленіемъ своихъ военныхъ силъ, а воспользовавшись для этого народнымъ бунтомъ». 13 января толпа, очень враждебно настроенная, окружила Академію и домъ французскаго консула. Папское правительство разставило пикеты солдатъ около этого дома для его охраны. Толпа вломилась въ Академію, но войска выгнали ее оттуда. Басвилю и Флотту пришла въ голову безумная мысль не обращать никакого вниманія на возмущившуюся толпу, и они появились на *Corso* съ Амори Дювалемъ, служившимъ у Басвиля секретаремъ, и женой Басвиля съ ребенкомъ, въ открытомъ экипажѣ, съ кокардой на шляпахъ. Было около четырехъ часовъ. Раздались голоса: Бей! бей! Французы, смущенные, что не могли внушить страха этимъ римлянамъ, укрылись у бапкира Мутта, который далъ возможность спастись Флотту, госпожѣ Басвиль и ея ребенку. Самъ Басвиль забаррикадировался въ одной изъ комнатъ съ Дювалемъ. Чернь нашла ихъ. Басвиль, смертельно раненный, былъ вытасченъ на улицу,

подвергся издѣвательству и истязаніямъ, послѣ чего, наконецъ, былъ брошенъ въ одинъ изъ полицейскихъ постовъ, въ состояніи полной агоніи. Дюваль былъ уведень солдатами, которые его и спасли. Совершивъ этотъ подвигъ, чернь пошла грабить Академію, разгромила домъ Мутта и сожгла домъ Диня. 14 числа чернь набросилась на евреевъ, которыхъ она обвиняла въ сообщничествѣ съ французами. Она собралась передъ соборомъ Св. Петра, просила у папы благословенія и позволенія съечь еврейскій кварталъ. Нѣкоторые требовали изгнанія эмигрантовъ: для этой толпы всѣ французы, безъ различія, были одинаково ненавистны. Правительство, сильно испугавшееся, обратилось къ популярнымъ проповѣдникамъ и просило монаховъ успокоить толпу. Толпа успокоилась, и 16 числа кардиналъ Целада обнародовалъ эдиктъ: онъ благодарилъ народъ за его привязанность къ святому отцу и, завѣривъ, что первосвященникъ съумѣетъ поддержать католическую вѣру, приглашалъ вѣрныхъ подданныхъ папы щадить личность и собственность.

Исполнительный совѣтъ, по мѣрѣ доходившихъ до него свѣдѣній о дѣйствіяхъ Мако и Басвиля, порицалъ эти дѣйствія и отрекался отъ нихъ. Онъ предложилъ бывшему секретарю посольства въ Неаполѣ, Какольту, осторожному и тонкому дипломату, отправиться въ Римъ, привести дѣла въ надлежащій порядокъ и исправить ошибки Басвиля. Едва эти благоразумныя распоряженія были отправлены, какъ получено было извѣстіе объ умерщвленіи Басвиля. Совѣтъ, ни мало не колеблясь, довелъ объ этомъ до свѣдѣній Конвента. Собранію пришлось увидать и въ ипогостранпой землѣ результаты фанатизма, подобнаго тому, который съ самаго начала революціи причинилъ во Франціи столько возмутительныхъ жестокостей. Но оно не допускало, чтобы римская чернь присвоила себѣ безнаказанность парижской черни. Что признавалось въ Парижѣ увлеченіемъ патріотизма и ускользало отъ преслѣдованія, въ несповѣдимыхъ тайнахъ народной справедливости, не могло быть пущено въ другомъ мѣстѣ въ глазахъ членовъ Конвента не чѣмъ инымъ, какъ полицейскимъ заговоромъ. Римляне были «введены въ обманъ фанатическими внушеніями ихъ правительства», докладывалъ Лебрень. Онъ требовалъ наказанія этого нахальнаго и лицемернаго двора. Конвентъ отнесся къ дѣлу съ высокомеріемъ, достойнымъ деспота стараго порядка, и свирѣпою страстностью революціонной власти. Кто-то предложилъ съечь Ватиканъ. Жанъ Дебри напомнилъ о Югуртѣ, котораго Римъ уморилъ въ темницѣ. Конвентъ усыновилъ дитя Басвиля и приказалъ жестоко отмстить за покушеніе, которое было оскорбленіемъ, нанесеннымъ національному суверенитету Франціи и публичному праву. Басвиль, въ этомъ декретѣ, названъ дипломатическимъ агентомъ французской республики въ Римѣ—титулъ, который

республика за нимъ никогда не признавала и, слѣдовательно, который не могъ признавать за нимъ Римъ. Лебрень писалъ Бернару, пражному секретарю Берни, который продолжалъ завѣдывать дипломатическою перепискою: «Въ самый Римъ и съ оружіемъ въ рукахъ мы явимся требовать у папы удовлетворенія за эту обиду». Въ тотъ же день, 6 февраля, онъ писалъ генералу Бирону, который только что былъ переведенъ въ альпійскую армію, чтобы онъ готовился къ экспедиціи и условился по этому предмету съ Какольтомъ. Послѣдній получилъ приказаніе отправиться къ Бирону, въ Ниццу, а оттуда въ Римъ, гдѣ онъ долженъ былъ требовать, въ видѣ удовлетворенія: присылки въ Парижъ нунція, изгнанія кардинала Мори и эмигрантовъ, наказанія виновныхъ, вознагражденія пострадавшимъ, возмѣщенія за издержки по вооруженію флота, предназначеннаго наказать покушеніе, и реставрированія Академіи.

Какольтъ прибылъ въ Ниццу 14 февраля. Въ распоряженіи Бирона находилось тысячъ двѣнадцать войска. Онъ предложилъ ихъ высадить въ Чивита-Веккиа, напасть на Римъ, собрать тамъ контрибуцію и тотчасъ же вернуться назадъ. Это будетъ, какъ выразился Какольтъ, «экспедиція флибустеровъ». Пришлось однако отъ этого отказаться, такъ какъ средиземный флотъ оказался не въ состояніи выйти въ море. Морская дивизія Латуша, которая такъ сильно напугала неаполитанскій дворъ, была въ полномъ разстройствѣ; дивизія Трюге, назначенная оперировать противъ острова Сардиніи, была разсѣяна бурей. Замедливъ въ своихъ операціяхъ, она понесла въ нихъ полную неудачу: всего недоставало этому морскому вооруженію, а главное—моряковъ. Въ исторіи этой несчастной республиканской *армады* есть только одинъ интересный эпизодъ. Это—эпизодъ атаки, впрочемъ бесполезной, небольшого островка Магдалины въ послѣднихъ числахъ февраля. Между десантными войсками были волонтеры изъ Корсики, въ числѣ которыхъ находился Наполеонъ Бонапартъ, артиллерійскій капитанъ четвертаго класса и подполковникъ корсиканской національной гвардіи. Ему было двадцать три съ половиною года отъ роду, и это былъ его первый дебютъ на полѣ французскихъ сраженій.

Папское правительство, извѣщенное объ этихъ событіяхъ, ободрилось духомъ и отклонило принять Какольта, вслѣдствіе того соображенія, что французы далеко, морской путь имъ пока не доступенъ, а, слѣдовательно, и сухопутный представить имъ достаточно препятствій, а тѣмъ временемъ Европа можетъ имъ нанести пораженіе раньше, чѣмъ они соберутся выступить въ походъ. Между тѣмъ республиканское правительство какъ разъ выбрало этотъ послѣдній путь. Не имѣя возможности пробиться по немъ вооруженной силой, оно старалось достигнуть прохода переговорами. Лебрень пытался вывѣдать о расположеніи Туринскаго кабинета чрезъ сар-

динскаго посланника въ Швейцаріи, Вишье. Онъ намекалъ, что если король Викторъ-Амедей согласится на союзъ съ республикой, откроетъ проходъ французскимъ войскамъ, ратификуетъ присоединеніе Ниццы и Савойи и уступить Сардинію, республика предоставила бы ему территорію, которая были бы завоеваны совмѣстными силами у Австріи, и выдала бы ему Геную. Но въ то же время, какъ Лебрень предлагалъ сардинскому королю этотъ городъ, онъ искалъ способа занять генуэзскую территорію, и самымъ остроумнымъ средствомъ для этого показалось ему предложеніе генуэзцамъ защищать ихъ отъ домогательствъ сардинскаго короля. Такимъ образомъ Франція, смотря по надобности, могла бы пасть на Пьемонтъ черезъ генуэзскую территорію, или условиться съ Пьемонтомъ относительно раздѣла этой республики. Инструкціи, составленныя въ этомъ смыслѣ, были посланы Тилли, назначенному дипломатическимъ агентомъ въ Геную. Настроеніе было благопріятно договорамъ объ обмѣнѣ, и, какъ видно, декретъ 19-го ноября, не болѣе декрета 15-го декабря, способствовалъ измѣненію духа времени. Были пароды, достойныя освобожденія съ ихъ согласія или противъ ихъ воли, это именно тѣ, которые обитали въ естественныхъ границахъ республики. Что касается другихъ, то ихъ можно было облагать поборами и расчленять, смотря по политическимъ соображеніямъ.

Лебрень недавно хвалился тѣмъ, что разрушить союзъ между императоромъ и прусскимъ королемъ, «естественнымъ союзникомъ» Франціи. Онъ предложилъ ему въ видѣ вознагражденія за его отступничество австрійскую Силезію. Съ тѣхъ поръ онъ уже ничего не ожидалъ отъ этого монарха. Всѣ попытки тайныхъ агентовъ разбивались объ упрямство Фридриха-Вильгельма. Казнь Людовика XVI сдѣлала его неговорчивымъ. «Тщетно льстили бы себя надеждою завязать съ успѣхомъ переговоры съ Пруссіей ранѣе конца кампаніи»,—писалъ Лебрень Бирону 6-го февраля 1793 г. Представился случай направить игру въ другую сторону, и этотъ министръ имъ воспользовался. Неаполитанскій дворъ находился все еще подъ вліяніемъ ужаса, который навелъ на него адмиралъ Латушъ, и онъ старался выиграть время, пользуясь непомѣрнымъ тщеславіемъ Мако. Актопъ сталъ разговаривать съ нимъ запросто; Марія-Каролина его принимала и намекала ему, что была бы счастлива, если бы можно было устроить миръ между Австріей и республикой. Лебрень, увѣдомленный о томъ, повѣрялъ только на-половину, но все-таки предписалъ Мако воспользоваться этимъ предлогомъ, чтобы получить свѣдѣнія относительно видовъ австрійскаго двора. Мако былъ уполномоченъ, при случаѣ, пойти и далѣе; тѣмъ же самымъ перомъ, которое назадъ тому нѣсколько недѣль подписало надменный отказъ трактовать подъ какимъ бы то ни

было видомъ съ наслѣдственнымъ врагомъ, Лебрень писалъ: «Ничего не обѣщая положительнымъ образомъ, вы можете указать на возможность соглашенія съ императоромъ, основываясь на малой вѣроятности для французской республики питать особенное довѣріе къ прусскому королю, поведеніе котораго, съ восшествія его на престолъ, представляетъ сплошную ткань вѣроломствъ по отношенію къ различнымъ государствамъ, къ интересамъ которыхъ онъ въ разное время присоединялся. Вы можете намекнуть также, что первымъ средствомъ къ сближенію вѣнскаго двора съ французской республикой былъ бы разрывъ съ Пруссіей, и что слѣдствіемъ этого разрыва могло бы быть завоеваніе прусской Силезіи въ вознагражденіе за потерю Нидерландовъ. Такія опрометчивыя предложенія должны были неминуемо убѣдить разомъ и австрійцевъ и пруссаковъ въ двуличности правительства, которое имѣло претензію вести одновременно политику прозелитизма и обычной дипломатической интриги. Подобная политика могла только прибавить недовѣріе къ французскому правительству къ ненависти, которую союзники питали къ республикѣ.

Мако не нуждался въ поощреніи. Безъ малѣйшихъ околичностей онъ предложилъ напрямикъ Актопу сговориться съ нимъ о раздѣлѣ Папскихъ владѣній. Актопъ слушалъ, казалось, уже съ нѣкоторымъ расположеніемъ, потому ли, что предложеніе отвѣчало его собственнымъ вождѣлѣніямъ, или потому, что онъ считалъ всякое притворство полезнымъ, чтобы чѣмъ-нибудь сдерживать назойливаго республиканскаго посланника. Посоветовавшись съ королемъ, онъ отвѣчалъ Мако, что король безъ сомнѣнія желалъ бы сближенія съ Франціей, однако былъ бы въ затрудненіи предпринять что либо противъ папы, потому что этому воспротивился бы народъ; побужденія интересовъ должны будутъ уступить передъ общественнымъ мнѣніемъ. Отвѣтъ былъ не безъ прямого намека. Лебрень, получивъ сообщеніе объ этихъ переговорахъ, нашелъ, что Мако слишкомъ много взялъ на себя. Исполнительный Совѣтъ не могъ,—писалъ онъ ему,—вѣрить ему направленіе французской политики въ Италіи. Онъ рекомендовалъ ему соблюдать большую сдержанность и не дѣлать никакихъ предложеній, не будучи на то уполномоченъ. Но если Лебрень не одобрялъ формы, то сущность дѣла не казалась ему предосудительной. «Совѣтую вамъ,—прибавилъ онъ,—дать ходъ предложеніямъ, которыя вы сдѣлали касательно вѣнскаго двора, и осторожно расположить неаполитанскій дворъ помочь намъ противъ Рима». Не довѣряя Мако, онъ послалъ въ Неаполь Рейнара, который вернулся изъ Лондона и на благоразуміе котораго можно было положиться. Кромѣ того, онъ писалъ Ла-Флотту, спокойно проживавшему во Флоренціи. «Очень возможно, что поведеніе Рима вынудитъ насъ перенести войну въ Церковную область. Въ такомъ случаѣ дѣло пойдетъ ни

болѣе ни менѣе, какъ о разрушеніи этой державы, составляющей слишкомъ долго позоръ Европы. Ея обломки могли бы быть подѣлены между великимъ герцогомъ и неаполитанскимъ королемъ, если тотъ и другой пожелаютъ содѣйствовать успѣху нашихъ армій¹⁾. И онъ приказалъ Ла-Флотту предварительно вывѣдать намѣренія тосканскаго двора. «Укажите на осуществимость требованій, которыя великій герцогъ могъ бы формулировать при раздѣлѣ Церковной области, — сказалъ онъ ему, — но сдѣлайте ваши предложенія какъ можно осторожнѣе и держите ихъ въ глубочайшемъ секретѣ». Такая осмотрительность имѣла свои причины: Биронъ и Келлерманъ, командуя арміей, назначенной въ Испанію, заявили, что эта армія въ данную минуту не способна была къ пастушачьимъ дѣйствіямъ.

Тѣмъ болѣе важно было лавировать вокругъ Италіи, что открыто напали на Испанію. Лишь только война была объявлена англичанамъ, Лебренъ увѣдомилъ объ этомъ Бургоана, требуя категорическаго объясненія у Годоя. «Мы не можемъ долѣе оставаться въ состояніи неувѣренности, — говорилъ онъ, — и мы хотимъ знать, самое позднее черезъ недѣлю послѣ полученія этой депеши, какой будетъ ультиматумъ его двора». Такъ выразился Лебренъ 2 февраля. Между Бургоаномъ и Годоемъ уже произошло объясненіе, и очень рѣзкое. Годой утверждалъ, что Франція не переставала вызывать Испанію своими вооруженіями, пропагандою, публичными оскорбленіями, обманчивымъ обнадеживаніемъ допустить заступничество въ пользу Людовика XVI, обидною формою, съ которою Конвентъ отклонилъ его, когда оно было сдѣлано. Бургоанъ, въ свою очередь, уличалъ въ военныхъ приготовленіяхъ, упорно отрицаемыхъ, но секретно продолжаемыхъ. «По вашему собственному признанію, господинъ герцогъ, вы не сдержали слова. Какую вѣру можемъ мы имѣть въ ваши обѣщанія? Не ясно ли, что вы искали только выиграть время? Такъ знайте, я васъ предупреждаю, вамъ не легко это удастся». При извѣстіи о казни Людовика XVI, дворъ одѣлся въ трауръ; Годой просилъ Бургоана воздержаться пока отъ визитовъ къ нему. Общественное мнѣніе высказалось за войну, и французы, проживающіе въ Испаніи, стали наткаться повсюду на непріятности и угрозы. Тогда Бургоанъ сообщилъ Годою приказы Лебрена, отъ 2 февраля, прибавивъ, что онъ удалится, если не послѣдуетъ удовлетворительнаго отвѣта. Годой ему тотчасъ же написалъ: «Такъ какъ вы мнѣ

¹⁾ То, что Лебренъ, агентъ революціи, предложилъ Фердинанду, чтобы побудить его признать республику, которая только что казнила его зятя; Меттернихъ, руководитель контръ-революціи, далъ Мюрату за измѣну своему шурина, Наполеону, котораго Европа объявила внѣ закона. См. секретную статью трактата 11 янв. 1814 г., ANGEVERG, «*Traité de Vienne*, t. I-er, p. 87.

говорите, что намѣреваетесь оставить Мадридъ, я вамъ вышлю паспорты, которые вы у меня требуете». Этотъ обмѣнъ корреспонденцій произошелъ 14 февраля, а 23 числа Бургоанъ выѣхалъ изъ Мадрида.

Исполнительный совѣтъ долженъ былъ ожидать этого разрыва, и онъ къ нему уже приготовился²⁾. Но такъ какъ въ его распоряженіи было мало войскъ для борьбы съ Испаніей, то для усиленія ихъ онъ организовалъ въ Байоннѣ и Перпиньянѣ пропагандистскіе комитеты. Нашлись испанскіе «патріоты», полные вѣры и рвенія, подобно батавскимъ, которые поняли въ буквальномъ смыслѣ декретъ 19 ноября и предложили себя въ распоряженіе Лебрена. Эти испанцы понимали освобожденіе такимъ же образомъ, какъ батавцы и бельгійцы: они ожидали отъ Франціи возстановленія своихъ національных вольностей. Они напередъ протестовали противъ всякой попытки навязать ихъ странамъ революціонную систему декабрьскаго декрета. Они утверждали, что ихъ народъ не подчинился бы этому: «По какому праву, — сказали бы испанцы, — французы претендуютъ предписывать намъ правила пользованія нашимъ суверенитетомъ? Во имя какого права они измѣняютъ способъ выраженія общей воли, который мы сами усвоили?.. Стало быть, они намъ предлагаютъ не свободу: они навязываютъ намъ насильственные законы, выдавая себя за освободителей...» «Франція», прибавилъ одинъ изъ «патріотовъ», который былъ въ перепискѣ съ Лебреномъ, «Франція, несомнѣнно, имѣетъ право сказать испанскому народу: вашъ повелитель — нашъ естественный врагъ, я буду вести войну противъ васъ до тѣхъ поръ, пока вы его не свергнете съ трона. — Но она не имѣетъ права устроить Испанію тѣмъ или другимъ способомъ; только самой Испаніи принадлежитъ право дать себѣ конституцію...» Эта конституція, по мысли испанскихъ республиканцевъ, должна быть федеративная; Португалія тоже должна войти въ федерацію. Такое толкованіе декрета 19 ноября и такое примѣненіе, совершенно въ испанскомъ духѣ, къ Португаліи принципа естественныхъ границъ никакимъ образомъ не входили въ виды французскихъ пропагандистовъ, которые, не проникнувъ въ Испанію, еще на границѣ оказались уже въ столкновеніи съ единственными и рѣдкими испанцами, расположенными къ республикѣ. Не слѣдовало касаться ни независимости, ни обычаевъ, ни провинціальныя вольностей, ни вѣрованій, и особенно, чести этой націи. Парижское правительство скоро узнало, что легче было поражать войска Карла IV, чѣмъ вводить общинные порядки между его подданными, взбунтовать ихъ противъ монаховъ, уничтожить инквизицію и отнять кортесы. «Невозможность проникнуть въ испанскія провинціи и распространить въ нихъ наши революціонныя воззванія окончательно разстроили наше

²⁾ AULARD t. II, p. 475; 22 février 1793.

предпріятіе», писалъ нѣсколько недѣль позже одинъ изъ пропагандистскихъ агентовъ. Пришлось отказаться отъ этой революціонной попытки.

Изъ всѣхъ переговоровъ, предпринятыхъ въ эту эпоху, оказались благоприятными только переговоры Бартелеми въ Швейцаріи³⁾. По совѣту этого посланника, Лебренъ пересталъ настаивать на признаніи республики швейцарцами. Франція добилаcь подтвержденія нейтралитета, прикрывающаго ея восточныя границы, и сохраненія въ Швейцаріи своего образованнаго и дальновиднаго агента. Съ этого-то превосходнаго поста Бартелеми наблюдалъ за движеніями европейской политики и могъ посылать парижскому правительству достовѣрныя и постоянныя сообщенія, которыя служили послѣднему неоцѣненнымъ ресурсомъ. Что касается Жепевы, Исполнительный совѣтъ, довольный революціей, которая тамъ совершилась, завязалъ съ этою республикой дружескія отношенія; женеvскій дипломатическій агентъ Реба былъ принятъ французскими министрами 14 января.

За исключеніемъ этого факта, всѣ другія связи съ Франціей порвались. Такъ какъ прямыя комбинаціи не удавались Лебрену, онъ прибѣгъ къ обходнымъ движеніямъ и дѣйствіямъ издалека. Константинопольское посольство оставалось его утѣшеніемъ въ часы невольныхъ размышленій; онъ вносъ въ безпрестанно передѣливаемые мемуары, которые составлялъ самъ или при посредствѣ Семонвиля, избытокъ своихъ иллюзій и надеждъ. Семонвиль продолжалъ ожидать въ Генуѣ согласіе на принятіе его Диваномъ. Онъ рассчитывалъ, что примѣръ, данный Неаполемъ, сблаетъ турокъ податливыми. И въ самомъ дѣлѣ маневръ удался. Но, повидимому, сама судьба рѣшила, что Семонвилю никогда не придется удивлять Востокъ своею щедростію. Въ тотъ самый моментъ, когда онъ пересталъ быть подозрительнымъ въ Константинополѣ, его заподозрили въ Парижѣ, и его имя, открытое въ тюльрійской желѣзной шкатулкѣ, послужило болѣе серьезнымъ препятствіемъ для его посольства, чѣмъ всѣ доносы агентовъ коалиціи. Лебрену наскучило откладываніе, которому подверглась эта миссія, и, не имѣя никакихъ мотивовъ упорствовать на имени Семонвиля, онъ рѣшилъ предварительно назначить, вмѣсто этого посланника, другого полномочнаго, менѣе пышнаго, который проложитъ бы ему дорогу, если возможно, и во всякомъ случаѣ заброситъ удочку на счетъ переговоровъ. Для такого дѣла онъ подумалъ о человѣкѣ, вполне способномъ его выполнить, а именно, о Декоршѣ де Сентъ-Круа, генералъ-маіорѣ, который имѣлъ пребываніе въ Варшавѣ въ качествѣ посланника съ 1791 года. Такъ какъ Семонвилю необходимо было объясниться относительно бумагъ желѣзной шкатулки, которыя его выставляли скорѣе интриганомъ, чѣмъ

³⁾ KAULEK, *Papiers de Barthélemy*, t. II, janvier-mars. 1793.

якобинцемъ, то Исполнительный совѣтъ постановилъ, 14 декабря, что Декоршъ отправится сухимъ путемъ въ Константинополь.

Между тѣмъ во французской колоніи все пришло въ волненіе. Извѣстія объ измѣнѣ Шуазеля-Гуффіе и обвинительномъ декретѣ, опубликованномъ противъ него, дошли въ Константинополь 8 декабря. Французская колонія собралась и выбрала временнаго начальника, чтобы отстаивать свои прерогативы и интересы. Выборъ палъ на Фонтонъ, старшаго переводчика посольства. Головы воспламенились чрезвычайно быстро; такъ какъ всѣ консулы разстроились вслѣдствіе эмигрированія лицъ, занимавшихъ эти должности, и отсутствія инструкцій, — апархія водворилась во всѣхъ маленькихъ республикахъ, то есть торговыхъ портахъ на восточномъ берегу Средиземнаго моря. «Подъ предлогомъ полнаго преобразованія, — говоритъ одно дописаніе о совокупности этихъ событій, — они не хотѣли болѣе выносить ярма регламентовъ и приказовъ, составленныхъ для нашихъ учрежденій въ Левантѣ французскими королями... Страсти не сдерживались болѣе никакой уздой. Наша торговля, для процвѣтанія которой необходимо было общественное спокойствіе и безопасность торговыхъ людей, пришла въ упадокъ, потому что недовѣріе и тревога за будущее были всеобщія». 22 января Исполнительному совѣту было сообщено о такомъ положеніи вещей; Декоршъ получилъ приказаніе немедленно отправиться на мѣсто, что онъ и исполнилъ въ тотъ же день.

Онъ везъ съ собою инструкцій, предназначенныя для Семонвиля. По своей полнотѣ онѣ представлялись образцовыми и заслуживаютъ изученія, какъ одно изъ замѣчательнѣйшихъ твореній республиканской дипломатіи. По существу, онѣ являются комментариемъ инструкцій, составленныхъ Дюмурье для того же посольства, но это комментарий весьма полный, а замѣчаемая въ немъ забота — поставить въ связь новую политику съ постоянными интересами Франціи на Востокъ — составляетъ ихъ наиболѣе интересную характеристику. Объяснить туркамъ революцію 10 августа и провозглашеніе республики, убѣдить ихъ въ рѣшеніи французской націи защищать свои права и свою независимость, разстроить интриги союзниковъ, приобрести довѣріе и уваженіе турокъ, побудить ихъ къ принятію широкихъ мѣръ противъ Австріи и Россіи, возобновить между Франціей и Турціей союзъ, прерванный трактатомъ 1756 года, поднять торговлю въ Левантѣ и поддерживать буквальное исполненіе капитуляцій, — таковы были предметы миссіи. Они были измѣнены въ трехъ статьяхъ, посвященныхъ: первая — торговлѣ, вторая — политикѣ, третья — внутреннему распорядку посольства и сношеніямъ съ католическимъ духовенствомъ. Министръ предписывалъ невмѣшательство въ теологическія распри между христіанами, терпимость къ «добрымъ отцамъ» св. Франциска, которые священнодѣйствовали въ посольской

часовнѣ и которые, однакоже, должны были согласоваться съ декретами гражданскихъ установлений и оказывать уваженіе мусульманамъ, которыхъ важно было не смущать напрасными придирками. Статья о политикѣ была самая подробная. «Никогда,—говоритъ Лебренъ,—обстоятельства не были такъ благопріятны, чтобы убѣдить Порту блистательно отомстить за несправедливыя нападенія Австріи, за постыдный миръ, который повелитель правовѣрныхъ вынужденъ былъ заключить съ императрицей Екатериной... Наступило для Порты время вознаградить свои потери при помощи республики». Посланникъ долженъ былъ нарисовать картину обширныхъ ресурсовъ Франціи и великихъ опасностей, которымъ при успѣхѣ коалиціи подверглась бы Европа и, въ частности, Оттоманская имперія. Онъ обратить вниманіе Порты на разрушительные проекты двухъ императорскихъ дворовъ и указать на благопріятный моментъ для ихъ разстройства. Онъ откроетъ упадокъ русскихъ финансовъ, внутреннюю неурядицу этой имперіи и указать на возможность поднять народы Ливана и Грузіи. «И, представивъ въ самыхъ широкихъ подробностяхъ морскія силы, которыя мы можемъ выставить въ Архипелагѣ, онъ поставитъ на видъ Портѣ независимость Крыма и разрушеніе Херсонскаго порта, какъ неизбежное слѣдствіе появленія французской эскадры въ Черномъ морѣ.... Онъ прибавитъ, что, нисколько не возбуждая подозрѣнія въ участіи Порты, можно безъ труда заставить скутарійскаго нашу произвести замѣшательства въ Венгріи и атаковать эту границу въ тотъ моментъ, когда австрійскій домъ долженъ отъ нея отдалиться и перенести всѣ свои силы на Рейпъ». Изъ всѣхъ этихъ фактовъ Декоршъ долженъ былъ постараться вывести идею о необходимости союза. Этотъ союзъ не былъ-бы паступательнымъ: такое условіе было-бы несовмѣстимо съ республиканскими принципами и встревожило-бы европейскія націи. Но онъ имѣлъ-бы свое дѣйствіе во всѣхъ войнахъ, имѣющихъ предметомъ возстановленіе справедливости, какъ примѣръ та, которая послѣдовала бы за вторженіемъ въ Крымъ. Слѣдовало-бы постараться его примѣнить и къ настоящей войнѣ, и ко всѣмъ нашимъ врагамъ, «въ числѣ которыхъ Россія, разумѣется, будетъ не послѣдней, а скорѣе одною изъ первыхъ». Турки атакуютъ-бы Россію со стороны Чернаго моря; они могли бы выставить одну армію на Дибетръ, а другую—къ Темешварскому банату. Эти движенія вынудили-бы Россію вывести свои войска изъ Польши, а Австрію—разсѣять свои; освобожденная Польша стала-бы на нашу сторону. Помощь Франціи съ моря не превысила бы десяти кораблей съ пропорціональнымъ числомъ фрегатовъ, которые содержались-бы на счетъ Турціи. Союзники не должны заключать предварительнаго сепаратнаго мира, не получивъ полнаго удовлетворенія отъ дворовъ вѣнскаго и с.-петербургскаго, а именно: не ранѣе возвращенія

къ Кайпарджійскому трактату относительно турецкихъ границъ. Франція воспользовалась-бы свободнымъ судоходствомъ на Черномъ морѣ.

Этотъ союзъ долженъ по мысли Лебрена, также какъ и въ планѣ Дюмуре, состояться одновременно съ сѣверной лигой, куда вошли бы Пруссія, Швеція и Польша. О Пруссіи нечего было и думать, по крайпей мѣрѣ на пѣкоторое время. Напротивъ, было много причинъ вступить въ сношенія съ Польшей и Швеціей. Костюшко былъ въ Парижѣ. Всѣ надежды польскихъ патріотовъ были обращены къ Франціи. У Лебрена въ Германіи былъ агентъ, пѣкто Парандье, которому сѣверныя дѣла были хорошо извѣстны. Онъ проживалъ въ Лейпцигѣ, откуда слѣдилъ и за польскими дѣлами. Лебренъ писалъ ему отъ 28 февраля: «Французская республика дѣятельно занята обширными планами, которые могутъ помочь намъ вырвать эту достойную сочувствія націю изъ-подъ ненавистнаго ига. У меня были многія совѣщанія съ храбрымъ генераломъ Костюшко и другими польскими патріотами, находящимися въ Парижѣ... Побольше смѣлости, энергіи и настойчивости—и Польша спасена». Лебренъ обѣщалъ выслать денегъ польскому комитету, съ которымъ Парандье былъ въ сношеніяхъ, и прибавлялъ: «Можетъ быть, недалеко то время, когда республиканскія эскадры появятся разомъ въ Балтійскомъ морѣ и въ Архипелагѣ, поддерживаемыя шведскими силами, Оттоманской имперіей, храбрыми поляками, и перевернуть положеніе вещей на сѣверѣ».

Доброе расположеніе Швеціи было единственнымъ реальнымъ элементомъ въ этихъ замыслахъ. Швеція обратилась къ республикѣ по собственной волѣ, и такъ какъ Декоршъ уѣзжалъ изъ Парижа, то баронъ Сталь пустился въ дорогу, чтобы отправиться туда. Шведскій регентъ, герцогъ Сюдерманландскій, употребилъ всѣ старанія, чтобы разстроить сношенія, которыя Густавъ III завязалъ съ Екатериной II, — въ чемъ и успѣлъ. Онъ разсчитывалъ, что Франція заплатитъ ему столько же за его нейтралитетъ, сколько Россія за рискъ участія въ войнѣ. Обезпечивъ себѣ лазейку на случай, если бы ему пришлось потомъ трактовать съ монархіей, онъ не прочь былъ завязать переговоры съ республикой, и Сталь былъ уполномоченъ возвратиться въ Парижъ, чтобы «скрѣпить связи, которыя существуютъ съ такихъ давнихъ поръ между французской и шведской націями ⁴⁾».

Можно видѣть изъ одной депеши, которую Лебренъ адресовалъ 4 марта Декоршу, чего онъ ожидалъ отъ этихъ различныхъ переговоровъ. «Существенно,—важно, говоритъ онъ,—склонить турокъ къ войнѣ и начать ее немедленно». Мы находимся уже въ войнѣ съ императоромъ, Пруссіей, Сар-

⁴⁾ *Mémoire rétrospectif de Staël adressé au Comité de salut public, le 15 germinal an III (4 avril 1793).*

диніей, Голландіей, Англіей, и скоро будемъ вести ее и съ Испаніей. Турки имѣютъ крайній интересъ спасти Польшу; разъ эта республика не существуетъ, сѣверные дворы примутся раздроблять на куски Оттоманскую имперію. Если же турки будутъ грозить русскимъ границамъ, императрица вынуждена будетъ выйти изъ Польши, и мы увѣрены, что велихпетъ испуррекция. Мы обдумаемъ по этому предмету средства, лишь только вы насъ извѣстите, что турки приняли нашъ взглядъ. Мы надѣемся привлечь къ этому дѣлу и Швецію». Баронъ Сталь приѣзжаетъ въ Парижъ; Вернинакъ, котораго охотно слушаютъ въ Стокгольмѣ, готовится туда отъѣхать. «Мы не пренебрежемъ никакимъ средствомъ, чтобы побудить Швецію произвести нападеніе на Финляндію и атаковать русскихъ на Балтійскомъ морѣ». Можетъ быть, она могла бы даже двинуться и на прусскую Померанію, а мы въ одно и то же время напали бы на Вестфалію и этимъ движеніемъ вынудили бы прусскаго короля выпустить изъ рукъ то, что опъ намѣревается отнять у Польши, или, по крайней мѣрѣ, отозвать изъ нея свои войска. «Слѣдуетъ постараться поднять татаръ и донскихъ козаковъ, пожалуй, даже подыскать смѣльчака, чтобы возобновить походы Пугачева. Я краснѣю при употребленіи этого средства, но наши враги не побрезгаютъ употребить ихъ противъ насъ».

Эта стыдливость была чисто реторическая и, какъ мы выше видѣли, Лебренъ вполне усвоилъ тонъ прежнихъ дипломатическихъ канцелярій. Его планы не заключали въ себѣ ничего новаго для дипломатовъ стараго порядка, и въ нихъ не было ничего оскорбительнаго для скромности какого бы то ни было двора; но, какъ и его учитель Дюмурье, Лебренъ отставалъ отъ поступательнаго хода времени. Онъ разсуждалъ такъ, какъ бы могъ разсуждать совѣтникъ Людовика XV, посвященный въ тайны короля, въ эпоху Фридриха Великаго и раздѣла Польши. Но республика не была еще настолько стара, чтобы владѣть этимъ языкомъ. Конвентъ руководился въ то время другими правилами, и между тѣмъ какъ Лебренъ пробирался старыми подземельями классической дипломатіи, Конвентъ слѣдовалъ, не обращая вниманія на своего министра, своею дорогою по широкому революціонному пути.

IV.

Нужны были арміи и деньги. Комитетъ Общей обороны устранилъ Паша изъ министерства, которое онъ разстроилъ, и назначилъ на его мѣсто, 4 февраля, генерала Бернонвиля ¹⁾. Это былъ офицеръ, выдвинувшійся

¹⁾ Бернонвиль получилъ 356 голосовъ изъ 600 вотирующихъ См. Снует, *La trahison de Dumouriez*, p. 12—14.

благодаря личнымъ качествамъ, блестящій, находчивый во время войны, хвастливый въ рѣчахъ, осмотрительный въ дѣлахъ: человекъ безъ малѣйшаго образованія, съ малымъ запасомъ знанія, плохой администраторъ, но съ практической смѣткой военнаго авантюриста, гибкій по характеру и послѣдовательный въ поступкахъ. Тотъ же комитетъ издалъ 17 февраля, согласно докладу Сіеиса, декретъ объ организаціи военнаго министерства, а 27 числа, вслѣдствіе доклада Дюбуа-Крансе, другой декретъ объ организаціи арміи. Этотъ послѣдній былъ постояннымъ закономъ общественной безопасности и положилъ основаніе *амальгамъ*, т. е. образованію полубригадъ или полковъ изъ двухъ батальоновъ волонтеровъ и одного линейнаго.—Надо сдѣлать армію народною,—говорилъ докладчикъ,—и въ то же время надо распределить по войскамъ волонтеровъ. «Имъ необходимо освоиться съ началами порядка, дисциплины и управленія, установленными въ пѣхотныхъ войскахъ». Къ тому же и самое названіе «волонтеры» не имѣетъ болѣе основанія, потому что этихъ солдатъ удерживали въ составѣ арміи, желали они этого или нѣтъ. Декретъ требовалъ явки мужескаго населенія отъ восемнадцати до сорокалѣтняго возраста. Что касается денегъ, Камбонъ объявилъ, что бумажныхъ денегъ выпущено на три милліарда ²⁾. Изъ нихъ остается въ обращеніи болѣе двухъ милліардовъ трехсотъ милліоновъ. Недоимокъ въ поступленіи контрибуцій было шестьсотъ сорокъ восемь милліоновъ; обыкновенныя поступленія доходили до двухъсотъ двадцати милліоновъ; къ нимъ можно было присоединить сорокъ одинъ милліонъ національныхъ приношеній. Расходы съ начала войны доходили до двухсотъ милліоновъ въ мѣсяцъ. Слѣдовательно, необходимо было отыскать чрезвычайные источники. Продано было духовныхъ имуществъ на милліардъ восемьсотъ пятьдесятъ милліоновъ; оставалось еще непроданными на триста восемьдесятъ милліоновъ. Число эмигрантовъ можно опредѣлять около семидесяти тысячъ, ихъ имущества—до пяти милліардовъ. Изъ послѣднихъ два милліарда пойдутъ на удовлетвореніе кредиторовъ эмигрантовъ, остальными тремя покроются военныя издержки. Камбонъ предложилъ выпустить на восемьсотъ милліоновъ бумажныхъ денегъ подъ обезпеченіе этихъ имуществъ. Излишекъ въ расходахъ покроется освобожденными народами. «Всѣ,—сказалъ Камбонъ—обязаны давать вамъ вознагражденія... Они не замедлятъ замѣтить сами, что не могутъ удержать своей свободы, если не поспѣшатъ продать національныя имущества. Жители Авиньона и принадлежащаго къ нему графства, Савойи, Ницскаго графства отдѣлались отъ платежей своимъ присоединеніемъ къ республикѣ; бельгійцы дали уже шестьдесятъ четыре милліона.

Такимъ образомъ, завоеваніе сдѣлалось финансовою операціей, а прона-

²⁾ Rapport du 1-er février 1793.

ганда усугублялась общей реквизицией. Политика присоединений и идея естественных границ утверждались в суровых и упрямых умах монтаньяров. Повелительный и пылкий патриотизм рыцарей-законников Филиппа Красивого воскресает в этих вооруженных законниках-легистах, которые идут к границам, сражаясь и аргументируя в одно и то же время. «Вперед», — писал Мерлен-де-Тюпвилль, прибыв в Майнц... Тогда Рейн будет первым и надежнейшим оплотом французской республики». Он извещает, что «население этой прекрасной страны, созданной как бы нарочно, чтобы быть французской, готово выразить свое желание присоединиться: «Политический интерес требует, чтобы мы имели Рейн границей». — «Великодушные республиканцы, — пишет один публицист, — да вдохновит вас мудрость в ваших успехах! Сама свобода начертит пределы вашему блестящему владычеству. Чтобы сблизить вас недостижимыми для тиранов, природа произвела эти обширные пространства, окружающие запад и юг нашей территории. Чтобы служить вам оплотом, Пиренеи и Альпы вознесли до небес свои неприступные вершины. Наконец, единственно для вас Рейн и Шельда далеко катят дань своих волн и как бы начертали границы отчизны свободы. Достигнув до этих неоспоримых границ, остановим на этом наши завоевания»³).

Конвент не мог больше откладывать и должен был высказаться по вопросу о принципе присоединений и установления для них известных правил. Дантон еще недавно наставлял на вотировании «без фраз». Конвент предпочел мотивировать свое решение и изложить его перед всем светом. Карно сделал это в докладе, который представил 14 февраля по поводу ходатайств, выраженных жителями Монако и известного числа немецких общин, смежных с северо-восточными департаментами или находящимися черезполосно внутри их. «Чтобы установить теорию территориальных присоединений, — говорил он — ваш дипломатический комитет должен был указать принцип. Во всех политических делах необходимо всегда иметь в виду два пункта, к которым все и приводится, это — интерес и справедливость. Они составляют все общественное право (*droit des gens*)». Установив разницу между справедливым и несправедливым, он продолжал: 1) Всякая политическая мера законна, если она вызывается безопасностью государства; 2) всякий акт, нарушающий интересы других, без настоящей самой по себе необходи-

³) Lettre anonyme à Lebrun, 8 mars 1793. Срав. Том I, стр. 207, отрывок из Страбона: «Этого счастливого расположения местностей, которое кажется работою разумного существа, а не простой случайности, было бы достаточно, чтобы доказать существование Провидения». Страбон, trad. Letroux, liv. IV.

мости, есть несправедливость. Никакое присоединение, расширение или передача территории не могут иметь места... вне признания: а) того, что эта передача ни в чем непротивна интересам государства; б) что общины, которых касается эта передача, ее требовали выражением свободного и формального желания, или что безопасность республики требует ее необходимости». Следовательно, нет иной политической справедливости кроме той, которая вытекает из государственного интереса, а против этого последнего не может быть никакой другой высшей справедливости. Что каждый народ народоправен, это принцип, несмотря даже на относительную ничтожность размеров его территории; «но первенствующий, так сказать, преобладающий принцип есть тот, который не допускает, чтобы какой-бы то ни было народ мог навязать нам закон». Это значило бы навязать себя закон извне, и самый разрушительный, если бы мы позволили, чтобы, «под предлогом выражения желания сохранить свою независимость», какая-нибудь община могла отделиться от главной массы населения и привести Францию к федерализму и анархии.

Европейские нации могут быть делами, потому что это деление в интересах республики; сама республика неделима, потому что ее интерес именно в этой неделимости. То же самое можно сказать и о войне: тонкости здесь не уместны. «Война, — продолжал Карно, — есть насилие; надо вести ее до последней крайности или вернуться к своим очагам... Будем брататься с народами, пощадим кровь наших врагов; по частным интересам должны смолкнуть перед великими интересами республики». «Это закон природы», чтобы всякий в опасности спасал себя в ущерб другого, и всякий оставался бы единственным судьей относительно пользования своим правом. Что касается Франции, сама природа отделила пределы, в которых это естественное право применяется, и история освятила его применение. «*Древние и естественные пределы Франции суть: Рейн, Альпы и Пиренейские горы*». Части ее, которые подверглись раздроблению, подверглись ему также в силу захвата, и не будет никакой несправедливости возратить их; в сущности, не может скрываться никакого честолюбия в факте назвать братьями тех, кто были ими прежде, и в возстановлении связей, которые были нарушены именно честолюбием». Доклад заключался выводом, что так как присоединение Монако и немецких общин полезно, то желания этих стран должны быть удовлетворены. Конвент санкционировал эти заключения декретом.

Доктрина была поставлена во всей своей магистральной простоте. Это была доктрина «права короля», который имеет притязание на всех, которому никто не указ, и владыка которого, не подлежащая отчуждению, по существу своему неделима. Переменялось только несколько

словъ: народное верховное главенство, вмѣсто королевскаго, и природа, вмѣсто архивовъ. Эта особенная эволюція началась въ 1790 году по поводу перваго присоединенія, которое приподнесла себѣ революціонная Франція, — присоединенія Авиньона и графства Венессенскаго. Она была совершена и отнынь освящена, и революціонная государственная необходимость (*raison d'état*) нашла свою теорію. Конвентъ долго колебался пользоваться этой доктриной. Наиболѣе положительные члены Конвента сохранили нѣкоторую стыдливость на счетъ этого права; идеалисты нашли въ своемъ патриотическомъ инстинктѣ нѣкоторое оправданіе для своего честолюбія и прозелитской ревности; въ душѣ среднихъ, нейтральныхъ членовъ, составляющихъ большинство, было нѣчто въ родѣ постоянной борьбы между утопическими побужденіями и политической необходимостью. Въ докладѣ Карно выразилось торжество политики: политика въ этомъ докладѣ рѣшала все. Справедливость упоминалась въ немъ въ качествѣ подчиненной государственной необходимости. Это было настоящее уложеніе публичнаго права Конвента: онъ его закрывалъ, когда былъ вынужденъ, то есть когда завоеванія отходили отъ Франціи, и открывалъ снова, когда считалъ себя свободнымъ, т. е. когда являлась новая побѣда и Франція снова выходила изъ береговъ своихъ прежнихъ границъ.

Въ данный моментъ примыкающія къ Рейну страны были заняты только еще отчасти; по присоединительные декреты быстро слѣдовали одинъ за другимъ, по мѣрѣ поступленія въ Конвентъ заявленій. Такъ, напри- мѣръ: 1 марта изъ Брюсселя; 2 марта изъ Геннегау и Гента; 3 марта изъ Брюгга и его пригорода; 6 марта изъ Дорника (Турне) и Турнезиса (Tournaisis). Во время преній по этимъ заявленіямъ, Камбонъ заставилъ принять Конвентъ правила, которыми должны руководиться генералы въ Голландіи, — это были правила декабрьскихъ декретовъ. «Французскій народъ, — говоритъ Камбонъ, — вступая въ страну, преслѣдуя и выгоняя деспотовъ, пользуется при этомъ революціонной властью. Мы не дозволяемъ, чтобы одно лицо, или группа лицъ захватила въ свою пользу этотъ суверенитетъ. Батавцы будутъ призваны для принесенія присяги и баллотировки правительственной формы правленія. Если они откажутся отъ принесенія присяги или примутъ правительственную форму, противную республиканскимъ началамъ, съ ними будетъ поступлено какъ съ врагами; если они выскажутся за свободу, какъ ее понимаетъ республика и предлагаетъ имъ, то Франція общается имъ не класть оружія до тѣхъ поръ, пока не упрочитъ за ними ихъ независимости. — Члены Конвента, санкціонируя этотъ докладъ своими голосами, нисколько не сомнѣвались въ томъ, что они приносятъ счастье батавцамъ, и еще менѣе сомнѣвались они въ томъ, что служатъ интересамъ республики. Обширная торговля

голландцевъ открыла бумажнымъ деньгамъ безграничный сбытъ. «Скоро Амстердамъ будетъ вашей конторой», — говорилъ Камбонъ. За нѣсколько времени передъ тѣмъ онъ выразился еще яснѣе: «Объявленіе войны Голландіи — операція самая убійственная, какую вы могли только сдѣлать нашими врагамъ... Если наши побѣдоносныя арміи вступятъ въ Амстердамъ, всѣ ихъ финансовыя ресурсы будутъ уничтожены». И въ самомъ дѣлѣ, Голландія слыла банкомъ всей Европы: республика задумала сдѣлать изъ нея отдѣленіе своего министерства финансовъ *).

Эти рѣшенія были приняты 2 марта. 7-го числа Бареръ представилъ докладъ объ отношеніяхъ республики съ Испаніей. «Граждане, — сказалъ онъ, — лишній врагъ для Франціи — лишнее торжество для свободы. Испанскій дворъ хочетъ войны, онъ не переставалъ ее желать. Вашъ мужественный декретъ въ дѣлѣ Людовика сорвалъ покрывало коварнаго нейтралитета, въ которомъ притворно завѣрялъ дворъ Карла... Вы должны были объявить ему войну... Надо, чтобы Бурбоны исчезли съ трона, который они захватили при помощи рукъ и казны нашихъ предковъ, надо, чтобы прекраснѣйшая страна и великодушнѣйшій народъ въ Европѣ получили свободу, которая, кажется, создана для нихъ». Война была одобрена единодушно.

*) Rapports de Cambon, 2 mars, 1-er février 1793.

КНИГА ВТОРАЯ.

Коалиція и Терроръ.

ГЛАВА I.

Измѣна Дюмуре.

1793.

I.

23-го января 1793 года, спустя два дня послѣ казни Людовика XVI, Россія и Пруссія подписали въ Петербургѣ трактатъ второго раздѣла Польши. Въ то время, когда революціонеры обезглавливали представителя самой старинной династіи въ Европѣ, два монарха дробили на части одно изъ самыхъ старинныхъ государствъ христіанскаго союза европейскихъ государствъ. Это сближеніе чиселъ поучительно. Оно опредѣляетъ и судить духъ первой коалиціи.

Солдаты Екатерины II закрѣпили успѣхъ торговицкихъ конфедератовъ. Эта партія совершила въ Польшѣ, съ помощью русскихъ силъ, контр-революцію, какую французскіе эмигранты надѣялись совершить въ своемъ отечествѣ съ помощью пруссаковъ и австрійцевъ, образовавшихъ коалицію. Конфедераты разрушили преобразовательное дѣло большого сейма 1791 года и возстановили всюду прежній порядокъ. Они учредили временное правительство подѣ именемъ «генералитета», ввели въ употребленіе *liberum veto*; суды замѣнили комиссіями, уполномоченными судить по ихъ указанію; лишили политическихъ правъ всѣхъ лицъ, которые отказывались подписать присягу конфедерации. Русскіе солдаты взялись обратить сомнительныхъ и покарать диссидентовъ. Видя ихъ въ дѣйствіи съ осени 1792 года, придется сознаться, что комиссары Исполнительнаго совѣта въ Бельгін сравнительно съ ними были только плохими подражателями.

Реквизиціи, грабежъ, организованный подѣ предлогомъ домовыхъ обысковъ, шпіонство днемъ и ночью, доносы, нескончаемые патрули, произвольные аресты, терроръ въ городахъ, военные бунты въ деревняхъ, нападенія и опустошенія въ замкахъ, убійства помѣщиковъ, изнасилованія,

казни, поджариванія на огнѣ, чтобы вырвать признаніе, гдѣ спрятали деньги, и т. д., пожары, всѣ ужасы гражданской войны и соединеннаго нашествія, — вотъ зрѣлище, которое представляетъ побѣда польской аристократіи, подержанной императрицей, и трудно замѣтить въ немъ какую-либо разницу съ зрѣлищемъ, которое во Франціи дала анархическая тиранія худшихъ демагоговъ ¹⁾. Это было еще только вступленіемъ къ раздѣлу, и союзники замыслили въ это время подвергнуть Польшу, при соучастіи торговицкихъ конфедератовъ, операцію, которую они хотѣли бы произвести, въ сообщничествѣ эмигрантовъ, надѣ Франціей.

Переговоры, начатыя въ Люксембургѣ, продолжались въ Вѣнѣ въ продолженіе ноября и декабря между Гаугвицомъ, представителемъ Пруссіи, вице-канцлеромъ Кобенцелемъ и его наперсникомъ референдаріемъ Шнильманомъ, представителями вѣнскаго двора. Австрійцы медлили. Бельгія была потеряна, и объ обмѣнѣ ея на Баварію не могло быть и рѣчи. Этотъ платоническій промѣлъ, *in partibus*, въ сущности, былъ бы лицемѣрной конфискаціей родового наслѣдія баварской династіи. Пруссія не гнушалась системы конфискацій: напротивъ, она ее предлагала примѣнить къ имѣніямъ князей-епископовъ подѣ названіемъ секуляризаціи. Но вѣнскій дворъ объ этомъ не хотѣлъ и слышать, сколько по католической совѣстливости, столько же и изъ боязни, впрочемъ довольно основательной, дать опасное поощреніе прусской жадности ²⁾. Однако, надо же было, чтобы и этотъ дворъ что-нибудь и гдѣ-нибудь захватилъ; отказываясь лишать земельной собственности нѣмецкое духовенство, онъ бросился на Польшу. Онъ сообщилъ 9-го декабря Пруссіи свое намѣреніе войти въ сдѣлку съ Россіей и вознаграждать себя при случаѣ на счетъ польскихъ земель, въ ожиданіи пайти въ нномъ мѣстѣ что-нибудь подходящее. Одна депеша, отъ 23-го декабря, по этому предмету была послана въ Петербургъ. Приобрѣтенія Пруссіи и Австріи, — сказано было въ ней, — должны постоянно прогрессировать медленными шагами, *pari passu*; Австрія не прочь завязать секретные переговоры о раздѣлѣ, съ условіемъ, чтобы оставить отъ Польши часть, вполне достаточную для сформированія промежуточнаго между тропи сосѣдями государства ³⁾.

Извѣстіе объ этихъ резолюціяхъ было встрѣчено съ видимымъ удовольствіемъ въ прусской главной квартирѣ. Фридрихъ-Вильгельмъ еще не оправился отъ физическаго потрясенія и разочарованія вслѣдствіе свой неудачи

¹⁾ Cp. FERRAND, liv. XI. *Lettres de Varsovie*, 14 novembre 1792, *Moniteur*, t. XIV, p. 649. TAINÉ, *La conquête jacobine, La Révolution*, t. II.

²⁾ Sybel, trad., t. II, p. 299.

³⁾ *Protocoles des conférences ministérielles des 29 et 30 novembre, Rapport de Haugwitz*, 19 décembre; VIVENOT, t. II, p. 310, 377, 425. — HERRMANN, p. 314.

въ Шампани. Его твердая увѣренность въ самомъ себѣ и въ своей арміи исчезла. Онъ не довѣрялъ и никому изъ своихъ совѣтниковъ. Онъ видѣлъ, какъ его казна опустошалась, дисциплина въ войскахъ колебалась, демократическій духъ проникалъ въ среду солдатъ, и духъ мятежа овладѣвалъ его владѣніями. Силезскіе крестьяне отказались платить оброки помѣщикамъ. Пріобрѣтеніе части Польши было бы все-таки утѣшеніемъ. Изъ донесеній Гаугвица онъ заключилъ, что Австрія развяжетъ ему руки, и онъ тотчасъ же потребовалъ отъ Екатерины II исполненія ея обѣщаній ⁴⁾.

Екатерина приняла эти пѣмечія претензіи и выданные на ея кассу союзниками векселя весьма неблагосклонно. «Послѣ великолѣпной кампаніи, которую сдѣлали эти дворы, они еще смѣютъ говорить о завоеваніяхъ» ⁵⁾, восклицала она. Она, разумѣется, предпочла бы господствовать надъ всею Польшею, нежели пріобрѣсти только часть, а другую предоставить пруссакамъ. Но она разсудила, что король прусскій—человѣкъ, способный взять самъ то, что ему не даютъ и что, въ данномъ случаѣ, находясь въ силѣ, онъ пожалуй воспользуется случаемъ и возьметъ больше. Она рѣшилась выдѣлить своему союзнику ту долю, относительно которой она его обнадежила. «Онъ насъ приперъ къ стѣнѣ,—говорилъ Марковъ,—и если мы сдѣлаемъ ему какую-либо помѣху, онъ не медля заключитъ отдѣльно миръ съ этими французскими негодяями, нисколько не отказываясь отъ своего пріобрѣтенія въ Польшѣ, откуда его можно будетъ выгнать только оружіемъ». Екатерина не опасалась ничего подобнаго со стороны австрійцевъ. Она ихъ считала слишкомъ занятыми съ французами, благодаря потерѣ Нидерландовъ, и вынужденными волей-неволей продолжать войну. Эта война была выгодна для русскихъ интересовъ. Екатерина имѣла всѣ поводы заставить Австрію искать вознагражденія на счетъ завоеваній у французовъ. Поэтому она исключила ее отъ участія въ раздѣлѣ и устроила его только съ Пруссіей. Но такъ какъ Пруссія требовала значительнаго количества земель, то Россія взяла на свою долю только еще больше, чтобы,—говорилъ Марковъ,—«примѣнить на практикѣ принципъ, который князь Кауницъ приложилъ во время перваго раздѣла, и чтобы сохранить, такъ сказать, равную пропорцію между могуществомъ прусскимъ и нашимъ».

Было рѣшено, что Пруссія получитъ Торнъ, Данцигъ, герцогство Познань, Калишъ, Плоцкъ, всего 1065 квадратныхъ миль съ 1.500.000 жителей; Россія—воеводства Кіевское, Волынское, Виленское (часть), всего 4500 квадр. миль съ 3 милліонами населенія. Разъ эти условія заключены, оба двора рѣшили хранить ихъ въ тайнѣ до момента, когда они вступятъ во вла-

⁴⁾ PHILIPPSON, t. II, p. 26 t. 145.—SYBEL, trad., t. II, p. 165. FERSEN, t. II, 23 déc. 1792.—HERMANN, p. 315.

⁵⁾ MARTENS. t. VI, p. 161.—VIVENOT-ZEISSBERG, t. III, p. 102.

дѣніе намѣченными областями и могутъ объявить объ этомъ Австріи, какъ о совершившемся фактѣ. При этомъ они, однако, обязались облегчить Австріи обмѣнъ Нидерландовъ на Баварію, «прибавивъ къ этому и другія выгоды, которыя совмѣстимы съ общей пользой». То была статья, намекающая на завоеванія у Франціи. Пруссскій король обѣщалъ дѣйствовать заодно съ императоромъ и не подписывать никакого мира до тѣхъ поръ, пока цѣль войны не будетъ достигнута, т. е. до тѣхъ поръ, пока французы не откажутся «отъ своихъ враждебныхъ предпріятій въ Франціи и преступныхъ посягательствъ внутри». А такъ какъ требовалось оправдать также и «враждебное предпріятіе» и «посягательство» самихъ союзниковъ противъ Польши, то дипломаты, которые устроили это злоумышленіе, составили въ формѣ вступленія къ трактату декларацію, гласящую, что это «распространеніе грозящей всему міру опасности, т. е. французскій якобинизмъ», они намѣреваются истребить въ Польшѣ. Союзники собирались спасти Европу, пораженную гангреной въ Парижѣ, при помощи хирургической операціи, которую они сдѣлали бы на разстояніи трехъ сотъ миль. Не значило-ли это пасмѣяться надъ такъ называемымъ публичнымъ правомъ старой Европы и публицистами контръ-революціи. Пруссскій король отдалъ приказъ своимъ войскамъ перейти польскую границу; 14-го января они это и сдѣлали. Потомъ онъ обнародовалъ манифестъ, которымъ оповѣстилъ монархіи о новой услугѣ, которую Пруссія намѣревается имъ оказать, собираясь сокрушить «французскую демократію» на польской почвѣ и объясняя полякамъ, что, озабоченный ихъ благосостояніемъ, онъ вознамѣрился дать имъ «новыя доказательства своего расположенія и своего благоволенія». Послѣ этого трактатъ былъ подписанъ ⁶⁾.

Вотъ чѣмъ озабочены были крестоносцы 1793 года даже въ то самое время, когда несчастный предметъ ихъ похода, король Франціи, шелъ на эшафотъ. Европейскіе дворы, подъ впечатлѣніемъ негодованія, гнѣва и страха, казалось, одно мгновеніе, расположены были прекратить свое соперничество, дать отдыхъ интригамъ и соединиться для защиты общаго монархическаго принципа. Актъ 21-го января не сплотилъ ихъ, но послужилъ имъ предлогомъ преслѣдовать еще съ большей настойчивостью свои частныя предпріятія. Нѣкоторые просвѣщенные роялисты, наблюдавшіе Европу, въ этомъ не ошибались. «Государи, писалъ Маллуэ, видятъ въ Польшѣ куски для пожиранія, провинціи для раздѣла, людей для порабощенія. Нѣтъ ничего благороднаго, великодушнаго въ ихъ мести, въ ихъ

⁶⁾ Manifeste du 16 janvier 1793, FERRAND, t. III, p. 332.—Traité du 23 janvier 1793, MARTENS, t. III, p. 238.

союзъ противъ Франціи... Я не вижу ничего въ этой якобы федеративной системѣ, кромѣ пустыхъ словъ и формулъ, лишенныхъ смысла ¹⁾.

II.

Испанія выказала нѣкоторое огорченіе. При извѣстїи о царевѣйствѣ, въ этомъ испорченномъ дворѣ произошло нѣчто, похожее на пробужденіе монархической чести. Карль IV поклялся отмстить за «этого несчастнаго». Марія-Луиза плакала неподдѣльными слезами, и Годой принялъ рыцарскую позу. Испанцы были искренно тронуты. Они смотрѣли равнодушно на французскія событія до момента, когда пропаганда коснулась предметовъ ихъ вѣрованій. Царевѣйство казалось испанцамъ дѣломъ бѣспующихся, гнуснымъ святотатствомъ. Въ то же время возмущилась и національная гордость за обиду, нанесенную Конвентомъ испанскому посланнику. Заступаясь за Людовика XVI, Карль IV повиновался общественному мнѣнію; отклоняя съ презрѣніемъ это заступничество, республика поразила испанцевъ въ самое сердце. Ихъ исконная неависть къ французамъ, подавленная полиціей во время существованія союза, разразилась повсюду въ видѣ угрозъ противъ французовъ, проживающихъ въ Испаніи. Волонтеры толпами являлись въ рекрутскія присутствія. Крестьяне вооружались. Монахи проповѣдывали священную войну. «Каждый волнуется, — повѣствуетъ одинъ очевидецъ, — чтобы защитить святыхъ, вѣру, отечество. Духовенство предложило восемнадцать милліоновъ и обѣщало больше. Грабды, хотя и разоренные большею частію, готовы были къ жертвамъ. Общины и корпораціи готовились къ нимъ». Контрабандисты изъ Сьерра-Морены выставили триста человекъ, а сарагосскій архіепископъ предлагалъ вооружить духовныхъ лицъ. Все это было какъ бы предвѣстникомъ, эфемернымъ, но знаменательнымъ, великаго возстанія 1808 года. Это движеніе овладѣло и дворомъ. Королева, желавшая рапѣ мпра, чтобы насладиться имъ съ своимъ фаворитомъ, вдругъ прониклась воинственностью, чтобы доставить Годою престижъ управленія популярнымъ движеніемъ. Этотъ министръ писалъ въ Лондонъ, Вѣну и Берлинъ, извѣщая о намѣреніяхъ своего правительства и предлагая союзъ. Но такъ какъ Испанія располагала небольшимъ количествомъ кораблей и людей, и еще меньшимъ денегъ, то это были только безсильныя угрозы и безобидная суматоха.

Въ Туринѣ охвачены были глубокимъ уныніемъ; по все, что эта монархія рѣшилась сдѣлать, это обратиться за помощью къ Австріи. Неаполитанская королева взывала о покровительствѣ къ Англіи. Такъ какъ фло-

тилія Латуша не казалась болѣе опасной, этотъ дворъ началъ свирѣпствовать противъ масонскихъ обществъ и молодыхъ дворянъ-демократовъ, которые недавно привѣтствовали радостными криками французовъ. Государственная юнта, инквизиторская и безжалостная, стала ихъ преслѣдовать и, въ видѣ начала репрессалій, казнила троихъ чрезъ повѣшеніе, въ томъ числѣ двадцатилѣтняго Эммануила де-Део.

Нѣсколько французскихъ агентовъ, разбросанныхъ еще по Германіи, всѣ писали, что пребываніе послѣ 21 января стало имъ невыносимо. Ссѣмъ запятъ былъ еще только вотированіемъ имперской войны. Онъ окончилъ эту сложную операцію 22 марта. Разъ война одобрена, оставалось ее приготовить, а это неминуемо должно было вызвать отерочки. Государства вооружались не снѣша, осторожно. Населенія выражали враждебность къ французскимъ путешественникамъ; но мелкіе дворы боялись такъ называемыхъ защитниковъ монархическаго права болѣе, чѣмъ самой республики. Союзные монархи были такъ близко, ихъ войска уже занимали имперію, тогда какъ республика была далеко и арміи ея отступали. Баварія, которую Австрія готовилась поглотить, не чувствовала большого рвенія поддерживать эту державу. Между тѣмъ въ Берлинѣ, Гаугвинцъ, назначенный первымъ кабинетъ-министромъ, былъ призванъ замѣстить Шуленбурга, впаваго въ немилость. Старость Финкенштейна и слабость Альвенслебена доставили ему руководящее вліяніе; но онъ не отличался ни дальновидностью, ни послѣдовательностью, ни характеромъ. «Я надѣюсь, — писалъ Мерси, отъ 13 февраля, — что французскій пылъ (*furie française*) намъ окажетъ лучшую услугу, нежели всякія разсужденія, и я не вижу рѣшительно никакого другого ресурса для насъ...» Въ это время появляется на сценѣ и Англія.

11 февраля королевское посланіе объявило парламенту открытіе враждебныхъ дѣйствій противъ Франціи. «Если французы, — сказалъ Питтъ, — атакуютъ насъ вслѣдствіе того, что мы любимъ нашу конституцію, то начнется истребительная война; и только тогда, когда мужество англичанъ будетъ сломлено, они перестанутъ быть преданными своей конституціи и защищать ее». Несмотря на усилія Фокса, Шеридана, Грея, одобренный адресъ, послѣ этой рѣчи, былъ принятъ Палатой общинъ 13 февраля. 18 числа Фоксъ представилъ мирное предложеніе. Еще разъ онъ старался сорвать маску лицемѣрія съ союзниковъ и обличить пристрастія Кабинета, который раздулъ въ такой большой скандалъ занятіе французами Бельгій, и оставилъ безъ вниманія занятіе Польши русскими и пруссаками «вопреки всѣмъ правамъ народовъ, всѣмъ принципамъ справедливости и чести». «Равновѣсіе Европы нарушено, — пронизировалъ онъ, — если Франція расширяется; оно восстанавливается, если умножаются враги Франціи!» Соображенія о

¹⁾ *Mémoires*, t. II, p. 273.

принципъ и справедливости были очень свойственны реторикѣ Борка; но онъ ихъ здѣсь не употребилъ. Этотъ боецъ стариннаго публичнаго права ограничился только замѣчаніемъ, что Голландія безконечно болѣе интересна для Англіи, нежели Польша. Это было только подтвержденіемъ дѣйствительнаго факта, но не относилось къ вопросамъ права. Палата отбросила предложеніе Фокса 170-ю голосами противъ 44. Запрещеніе выхода французскихъ судовъ изъ гаваней было объявлено съ 8 февраля. Англичанамъ было запрещено переписываться съ Франціей, подъ опасеніемъ обвиненія въ государственной измѣнѣ, посылать туда деньги, припасы и оружіе. Политическій характеръ войны проявился въ Англіи при первыхъ же представившихся къ тому случаяхъ. И надо сказать, что англичане одни между союзниками сражались за нѣкоторые идеи; но это были идеи совершенно англійскія, и главная изъ нихъ—идея британскихъ интересовъ. «Я твердо увѣренъ,—писалъ Ферзенъ,—что министры стараются достигнуть полнаго разоренія Франціи и нисколько не заинтересованы сохраненіемъ королевской фамилии» ¹⁾).

Англичане гордились тѣмъ, что явились мстителемъ за оскорбленное королевское величество и защитниками христіанской вѣры, угрожаемой невѣрующими революціонерами. Они безпрестанно будутъ утверждать, что они не вмѣшиваются во внутреннія дѣла Франціи, что они хотятъ только предохранить себя отъ заразы, которая тамъ свирѣпствуетъ, и защитить своихъ союзниковъ противъ завоевательныхъ замысловъ республиканцевъ, намекая при этомъ, что они удовлетворились бы всякимъ правительствомъ во Франціи для заключенія мира, лишь бы только пропаганда прекратилась, порядокъ возстановился въ Парижѣ и Франція вошла бы въ свои границы; но они, вмѣстѣ съ тѣмъ, будутъ разсчитывать добиться реванша за американскую войну, упрочить преобладаніе на моряхъ, покорить Антильскіе острова и обезсилить Францію, по крайней мѣрѣ, на полвѣка. Питтъ рѣшился на войну только въ послѣдней крайности: она, собственно, разстроивала его правительственные планы. Признавъ эту войну неизбежною, онъ внесъ въ нее ожесточеніе и исключительно англійскій духъ, который составлялъ сущность его характера. Вынужденный отказаться отъ реформъ и экономіи, тѣмъ не менѣе онъ продолжалъ преслѣдовать при помощи войны тѣ же результаты, которыхъ онъ думалъ достигнуть при помощи мира, именно: утвержденія своей министерской диктатуры, преобладанія консервативной партіи и расширенія англійскаго могущества во всемъ мірѣ.

Такимъ образомъ англичане возобновили противъ революціонной Фран-

¹⁾ Journal, 7 mars, après une conversation avec Breteuil qui venait de Londres, t. II, p. 65.

ціи національную борьбу, начатую ими въ началѣ вѣка противъ католической Франціи Людовика XIV. Поводы къ борьбѣ измѣнились, условия соперничества остались тождественными; какъ и тогда, конституція и религія королевства, казалось, угрожали захватывающія и деспотическія претензіи политической доктрины и государственнаго догмата, совершенно ей противоположныхъ; какъ и тогда, англійское могущество было компрометировано стремленіемъ французской короны къ первенству въ Европѣ. Англичане не хотѣли демократической республики послѣ 21 января 1793 года, какъ не желали Якова II и неограниченной монархіи послѣ 1688 года; они столько же не терпѣли якобинской пропаганды, сколько имъ невыносимъ былъ іезуитскій прозелитизмъ. Какъ во времена войны за испанское наслѣдство, такъ и теперь Нидерланды служили полемъ сраженія и матеріальнымъ объектомъ борьбы. Точно также, какъ и во время Людовика XIV, англичанамъ необходимо было заинтересовать Европу своими внутренними распрями. Имъ необходимо было въ 1793 г. сплотить всѣхъ враговъ, всѣхъ соперниковъ, всѣхъ завистниковъ Франціи. Они могли соединить всѣ эти элементы, только заинтересовавъ ихъ: все это сдѣлало Лондонъ очагомъ войны, но въ то же время пламя этого очага потускнѣло и лучи его померкли.

Англія не могла обойтись безъ какой-нибудь континентальной арміи. У Мальборо въ Бленгеймѣ были австрійцы; съ Веллингтономъ при Ватерлоо будутъ пруссаки. Питтъ искалъ вездѣ наемниковъ; онъ предложилъ коалицію то, въ чемъ она пуждалась: энергію и денегъ. Немедленно завязалъ онъ переговоры съ Сардиніей ²⁾ и побудилъ вооружиться Португалію. Лордъ Сентъ-Эленъ отправился въ Мадридъ; онъ видѣлся съ Годоемъ 13 марта, а 20 числа послалъ въ Лондонъ проектъ договора: одинъ изъ пунктовъ союза долженъ былъ имѣть цѣлью уменьшеніе французской территоріи по заключеніи мира. Дѣла шли не такъ быстро съ Петербургомъ.

Царица облеклась въ глубокій трауръ: она имѣла на это свои государственныя причины, между прочимъ, и отвращеніе къ царевнѣйству. Она заставила французовъ, проживающихъ въ ея имперіи, формально отречься отъ якобинскихъ принциповъ и принести клятву въ томъ, что они не вернутся во Францію, пока продолжается революція. Она нарушила торговый трактатъ съ Франціей и предложила англичанамъ возобновить существовавшій съ ними договоръ. Она даже отказалась отъ принципа вооруженнаго нейтралитета и вызвалась достигнуть такого же отказа со стороны Даніи и Швеціи. Такимъ образомъ англичане имѣли бы свободныя руки на морѣ, и это позволило бы имъ задерживать, даже подъ нейтральнымъ флагомъ,

²⁾ Bianchi, t. II, p. 79—89.

караваны съ припасами, направляющимися во Францію. Лордъ Уитвортъ тщетно пытался достигнуть большаго. Онъ отважился на робкое замѣчаніе, касающееся европейскаго равновѣсія и публичнаго права; онъ высказалъ мысль, что катастрофа 21 января должна бы побудить сѣверныхъ монарховъ воздержаться отъ нѣкоторыхъ мѣръ по отношенію къ полякамъ; онъ указалъ на затрудненія, которыя встрѣтили бы дипломаты, чтобы согласить два параллельныя предпріятія противъ двухъ республикъ: одной—въ Парижѣ, а другой—въ Варшавѣ, и намекнулъ о непопулярности, которую новый раздѣлъ набросилъ бы на Россію въ Англіи. Екатерина припала эти рѣчи за то, что онѣ стоили, и не обратила на нихъ никакого вниманія. Она сказала себѣ, что англичане, припившіе участіе въ войнѣ изъ-за своихъ интересовъ или по страсти, не пожертвовали бы ни тѣмъ ни другой для сохраненія Польши, — и осталась глуха къ ихъ рѣчамъ. Лордъ Уитвортъ долженъ былъ примѣниться къ расположенію духа императрицы; онъ пересталъ говорить о Польшѣ и удовольствовался подписаніемъ 25 марта временнаго договора. Обѣ державы обѣщались взаимно поддерживать другъ друга въ продолженіе войны и не заключать мира, не будучи напередъ увѣренными въ отобраніи у французовъ завоеванныхъ ими территорій. Онѣ обязывались закрыть свои порты республиканскимъ кораблямъ, задерживать всѣми способами французскую торговлю, препятствовать всякому государству оказывать, подъ предлогомъ нейтралитета, «какое-либо покровительство коммерціи или собственности французовъ на морѣ или во французскихъ портахъ». Это былъ первый контрактъ великой лиги, составленной для блокады республики.

Питтъ серьезно разсчитывалъ только на Австрію. Основанія, которыя такъ долго служили связью между этими двумя дворами, требовали возобновленія ихъ союза. Англія пуждалась въ людяхъ, Австрія—въ деньгахъ. Англія была богата, австрійскія провинціи были густо населены; оба правительства были заинтересованы въ томъ, чтобы поставить Бельгію внѣ французскихъ вожделѣній. Однако бельгійскія дѣла, именно, и были главнымъ затрудненіемъ въ ихъ переговорахъ; потому что хотя они и были въ этихъ дѣлахъ въ одинаковой мѣрѣ заинтересованы, но интересъ каждаго изъ нихъ былъ совершенно различенъ.

Послѣ 21 января въ Австріи проявилось нѣчто въ родѣ движенія лойялизма. Вѣрные подданные посылали двору «патріотическіе дары: золотыя украшенія, серебряныя сердца, кошельки и кубки, наполненные дукатами,—приношенія, конечно, чувствительныя, но которыхъ не хватило бы даже на сформированіе и одного полка. Мадыяры проявили такую же ревностную готовность подавить демократическую революцію, какую они недавно проявили въ требованіи своихъ феодальныхъ вольностей: они

отстаивали свои замки и свои прерогативы, которымъ грозила революція. Все это рвеніе расходовалось въ демонстраціяхъ. Нерѣшительность правительства парализовала лучшія стремленія³⁾. Неопредѣленные слухи о предстоящемъ повомъ раздѣлѣ Польши, замышляемомъ безъ вѣдома Австріи и къ ей невыгодѣ, пачали распространяться и, наконецъ, смутили слабые умы совѣтниковъ Франца II. Этотъ государь былъ извѣщенъ въ половинѣ февраля, что его союзники готовятся вступитъ во владѣніе польскихъ областей, и ему въ видѣ вознагражденія даютъ надежду обмѣнять Баварію на Нидерланды, когда онъ ихъ отниметъ у французовъ. Это было настоящимъ разочарованіемъ. Вскорѣ императору пришлось убѣдиться въ огромной важности своей оплошности по тѣмъ успѣхамъ, которые дѣлали пруссаки въ Польшѣ, и тѣмъ тревожнымъ извѣстіямъ, которыя все курьеры привозили изъ Варшавы о томъ, что пруссаки устроились хозяевами въ занятыхъ ими областяхъ Польши. Тарговицкіе конфедераты, которые призывали русскихъ на поддержку своей партіи, были настолько ослѣплены, что воображали, что Екатерина, довольная возстановленіемъ стараго порядка въ Польшѣ, оставитъ имъ и Рѣчь Посполитую. Они взывали о помощи къ императрицѣ противъ Пруссіи. Екатерина отвѣтила, что если конфедераты вмѣшаются, чтобы остановить пруссаковъ, они будутъ имѣть тогда дѣло съ русскими войсками. Послѣ этого въ Варшаву прибылъ царскій посланникъ Сиверсъ. Это былъ человѣкъ тонкій, съ мягкими манерами и вкрадчивой рѣчью, хитрый и ухищренный въ польскихъ уловкахъ. Его миссія заключалась въ томъ, чтобы заставить избрать такой сеймъ, который утвердилъ бы раздробленіе Польши; Сиверсъ велъ дѣла съ большею ловкостью, нежели комиссары Конвента, такъ какъ онъ занимался интригами съ давнихъ поръ. Члены Конвента приписывали за нихъ слишкомъ быстро, тѣ же изъ нихъ, которые потомъ сдѣлались префектами или государственными совѣтниками при Наполеонѣ, сами ни въ чемъ не могли позавидовать агентамъ Екатерины II. Искусство этихъ руководителей пародовъ было весьма просто и удобно для тѣхъ, на чьей сторонѣ сила: убѣждать людей, застрачивая ихъ. Области, завоеванныя въ Польшѣ, покорились; жители присягнули прусскому королю и царицѣ. Тогда эти монархи рѣшили ратифицировать свой трактатъ и сообщить о немъ Австріи.

Сообщеніе было сдѣлано въ Вѣнѣ 23 марта русскимъ посломъ Разумовскимъ. Тайна, въ которую облечена была сдѣлка, неискренность союзниковъ, важность ихъ пріобрѣтеній, иронія, съ которою они посылали его завоевывать у Франціи себѣ вознагражденія, досада быть обойденнымъ, гнѣвъ быть исключеннымъ изъ сдѣлки, наконецъ, зависть,—все это вы-

³⁾ Sybel.—Sayous, *Hongrie*, ch. III.—Fersen, t. II, p. 66.

вело изъ себя императора Франца II. Его досада обрушилась на вице-канцлера Филиппа Кобенцеля и сотрудника этого недогадливого министра, Шпильмана. Ихъ вліяніе очень упало со времени французской кампаніи. Оберъ-гофмейстеръ, графъ Коллоредо, воспитавшій императора и наущивавшій ему, вредилъ имъ при всякомъ случаѣ, поселяя въ его умѣ педовѣріе къ нимъ. Онъ указывалъ императору, какъ на единственнаго чловѣка, способнаго поправить дѣла и поднять австрійскую политику, на ревностнаго агента, съ обширными связями, дѣятельнаго, но который служилъ еще на второстепенныхъ или иностранныхъ постахъ,—на барона Тугута. Этотъ дипломатъ находился въ Вѣнѣ. Императоръ приказалъ Кобенцелю сообщить ему всю корреспонденцію, подѣ предлогомъ прикомандированія его къ главной квартирѣ и наблюденія за общимъ ходомъ дѣла. Это былъ только предлогъ, чтобы подготовить вступленіе Тугута во власть. Раздѣлъ Польши нанесъ послѣдній ударъ Кобенцелю и открылъ дорогу новому совѣтнику императора. 27 марта Кобенцель и Шпильманъ получили отставку. Тугуту была ввѣрена тайная дворцовая и государственная канцелярія, съ титуломъ директора политическихъ дѣлъ. Званіе же министра иностранныхъ дѣлъ онъ принялъ только въ августѣ 1794 г., послѣ смерти Кауница; въ дѣйствительности онъ занималъ этотъ постъ съ марта 1793 года и сохранилъ его въ продолженіе всего революціоннаго кризиса.

Тугутъ былъ выскочкой. Онъ явился во-время, такъ какъ его личныя свойства согласовались съ порою высшаго процвѣтанія алчности. Ему пошелъ пятьдесятъ седьмой годъ. Сынъ мелкаго чиновника въ Линцѣ, воспитанный іезуитами, онъ выучился турецкому языку и былъ посланъ посольскимъ переводчикомъ въ Константинополь. Кауницъ вернулъ его оттуда и опредѣлилъ въ свою канцелярію въ 1766 г. Французское министерство Шуазеля слыло очень расположеннымъ къ Австріи, но его любезность не доходила до искренняго довѣрія къ этому двору. Оно искало заручиться въ Вѣнѣ надежными корреспондентами, которые сообщали бы ему секреты союзника короля. Тугутъ слылъ за чловѣка корыстолюбиваго, нуждающагося, честолюбиваго, пронырливаго и неразборчиваго на средства. Одинъ изъ агентовъ Шуазеля завербовалъ его и, какъ говорится на официальномъ языкѣ, «онъ поступилъ на службу короля» въ 1767 году. Король казался довольнымъ его услугами; Тугутъ продолжалъ ихъ оказывать во время миссіи въ Константинополь, которую онъ исполнялъ тамъ отъ 1769 до 1778 г. Посланникъ Людовика XV, Сенъ-Пріе (Saint-Priest) былъ доволенъ свѣдѣніями, которые Тугутъ ему доставлялъ, и которыя позволяли Франціи «видѣть какъ въ зеркалѣ» политику сѣверныхъ дворовъ. Всего же яснѣе въ немъ можно было видѣть, какъ эти дворы постоянно проводили Францію, какъ они разрушали ея замыслы и какъ всѣ

дѣла, о которыхъ она всегда такъ точно была увѣдомлена, обращались постоянно къ выгодѣ Австріи. И при всемъ томъ Тугутъ находилъ средства удовлетворять разомъ и королю и императора; выходило такъ: императору доставались выгоды, а королю—свѣдѣнія. Тугутъ выхлопоталъ себѣ во Франціи пенсію и дипломъ на чинъ подполковника, который ему приносилъ 13 тысячъ ливровъ въ годъ, а въ Австріи—званіе интерпунція, титулъ барона и командорство ордена св. Стефана. Но онъ трепеталъ обнаруженія своихъ махинацій. Смерть Людовика XV повергла его въ мучительное состояніе. Онъ страшно боялся одновременно быть оставленнымъ въ Вѣнѣ и отвергнутымъ въ Версалѣ. Онъ думалъ пріютиться во Франціи. Людовикъ XVI обнаруживалъ мало охоты пользоваться его услугами, и Тугутъ постоянно боялся, чтобы Марія-Антуанета не открыла Маріи Терезіи секретъ его продажности. Только смерть императрицы успокоила его. Онъ пересталъ «служить королю» и ликвидировалъ въ 1780 г. свои пенсіоны въ формѣ излученія равноцѣнной пожизненной ренты. Произведенный въ императорскіе тайные совѣтники, онъ взялъ отпускъ и прожилъ четыре года въ Парижѣ; это ему дало возможность узнать всѣ замыслы заговорщиковъ того времени и лично познакомиться съ ними. Въ 1787 г. онъ опредѣлился въ дипломатическое вѣдомство и вернулся въ Вѣну въ 1789 г. Желаніе сохранить свою пенсію заставило его держать себя съ большою осторожностью въ первое время революціи. Паденіе королевской власти и общее банкротство имѣли рѣшающее вліяніе на его мнѣнія: съ этой поры онъ сдѣлался яркимъ контр-революціонеромъ и сдѣлалъ свои признанія Кауницу и императору, если онъ этого уже не сдѣлалъ прежде.

Ему стоило небольшого труда доказать, что онъ никогда не переставалъ служить Австріи; что его пенсіоны были только дипломатическими вознагражденіями, что онъ извлекъ, по-своему, выгоду изъ союза 1756 г.; что онъ примѣнилъ этотъ союзъ къ собственному своему благосостоянію точно такъ, какъ Кауницъ примѣнилъ его къ политикѣ монархіи; что правая рука, подписавшая съ Турціей трактаты о расширеніи австрійской границы ⁴⁾, никогда не видала того, что получала лѣвая рука, чтобы со-всѣмъ ихъ не подписывать. У вѣнскаго двора не было недостатка въ казупетахъ для улаженія дѣлъ подобнаго рода. Тугутъ очень хорошо уладилъ свои, такъ какъ никакой доносъ,—а доноскиковъ имѣлось не мало—не могъ впоследствии поколебать, даже на мгновеніе, довѣріе, которымъ удостоивалъ его Францъ II ⁵⁾.

⁴⁾ 7 мая 1776 г.—присоединеніе Буковины; 12 мая 1776—исправленіе границы.

⁵⁾ О прошломъ Тугута см. статью въ *Revue historique*, t. XVII, 37: *Autriche et le Comité de salut public*.

Тугутъ возвысился, такъ сказать, ползкомъ, поднимаясь съ ступеньки на ступеньку, до дверей императорскаго кабинета. Онъ былъ пропитанъ старыми началами государственной необходимости. Въ его глазахъ, революція была дѣломъ горети негодяевъ, которые никогда не восторжествовали бы, если бы французское дворянство сохранило хоть сколько-нибудь энергіи. Что касается доктринъ, онъ мало о нихъ беспокоился; онъ осудилъ революціонныя ученія, не считая ихъ даже опасными; онъ защищалъ доктрины стараго порядка, не вѣря въ ихъ охранительную силу. Небольшого роста, приземистый, безобразный, по воздержный, грубый, умѣренный, невзыскательный, неутомимый въ работѣ, онъ внесъ въ австрійскую политику много энергіи, изобрѣтательности, особенно страстности и ресурсовъ. Но его страсти были сварливого вздорнаго характера, изобрѣтенія слишкомъ запутаны, ресурсы слишкомъ сомнительны; уму его изворотливому и изобрѣтательному недоставало широты. Онъ былъ человѣкъ, который менѣе всего могъ понять коалицію во имя принципа и какъ бы создавъ былъ для того, чтобы разжигать своею ревностью политику соперничества, обмѣна и аукціона. Онъ относился равнодушно къ судьбѣ французской королевской фамилии. Онъ усердно стремился только къ территориальному расширенію Австріи и былъ одушевленъ искреннею ненавистью къ Пруссіи. Эти два чувства управляли всею его политикой. Его постоянною заботою было, чтобы Австрія не вышла безъ вознагражденія изъ войны, которая, по всей вѣроятности, увеличитъ могущество всѣхъ другихъ дворовъ. Это вознагражденіе должно быть приобрѣтено разномъ повсюду: въ Польшѣ, на счетъ дружественной и единовѣрной республики; въ Германіи, на счетъ Баваріи, своей союзницы; въ Италіи, на счетъ Венеціи, наиболѣе безобидной изъ нейтральныхъ державъ; на Востокѣ, на счетъ султана, менѣе всѣхъ другихъ государей одушевленнаго якобинизмомъ; въ Франціи, на счетъ той самой монархіи, которую коалиція намѣревается возстановить. Впослѣдствіи увидятъ этого хитраго и безпокойнаго министра путающимся въ самыхъ противорѣчивыхъ заговорахъ, «болтающимъ вкривъ и вкосъ и плавающимъ посреди интригъ всей Европы⁶⁾», употребляющимъ все усилія, чтобы извлечь выгоду изъ всѣхъ комбинацій, гарантіи—изъ всѣхъ предпріятій, выигрышъ—изъ каждой лотереи и не пренебрегающимъ выгодами никакой системы, исключая впрочемъ системы безкорыстія.

Его взгляды на Францію были циничны. Вотъ что онъ пишетъ о ней своему тайному покровителю, графу Коллоредо, австрійцу старыхъ временъ, набожному и распутному, къ которому онъ обращался съ совѣтами, не рѣшаясь представить ихъ прямо императору. Письмо писано въ первыхъ чи-

⁶⁾ Слова Бонапарта, *Correspondance*, t. IV, p. 41.

слахъ апрѣля, стало быть, два мѣсяца послѣ казни Людовика XVI, и когда Марія-Антуанета, пѣнница въ Тамплѣ, казалась уже обреченной на ту же казнь, если ее не поспѣшатъ освободить: «Мнѣ кажется, что намѣренія и виды различныхъ крамольниковъ могутъ быть, въ данный моментъ, совершенно безразличны для его величества; самое существенное для него въ томъ, чтобы во Франціи существовали партіи, враждующія другъ съ другомъ, взаимно ослабляя себя, и чтобы можно было воспользоваться этими столкновеніями для овладѣнія нѣсколькими крѣпостями и, по возможности, болѣе широкимъ пространствомъ страны, чтобы потомъ это запятіе имѣло силу закона для партіи, которая, въ послѣднемъ результатѣ, возьметъ верхъ, и заставить ее купить миръ и покровительство императора уступкой тѣхъ изъ его завоеваній, которыя его величество найдетъ удобными для сохраненія за собой». — «Единственный способъ придти къ соглашенію, — говорить онъ въ то же время сардинскому послу, — это заранѣе условиться на счетъ тѣхъ приобрѣтеній, которыя мы можемъ завоевать вмѣстѣ, и раздѣлить ихъ поровну⁷⁾».

Тугутъ былъ того мѣнія, что при данныхъ обстоятельствахъ полезно бы было принять къ свѣдѣнію, на всякій случай, согласіе, которое Россія и Пруссія дали напередъ относительно обмѣна для приобрѣтенія Баваріи; помѣстить эту своего рода расписку въ резервную кассу и отнести на счетъ будущаго мѣновую сдѣлку, которая была бы непріятна англійскому Кабинету; сблизиться съ прусскимъ правительствомъ, воспользоваться дурнымъ расположеніемъ, причиненнымъ ему раздѣломъ Польши, чтобы условиться съ нимъ и получить въ другомъ мѣстѣ удовлетвореніе, слѣдующее Австріи, намекивавъ при этомъ, «что намъ нѣсколько не противно присоединиться къ принципу, въ силу котораго будущія вознагражденія союзныхъ дворовъ должны быть достигнуты на счетъ Франціи». Эти взгляды, изложенные въ запискѣ, подписанной Тугутомъ императору, взяли верхъ въ совѣтѣ, происходившемъ 11 марта, велѣдвіе чего и было рѣшено послать Мерси чрезвычайнымъ посломъ въ Лондонъ, чтобы развить ихъ тамъ⁸⁾. Таковы были чувства Тугута относительно реставраціи французской монархіи. Эмигрантовъ же онъ терпѣть не могъ еще раньше вступленія во власть; будучи министромъ, онъ ихъ преслѣдовалъ. Съ ними, впрочемъ, его скептицизмъ былъ на своемъ мѣстѣ, и онъ какъ разъ усвоилъ точку зрѣнія, съ которой должно было ихъ разсматривать.

⁷⁾ VIVENOT, *Vertrauliche Briefe von Thugut*, Vienne, 1872, t. I, p. 13. — *Rapport du marquis de Brême*, 30 mars 1793; BIANCHI, t. II, p. 99.

⁸⁾ *Mémoire de Thugut*, 3 mars 1793. *Protocole de la conférence du 11 mars*. *Instruction à Mercy*, 18 mars, VIVENOT, t. II, p. 498, 499, 503.

Вражда, раздирающая этих заговорщиков, не укрощалась даже передъ величіемъ королевскаго эшафота. Смерть короля,—писалъ Ферзенъ,—не произвела большого впечатлѣнія на эмигрантовъ; они примирились съ регентствомъ брата короля. Нѣкоторые даже пошли въ театръ или въ концертъ⁹⁾. Графъ Прованскій, наконецъ, могъ провозгласить себя регентомъ безъ малѣйшей помѣхи; графъ д'Артуа былъ назначенъ генералъ-лейтенантомъ, и всѣ приближенные не переставали умышлять противъ королевы, заключенной въ тюрьмѣ, и противъ конституціоналистовъ въ изгнаніи. Они доказывали неудобства двухъ палатъ, превозносили великодушіе Россіи, указывали на вредъ австрійскаго вліянія и утверждали необходимость возврата къ истинно-монархической конституціи. Эта конституція была тайной, въ которую никто не могъ проникнуть; но при этомъ, за невозможностью ее объяснить, отлучался каждый, кто претендовалъ понимать въ пей хотя что-нибудь. Очистка отъ плевалъ между эмигрантами была ожесточенная: «каждый кружокъ предавалъ апавемъ всѣ остальные, не находившіеся на геометрической прямой линіи его мнѣній»¹⁰⁾. Картина этихъ византійскихъ препирательствъ, которую даетъ Малле дю-Панъ, представляетъ яркую противоположность той, которую Андре Шенье далъ относительно утонченной инквизиціи якобинцевъ. Эмигранты спорили въ пустынѣ. Въ ихъ дѣлѣ не было ничего реальнаго, кромѣ ихъ непониманія обстоятельствъ, ихъ не излѣчившагося мѣстничества и глубокой бѣдности. Преслѣдуемые по иску одного кредитора въ Ахенѣ и бѣгущіе отъ французовъ, принцы должны были разъѣхаться. Графъ д'Артуа поселился въ Маастрихтъ, гдѣ онъ едва не былъ арестованъ за долги. Онъ переѣхалъ въ Англію, намѣреваясь пробраться въ Испанію. Графъ Прованскій удалился въ Гамъ (Hamm), гдѣ собралъ вокругъ себя небольшой дворъ, изъ оставшихся вѣрными ему претерпѣвшихъ крушеніе, и свое небольшое правительство, изъ праздныхъ и безпокойныхъ изгнанниковъ. Самый интересный человекъ, бывший между ними, герцогъ де-Серанъ, выбивался изъ силъ, пытаясь примирить взгляды двухъ братьевъ, которые не могли согласиться ни въ чемъ, а самый преданный наперсникъ графа Прованскаго, д'Аварэ (d'Avary), ограбленный, но честный, слѣпо слѣдовалъ совѣтамъ посланника Екатерины, Румянцова, который былъ оракуломъ этого сбитаго съ пути мірка.

⁹⁾ FERSEN, *Journal*, 6 février 1793, t. II, p. 63. Изъ Берна писали Бартеlemi: «Удивляются легкомыслію, съ которымъ отнеслись французскіе эмигранты, находящіеся здѣсь, къ событію 21 января. Они обыкновенно говорятъ, что не могутъ жалѣть короля, который пожертвовалъ дворянствомъ». *Papiers de Barthélemy*, t. II, p. 53.

¹⁰⁾ MALLETT DU PAN, *Considérations sur la Révolution française*, 8 mars 1793. SAYOUS, t. I, p. 370.

Царица осталась одна ихъ поощрительницей. «Она имъ посылала,—говорилъ принцъ д'Артуа,—отличныхъ гонцовъ»; дала имъ въ декабрѣ мѣсяцѣ двѣсти пятьдесятъ тысячъ рублей¹¹⁾, поддерживала ихъ ультра-реакціонную политику и признала регентство брата короля. Она была единственнымъ изъ всѣхъ государей, которая не имѣла прямыхъ видовъ на французскую территорію; но не считала предосудительнымъ подстрекать подъ рукою своихъ союзниковъ къ раздробленію этого государства, нисколько не стѣняясь въ то же время публично обнаруживать свое безкорыстіе. Ея союзники, менѣе тонкіе или менѣе откровенные, замыслили завоеванія во Франціи и совѣтъ не желали обязываться передъ королевствомъ признаемъ за графомъ Прованскимъ титула французскаго регента и названія союзника коалиціи. «Это измѣнило бы совершенно характеръ войны»,—отвѣчалъ прусскій король, когда Екатерина попробовала намекнуть ему на это¹²⁾. Армія принцевъ была распущена. Оставался только незначительный корпусъ Конде. Тугутъ хотѣлъ распустить также и его. Царица думала одно время собрать этихъ эмигрантовъ и образовать изъ нихъ колонію въ родѣ той, которую Фридрихъ-Вильгельмъ образовалъ изъ реформистскихъ изгнанниковъ при Людовикѣ XIV. Кромѣ изгнанія, не было, какъ справедливо замѣтилъ одинъ англичанинъ, никакого отношенія между жертвами отмены Нантскаго эдикта и новѣйшими эмигрантами; между людьми трудолюбивыми, образованными, богатыми знаніями по части промышленности, предприимчивыми, проникнутыми общественными традиціями, и тѣми твердыми правами, которые были связующимъ цементомъ старой Франціи, и между этой кучкой непокорныхъ дворянъ, которые не сумѣли ничего сохранить, ничего зацитить, и которые вынесли съ собою за границу только всегда живучіе въ нихъ ферменты распада монархіи. Но дѣло колонизаціи не состоялось, несмотря на участіе герцога Ришелье, который велъ о немъ переговоры. Екатерина не только ничего не потеряла, но еще и выиграла: если ей не пришлось принять у себя сторонниковъ Конде, за то она оставила у себя на службѣ герцога Ришелье, который одинъ стоилъ всей соединенной эмиграціи¹³⁾. По настояніямъ императрицы и прусскаго короля, Францъ II согласился дать занятіе корпусу Конде.

Проектъ эмигрантовъ возстановить монархію при помощи Европы, не заплативъ за такую услугу французскими землями, не былъ ни въ привычкахъ, ни во вкусѣ союзныхъ государей; относительно же средства для порабощенія французской націи, эмиграціи и союзнымъ дворамъ стоило только

¹¹⁾ PINGAUD, *Correspondance intime de Vandrenil*, t. II, p. 113. Paris, 1889.

¹²⁾ Frédéric-Guillaume à Goltz, 9 février 1793, HERRMANN, p. 357.

¹³⁾ Whitworth à Grenville, 25 déc. 1792, HERRMANN, p. 329. *Les papiers de Richelieu*, p. 22, 204, etc. Изданіе Русскаго Историческаго общества.

уговориться. Это средство было то же самое, которое Конвентъ употреблялъ, чтобы побѣдить союзниковъ: разореніе и страхъ. Конвентъ искалъ въ завоеваніяхъ случая сбыть свои ассигнаціи; эмигранты предложили, чтобы умирить голодомъ республику, наводнить Францію фальшивыми ассигнаціями¹⁴⁾. Передъ тѣмъ какъ революціонный трибуналъ былъ организованъ въ Парижѣ, терроръ стоялъ на очереди на тайныхъ совѣщаніяхъ эмигрантовъ и въ совѣтахъ союзниковъ. Есть только одно средство.—писалъ одинъ офицеръ-эмигрантъ маршалу Ласи, въ январѣ 1793 года,—это идти на Парижъ, «распространяя повсюду терроръ и безпорядокъ». Мерси повторяетъ эти слова буквально: «Необходимо постоянно возвращаться къ этой истинѣ: революцію можно подавить только «терроромъ».—Не одною и не нѣсколькими выигранными битвами можно смирить какую-нибудь націю: она можетъ быть укрощена только тогда, когда у ней будетъ истреблена значительная доля активной части ея населенія и почти полностью правящая ея часть. Истребить клубы, разоружить народъ, разрушить эту великолѣпную столицу, гнѣздо всѣхъ преступленій, всѣхъ ужасовъ, произвести голодъ и бѣдность,—вотъ печальныя данныя проектируемаго предприятия». Вотъ мѣры, «достойныя Нерона и Калигулы», которыя считаютъ «необходимыми этотъ бывший посланникъ Маріи-Терезіи, паперсникъ весьма уважаемый самой набожной изъ государынь, одинъ изъ самыхъ развитыхъ, «гуманныхъ» и «чувствительныхъ» между дипломатами стараго порядка. Вотъ совѣты, которые приписываютъ также утопченному дворянину, пріятному собесѣднику въ обществѣ философовъ и изящному участнику придворныхъ пировъ, остроумному прищипу де-Ланъ. «Остается только одинъ способъ дѣйствія противъ демократіи: уменьшить Францію и ослабить ее до истощенія силъ... Необходимо совершенно разорить французовъ и на всѣ философскіе крики отвѣчать только молчаніемъ и давленіемъ силы...» Необходимо раздробить республику такъ, чтобы, какое бы ни было у нея правительство и принципы, она не могла сдѣлаться предметомъ безпокойства для сосѣднихъ народовъ, устрешенныхъ паденіемъ этого колосса; чтобы ея остатки, прославившіеся преступленіями и бѣдствіями, по которымъ будутъ служить долго еще примѣромъ, не могли болѣе выйти изъ повиновенія, къ которому принудить ихъ вооруженная сила¹⁵⁾.

Раздробленіе Франціи, даже при восстановленіи монархіи, уничтоженіе французскаго могущества, при какомъ бы то ни было республиканскомъ правительствѣ, разрушеніе Парижа, истребленіе республиканцевъ, порабо-

¹⁴⁾ *Mémoire de Breteuil, lettre de Cobenzl à l'empereur, de Schoulenbourg à Cobenzl, déc. 1792; Vivenot, t. II, p. 437—444. См. Papiers de Bathélemy, t. II, passim, table analytique, article Assignats.*

¹⁵⁾ Мерси Штарембергу, 6 февр. и 13 янв. 1793. Турнеим, р. 36, 45.

щеніе всей націи,—такова будущность, которую союзники готовили для Франціи въ февралѣ и мартѣ мѣсяцахъ 1793 г. Эмигранты готовились еще прибавить ко всѣмъ этимъ крайностямъ восстановленіе всѣхъ злоупотребленій стараго режима и удовлетвореніе своей мести. И вотъ объ этомъ-то и говорилось, не въ манифестахъ, предназначенныхъ служить устрашеніемъ, а въ интимныхъ письмахъ и секретныхъ замѣткахъ дипломатическихъ канцелярій. Конвентъ противопоставилъ этому ужасныя мѣры, но самые неистовые конвентисты никогда не грозили Европѣ замыслами болѣе безобразными, чѣмъ тѣ, которыми одушевлены были въ своихъ вѣжливыхъ свѣтскихъ разговорахъ и въ письмахъ, писанныхъ изящнымъ слогомъ,—агенты коалиціи. Это уже не разглагольствованія изступленныхъ республиканцевъ: это соображенія государственныхъ людей, хладнокровныхъ и разсудительныхъ. Въ то время казалось, что эти замыслы были близки къ осуществленію.

III.

Какъ большинство иностранцевъ, которые видѣли вещи издалека и заключали по прежнимъ примѣрамъ, какъ ни одинъ скептическій философъ и гоше стараго порядка, Дюмурье рано и инстинктивно предчувствовалъ, что военный элементъ будетъ играть большую роль въ революціи. Ему могла придти въ голову мысль, которую Ривароль высказалъ въ 1790 году, и во всякомъ случаѣ онъ способенъ былъ ее усвоить: «Или король будетъ имѣть армію, или армія будетъ имѣть короля... У насъ явится какой-нибудь счастливый солдатъ, ибо революціи всегда погибаютъ отъ меча. Примѣры: Сулла, Цезарь, Кромвель». Онъ могъ бы прибавить: Монкъ. Въ 1790 г. это было только правдоподобнымъ предположеніемъ: революція не сказала еще своего послѣдняго слова; въ 1799 году это было роковымъ рѣшеніемъ: революція, поглотила сама себя. Въ 1792 году во время войны за независимость, среди энтузіазма борьбы за распространеніе республиканскихъ идей, когда эмиграція, казалось, была еще поддерживаема союзниками и контръ-революція представлялась еще возможной; когда можно было ожидать всякихъ опасностей и предаваться всякимъ иллюзіямъ, и когда терроръ еще не унижилъ духа французовъ, а директорія не довела еще Францію до рабства, — ожидать нѣкотораго успѣха отъ военнаго государственнаго переворота значило бы дѣлать странную ошибку. Этотъ государственный переворотъ удался въ 1799 году, потому что всѣ были утомлены; потому что семь лѣтъ непрерывной войны превратили армію въ главную государственную пружину; потому что всѣ жаждали мира и порядка; потому что все было извращено въ умахъ и, важнѣе всего, само понятіе о свободѣ; потому, наконецъ, что успѣхъ революціи сорель, т. III.

не былъ болѣе сомнительнымъ и что, привѣтствуя побѣдоноснаго генерала, думали, что привѣтствуютъ самую революцію, утвержденную и умиротворенную. Ничего подобнаго не было въ 1792 г. Армія и страна ускользали отъ заговоровъ: та и другая соединялись въ одномъ понятіи, чувствовали глубокимъ инстинктомъ насущныя потребности. Тотъ, кто задумалъ бы тогда дѣйствовать противъ республики, неминуемо оказался бы, по самой силѣ вещей, работающимъ въ пользу эмигрантовъ и иностранцевъ, хотя даже не въ прямомъ сообществѣ съ ними, а, слѣдовательно, противъ Франціи и революціи, и вооружилъ бы противъ себя не только революціонеровъ, но всю новую Францію, все, что что стремилось защищать національную территорію и завоеванныя вольности. Дюмуре не былъ способенъ понять это. Событія ускользали отъ его расчетовъ. За недостаткомъ коммаса, онъ могъ бы, по крайней мѣрѣ, руководиться звѣздами; но его зрѣніе было слишкомъ близорукое. Ему не доставало ни возвышеннаго сердца, ни прямого здраваго сужденія, ни довольно широкаго ума, чтобы направиться во время бури именно туда, куда онъ желалъ пристать. Онъ замѣчалъ скалы, нѣкоторыя миновалъ весьма ловко, но не замѣтилъ водоворота, который и поглотилъ его.

Дюмуре получилъ приказъ о выступленіи въ походъ, чтобы напасть на Голландію. Онъ оставилъ Бельгію, гдѣ почва была уже истощена. «Я хотѣлъ,—говорилъ онъ¹⁾, — вторгнуться въ Голландію, тамъ я располагалъ бы необходимыми средствами; мнѣ нужно было пожертвовать людьми, и голландцы меня желали. Обладая Голландіей, гдѣ я, пожалуй, позволилъ бы грабежъ, я отобралъ бы республиканскія войска, на которыя могъ бы полагаться, и распредѣлилъ бы ихъ по моимъ пѣхотнымъ линейнымъ войскамъ, въ которыхъ я начиналъ чувствовать недостатокъ. Съ такой грозной арміей, я вступилъ бы въ Бельгію, освободилъ бы вторично ее отъ ея новыхъ тирановъ, членовъ Конвента; бельгійцы доставили бы мнѣ новое приращеніе моей арміи, съ помощью которой я атаковалъ бы австрійцевъ, заставивъ ихъ отступить къ Германіи, чтобы потомъ имѣть возможность во главѣ многочисленной и непобѣдимой арміи войти во Францію, съ конституціей въ рукахъ, уничтожить республику и истребить ея сторонниковъ, возстановить законъ и короля въ моемъ отечествѣ и продиктовать затѣмъ миръ Европѣ». Король, о которомъ онъ говоритъ, былъ бы Людовикъ XVIII, царствующій подъ его попечительствомъ при конституціи и съ двумя палатами²⁾. Это было рискованное предпріятіе, и онъ бро-

¹⁾ Разговоръ съ графомъ Штарембергъ, въ Брюсселѣ, 10 апрѣля 1793. ZEISSBERG, t. III. p. 4. — DUMOURIEZ, *Mémoires*, liv. VIII. ch. 1. — CHAGNET, *La trahison de Dumouriez*, ch. 1, *L'expédition de Hollande*, ch. II, Aix-la Chapelle.

²⁾ Разговоръ съ Меттернихомъ 18 juin 1793. ZEISSBERG, t. III, p. 117.

сился въ него настоящимъ авантюристомъ, ищущимъ случая прославиться и вызвать изумленіе. Состояніе его арміи заставляло его, впрочемъ, дѣлать быстрыя движенія. «Всего недостаетъ войскамъ, которыя я веду съ собою»,—писалъ онъ отъ 18 февраля Бернонвиллю. Онъ отрядилъ одного изъ своихъ генераловъ, Миранда, для осады Маастрихта: онъ имѣлъ соумышленниковъ въ этомъ городѣ и думалъ, что послѣдній быстро сласется. По взятіи Маастрихта, Миранда долженъ былъ идти на Нимвегенъ съ корпусомъ, усиленнымъ частью корпуса Валенса, и заключавшимъ въ себѣ около 30 тысячъ человекъ. Между тѣмъ самъ онъ подвинулся бы къ низовьямъ Мааса и, перейдя его при Дордрехтѣ, напалъ бы врасплохъ на голландцевъ, гдѣ присоединился бы къ нему Миранда, и голландцы очутились бы между двухъ огней.

17 февраля онъ перешелъ границу около Бергенъ-опъ-Цоома и обратился къ батавцамъ съ прокламаціей, имѣвшей цѣлью отдѣлить голландскій народъ отъ его правительства. Онъ грозилъ жестокимъ наказаніемъ властямъ, которыя отдали бы приказъ открыть шлюзы или прорвать плотины: ихъ имущества были бы проданы въ пользу паводненной страны. Это было удачно задумано, но необходимо было дѣйствовать съ большою быстротою; Дюмуре же былъ задержанъ при устьѣ Мааса, вслѣдствіе недостатка въ переправочныхъ средствахъ. Миранда также былъ остановленъ передъ Маастрихтомъ: онъ рассчитывалъ на внезапность нападенія, рассчитывалъ на помощь, но не получилъ ея, а такъ какъ у него совсѣмъ не было осадной артиллеріи, ему пришлось ограничиться угрозами и демонстраціями. Это промедленіе дало возможность австрійцамъ прибыть на мѣсто дѣйствія. Клерфэ заставилъ отступать корпусъ Валенса, ослабленный дезертирствомъ и разсѣянный въ своихъ квартирахъ на слишкомъ большомъ протяженіи. Этотъ корпусъ не представлялъ достаточно силоченной массы войскъ. Эрцгерцогъ Карлъ шелъ на Маастрихтъ; Миранда считалъ себя погибшимъ, снялъ осаду ночью, 3 марта, и отступилъ къ Люттиху, гдѣ находился и Валенсъ. Въ продолженіе цѣлой зимы эта армія разсѣивалась вслѣдствіе недостатка офицеровъ, дисциплины и продовольствія. Послѣдняя неудача довершила ея разгромъ. Она отступила передъ непріяземъ, и отступление вскорѣ превратилось въ бѣгство. Страшась мщенія князя-епископа, жители люттихскаго края, высказавшіеся за революцію, бѣжали, унося съ собою что могли, бродя по дорогамъ, въ слѣгу; большинство изъ нихъ было безъ всякихъ средствъ. Австрійцы заняли Люттихъ 5 марта. Принцъ Кобургскій, командовавший ими, наложилъ на страну контрибуцію въ шестьсотъ тысячъ флориновъ, падавшихъ преимущественно на имущества революціонеровъ: они должны были платить

вдвойнѣ, втройнѣ, вчетверо и даже во сто разъ больше другихъ; это было совершенною противоположностью декабрьскимъ декретамъ.

Въ Бельгiи комиссары Конвента отдали приказъ агентамъ Исполнительнаго совѣта перевезти въ Лилъ, «чтобы сложить ихъ въ надежное мѣсто въ виду событий», серебряныя вещи и драгоценныя предметы, секвестрованные въ различныхъ религіозныхъ учрежденiяхъ. Распоряженіе не должно было распространяться на капиталы приходскихъ церквей и на церковную утварь. Агенты не обращали на это никакого вниманiя и наложили свои руки на все, что имъ казалось пригоднымъ. Въ Брюсселѣ, въ церкви св. Гудулы, шайка негодяевъ разграбила церковь и завершила грабежъ маскарадомъ, нарядившись въ церковныя ризы. Народъ вознегодовалъ и принялъ угрожающее положеніе. Комиссары обезоружили его при посредствѣ войскъ, взяли заложниковъ и грозили городу военной экзекуціей. Инсurreкція распространилась на Фландрію; образовались вооруженныя сходбища: чувствовали себя наканунѣ предсказанныхъ *Сицилійскихъ вечереи*, которыхъ такъ опасались.

Исполнительный совѣтъ, увѣдомленный объ опасности, рѣшился отозвать Дюмурье. Генералъ получилъ 8 марта формальный приказъ отступить, и хотя этотъ приказъ разрушалъ его проекты, но понимая лучше, чѣмъ кто-либо, опасность, которая угрожаетъ бельгійской арміи, онъ повиновался. Готовясь вступить въ бой съ Австріей, онъ старается успокоить бельгійцевъ. Въмѣсто торжественнаго возвращенiя, на которое рассчитывалъ, онъ старается, по крайней мѣрѣ, вступленіемъ въ Бельгію отсрочить катастрофу. Въ Антверпенѣ, 10 марта, онъ изгоняетъ комиссара исполнительной власти, закрываетъ клубъ и успокаиваетъ мѣстныя власти. На другой день онъ прибываетъ въ Брюссель и отправляется въ собраніе представителей, которое его принимаетъ, какъ спасителя. Онъ обѣщаетъ освободить заложниковъ, возвратитъ церквамъ ихъ сокровища, сдержатъ демагоговъ. Онъ рѣзко осуждаетъ разбойничьи дѣйствія въ одной изъ прокламаций, расклеенныхъ по стѣнамъ домовъ, заявляетъ, что французы пришли въ Бельгію единственно для того, «чтобы обезпечить свободу и благосостояніе народа». 12 числа изъ Лувена, гдѣ онъ продолжалъ дѣйствовать такимъ же образомъ, онъ пишетъ Берновиллю: «Мы окружены врагами и самые опасные изъ нихъ—жители, которыхъ мы довели до отчаянiя, благодаря тираніи вашихъ политическихъ и финансовыхъ агентовъ». И въ тотъ же день извѣщаетъ Лебрена: «Я вамъ предсказывалъ все, что могло явиться слѣдствіемъ присылки комиссаровъ исполнительной власти. Выборъ ихъ сдѣланъ дурно; миссія была ненавистна. Я отозвалъ комиссаровъ изъ Антверпена въ Брюссель, такой же приказъ я отдамъ и относительно всѣхъ другихъ, разбѣянныхъ по бельгійскимъ провинціямъ;

если совѣтъ не поспѣшитъ ихъ отозвать, я принужденъ буду всѣхъ ихъ выслать во Францію,—этого требуетъ спасеніе отечества».

До сихъ поръ Дюмурье дѣйствовалъ какъ военачальникъ. Съ этихъ поръ онъ дѣйствуетъ какъ глава партіи, рѣшивъ порвать съ республикой. Онъ разсчиталъ, что ему нельзя болѣе колебаться. 12 марта онъ пишетъ президенту Конвента письмо, настоящій манифестъ междоусобной войны. Онъ излагаетъ въ немъ отчаянное положеніе арміи и обвиняетъ въ этомъ безпечность правительства и его ошибочную политику. «Пока наше дѣло было правое, мы побѣждали непріятеля; но съ тѣхъ поръ, какъ духъ стяжанія и несправедливости стали направлять наши дѣйствія, мы губимъ сами себя, а наши враги пользуются этимъ». Онъ доноситъ на агентовъ пропаганды въ Бельгiи, протестуя противъ притѣсненій, которымъ подвергаютъ бельгійцевъ: «Вамъ нагнали относительно ихъ намѣреній; присоединеніе Геннегау совершалось при помощи сабельныхъ ударовъ и ружейныхъ выстрѣловъ». Онъ указываетъ на слѣдствіе «рокового декрета» 15 декабря, проявившееся бунтомъ въ Бельгiи. Онъ требуетъ, чтобы Конвентъ одобрилъ мѣры, принятыя имъ для спасенія французской арміи, чести націи и самой республики». Назадъ тому семь мѣсяцевъ, когда Лафайетъ пытался отстоять конституцію и королевскую власть противъ мятежа, Дюмурье обрушился на него съ негодованіемъ: «Пора,—вскричалъ онъ,—покончить съ приключеніемъ седанскаго преступленія и бунтомъ маленькаго Суллы. Теперь Дюмурье самъ разыгрываетъ роль маленькаго Суллы, преслѣдуетъ его замыслы и принимаетъ его тонъ; онъ хочетъ взять смѣлостью—и губить себя.

Письмо было уже запечатано, когда комиссары Конвента при съѣздой арміи явились въ главную квартиру. Это были: Трейльяръ, Мерленъ де-Дузъ, Камюзъ и Госсюанъ. Свиданіе было крайне бурное. Комиссары упрекали Дюмурье въ томъ, что онъ, не спросивъ ихъ мнѣнія, припалъ мѣры политическаго характера, противоположныя распоряженіямъ Конвента. Онъ отвѣчалъ какъ мятежникъ: «Первый изъ декретовъ—это общественное спасеніе; издавѣка Конвентъ могъ ошибиться и, конечно, въ бельгійскихъ дѣлахъ онъ и ошибся. Онъ же, Дюмурье, выпесъ всю тяжесть войны, онъ долженъ поддержать честь націи и спасти армію; въ этомъ онъ отвѣствененъ не только передъ своимъ начальствомъ, но и передъ потомствомъ; онъ ничего не дѣлалъ, очертя голову; если бы комиссары Конвента захотѣли воспротивиться его мѣрамъ, онъ все-таки издалъ бы свои приказы помимо ихъ». Трейльяръ вскричалъ, что это—серьезное неповиновеніе Конвенту и что генералъ долженъ оправдать свое поведеніе передъ Конвентомъ. Въмѣсто всякаго отвѣта, Дюмурье прочелъ имъ свое письмо къ

президенту, и оставил их негодующими и изумленными. Тогда он отослал письмо и велел его напечатать.

IV.

Дантон и Делакруа, находившиеся при началѣ пораженія въ Бельгii, поспѣшили отправиться въ Парижъ. Имъ извѣстна была только самая ничтожная часть грозившей опасности: они вѣрили въ преданность Дюмуре. Въ Парижъ они прибыли въ разгаръ самой острой борьбы между партіями. Слабые и безхарактерные члены Конвента, подбитые другими на пареубійство, утѣшали себя тѣмъ, что этимъ актомъ устранялось всякое соперничество и создавалось партійное единство въ Собраніи. Единство было утопiей, а соперничество—неизлѣчимою болѣзью: оно зависѣло не отъ обстоятельствъ, а отъ характеровъ. Послѣ 21 января партійные раздоры сдѣлались болѣе ожесточенными, чѣмъ когда-либо; отстаивая актъ 21 января, каждый пытался теперь эксплуатировать его въ свою пользу. Жирондисты пожертвовали Людовикомъ XVI съ тѣмъ, чтобы удержать за собою власть; монтаньяры—чтобы отдѣлаться отъ жирондистовъ. Поэтому и тѣ и другіе пользовались всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы разжигать споры, превращая, такимъ образомъ, все государственныя дѣла въ личные столкновенія. Они внесли въ нихъ язвительную и тщеславную злобу литературскихъ пререканій. Отождествляя свое самолюбіе съ государствомъ, а свое я—съ республикой, они вносятъ въ свои распри напыщенность слога газетной полемики, возводятъ въ преступленіе малѣйшее противорѣчіе и обзываютъ другъ друга заговорщиками, какъ недавно литераторы называли другъ друга мошенниками и глупцами ¹⁾. Робеспьеръ обвиняетъ Лебена въ томъ, что онъ продался Австріи, Бриссо—Англіи; Рабо, «измѣнникъ какъ протестантъ и какъ философъ», хотѣлъ отдать Савойю пьемонтцамъ. Робеспьеру все это было извѣстно, у него на этотъ счетъ не было никакого сомнѣнія, да «никакого»,—говорилъ онъ Гарату. Жирондисты въ особенности обвпняли Дантона. Онъ близокъ съ Лакло, «авторомъ безправденнаго романа *Liaisons dangereuses* (Опасныя связи); онъ систематически упражняетъ своихъ сообщниковъ «въ дерзости и лжи»; онъ готовитъ тронъ Орлеанамъ, если не имѣетъ самъ поползновенія на протекторатъ Кромвеля. Собранія проходили въ перебранкахъ и нескончаемыхъ пререканіяхъ. Несчастныя событія въ Бельгii только под-

¹⁾ DUBOIS-CRANCÉ, *Analyse de la Révolution*, publiée par le colonel Jung, Paris, 1885, p. 115.—«*Mémoires de Garat*», Buchez et Roux, t. XVIII, p. 320. Европа и революція. т. I.

лили масла въ огонь; набросились на эти несчастія какъ на боевое средство, и каждый вооружался имъ, съ цѣлю сокрушить своихъ противниковъ.

8 марта Собраніе получило заявленіе о присоединеніи части провинцій Гента и шестнадцати общинъ Брабанта, Лувена и Остенде. Оно уважило ходатайство жителей Лувена и отослало въ дипломатическій комитетъ остальные. Затѣмъ военный министръ сталъ читать письма отъ Валенса и Миранды, извѣщавшія объ ихъ отступленіи. Делакруа и Дантонъ только что прибыли. Делакруа изложилъ дѣло и требовалъ военныхъ мѣръ. Робеспьеръ обрушился на генераловъ: изъ-за нихъ онъ мѣтилъ въ Дантона, который, какъ ему казалось, ихъ прикрывалъ: наиболѣе дѣйствительныя мѣры—это преданная полиція и проворные палачи; достаточно истребить зло, «очистить армию отъ аристократическаго духа... держать постоянно мечъ закона поднятымъ надъ головами могущественныхъ заговорщиковъ, вѣроломныхъ генераловъ... вымести измѣнниковъ!» Конвентъ декретируетъ декреты, предписывающіе ускореніе призыва рекрутовъ и концентраціи войскъ. Но ударъ Робеспьера произвелъ впечатлѣніе. Дантонъ старается успокоить умы: «Надо сказать всей Франціи: если вы не полетите на помощь къ вашимъ братьямъ въ Бельгію, если Дюмуре будетъ окруженъ неприятелемъ въ Голландіи, если наши арміи вынуждены будутъ положить оружіе, кто можетъ исчислить всѣ бѣдствія подобнаго событія? Уничтоженіе общественнаго достоинства и смерть шести сотъ тысячъ французовъ было бы послѣдствіемъ этого». Онъ требуетъ солдатъ, онъ требуетъ общаго восторженнаго возстанія страны, какъ въ 1792 году. Крайніе понимаютъ дѣло иначе: имъ пужны допросы, тюрьмы, полицейскіе сыщики, эшафоты. Дюгемъ требуетъ, чтобы Конвентъ изгналъ журналистовъ и уничтожилъ газеты. Собраніе оставило это предложеніе безъ обсужденія и перешло къ очереднымъ вопросамъ; оно рѣшило послать комиссаровъ въ департаменты и въ парижскія секціи, съ цѣлю воодушевить народъ и направить его къ границамъ. Парижъ, потрясенный этими извѣстіями, пришелъ въ броженіе. Театры закрываются, бьютъ сборъ, раздаются набатный колоколъ: демагоги готовятъ уличную манифестацію, *journee*, противъ жирондистовъ и угрожаютъ Конвенту.

9 числа, въ началѣ засѣданія комиссары представляютъ отчеты о своихъ посѣщеніяхъ секцій. Они приняты были съ восторгомъ. Бентаболь и Жанбонъ заявляютъ, что двѣ секціи, секція Ораторіи и секція Лувра, выразили мнѣніе о необходимости создать революціонный трибуналъ. Одинъ неизвѣстный депутатъ встаетъ и требуетъ немедленнаго созданія этого трибунала, который долженъ судить, «безъ аппеляціи и кассации измѣнниковъ и революціонеровъ». Имя этого депутата—Каррье. Собраніе совѣщается и, несмотря на оппозицію Ланжуніе, отсылаетъ проектъ трибунала въ законодательный комитетъ. Оно декретируетъ присоединеніе Намюра и Остенде

и прекращаетъ засѣданіе до вечера, чтобы назначить комиссаровъ, которые должны отправиться въ департаменты ²⁾).

На слѣдующій день, 10 марта, при извѣстіи о занятіи Лютиха австрійцами, борьба снова завязывается въ Собраніи. Робеспьеръ доноситъ на «преступное списхожденіе» большинства, вялость комитетовъ, измѣну мнимыхъ дипломатовъ Жиронды; онъ требуетъ очистки правительства и сосредоточенія власти. Онъ старается, съ помощью наветовъ и страха, разбить большинство, надъ которымъ онъ не можетъ еще господствовать. Дантонъ, который думаетъ, что онъ имѣетъ еще вліяніе на большинство, старается его сплотить при помощи патріотизма и энтузіазма. Онъ напоминаетъ о рѣчахъ, произнесенныхъ имъ въ августѣ 1792 г. во время великой отечественной опасности. «Ваши споры жалки, я знаю только врага, побѣдимъ врага... Упьемся кровью враговъ свободы, если это нужно; будемъ сражаться, завоюемъ свободу». Необходимо употребить сильныя средства, и все можетъ возстановиться. «У народа есть только кровь, и онъ ея не щадитъ»; такъ пусть же и богатые, всѣ богачи Европы, не щадятъ своихъ богатствъ и «осушатъ» долги республики. «Смотрите, граждане, какой прекрасный удѣлъ васъ ожидаетъ. Какъ! рычагомъ вамъ служить цѣлая страна, разумъ—ваша точка опоры, и вы еще не опрокинули всего міра! Но для этого надо обладать характеромъ; по правдѣ сказать, его-то вамъ и недостаетъ. Я откладываю въ сторону всѣ страсти, онѣ мнѣ всѣ совершенно чужды, кромѣ одной—страсти общественнаго блага... Потомъ быстро приходитъ онъ къ измѣненію своихъ взглядовъ на войну ³⁾». «Разсмотрите хорошенько наше политическое положеніе. Гдѣ находится центральный пунктъ движенія нашихъ враговъ? Въ англійскомъ кабинетѣ! Питтъ хорошо знаетъ, что, поставивъ все на карту, онъ ничего не долженъ щадить... Возьмемъ Голландію, и Карагенъ будетъ нашъ. Какъ только Голландія будетъ завоевана для свободы, сама торговая аристократія, — которая теперь господствуетъ надъ англійскимъ народомъ, озлобленная на то, что англійское министерство вмѣшалось въ союзъ деспотовъ и что ея торговля уничтожена, — будетъ первая стоять за ниспроверженіе правительства, которое ее увлекло... Она ниспровергнетъ это тупое правительство, которое думаетъ, что пята стараго порядка въ состояніи сокрушить геній свободы, парящій надъ Франціей. Когда это министерство падетъ въ силу коммерческихъ интересовъ, партія свободы выступитъ неминуемо, такъ какъ она еще не вымерла...

²⁾ Decret du 9 mars sur les pouvoirs du commissaire, liste et précis des missions. AULARD, II, p. 298—317.

³⁾ *Moniteur*, t. XV, p. 680, et le *Logotachigraphe*, № 72. Робинет, *Danton émigré*, p. 91—93.

Она васъ ждетъ. И если вы исполните вашъ долгъ, если Франція двинется, англійскіе республиканцы подадутъ вамъ руки, и весь міръ будетъ свободенъ». «Итакъ,—прибавилъ онъ еще,—завоюемъ Голландію, оживимъ въ Англіи республиканскую партію, заставимъ Францію идти впередъ и насъ ждетъ слава въ грядущихъ поколѣніяхъ. Совершите эти великія предначертанія судьбы: прочь споры, прочь распри—и отечество спасено!»

Эти взгляды, которые, быть можетъ, и самому Дантону не рисовались съ полною ясностью и точностью, вырвались у него непосредственно и послѣдовательно, какъ и тѣ, которые онъ излагалъ 31 января. Въ тотъ день Дантонъ былъ выразителемъ общей мысли, опредѣляя естественныя границы, какъ конечную цѣль республиканской войны. 10 марта онъ формулируетъ неизбѣжныя условія войны за естественныя границы, которую онъ провозгласилъ: необходимость завоеванія Голландіи и господства надъ нею, чтобы утвердить пріобрѣтеніе Бельгіи; необходимость побѣдить или революціонировать Англію, чтобы принудить ее оставить Бельгію за Франціей. Вотъ вся цѣль войны, которая развертывается передъ Конвентомъ ⁴⁾.

Дантонъ обращался съ этими увѣщаніями къ «Равнинѣ». Онъ хотѣлъ опереться на содѣйствіе этой партіи и сдѣлать ее своимъ рычагомъ; она состояла изъ благоразумныхъ по природѣ людей, рожденныхъ повиноваться какому-нибудь господину, требующихъ сильнаго правительства, потому что они жаждаютъ безопасности и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствуютъ себя способными занимать въ немъ мѣста. Камбасересъ поддержалъ эти предложенія. Министество, лишенное единства, и организація котораго обнаруживаетъ совмѣстное существованіе какъ бы двухъ властей, должно быть упразднено—сказалъ этотъ бывшій парламентскій совѣтникъ. «Всѣ власти ввѣрены вамъ, и вы должны ихъ исполнять всѣ; тутъ не должно быть никакого раздѣленія между учрежденіемъ обсуждающимъ и учрежденіемъ исполняющимъ...

⁴⁾ Бонапартъ, безъ сомнѣнія, читалъ рѣчь 10 марта: эта рѣчь была какъ бы основной темой его рѣчей и писавій о предметѣ, который постоянно занималъ его умъ. Онъ говаривалъ на островѣ св. Елены: Высадка въ Англію всегда считалась возможной и, разъ она сдѣлана, взятіе Лондона становится неизбѣжнымъ. Тогда въ Лондонѣ возвысилась бы сильная партія противъ олигархіи. «Я вошелъ бы въ него не какъ завоеватель, но какъ освободитель. Мы представились бы англичанамъ не побѣдителями, а братьями, пришедшими возвратить имъ свободу. Я сказалъ бы имъ, что они должны соединиться и работать сами для своего возрожденія... Не прошло бы нѣсколькихъ мѣсяцевъ, какъ обѣ, столь враждебныя другъ другу націи, составили бы два народа, тождественные по своимъ принципамъ, своимъ правиламъ, своимъ нуждамъ; и оттуда я двинулся-бы, чтобы совершить отъ юга до сѣвера европейское возрожденіе въ республиканскомъ духѣ». МОНТОЛОУ, *Mémoires dictés à Sainte-Hélène*, Paris, 1823, t. II, p. 48. — ДАМАС-НИНАРД, *Dictionnaire Napoléon*, Paris, 1854, p. 26.

Въ этомъ случаѣ не должно слѣдовать обыкновеннымъ принципамъ; когда вы будете обсуждать конституцію, вы обсудите и принципъ раздѣленія властей, и я требую, чтобы въ этомъ же засѣданіи были организованы трибуналъ и министерство». Дантонъ идетъ еще дальше; министры должны быть взяты изъ самаго собранія; «...Мы не должны этого скрывать, мы нуждаемся въ министрахъ..... употребимъ все средства національнаго могущества; но вручимъ эти средства въ руки людей, которыхъ необходимо и постоянное соприкосновеніе съ вами обезпечитъ вамъ цѣлостность и исполненіе мѣръ, которыя вы предпримите въ виду общественной безопасности».

Жирондисты мужественно возстали противъ учрежденія революціоннаго трибунала: это судебное учрежденіе, будучи исключительнымъ, постоянно грозило бы ихъ партіи. «Это будетъ инквизиція въ тысячу разъ хуже венеціанской инквизиціи», сказалъ Верньо. Онъ былъ правъ. Дантонъ и Камбасересъ надѣялись, что, соединяя эти два предложенія въ одно, они ихъ проведутъ одно за другимъ. Ихъ расчетъ не оправдался. Нѣтъ никакой хитросплетенной уловки противъ двойной прозорливости зависти и интереса. Собраніе вотировало учрежденіе трибунала и отложило вопросъ о правительствѣ. Было опредѣлено 11 марта по предложенію Испара, что революціонный трибуналъ судить безапелляціонно съ присяжными, произносящими рѣшенія громкогласно. Подобная процедура удалась въ дѣлѣ Людовика XVI; хотѣли ее обобщить, разсчитывая, что чернь будетъ навязывать приговоры и что страхъ за себя будетъ гарантіей покорности судей. Это судилище пособниковъ палача было на руку тѣмъ, кто разсчитывалъ отдѣлаться при помощи его отъ своихъ враговъ; большинство членовъ Конвента пришло отъ него въ ужасъ, но вотировало, надѣясь на возможность какъ бы откупиться отъ него. Совершенно обратное произошло относительно правительства. Очень немногіе желали въ него попасть, да и тѣ считали благоразумнымъ скрывать это; большинство же совсѣмъ не домогалось этой чести; оно въ одно и то же время и страшилось, и завидовало власти, которая возвысилась бы надъ ними. Это большинство обнаружилось въ этомъ случаѣ безкорыстіе, которое ему ничего не стоило, устранивъ изъ министерства товарищей, вступленіе во власть которыхъ внушало опасенія. Дантонъ, видя ихъ колеблющимися, клялся, что никогда не будетъ добиваться правительственной власти. «Но,—прибавилъ онъ,—вы окажете опасную услугу общественному дѣлу, если вы не сохраните право выбирать министровъ вездѣ, даже въ рядахъ Конвента». Онъ никого не убѣдилъ, и вся сила его доводовъ еще болѣе убѣдила его враговъ въ необходимости отклонить предложеніе. Составилась коалиція, чтобы устранить его отъ власти, и Конвентъ предпочелъ лучше совсѣмъ не имѣть правитель-

ства, нежели имѣть такое, въ которомъ находилъ-бы Дантонъ. Итакъ, чтобы привести большинство къ необходимости сосредоточенія государственныхъ силъ, надо было употребить болѣе тонкіе маневры и, особенно, ждать какой-либо настоятельной необходимости, вызванной новыми опасностями.

Бернонвиль разсѣялъ бунтовщиковъ 10 марта; но утомленный и обезкураженный, онъ подалъ въ отставку и просилъ разрѣшенія возвратиться на границу. Конвентъ снова выбралъ его 14 числа. Въ этотъ самый день президенту было передано письмо отъ Дюмуре. Бреаръ, занимавшій президентское кресло, не рѣшился взять на себя отвѣтственность прочесть письмо Собранію; онъ отнесъ его въ комитетъ Общей обороны. Этотъ комитетъ рѣшилъ 15 марта послать къ Дюмуре Дантона, Делакура и заставить его отречься отъ написаннаго въ письмѣ. Комитетъ находилъ, что Дюмуре необходимо во главѣ арміи и что при существующихъ опасностяхъ совсѣмъ не желательно начинать съ нимъ борьбу. Напротивъ, самъ Дюмуре желалъ этой борьбы, готовился къ ней и все еще надѣялся, при помощи неожиданной побѣды, поднять духъ арміи, овладѣть войсками и возстановить престижъ, въ которомъ нуждался для «широкаго предпріятія».

Онъ собралъ около 45.000 человекъ и предполагалъ, что австрійцы не могли выставить въ линію болѣе 50.000. Онъ идетъ на нихъ и 16 марта разбиваетъ ихъ при Тирлемонѣ. Этотъ успѣхъ возвращаетъ войскамъ увѣренность въ своихъ силахъ. Тѣмъ не менѣе Дюмуре не перестаетъ находить свое положеніе весьма шаткимъ. Онъ не скрываетъ отъ себя опасности и даже нѣсколько преувеличиваетъ ее: въ случаѣ побѣды, онъ преувеличитъ и свою заслугу; въ случаѣ неудачи, онъ уменьшитъ свою отвѣтственность. 17 марта онъ пишетъ Бернонвилю: «хотя я и выпудилъ вчера Кобургскаго принца отступить со всей его арміей, тѣмъ не менѣе я пахожусь въ ужаснѣйшемъ положеніи, въ какомъ никогда не находился. У солдатъ нѣтъ ни обуви, ни одежды. Я въ странѣ, въ которой нѣтъ фуража, и не знаю, чѣмъ прокормить мою кавалерію, на чемъ перевозить артиллерію. Если я подамся впередъ, мои резервы еще болѣе уменьшатся, и я окажусь въ совершенно безвыходномъ положеніи... При малѣйшей неудачѣ съ нашей стороны, общая инсurreкція вспыхнетъ противъ насъ, по крайней мѣрѣ, по близости нашей арміи».

18 числа онъ атаковалъ непріятеля въ Неервинденѣ и овладѣлъ селеніемъ. Его лѣвое крыло, подъ натискомъ Клерфѣ, обратилось въ бѣгство. Дюмуре, опасаясь быть окруженнымъ непріятелемъ, отступилъ. Собственно говоря, онъ не былъ разбитъ; но въ условіяхъ, въ которыхъ оказались его войска, отступление было необходимо, и оно рисковало быстро превратиться въ бѣгство. «Многіе корпуса не знаютъ именъ генераловъ, которые ими командуютъ, и разбѣлись, переходя изъ деревни въ деревню»,

доносить одинъ офицеръ. Дюмуре рѣшился на междоусобіе. Онъ безвозвратно компрометировалъ себя напечатаніемъ своего письма, отъ 12 марта. Онъ могъ поправить свое положеніе только неурядицей пораженія, а потому преувеличивалъ ее въ своихъ рапортахъ, надѣясь, что подъ вліяніемъ страха Франція бросится въ его руки. Ночью съ 20 на 21 марта онъ встрѣтился съ Дантономъ, который заклиналъ его отказаться отъ письма; Дюмуре согласился написать только нѣсколько строчекъ президенту Собранія, прося его ничего не рѣшать и ждать отъ него объясненій. Дантонъ, взявъ записку, отправился въ Парижъ.

22-го числа Дюмуре писалъ военному министру: «Пора обсудить съ полною откровенностію наше положеніе и подумать о средствахъ спасти Францію и армію. Вамъ извѣстно, что я всегда говорилъ, какъ думалъ, что австрійскія Нидерланды могутъ защищаться только деньгами, продовольственными припасами, боевыми снарядами и поддержкою Голландіи. Экспедиція въ Голландію оставлена, по крайней мѣрѣ, до новаго распоряженія; такимъ образомъ Нидерланды попадутъ въ руки первому, кто захочетъ ихъ занять... У меня есть основанія предполагать, что принцъ Кобургскій получилъ значительныя подтвержденія, и по всемъ полученнымъ свѣдѣніямъ его армія доходитъ до 70.000 человекъ. У меня же всего 35.000 человекъ и, увы, къ несчастію, это уже не тѣ солдаты, которые дрались при Жемаппѣ; они упали духомъ, ихъ не сдерживаетъ дисциплина, они нуждаются во всемъ... Я разсматриваю и внутреннее положеніе вещей въ республикѣ. Изъ всѣхъ отчетовъ, которые поступаютъ въ Конвентъ, я вижу, что гражданская война готова возгорѣться и уже проявилась въ департаментахъ Вандеи, Двухъ-Севровъ, Нижней-Луары, Морбигана... Кажется, у насъ имѣется достаточно причинъ очистить Нидерланды, чтобы прикрыться за нашими укрѣпленными пунктами и наблюдать за спокойствіемъ внутреннихъ департаментовъ... Если бы у меня были войска лучше обученныя, лучше дисциплинированныя и снабженныя всеми продовольственными и другими припасами, я немедленно и быстро напалъ бы на одну изъ дивизій непріятеля; я сражался бы съ превосходными силами, и этотъ первый успѣхъ далъ бы мнѣ возможность перейти изъ оборонительнаго въ наступательное положеніе и рѣшить кампанію въ нашу пользу. Именно это я и пытался исполнить при Неервиндепѣ, и это мнѣ несомнѣнно удалось бы, если бы мое лѣвое крыло сражалось съ такою же энергіей какъ правое».

Онъ требовалъ распоряженій, а самъ продолжалъ отступленіе. 24 числа онъ писалъ Берпонавилю изъ Энгіена, гдѣ онъ остановился: «Таково отвратительное положеніе, въ которомъ я очутился; мнѣ рѣшительно нельзя было ждать вашихъ распоряженій насчетъ оставленія Нидерландовъ. Меня

тѣснить и вынуждаетъ къ отступленію не непріятель: въ продолженіе цѣлой недѣли безпрерывныхъ сраженій, я всегда держалъ его на должномъ разстояніи, и онъ преслѣдуетъ насъ съ меньшею энергіей. Всѣ наши невзгоды происходятъ отъ нашей собственной арміи и ея политѣйшей дезорганизаціи».

Въ то время, какъ завоеваніе Бельгіи рушилось такимъ образомъ, рейнскій Конвентъ собирался въ Майнцѣ. «Мы вводимъ общинные порядки силой,—писалъ 8 марта Мерленъ де-Тюньвилъ военному министру,—и скоро вы будете обладать однимъ департаментомъ больше». Да и пора было, чтобы этотъ Конвентъ появился: Майнцу грозило обложеніе пруссаками, и клубъ распадался. 13 марта, въ общемъ комитетѣ собралось всего только сорокъ пять членовъ. Депутаты прибывали медленно. Мпюгье, какъ напр. изъ Шпейера, оправдывались трудностями путешествія по занятой странѣ и совсѣмъ не явились. 17 числа около сотни собралось къ открытію Конвента. Передъ началомъ засѣданія была отслужена торжественная месса. На слѣдующій день Собраніе рѣшило, что территорія между Ландау и Бингеномъ образуетъ свободное государство, независимое, недѣлимое, отдѣленное навсегда отъ германской имперіи и управляющееся законами, основанными на началахъ свободы и равенства. 21 числа, принимая во вниманіе, что это государство, окруженное непріятелемъ, можетъ существовать только при помощи покровительства Франціи, рейнскій Конвентъ единодушно, въ составѣ ста присутствующихъ членовъ, вотировалъ присоединеніе къ французской республикѣ. Трое представителей, Форстеръ, Адамъ Люксъ и Потоцкій, были избраны делегатами для поднесенія этого декрета съ адресомъ Конвенту въ Парижъ, гдѣ, между прочимъ, читается слѣдующая фраза: «Черезъ союзъ съ нами вы приобретаєте то, что вамъ принадлежитъ по праву. Сама природа хотѣла, чтобы Рейнъ былъ французской границей; онъ и былъ ею въ первые вѣка французскаго королевства...» Рейнскій Конвентъ рѣшилъ изгнать не принявшихъ присяги жителей, отобрать ихъ имуществъ, конфисковать имуществъ эмигрантовъ. Затѣмъ, когда городъ былъ обложенъ, Конвентъ отсрочилъ 30 марта свои засѣданія, которыя никогда болѣе уже и не возобновлялись.

Въ тотъ самый день парижскій Конвентъ принималъ депутатовъ майнцскаго Конвента. Онъ вотировалъ включеніе 88 городовъ и общинъ, имѣвшихъ представителей на рейнскомъ Конвентѣ. Въ предыдущіе дни онъ утвердилъ присоединеніе сѣверныхъ и восточныхъ территорій; 14 числа—присоединеніе тридцати двухъ нѣмецкихъ общинъ; 20 числа были присоединены три другія общины того же края; 23 числа—66 бельгійскихъ общинъ и территорія Брунтрута (Roentruy), которая составила департаментъ Монъ-Террибль. Непріятель занималъ большую часть территорій, которыя только-

что были присоединены къ Франціи, и угрожалъ уже теперь старой французской границѣ.

V.

У Дюмуре не было болѣе средствъ предписывать законы Конвенту; теперь ему самому приходилось подчиняться его волѣ. Онъ не питалъ иллюзіи по поводу судьбы, которая его ожидала. У него были ожесточенные враги: онъ самъ былъ бы къ нимъ неумолимъ, и потому зналъ, что не можетъ надѣяться на пощаду. Эти враги призвали бы его на судъ передъ Конвентомъ, декретировали бы обвиненіе и отослали бы въ революціонный трибуналъ, а оттуда, по всей вѣроятности, на эшафотъ. Чтобы избѣжать подобной опасности, ему ничего другого не оставалось, какъ перейти границу. Если бы онъ, подобно Лафайету, подвергъ себя опасности попасть въ австрійскія тюрьмы, онъ, по крайней мѣрѣ, избавилъ бы свое отечество отъ великой опасности, а свое имя—отъ вѣчнаго позора; но онъ уже утратилъ инстинктъ великихъ простыхъ истинъ. Онъ хотѣлъ употребить дипломатическія средства тамъ, гдѣ они не примѣнимы. Его нравственное чувство притупилось, и тогда увидѣли, на какомъ скользкомъ основаніи авантюризма возвысился этотъ псевдо-великій человѣкъ. Пока остается хотя малѣйшая надежда на отыгрышъ, для игрока нѣтъ долга, который могъ бы его унижить, нѣтъ лихвеннаго процента, который его ужаснулъ бы; онъ протянулъ бы руку за ставкой къ своему злѣйшему врагу. Дюмуре обратился за ней къ австрійцамъ. Ученикъ Фавье, человѣкъ, сдѣлавшій изъ ненависти къ Австріи политику и карьеру, авторъ деклараціи о войнѣ, уполномоченный делегатъ для заключенія прусскаго союза, побѣдитель при Жемаппѣ психодитъ до такого самоотреченія! Онъ дошелъ до этого не вдругъ, а постепенно, обходными и проселочными дорогами, увлекаясь софизмами собственной самонадѣянности и порывами своего гнѣва. И въ то же время онъ не былъ ослѣвленъ до такой степени, чтобы не сознавать того національнаго чувства, которое поставило его во главѣ арміи,—глубокой ненависти къ чужеземцу. Онъ не рѣшился посягнуть на это чувство, онъ думалъ обольстить его и хитрить съ нимъ. Онъ считалъ возможнымъ замаскировать свое нападеніе и скрыть свои подступы. Не прося прямо у непріятеля союза, онъ будетъ добиваться его нейтралитета и стараться достигнуть, при помощи секретнаго соглашенія, чтобы Австрія дозволила ему сдѣлать то, что онъ сдѣлалъ бы безъ нея, если бы онъ ее разбилъ. Чего онъ хотѣлъ? Мира и восстановленія монархіи; Австрія должна была желать того же. Прежде онъ рассчитывалъ на побѣду, чтобы предписать миръ чужеземцамъ и монархію Франціи; а теперь, вмѣсто того, чтобы навязать миръ, онъ его принялъ бы; что же касается

правительства Франціи, то развязка осталась бы та же. Таковы были преступный договоръ, который онъ заключилъ съ своей совѣстью, и вѣроломный контрактъ, который онъ рѣшился заключить съ непріятелемъ. Оказалось, что непріятель былъ расположенъ войти въ тайное соглашеніе съ нимъ; но только извилистыми путями могли они наконецъ встрѣтиться другъ съ другомъ.

Крестовый походъ королей кончился. Какъ и ихъ знаменитые предшественники времяя Бодуэна Фландрскаго, эти рыцари остановились въ дорогѣ, предпочитая завоеваніе Византіи приступу Іерусалима. Екатерина поражала яковинцевъ въ Польшѣ. Нѣмцы горѣли желаніемъ содѣйствовать ей на этой почвѣ, обреченной съ искони вѣковъ для прибыльных тевтонскихъ подвиговъ. И все-таки оказалось въ станѣ союзниковъ нѣсколько рыцарей, которые мечтали освободить плѣнниковъ Тампля. Можетъ быть, между ними находился только одинъ съ искренней душой и безусловной преданностью: это былъ Ферзенъ, наиболѣе благоговѣнно преданный, самый постоянный изъ обожателей Маріи-Антуанеты, ея наперсникъ, ея защитникъ, другъ въ черные дни и, можетъ быть, единственный человѣкъ, которому, въ своемъ злосчастіи, она рѣшилась бы открыть свое сердце. Всѣ средства были для него хороши, лишь бы спасти ее. Онъ не отказался бы ни отъ одной, хотя бы самой необычайной комбинаціи. Подогрѣвая усердіе своихъ друзей, онъ составилъ вмѣстѣ съ ними планъ, чтобы обратиться къ Дюмуре чрезъ посредство Талейрана, подкупить ихъ обоихъ и добиться отъ генерала выдачи орлеанскихъ принцевъ, которые служили въ его арміи ¹⁾. Австрія должна была оставить ихъ у себя заложниками. Убѣжденный, что всѣ революціонеры были, болѣе или менѣе, приверженцами орлеанистской партіи и что революція, въ сущности, была только обширной конспираціей Филиппа-Эгалите, Ферзенъ нисколько не сомнѣвался въ томъ, что Дантонъ и его друзья согласятся освободить королеву и ея дѣтей, лишь бы выручить «своихъ принцевъ» изъ плѣна. Баронъ де-Бретейль, находившійся въ Англіи, бесѣдовалъ съ человѣкомъ, который былъ близокъ съ Дюмуре и выдавалъ себя за его флигель-адъютанта. Этотъ агентъ даже письменно изложилъ проектъ соглашенія ²⁾, который и былъ посланъ графу де-Мерси, бывшему посланнику Маріи-Терезіи въ Парижѣ. Надо было найти три или четыре милліона. Мерси вызвался спросить ихъ въ Вѣнѣ и сообщилъ о переговорахъ генералъ-аншефу арміи, принцу Кобургскому. «Конечно,—писалъ онъ ему,—дѣло пока еще въ предположе-

¹⁾ Fersen à Mercy, 3 février, *Journal*, 1 et 21 février, 10 mars 1792. *Correspondance de Fersen*, t. II.

²⁾ MORTIMER-FERNAUX, t. VI, Appendice, *La Correspondance et les Mémoires de Mercy, de Cobourg et de Mack*. SYBEL, trad., t. II, p. 333, et suiv.

пн: отсюда до согласія того, кого это касается, еще очень далеко. Слѣдовало бы у него потребовать, кромѣ орлеанскихъ принцевъ, еще сдачи нѣкоторыхъ крѣпостей. Во всякомъ случаѣ, было бы очень важно «отдѣлаться отъ противника, но меньшей мѣрѣ неудобнаго, вслѣдствіе своей блестящей дѣятельности, электризующей плохо составленные полчища, которыми онъ командуетъ».

Кобургъ былъ, такимъ образомъ, приготовленъ къ переговорамъ, когда онъ принималъ 23 марта около Брюсселя генералъ-адъютанта Монжуа (Montjoye), который явился къ нему отъ Дюмуре. «Генералъ,—сказалъ Монжуа,—рѣшился положить конецъ всѣмъ бѣдствіямъ, которыя терзаютъ его несчастную родину, возстановить конституціонную королевскую власть, распусить національный Конвентъ и наказать пегодаевъ въ Парижѣ». Онъ требовалъ, чтобы, подъ предлогомъ обмѣна плѣнныхъ, Кобургъ прислалъ ему довѣреннаго офицера, съ которымъ онъ могъ бы объясниться болѣе подробно. Какъ часто бываетъ на войнѣ, каждый изъ двухъ генераловъ преувеличивалъ ресурсы своего противника. Кобургъ насчитывалъ до 40.000 человекъ войска у Дюмуре; припоминая, какую могучую стойкость оно обнаружило при Жемаппѣ, онъ не могъ предполагать, чтобы оно пришло въ такое бѣдственное положеніе. Самъ онъ располагалъ только 32.000 человекъ и ожидалъ подкрѣпленій. Дюмуре занималъ хорошую позицію, и его предложеніе подоспѣло какъ разъ кстати, чтобы дать возможность австрійцамъ выиграть время и, пожалуй, довести французовъ до отступленія. Кобургъ послалъ къ Дюмуре полковника Макка, который считался однимъ изъ отанчивѣйшихъ офицеровъ австрійской арміи³⁾.

Дюмуре его принялъ 25 марта къ вечеру въ Атѣ (Ath), гдѣ онъ остановился. Они бесѣдовали и обѣдали вмѣстѣ. Дюмуре одушевился. «Въ опьяненіи отъ шампанскаго», онъ проболтался, приписывая Кобургу значительныя силы, около 60.000 человекъ. Маккъ сообразилъ изъ этого признанія, что ему надо показаться передъ Дюмуре «непреклоннымъ и рѣшительнымъ». Послѣ обѣда Дюмуре увелъ его въ отдаленную комнату и тамъ, въ присутствіи генерала Валенса, герцога Шартрскаго, Тувено и Монжуа, его адъютантовъ, онъ открылъ на чистоту свои замыслы: разогнать Конвентъ, возстановить конституціонную королевскую власть съ дофиномъ, снасти королеву. Для успѣха дѣла онъ нуждается въ нейтралитетѣ Кобурга и даже его поддержкѣ. Маккъ съ рѣшительностію отвѣтилъ, что герцогъ не войдетъ ни въ какіе переговоры, пока хотя одинъ французъ останется въ Нидерландахъ. «Но,—прервалъ его Дюмуре,—я

³⁾ «Un esprit juste et un génie militaire transcendant», какъ говорилъ о немъ Ланжеронъ. *Schuquet, op. cit., p. 48—49.*

такъ же силенъ, какъ вы; кромѣ того, черезъ нѣсколько дней и жду подкрѣпленій и стѣмью защититься». Маккъ отвѣтилъ только выразительнымъ жестомъ. Дюмуре сдался. «Ну что же!—вскричалъ онъ,—Нидерланды были постоянно добычей битвъ; я далъ въ нихъ два сраженія и имѣлъ несчастье ихъ потерять... Я покоряюсь жребію войны». Онъ обѣщалъ ретироваться и очистить бельгійскія крѣпости. Маккъ замѣтилъ, что герцогъ послѣдуетъ за нимъ до границы, будетъ наблюдать за его дѣйствіями до тѣхъ поръ, пока не убѣдится въ успѣхѣ его предпріятія противъ Конвента. Дюмуре требовалъ на это три недѣли. Его планъ состоялъ въ томъ, чтобы двинуться форсированнымъ маршемъ на Парижъ съ надежными войсками и овладѣть по прибытіи въ него клубомъ якобинцевъ. Потомъ, по распусченіи Конвента, онъ постарается ввести прочную, умѣренную конституцію: дворянству были бы отчасти возвращены почетное положеніе и земли; но народъ сохранилъ бы свое верховенство при помощи своихъ представителей; это было бы нѣчто похожее на англійскую политическую систему. Конфискація духовныхъ имуществъ была бы удержана. Дюмуре ни за что не хотѣлъ и слышать объ эмигрантахъ и о графѣ Прованскомъ. «Я готовъ,—сказалъ онъ,—пожертвовать сотнями тысячъ солдатъ, если бы они у меня были, чтобы воспрепятствовать иностраннымъ державамъ вмѣшаться въ эту будущую конституцію, чтобы не допустить къ участию въ ней ни одного эмигранта, начиная съ графа Прованскаго». Это было пока преждевременнымъ самохвальствомъ. Когда онъ съ такимъ жаромъ защищалъ будущую конституцію Франціи, онъ уже этими самыми переговорами вводилъ непріятеля въ крѣпость и открывалъ ему доступъ въ нее. Онъ уже намекалъ, что, въ случаѣ надобности, ему пришлось бы обратиться къ австрійцамъ, чтобы сдержать Кюстина, и просилъ Кобурга имѣть 20.000 лундоровъ наготовѣ для того, чтобы разсыпать ихъ въ Парижѣ. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ была заключена сдѣлка. Маккъ отправился, чтобы доложить объ этомъ Кобургу.

26-го числа, Дюмуре, продолжая отступленіе, прибылъ въ Дорникъ. Тамъ онъ встрѣтилъ троихъ агентовъ исполнительной власти, которыхъ Лебренъ прислалъ революціонировать Голландію, и которые возвращались по недостатку занятій. Это были—одинъ бельгіецъ Проли, который считался побочнымъ сыномъ Кауница, одинъ парижскій литераторъ, Дюбиессонъ, и португальскій еврей Перейра; всѣ трое были замѣшаны въ голландскія дѣла 1787 г. и были ярыми якобинцами. Дюмуре не скрывалъ передъ ними ничего изъ своихъ замысловъ.—«Но,—спросилъ Дюбиессонъ,—кто же произведетъ революцію?—Моя армія,—вскричалъ Дюмуре;—да, армія мамелюковъ. Она будетъ арміей мамелюковъ не надолго, конечно, но будетъ ею, и изъ моего ли лагеря, или изъ какой-нибудь крѣпости, она заявитъ,

что желаетъ имѣть короли. Президенты округовъ будутъ уполномочены заставить его принять. Половина Франціи, даже больше, этого желаетъ. И тогда я заключу въ короткое время миръ, и заключу его безъ труда». Его собесѣдникамъ стоило немощно поощрить его, чтобы онъ наконецъ высказался съ полною откровенностью. Они указали ему на обвинительный декретъ, который ему угрожалъ. «Я смѣюсь надъ этимъ декретомъ, да и надъ всѣми другими,—возразилъ онъ;—я предлагаю Конвенту привести его въ исполненіе посреди моей арміи; да, впрочемъ, у меня всегда будетъ время, въ крайнемъ случаѣ, усекаать къ австрійцамъ⁴⁾».

Онъ былъ возбужденъ, волновался, но не дѣйствовалъ. Казалось, въ рѣшительный моментъ имъ овладѣвали колебанія. Хотѣлъ ли онъ сохранить приличіе, ждать, чтобы его атаковали, и уступить папору виѣшнихъ обстоятельствъ? Или это было просто слѣдствіемъ его самонадѣянности и неисправимаго легкомыслія? Во всякомъ случаѣ, провозгласивъ такъ открыто о своихъ намѣреніяхъ, онъ далъ время комиссарамъ Конвента опомниться и обсудить дѣло. Трое изъ этихъ комиссаровъ, Делакура, Мерленъ и Госсюанъ, были въ Лиллѣ, когда, 28 числа, агенты Лебрена, возвращавшіеся въ Парижъ, донесли имъ вкратцѣ о разговорѣ 26 числа. На другой день конвентисты получили новыя свѣдѣнія. Ихъ товарищи, Трейльяръ, Лесаажъ и Карно, присоединились къ нимъ. Они пригласили Дюмуре приидти къ нимъ объясниться. Онъ отвѣчалъ имъ въ тотъ же день: «Приидите ко мнѣ двухъ или четырехъ изъ васъ, чтобы меня допросить, и я отвѣчу; но объявляю вамъ, что я не могу въ одно и то же время защищаться и командовать». 30 числа онъ имѣлъ новое свиданіе съ Маккомъ и сказалъ ему, что комиссары Конвента хотѣли его арестовать, но что онъ ихъ самъ арестуетъ, выдастъ Австріи и ускоритъ свой походъ на Парижъ. Въ этой бесѣдѣ ничего еще не было рѣшено о возможномъ занятіи австрійцами нѣсколькихъ французскихъ укрѣпленныхъ мѣстъ, которыя Дюмуре долженъ передать имъ въ знакъ своего чистосердечія. Онъ требовалъ, въ случаѣ неудачи и если ему придется бѣжать, чтобы войска, которыя за нимъ послѣдуютъ, были приняты на содержаніе Австріи. Онъ потерялъ понятіе о времени и о мѣстѣ, помолодѣлъ на двадцать лѣтъ и воображалъ, что онъ еще въ Польшѣ. 31 числа онъ вступилъ во Францію и выбралъ главной квартирой Сень-Аманъ (Saint-Amand), съ частью своей арміи, расположенной лагеремъ при Мольдѣ (Maulde), и другой—при Брюлль (Bruille). Чтобы объяснить отступленіе, подготовить общественное мнѣніе къ государственному перевороту, въ особенности ослабить неблагопріятное впечатлѣніе

⁴⁾ Rapport des trois commissaires; Dumouriez à Beurnonville, 29 mars 1793; *Moniteur*, t. XVI, p. 19, 39; Dumouriez, *Mémoires*, liv. VIII, ch. X.

передачи укрѣпленныхъ мѣстъ австрійцамъ, онъ адресовалъ Бернонвиллю письма, предназначенныя къ чтенію передъ Конвентомъ. Онъ требовалъ отъ этого Собранія измѣненія системы, совѣтовалъ заключить миръ; наконецъ, грозилъ силою навязать свои совѣты, если откажутся ихъ выслушать: «Подумайте хорошенько о переговорахъ, такъ какъ у васъ нѣтъ возможности сражаться, и будьте увѣрены, что люди, которые, подобно мнѣ, перенесли всю тяжесть войны, не позволятъ раздавить себя подлымъ убійцамъ... Я очень далекъ отъ мысли ставить въ вину Національному Конвенту крайности нѣкоторыхъ изъ его членовъ. Подпавъ подъ тираннію трибунъ, онъ борется и падаетъ подъ ударами меньшинства, которое заставило молчать большинство. Это не можетъ продолжаться. Часть арміи, которая осталась вѣрно своимъ знаменамъ и французской чести, готова сражаться одинаково съ внутренними и виѣшними врагами отечества... Куда хотятъ его вести?... Комиссары Конвента требовали, чтобы я явился въ Лилль; объявляю вамъ, что я слишкомъ цѣню свою голову, чтобы отдать себя въ руки произвольнаго трибунала. При жизни я хочу, чтобы меня судила страна, точно такъ, какъ по смерти меня будетъ судить исторія»⁵⁾.

Въ Парижѣ безпокойство было чрезвычайное. Рассказывали, что войска Дюмуре ему вполне преданы, что даже сами волонтеры идутъ за нимъ, что онъ уже направляется къ Парижу. Такъ какъ необходимо было щадить армію, то Совѣтъ и Комитетъ обороны употребили всѣ мѣры, чтобы публично сорвать маску съ Дюмуре передъ войсками. Конвентъ рѣшилъ 30 марта потребовать его къ отвѣту. На военнаго министра, Бернонвиля, возложено было исполненіе декрета. Такъ какъ онъ былъ любимъ солдатами, надѣялись, что онъ вернетъ ихъ къ долгу и повиновенію. Его сопровождали четыре комиссара: Камюзъ, Киннетъ, Ламаркъ и Банкаль. Карно, бывший на сѣверной границѣ, долженъ былъ къ нимъ присоединиться. Они отправились 30 числа, въ восемь часовъ вечера; по дорогѣ Бернонвиль получаетъ отъ Дюмуре письмо. Въ Лилль они прибыли утромъ 1 апрѣля. Къ счастью для Франціи, Карно не оказалось тамъ. Его товарищи отправились въ путь, не дожидаясь его, и прибыли ночью въ главную квартиру въ Сень-Аманъ.

Дюмуре⁶⁾, предупрежденный о ихъ прибытіи, принялъ мѣры.

Полкъ гусаръ выстроены былъ въ боевомъ порядкѣ во дворѣ его квартиры. Онъ принимаетъ комиссаровъ, окруженный главнымъ штабомъ, и

⁵⁾ Lettres des 28, 29, 30 et 31 mars. *Moniteur*, t. XVI, p. 15, 29, 38, 39, 40. AULARD, t. II, p. 564, 574.

⁶⁾ Реляція Камюза. *Mémoires de Dumouriez*, liv. VIII, ch. XII, *Moniteur* t. XXVII, p. 426 et suiv.—MORTIMER-TERNAUX, t. XI.—CHUQUET, op. cit., ch. V, *La trahison*.

обращается къ Камюзу: «Вѣроятно, вы пришли арестовать меня?» Камюзъ хочетъ читать декретъ; по настоянію Бернонвиля проходить въ сосѣднюю комнату, но двери остаются открытыми, и офицеры могутъ все слышать. Тогда завязывается быстрый, отрывистый, высокобѣрный діалогъ между бунтующимъ генераломъ и представителями Конвента. Они требуютъ отъ него повиновенія; онъ отказывается: «я не отправлюсь въ Парижъ, чтобы меня убили въ дорогѣ или осудили въ революціонномъ трибуналѣ». Одинъ изъ комиссаровъ осторожно замѣчаетъ, что ему не грозитъ никакая опасность. «Разсказывайте! Конвентъ не настолько силенъ, чтобы могъ защитить себя отъ яростнаго неистовства Марата. Да кто же въ мое отсутствіе будетъ отвѣчать за безопасность моей арміи?» Бернонвиль отвѣчаетъ, что въ продолженіе нѣсколькихъ дней его отсутствія онъ можетъ замѣстить его. При этихъ словахъ Дюмурье выходитъ изъ себя: «Вы пришли, чтобы отнять у меня командованіе!» Бернонвиль возражаетъ, говоря, что принявъ министерство съ тѣмъ, чтобы привести армію въ состояніе сражаться съ врагомъ... Камюзъ быстро прерываетъ этотъ инцидентъ и повторяетъ вопросъ, отъ котораго постоянно уклонялся Дюмурье: «Стало быть, вы не хотите повиноваться декрету Конвента?—Я не могу». Было восемь часовъ вечера. Комиссары удаляются, чтобы послать рапортъ Собранію. Дюмурье остается одинъ съ Бернонвилемъ; они сражались вмѣстѣ, назывались друзьями; Бернонвиль былъ почитателемъ Дюмурье. Послѣдній старается его увлечь. «У меня, по крайней мѣрѣ, вы найдете безопасность и свободу, вы будете защищены отъ обвиненій Марата.—Я умру на своемъ посту, отвѣтилъ Бернонвиль. Я съ радостью пожертвую собой ради своего отечества. Мое положеніе ужасно. Я вижу, что вы рѣшились, что намѣреваетесь сдѣлать отчаянный шагъ. Я прошу у васъ одной милости—подвергнуть меня одинаковой съ депутатами участи. — Будьте покойны; что касается этого, я думаю вамъ оказать отличную услугу» ⁷⁾. Затѣмъ они возвратились въ ту комнату, въ которой офицеры, взволнованные и возбужденные, ждали развязки кризиса. Вскорѣ снова являются комиссары. Дюмурье, прислонившись спиной къ камину, отвѣчаетъ проницательнымъ отказомъ на послѣднее требованіе. Камюзъ заявляетъ тогда, что онъ приступитъ къ опечатанію бу-

⁷⁾ Онъ не думалъ, что сказалъ истину. Бернонвиль обладалъ просто поразительнымъ счастьемъ, что составляетъ отличный признакъ выскочки-офицера. Въ 1789 онъ былъ начальникомъ роты Сто-швейцарцовъ. Республика быстро произвела его въ полковники, генералъ-маіоры, генералъ-лейтенанты и назначала военнымъ министромъ. Его плѣнъ въ Австріи избавилъ его отъ опасныхъ испытаній революціи. Освобожденный въ 1795 г., онъ присталъ къ 18 фруктидору и участвовалъ въ 18 брюмера. Консулъство сдѣлало его посланникомъ; имперія—сенаторомъ и графомъ; реставрація—перомъ Франціи, маркизомъ, маршаломъ и наградила синей лентой.

магъ генерала. Пробѣжалъ ропотъ. Камюзъ объявляетъ Дюмурье отрѣшеннымъ отъ его обязанностей. Ропотъ усиливается. «Довольно,—сказалъ Дюмурье,—пора, чтобы это кончилось. Поручикъ! Позовите гусаръ!» Гусары ждали только знака. Четыре комиссара и военный министръ были арестованы.

Пронсѣдшее до сихъ поръ было актомъ мятежника, послѣдующее за тѣмъ—актомъ циника. Плѣнники, между которыми находился товарищъ Дюмурье по оружію, заключены въ низкую залу. Ночь была сырая и холодная. Оставили ихъ тамъ безъ огня, безъ шинелей. Дюмурье писалъ австрійскому генералу Клерфэ: «Я вамъ посылаю четырехъ членовъ Національнаго Конвента, которые явились отъ имени этого тиранническаго Собранія, чтобы арестовать меня и представить къ отвѣту передъ Конвентомъ. Ихъ планъ, или по крайней мѣрѣ замыселъ ихъ довѣрителей, состоялъ въ томъ, чтобы убить меня въ Парижѣ. Я васъ прошу препроводить ихъ къ его свѣтлости, принцу Саксенъ-Кобургскому, и хранить ихъ заложниками съ цѣлю предупредить парижскія преступленія. Завтра я выступлю противъ столицы, чтобы прекратить тамъ гнусную анархію. Я разсчитываю, какъ мнѣ это положительно было общано, на полнѣйшее перемиріе во время экспедиціи, которую я предпринимаю, и даже на содѣйствіе вашихъ войскъ, въ случаѣ, если бы я въ нихъ нашелъ надобность, чтобы покончить съ негодьями, которыхъ я намѣреваюсь наказать, и чтобы возстановить порядокъ во французскомъ королевствѣ и возвратить Европѣ миръ и спокойствіе, которые эти негодяи такъ преступно нарушили». Когда письмо было написано, онъ велѣлъ отправить плѣнниковъ. Бернонвиль хотѣлъ было воспротивиться, его стали бить и бросили окровавленнаго въ экипажъ.

Дюмурье воображалъ себя уже вершителемъ судебъ Франціи. Но онъ разсчитывалъ, какъ говорится, не спросясь ея согласія, и встрѣтился съ ней лицомъ къ лицу даже въ своемъ собственномъ лагерѣ. Сама армія разстроила заговоръ, орудіемъ котораго она должна была служить. Солдаты имѣли очень высокое и очень ясное понятіе о своемъ долгѣ. Этотъ долгъ не позволялъ имъ соединиться съ чужеземцемъ, чтобы идти на Парижъ. Они любили своего генерала, потому что онъ поражалъ непріятеля; вступая въ союзъ съ Австріей, онъ разрушалъ свой престижъ и дѣлался ненавистнымъ. Этого-то именно онъ и не предвидѣлъ и въ этомъ слишкомъ отсталъ отъ своего времени и не понималъ его.

Ночь онъ провелъ въ разсылкѣ приказовъ и въ составленіи воззваній къ войскамъ. «Я вспомнилъ о томъ, что вы мнѣ обѣщали: не допустить отнять у васъ вашего отца, спасшаго много разъ отечество... Пора, чтобы армія высказала свое мнѣніе. Пора возвратиться къ конституціи, которой

мы присягали три года сряду и которая дала бы намъ свободу». Онъ писалъ Макку, увѣряя его, что все идетъ хорошо. Затѣмъ онъ занялся обезпеченіемъ за собою укрѣпленныхъ мѣстъ: Лилля, Валансіена, Конде: они будутъ служить ему убѣжищемъ въ случаѣ неудачи; въ случаѣ крайности онъ ихъ выдастъ австрійцамъ, если они потребуютъ залога. Онъ посылаетъ Лекюьера въ Валансіенъ, чтобы арестовать тамъ представителя Бельгарда. Лекюьеръ встрѣтилъ тамъ еще двоихъ конвентистовъ: Кошона и Лекиню. Онъ не могъ схватить перваго, не арестовавъ и его товарищей; онъ колеблется, боясь возмутить народонаселеніе, и требуетъ новыхъ распоряженій. Утромъ 2 апрѣля онъ ихъ получилъ. Но тогда генераль, командовавшій крѣпостью, Ферранъ, въ которомъ Дюмуре былъ вполнѣ увѣренъ, начинаетъ колебаться, откладываетъ исполненіе приказанія и предупреждаетъ конвентистовъ. Лекюьеръ, въ свою очередь, смутился и открылъ имъ все, что зналъ о заговорѣ. Извѣстіе объ арестѣ товарищей распространяется; производятъ обыскъ у Феррана и въ войскахъ, перехватываютъ воззванія, отправляются въ казармы, объявляютъ объ измѣнѣ Дюмуре и отрѣшуютъ его отъ командованія. Войска и толпа восторженно ихъ привѣтствуютъ. Нападеніе на Валансіенъ не удалось. Въ Лиллѣ, въ тотъ же самый день, планы Дюмуре были разрушены тѣми самыми агентами, которыми онъ поручилъ ихъ исполненіе.

Въ лагеряхъ ничего не было подготовлено къ тому, чтобы увлечь войска. Дюмуре рассчитывалъ на нихъ съ такою увѣренностью, что находилъ излишнимъ разузнать о настроеніи солдатъ. Между тѣмъ въ Мольдѣ Валенсъ рѣшается обнародовать прокламацію Дюмуре только по письменному приказу. Въ Брюиллѣ собрались офицеры. Два генераль-адъютанта, Пизль и Шеренъ, предлагаютъ арестовать Дюмуре. Шеренъ спѣшитъ въ Валансіенъ предупредить представителей. Прокламація обнародована, но съ присоединеніемъ къ ней приказа по войскамъ, напоминающаго войскамъ о присягѣ республикѣ. Дюмуре, извѣщенный о сопротивленіи, старается удержать непокорныхъ. 2 апрѣля, въ три часа, онъ является въ брюилльскій лагерь. Онъ отличался умѣньемъ говорить съ солдатами; они привѣтствуютъ въ немъ спасителя арміи и отечества. Введенный въ заблужденіе такою встрѣчей, онъ снова проникся самоувѣренностью. Вечеромъ онъ ужиналъ въ Сенъ-Аманѣ у госпожи Жанлисъ съ своими наиболѣе преданными генералами. Онъ былъ увѣжденъ въ успѣхъ: всю ночь онъ проводитъ въ составленіи проектовъ, писаніи писемъ, увѣщаніи сомнительныхъ и ободреніи нерѣшительныхъ. На другое утро, 3 апрѣля, Дюмуре отправляется въ мольдскій лагерь. Генераль Лавенеръ, желавшій остаться вѣрнымъ, не показывается, подъ предлогомъ болѣзни, и посылаетъ въ Конвентъ надежнаго офицера, Лазаря Гоша. Дюмуре обходитъ ряды

солдатъ. Линейцы еще разъ встрѣчаютъ виватами побѣдителя при Жеманиѣ. Волонтеры относятся недовѣрчиво и ропщутъ. Батальонъ Соны-и-Луары шлетъ вечеромъ делегатовъ къ главнокомандующему съ адресомъ: «Республика или смерть». Дюмуре велитъ арестовать делегатовъ и выдаетъ ихъ генералу Клерфэ.

Въ то время, какъ эти событія совершались въ арміи, комиссары Конвента, къ которымъ присоединился Карно и Лесажъ, совѣщались въ Лиллѣ. Они декретируютъ арестъ Дюмуре, обращаются съ воззваніемъ къ войску, рассылаютъ многочисленныхъ лазутчиковъ въ лагеря. Дампьеръ, высказавшійся за Конвентъ, назначенъ главнокомандующимъ. «Солдаты,—обратился онъ къ войскамъ,—вы только-что слышали приказы Конвента; всѣ законныя полномочія исходятъ изъ этого Собранія, ему и долженъ повиноваться каждый гражданинъ». Тонъ его рѣчи, страшное имя Конвентъ, эти великія слова—законъ и отечество, которыми всѣ войска были проникнуты, глубоко взволновали солдатъ. Волонтеры съ угрожающимъ крикомъ высказываются противъ Дюмуре. «Лагеря,—пишутъ комиссары,—начинаютъ пустѣть». Тщетно Дюмуре пробуетъ подѣйствовать на свои войска. Комиссары собираются выступить противъ него съ его же собственными войсками. Онъ рассчитывалъ воспользоваться бѣдственнымъ положеніемъ солдатъ, чтобы возбудить ихъ противъ правительства. Комиссары писали Собранію: «Прежде всего поспѣшите выслать намъ денегъ подѣлою хорошихъ конвоевъ и лагерныхъ принадлежностей, но главное: денегъ, денегъ!» 4 апрѣля утромъ Дюмуре отправился, чтобы присоединиться къ Макку; его сопровождали только восемь гусаръ. На дорогѣ онъ встрѣтилъ три батальона волонтеровъ. Даву, командовавшій однимъ изъ этихъ батальоновъ, приказываетъ стрѣлять по немъ, и Дюмуре спасается только благодаря быстротѣ своей лошади и приказу отступить, отданному волонтерамъ помимо Даву.

Свиданіе съ Маккомъ, запоздавшее благодаря этой стылкѣ, происходило почью съ 4 на 5 апрѣля, въ Бюри. Дюмуре еще не терялъ надежды на успѣхъ; но, чтобы разстроить принятыя конвентистами мѣры, требовалъ, чтобы австрійцы обнародовали манифестъ, черновую котораго и передалъ Макку. Манифестъ этотъ представлялъ полную противоположность манифесту герцога Брауншвейгскаго: австрійцы являлись въ немъ единственно защитниками конституціонной монархіи; они желаютъ Франціи только добра. Кобургъ долженъ былъ подписать эту прокламацію. Дюмуре придаетъ ей такую цѣну, что не считаетъ слишкомъ дорогою цѣною «кратковременную уступку» нѣсколькимъ пограничнымъ укрѣпленнымъ мѣстамъ. Но онъ ихъ выдаетъ только какъ залогъ. «Никогда я не соглашусь,—говорилъ онъ,—на раздробленіе моего отечества». Манифестъ Кобурга не долженъ остав-

лять въ этомъ никакого сомнѣнія. Онъ будетъ заключать слѣдующія знаменательныя слова: «Даю честное слово, что я никоимъ образомъ не вступлю на французскую территорію съ цѣлію сдѣлать въ ней завоеванія... что если мои военныя операціи потребуютъ, чтобы то или другое укрѣпленное мѣсто было передано въ завѣдываніе моихъ войскъ, я буду его разсматривать только, какъ священный залогъ».

Въ три часа утра Маккъ отправился съ этимъ документомъ къ Кобургу, который ждалъ его въ Монсѣ. Кобургъ не былъ ни политикомъ съ широкими взглядами, ни достаточно предпримчивымъ воинемъ; онъ былъ только остороженъ и предусмотрителенъ^{*)}. Онъ оказался не въ состояніи преслѣдовать французовъ. Кромѣ того, онъ считалъ войну опасною и дурно пачатою. Планъ Дюмуре ему нравился; въ особенности, онъ видѣлъ большую выгоду въ томъ, что, благодаря ему, онъ могъ выиграть время для полученія подкрѣпленій, которыя ему дадутъ возможность впоследствии раздавить Дюмуре, если бы переговоры кончились ничѣмъ. Мнѣніе прусскаго генерала Тауенципа, представителя Фридриха-Вильгельма при арміи Кобурга, оказалось также благопріятнымъ: онъ думалъ, что король, его государь, увидитъ въ соглашеніи съ Дюмуре средство спасти Марію-Антуанету и, конечно, одобрить его. Но вмѣстѣ съ тѣмъ проектъ прокламаціи затрогивалъ чувства принца Кобургскаго во многихъ отношеніяхъ. Дать слово казалось ему дѣломъ важнымъ, и онъ не рѣшался торжественно отказаться отъ завоеваній. Маккъ настойчиво убѣждалъ его подписать, увѣряя, что дѣло имѣетъ всѣ шансы на успѣхъ. «Если,—говорилъ онъ,—Дюмуре удастся достигнуть цѣли, какъ все, повидимому, заставляетъ предполагать, то изъ этого можетъ получиться большое благодѣяніе для дѣла монарховъ; если же онъ не успѣетъ въ своихъ замыслахъ, тогда для насъ во всякомъ случаѣ будутъ полезны новыя безпорядки и раздоры партій, которые неминуемо вызовутъ предпріятіе Дюмуре, какъ только онъ вступитъ во Францію. Кромѣ того, мы имѣли бы въ своихъ рукахъ укрѣпленные мѣста, имъ сданныя и которыя не могли бы взять сами за немнѣніемъ осадной артиллеріи. Конечно, общали бы ихъ хранить «какъ священный залогъ», дали бы честное слово не дѣлать никакихъ завоеваній, но всѣ эти обѣщанія можно потомъ уладить. Въ сущности, нѣтъ обязательствъ ни въ чемъ. Въ распоряженіи Кобурга было только его слово, онъ его далъ; но,—продолжалъ Маккъ,—что можетъ быть проще отказа отъ выполнения обѣщанія, измѣненія, уклоненія отъ временной мѣры, принятой на собственный страхъ генераломъ, на котораго можно всегда смотрѣть, какъ на неимѣющаго полномочій отъ своего правительства!» Кобургъ

сдавался на убѣжденія этой коварной казуистики: положимъ, его не одобряютъ, тогда онъ отхлынется тѣмъ, что оставитъ крѣпости. Честное слово было бы сдержано. «Я запялъ бы эти крѣпости,—прибавилъ онъ въ рапортѣ императору,—это дало бы мнѣ возможность ихъ изучить, по я, навѣрно, ничего не предпринялъ бы, чтобы улучшить ихъ состояніе». Подкрѣпленный такими соображеніями, Кобургъ принялъ манифестъ и подписалъ его 5 апрѣля.

Безполезное коварство! Для Дюмуре все было потеряно. Арестъ комиссаровъ Конвента и военнаго министра теперь сталъ извѣстенъ въ лагеряхъ. Заговоръ былъ обнаруженъ. Тѣ самые солдаты, которые привѣтствовали его назадъ тому два дня радостными кликами, теперь позорили его, какъ соучастника союзниковъ, противореволюціоннаго злоумышленника. Однако, онъ все-таки сумѣлъ привлечь на свою сторону нѣсколькихъ изъ нихъ. 5 апрѣля двинулся онъ къ Мольду при крикахъ «да здравствуетъ король! да здравствуетъ Дюмуре!» этихъ самыхъ людей, которыхъ привязывалъ еще къ нему его прежній престижъ. Въ Мольдѣ, при его появленіи, войска берутъ на караулъ; Дюмуре ихъ увѣщаетъ, уговариваетъ высказаться—они молчатъ, не поддаются. Онъ чувствуетъ, что войска ускользаютъ отъ него. Въ этотъ моментъ ему сообщаютъ, что въ Сепъ-Аманѣ, въ его главной квартирѣ, артиллерія отказывается повиноваться и отступаетъ къ Валансіену. Онъ не можетъ ее удержать. Это сигналъ къ возмущенію. Дюмуре имѣлъ неосторожность привести въ своемъ конвоѣ нѣсколькихъ австрійскихъ гусаръ. Видъ этихъ недруговъ приводитъ въ страшное негодованіе войска: это уже явная измѣна, и они бѣгутъ отъ нея. Сначала солдаты уходятъ въ одиночку, потомъ разбѣгаются цѣлыми батальонами, наконецъ весь лагерь въ полнѣйшемъ разбродѣ. Армія стекается по направленію Валансіена, гдѣ находятся конвентисты и новый главнокомандующій, тотъ, повиноваться которому предписываетъ законъ. Вскорѣ Дюмуре остается окруженнымъ только 450 пѣхотинцами, столькими же кавалеристами и офицерами, связавшими свою будущность съ его судьбой. Главнокомандующій сѣверной арміи въ своемъ лагерѣ сталъ теперь не болѣе, какъ партизанскимъ начальникомъ. По его собственному наглому выраженію, ему оставался единственный ресурсъ и ровно столько времени, сколько требовалось, чтобы ускакать къ австрійцамъ. Онъ переступилъ границу—и перешелъ къ непріятелю.

У непріятеля онъ испыталъ худшее изъ униженій и, быть можетъ, для челоѣка его разряда—и злѣйшее наказаніе: онъ замѣтилъ, что его обошли. Бывшій дипломатическій тайный агентъ Людовика XV' ошибся въ характеръ и важности французской революціи, этому нечего удивляться: болѣе великіе и лучшіе люди, чѣмъ онъ, впади въ то же заблужденіе. Но

^{*)} SYBEL, trad., t. II, p. 230; HAKUSSE, t. I, p. 458.

что такой ловкий проходимецъ, изощрившійся въ старыхъ придворныхъ уловкахъ, позволилъ тѣшить себя иллюзіями насчетъ намѣреній союзниковъ; что онъ рассчитывалъ привлечь ихъ къ своимъ замысламъ,—вотъ это было бы непонятно, если бы самолюбіе не объясняло его ослѣпленія. Иностранцы державы совѣмъ не думали ни возстановлять трона, ни освободить королеву и дофина. Они просто намѣревались довести французовъ до полного безсилія и вознаградить себя за свои издержки на счетъ раздробленія Франціи и Польши. Дюмуре долженъ бы это предвидѣть; союзники не замедлили дать ему почувствовать это.

Герцогъ Кобургскій принялъ его съ почетомъ. Несмотря на казуистику Макка, онъ отнесся серьезно къ даннымъ имъ общапіямъ и къ обязательству чести, которое онъ выразилъ въ своемъ манифестѣ. Кобургъ пригласилъ представителей державъ и союзныхъ военныхъ начальниковъ на совѣщаніе относительно дѣлки, въ которую онъ вошелъ съ Дюмуре, и мѣръ, которыя должны вытекать изъ нея въ общемъ веденіи войны. Онъ отправился на это совѣщаніе съ Маккомъ и взялъ съ собою генерала Валенса, чтобы тотъ далъ союзникамъ объясненія относительно проектовъ Дюмуре.

VI.

Конференція имѣла мѣсто 8 апрѣля въ Антверпенѣ¹⁾. На нее собрались: Герцогъ Йоркскій, начальникъ англійской арміи; лордъ Окландъ, посланникъ короля Георга въ Голландіи; принцъ Оранскій съ сыномъ, графъ Келлеръ, прусскій посолъ въ Гагѣ; прусскій генералъ-лейтенантъ Кнобельсдорфъ, замѣщающій главнокомандующаго Брауншвейга, графъ Штарембергъ, имперскій посолъ въ Голландіи; графъ Меттернихъ, полномочный посолъ Франца II въ Нидерландахъ, принцъ Кобургскій и полковникъ Маккъ, слѣдившій за переговорами съ Дюмуре; Маккъ изложилъ предметъ переговоровъ и прочиталъ декларацию, которая была ихъ слѣдствіемъ. Кобургъ выставилъ въ ней, какъ предметъ войны, возстановленіе французской монархіи. Когда онъ дошелъ до мѣста, гдѣ заявлялось, что не имѣетъ въ виду завоеваній, онъ былъ шумно прерванъ. Это чтеніе, рассказываетъ Штарембергъ,—«было громовымъ ударомъ для меня, и общимъ набатомъ негодованія для всѣхъ прочихъ лицъ собранія». Лордъ Окландъ видѣлъ въ этомъ измѣну со стороны Австрій, и его негодованіе было такъ сильно, что онъ хотѣлъ удалиться. Герцогъ Йоркскій, «сильно разгорячившійся», считалъ себя «лично обойденнымъ» австрійцами.

¹⁾ *Stahremberg à Thugut, 12 avril. Rapport de Cobourg à l'empereur, ZEISSBERG, t. III, p. 9.—MORTIMER-TERNAUX, t. VI, p. 522.*

Принцъ Нассауекій и его сынъ «тяжеловѣсно слѣдовали импульсу своихъ союзниковъ.» Кобургъ, ошеломленный этой разразившейся надъ нимъ бурей, старался сохранить вѣншее спокойствіе. «Не будучи пискозко посвященъ въ тайны политики и секреты кабинетовъ,—писалъ онъ просто-душно спустя три дня,—до сихъ поръ я полагалъ, что намѣренія союзныхъ державъ состояли въ желаніи возстановить монархію во Франціи, порядокъ и миръ—въ Европѣ. Оказалось, что я ошибся. Я увидѣлъ, что каждый думалъ только о себѣ, и что всего менѣе имѣли въ виду общій интересъ, а заботились исключительно о частныхъ выгодахъ». Лордъ Окландъ ясно далъ понять, что возвратъ къ порядку его нимало не интересовалъ, и заявилъ съ большою живостью, что желаніе Англіи состоитъ въ доведеніи Франціи «до настоящаго политическаго ничтожества..»—«Каждая изъ союзныхъ державъ,—сказалъ онъ,—должна стараться дѣлать завоеванія и хранишь то, что она завоевала». Потомъ, обращаясь къ Кобургу, заключилъ: «Возьмите всѣ пограничныя крѣпости съ вашей стороны и пріобрѣтите прочный оплотъ для Нидерландовъ. Что касается Англіи, я говорю это откровенно, она хочетъ завоеваній и сохранить ихъ». Она желала Дюнкирхена и, кромѣ того, полагала найти «свои выгоды во французскихъ колоніяхъ²⁾» Разошлись съ совѣщанія страшно раздраженные противъ Кобурга, недовольные его прокламаціей и даннымъ имъ словомъ; конференція требовала, чтобы онъ его взялъ назадъ. Штарембергъ и Меттернихъ сдѣлали все возможное, чтобы отклонить отъ него этотъ позоръ. Они старались найти примиряющую лазейку; неудача Дюмуре доставила имъ средство. Они убѣдили, не безъ труда, добросовѣстнаго Кобурга подписать прокламацію, которая уничтожала бы прежнюю. Она объявляла простой возвратъ къ военному положенію. Клерфѣ увѣдомилъ французскаго начальствующаго войсками въ Мобежѣ, что враждебныя дѣйствія должны возобновиться черезъ двадцать четыре часа.

Конференція требовала, чтобы Кобургъ отказался отъ своихъ словъ публично; она отказалась принять Валенса. Дюмуре протестовалъ. Австрійцы дали ему понять, что его протестъ неумѣстенъ и что его присутствіе неудобно: прилично-ли ему напоминать объ обязательствахъ другимъ, когда онъ не сумѣлъ сдержать своихъ, и недвусмысленно пригласили его не вмѣшиваться въ дѣла коалиціи. Австрійцы упрекали его въ объявленіи войны, французскіе роялисты—въ гибели королевской власти; эмигранты оскорбляли его на улидахъ; нѣкоторые слишкомъ усердные агенты императора думали устранить его, заключивъ въ тюрьму, чтобы окончательно отдѣлаться отъ

²⁾ *Propos du colonel Murray, Rapport de Tauenzien, 23 avril 1793.—HAEUSSER, t. I. p. 491.—См. Le roi de Prusse à Goltz, 25 janvier 1793: HERRMANN Dip. corr., p. 366.*

него. Мерси былъ того мнѣнія, что было бы предосудительно потакать подобнымъ мѣрамъ, что прежде всего не слѣдовало поощрять измѣны и «плотно запереть двери». Бельгійское правительство удовлетворялось выпровождениемъ Дюмуре изъ предѣловъ Бельгій, а вѣнское правительство запретило ему доступъ въ имперскія государства; архиепископъ Кельнскій, запретилъ ему переступать свои границы. Дюмуре скитался безъ средствъ, безъ цѣли, безъ будущности, предлагалъ услуги, которыхъ никто не просилъ, завязывалъ интриги, которыми никто не интересовался, приносилъ оправданіе, которое встрѣчало только всеобщее неодобріе; онъ спускался тѣмъ же путями, которыми шелъ, чтобы подняться, и, по роковой превратности судьбы, былъ обреченъ кончить кочующимъ заговорщикомъ, какимъ онъ и началъ ³⁾).

Въ то время какъ агенты Франца II думали только о томъ, какъ бы имъ отдѣлаться отъ такого компрометирующаго сообщника, императоръ и его министры надѣялись еще воспользоваться Дюмуре. Тугутъ согласился одобрить переговоры, начатые Кобургомъ; но онъ одобрилъ ихъ только въ тѣхъ статьяхъ, въ которыхъ Австрія являлась недобросовѣстной. Можно бы подстрекнуть Дюмуре идти впередъ, потомъ воспользоваться неурядицей, произведенной его попыткой для того, чтобы завладѣть границами, оккупационно забрать крѣпости и занять территоріи «по усмотрѣнію императора ⁴⁾». Съ этой затаенной мыслью Францъ II ратификовалъ 9 апрѣля перемиріе, заключенное Кобургомъ съ Дюмуре, и писалъ 10 числа Кобургу: «Такъ какъ Дюмуре въ концѣ-концовъ долженъ прибыть въ настоящую минуту въ Парижъ, и замѣшательство должно достигнуть теперь во Франціи высшей степени, то я васъ прошу, по полученіи настоящаго письма, объявить, что, по моему приказанію, перемиріе прекращается тотчасъ-же... Способъ, посредствомъ котораго Франція напала на меня, объявивъ мнѣ войну, не позволяетъ мнѣ входить въ разсмотрѣніе, кого Дюмуре провозглашаетъ королемъ, герцога Орлеанскаго или Людовика XVII».

Въ томъ состояніи смуты, въ которомъ находилась французская армія, нападеніе на нее превратило бы ея отступленіе въ окончательное пораженіе. Комиссары Конвента сохраняли еще иллюзіи относительно австрійскаго дома и воображали, что, по выраженію, приписываемому Іосифу II, ремесло короля—быть роялистомъ. Они устроили совѣщаніе съ Дампьеромъ, принявшимъ высшее командованіе надъ арміей. Этотъ генералъ писалъ, отъ 8 апрѣля, Клерфѣ въ отвѣтъ на сообщеніе, которое онъ получилъ,

³⁾ VIVENOT-ZEISSBERG, t. III, p. 39, 81, 105.—MORTIMER-TERNAUX t. VII, p. 585 et suiv. *Politische Annalen*, 1793, t. V. p. 17.—THURHEIM, *lettres de-Mercy*, 1, 12, 28 juin et 18 juillet 1793.

⁴⁾ Thugut à Colloredo, 1, 6 avril 1793.

относительно прекращенія перемирія: «Можетъ быть, было бы полезно возобновить перемиріе», говорилъ Дампьеръ ⁵⁾. «Тогда было бы возможно освободить лицъ, которыхъ исполнительная власть должна была приказывать арестовать», и можно бы, пославъ кого-нибудь въ Парижъ, «начать переговоры объ обмѣнѣ четырехъ депутатовъ Національнаго Конвента и министра Бернонвиля на этихъ самыхъ лицъ, задержанныхъ въ Парижѣ... Мнѣ было бы очень пріятно возобновить переговоры, которые упрочили бы славу двухъ армій, доставили бы отдыхъ и спокойствіе имперіи и республикѣ». Взятое въ буквальномъ смыслѣ, это предложеніе должно было относиться только къ нѣсколькимъ нѣмецкимъ офицерамъ, водвореннымъ въ Парижѣ; но ему легко можно бы было придать толкованіе болѣе широкое: стоило только внести въ дѣло нѣсколько искренняго желанія, чтобы увидѣть въ немъ первый шагъ къ обмѣну, который совершился въ 1795 году: тогда Марія-Антуанета была еще жива, и ея дочь не одна бы воспользовалась обмѣномъ. Последующій ходъ переговоровъ не оставляетъ на этотъ счетъ никакихъ сомнѣній ⁶⁾.

Кобургъ увѣдомилъ Дампьера, «что только въ одномъ случаѣ, о которомъ нѣтъ надобности упоминать, задержанные комиссары должны будутъ трепетать за свою жизнь». 12 апрѣля на новое требованіе конвентистовъ, Кобургъ адресовалъ имъ черезъ трубача высококомѣрное посланіе, начинавшееся чѣмъ-то въ родѣ апологіи Дюмуре и оканчивавшееся слѣдующими словами по поводу заключенныхъ комиссаровъ: «Ихъ участь въ вашихъ рукахъ». Кобургъ намекалъ этими словами на плѣнниковъ въ Тамплѣ ⁷⁾. Конвентисты, убѣжденные, что Кобургъ пойдетъ на сдѣлку, написали ему, и Дампьеръ поручилъ полковнику Шерену отвезти это письмо. Шерень былъ сынъ генеалогиста Франціи; онъ былъ образованъ, съ изящными манерами и, не обладая политической проицательностью, отличался искреннимъ патріотизмомъ, находчивостью и достоинствомъ. 13 числа вечеромъ, онъ явился, послѣ происшедшаго въ этотъ день сраженія, въ главную австрійскую квартиру. Но тѣмъ временемъ изъ Вѣны пріѣхалъ курьеръ, и рѣчи, которыя пришлось выслушать Шерену, были совершенно иного рода, чѣмъ тѣ, которыя онъ надѣялся передать.

Пріятный Маккомъ, котораго онъ узналъ, какъ уполномоченнаго при переговорахъ съ Дюмуре, онъ былъ представленъ этимъ офицеромъ Ко-

⁵⁾ MORTIMER-TERNAUX, t. VII, p. 71. *Moniteur*, t. XVI, p. 159. AULARD, t. III, p. 222.

⁶⁾ FERSEN, *Journal*, 20 avril 1793, t. II, p. 70 et suiv.

⁷⁾ Cobourg à Mercy, 3 mai 1793, MORTIMER-TERNAUX, t. VII, p. 72. Cobourg aux commissaires, *Moniteur*, t. XVI, p. 159.

бургу⁹⁾. Разговоръ продолжался около двухъ часовъ и все время вертѣлся на попыткахъ вывѣдать взаимныя истинныя намѣренія. Кобургъ и Маккъ, подобно пруссакамъ во время переговоровъ въ Аргоннѣ, разсыпались передъ Шереномъ въ вѣжливостяхъ, указывая на честолюбивыя виды Англіи, сожалея о разрывѣ союза между ихъ дворомъ и Франціей, скорбя объ анархическомъ состояніи Парижа и невообразимо рѣзкомъ языкъ конвентистовъ. Они, впрочемъ, ничего не хотѣли дѣлать безъ согласія прусскаго короля. Кобургъ не желалъ повторить неосторожности Брауншвейга. «Мнѣ и въ голову не приходило,—сказалъ онъ,—проникать до Парижа; мыжелаемъ только оградить прочнымъ оплотомъ Бельгію». Шеренъ старался убѣдить своихъ собесѣдниковъ въ единодушіи патриотическихъ чувствъ французовъ, въ безполезности всякой попытки отклонить армію отъ ея долга, въ общемъ презрѣніи, постигшемъ Дюмурье съ той минуты, какъ стало ясно, что онъ сговаривался съ непріятелемъ. «Изберите,—говорилъ Кобургъ,—устойчивую правительственную форму, во главѣ которой находился бы правитель съ титуломъ короля или даже какимъ инымъ. Тогда имѣли бы къ вамъ довѣріе и вошли бы съ вами въ переговоры.—Возстановите,—прибавилъ Маккъ,—конституцію 1792 г., и миръ тотчасъ будетъ заключенъ». Шеренъ отвѣчалъ, какъ республиканецъ, и наконецъ приступилъ къ предмету своей миссіи. «Я знаю,—сказалъ онъ Кобургу,—что комиссары, отъ которыхъ я вамъ принесъ депешу, требуютъ у васъ своихъ товарищей и генерала Бернонвиля, которыхъ вы держите безъ всякой уважительной причины, нарушая этимъ все законы человѣческой справедливости. Вы не можете ихъ считать ни военнопленными, ни государственными плѣнниками. Вѣдь вы взяли ихъ не послѣ побѣды: они вамъ выданы измѣнникомъ. Для вашей чести важно не пользоваться его вѣроломствомъ. Вы пишете комиссарамъ, что участь ихъ товарищей въ ихъ рукахъ. Не упустили ли вы изъ виду другихъ военнопленныхъ? Между ними есть и ваши близкіе родственники». — Ошибаются,—замѣтилъ Кобургъ.— Принцъ, прибавилъ Маккъ,—навѣрно не имѣетъ близкихъ родственниковъ между вашими военнопленными. — Слѣдовательно, генералъ,—продолжалъ Шеренъ,—вы отказываетесь положительнымъ образомъ выдать намъ четырехъ депутатовъ Конвента и генерала Бернонвиля? — Не могу. Въ этомъ отношеніи у меня руки связаны. Я получилъ приказанія отъ моего двора. Кобургъ ничего не хотѣлъ болѣе слушать по этому предмету. Онъ заговорилъ объ общемъ мирѣ. «Если,—сказалъ онъ,—Франція рѣшится позондировать Пруссію, и вы откажетесь отъ всѣхъ вашихъ завоеваній, тогда

⁹⁾ *Entretien du colonel adjudant général, Chérin, avec le général prince de Cobourg et son adjudant général, colonel baron de Mack. le 13 avril 1793, Archives nationales.*

можно бы условиться относительно пріостановки военныхъ дѣйствій. Можно бы было созвать конгрессъ, и тогда мы вошли бы въ открытые переговоры». Онъ не прибавилъ ни слова о томъ, что въ этомъ случаѣ Австрія отрелася бы отъ желанія доставить Бельгіи оплотъ. Эта задняя мысль о завоеваніи подразумевалась во всѣхъ намекахъ австрійцевъ.

Намеки относительно Тампльскихъ узниковъ повторяются какъ эхо до конца апрѣля мѣсяца. Вурмзеръ высказывалъ ихъ Кюстину. Ривальсъ, проживавшій въ Швейцаріи съ того времени, какъ долженъ былъ оставить Германію, получилъ подобныя же заявленія отъ графа Секкингена, котораго считали довѣреннымъ лицомъ императора⁹⁾. Это были желанія чисто личнаго характера, желанія честныхъ людей или услужливыхъ, желанія безплодныя, во всякомъ случаѣ. Они очень запоздали относительно принятыхъ въ Вѣнѣ рѣшеній. При этомъ дворъ полагали, что если бы французская республика согласилась трактовать о заложникахъ, то она предполагала дорого ихъ продать, навѣрно, дороже, нежели Австрія была расположена за нихъ заплатить. Австрія не прочь бы ихъ получить, но, выражаясь грубымъ языкомъ канцелярій, она желала бы ихъ получить только въ видѣ добавочнаго вознагражденія.

Друзья королевы считали ее погибшею. Они дѣйствовали безъ малѣйшей надежды на успѣхъ. Ферзенъ составлялъ романческіе заговоры, стараясь обмануть себя иллюзіями, вѣря, что кто-нибудь поможетъ ему открыть какой-нибудь спасительный таинственный подземный ходъ¹⁰⁾. Мерси ободрялъ его и засыпалъ Кобурга своими просьбами. Кобургъ сообщилъ объ этомъ въ Вѣну. Отвѣтъ, заставившій себя ждать, былъ многозначителенъ. Участь королевы и ея дѣтей были подчинены общимъ требованіямъ политики. «Если Дампьеръ,—писалъ императоръ,—заведетъ рѣчь объ обмѣнѣ королевы и ея дѣтей на Бернонвиля и комиссаровъ, вы можете ему подать надежду, что такой проектъ могъ бы встрѣтить и одобреніе, если предложеніе о немъ будетъ облечено въ надлежащую форму людьми компетентными и имѣющими въ рукахъ власть для его исполненія». Но ни въ какомъ случаѣ этотъ обмѣнъ не могъ бы служить мотивомъ для перемирія. Меттернихъ писалъ, отъ 3-го мая, канцлеру нидерландскаго двора Траутмансдорфу: «Все, что я вамъ сообщилъ, графъ, о предложеніи, сдѣланномъ національнымъ Конвентомъ, дать свободу королевской фамиліи въ обмѣнъ на плѣнниковъ, выданныхъ Дюмурье, есть фактъ вѣрный, ко-

⁹⁾ *Communication d'un officier de Dampierre, séance du 19 avril, Moniteur, t. XVI, p. 182; Custine à Lebrun, 13 avril; Rivalz, à Lebrun, 17 mars 1793.*

¹⁰⁾ *Journal de Fersen, avril 1793, t. II, p. 60 et suiv.*

торый мнѣ подтвердилъ самъ принцъ Кобургскій, когда я находился въ его главной квартирѣ; но такъ какъ это предложеніе обусловлено заключеніемъ перемирія, то я полагаю, маршалъ не счелъ своевременнымъ на него согласиться» ¹¹⁾).

¹¹⁾ *François à Cobourg*, 24—29 avril 1793, ZEISSBERG, t. I, p. 39. Metternich à Trautmansdorf, *Revue rétrospective*, troisième série, t. VI, Paris, 1836, p. 452, d'après l'original des Archives nationales.

ГЛАВА II.

Первый комитетъ общественнаго спасенія.

1793.

I.

Армія Дюмурье отступала, потрясенная поражениемъ, терпя страшныя лишенія, одолевая паникой и недоверіемъ къ командирамъ. Крѣпости, защищавшія сѣверную границу, были едва прикрыты. Рейнскія войска «находились въ состояніи дезорганизаціи, какъ неизбежнаго слѣдствія вынужденнаго отступленія... администрація повсюду отличалась неспособностью, ничтожествомъ или прямымъ недоброжелательствомъ; повсюду ощущался недостатокъ въ людяхъ, оружіи, боевыхъ снарядахъ и провіантѣ» ¹⁾. Кюстинъ рѣшился выступить изъ Майнца. Онъ оставилъ тамъ 20 тысячъ человекъ, а самъ расположился съ 30 тысячами человекъ вокругъ Виссембурга. Мозельская армія занимала Триръ съ 25 тысячами человекъ. Военныя силы на югѣ были ничтожны. Такимъ образомъ, границы открывались и дѣлались беззащитными, а внутри республики свирѣпствовала междоусобная война. Роялисты составляли заговоры на юго-востокѣ ²⁾; въ Ліонѣ умѣренные организовались, чтобы сопротивляться монтаньярамъ; главные города Нормандіи высказались за жирондистовъ. Въ Вандеѣ поднялся бунтъ.

Движеніе началось въ анжуйской Вандеѣ, краѣ заброшенномъ, безлюдномъ, разоренномъ, лишенномъ дорогъ, торговли, работы, культуры ³⁾. Крупные землевладѣльцы не жили въ своихъ владѣніяхъ; монахи были богаты и ненавидимы народомъ; бѣлое же духовенство раздѣляло скудость народа и пользовалось его расположеніемъ. Крестьянинъ, чрезвычайно бѣдный, страдалъ болѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, отъ палатовъ, и въ особенности отъ самаго стѣснительнаго изъ нихъ—соляного акциза (*gabelle*). Противъ агентовъ этой регалии они бунтовались постоянно; нерѣдко эти бунты сопровождались пролитіемъ крови. Шайки самозванныхъ соляныхъ агентовъ (*faux-sauniers*) нападали на деревни и соперничали въ наси-

¹⁾ *Rapport de Cambon*, 11 juillet 1793, sur l'état des armées en avril.

²⁾ ERNEST DAUDET, *Histoire des conspirations royalistes du Midi*, Paris, 1881.

³⁾ PORT, *La Vendée angevine*. Paris, 1888.

лѣхъ съ соляными приставами. Паденіе господскихъ порядковъ и уничтоженіе старинныхъ сборовъ были встрѣчены съ восторгомъ демократическимъ населеніемъ. Крестьяне радовались, въ особенности, уничтоженію милиціи, которую они проклинали и которая наполняла лѣса бѣглецами. Для нихъ въ этомъ и заключался весь смыслъ революціи. Горячо преданные своей вѣрѣ и своимъ священникамъ, они безъ сожалѣнія смотрѣли на закрытіе монастырей. Что касается своихъ господъ, они ихъ не знали. Было между землевладѣльцами извѣстное количество мелкопомѣстныхъ дворянъ, живущихъ на своихъ земляхъ, перазвитыхъ, грубыхъ, до такой степени близкихъ къ своимъ фермерамъ и мызникамъ, что они почти ничѣмъ не отличались отъ послѣднихъ. Съ революціей они теряли мало, такъ какъ пользовались ничтожными, или даже совсѣмъ не пользовались никакими выгодными привилегіями. Она ихъ только еще болѣе сблизила съ крестьянами. Объявленіе принципа равенства ничего не измѣнило въ этой части Франціи, гдѣ царилъ простота и довѣріе. Когда же въ душу народа начало западать нѣкоторое разочарованіе, когда онъ началъ себя чувствовать угрожаемымъ и считать себя снова притѣсненнымъ, — естественно было, что онъ обратился къ этому деревенскому дворянству, ища въ немъ руководство и совѣта.

Новые налоги казались болѣе тяжелыми, чѣмъ прежніе, а тираннія городекой буржуазіи, овладѣвшей правительственной властью, казалась этимъ крестьянамъ столь же невыносимою, какъ деспотизмъ королевскихъ чиновниковъ. Гражданское устройство духовенства вывело ихъ изъ себя: расколъ былъ для нихъ предметомъ ужаса, а духовенство, приведенное къ присягѣ, предметомъ отвращенія. Были священники, которые уклонились отъ присяги. Вся страна представляла сплошной заговоръ, имѣвшій цѣлью укрывательство этихъ священниковъ. Въ продолженіе всего 1791 года въ хижинахъ, между простыми людьми, распространилось глухое пропагандистское движеніе, и можно было замѣтить постепенное возрастаніе той душевной тревоги, которая предшествуетъ обыкновенно религіознымъ мятежнымъ взрывамъ. Вѣрующіе собирались по ночамъ въ ригахъ или на глухихъ пустыряхъ, чтобы послушать своихъ вдохновенныхъ проповѣдниковъ. Въ эти тайныя сборища то тамъ то сямъ, проникали эмиссары роялистскихъ комитетовъ, дворяне, вернувшіеся изъ арміи принцевъ, обезкураженные въ эмиграціи, но готовые при первомъ случаѣ броситься въ междоусобную войну. Эти агенты воспользовались для собственной политической цѣли народнымъ возмущеніемъ, а священники, проповѣдая сопротивленіе схизматическимъ декретамъ, въ то же время готовили и фанатизировали мятежъ. Шайки, составлявшіяся прежде противъ сояного налога, формировались снова сами-собою, побуждаемыя голодомъ и анархіей

въ управленіи. Замакированные разбойники, нападающіе на уединенныя жилища, вымогающіе пытками деньги, появились съ зимы 1792 года; это были пережившіе остатки самозванныхъ соляныхъ приставовъ (*faux-sauniers*) и «Мандрановъ» (имя знаменитаго разбойника Мандрэна) стараго порядка, и первое ядро обжигальщиковъ (*chauffeurs*) и шуановъ революціи. Возвратившіеся изъ лагерей волонтеры, ослабленные лишеніями, увѣряли, что они разбили непріятеля, что отечество спасено и что ихъ хотѣли перебить, чтобы освободить какихъ-то нѣмцевъ, бельгійцевъ, голландцевъ, которыхъ они совсѣмъ не знаютъ.

Вотъ какимъ образомъ подготовлялась инсurreкція, которая, своею смѣсью религіозной вѣры и монархической преданности, фанатизма и жаккеріи, своими страстями, своимъ жестокимъ, мистическимъ и чисто народнымъ характеромъ, напоминаетъ возмущенія севеннскихъ реформатовъ, бретанскихъ крестьянъ при Людовикѣ XIV, возстанія ирландцевъ противъ Англіи, и какъ бы предвѣщаетъ характеръ борьбы пепанцевъ противъ Наполеона. Декреты о конскрипціи доставили отличный поводъ вожакамъ, привели въ движеніе народъ и, наконецъ, привели къ взрыву. Онъ произошелъ въ мартѣ мѣсяцѣ повсюду, гдѣ производилось вынутіе жеребья, и вездѣ одинаковымъ образомъ. Рекрута приходили толпами, очень часто вооруженные, и разбегались передъ собой республиканскія власти, которыя обращались въ бѣгство, какъ дѣлали это четыре года назадъ и королевскія власти. Мятежники овладѣвали ружьями національныхъ гвардейцевъ или разбѣжавшихся жандармовъ. Начальниками у нихъ были люди темные, которые воодушевляли ихъ къ битвѣ; это были надсмотрщики за охотою, какъ напримѣръ, Стоффле (*Stofflet*), отставные унтеръ-офицеры, возвратившіеся въ свои родныя села; за этими народными вожаками шли дворяне, которые ихъ вдохновляли и руководили ими. Инсургенты поставили ихъ во главѣ командованія. Большею частью это были отставные офицеры, которыхъ банда шла искать въ ихъ домахъ; напримѣръ: Эльбей, Боншанъ, Лескюръ, Шаретъ, Ла-Рошжакаленъ. Эти банды шли обыкновенно по направленію дорогъ, постепенно увеличиваясь, безъ всякаго порядка, длинной вереницей, «какъ въ религіозной процессіи». Вооруженные ружьями, едва по одному на четыре человѣка, запасаясь на пути жизненными припасами, идя, не зная куда, они отыскивали, такъ сказать, войну, которую сами начали по внутреннему инстинкту. Это была сила болѣе опасная для республики по причинѣ своего плебейскаго происхожденія, чѣмъ вся армія принцевъ съ своимъ ополченіемъ солдатъ-жантильменовъ. Въ мартѣ ихъ было 30.000 человѣкъ, а теперь они дошли до 50.000 человѣкъ. Таково было начало этой подвижной инсurreкціи, которая называла себя *католической арміей*. Вскорѣ она прибавила и титулъ: *королевской арміи*. Но это были роялисты особаго рода: суро-

вые, грубые и независимые. 1-го числа апрѣля, жители Машекуля постановили слѣдующее рѣшеніе: «Народъ Ретца и сосѣднихъ земель, собравшійся по своей волѣ въ національное общество, заявляетъ, что онъ признаетъ и всегда будетъ признавать своимъ законнымъ государемъ только короля». Два дня спустя, Сушю, бывший прокуроръ изъ фамиліи Шаретта, который произвелъ себя въ начальники этой мѣстности, велѣлъ перебить, въ знакъ предупрежденія и для пачала, пятьдесятъ восемь пѣнныхъ республиканцевъ.

Конвентъ руководился спасительнымъ политическимъ инстинктомъ, когда онъ подкрѣпилъ свой декретъ о безконечномъ дробленіи иностранныхъ земель, паходящихся въ состояніи революціи, другимъ декретомъ—о пѣдѣльности французской республики. Это нарушеніе общаго принципа спасло государство. Сдѣлайся эти частичныя вѣты населеній, вмѣсто простой мѣры фиска и завоеванія, общимъ основаніемъ права, тогда нераздѣльность и единство прежней Франціи были бы поколеблены. Извѣстія о возстаніяхъ доходили до Собранія сбивчивыми, невѣрными, но угрожающими, благодаря возбужденному состоянію населенія. Всѣ эти начальники шакъ, о которыхъ доносилось, были люди неизвѣстные, и вначалѣ ихъ даже мало отличали однихъ отъ другихъ. 18-го марта было прочитано въ Конвентѣ письмо представителя Ніу, посланнаго на западъ. «Мятежниками командуютъ опытные начальники, и движенія шакъ болѣе искусны, чѣмъ можно было ожидать... Негодяи, которые предводительствуютъ этими бунтующими арміями, называются Гастонъ и Вертейль». Вертейль былъ дворянинъ; Гастонъ—деревенскій цирюльникъ; послѣдній стоялъ во главѣ одной шайки и погибъ въ безвѣстности 10 апрѣля. Его имя первымъ пронеслось по Европѣ; оно поразило умы, и Гастонъ прослылъ по всей Европѣ предводителемъ вандейской арміи.

Вотъ какія извѣстія получалъ Конвентъ изъ западныхъ департаментовъ въ то время, какъ курьеры съ востока доносили объ отступленіи Кюстина, а съ сѣвера—объ измѣнѣ Дюмурье. Было отъ чего смутиться умамъ, даже менѣ потрясеннымъ, чѣмъ умы большинства членовъ Конвента. Монтаньяры одни сохранили хладнокровіе: въ опасности, грозящей Франціи и республикѣ, они видѣли собственную гибель; поэтому, спасая отечество, они спасали самихъ себя, и ихъ партія, участвовавшая во всѣхъ насиліяхъ революціи, была единственной, которая въ состояніи была воспользоваться общимъ замѣшательствомъ. «Мы,—писалъ одинъ изъ нихъ одному члену комитета Общей обороны,—мы связаны самымъ тѣснымъ образомъ съ судьбой революціи, мы, которые желали ее завершить... Ни вамъ, ни намъ не простятъ, что мы желали чистой свободы, безъ примѣси, и мы должны провести государственнѣйшій корабль въ портъ или погибнуть съ нимъ. Не будемъ скрывать опасности нашего положенія... Повсюду

утомлены революціей. Богатые ее ненавидятъ, бѣднымъ недостаетъ хлѣба, и ихъ убѣждаютъ, что за это они должны пенять на насъ. Журналисты окончательно исказили общественное мнѣніе. Сами народныя общества вполнѣ утратили энергію... Болѣе того: всѣ тѣ, которыхъ прежде называли умѣренными и которые дѣйствовали до нѣкоторой степени согласно съ патриотами и желали хоть какой-нибудь революціи, теперь не хотятъ ея болѣе. Они стараются поворотить ее назадъ, они хотятъ настоящей контрреволюціи... Что намъ останется дѣлать тогда? Окутать наши головы въ плащи и ждать удара, который падъ ними занесетъ... Гангрена поразила массу, и если желаютъ ее спасти, то необходимо начать съ ея перерожденія. Какія мѣры принять для этого? Онѣ должны быть обширны и суровы... Въ чрезвычайныхъ случаяхъ надо имѣть въ виду великій законъ общественнаго спасенія.

Монтаньяры предложили эти мѣры, умѣренные ихъ вотировали, чтобы не быть заподозренными въ соучастіи съ измѣнниками. Умѣренные еще держали власть въ своихъ рукахъ и, капитулируя, чтобы ее сохранить за собою, они продолжали доставлять своимъ соперникамъ средства, которыми вели къ ихъ собственному устраненію. Такимъ образомъ, были вотированы: 19 марта, декретъ, объявляющій вѣтъ закона западныхъ бунтовщиковъ; 28 марта и 5 апрѣля—законъ общихъ мѣръ, касающихся эмигрантовъ; 1 апрѣля—декретъ, уполномочивающій комиссаровъ въ департаментахъ и при арміяхъ арестовывать или высылать *подозрительныхъ людей*; 5 апрѣля—сформированіе внутренней революціонной арміи, арміи *санг-кюлотовъ*, преторіанскую гвардію наизапку, предназначавшуюся для устрашенія Конвента; это было созданіемъ настоящихъ демагогическихъ янычаръ, которыхъ Гора доставила себѣ на счетъ націи и которыхъ должны были содержать богатые. Наконецъ, Конвентъ сдался и самъ. Декретъ 1 апрѣля устанавливалъ, что неприкосновенность представителей отменяется и они могутъ подвергаться аресту, лишь только будутъ противъ нихъ сильныя подозрѣнія въ соумышленіи съ врагами свободы, равенства и правительства. Это значило отдать Собраніе во власть партіи, которая будетъ настолько предпріимчива, чтобы овладѣть диктатурой; это значило заранее обрекать побѣжденных на смерть, а боязливыхъ—на порабощеніе. Борьба изъ-за власти между Жирондой и Горой сдѣлалась вслѣдствіе этого только еще болѣе ожесточенной.

Дантонъ попробовалъ—было если не помирить эти непримиримыя партіи, то ослабить ихъ, привлекая къ себѣ вмѣстѣ съ жирондистами людей, наименѣе самолюбивыхъ и лично не заинтересованныхъ въ борьбѣ, большинство умѣренныхъ и *Равнины*. По мнѣнію Дантона, Собраніе еще могло сосредоточить свои силы. Шесть мѣсяцевъ раздоровъ и пререканій

должны были просвѣтить его. Онъ не считалъ себя безупречнымъ, но сознавалъ свою силу и искренность желанія помочь родинѣ. У него не было недостатка въ оружіи ни для нападенія, ни для защиты. Онъ предлагалъ забвеніе. Если это была сдѣлка, политика совѣтовала жирондистамъ ее заключить; если это былъ призывъ къ союзу, патриотизмъ обязывалъ его выслушать. «Опустимъ завѣсу на прошлое,—говорилъ Дантонъ въ одинъ изъ самыхъ мрачныхъ дней кризиса.—Намъ необходимо соединиться. Я даю клятву умереть, защищая своего смертельнаго врага. Я требую, чтобы это святое чувство одушевляло души всѣхъ. Да обратятся наши неудачи намъ на пользу. И пусть французъ, ступивъ на землю своей родины, какъ сказочный богатырь, почувствуетъ новыя силы⁴⁾. Но жирондисты чувствовали къ Дантону самое непреодолимое отвращеніе, и именно потому, что оно происходило менѣе отъ страха, чѣмъ отъ зависти. Дантонъ постоянно ее разжигалъ своими свирѣпыми предложеніями; онъ вносилъ ихъ для того, чтобы поддержать свою популярность; жирондисты ихъ принимали, помимо своей воли, лишь бы поддержать свою собственную популярность. Но они не могли простить ему, что онъ тащитъ ихъ, такимъ образомъ, на буксирѣ. Они его боялись менѣе какъ противника, чѣмъ какъ союзника, считая, что надежнѣе и легче было бы для нихъ исключить его совѣтъ изъ власти, чѣмъ дѣлать ее съ нимъ.

Между ними происходили схватки. Жирондисты, особенно Гюаде, выказывали себя высокомерными, пуристами, гордыми. Рассказываютъ, что Гюаде вскричалъ однажды: «Война, такъ война, и пусть одна изъ партій погибнетъ!» Дантонъ потрясъ ему руки и отвѣтилъ: «Ты хочешь войны, ты получишь смерть!» Дантонъ бросился въ эту борьбу со всею своею неукротимою пылкостью. Онъ чувствовалъ, что на него нападаетъ со стороны самой Горы робеспьеровская фракція. Если онъ не опрокинетъ Жиронды и не очиститъ передъ собой свободнаго мѣста, то онъ будетъ обойденъ, т. е. погибнетъ. Весь его планъ сильной (авторитарной) республики испарился бы. Жирондисты имѣли неблагоразуміе начать атаку. 1 апрѣля, Ласуръ донесъ на Дантона и обвинилъ его въ соучастничествѣ съ Дюмурье. Возраженіе Дантона было подавляющее: онъ обвинялъ жирондистовъ въ заговорѣ, съ цѣлью возврата монархіи, и въ стремленіи нарушить единство отечества. Онъ сослался на *régicide* и заклеилъ однимъ обвиненіемъ «всѣхъ негодяевъ», всѣхъ аристократовъ, всѣхъ умѣренныхъ». Настоящее сраженіе послѣдовало вскорѣ за этой стычкой.

Комитетъ Общей обороны, назначенный на 3 января, былъ первымъ опытомъ централизаціи власти; но этотъ Комитетъ представлялъ еще только

⁴⁾ Рѣчь 29 марта 1793.

распыляющуюся, неустойчивую правительственную форму. Онъ состоялъ изъ двадцати четырехъ членовъ: это было скорѣе только сокращеніе, чѣмъ концентрація Собранія. Въ партіи нашли въ немъ представительство. Пререканія въ немъ удержались во всей силѣ: въ немъ занимались интригами, разговорами, но бездѣйствовали. Комитетъ разсуждалъ, но не управлялъ. Такъ какъ онъ былъ безсиленъ, то чувствовалъ себя какъ бы занозой и требовалъ, чтобы его замяли. Испаръ предлагалъ, чтобы его сконцентрировали подъ именемъ «комитета Общественнаго спасенія». Конвентъ поручилъ комитету Общей обороны изготovitъ декретъ: проектъ декрета, представленный 25 марта, устанавливалъ, что *комитетъ Общественнаго спасенія* будетъ состоять изъ пятнадцати членовъ. Конвентъ назначилъ двадцать пять и сохранилъ прежнее наименованіе комитета Общей обороны. Этотъ новый Комитетъ былъ выбранъ 26 числа: Дантонъ и Робеспьеръ были его членами вмѣстѣ съ главными жирондистами: Петіономъ, Верньо, Бюзо, Испаромъ.

Новый Комитетъ заключалъ въ себѣ ту же рознь партій, какъ и прежній. Жирондисты первые поняли, что они должны придать этому Совѣту нѣкоторую силу, безъ чего онъ распался бы самъ собою. Они не ломали долго головы надъ теоріями. Средство было подъ руками. Испаръ предложилъ имя, заимствованное изъ исторіи Рима; декретъ 25 марта опредѣлилъ систему. Испаръ снова внесъ свое предложеніе: «Возьмемъ,—сказалъ онъ 4 апрѣля,—смѣлою, твердою и чистою рукою бразды правленія. Не время спорить о формахъ, надо спасти отечество». Конвентъ одобрилъ. 5 апрѣля, Испару, Бареру, Турію, Матье и Дантону было поручено составленіе декрета. Этотъ декретъ былъ представленъ 6-го числа. Комитетъ получилъ имя *комитета Общественнаго спасенія*. Его засѣданія должны были происходить втайнѣ. Ему поручалось ускорять и наблюдать за дѣйствіями министровъ, распоряженія которыхъ, въ случаѣ надобности, онъ могъ и приостанавливать. Онъ принимаетъ всѣ мѣры внѣшней и внутренней охраны, съ обязанностию доносить обо всемъ Конвенту. За исключеніемъ казначейства, онъ располагаетъ всѣми ресурсами государства.

Присвоивъ себѣ исполнительную власть, Конвентъ утвердилъ за собою и прямое отправленіе этой власти на окраинахъ. Онъ былъ единымъ и всемогущимъ сувереномъ: онъ рѣшилъ, такъ сказать, переноситься черезъ посредство своихъ комиссаровъ всюду, гдѣ должно было проявляться его верховенство⁵⁾. Революція уничтожила должности интендантовъ и

⁵⁾ Сравнить полномочія комиссаровъ Конвента (декретъ 9 марта 1793 г.), *Moniteur*, t. XV, p. 663, съ полномочіями интендантовъ при Рихелье: *Archives, Richelieu*, t. IV, p. 207, Paris, 1890. Сравнить также, и въ особенности по части снабженія продовольствіемъ, переписку комиссаровъ и комитета съ

разсѣяла власть между коллективными администраціями, раздробленными до крайняго предѣла. Конвентъ упразднилъ ихъ и возвратился разомъ, перескакивая вѣка, къ *missi* Карла Великаго и къ проконсуламъ римской имперіи. 4-го числа онъ декретировалъ, что комиссары должны носить форменную одежду и знаки вѣшняго отличія; 7 числа, что они должны переписываться съ комитетомъ Общественнаго спасенія. Накаунтъ, революціонный трибуналъ вошелъ въ отуравленіе своихъ обязанностей⁶⁾. Такимъ образомъ въ три дня Конвентъ, подъ вліяніемъ необходимости, импровизировалъ цѣлую правительственную систему и возстановилъ, чтобы спасти революцію, власть болѣе непосредственную, прямую, болѣе простую, болѣе деспотическую и болѣе могущественную, чѣмъ всѣ тѣ, которыя упразднила революція. Уже давно, вопреки всякимъ принципамъ и утвержденіямъ теоретиковъ, и подъ прикрытіемъ официальной реторики, законъ государственной необходимости (*raison d'Etat*) управлялъ революціей. Его воцареніе отнынѣ освящено, и съ этимъ освященіемъ онъ получилъ и мощное орудіе для проявленія своего господства.

Этимъ правительствомъ, которое Жиронда создала для себя, овладѣлъ Дантонъ. Онъ сдѣлалъ изъ него свое твореніе и свою собственность. Жиронда заставила его отречься отъ министерства; онъ пришелъ къ власти чрезъ двери, которыя она ему сама открыла. Выборы въ Комитетъ были пораженіемъ умѣренныхъ. Бареръ получилъ 360 голосовъ, Дельма 347, Бреаръ 325, Камбонъ 278, Дантонъ 233, де-Бри 227, Гюйтонъ-Морво 202, Трельяръ 167, Делакрыа 151. Де-Бри, будучи боленъ, отказался. Роберъ Линде, получившій 122 голоса, замѣстилъ его. Комитетъ рѣшилъ засѣдать два раза каждый день, въ 9 часовъ утра и въ 7 часовъ вечера, прежде и послѣ засѣданія Конвента. Онъ организовалъ два бюро для переписки: одно—съ представителями, находящимися въ командировкѣ, другое—съ посланниками и генералами. Члены Комитета обсуждали дѣла всѣ вмѣстѣ; но они могли ихъ готовить, слѣдить за ними, обезпечить ихъ исполненіе, только раздѣливъ между собой обязанности и трудъ. Въ дѣйствительности, это сводилось къ образованію политическихъ департаментовъ надъ головами министровъ, становившихся не болѣе, какъ исполнительными агентами. Камбону, Гюйтону и Роберу Линде были поручены

перепискою интендантовъ и министровъ во время неурожайныхъ годовъ и военного времени, а именно въ 1709 г.: та-же первенствующая забота—прокормить Парижъ, тѣ же способы дѣйствія, тѣ же угрозы агентамъ, которые должны отвѣтить головами за смуты, могущія быть вызванными въ Парижѣ голодомъ.

⁶⁾ COMPARDON, *Le tribunal révolutionnaire*. Paris 1866. Въ апрѣлѣ 1793 г. въ Парижѣ было 26 обвинявшихся и 9 приговоренныхъ.

финансы, внутреннія дѣла, продовольственная и военно-заготовительная части; Дельма и Делакрыа—военныя дѣла; Бареру и Дантону—внѣшнія.

Этотъ Комитетъ избирался потомъ вновь, 10 мая и 10 іюня; онъ управлялъ Франціей три мѣсяца. Его не должно смѣшивать ни съ Комитетомъ II года (робеспьеровскимъ), ни съ Комитетомъ III года (термидорскимъ); Комитетъ апрѣльско-іюльскій 1793 г. существенно отличается отъ Комитета II года⁷⁾; онъ какъ бы памѣчаетъ характеръ Комитета III года: въ сущности онъ былъ дантоновскимъ Комитетомъ. Правда, онъ не состоялъ изъ личныхъ друзей его; но за исключеніемъ Робера Линде, чистаго монтаньяра, и Барера, лакея, переметчика и измѣнника всѣмъ партіямъ, другіе члены были открытые республиканцы, авторитарные демократы, люди, что называется, кулачной расправы (*gens de poigne*) и притомъ дѣловые, которые подчинились постепенно возрастающему вліянію Дантона и слѣдовали его импульсу. Дантонъ создалъ этотъ Комитетъ, приспособляетъ его къ своимъ стремленіямъ и располагаетъ имъ по своей волѣ. Это былъ моментъ, когда ему приходилось установить свои идеи, заявить свою политику и примѣнить ее къ дѣлу. Онъ снова берется за задачу, еще начатую въ августѣ 1792 года, но берется при обстоятельствахъ болѣе критическихъ, посреди болѣе многочисленныхъ внѣшнихъ опасностей и болѣе разнуданныхъ внутреннихъ соперничествъ. Правда, онъ обладаетъ болѣе опытною, но по прежнему окруженъ многочисленными врагами, и, что всего хуже, онъ извѣрился въ людей, разочаровался въ событіяхъ, въ самомъ себѣ, и даже въ той смѣлости, которая возвысила республику, но и бросила ее разбитую въ дребезги.

Дантонъ, вслѣдствіе всего этого, еще съ большимъ потерпѣніемъ предавался импульсу своего неугомоннаго и безпорядочнаго государственнаго гения, въ которомъ смѣшивались и инстинктивные и сознательныя стремленія гражданъ: прекратить анархію, возстановить государство, сдѣлать изъ *Правъ человека* реальность и изъ республики—правительство, доставить миръ, возвратитъ безопасность труду,—вотъ въ чемъ заключалась его программа. «Поспѣшимъ, друзья мои,—говорилъ онъ,—поспѣшимъ закончить революцію. Тѣ, кто дѣлаетъ революцію слишкомъ долго, не пользуются ею». — «Объявляю вамъ,—говорилъ онъ 10 апрѣля,—вы были бы недостойны вашей миссіи, если бы не имѣли постоянно передъ глазами слѣдующихъ великихъ цѣлей: побѣдить врага, возстановить порядокъ внутри страны и составить хорошую конституцію».

⁷⁾ Я разумѣю Комитетъ II года, управлявшій отъ 10-го іюля 1793 г. до 27 іюля 1794 (9-е термидора) и въ которомъ засѣдали: Робеспьеръ, Кутонъ, Сень-Жюстъ, Бильо-Вареннъ, Кольо-д'Эрбуа, Бареръ, Пріеръ де ла Марнъ, Пріеръ де ла Котъ д'Оръ, Роберъ Линде, Линде, Жанбонъ и Карно.

Таковы были его цѣли, но онъ можетъ идти къ нимъ только опасными обходами, по узкому пути, окруженному пропастями, посреди яростной орды, которая его скорѣе увлекаетъ, чѣмъ слѣдуетъ за нимъ, которая привѣтствуетъ его криками, не понимая его, и толкаетъ его впередъ, не повиная ему. Онъ даетъ ей кричать, и даже поощряетъ ее въ этомъ, надѣясь, что чрезъ эти бѣшеные крики его голосъ проникнетъ до народа, настоящаго народа: этотъ народъ его услышитъ, придетъ, поддержитъ его, поможетъ ему основать демократію и освободитъ ее отъ шайки демагоговъ, которая опрокинула монархію, но которая, если ее не разсѣютъ или не падѣдутъ на нее наемники, погубитъ республику. Это политическое его предпріятіе чрезвычайно щекотливаго свойства: онъ приписывается за него страстно и ведетъ его съ стремительнымъ увлеченіемъ. Его характеръ требуетъ этого, обстоятельства къ этому обязываютъ. Робеспьеръ подгоняетъ его, идя за нимъ во мракѣ мѣрною, но ровною и неутомимою поступью. Дантонъ будетъ опереженъ, если не поспѣшитъ. Надо, чтобы нація создала ему армію раньше, чѣмъ Робеспьеръ успѣетъ похитить у него его революціонное войско.

Его умъ прозрѣваетъ только проблесками; но эти минуты прозрѣнія достигаютъ иногда необычайной дальновидности. Революція въ Бельгій и отложеніе Дюмуре мгновенно просвѣтили его относительно опасности, которая грозила его завоевательнымъ замысламъ и грандіозной фантазіи естественныхъ границъ. Онъ понялъ, что завоеванія поглотятъ республику и что арміи завладѣютъ ею. Онъ въполнѣ даетъ себѣ отчетъ въ томъ, что въ военной демократіи трибуны ничего не значить, побѣдоносный же генералъ будетъ всеѣмъ. Война противъ монарховъ возсоздастъ королевскую власть. Дантонъ проповѣдывалъ эту войну, теперь онъ боится ее. Онъ не думаетъ уже колебать Европу, онъ намѣревается сдѣлать въ ней только проломъ. Миръ представляется ему необходимымъ для организаціи республики, и онъ ему кажется возможнымъ только при помощи переговоровъ. Желаніе истребить союзниковъ—дѣло безразсудное: онъ пашетъ, что было бы проще и практичнѣе разъединить ихъ.

Что касается народовъ, опытъ въ Бельгій былъ имъ сдѣланъ; въ жирондистской же пропагандѣ онъ никогда не участвовалъ. Если космополитизмъ Клоотца и Гебера (Hebert) одно время и соблазнялъ его демагогическія чувства, однако его политическій умъ и національный инстинктъ скоро вывели его изъ этого заблужденія. Онъ страстно примкнулъ къ системѣ декабрьскихъ декретовъ, состоящихъ, какъ мы видѣли, во введеніи муниципальных учреждений у сосѣднихъ народовъ и въ эксплуатаціи ихъ путемъ завоеванія. Но и эта система разбилась въ самомъ основаніи. Оказалось, что завоеванные народы презираютъ такое тиранническое освобо-

жденіе; другихъ же оно отталкиваетъ отъ освободителей. Бельгійцы встаютъ противъ завоеванія республикой, и это завоеваніе бросаетъ Англію въ руки Питта. Дантонъ внемилъ о мудрыхъ совѣтахъ, которые Талейранъ преподалъ въ полярѣ мѣсяцѣ Исполнительному совѣту^{*)}; событія только подтвердили ихъ. Онъ предвидитъ, что республика приближается къ роковому водовороту: демократическіе принципы, верховенство народовъ, идея о національной независимости, однимъ словомъ все, что составило гений и могущество французской революціи, грозитъ, если перенести эту революцію за границу, обратиться противъ самой Франціи.

Инсurreкція, вспыхнувшая вслѣдъ за пораженіемъ Дюмуре, и «Сицильянскія вечера», о которыхъ дописано во всѣхъ рапортахъ изъ Бельгій, могли служить уже хорошимъ урокомъ. Корреспонденціи съ востока и юга только подтвердили этотъ урокъ и усиливали предостереженія. «Въ Альпахъ,—пишетъ Лакмбъ-Сенъ-Мишель, отъ 17 марта,—общипныя власти выходятъ на встрѣчу французамъ, онаяшныя шарфами, когда послѣдніе въ силѣ; но при малѣйшихъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ... они стрѣляютъ въ французовъ. Убиваютъ драгунъ, направляющихся съ корреспонденціями внутрь страны... Горный житель прячетъ свое ружье и, встрѣчая васъ на дорогѣ, кричитъ: *Ça ira!* по, улучивъ удобную минуту, убиваетъ француза, который окажется отставнымъ». Письма Бартеlemi полны тревоги. Швейцарскіе демократическіе кантоны оказываются самыми горячими противниками пропаганды. Республиканцы, правящіе этой страной, хорошо знаютъ опасности прямого народнаго правительства. Осторожный посланникъ разсыпается въ увѣреніяхъ своихъ гражданскихъ чувствъ; но онъ сожигаетъ кипы памфлетовъ, которые ему высылаютъ для распространенія, полагая, что достаточно пропагандировать даже самые неопредѣленные и бапальные изъ нихъ, какъ, наприимѣръ, *Воззваніе ко всемъ народамъ* Кондорсе, для того чтобы взбунтовать швейцарскія правительства и компрометировать мирныя отношенія между Франціей и кантонами^{*)}.

Дантонъ не щадитъ себя послѣ того, какъ произошелъ поворотъ въ его взглядахъ. Противорѣчія его не затрудняютъ: онъ принадлежитъ къ тѣмъ политическимъ натурамъ, которыя никогда не оглядываются назадъ, выносятъ изъ прошлаго только опытъ и примѣняютъ къ себѣ то, чего требуютъ отъ другихъ,—забвенія непоправимаго. Желая мира, онъ желаетъ и необходимыхъ для этого средствъ. Несмотря на царевійство, Европа представляетъ еще къ тому ресурсы, и еще есть время ими вос-

^{*)} Копія съ его записки была найдена въ бумагахъ Дантона: Докладъ Шенье, 18 фруктидора, годъ III. *Moniteur*, t. XXV, p. 664.

^{*)} Каллек, *Papiers de Barthélemy*, mars 1793, t. II, p. 121, 125, 127, 132, 145.

пользоваться: стоит только успокоить правительства относительно пропаганды и завоеваний, представить им въ мирѣ съ республикой выгоды, по крайней мѣрѣ, равныя тѣмъ, которыхъ они ищутъ въ войнѣ. Война республики не будетъ болѣе «войной великодушія», это будетъ «обыкновенная война», въ которой республика, преслѣдуя только свои интересы, усвоитъ вполне топъ Европы, чтобы имѣть возможность трактовать съ Европой въ принятыхъ ею формахъ. Втянутая въ войну для собственной защиты, республика поведетъ ее, какъ повело бы всякое другое европейское государство. Она будетъ дѣлать нашествія, потому что наступательный образъ дѣйствій выгоднѣе; она будетъ продовольствовать свои арміи на счетъ непріятеля, потому что это составляетъ экономію; она будетъ занимать территоріи, потому что необходимо имѣть залогъ, чтобы успѣшнѣе договариваться о мирныхъ сдѣлкахъ съ непріятелемъ. Что касается народовъ, они будутъ предоставлены своей судьбѣ. Если эта судьба побудитъ ихъ освободиться, безъ участія и жертвъ со стороны Франціи, и сгруппироваться въ республики вокругъ и подъ покровительствомъ французской республики, безъ того, чтобы Франція испытала отъ этого какія-либо неудобства или подверглась какой-либо опасности, тогда она согласится на ихъ союзъ и воспользуется его выгодами. Но съ пародами ли или съ монархами ей придется вести дѣло, она будетъ имѣть въ виду исключительно свою безопасность и собственную независимость.

13 апрѣля были прочитаны въ Конвентѣ письма, которыми обмѣнялись между собою Кобургъ и представители, находящіеся при сѣверной арміи. Въ нихъ говорилось о переговорахъ въ неопредѣленномъ тонѣ. Эти письма не обязывали ни къ чему, но они могли служить поводомъ къ дальнѣйшимъ сношеніямъ. «Я требую,—сказалъ Робеспьеръ,—чтобы вы произнесли смертный приговоръ противъ трусовъ, которые предложили бы заключить мировую сдѣлку съ непріятелемъ. Но это не все: я требую также, чтобы они были объявлены внѣ закона». Дантонъ представилъ слѣдующую поправку: «Смертная казнь противъ кого бы то ни было, кто предложитъ республикѣ войти въ мировую сдѣлку съ непріятелемъ, не признавшимъ предварительно верховенства народа»... Онъ мотивировалъ свое предложеніе такъ: «Пора, наконецъ, чтобы Конвентъ показалъ Европѣ, что онъ умѣетъ соединять политику съ республиканскими добродѣтелями... Мы дошли до момента, когда необходимо изъавить свободу, чтобы лучше ее сохранить, отъ всякаго неудобнаго энтузіазма... Въ энергическомъ порывѣ,—и, несомнѣнно, это былъ дивный порывъ,—вы издали декретъ, въ которомъ сказано, что мы будемъ оказывать покровительство народамъ, которые пожелали бы сопротивляться тиранамъ, и что мы будемъ договариваться только съ тѣми народами, которые установятъ у себя образъ правленія, подобный нашему,

республиканскому. Но этотъ декретъ, чрезвычайно неопредѣленный, обязываетъ васъ помогать и какимъ-нибудь патріотамъ, которые захотѣли бы провозвести революцію въ Китаѣ. Прежде всего, надо подумать о сохраненіи нашего политическаго тѣла и положить основаніе величію Франціи. Пусть только республика утвердится, и Франція своимъ свѣтомъ и энергіей будетъ притягательной силой для всѣхъ народовъ... Дадимъ сами примѣръ разумности. Постановимъ, что не будемъ вмѣшиваться въ то, что происходитъ у нашихъ сосѣдей; но что французскій народъ скорѣе погибнетъ, чѣмъ пойдетъ на сдѣлку¹⁰⁾».

Декретъ былъ принятъ. Робеспьеръ требовалъ, чтобы только что принятые рѣшенія не причиняли никакого ущерба странамъ, присоединившимся къ республикѣ. Конвентъ заявилъ, что онъ ихъ не отдастъ на жертву тиранамъ, «съ которыми онъ находится въ войнѣ». Но въ дѣйствительности, за исключеніемъ Савойи, Ниццы и укрѣпленій Майнца, «тираны» ихъ уже отобрали. Эта поправка не могла быть отвергнута безъ нѣкотораго скандала. Тѣмъ не менѣе декретъ 13 апрѣля подразумевалъ, какъ по духу, такъ и по буквѣ, отмѣну декретовъ 19 ноября, объ освобожденіи народовъ, и 15 декабря,—о насильственной революціи. Апрѣльскій декретъ могъ измѣнить всѣ условія войны. Декреты ноябрьскій и декабрьскій имѣли въ виду только народы и признавали права только за тѣми изъ нихъ, которые принимались за революцію на французскій ладъ. Апрѣльскій же декретъ признавалъ «державы»; республика отказывалась вмѣшиваться въ дѣла правительства этихъ державъ¹¹⁾; она требовала у нихъ взаимности и готова была войти въ переговоры, лишь только ее признаютъ и откажутся вмѣшиваться въ ея собственные дѣла. Это былъ возвратъ къ прежнему публичному праву и замѣна революціонной войны войной государственной.

Конвентъ поступилъ такъ, какъ онъ дѣлалъ всегда: онъ примѣнился къ совершившимся фактамъ и издалъ декретъ, сообразовавшійся съ обстоятельствами. Но мѣрѣ того, какъ французскія арміи углублялись въ сосѣднія страны, Конвентъ расширялъ свои притязанія и соответственно развивалъ свои принципы: декретъ 19 ноября слѣдовалъ за побѣдой при Жемаппѣ; декретъ 15 декабря—за деклараціей принципа естественныхъ границъ, декреты о присоединеніяхъ—послѣ завоеванія Савойи, Ниццы, Бельгій и лѣваго берега Рейна. По мѣрѣ отступленія французскихъ армій къ

¹⁰⁾ *Moniteur*, t. XVI, p. 143, le *Journal des Débats* и *Logotachygraphe*, cité par Робинет, *Danton émigré*, p. 170, note.

¹¹⁾ «Національный Конвентъ заявляетъ во имя французскаго народа, что онъ не будетъ вмѣшиваться ни въ какомъ случаѣ въ дѣла правительствъ другихъ державъ».

собственнымъ границамъ, Конвентъ, въ свою очередь, отступалъ, такъ сказать, къ своимъ прежнимъ принципамъ и сокращалъ свои притязанія; когда республикѣ грозила опасность, Конвентъ говорилъ только о ея защитѣ; когда занимались галльскія границы, онъ переставалъ признавать это за естественный законъ; когда пропаганда становилась невозможной, онъ отказывался отъ нея; когда Франціи грозили нашествія и раздробленія, онъ ограничивался своими двумя основными положеніями: національное народоправство и педѣлимость республики; наконецъ, теперь онъ предлагалъ миръ европейскимъ государямъ. Мы увидимъ далѣе послѣдствія измѣнчивости Собранія по отношенію къ этому важному предмету, а также и то, что эти перемѣны всегда вынуждались только обстоятельствами, крайностью при пораженіяхъ или соблазномъ побѣды. Спрашивается: слѣдовалъ ли за Конвентомъ во всѣхъ этихъ перемѣнахъ Дантонъ, самый подвижной, самый бурный изъ его членовъ? Все, что можно сказать, это то, что въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1793 года онъ видѣлъ ясно и предусмотрѣлъ весьма отдаленныя послѣдствія.

Подобная политика была не по вкусу Робеспьеру. Чтобы добраться до власти, необходимо было, чтобы анархія продолжалась, чтобы революція постоянно дѣлалась болѣе безпощадной и война болѣе ожесточенной. 24-го апрѣля онъ представилъ Конвенту проектъ деклараціи правъ. Въ ней говорилось, что «люди всѣхъ странъ» суть «граждане одного и того же государства», что они должны помогать другъ другу, что «монархи, аристократы, тираны, каковы бы они ни были», — рабы, бунтующіе противъ природы¹²⁾. 26 апрѣля Клоотцъ развилъ ту же мысль. Этотъ космополитическій и безпечный эстетероманъ въ сущности былъ истымъ нѣмцемъ; идеи, смутно развиваемыя имъ, были именно тѣ самыя, которыя Лессингъ и Гердеръ насадили въ Германіи и которыя Кантъ догматически формулировалъ въ своемъ «вѣчномъ мирѣ». Долой границы! говорилъ Клоотцъ; не надо намъ пояса покровительствуемыхъ республикъ въ жирондистскомъ вкусѣ, т. е. республикъ федерально-партикуляристскихъ; эти республики необходимо оказались бы притѣсненными республикою-матерью. «Народы злы по своей природѣ; человѣческій родъ добръ по существу». Республика должна быть всемірною. Клоотцъ отводитъ въ ней первенствующее мѣсто Франціи; но нѣмцы, въ одинъ прекрасный день, потребуютъ верховенства для Германіи: республика Клоотца, въ сущности, не что иное, какъ идеализированная Германская имперія; нѣмецкая закваска бродитъ въ Клоотцѣ до такой степени, что онъ предлагаетъ переименовать французовъ въ гер-

¹²⁾ Louis BLANC, t. VIII, p. 266.

манцевъ и назвать «братскій союзъ» народовъ «республикой германцевъ»¹³⁾. Одинъ изъ дантонистовъ, нѣкто Робертъ, отвѣчалъ: «Мы не представители человѣческаго рода... Я хочу сохранить тотъ родъ національнаго эгоизма, безъ котораго мы здѣсь постановляли бы за тѣхъ, которые насъ не уполномочивали... Я люблю всѣ народы и, въ особенности, свободные народы; но я люблю свободныхъ людей Франціи еще сильнѣе, чѣмъ всѣхъ остальныхъ людей въ мірѣ». Робертъ далъ отличный комментарий декрету 13 апрѣля. Комитетъ Общественной безопасности далъ ему еще лучшій.

Министръ иностранныхъ дѣлъ, Лебрень, просилъ Бартеlemi распространить декретъ по всѣмъ кантонамъ. Онъ указывалъ на его мирный и общепользительный характеръ. «Что случилось бы съ общественнымъ спокойствіемъ въ Европѣ, — писалъ онъ 29 апрѣля, — если бы нѣкоторые честолюбивыя державы могли измѣнять по своей волѣ внутреннее устройство сосѣднихъ націй? Защищая свои права, французская нація защищаетъ, въ данную минуту, права всѣхъ народовъ¹⁴⁾. Франція совсѣмъ не думаетъ включить Женеву въ свои предѣлы. «Такого проекта не существуетъ, — говоритъ Лебрень 3 мая; я скажу болѣе: потребуй Женева своего присоединенія, оно не было бы принято». Это заявленіе было искренно. Въ то время, когда онъ его дѣлалъ, Лебрень сообразовалъ съ нимъ и свои дѣйствія. Агентъ Шени, возвратившійся изъ Бельгіи, способный на все, даже, при случаѣ, произвести контръ-революцію, въ особенности же способный служить полицейскимъ агентомъ, былъ посланъ въ Женеву, чтобы противодѣйствовать присоединительному движенію. Въ инструкціи, которая ему была вручена 8 мая, говорится, что онъ обязанъ приложить всѣ свои старанія къ тому, чтобы избавить савойцевъ «отъ всякихъ притѣсненій со стороны солдатъ и клубовъ. Онъ долженъ помнить, что иногда необходимо снисходить къ слабостямъ простого и невѣжественнаго народа, что насиловать его въ его привычкахъ было бы только средствомъ сдѣлать ихъ для него еще болѣе дорогими и отдалить его возрожденіе; что необходимо прежде его просвѣтить, чтобы потомъ обратить, а всякое обращеніе совершится только при помощи убѣжденія». Отмѣнивъ косвеннымъ путемъ

¹³⁾ *Moniteur*, t. XVI, p. 253—254. LEVY-BRUHL, *l'Allemagne depuis Leibnitz*. Paris 1890, p. 26, 147, 148, 154, 157, 160, 177, 186. Слѣдуетъ обратить вниманіе на измѣненіе идей: въ началѣ войны, злыми считаются только государей, народы же добры, откуда — законность общаго освобожденія (Рѣчь Грегуара). Послѣ возстанія въ Бельгіи, народы становятся злыми, добрымъ остается только человѣческій родъ, откуда выводится необходимость верховенства добродѣтельнаго народа надъ прочими.

¹⁴⁾ KAULEK, *Papiers de Barthélemy*, t. III, avril et mai 1792.

декретъ 15 декабря, Комитетъ тѣмъ самымъ осуждалъ политику, примененную въ Бельгii въ силу этого самаго декрета.

Кромѣ того, Шепи долженъ былъ заручиться союзниками въ Пьемонтѣ, чтобы вывѣдать: «продолжаетъ ли дворъ все еще держаться своего проекта занятія Савойи и насколько онъ расположенъ будетъ принять какую-нибудь другую провѣстку взаимности Савойи и графства Ниццкаго»¹⁵⁾. Это было практическимъ примѣненіемъ соображеній, высказанныхъ въ рѣчи Дантона. Если хотятъ завязать переговоры, необходимо заручиться сначала свѣдѣніями о желаніяхъ другихъ и окружить тайною свои собственныя. Это—обыкновенныя условія дипломатіи. Бареръ о нихъ напомнилъ Конвенту 3 мая: «Подобныя мѣры,—прибавилъ онъ,—не могутъ быть подвергнуты пространному обсужденію и выставлены напоказъ». Комитетъ требовалъ у Конвента довѣрія и испрашивалъ кредита, для «вознагражденія союзниковъ республики за издержки по вооруженію и другіе расходы, которые они сдѣлаютъ для усиленія своихъ средствъ борьбы съ непріятелемъ». За нѣсколько дней передъ тѣмъ, Камбонъ заявилъ, что шесть милліоновъ, назначенные въ распоряженіе Дюмурие для секретныхъ расходовъ, уже израсходованы. Конвентъ вотировалъ шесть милліоновъ министру иностранныхъ дѣлъ,—«мѣра необходимая,—говоритъ докладчикъ,—если мы желаемъ знать, что наши враги замышляютъ противъ насъ». Онъ постановилъ, что комитетъ Общественнаго спасенія позаимствуетъ изъ чрезвычайныхъ военныхъ суммъ субсидіи, необходимыя для союзниковъ республики¹⁶⁾. Комитетъ располагалъ и властью, и деньгами. Посмотримъ, какое употребленіе сдѣлаетъ онъ изъ того и другого.

II.

Собственно, въ этой области, т. е. въ иностранныхъ дѣлахъ, самымъ прямымъ образомъ выразилось участіе Дантона. Оно не отличалось никакой новизной, скорѣе наоборотъ. Съ момента, когда Франція рѣшилась войти въ любовныя сдѣлки съ Европой и отказывалась испровергать порядокъ, существовавшій въ Европѣ, она должна была создать свою политику, основанную на постоянныхъ интересахъ народовъ и государствъ. Эти интересы и управляютъ повсюду, какое бы названіе ни носило правительство. Они одни были настолько всемогущи, чтобы принудить монархіи мириться съ республикой. Слѣдовательно, и республика должна была вступить на проторенную дорогу, которая одна даетъ доступъ въ канцлерства, возвратиться къ классическимъ комбинаціямъ, единственнымъ, кото-

¹⁵⁾ *Instruction du citoyen Chépy*, 8 mai 1793. Kaulbeck, t. II. p. 243.

¹⁶⁾ Декретъ 16 апрѣля и 3 мая 1793.

ры остаются примѣнимыми; совѣщаться съ прежними агентами, единственными, которые знаютъ людей, нравы и положеніе вещей политическаго міра. Государственнымъ человѣкомъ считается не тотъ, который натывается на препятствія и борется съ подводными камнями, а тотъ, кто предвидитъ ударъ, знаетъ направление вѣтра и, благодаря этому, управляетъ событіями. Если бы Дантонъ разсматривалъ внутреннія обстоятельства во всей ихъ совокупности съ тою же ясностью и тою же простотою взглядовъ, съ какою смотрѣлъ на вѣшнія дѣла; если бы онъ отличалъ то, что надо было дѣлать, чтобы упорядочить революцію въ самой Франціи, подобно тому, какъ онъ распознавалъ, что было необходимо для того, чтобы найти мѣсто для республики въ Европѣ,—онъ былъ бы великимъ государственнымъ человѣкомъ, и, можно сказать, что онъ преградилъ бы дорогу Бонапарту. Но внутреннія дѣла страны слишкомъ сложны, слишкомъ расхитаны, и Дантонъ самъ былъ захваченъ въ ихъ водоворотъ; онъ изъ него выпрыпнулъ, и это уже было много, по онъ не овладѣлъ имъ. Факты европейской жизни представлялись безконечно болѣе конкретными, болѣе устойчивыми, болѣе осязаемыми. Онъ могъ разобраться въ нихъ съ болѣею легкостью.

Въ управленіи вѣшними дѣлами, Дантонъ нашелъ Лебрена, оцѣнить котораго онъ уже имѣлъ случай, когда они были товарищами въ министерствѣ Законодательнаго Собранія; у Лебрена были хорошіе сотрудники. Ему помогалъ его другъ, Геро де Сешель¹⁾. Геро пользовался услугами одного авантюриста, котораго онъ встрѣтилъ за кулисами общества и съ которымъ онъ естественно сблизился, когда революція вырвала ихъ обоихъ изъ ихъ социальной среды. Это былъ нѣкто бывшій маркизъ де Потера²⁾. Этотъ маркизъ-якобинецъ, великій мастеръ въ дѣлѣ заговоровъ и аферистъ, былъ очень расположенъ принять на себя миссію, имѣющую цѣлью разрушить коалицію и завязать переговоры или съ Австріей, или съ Англіей. Онъ встрѣчался въ переднихъ Комитета съ однимъ бывшимъ аббатомъ, по имени Сулави, который подвизался на такомъ же поприщѣ, по съ другой стороны и при помощи другихъ средствъ, совершенно въ характерѣ прусской системы: пасквилянтъ и профессиональный компиляторъ, архивный флибустьеръ, фабрикантъ апокрифовъ, менѣе занятый, сколько по призванію, столько же и вслѣдствіе благоразумной осторожности, устройствомъ возмущеній въ настоящемъ, нежели измышленіемъ клеветъ для потомства³⁾. Онъ прокрадывался въ залы, гдѣ,

¹⁾ ROBINET, *Procès des Dantonistes*, p. 165—157, 339—343.

²⁾ *Revue historique*, t. XVIII, p. 298 et suiv.

³⁾ *Revue historique*, t. XXV, p. 107 et suiv., статья article de FLAMMER-SOREL, т. III.

послѣ 10 августа, разбирали бумаги Людовика XVI; извлекалъ изъ нихъ автографы, которыхъ послѣ никогда болѣе не выдали; матеріалы для мемуаровъ, которые онъ позже напечаталъ, и документы, которые издалъ весной 1793 г. подъ заглавіемъ: *Politique vscxъ европейскихъ кабинетовъ при Людовикѣ XVI и Людовикѣ XVII*. Эта книга заключала въ себѣ сущность секретной дипломатіи графа де-Бролли, многіе мемуары Верженна и *Обоснованныя предположенія* Фавье. Сочиненіе Фавье, извѣстное только его послѣдователямъ и знаменитое, не будучи никогда напечатаннымъ для публики, служило евангеліемъ всѣмъ недовольнымъ старымъ порядкомъ, сдѣланнымъ вожаками съ 1792 года. Изданіе этого сочиненія, сдѣланное Сулави, дало систематическій сводъ политикѣ, которая до тѣхъ поръ находилась въ расплавленномъ состояніи, и популяризировало ее.

Всѣ эти агенты и официальные совѣтники имѣли о дипломатіи понятіе весьма ходячее, вполне доступное политикамъ, вышедшимъ изъ заговоровъ и искусившимся въ партійныхъ интригахъ: такъ какъ Европа управляется государями, алчными къ богатству, и министрами, неразборчивыми на средства, то пѣтъ ничего легче, какъ привлечь ихъ при помощи этой самой алчности и закупить ихъ прибылью. Посланникъ республики въ Цвейбрюкенѣ, Депортъ (Desportes), писалъ Геро: «Такъ какъ миръ необходимъ для торжества и распространенія нашихъ принциповъ, посмотримъ, не могутъ ли честолюбивыя вожделѣнія какого-нибудь деспота совпадать въ настоящее время съ нашими великими революціонными воззрѣніями». У Депорта былъ цѣлый планъ возсозданія Германіи при помощи секуляризаціи духовныхъ государствъ: прусскому королю онъ отдавалъ часть кельнскаго курфиршества съ провинціей Юлихъ (Juliers); Баваріи—курфиршество Триръ и остальную долю кельнскаго курфиршества. Майнцъ образовалъ бы республику ⁴⁾. Кюстинъ, умъ котораго находился въ постоянномъ броженіи, прислалъ Гюйгону-Морво также проекты сближенія съ Пруссіей ⁵⁾. Въ то же самое время и составляя, въ нѣкоторомъ родѣ, противовѣсъ, Бартеlemi проповѣдывалъ союзъ второстепенныхъ государствъ и предлагалъ республикѣ, какъ лучшую охрану французской независимости, политику Верженна. Наконецъ, Кайльяръ (Caillard), удержанный Лебреномъ въ министерскихъ отдѣленіяхъ, сводилъ всѣ эти данныя вмѣстѣ и выводилъ изъ архивныхъ картоновъ для свѣдѣнія комитета Обществен-

MONT.—ARMAND BASCHET, *Histoire du dépôt des archives des affaires étrangères*. Paris, 1875, p. 386, et suiv.

⁴⁾ Desportes à Lebrun, mai 1793. Ib., 9 juin 1793.

⁵⁾ SYBEL, *trad.*, t. II, p. 293.

наго спасенія безчисленные мемуары, составленные прежней дипломатіей въ видахъ уничтоженія австрійскаго дома ⁶⁾.

Изъ всѣхъ этихъ отчетовъ и диссертаций выдѣляется одна общая политическая цѣль, которая нигдѣ такъ хорошо и точно не намѣчена, какъ въ документѣ, озаглавленномъ: *Мысли по поводу одного плана утвержденія мира*, сохранившемся въ архивахъ виѣнскихъ дѣлъ. Текстъ этого плана относитъ его къ первой половинѣ мая 1793 года. Онъ предназначался служить инструкціей представителямъ, посылаемымъ съ полномочіями къ арміямъ. «Есть условія *sine qua non*, которыми республика никогда не поступится и безъ соблюденія которыхъ—необходимо это заявить торжественно—она не обратитъ вниманія ни на какое мирное предложеніе». Вотъ эти условія: признаніе республики, обязательство полнаго невмѣшательства въ внутреннее правленіе Франціи, обѣщаніе не поддерживать, такъ называемаго, регента и эмигрантовъ и, что касается Австріи, освобожденіе гражданъ, преданныхъ генераломъ Дюмурье. «Республика твердо рѣшилась войти въ прежнія свои границы, но она не допускаетъ, чтобы ей ставили это предварительнымъ условіемъ для переговоровъ». Она сохранитъ за собой страны, пріобрѣтенныя ею при помощи своихъ армій, потому что выпустить изъ рукъ залогъ было бы «безпримѣрнымъ» неблагоразуміемъ и потому что его необходимо сохранить, какъ элементъ для будущихъ обмѣновъ. Республика не возвратитъ исключенныхъ земель, какъ на примѣръ ни Мюльхаузена, ни Монбельяра, ни Авиньона. Она постарается, при помощи вознагражденія или обмѣна, исправить свои границы и установить для себя «естественные предѣлы, демаркаціонныя линіи которыхъ должны обезпечить ей сплошное территориальное пространство, начиная отъ центра до различныхъ частей ея окружности». Дальше этого она не пойдетъ. Она отречется отъ пропаганды. Мѣры, которыя Конвентъ приметъ относительно заключенныхъ въ Тамплѣ, могутъ имѣть большой вѣсъ. Австрія можетъ оставаться спокойною въ своемъ владѣніи Нидерландами; Франція воспротивится обмѣну Баваріи на эти провинціи; но если въ нихъ установится родъ штатгалтерства съ припцемъ изъ прусскаго дома, Франція не будетъ тому препятствовать. Она не утвердитъ своимъ согласіемъ раздѣла Польши; впрочемъ, если участники въ дѣлѣ удовольствуются простымъ «воздержаніемъ отъ участія», она благоразумно на это согласится. Она не возвратитъ ни Савойи, ни Ниццы, но готова вознаградить Пьемонтъ: раздѣлъ папскихъ владѣній могъ бы доставить къ тому случай. Этотъ раздѣлъ

⁶⁾ *Mémoire sur les moyens employés par le gouvernement pour éviter la guerre et sur les négociations tentées avec les puissances coalisées.—Précis d'un mémoire de Caillard, RANKE, Hardenberg, t. V, p. 32.—Masson, Affaires étrangères, p. 243.*

могъ бы состояться между Венеціанской республикой, Неаполемъ, Тосканой и Пармскимъ инфантомъ. Инфантъ пріобрѣлъ бы Римъ и уступилъ бы Пьемонту Парму, Пиаченцу и Гвасталлу. Папа остался бы простымъ римскимъ епископомъ, съ обыкновеннымъ денежнымъ окладомъ, который позволилъ бы ему поддерживать достоинство главы Церкви, причемъ слѣдовало бы заботливо сохранить за нимъ этотъ титулъ, чтобы не оскорбить католическихъ народовъ. Англія—врагъ самый ожесточенный; однако можно бы попытаться завязать съ ней переговоры о мирѣ, обратившись къ оппозиціонной партіи и къ общественному мнѣнію.

Что касается способа дѣйствія, то онъ можетъ быть только одинъ: отдѣлить отъ коалиціи сепаратными трактатами тѣ изъ державъ, которыя расположены къ миру, сражаться съ другими до послѣдней крайности и сплотить противъ послѣднихъ между собою все государства, которыхъ общая вражда или выгоды могутъ побудить составить союзъ съ республикой. Таковы были Швеція, Данія, Турція. Необходимо было всегда прибѣгать къ этой комбинаціи, когда приходилось сохранять и отказываться отъ пріобрѣтеній. Современники прежней секретной дипломатіи совѣтовали Даптону эти средства, подобно тому, какъ графъ де Броли предлагалъ ихъ Людовику XV; прежніе чиновники министерства иностранныхъ дѣлъ предлагали ихъ Шуазелю послѣ двойного и злополучнаго опыта политики пріобрѣтеній, соучаствія съ Пруссіей въ 1740 и 1748 гг., потворства Австріи въ 1756 и 1763 гг., въ бѣдственномъ и изолированномъ состояніи Франціи, такъ какъ Англія тогда оказалась непримиримой, а сѣверные дворы соединились для раздробленія Польши ⁷⁾.

Декоршъ былъ посланъ въ Константинополь, чтобы привести тамъ въ порядокъ дѣла и возобновить сношенія съ турками. 20-го апрѣля, Комитетъ, полагая, что этотъ посланникъ долженъ отправиться на свой постъ, составилъ ему новыя инструкціи. Онѣ значительно отличались отъ тѣхъ, которыя были ему даны въ январѣ мѣсяцѣ, и это различіе доказываетъ успѣхи, сдѣланные въ положительной политикѣ. Въ январѣ, освобожденіе Польши тѣсно примѣшивалось къ комбинаціямъ республиканской дипломатіи, точно такъ же, какъ бельгійская революція примѣшивалась къ стратегическимъ соображеніямъ Исполнительнаго совѣта. Въ апрѣлѣ, народы принимаются во вниманіе только въ качествѣ средствъ для выполненія намѣреній Комитета: бельгійцы будутъ секвестрированы и взяты въ залогъ; поляки послужатъ средствомъ для диверсій.

Комитетъ рассчитываетъ на зависть, которую Австрія и Пруссія возъ-

⁷⁾ LE DUC DE BROGLIE, *Le secret du Roi*.—ALBERT SOREL, *La question d'Orient au dix-huitième siècle; Essais de critique et d'histoire: La politique secrète de Louis XV*.

имѣютъ при видѣ хозяйничанья Россіи въ Польшѣ. Ихъ безпокойство и жадность заставляютъ ихъ удалить часть своихъ войскъ отъ французскихъ границъ, чтобы направить эти войска къ Польшѣ. Такимъ образомъ, они ослабятъ коалицію и сами откроютъ въ ней брешь. «Замышляется раздѣлъ Польши,—писалъ Лебрень Декоршу 20 апрѣля.—Сопротивленіе Франціи стѣсняетъ пруссаковъ и мѣшаетъ имъ дѣйствовать противъ поляковъ. Австрія также хотѣла бы имѣть руки свободными. Она, какъ и другіе, склонна къ сдѣлкѣ. Мы получаемъ намеки черезъ Флоренцію, Неаполь; генералъ Кобургъ, командующій на границѣ, не оставляетъ насъ прокламаціями, приглашеніями, и проч... Все эти документы дышатъ миромъ и умѣренностью, но онъ продолжаетъ говорить намъ еще о королевской власти и конституціи 1789 года. Австрія откажется отъ своихъ притязаній: ея собственные интересы этого требуютъ. Слѣдовательно, миръ совсѣмъ не невозможенъ даже съ Австріей. Ничего еще не предпринято ни съ той, ни съ другой стороны, но переговоры могутъ открыться съ минуты на минуту. Что касается Польши, мы очень далеки отъ того, чтобы подписаться безповоротно подъ приговоромъ ея исчезновенія. Надо ли предпринять ея защиту противъ замысловъ трехъ державъ теперь же? Въ такомъ случаѣ, и вопреки желанію, которое страна обнаруживаетъ къ миру съ Пруссіей, Австріей и Англіей, пришлось бы во что бы то ни стало продолжать войну. Если потерпимъ пораженіе,—разоримъ только Францію, не спасши Польшу. Какое неудобство можетъ представиться, если предоставить событіямъ совершаться своимъ путемъ? Россія придвинется къ центру Европы: становясь доступной, она сдѣлается уязвимой, и соперничество между ею и двумя другими государствами, участниками въ раздѣлѣ, могло бы только усиливаться ⁸⁾. Порта, поддерживаемая Франціей, можетъ найти поддержку въ Пруссіи, которая, обладая Данцигомъ, пожелаетъ завести торговые сношенія съ Левантомъ. Во всякомъ случаѣ, пусть турки вооружаются и держатъ себя на-сторожѣ и, полагаясь на Пруссію и Австрію, опасаются однако же быть выданными Россіи.

Въ это самое время, Комитетъ получилъ извѣстія изъ Константинополя. Въ этой столицѣ образовался клубъ, вокругъ дерева свободы поютъ *Ça ira*; мусульмане «патріоты» носятъ республиканскую кокарду на своихъ чалмахъ. Шуазель Гуффье получилъ субсидію отъ царицы и отправился въ Россію ⁹⁾. Но Декоршъ, задержанный на боснійской границѣ, без-

⁸⁾ *Le secret du Roi*, t. II, p. 76, les vues du duc de Praslin en 1763, et celles de Vergennes en 1774: Instructions de Breteuil. *Recueil des instructions: Autriche*, p. 487.

⁹⁾ ZINKISEN, t. VII, p. 847. *Mémoires du comte de Ségur*, t. III. Rapport de Descorches, 23 mars 1793. Mémoire de Descorches, 24 janvier 1796.

успѣшно требовалъ пропускного фирмана. Въ то время, когда турки такимъ образомъ задерживали его, они послали посольство, чтобы принять съ пышностью посланника Екатерины II. Это примиреніе совершилось при посредствѣ Пруссіи. Комитетъ видѣлъ хорошо, что Декоршъ прибылъ бы слишкомъ поздно, и его миссія приняла бы дурной оборотъ, если бы заподозрѣли, что онъ является съ цѣлью возбуждать къ войнѣ съ Россіей. Лебрень писалъ 6 мая дипломатическому агенту Генену, чтобы онъ отправился въ Константинополь подготовить тамъ приемъ Декорша и успокоить Диванъ по вопросу о войнѣ. «Вы можете дать понять, что подобное опасеніе въ настоящее время лишено всякаго основанія».

Чтобы повѣрить этому, надо было, чтобы ни русскіе ни турки совсѣмъ не читали газетъ. Иначе они прочтали бы въ *Монитеръ* отъ 7 мая, какъ членъ комитета Общественнаго спасенія, Бареръ, излагалъ съ трибуны совершенно противоположные взгляды. «Развѣ Черное и Балтійское моря,—спрашиваетъ онъ, говоря о Россіи,—не представляютъ препятствій многочисленнымъ домогательствамъ? Развѣ сѣверъ и востокъ не въ состояніи предложить намъ естественныхъ друзей, искреннихъ союзниковъ? Развѣ Польша, поработенная и опозоренная, останется навсегда подъ клутомъ Екатерины и подъ штыками Фридриха?» Эта рѣчь предназначалась не единственно только для удовлетворенія парижской публики: она должна была произвести безпокойство въ Берлинѣ и Петербургѣ, побудить ихъ дворы принимать въ соображеніе виды республики, показать, что если Франція вмѣсто того, чтобы подстрекать турокъ, сдерживала ихъ, то она могла также при помощи новой революціи въ Польшѣ снова возбудить ихъ къ войнѣ. Наконецъ, въ случаѣ, если бы миролюбивыя попытки оказались вполнѣ неудачными, Франція всегда сохранила за собой, такъ сказать, резервный фондъ въ лицѣ той же самой Польши, которою она такъ легко поступилась въ Константинополь. Лебрень писалъ 18 мая Нарандье, который переписывался изъ Лейпцига съ польскими патріотами: «Французы не теряютъ надежды помочь когда-нибудь этимъ патріотамъ, разбить ихъ новыя цѣпи». Въ дѣйствительности, этой надеждѣ никогда не приходилось осуществиться. То же можно сказать и о турецкомъ союзѣ съ республиканцами. Только Швеція сама явилась съ предложеніемъ, и переговоры, начатые съ этимъ дворомъ въ надлежащей формѣ, шли благополучно и клонились къ концу.

Баронъ Сталь, возвратившійся въ Парижъ, имѣлъ свиданіе съ Лебренью. Онъ очень былъ доволенъ комитетомъ Общественнаго спасенія, который,—доносилъ онъ,—отвѣчалъ на его предложенія «съ большою лояльностью». Комитетъ обсудилъ принципы представленнаго ему союзнаго договора. Лебрень вмѣстѣ съ Сталемъ придали статьямъ договора надлежащую форму. 13 мая Исполнительный совѣтъ принялъ его опредѣленія.

Комитетъ ихъ одобрилъ 16-го числа. Этотъ трактатъ устанавливалъ оборонительный союзъ. Французская республика и шведская нація клянутся въ искренней и продолжительной дружбѣ и принимаютъ съ этого момента на себя торжественное обязательство разсматривать, какъ собственныхъ враговъ, всякаго, кто нападетъ на территорію, покусится на безопасность и независимость одной изъ двухъ договаривающихся сторонъ». Такъ какъ Франція находится уже въ войнѣ и *casus foederis* существуетъ *ipso facto*, то республика обѣщала Швеціи 10 милліоновъ турецкихъ ливровъ *) въ моментъ ратификаціи договора; Швеція должна доставить 8.000 человекъ пѣхоты, 10 кораблей, 6 фрегатовъ. Если бы Швеція была вовлечена изъ-за Франціи въ особую войну, тогда Франція выплачиваетъ ей субсидіи ежегодно въ 18 милліоновъ ливровъ (турецкихъ), и Швеція должна будетъ тогда вооружить не менѣе 15 кораблей, 12 фрегатовъ и 60.000 человекъ. Шведскій король отказывался принимать какое бы то ни было участіе въ войнѣ имперіи. Союзники обязывались защищать независимость и настоящее территориальное положеніе тѣхъ изъ нѣмецкихъ государствъ, которыя оставались бы нейтральными во время войны. Они выговорили право принимать въ свою лигу всякое государство, которое пожелало бы въ нее войти, чтобы «дать всей Европѣ высокое доказательство чистоты намѣреній, которыя ими руководятъ, желая дать знать подлиннымъ актомъ, что постоянный союзъ не включаетъ ничего угрожающаго общему спокойствію, независимости и правамъ другихъ державъ».

Это опредѣленіе, выраженное въ 17 статьѣ, заключало въ себѣ полное отреченіе отъ пропаганды. Что касается статьи, гарантирующей нейтральныя государства имперіи, именно 14 статьи, то она нисколько не воспрещала республикѣ завоевывать съ тѣмъ, чтобы потомъ ихъ присоединить или обмѣнять—церковныя государства лѣваго берега Рейна, такъ какъ эти государства присоединились къ коалиціи. Последняя статья имѣла цѣлью заинтересовать государства праваго берега, и въ особенности Баварію, въ сохраненіи нейтралитета. Она обязывала обѣ державы, гарантировавшія Вестфальскій миръ, воспротивиться обмѣну Баваріи, и, въ этомъ отношеніи, дополняла работу, начатую на Тешенскомъ конгрессѣ. Сталь получилъ этотъ проектъ 17 мая и послалъ его тотчасъ же въ Стокгольмъ, чтобы представить шведскому регенту.

Ни одна изъ этихъ сдѣлокъ не нарушала интересовъ Пруссіи. Вступленіе Дантона въ управленіе иностранными дѣлами снова поставило на очередь комбинаціи, намѣченныя въ октябрѣ мѣсяцѣ. Къ тому же и на аван-

*) Турскій ливръ равнялся почти нынѣшнему франку (93 сант., 76).

постахъ арміи Кюстина возобновились попытки сближенія. Пруссакі снова принялись расточать любезности и намеки на близкій конецъ временной непріязни, на возможность заключенія союза противъ общаго врага. Лебренъ писалъ Кюстину 20 апрѣля, извѣщая его съ своей стороны объ авансахъ австрійцевъ и прибавилъ: «Пруссія—естественный союзникъ республики. Пора ей открыть глаза. Искренна ли она въ своихъ заявленіяхъ? Намъ важно это знать, и мы разсчитываемъ, что вы насъ просвѣтите въ этомъ отношеніи. Излишне было бы повторять вамъ, что дѣло идетъ не о началѣ переговоровъ, а единственно объ изслѣдованіи намѣреній пруссаковъ. Прошу васъ продолжать устные бесѣды съ непріятельскими офицерами по всѣмъ предметамъ, могущимъ обнаружить намѣренія ихъ начальниковъ, соображаясь вполнѣ съ изданнымъ по этому поводу декретомъ».

Подобный способъ сообщеній не обѣщаль большихъ результатовъ. Комитетъ придумалъ болѣе искусный, хотя и болѣе косвенный способъ, которымъ и рѣше пользовалась дипломатія во всей его сложности. Комитетъ рѣшилъ «внушать педовѣріе и тревогу союзникамъ, главнымъ же образомъ Пруссіи». Въ такихъ случаяхъ, дипломаты обыкновенно старались показать, что ведутъ переговоры съ Австріей. Австрійскіе генералы выказывали миролюбивое настроеніе; фактъ этотъ подтверждался письмами изъ Флоренціи и Неаполя и нѣкоторыми выраженіями секретаря саксонскаго посольства, слышанными въ Баденѣ и въ самомъ Парижѣ. Комитетъ самъ не придавалъ имъ никакого серьезнаго значенія, но пахотилъ удобнымъ, чтобы другіе принимали ихъ за нѣчто серьезное. Потребовался посредникъ, и Комитетъ искалъ его въ Италіи.

Неаполитанскій дворъ, изъ страха и двоедушія, одно время видимо желалъ взять на себя такую роль; но какъ только добился того, что имѣлъ въ виду, т. е. отплытія французскаго флота, маска была имъ сброшена. Посланникъ республики снова очутился въ изолированномъ положеніи. Но Мако не хотѣлъ обращать на это вниманія. 19 апрѣля, его вмѣстѣ съ остальными представителями дипломатическаго корпуса пригласили на праздникъ, дававшійся по случаю рожденія принцессы. Онъ счелъ это приглашеніе за возвращеніе милости, иллюминировалъ свой домъ и явился во дворецъ. Съ нимъ обошлись какъ съ непрошенымъ гостемъ. Королева такъ рѣзко повернулась къ нему спиною, что послышался смѣхъ придворныхъ. Неаполитанцы повсюду разсказывали объ этомъ оскорбленіи и радовались ему какъ побѣдѣ; Мако понялъ, что былъ поставленъ въ смѣшное положеніе, что въ его лицѣ унижали республику, и просилъ о своемъ отозваніи. Письмо его повстрѣчалось съ курьеромъ Лебрена, который предписывалъ ему сдержанность, совѣтовалъ не быть слишкомъ довѣрчивымъ и хранить молчаніе. Комитетъ не вѣрилъ искренности Маріи-Каролины и не

довѣрялъ ловкости своего посланника. Онъ надѣялся достигнуть большаго успѣха, утилизируя услужливое рвеніе по вопросу о мирѣ, которое не переставалъ выказывать главный совѣтникъ тосканскаго великаго герцога, Манфредини. Этотъ министръ какъ нельзя болѣе способенъ былъ заставить думать, что скрываетъ важное, когда давалъ угадывать пустяки. Добросовѣстность и скромность его были извѣстны всѣмъ, а такъ какъ считалось, что для того, чтобы ввести людей въ заблужденіе, нѣтъ лучше способа, какъ употребить для этого добросовѣстнаго человѣка, то на этомъ основаніи Комитетъ и обратился къ великому герцогу тосканскому и къ Манфредини. Посредникомъ выбранъ былъ Семонвилль.

Къ счастью для Семонвилля, бумажі, найденныя въ пресловутомъ желѣзномъ шкафѣ Тюильрійскаго дворца, представляли груду клочковъ бумажі, и среди этихъ клочковъ не оказалось отрывковъ изъ его корреспонденціи. Такимъ образомъ онъ получилъ возможность безнаказанно увѣрять въ чистотѣ своихъ намѣреній и республиканскомъ рвеніи. Комитетъ поручилъ Дантону разобрать это дѣло. Дантонъ призвалъ Семонвилля, исповѣдалъ его, задалъ ему наговоры. Трибунъ умѣлъ заглянуть въ душу, но умѣлъ также закрывать глаза на то, что видѣлъ. Онъ не былъ строгъ къ людямъ и не придирался къ ихъ прошлому. Семонвилль показался ему Талейраномъ въ сокращенномъ видѣ, и бывший сотрудникъ Мирабо найденъ былъ имъ самымъ подходящимъ человѣкомъ для исполненія тайныхъ дипломатическихъ порученій Комитета. Семонвилль составилъ оправдательную записку, Исполнительный Совѣтъ отмѣнилъ рѣшеніе объ его увольненіи, а Комитетъ рѣшилъ, что, продолжая числиться въ константинопольскомъ посольствѣ, Семонвилль отправится къ своему посту чрезъ Испанію и по дорогѣ заѣдетъ во Флоренцію.

Онъ долженъ былъ посѣтить эту резиденцію подъ предлогомъ визита великому герцогу, «правленіемъ котораго восхищался». Лебренъ вручилъ ему письмо къ Манфредини, помѣченное 23 мая: «Я видѣлъ, — писалъ онъ, — что достаточно было вашего письменнаго мнѣнія для того, чтобы убѣдить императора Франца въ необходимости признать независимость французской націи, и мнѣ извѣстно, что вы неоднократно выражали миролюбивыя заявленія... Семонвилль, — прибавлялъ Лебренъ, — раздѣляетъ ваши чувства. Онъ желаетъ познакомиться съ вами. Вы созданы для того, чтобы понять другъ друга». Семонвиллю предписывалось не дѣлать никакихъ предложеній; онъ долженъ былъ выслушивать все, что ему скажутъ, и предоставить рѣшеніе на усмотрѣніе комитета Общественнаго спасенія. Но главное, онъ долженъ былъ произвести извѣстное впечатлѣніе на общественное мнѣніе и, не принимая никакихъ обязательствъ, внушить публикѣ, что онъ ихъ ищетъ. Въ инструкціяхъ говорилось, что онъ долженъ придать своимъ

сношеніямъ съ Манфредини «внѣшній характеръ явныхъ переговоровъ» и въ то же время быть всегда въ состояніи опровергать слухи, которые стали бы распространяться по поводу этихъ самыхъ переговоровъ. Великаго герцога слѣдуетъ довести до «опредѣленнаго рѣшенія». «Держать себя такъ, чтобы представители воюющихъ, державъ, и въ особенности Пруссіи, встревожились возможностью соглашенія между французскою республикою и Вѣною»... Встревожить берлинскій кабинетъ—вотъ результатъ, котораго слѣдуетъ добиваться гражданину Семонвиллю... Мы имѣемъ въ виду разъединить лигу и вернуть расположеніе къ намъ Фридриха при помощи такого маневра». Что касается Австріи, то да будетъ извѣстно Семонвиллю, что «республика можетъ только воевать съ австрійскимъ домомъ». По достиженіи цѣли своего порученія и полученіи извѣщенія о допущеніи его Портою, онъ долженъ выѣхать изъ Флоренціи, постаравшись оставить отъ своего посѣщенія впечатлѣніе характера неопредѣленнаго и способнаго встревожить лигу.

Миссія Семонвилля въ Италіи связывалась и еще болѣе непосредственно съ тою, которую ему приходилось выполнять въ Константинополѣ. Комитетъ имѣлъ виды на Востокъ и Средиземное море. Эти виды раскрывались въ инструкціяхъ, составленныхъ 12 мая для посланника республики въ Венецію, Ноэля. «Какковы бы ни были предубѣжденія венеціанской аристократіи противъ французской націи, нельзя сомнѣваться въ томъ, что ихъ перевѣшиваетъ ненависть къ русскимъ и австрійскому дому». Россія желаетъ завоевать Архипелагъ; Австрія желаетъ водвориться въ Италіи, гдѣ она уже имѣетъ вліяніе; и та и другая заинтересованы въ расчлененіи Венеціи и нанесеніи ей ущерба. Прибавьте къ этому англичанъ, имѣющихъ притязанія на Мальту, Кандію, а, можетъ быть, и на Родосъ, и намѣреющихся разорить торговлю Венеціи; Франція же стремится только оградить себя. Интересы обѣихъ державъ на Средиземномъ морѣ тождественны. Въ настоящее время Франція проситъ у Венеціи только нейтралитета; она готова вести переговоры о торговомъ договорѣ; въ будущемъ онъ можетъ превратиться въ трактатъ объ общемъ союзѣ. «Для Франціи болѣе, чѣмъ когда-либо, важно сохранить, или скорѣе оживить, торговлю въ Левантѣ и обезпечить себѣ прочное положеніе на Средиземномъ морѣ, на этомъ источникѣ всякаго богатства, которымъ слишкомъ до сихъ поръ пренебрегали и который пора эксплуатировать, чтобы возмѣстить бѣдственное положеніе нашихъ колоній». Какъ поступитъ Венеція, если Франція принуждена будетъ бомбардировать Фіуме и Триестъ?

Война, предпринятая нами противъ Австріи, долженъ былъ заявить Ноэль, «есть война на жизнь и смерть». Ему поручалось описать «всепоглощающую пучину» этой «честолюбивой державы»... «ненавистной для ея

собственныхъ союзниковъ», которые «готовы рукоплескать раздѣлу испанской монархіи». Слѣдовало дать понять Венеціи, что она сама получитъ значительную долю при расчлененіи Австріи, между тѣмъ какъ, съ другой стороны, ея могущество можетъ быть расширено остатками владѣній св. Петра и захватами у святаго престола. Вдохновляясь принципами «знаменитаго дипломата дю-Белла, Сюлли и Ришелье», Франція стремится собрать вокругъ себя слабыя государства; они поставлены въ необходимость обратиться къ ней, какъ къ своей покровительницѣ и защитницѣ. Ноэль долженъ былъ подготовить въ Венеціи этотъ союзъ второстепенныхъ державъ и разсѣять «клевету», изображавшую республику проникнутою духомъ прозелитизма.

Инструкціи Ноэля окончательно разъясняютъ совокупность плановъ, которые составлялись въ то время республиканскимъ правительствомъ, подъ вліяніемъ Дантона. При этомъ имѣлось въ виду облегчить сближеніе съ Англіей. Всѣ дѣйствительныя требованія англійскаго правительства сводились къ отреченію Франціи отъ завоеваній и пропаганды. Министерство Питта вовлекло англійскій народъ въ войну именно потому, что республика отказывалась отъ удовлетворенія этихъ требованій. Дантонъ не терялъ надежды убѣдить англійскихъ демократовъ въ искренности новыхъ стремлений республики и вернуть Англію къ миролюбивому настроенію, благодаря содѣйствію этихъ демократовъ. Онъ давно уже имѣлъ въ виду такой планъ. Декреты 19-го ноября и 15-го декабря сдѣлали его осуществленіе невозможнымъ; декретъ 13-го апрѣля снова открывалъ ему путь. Томасъ Пэнъ писалъ Дантону отъ 6-го мая: «Я былъ вполне согласенъ съ вами, когда вы предлагали невмѣшательство въ образъ правленія какой бы то ни было иностранной страны и въ то же время не допускали никакого чужеземнаго вмѣшательства въ дѣла французскаго правительства. Декретъ, обнародованный по этому поводу, былъ необходимымъ предварительнымъ актомъ для восстановленія мира». Другой англійскій демократъ, Мильсъ, высказывалъ то же самое Маре и повторялъ Бартеlemi; то было, такъ сказать, общимъ мѣстомъ въ перепискѣ англичанъ съ французскими республиканцами.

Одинъ изъ такихъ англичанъ, расположенныхъ служить посредниками между обоими правительствами, Матьюсъ, пріѣхалъ въ Парижъ въ мартѣ и былъ введенъ къ Лебрену чрезъ посредство Маре. Онъ хвалился доступомъ въ лондонскій кабинетъ. Лебренъ сообщилъ объ этомъ своимъ товарищамъ 2-го апрѣля: совѣтъ одобрилъ мысль воспользоваться услугами Матьюса, «припавъ во вниманіе, что не должно пренебрегать никакими средствами для того, чтобы избѣжать бѣдствій, которыми грозитъ возгорѣвшаяся война». Матьюсъ уѣхалъ съ письмомъ Лебрена къ лорду Гревиллю: Лебренъ просилъ о паспортахъ для новаго уполномоченнаго; этимъ

уполномоченнымъ долженъ былъ быть Маре. Путешествіе эмиссара не лишено было препятствій; въ Булони Коммуна воспротивилась его отплытію. Матьюзъ энергически протестовалъ. Сопровождавшій его Сципіонъ Муртъ уладилъ дѣло. Матьюзъ потребовалъ для продолженія своей миссіи широкаго вознагражденія: тысячу десятинъ земли, и притомъ отнюдь не эмигрантской. Однако, освободившись отъ задержекъ, онъ уѣхалъ, не дождавшись отвѣта. Когда онъ вернулся въ началѣ іюня, если не съ предложеніями, то, по крайней мѣрѣ, съ интересными для Комитета сообщеніями, Лебрень уже пересталъ быть министромъ. Новый переворотъ измѣнилъ характеръ республиканской политики. Эта политика, въ томъ видѣ, въ какомъ она представлялась Дантону и Комитету въ маѣ мѣсяцѣ, могла быть согласована съ намѣреніями европейскихъ дворовъ; но она не согласовалась со страстями людей, спорившихъ изъ-за власти въ Парижѣ.

III.

Партіи пытались, такъ сказать, кровью государства, и ихъ поперебѣнное возвышеніе зависѣло отъ грозившей ему гибели. Кризисъ, свирѣпствовавшій въ маѣ 1793 г., еще болѣе усилилъ партійныя распри. Конвентъ декретировалъ наборъ въ 300.000 человѣкъ; наборъ уже производился; полубригады начинали организовываться. Собраніе, вслѣдствіе доклада Камбона, рѣшило 30-го апрѣля, что у республики должно быть одиннадцать армій и что при каждой изъ нихъ будутъ находиться комиссары съ неограниченными полномочіями: ихъ предполагалось назначить въ количествѣ шестидесяти-семи, и половина этого состава подлежала ежемѣсячному возобновленію. Конвентъ немедленно приступилъ къ избранію комиссаровъ и такимъ путемъ лишилъ себя наиболѣе энергичныхъ изъ своихъ членовъ. Въ сѣверную армію назначены были: Гаспаренъ, Дюгемъ, Карно, Кошонъ, Бельгардъ, Кавеньякъ; въ рейнскую—Ребель, Мерленъ де Тіонвиль, Гаусманъ; въ альпійскую—Дюбуа-Крансе; въ итальянскую—Барра; въ ла-рошельскую—Трельяръ; въ брестскую—Алье, Мерленъ де Дуэ, Жилье; въ шербургскую—оба Пріера; въ корсиканскую—Салицети и Лакомбъ-Сенъ-Мишель. Отправляя къ границамъ эту фалангу вооруженныхъ законниковъ и военныхъ законодателей, Конвентъ оставлялъ въ Парижѣ болѣе, чѣмъ посредственнаго военнаго министра—Бушотта, обязаннаго своимъ назначеніемъ единственно своей малой извѣстности и котораго терпѣла Коммуна именно потому, что считала его угодливымъ и малоспособнымъ. Этотъ выборъ былъ менѣе опасенъ, чѣмъ прежній, то есть—назначеніе военнымъ министромъ Паша; теперь при комитетѣ Общественнаго спасенія министръ становился простымъ исполнителемъ высшихъ велѣній.

Но приходилось все передѣлывать. Франція, окруженная врагами, терпѣла неудачи со всѣхъ сторонъ. Въ Пирепеяхъ, предоставленные на волю судьбы республиканскія арміи были атакованы превосходными силами испанцевъ 17-го апрѣля, выпущены были ограничиться оборонительными дѣйствіями и разбиты 20-го мая. У итальянской арміи не было ни плана, ни руководства, ни даже правильнаго командованія. Келлерманъ, вслѣдствіе сдѣланнаго на него доноса, вызванъ былъ въ Парижъ; заподозрѣнный Биронъ былъ посланъ на западъ. На сѣверѣ комиссары Конвента смѣщали командировъ, подозрѣваемыхъ въ сообщничествѣ съ Дюмурье, преслѣдовали тѣхъ, которые слыли недостаточно ревностными, замѣщали уволенныхъ новыми и имъ самимъ неизвѣстными и такими дѣйствіями, имѣвшими цѣлью установленіе въ войскахъ дисциплины, только усиливали волненіе въ ихъ рядахъ. Дампьеръ принялъ командованіе; это былъ прямодушный, но недостаточно рѣшительный человѣкъ; онъ былъ убитъ 1-го мая въ то время, какъ пытался очистить отъ австрійцевъ запятую ими провинцію Конде. Комитетъ замѣнилъ его Кюстинамъ и назначилъ вмѣсто Кюстина въ рейнскую армію—Гушара. Вандейцы овладѣли Фонтенэ 25-го мая; они шли на Сомюръ. Ихъ полчища росли съ каждымъ днемъ; молва преувеличивала ихъ численность. Громадная толпа вандейцевъ собиралась въ Лозеръ, подъ начальствомъ Шаррье: говорили, что этотъ партизанъ располагаетъ тридцатью тысячами человѣкъ. Въ Ліонѣ царилъ междоусобіе: секціи высказывались противъ якобинцевъ.

Такимъ образомъ во всей республикѣ, но въ особенности въ Парижѣ, гдѣ сосредоточивались всѣ бѣдствія Франціи, усиливались смута и тревога, порождаемая революціями и въ свою очередь вызывающія новыя волненія. При такомъ положеніи вещей все новое сулитъ облегченіе; всякая перемена обѣщаетъ улучшеніе. Открываются удобные случаи для честолюбцевъ. Тѣ изъ нихъ, которые соперничали въ Конвентѣ, думали только о борьбѣ между собою, пользуясь народными силами, бушевавшими подъ вліяніемъ стихійной грозы. Утратившіе кредитъ въ Парижѣ жирондисты приписывали междоусобную войну въ провинціи самовластію Коммуны и клубовъ; монтаньяры, поддерживаемые вооруженною парижскою чернью, находили, что анархія въ республикѣ явилась слѣдствіемъ децентрализаціи и отсутствія дисциплины въ администраціи департаментовъ. Каждая изъ этихъ партій стала искать цѣлебнаго средства для излеченія государственнаго бѣдствія именно въ томъ, что могло, по ея мнѣнію, доставить ей власть. Жирондисты продолжали надѣяться на объединеніе большинства въ Конвентѣ; они опирались на департаментскіе генеральные совѣты; они рассчитывали на всеобщее порицаніе шайки пейстовыхъ, прикрывавшейся именемъ парижской Коммуны и главою которой, въ дѣйствительности, былъ

Марать. Они рѣшились порвать съ Парижемъ, сломить Коммуну, установить новую администрацію и созвать въ Буржѣ добавочныхъ членовъ Конвента въ томъ случаѣ, если народный мятежъ разгонитъ это Собраніе.

Подобныя мѣры нанесли бы рѣшительный ударъ монтаньярамъ. Этимъ революціонерамъ не требовалось большой гениальности для уясненія себѣ грозившей имъ опасности и особой добродѣтели для того, чтобы предотвратить ее, сомкнувъ свои ряды. Ими одновременно двигали: патриотизмъ, соперничество и личный интересъ. Нападеніемъ руководилъ Дантонъ. Имъ руководилъ и сознательный расчетъ, и инстинктивный импульсъ. Характеръ его былъ изъ тѣхъ, въ которыхъ уживаются всевозможныя противорѣчія, но главнымъ свойствомъ которыхъ является пылкость; эту пылкость можно склонить къ самымъ ужаснымъ излишествамъ и къ самымъ великимъ дѣланіямъ. Жирондисты бросили ему, нѣкоторымъ образомъ, вызовъ; Робеспьеръ и Коммуна подстрекали его. Онъ ринулся на приступъ съ цѣлю овладѣть крѣпостью, а также и для того, чтобы самому не быть раздавленнымъ осаждающими. Идя всегда во главѣ этого войска, онъ надѣялся остаться его начальникомъ; во всякомъ случаѣ, это было единственнымъ средствомъ удержать за собою власть и даже сохранить жизнь. Революція приближалась къ тому моменту, когда эти двѣ вещи стануть неразрывно связанными, и Дантонъ предчувствовалъ это. «Онъ видѣлъ себя окруженнымъ опасностями, убѣжденъ былъ, что онѣ грозятъ ему, и дѣйствительно всегда находился на краю пропасти», передаетъ одинъ современникъ: чтобы спасти себя и своихъ, онъ перешагнулъ чрезъ всѣ Рубиконы ¹⁾. Дантонъ повелъ дѣло тѣмъ же способомъ, какъ и 10-го августа.

Конвентъ, желая избавиться отъ произвола Коммуны, образовалъ комиссію изъ двѣнадцати членовъ, которой поручено было принимать мѣры, необходимыя для поддержанія порядка въ Парижѣ, а также и контролировать постановленія городского управленія. Большинство въ этой назначенной 21-го мая комиссіи было жирондистское. Комиссія декретировала арестованіе Гебера и начала борьбу, увѣренная въ томъ, что департаменты окажутъ поддержку Конвенту. Клубы предупредили ее. Мэромъ былъ Пашъ. Онъ сыгралъ противъ Конвента ту роль, которую взялъ на себя ранѣе Петіонъ, по отношенію къ Людовику XVI. Инсургенція, организованная делегатами отъ парижскихъ секцій, избрала своимъ начальникомъ Анрію, одного изъ сентябрьскихъ убійцъ. Начиная съ 10-го мая, Конвентъ засѣдалъ въ Тюильріяхъ; 31-го въ этотъ дворецъ ворвалась мятежная толпа. Уступая требованію инсургентовъ, Конвентъ распустилъ комиссію двѣнадцати. Онъ обезоружилъ жирондистовъ; этого было мало: онъ долженъ былъ предать ихъ въ руки враговъ. 2-го іюня толпа, которую опредѣляли въ

¹⁾ GARAT, *Mémoires*. Buchez et Roux, t. XVII, p. 450.

80.000 человекъ, двинулась къ Тюильрійскому дворцу, слѣдуя за Анрію и его полчищемъ, пятью тысячами человекъ съ 160-ю пушками. Анрію велѣлъ разставить батареи въ то время, какъ толпа, составлявшая его авангардъ, вторгалась въ трибуны и корридоры Собранія. Вожаки этой толпы имѣли наготовѣ проскрипціонные списки; требовали изгнанія двадцати двухъ жирондистовъ. Бареръ, среди шума и буйныхъ криковъ черни, заставилъ рѣшить, что Собраніе должно представиться народу: «Штыки», сказалъ онъ, «преклонятся передъ величіемъ верховнаго властелина». Кѣмъ бы ни былъ этотъ властелинъ, человекомъ или собраніемъ людей, мятежъ сдастся только тому, кто сумѣетъ внушить ему страхъ; онъ презираетъ того, кто уступаетъ ему, и растаптываетъ того, кто унижается предъ нимъ. Конвентъ образовалъ изъ себя кортежъ. Геро предѣлательствовалъ; онъ явился первымъ во дворъ Каруселя. Анрію заградилъ ему путь. «Анрію,—сказалъ ему предѣлатель,—требую отъ тебя повинovenія.—Я повинуюсь только полученному мною приказу.—Чего же требуетъ народъ? Конвентъ озабоченъ единственно его благополучіемъ.—Геро, народъ возсталъ не для того, чтобы выслушивать фразы. Ты добрый патриотъ. Обѣдай ему собственною головою, что *двадцать два* будутъ выданы черезъ двадцать четыре часа.—Нѣтъ. Именемъ народа и закона приказываю солдатамъ арестовать мятежника.—Вы не можете отдавать приказовъ. Возвращайтесь на свое мѣсто и выдайте народу депутатовъ, которыхъ онъ требуетъ. Канониры! къ орудіямъ!»—Канониры повиновались; солдаты стали заряжать оружіе. Конвентъ дрогнулъ передъ этою толпою, ища выхода и всюду задерживаемый. Марать потребовалъ, чтобы «эти подлецы вернулись къ своимъ мѣстамъ!» Они вернулись. За ними вошли и мятежники. Марать занялъ предѣлательское кресло въ переполненной толпой залѣ. Онъ составилъ списокъ; монтаньяры пустили его на голоса. *Равнина* воздержалась отъ голосованія. Позднѣе ея депутаты объясняли свое воздержаніе тѣмъ, что не чувствовали себя свободными. Такимъ-то образомъ рѣшено было арестованіе двадцати двухъ жирондистскихъ депутатовъ, десяти членовъ комиссіи двѣнадцати и сверхъ того двухъ министровъ: Клавьера и Лебрена ²⁾. Конвентъ былъ глубоко униженъ этимъ днемъ: надъ нимъ оказала насиліе чернь, и слова Анрію: «*Канониры, къ орудіямъ!*» слѣдующимъ словомъ судей республики съ 2-го іюня 1793 г. до 18 брюмера VIII года включительно.

Арестъ жирондистовъ былъ неоправдываемымъ посягательствомъ на

²⁾ Жансоне, Гюаде, Бриссо, Горса, Петіонъ, Верньо, Салль, Барбару, Шамбонъ, Бюзо, Биротто, Лидонъ, Рабо, Ласурсъ, Ланжюинне, Гранженевъ, Легарди, Лесажъ, Луве, Валазе, Клавьеръ, Лебрень, Кервелеганъ, Гардентъ, Боалло, Вертранъ, Виже, Молево, Анри Ларивьеръ, Гомэръ, Бергоанъ.

верховную власть народа, то есть на основное начало новаго французскаго публичнаго права. Но исторіи приходится констатировать, что эта группа людей, несмотря на великодушныя чувства ихъ всѣхъ, дарованія многихъ, нравственную высоту нѣкоторыхъ, способна была бы составить только правительство краснорѣчивыхъ и непослѣдовательныхъ людей, клубъ литераторовъ, безсильнѣйшее и неустойчивѣйшее изъ правительствъ, то есть правительство павлобѣ опасное для республики, потрясенной внутри, окруженной непріятельскими арміями, раздираемой собственными гражданами. Жирондисты только оформили бы междоусобіе. Они создали бы анти-Конвентъ, который издавалъ бы мертворожденные декреты, не имѣя силы для того, чтобы заставлять приводить ихъ въ исполненіе, и который былъ бы лишенъ объединяющаго лозунга, могущаго собрать вокругъ него разбросанныхъ патріотовъ, содѣйствіе и покорность которыхъ составляютъ первое условіе общественнаго спасенія. Противъ нихъ были якобинскія общества, то есть единственная связь, уцѣлѣвшая отъ союза между тѣми самыми провинціями, поддержки которыхъ они домогались; противъ нихъ было слишкомъ основательное обвиненіе въ разъединеніи государства предъ лицомъ непріятеля; противъ нихъ было ложное, но ловкое обвиненіе въ намѣреніи возобновить заговоръ Дюмурье, оказывать содѣйствіе сторонникамъ королевской власти и поддерживаемымъ иностранцами партіямъ путемъ организаціи рядомъ съ этими мятежными и вооруженными партіями новой вооруженной партіи³⁾; противъ нихъ были и необходимости войны, требующія единства въ дѣйствіи, и привычка ждать приказовъ изъ столицы и сообразоваться съ ними, и пародный инстинктъ, признававшій главнымъ дѣломъ національную оборону, и наконецъ то смутное, но дѣйствительное понятіе о государственной необходимости, которое вело революцію съ самаго ея начала. Намѣреніе жирондистовъ было благородно, такъ какъ они желали установленія свободной республики; средства, къ которымъ они прибѣгали, были законны, такъ какъ они не имѣли въ виду совершить государственный переворотъ; но они ошибались въ оцѣнкѣ этихъ средствъ, а также и въ своемъ умѣньи ими пользоваться. Имъ ставили въ вину ихъ «федерализмъ»: по словамъ ихъ противниковъ, они хотѣли перенести во Францію американскіе Соединенные Штаты. Въ этомъ случаѣ монтаньяры ошибались не менѣе самихъ жирондистовъ. Не федерацію на американскій ладъ основали бы жирондисты, а конфедерацію по образцу польской. Во Франціи, вѣдь, не имѣлось американскихъ пуританъ, и американскіе нравы не могли бы быть усвоены путемъ декрета; напротивъ,

³⁾ См. напримѣръ письмо Даву къ іоннской администраціи. *Madame de Blocqueville*, Davout, Paris, t. I, p. 310, и *Le Souper de Beaucaire*, par Bonaparte, июль 1793.

того, элементы польской неурядицы были на-лицо; очаги анархіи существовали по всей Франціи. Стоило этой анархіи дойти до центра государства, и Франція погибла бы. Иностранныя державы нашли бы въ пей то, что старались вызвать и чѣмъ соблазнились воспользоваться—вторую Польшу.

Въ нѣсколькихъ департаментахъ республиканцы вооружились во имя идеи арестованныхъ депутатовъ⁴⁾. Но Конвентъ ослабѣлъ и опустился. Люди вліятельные находились въ качествѣ комиссаровъ при арміяхъ: они пожелали тамъ остаться. Умѣренные ступшевались; слабые исчезли⁵⁾. Оставалось отъ 220 до 250 депутатовъ, люди посредственные и испорченные, фанатичные и въ то же время угодливые, способные совершать всевозможныя насилія, все, что можетъ быть внушено страхомъ, и изъ-за голосовъ которыхъ спорили ораторы. Тѣмъ не менѣе и этотъ развѣнчанный и униженный Конвентъ еще сохранялъ нѣкоторую долю престижа въ глазахъ народа, но престижъ этотъ былъ безличныи и отвлеченный. Конвентъ былъ образомъ властителя, государя. Народъ привыкъ покоряться вышнему и невидимому существу. Именно такимъ существомъ и былъ Конвентъ для французовъ: они такъ же мало знали его, какъ и короля. Они пережили революцію конвентскаго правительства, какъ переживали бы смѣну монарховъ и министровъ, о появленіи которыхъ у кормила узнавали издали, о которыхъ судили только по ихъ бѣдѣ или менѣе суровости, не зная о нихъ ничего, кромѣ бѣдственныхъ послѣдствій и злоупотребленій, сопровождавшихъ ихъ правленіе. Французы получили отвращеніе ко всякимъ прежнимъ властямъ и радовались ихъ паденію, въ надеждѣ на облегченіе; новыхъ встрѣчали съ удовольствіемъ, ожидая отъ нихъ меньшаго зла; при видѣ того, какъ эти новые властители давили другъ друга, французы сперва изумлялись, потомъ оставались равнодушными, а подъ конецъ даже радовались. Можно даже сказать, что единственною радостною мыслью у французовъ въ то трудное время была мысль о томъ, что, когда господа передушатъ другъ друга, у народа останется возможность осуществить свои надежды. Однако, каковы бы ни были эти господа, французы повиновались имъ, потому что для веденія войны было необходимо правительство, а Франція желала отстоять себя. Наслѣдственный импульсъ, спасшій Францію во время Столѣтней войны и религіозныхъ войнъ, спасъ ее и на

⁴⁾ WALLON, *La révolution du 31 mai: le fédéralisme en 1793*. Paris, 1886.

⁵⁾ Число присутствующихъ въ залѣ засѣданій постоянно падало: 18-го апрѣля Ласуръ былъ выбранъ президентомъ 213 голосами изъ 305; 2 мая Бойе-Фонфредъ выбранъ 173 изъ 290; 16-го мая Иснаръ—202 изъ 332 вотиовавшихъ; 30-го мая Малларме—194 изъ 335; 13-го іюня Колло—157 изъ 241; 11-го іюля Жанбонъ—163 изъ 286; 25-го Дантонъ 161 изъ 186. См. GUIFFREY выше указанное соч., стр. XXII.

этотъ разъ. Этотъ импульсъ оставался въ силѣ, несмотря на всѣ государственныя неудачи. Вотъ дѣйствительная причина паденія жирондистовъ и торжества монтаньяровъ. Последніе, такъ же какъ и жирондисты, отождествляли спасеніе государства съ господствомъ собственной партіи. Господства этого они домогались путемъ насилій, мятежей и проскрипцій. Но оказалось, что средство сохраненія господства, единство власти, было также и средствомъ общественнаго спасенія. Отсюда вытекли эти два одновременные и повидимому противорѣчивые факта: покорность громаднаго большинства французовъ декретамъ Конвента и ихъ полное равнодушіе, если не прямая ненависть, къ личностямъ конвентистовъ, къ ихъ распрямъ и ихъ гоненіямъ. Эта эпоха господства Конвента была для республики тѣмъ же, чѣмъ были для монархіи раздираемыя несогласіями регентства. Исчерпывая людей, захваченныхъ бесплодными конфликтами, эти распри подготовили возвышеніе чловѣка, который въ глазахъ народа явился вышедшимъ изъ анархіи съ миссіей обуздать ее. Взаимная связь этихъ причинъ и слѣдствій стала для насъ очевидною; но современники описываемыхъ нами событій, увлеченные ихъ вихремъ, не могли различать ихъ. Ихъ влекла непреодолимая сила, и они стремились впередъ для того, чтобы не быть смолотыми колесомъ этихъ событій. Такъ шло дѣло до той поры, когда машина захватила, раздавила и поглотила столько труповъ, что не могла уже болѣе дѣйствовать.

IV.

Парижская Коммуна побѣдила, но не восторжествовала, и ей приходилось слѣдовать за инсurreкціоннымъ Комитетомъ, подобно тому, какъ сама она влекла за собою Конвентъ. Въ этомъ скопищѣ, единственной реальной силѣ, которая въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ будетъ тиранически подчинять себѣ Парижъ и узурпировать республику, различаемъ два лагеря: эбертистовъ, пиратовъ анархіи, мародеровъ и грабителей, представляющихъ собою лишь алчность и своекорыстіе, и неистовыхъ, иллюминатовъ, взионовъ анархіи, которые рано или поздно могутъ вызвать новую социальную революцію, революцію городского пролетаріата, въ противоположность совершавшейся въ то время революціи крестьянской, собственнической и буржуазной ¹⁾).

Дантонъ былъ представителемъ этой грядущей революціи. Для достиженія своей цѣли, онъ вооружилъ и увлекъ за собою самыхъ ожесточенныхъ изъ своихъ противниковъ. Въ свою очередь онъ испыталъ на себѣ вліяніе рокового закона, дѣйствію котораго подверглись жирондисты

¹⁾ См. у *Michalet*, liv. IV, ch. III, § 2.

послѣ 10 августа. Дантонъ вышелъ изъ этой побѣды смертельно раненымъ и первымъ слѣдствіемъ его торжества было то, что самъ онъ подвергся вліянію зависти, подозрѣній, заговоровъ и ожесточенія, которыми пользовался для одоленія своихъ соперниковъ. Первымъ политическимъ слѣдствіемъ 2-го іюня было парализованіе того зачаточнаго органа правительства, который носилъ наименованіе комитета Общественнаго спасенія и который за два дня передъ тѣмъ встрѣчалъ оппозицію, повидимому, въ однихъ жирондистахъ. Мятежъ разсѣялъ жирондистскую комиссію двѣнадцати; но въ сущности выстѣ съ нею распался дантоновскій комитетъ Общественнаго спасенія. Этотъ комитетъ, какъ и всѣ революціонныя правительства, попытался сдержать теченіе, которое принесло его самого къ власти. Бареръ предложилъ 6-го іюня распустить революціонные комитеты. Борьба завязалась между тѣми, которые стремились остановить движеніе 31-го мая, въ видахъ обезпеченія за собою власти, и тѣми, которые желали ускорить теченіе для того, чтобы въ свою очередь овладѣть властью. Раздоры выпули въ самой средѣ монтаньяровъ, между сторонниками Дантона и партіей Робеспьера, и борьба между ними сдѣлалась еще болѣе беспощадной, чѣмъ распря, которую вели между собою съ сентября 1792 года жирондисты и монтаньяры.

Комитету Общественнаго спасенія поручено было 29-го мая приготовить конституцію. Для ускоренія работы, Конвентъ присоединилъ къ Комитету пять новыхъ членовъ: Кутона, Сенъ-Жюста, Геро-Сешеля, Матье и Рамеля. Дантонъ получилъ поддержку въ лицѣ Геро, но въ сущности выборъ этихъ новыхъ членовъ былъ направленъ противъ него. Когда Комитетъ организовалъ свои секціи, Сенъ-Жюстъ и Кутонъ взяли себѣ отдѣлъ общей корреспонденціи, въ которомъ и выражалась правительственная власть. Дантонъ остался въ вѣдомствѣ иностранныхъ дѣлъ вмѣстѣ съ Геро и Бареромъ. Въ его глазахъ это вѣдомство было наиболѣе важнымъ; но Робеспьеръ, который уже и въ то время незримо руководилъ всѣмъ, намѣревался отбросить Дантона въ дипломатію, въ видахъ его гибели. Событія способствовали этому расчету. Переговоры остановились сами собою и растаяли, такъ сказать, въ рукахъ Дантона. Для того, чтобы провести свои замыслы, Дантону нужно было правительство, главою котораго былъ бы онъ самъ. Но партія, которой предстояло отнынѣ господствовать въ Конвентѣ, оставляла его у власти только для того чтобы, устранить его изъ правительства. Онъ обреченъ былъ на комбинированіе плановъ, которыхъ никто не приводилъ въ исполненіе. Тѣмъ не менѣе эти планы заслуживаютъ ознакомленія съ ними, такъ какъ они не остались бѣзъ послѣдствій.

Лебренъ былъ включенъ въ проскрипціонный списокъ, составленный

Коммуной. Онъ подозрѣвался въ весьма важномъ въ глазахъ этихъ демагоговъ преступленіи: въ вѣрности друзьямъ. Дантонъ и сторонники его въ Комитетѣ уважали Лебрена. Они попытались вырвать его изъ рукъ муниципальных сборовъ и для того, чтобы показать, что не видятъ въ немъ предателя, продолжали пользоваться его сотрудничествомъ. Такимъ же образомъ поступали они и относительно Клавьера, арестованнаго одновременно съ Лебрепомъ. Тогда представилось странное зрѣлище двухъ министровъ, подвергнутыхъ домашнему аресту, состоящихъ подъ бдительнымъ надзоромъ, приводимыхъ въ Совѣтъ и отводимыхъ домой жапдармами, но продолжающихъ завѣдывать самыми тайными государственными дѣлами до той поры, когда инсurreкціонному правительству угодно будетъ вернуть ихъ къ прежнему посту или отправить на эшафотъ. Комитетъ, засѣдавшій только въ силу того, что его терпѣла до поры до времени шайка демагоговъ, министръ, который велъ дипломатическіе переговоры, такъ сказать, въ ручныхъ кандалахъ, не могли долго обманывать себя относительно своего вліянія. Но Дантонъ сохранялъ эту иллюзію въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, и нельзя отрицать, что онъ имѣлъ на то нѣкоторое право, такъ какъ Комитетъ, по выраженію одной изъ инструкцій того времени, находилъ, что «пастала минута повести новый родъ войны съ непріателемъ, войну дипломатическую»²⁾.

7-го іюня Лебрепъ явился въ Комитетъ. Онъ представилъ циркуляръ, предназначавшійся всѣмъ дипломатическимъ агентамъ республики³⁾. Эти агенты, — говорилъ Лебрепъ, — должны устранить изъ своихъ рѣчей всякую мысль о супрематствѣ и первенствѣ Франціи: французскій народъ видитъ въ другихъ народахъ только братьевъ и равныхъ себѣ. Тѣмъ не менѣе, если какое-нибудь иностранное государство предъявило бы притязаніе на какое-либо особое преимущество, «французскій народъ потребовалъ бы съ своей стороны всѣхъ тѣхъ прерогативъ, которыми пользовался во всѣ времена». Агенты республики должны держать себя съ горделивымъ достоинствомъ, но быть сдержанными и осмотрительными, не бросая вызова врагамъ и соблюдая дружественность и откровенность съ друзьями и нейтральными. Они должны разъяснять значеніе революціи. Они должны стараться дать выгодное понятіе о республикѣ, ея средствахъ, ея принципахъ, посредствомъ бесѣдъ и статей, внушенныхъ ими газетамъ, «не дозволяя себѣ однако сравненій, могущихъ воскресить подозрѣнія и недовѣріе». «Они должны доказывать, что правительство, которое избрала себѣ Франція, соответ-

²⁾ *Instruction de Grouvelle, envoyée à Copenhague, 7 juin 1793.*

³⁾ *Instructions générales pour les agents politiques de la République française en pays étrangers.* KAULEK, *Barthélemy*, t. II, p. 290. — *Procès verbaux du Comité de salut public, 7 juin 1793.*

ствуетъ желанію ея населенія; они должны съ твердостью настаивать на томъ принципѣ, въ силу котораго народы обладаютъ неотъемлемымъ правомъ избирать себѣ конституцію, наиболѣе способную обезпечить имъ, по ихъ мнѣнію, общее благополучіе». Агенты республики должны избѣгать, коль скоро то не будетъ оговорено особыми инструкціями, — оказывать покровительство политическимъ партіямъ въ странахъ, гдѣ имѣютъ резиденцію; они должны покровительствовать французамъ, достойнымъ такого покровительства, и быть строгими къ эмигрантамъ; по, оказывая покровительство однимъ изъ соотечественниковъ и проявляя суровость относительно другихъ, они ни въ чемъ не должны нарушать законовъ даннаго иностраннаго государства.

Агенты, предложенные Комитету Лебрепомъ, казалось, исполнѣ способны были проводить такого рода политику. Вершинакъ предлагался для Стокгольма, Грувелль — для Копенгагена, Декоршъ — для Дрездена, Бургоанъ — для Мюнхена, Депортъ — для Штутгарта, Маре — для Неаполя, Шовелепъ — для Флоренціи. Комитетъ утвердилъ назначеніе Поэля въ Венецію, и Семонвилля — въ Константинополь. Впрочемъ это передвиженіе агентовъ не имѣло серьезнаго значенія, такъ какъ не имѣлось согласія большинства дворовъ, но указанные люди были дѣйствительно способными агентами. Инструкціи, для нихъ выработанныя, были исполнѣ разумны и правильны; особая же инструкція, предназначавшійся для нѣкоторыхъ изъ нихъ, могли почитаться прямо образцовыми.

Ставъ ожидать въ Парижѣ утвержденія трактата, приготовленнаго 16-го мая. Революція 2-го іюня испугала его, какъ по отношенію къ его личной безопасности, такъ и по поводу переговоровъ. Эта революція, передавалъ онъ, «набрасывала на всѣ дѣла, о которыхъ договаривались предъ тѣмъ, тѣнь забвенія и недовѣрія». Онъ выѣхалъ изъ Парижа, расположенный, однако, возобновить переговоры при первой возможности. Въ то же время шведскій регентъ давалъ очевидное доказательство своего расположенія къ Франціи: онъ официально объявилъ о нейтралитетѣ Швеціи и заявилъ, что готовъ поддержать этотъ нейтралитетъ морскими демонстраціями. Комитетъ рѣшилъ, что Верпинакъ повезетъ въ Стокгольмъ полномочія для заключенія трактата и отправится предварительно въ Швейцарію для свиданія съ Сталемъ. Комитетъ предполагалъ распространить и на другія нейтральныя державы соглашеніе, заключенное со Шведіей. Это составляло главное содержаніе инструкцій, данныхъ 7-го іюля Грувеллю.

Когда союзныя державы, говорилось въ этихъ инструкціяхъ, напали на Францію, казалось, что онъ имѣли въ виду только уничтоженіе свободы и равенства. Но на самомъ дѣлѣ онъ желали лишь отклонить вниманіе Европы отъ своихъ дѣйствительныхъ намѣреній. Вторженіе въ Польшу

шу открыло глаза всѣмъ. Французская республика должна успокоить встревоженные державы и недовольныхъ, доставить имъ средства для произведенія диверсій и подготовить такимъ путемъ, посредствомъ раздѣленія коалиціи, восстановление общаго мира. Швеція объявила о своемъ нейтралитетѣ. Данія соблюдаетъ его. Республика намѣрена убѣдить эти два государства, что объединеніе ихъ силъ имѣетъ цѣлью огражденіе ихъ общаго нейтралитета. У нихъ общій интересъ въ дѣлѣ «отпора берлинскимъ и петербургскимъ узурпаціямъ» и противъ «чудовищной ассоціаціи», установившейся между Пруссіей и Австріей. Данія должна всего опасаться со стороны Пруссіи, Швеціи и Россіи. Именно это и долженъ понять «мудрый и просвѣщенный» министръ, правящій въ Копенгагенѣ. Онъ не можетъ не сознавать, что Франція—естественная союзница Даніи, Швеціи и независимыхъ германскихъ государствъ. Система раздѣловъ грозитъ имъ всѣмъ. «Такого рода переворотъ несравненно опаснѣе для сѣверныхъ правительствъ, чѣмъ французская революція, противъ которой хотѣли поднять ихъ для того, чтобы отвлечь ихъ вниманіе и предотвратить сопротивленіе первымъ послѣдствіямъ этого чудовищнаго плапа». Швеція договорилась съ Франціей; Данія послѣдуетъ за примѣру. Республика имѣетъ возможность доставить субсидіи своимъ союзникамъ, доставить имъ торговыя выгоды и даже колоніи въ Америкѣ или Индіи. Гривелль долженъ былъ постепенно развивать эти виды. Онъ долженъ получать свѣдѣнія о германскихъ дѣлахъ; долженъ пайти средства къ образованію лиги, направленной противъ Австріи и Россіи. Пруссія, несмотря на свою принадлежность къ коалиціи, остается естественнымъ рычагомъ всякой противоавстрійской лиги въ Германіи и всегда слѣдуетъ стараться возратить ее къ ея истинной роли. «Но такъ какъ съ этой стороны сношенія наши прерваны, необходимо добиваться этого, по крайней мѣрѣ, косвенными путями. Въ этомъ должны оказать содѣйствіе Швеція и Данія».

8-го іюня Лебрень, приведенный въ Комитетъ, принесъ точныя свѣдѣнія о настроеніи и намѣреніяхъ Англіи. Матьюсъ вернулся изъ Лондона съ письмомъ отъ лорда Гренвилля Лебрену; письмо было помѣчено 18 мая. Гренвилль отказывался выдать паспортъ французскому уполномоченному до тѣхъ поръ, пока Франція «не измѣнитъ своихъ принциповъ и образа дѣйствія по отношенію къ другимъ націямъ»; но онъ не отказывался отъ переговоровъ съ республикою, если она чрезъ парламентаровъ доставитъ Англіи увѣреніе въ своихъ миролюбивыхъ намѣреніяхъ и предложитъ «его величеству и союзникамъ его величества... справедливое удовлетвореніе, обезпеченіе и вознагражденіе». Матьюсъ объяснилъ, что именно подразумеваетъ лордъ Гренвилль: то были приблизительно тѣ самыя условія мира, которыхъ всегда требовала Англія: отмѣна декрета о пропагандѣ,

отмѣна декрета о свободѣ судоходства по Шельдѣ, возвращеніе Нидерландовъ, Савойи и Авиньона ¹⁾, отмѣна законовъ объ эмигрантахъ, возстановленіе конституціонной монархіи съ двумя палатами. Лебрень, какъ и слѣдовало ожидать, находилъ эти послѣднія условія недопустимыми; но онъ держался того мнѣнія, что не слѣдуетъ прерывать переговоровъ, и составилъ проектъ отвѣта. Онъ принималъ способъ сношеній чрезъ посредство парламентаровъ, прибавивъ однако же, «что сдѣланный такимъ путемъ предложенія могутъ быть принимаемы лишь поскольку будетъ взаимно признана правительственная власть, отъ которой они исходятъ»: Матьюсъ готовъ былъ взять на себя передачу отвѣта, но требовалъ за исполненіе порученія одиннадцать тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Комитетъ нашелъ такую сумму чрезмѣрною; къ тому же онъ не довѣрялъ посреднику и отказалъ ему въ примѣ.

Со болѣею благосклонностью выслушалъ онъ одно предложеніе Лебрена, значительно приближавшееся къ способу, указанному лордомъ Гренвиллемъ. 25-го мая Конвентъ издалъ гуманный и политичный декретъ объ обмѣнѣ военнопленныхъ ²⁾. Лебрень внушилъ Комитету мысль о назначеніи въ сѣверную армію гражданскихъ комиссаровъ для переговоровъ о картеляхъ. Эти комиссары,—сказалъ онъ,—будутъ уполномочены, при случаѣ, дѣлать миролюбивыя заявленія или принимать таковыя, если они будутъ вызваны обстоятельствами, не компрометируя ничѣмъ достоинство и интересы республики.

Комитетъ одобрилъ эту мысль, и Лебрень составилъ инструкціи для имѣющихъ быть назначенными комиссаровъ: «Дѣло нисколько не идетъ, по крайней мѣрѣ въ настоящую минуту, о томъ, чтобы обращаться къ Англіи съ серьезными предложеніями». Комиссары ограничатся выслушиваніемъ предложеній Англіи; однако они могутъ отъ своего имени и какъ бы по собственному почину выразить «сожалѣніе по поводу разрыва между двумя народами, имѣющими сильнѣйшія основанія къ союзу и совместной борьбѣ противъ чрезмѣрнаго честолюбія нѣкоторыхъ европейскихъ деспотовъ». Они намекнутъ, что Франція желаетъ мира, но твердо рѣшилась «договариваться со своими врагами, какъ полновластная держава»; что

¹⁾ Единственная уступка, сдѣланная въ послѣдствіи Англіей, касалась Авиньона: онъ остался за Франціей: трактаты 30-го мая 1814 г. и 20-го ноября 1815.

²⁾ «Убѣжденные въ томъ, что взаимный интересъ воюющихъ сторонъ требуетъ, чтобы онѣ безотлагательно возвратили тѣхъ изъ своихъ защитниковъ, которыхъ случайности войны поставили въ зависимость отъ той или другой стороны, и чтобы онѣ выполняли при бѣдствіяхъ военного времени все, что внушаютъ справедливость, человѣчность и лояльность...» Предисловіе къ декрету 25-го мая 1793.

признаніе республики будетъ первымъ условіемъ всякаго трактата и что Франція не допуститъ вопроса о вознагражденіяхъ и компенсаціяхъ. Сверхъ того комиссары должны наблюдать за отношеніями Англіи къ ея союзникамъ, а именно къ Пруссіи, и стараться проникнуть намѣренія лопдонскаго кабинета относительно раздѣла Польши и обмѣна Баваріи.

Комитетъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи человѣка, обладавшаго замѣчательною способностью наблюденія, весьма извѣстнаго въ Англіи, близко знакомаго съ англійскими дѣлами, знающаго положеніе вещей въ Европѣ и вполне способнаго для выполненія миссіи, требовавшей ума и выдержанности. То былъ Георгъ Форстеръ. Приѣхавъ въ Парижъ для представленія правительству республики одобреннаго его майнцскими согражданами ходатайства о присоединеніи къ Франціи, Форстеръ пахотился безъ всякихъ средствъ и желалъ служить своей новой родицѣ, какъ изъ глубокой преданности космополитической революціи, такъ и для того, чтобы заглушить жестокое разочарованіе, порожденное у него зрѣлищемъ парижскихъ волненій. Онъ задумалъ планъ большой диверсіи въ Индіи. Онъ хотѣлъ оказать помощь Типу-Самбу и взбунтовать индусовъ. Это было бы, по его мнѣнію, вѣрнѣйшимъ способомъ разорить Англію: «Магометанская религія, очищенная отъ фанатизма, при мягкомъ климатѣ Индіи не противится прогрессу и просвѣщенію; можетъ быть, заводя типографіи у индусскихъ князей, мы сдѣлаемъ болѣе для цивилизаціи азіатскихъ народовъ, чѣмъ всѣ завоеватели, приходившіе въ Азію лишь для того, чтобы похищать ихъ сокровища?». Лебренъ внесъ этотъ проектъ 10-го іюня въ комитетъ Общественнаго спасенія. Комитетъ не задавался такими отдаленными задачами; но онъ нашелъ удобнымъ воспользоваться услугами Форстера и назначилъ его комиссаромъ въ сѣверную армію. Къ нему присоединилъ товарища, нѣкоего Петри, и рѣшили, сверхъ того, послать въ Англію «двухъ интеллигентныхъ патріотовъ, способныхъ проникнуть въ истинныя намѣренія британскаго правительства относительно событій настоящей войны» ⁶⁾.

Въ то же время Лебренъ пытался возобновить переговоры съ Пруссіей. Знакомый Дантона Корбо де-Сентъ-Албенъ жилъ въ Мангеймѣ и завязалъ сношенія съ Пруссіей. Министръ герцога Цвейбрюкенскаго, баронъ Эзебекъ, арестованный Кюстиномъ, содержался въ Мецѣ. Онъ былъ старъ, болѣзненъ и трусливъ, горячо желалъ освобожденія, любилъ интриговать и склоненъ былъ къ посредничеству между Пруссіей и Франціей. Бывшій французскій посланникъ въ Цвейбрюкенѣ, Депортъ, назначенный въ Штутгартъ, получилъ приказъ ѣхать въ Мецъ. Онъ раздѣлялъ съ Эзебекомъ склонность къ

⁶⁾ *Instructions à Forster et Coquebert, 18 juin.*

Пруссіи и къ интригѣ. «Я ручаюсь», писалъ онъ Лебрену, «что этотъ дворъ съ восторгомъ приметъ наше первое заявленіе». Что касается стараго барона, то онъ обратился непосредственно къ Дантону: «Мнѣ такъ превозносили вашу справедливость и вашу гуманность, что я бросаюсь въ ваши объятія». Подъ этимъ восторженнымъ порывомъ скрывались и нѣкоторые дипломатическія соображенія, а именно: проектъ примиренія обѣихъ вѣтвей пфальцскаго дома и присоединеніе ихъ къ Пруссіи во избѣжаніе обмѣна Баваріи. Пруссія тайнѣ склонялась къ этому проекту, и вскорѣ въ Мецъ явился камергеръ Фридриха-Вильгельма, графъ Люксбургъ. Онъ посѣтилъ Депорта, увѣрилъ, что ему будетъ сдѣланъ хорошій пріемъ въ Мангеймѣ и далъ понять, что прусскій король съ удовольствіемъ увидитъ въ Германіи французскаго посланника. Депортъ поспѣшилъ написать объ этомъ въ Парижъ и настаивалъ на освобожденіи Эзебека. Комитетъ Общественнаго спасенія получилъ это извѣстіе 9-го іюля.

Тѣмъ временемъ Комитетъ попалъ на слѣдъ противоположнаго свойства. Лебренъ позондировалъ австрійскихъ дипломатовъ: предупредительность и приглашенія неаполитанскихъ Бурбоновъ и Габсбургговъ подстрекали его лоббизмъ, а, можетъ быть, и льстили его самолюбію. Онъ повѣрилъ сдѣланнымъ ему авансамъ, хотя и увѣрялъ, что пересталъ имъ вѣрить. «Я уже сообщалъ,—сказалъ онъ Комитету 12-го іюня,—о сдѣланныхъ мнѣ косвеннымъ путемъ неоднократныхъ заявленіяхъ со стороны австрійскаго дома. Теперь ихъ повторили, и я имѣю достаточное основаніе быть убѣжденнымъ, что изъ всѣхъ воюющихъ съ нами державъ Австрія всего болѣе тяготеетъ войною. У меня есть подъ рукою человѣкъ и вѣрныя средства, чтобы дать дальнѣйшій ходъ этимъ заявленіямъ, ни мало не компрометируя ни достоинства, ни интересовъ французской республики. Я прошу только разрѣшенія послать это лицо въ Брюссель, и ранѣе двухъ недѣль мы будемъ имѣть опредѣленный отвѣтъ. Условія, предлагаемыя Австріей, благопріятны: достаточно будетъ развязать ей руки въ Баваріи, и она согласится на то, чтобы бельгійскія провинціи составили свободное и независимое государство». Агентъ, на котораго намекалъ Лебренъ, былъ нѣкто Дона, нѣкогда посланный въ качествѣ наблюдателя въ армію Бирона. На границѣ имѣлся еще и нѣкій Лафиттъ, увѣрявшій, что знакомъ съ однимъ брабантскимъ священникомъ, служащимъ въ канцеляріи Меттерниха. Наконецъ, виды Лебрена замѣчательно совпадали съ тѣми, на которые указывалъ въ то время экс-маркизь Потера и которые онъ развилъ позднѣе Комитету III года. Геро, клѣптомъ и вдохновителемъ котораго сдѣлался этотъ дипломатическій кондотьеръ, назначенъ былъ въ сѣверную армію съ цѣлью сношеній съ Дона и доставленія инструкцій Лафитту.

Этотъ выборъ показываетъ, что и Дантонъ склонился къ такой ком-

бинации. Весьма вероятно, что, предпочитая систему мира с Англией и Пруссией, онъ не желалъ пренебрегать шансамъ, могущими представиться со стороны Вѣны, и что съ той поры искалъ въ этомъ отношеніи чего-то большаго, чѣмъ простой диверсін, нѣкогда порученной Семонвиллю. Быть можетъ, мысли объ обмѣнѣ тампльскихъ узниковъ, на который намекалось на аван-постахъ въ послѣдовавшіе за измѣной Дюмурье дни, приняли въ его умѣ болѣе опредѣленную форму. Не видѣлъ ли онъ въ этомъ необходимый прелиминарій прочнаго мира съ Европой? Не повліяли ли на него непрестанныя попытки послѣднихъ слугъ Маріи-Антуанеты? Въ это самое время Дантонъ только что вступилъ во второй бракъ. Онъ обожалъ свою молодую жену, которая была полна жалости къ королевѣ. Не былъ ли онъ тронутъ ея мольбами? Или, можетъ быть, его соблазнялъ серьезный дипломатическій замыселъ, на который его считали способнымъ дипломаты по профессіи? ⁷⁾ Какъ бы то ни было, но когда Австрія, повидимому, сдѣлала новые авансы, когда эмиссары Ферзена и Мерси удвоили свои ходатайства, когда они возлагали все свои надежды на Дантона и падѣялись найти къ нему доступъ, въ это время человѣкъ, которому предстояло быть въ 1795 г. тайнымъ посредникомъ въ дѣлѣ обмѣна дочери Людовика XVI и сближенія съ Австріей, Потеръ бродилъ около Комитета, которымъ Геро, сохранившій свои связи со старымъ міромъ, посланъ былъ съ тайною миссіей на бельгійскую границу, а Маре отправленъ въ Неаполь также съ миссіей, повидимому заключавшей тайну всехъ этихъ разнообразныхъ комбинацій.

«Наиболѣе здравомыслящая часть правительства», передаетъ Маре ⁸⁾, «пришла къ соглашенію относительно обращенія къ единственному, оставшимся въ сношеніяхъ съ республикою державамъ: Венеціи, Флоренціи и Неаполю. Республиканцы не желали оставаться непризнанными цѣлымъ свѣтомъ. Можно было надѣяться, что если бы эти три державы поставили условіемъ продолженія своего союза безопасность королевы и ея семьи, въ этомъ не было бы имъ отказано. Планъ былъ утвержденъ, и мнѣ поручено было привести его въ исполненіе». Миссія Маре была вполне словесная. Писанныя же инструкціи, данныя ему 18-го іюня, представляли собою только примѣненіе къ неаполитанскому двору инструкцій, данныхъ Ноэллю для Венеціи. Маре долженъ былъ указать на то, что нейтралитетъ согласовался съ интересами итальянскихъ государствъ, и убѣдить ихъ придти къ соглашенію съ республикою по вопросу объ удаленіи англичанъ изъ

⁷⁾ FERSEN, *Journal et Correspondance*, t. II, mai—août 1793. — *Correspondance de la Marek*, t. I et III. — LÉONSON LE DUC. *Correspondance de Staël*, p. 259. — MICHELET, t. VI, p. 72.

⁸⁾ ERNOUF, *Maret*, p. 153.

Средиземнаго моря. Онъ долженъ былъ также заявить, что Комитетъ располагетъ вознаградить своихъ друзей и кліентовъ въ Италіи итальянскими же землями. Комитетъ не колебался прибѣгнуть къ торгу пародами для обезпеченія себѣ угодливости государей и обращался для того, чтобы расположить одного изъ Бурбоновъ въ пользу французской революціи, къ той самой приманкѣ, которою двадцать лѣтъ спустя воспользовался Меттернихъ съ цѣлью закупить въ пользу дѣла стараго порядка человѣка, вышедшаго изъ французской революціи ⁹⁾. Гражданинъ Маре «долженъ былъ освѣдомиться о всехъ предметахъ спора между неаполитанскимъ дворомъ и папою и выказать желаніе поддерживать означенный дворъ во всехъ его требованіяхъ по отношенію къ папѣ. Онъ долженъ предупредить этотъ дворъ о намѣреніи французскаго правительства дать ему долю при раздѣлѣ наслѣдія святаго отца». Этотъ документъ даетъ поводъ заключить, что Дантонъ и его сторонники находили общій миръ возможнымъ въ ту минуту и желали его осуществленія.

Инструкція, данная Шовелену для Флоренціи 7-го іюля, показываетъ, что они считали гипотезу мира даже болѣе правдоподобною, чѣмъ продолженіе войны. Шовелену предписывалось держать великому герцогу рѣши, аналогичныя съ тѣми, которыя Маре поведетъ въ Неаполѣ. Безъ сомнѣнія, говорилось въ инструкціи, мы предпочли бы выдѣлить изъ коалиціи Англію, Пруссію и Голландію, для того, чтобы имѣть возможность обратить все наши силы противъ Австріи. Именно это и пытаемся мы сдѣлать въ настоящее время, и необходимо соблюдать величайшую осторожность до тѣхъ поръ, пока Комитетъ выработаетъ свой окончательный образъ дѣйствій. Во всякомъ случаѣ, если республикѣ пришлось бы вести какіе-либо переговоры съ вѣнскимъ дворомъ, этому двору подлежало бы сдѣлать первый шагъ. Дѣло идетъ теперь о простомъ освѣдомленіи по поводу его намѣреній относительно Баваріи, не высказываясь ни въ какомъ смыслѣ. Шовеленъ могъ бы намекнуть, что если республика вынуждена будетъ перенести войну въ Италію, Тоскана пала бы вознагражденіе за свой нейтралитетъ въ земляхъ австрійскаго дома.

Все эти проекты и попытки имѣли реальное значеніе, несмотря на свою неопредѣленность и темноту. Условія мира, намѣченныя въ ту пору комитетомъ Общественнаго спасенія, тѣ самыя, которыя обрисуются тогда, когда явится возможность для заключенія мира и когда Европа пожелаетъ его. Дѣло переговоровъ съ Италіей было послѣднею работою Лебрена. Еще 17-го іюня онъ представилъ Комитету инструкціи Маре; инструкціи же Шовелену онъ успѣлъ только приготовить, но не дождался ихъ утвержденія.

⁹⁾ Трактатъ 11-го января 1814 г.

нія. Коммуна рѣшила погубить его, и Дантона былъ не въ силахъ защитить министра, пользовавшагося его уваженіемъ и довѣріемъ. 21-го іюня Конвентъ назначилъ министромъ иностранныхъ дѣлъ Дефорга, а Лебренъ вышелъ изъ тюрьмы только для того, чтобы отправиться на эшафотъ ¹⁰⁾.

Дефоргъ былъ ранѣе клеркомъ у Дантона и его креатурой въ революціи. Но Коммуна, а за нею Робеспьеръ, устраняя Лебрена, имѣли въ виду упраздненіе самого министерства иностранныхъ дѣлъ. Этому министерству предстояло скорое уничтоженіе. Одинъ Дантонъ придавалъ еще ему жизненность; онъ сохранилъ въ немъ нѣкоторое вліяніе путемъ личныхъ сношеній съ Дефоргомъ; въ общей же политикѣ это вліяніе шло на убыль съ каждымъ днемъ. Оно проявилось однако при вотированіи статей конституціи, касавшихся вѣнскихъ сношеній. Конвентъ включилъ въ нихъ декретъ 13-го апрѣля и составилъ изъ него статьи 118 и 119-ю ¹¹⁾. Но въ Собраніи повѣяло уже инымъ духомъ, и снова брали верхъ пропагандистское теченіе и космополитическая революція. Грегуаръ предложилъ включить въ основной договоръ республики *Декларацию о народномъ правѣ*, изложенную въ двадцати одной статьѣ ¹²⁾. Это нестройное произведеніе, въ которомъ отзвуки воззрѣній Монтескье сталкивались съ подражаніемъ Райналю, было не чѣмъ инымъ, какъ приведеннымъ къ общему правилу и возведеннымъ въ абсолютъ декретомъ 15-го декабря: «Взаимныя отношенія народовъ покоятся на естественномъ правѣ: закопомъ имъ служить міровая нравственность... Народы взаимно независимы и полновластны, какова бы ни была численность образующихъ ихъ индивидуумовъ и протяженіе территорій, ими занимаемой». Верховная власть народовъ неотъемлема, но интересъ каждаго изъ нихъ подчиненъ общему интересу великой человѣческой семьи. «Съ правами народовъ согласны только тѣ правительства, основой для которыхъ служатъ: равенство и свобода». Бареръ напомнилъ Собранію, что не слѣдуетъ забывать о положеніи, занимаемомъ Франціей среди Европы: «Не слѣдуетъ», сказалъ онъ, «предаваться филантропическимъ изліяніямъ». Большинство нашло, что Бареръ правъ, и перешло, по поводу предложенія Грегуара, къ очереднымъ дѣламъ. Но минутою спустя, докладчикъ Геро прочиталъ слѣдующую статью: ¹³⁾ «Фран-

¹⁰⁾ Лебренъ былъ казненъ 27 декабря 1793 г.

¹¹⁾ «Французскій народъ объявляетъ себя другомъ и естественнымъ союзникомъ свободныхъ народовъ. Онъ не вмѣшивается во внутреннее управленіе другихъ націй; онъ не терпитъ, чтобы другія націи вмѣшивались въ его внутреннія дѣла».

¹²⁾ Засѣданіе 18 іюня 1793. *Moniteur*, t. VI, p. 688.

¹³⁾ Статья 120 конституціи.

цузскій народъ не заключаетъ мира съ непріятелемъ, занимающимъ его территорію». «Подобныя статьи», сказалъ Мерсье, «пишутся или стираются не иначе, какъ остриемъ меча. Можете ли вы всегда рассчитывать на побѣду? Не заключили ли вы договора съ побѣдою?» — «Мы заключили договоръ со смертію!» отвѣтилъ Бареръ, и статья была принята по настоянію Робеспьера.

Конституція 1793 г. была мертворожденною. Съ нею не связанъ даже интересъ демократической утопіи. Тѣ, кто настоялъ на ея принятіи, ввели въ нее подвижность и непрестанную возобновляемость государственной власти. Въ своей теоріи они осыпали щедротами народъ, преклонялись предъ его верховною властью; въ конституціи же разсѣвали власть, разливали ее, стремясь въ сущности къ ея сосредоточенію, къ завладѣнію ею и подчиненію себѣ націи. Конституція 1793 г. была архитектурнымъ ухищреніемъ, предназначавшимся для замаскированія неизбежнаго преданія Французской революціи въ руки диктатуры. Оставалось только рѣшить: кто будетъ олицетворять эту диктатуру, т. е. кто будетъ господствовать въ комитетѣ Общественнаго спасенія? То былъ ожесточенный и темный споръ; онъ сдѣлался кровавымъ; но споръ этотъ велся между отдѣльными лицами.

Робеспьеръ еще не чувствовалъ себя зрѣлымъ для власти; онъ работалъ теперь надъ устраненіемъ Дантона. Онъ продолжалъ дѣйствовать чрезъ посредство другихъ и, казалось, подчинялся общему теченію. Возроставшій успѣхъ его вліянія строгою, логическою линіей вытекалъ изъ самаго поступательнаго хода революціи. Дантонъ, напротивъ, вынужденъ былъ идти противъ этого теченія и бросаться въ вихри и водовороты. На такую участь обречены всѣ трибуны, обладающіе свойствами государственныхъ людей. По мнѣнію Дантона, событія шли слишкомъ быстрымъ темпомъ; самъ же онъ слишкомъ внезапно останавливался среди бѣшеной скачки; онъ слишкомъ круто поворачивалъ, и вотъ этотъ колоссъ смѣлости показался нерѣшительнымъ, колеблющимся, ошеломленнымъ и чрезъ то утратилъ свой престижъ. Замыселъ его былъ разумно-политиченъ, по политикѣ его была слишкомъ сложна для тѣхъ катастрофъ, среди которыхъ она должна была примѣняться. Онъ требовалъ обходнаго движенія, перѣдко скрытаго, а слѣдовательно неуловимаго для массы публики и почти всегда дающаго поводъ къ подозрѣнію. Наконецъ, замыселъ этотъ требовалъ времени для усибнаго выполнения, а Дантонъ не располагалъ имъ. Ему не удалось дать узнать себя въ новомъ видѣ. Связь его памѣтей ускользнула и въ его поступкахъ усмотрѣли лишь рядъ непоследовательностей плохо уравновѣшеннаго ума. Подобно тому, какъ беспорядочная жизнь Мирабо явилась препятствіемъ для достиженія его завѣтной цѣли—конституціонной монархіи, такъ сообщничества Дантона становились поперекъ дороги, когда онъ приходилъ къ мы-

сли о необходимости милосердія и прочной правительственной власти. Онъ былъ вполне искрененъ въ этихъ стремленіяхъ, но его прошлое обрекло его на недоверіе къ нему до тѣхъ поръ, пока ему удастся подтвердить ихъ фактами, а бурность кризиса не допустила его до такого подтвержденія.

Онъ вѣрилъ въ единство французской націи. Онъ былъ проникнутъ имъ. Далекій отъ мысли о грозныхъ мѣрахъ для установленія этого единства, дѣйствительно существовавшего въ сердцахъ французовъ, онъ желалъ обратиться къ Франціи только съ призывомъ и основать всю свою республику на этомъ прирожденномъ и элементарномъ чувствѣ. По его словамъ, онъ намѣревался «вернуть господство законовъ и справедливости для всѣхъ и царство милосердія для враговъ; произвести пересмотръ конституціи, поднять торговлю и промышленность путемъ неограниченной свободы; оказать щедрую поддержку искусству и наукѣ; объединить всѣ силы націи, устранивъ отъ дѣлъ однихъ неистовыхъ, въ родѣ Колло, Сентъ-Жюста, Биллю Варенна; «продолжать побѣждать Европу и предлагать ей миръ». Но это значило слишкомъ много требовать отъ человѣческой недоверчивости и общественнаго оптимизма. Вспомнимъ, кто являлся съ такими предложеніями? Человѣкъ, возбуждавшій безпощадную войну со всѣми ея переворотами и нашествіями! Теперь этотъ человѣкъ возвѣщаетъ о политикѣ невмѣшательства, а ранѣе онъ явился въ Бельгін инициаторомъ декрета 15-го декабря; теперь, когда Франція отодвинута въ прежнія границы, онъ стоитъ за отреченіе отъ завоеваній, а ранѣе, въ эпоху побѣды, вызвалъ незабываемый образъ естественныхъ границъ, и послѣ того, какъ бросилъ въ видѣ вызова европейскимъ дворамъ голову Людовика XVI, предлагаетъ этимъ самымъ державамъ, въ залогъ примиренія, освобожденіе Маріи-Антуанеты; онъ требуетъ союза съ умѣренными противъ парижской демагогіи, между тѣмъ какъ ранѣе направлялъ эту самую демагогію противъ Конвента: онъ имѣетъ притязаніе спасти жирондистовъ, послѣ того какъ изгонялъ ихъ. И все это онъ хочетъ произвести, такъ сказать, однимъ ударомъ, не принимая въ расчетъ не успѣвшихъ еще изгладиться впечатлѣній отъ его прежнихъ дѣлъ, самое давнее изъ которыхъ совершенно не болѣе семи мѣсяцевъ тому назадъ.

Предложенія Дантона казались слишкомъ противорѣчивыми и представляли слишкомъ рѣзкую противоположность съ его прежнею дѣятельностью. Дантонъ могъ бы заставить принять ихъ, если бы провозгласилъ и навязалъ ихъ съ прежнею отвагою; но его происхожденіе и условія его прищипа принуждали его къ тайнымъ политическимъ дѣйствіямъ и къ тому, чтобы оставаться въ глазахъ толпы прежнимъ неистовымъ трибуномъ. Чтобы сохранить популярность, онъ долженъ былъ громко кричать «о мщеніи»

и только намекать о мѣрахъ милосердія. Его «демагогическая экзальтація», передастъ одинъ изъ близкихъ къ нему людей, «была однимъ лицемѣріемъ»; «онъ старался казаться жестокимъ для того, чтобы склонить народъ къ уваженію человѣческой жизни и законовъ»¹⁴). Пути, которые онъ хотѣлъ положить себѣ, были путями диктатора-высочки; но эти пути едва ли ведутъ къ диктатурѣ. Дантонъ самъ давалъ противъ себя доводы людямъ, обвинявшимъ его въ стремленіи къ захвату власти, и не могъ успокоить ни одного изъ тѣхъ, въ поддержкѣ которыхъ нуждался для ея достиженія. Къ тому же Дантону не свойственно было ставить себѣ отдаленныя цѣли, идти къ нимъ съ постояннымъ напряженіемъ воли, тайными и извилистыми путями. Если онъ способенъ былъ проектировать такіе пути, то не обладалъ характеромъ, способнымъ по нимъ слѣдовать. Онъ былъ человѣкомъ приступа. Осадная же война быстро исчерпала бы его терпѣніе. Въ немъ совершилась одна изъ тѣхъ реакцій, которымъ подвержены люди бурнаго и порывистаго характера. Кровь стала внушать ему отвращеніе; такое же отвращеніе испытывалъ онъ и къ политикѣ¹⁵). 8-го іюля, Сентъ-Жюсть прочиталъ съ трибуны докладъ, на основаніи котораго предлагалась проскрипція жирондистовъ. Дантонъ не противился, и его безсиліе окончательно повергло его въ уныніе. 10-го іюля, комитетъ Общественнаго спасенія былъ возобновленъ въ своемъ составѣ Конвентомъ, едва насчитывавшемъ двѣсти вотиновавшихъ членовъ. Жанбонъ-Сентъ-Андре былъ выбранъ первымъ 192-мя голосами, Робертъ Линде—послѣднимъ и только одной сотней голосовъ. Остальными выбранными въ Комитетъ депутатами были: Гаспаренъ, Кутонъ, Геро, Тюріо, Пріеръ де ла Марінь, Сентъ-Жюсть. Дантонъ былъ устраненъ. «Я не хочу быть членомъ ни одного комитета,—сказалъ онъ,—но буду прищипывать ихъ всѣ». Такими словами обманываютъ себя въ минуты сильнѣйшаго разочарованія въ людяхъ и вещахъ. Власть ускользала отъ него; онъ вообразилъ, что смутилъ своихъ противниковъ, отказываясь отъ нея. Въмѣсто того, онъ только помогъ имъ осуществить ихъ планъ. Робеспьеръ уже пашель почву въ Комитетѣ. Онъ вступилъ въ него 27-го іюля, и гибель Дантона была рѣшена.

У.

Министерство иностранныхъ дѣлъ еще продолжало существовать; но переговоры съ иностранными державами уже не вели. Прежній Комитетъ

¹⁴) GARAT, *Mémoires*.

¹⁵) См. у MICHELET, liv. XV, ch. IV. «Безумно надѣяться на проведеніе политическихъ замысловъ,—говорилъ онъ—не подвергаясь обвиненію въ самовласти со стороны Баретровъ, Биллю и Робеспьеровъ и не опасаясь быть уничтоженнымъ выстрѣлами всѣхъ партій». *Notes de Courtois*.

сдѣлалъ нѣсколько попытокъ въ этомъ отношеніи; новый отказался и отъ тѣхъ, которыхъ не прекращала Европа. Пресмпику Лебрепа Дефоргу было тридцать четыре года; Дантонъ помѣстилъ его сперва въ бюро Коммуны, потомъ назначилъ его старшимъ секретаремъ комитета Общественнаго спасенія и, наконецъ, помощникомъ военного министра. Дефоргъ принималъ участіе въ сентябрьскихъ убійствахъ и тѣмъ доказалъ свою гражданскую доблесть; по рожденію же онъ принадлежалъ къ аристократіи, бывалъ въ свѣтѣ, не лишень былъ знаній и даже характера.

По свидѣтельству одного современника, онъ «обладалъ природнымъ умомъ и, повидимому, желалъ водворить вокругъ себя приличіе и учтивость»¹⁾. Онъ началъ съ того, что взялъ въ старшіе секретари вполнѣ подходящаго человѣка Мю, принадлежавшаго къ семьѣ, изъ которой вышло не мало дѣловыхъ администраторовъ. Мю уже ранѣе служилъ въ военномъ министерствѣ и искалъ въ маловліятельномъ министерствѣ убѣжища, удобнаго въ такіе опасныя времена.

Дефоргъ продолжалъ отправлять депеши, составленныя въ томъ духѣ, въ какомъ ихъ велѣно было составлять Лебрену. Такъ, 18-го іюля, онъ написалъ опротивительно интриговавшему въ Женевѣ Сулави, приказывая ему вернуться къ своимъ прямымъ обязанностямъ, то есть ограничиваться наблюденіями, молчаніемъ и бездѣйствіемъ. «Стремясь держать въ рукахъ всѣ нити внѣшнихъ сношеній Франціи, — писалъ Дефоргъ, — вы жалуетесь на то, что не были уполномочены моимъ предшественникомъ къ изысканію друзей для Франціи и враговъ для ея враговъ». Женеть, въ Соединенныхъ Штатахъ, поступалъ такимъ же образомъ, но еще съ болѣею неосмотрительностью. Американское правительство просило объ отозваніи этого безпокойнаго интригана. «Никогда», — написалъ ему Дефоргъ, — «Совѣтъ не могъ уполномочивать васъ вести себя проконсуломъ у дружественной и союзной націи... Вамъ предписано сноситься съ правительствомъ, а не съ частію націи; быть передъ конгрессомъ представителемъ французской республики, а не вождемъ американской партіи... Какимъ успѣхомъ могъ бы пользоваться во Франціи иностранный агентъ, если бы вмѣсто того, чтобы сноситься съ представителями народа и Исполнительнымъ Совѣтомъ, возымѣлъ дерзость окружить себя партіей... вооружать корсаровъ противъ дружественныхъ націй и наконецъ заниматься созваніемъ Учредительнаго Собранія, какъ вы о томъ извѣщаете!»²⁾. Это было комментариемъ къ декрету 13-го апрѣля, и вотъ все, что уцѣлѣло изъ политики Дантона. Остальное рушилось.

¹⁾ Miot de Méliot, *Mémoires*, t. I, 38. — Masson, *Affaires étrangères*, p. 286.

²⁾ Дефоргъ Женету, 30-го іюля 1793 г. См. по этому эпизоду Cornélis de Witt, *Washington*, p. 339. *Jefferson*, *Appendice*, p. 527.

Маре и Семонвилль отправились въ Швейцарію. Вслѣдствіе неосторожности и неловкости, 24-го іюля они попали въ засаду. Австрійское правительство велѣло напасть на нихъ врасплохъ и задержать на территоріи Граубинденскаго кантона³⁾. Это было нарушеніемъ международнаго права въ томъ видѣ, какъ оно излагалось публицистами, но вполнѣ согласовалось съ тѣмъ, которое практиковалось дворами того времени. Маре и Семонвилль были обысканы, посажены въ подземные казематы Мانتуйской цитадели и подверглись грубому обращенію, свойственному тогдашнимъ обычаямъ. Изъ шести товарищей по заключенію, пятеро умерло въ первый же мѣсяцъ. Не имѣя возможности отомстить непосредственно вѣнскому двору, комитетъ Общественнаго спасенія выместилъ оскорбленіе на тампльскихъ узникахъ. Съ той поры смерть Маріи Антуанеты была рѣшена. Къ тому же тайна мисси Маре въ Неаполѣ сдѣлалась извѣстной. Комитетъ находилъ нужнымъ положить конецъ всякому подозрѣнію въ сношеніяхъ съ непріятелемъ и жалости къ королевской семьѣ. Главною заботою новаго правительства было устраненіе отъ себя малѣйшаго повода, могущаго повести къ обвиненію въ дипломатическихъ интригахъ или, какъ скоро начнутъ выражаться, въ дантоновскихъ комплотахъ.

20-го августа, Комитетъ имѣлъ принципиальное совѣщаніе. Принимая во вниманіе «необходимость... показать Европѣ могущественную республику, обязанную своимъ существованіемъ исключительно собственнымъ силамъ и не желающую ни вмѣшиваться въ управленіе какого бы то ни было народа, ни присоединяться къ войнамъ другихъ народовъ», Комитетъ постановилъ, что «министръ иностранныхъ дѣлъ будетъ отнынѣ отправлять различныя дипломатическія дѣла на этомъ конституціонномъ основаніи и озаботится средствами къ выясненію и разрушенію интригъ, продѣлокъ и коалицій европейскихъ тирановъ и ихъ правительствъ, не устраняя дружественныхъ и торговыхъ сношеній, которыя должны существовать между всѣми народами, при условіи не клониться ко вреду независимости республики и не связывать ее никакимъ обязательствомъ». Первая часть этихъ инструкцій, а именно касавшаяся разрушенія замысловъ союзныхъ державъ, была довольно парадоксальна; вторая, трактовавшая о свободѣ отъ всякаго обязательства, могла примѣняться безъ труда. Неаполитанскій дворъ ждалъ для объявленія о своемъ рѣшеніи только обезпеченія поддержки со стороны Англіи. Онъ получилъ увѣренность въ этой поддержкѣ 24-го августа. 28-го Актонъ приказалъ выкрасть бумаги Мако, желая возратить себѣ компрометирующія письма, написанныя во время заигрываній съ французскимъ посланникомъ. Получивъ бумаги, онъ объ-

³⁾ См. о подробностяхъ этого дѣла въ *Papiers de Barthélémy*, t. II, III. Статья о Семонвиллѣ — Zeissberg, t. I, 149. Ernout, *Maret*, ch. XXI—XXIII. Сорель, т. III.

вилъ, что совершившіе кражу будутъ подвергнуты преслѣдованію, извѣстилъ о прекращеніи сношеній между Франціей и королевствомъ Обѣихъ Сицилій и пригласилъ Мако выѣхать изъ его предѣловъ со всею свитою въ восьмидневный срокъ. Венеціанская республика поступила съ большою осмотрительностью. Она была миролюбива по необходимости; враждебность же ея вытекала изъ антипатіи къ революціи и изъ страха предъ союзными державами. Ноэль, пріѣхавшій въ Венецію 9-го іюня, писалъ отъ 27-го: «Мы живемъ здѣсь въ полной изолированности; мы не видимся ни съ однимъ венеціанцемъ, а иностранцы, которыхъ могло бы привлечь наше гостепріимство и которые могли бы доставлять намъ свѣдѣнія, бѣгутъ отъ насъ; мы вынуждены отказаться отъ общенія съ ними вслѣдствіе нашего бѣдственнаго положенія». Сенатъ, по внушенію Австріи, отказался признать Ноэля посланникомъ; онъ согласился только принять повѣреннаго въ дѣлахъ Жакоба, служившаго въ прежнемъ посольствѣ. Дефоргъ сообщилъ объ этомъ Комитету, 5-го сентября: «Венеціанская конституція», сказалъ онъ, «сама по себѣ должна обусловливать отчужденіе отъ нашей революціи; нельзя скрывать отъ себя, что это правительство чувствуетъ ей не болѣе остальныхъ итальянскихъ государствъ».

Дефоргъ сдѣлалъ еще нѣсколько попытокъ зондированія въ сторону Пруссіи и Англіи, но онѣ остались безъ послѣдствій. Комитетъ потребовалъ къ себѣ барона Эзебека; этотъ дипломатъ написалъ герцогу Цвейбрюкенскому, чтобы завязать переписку. Герцогъ отвѣтилъ, что если его прежній министръ имѣетъ сообщить ему что-нибудь, то можетъ посылать свои сообщенія на аванпосты чрезъ трубача. Депортъ попросилъ инструкцій; Дефоргъ вызвалъ его въ Парижъ. Форстеръ отправился въ сѣверную армію и попытался вступить въ сношенія съ англійскимъ генераломъ, но не получилъ никакого отвѣта. Агентъ Матьюсъ вернулся въ Парижъ и совѣщался 28-го августа съ Отто, начальникомъ перваго отдѣленія министерства иностранныхъ дѣлъ. Матьюсъ указалъ на замыслы союзниковъ относительно Франціи и на планы раздѣла, о которыхъ ему, какъ онъ увѣрялъ, удалось получить свѣдѣнія: Дюнкирхенъ предполагалось отдать Англіи, край до Роны—Савойѣ, Эльзасъ и Лотарингію—Австріи, Нидерланды и французскую Фландрію—герцогу Юрксому, край до Жиронды—Испаніи. Онъ прибавилъ, что миръ съ Англіей возможенъ въ случаѣ освобожденія королевской фамиліи, отмѣны декретовъ о пропагандѣ, возвращенія Савойи и Ниццы, вознагражденія папы и германскихъ князей и уступки Англіи о Табаго. Дефоргъ доложилъ объ этомъ Комитету 1-го сентября. «Не имѣется никакой возможности вызвать революцію въ Англіи», заявилъ онъ; «отъ этого невѣрнаго средства давно уже отказались. Но находящійся въ Парижѣ англійскій агентъ можетъ быть полезенъ. На-

чемъ съ того, что введемъ его самого въ заблужденіе, чтобы вѣрнѣе сбить съ пути тѣхъ, кто его послалъ. Если, какъ я то полагаю, намъ слѣдуетъ продолжать войну съ Георгомъ, выкажемъ готовность выслушивать заявленія Матьюса и отпустимъ его съ миролюбивыми завѣрѣніями». Но это показалось слишкомъ дипломатичнымъ новому комитету Общественнаго спасенія. Онъ рѣшилъ 6-го сентября, что Матьюсъ будетъ посаженъ въ тюрьму, а бумаги его отобраны.

Однако съ Швеціей продолжали вести правильные переговоры. Регентъ не осмѣлился ратифицировать проектъ трактата, утвержденный 16-го мая. Онъ предложилъ другой, смягченный и урѣзанный, который и былъ посланъ въ Парижъ и представленъ на обсужденіе Комитета 3-го сентября 1793 г. Это уже не былъ проектъ союза, а только конвенція о вооруженномъ нейтралитетѣ, и Швеція предоставлялась большія выгоды единственно въ награду за то, что она будетъ отстаивать свои собственные права и интересы. Швеція соглашалась не прерывать своихъ торговыхъ сношеній съ Франціей, а Франція должна была уплачивать ей по четыреста тысячъ ливровъ за каждый корабль и по двѣсти тысячъ—за каждый фрегатъ, вооруженные чрезвычайнымъ образомъ для конвоирования ея транспортовъ съ провіантомъ и товарами. Сверхъ того, если Швеція пришлось бы предпринять и другія чрезвычайныя вооруженія, Франція должна была обѣщать ежегодную субсидію въ размѣрѣ двадцати милліоновъ ливровъ. Этотъ проектъ былъ принятъ въ принципѣ, но Комитетъ не утвердилъ его. «Въ теченіе всего лѣта», передаетъ баронъ Сталь, «я напрасно ожидать ратификаціи Комитета, и пришлось опять отложить это дѣло». Шведскій регентъ, желая смягчить въ глазахъ Европы этотъ договоръ съ республикою, какъ увѣряли, поручилъ намекнуть, что подчиняетъ свое согласіе освобожденію тамилскихъ узниковъ. Намекъ не былъ принятъ къ свѣдѣнію и привелъ лишь къ внезапному прекращенію переговоровъ.

Это обстоятельство отозвалось и на востокѣ. Переговоры съ Швеціей были тѣсно связаны съ турецкими, и республика уже имѣла случай пользоваться услугами Швеція въ Турціи. Декоршъ получилъ, наконецъ, разрѣшеніе явиться въ Константинополь; но его приняли только подъ его вымышленнымъ именемъ (Обри) и въ качествѣ частнаго лица. Онъ пріѣхалъ 8-го іюня, принялъ французскую колонію и представился какъ гражданскій комиссаръ народнаго Конвента. Декоршъ пытался привлечь къ себѣ польскихъ эмигрантовъ и старался войти въ сношенія съ Диваномъ. Драгоманъ шведскаго посольства, Мураджа, устроилъ ему 6-го іюля тайныя свиданія съ однимъ изъ министровъ султана. Декоршъ констатировалъ, что «въ настоящую минуту все сказано о союзѣ», и что ему нельзя надѣяться на официальное аккредитованіе. Его выслушивали, и это

было уже много. Остальное зависит отъ республики. «Разсужденія», писалъ онъ, «безсильны тамъ, гдѣ царить страхъ... Если мы хотимъ побудить турокъ къ дѣйствію, недостаточно протягивать имъ издали руку помощи; нужно, чтобы они ее почувствовали: корабли въ Архипелагѣ, вотъ истинное къ тому средство, другого не имѣется». Въ депешѣ изъ Стокгольма, отъ 12-го іюня, извѣщали, что Швеція пошлетъ корабли въ томъ случаѣ, если вспыхнетъ война между Портой и Россіей, лишь бы только Порта покрыла издержки на вооруженіе этого флота. Въ депешѣ прибавлялось, что Швеція расположена стать на сторону республики. Диванъ получилъ это заявленіе 28-го августа; оно видимо подѣйствовало, и онъ тотчасъ же отвѣтилъ регенту, что «Порта приметъ всѣ мѣры къ утвержденію французской республики», лишь бы только эта республика продолжалась въ продолженіе текущаго года. Отсрочка ратификаціи договора съ Швеціей приостановила и это дѣло ⁴⁾.

Въ сущности, Комитетъ питалъ сочувствіе только къ Швейцаріи. Таковы были, напримѣръ, чувства Робеспьера, и они начинали оказывать вліяніе; Робеспьеръ всегда руководился только этимъ сочувствіемъ во внѣшней политикѣ. Въ Швейцаріи онъ видѣлъ главнымъ образомъ ея республиканскую вывѣску, не заботясь о дѣйствительномъ настроеніи кантоновъ и не входя въ разсмотрѣніе тѣхъ послѣдствій, которыя пронесли бы для Франціи даже изъ союза съ швейцарскою конфедераціей.

Комитетъ рѣшилъ 30-го августа установить съ швейцарцами новый порядокъ сношеній. Онъ желалъ представить міру «великое зрѣлище двухъ народовъ, скрѣпляющихъ свою связь и согласующихъ свои интересы съ прямотіемъ, отличающимъ свободныхъ людей». Эти два народа должны были непосредственно сноситься другъ съ другомъ чрезъ своихъ выборныхъ представителей, и Комитетъ предлагалъ послать въ Швейцарію двухъ депутатовъ Конвента. Бартеlemi поручено было позондировать почву; но Комитетъ мало довѣрялъ Бартеlemi и отправилъ, въ видахъ его просвѣщенія, оживленія и паблюденія за нимъ, «дѣятельнаго и вѣрнаго патріота», гражданина Обріэ, секретаря республиканской легации въ Швеціи. Обріэ имѣлъ довольно странное понятіе о прямотіи въ сношеніяхъ между свободными націями. Онъ предлагалъ вести переговоры о союзѣ съ оружіемъ въ рукахъ, явиться къ швейцарцамъ съ значительнымъ количествомъ денегъ, зерна и 30.000 солдатъ, для того, чтобы, какъ онъ выражался, успокоить населеніе по поводу угрозъ со стороны Австріи. Бартеlemi вообще отличался осторожностью и очень заботился объ обезпеченіи своего матеріальнаго благосостоянія, но въ то же время умѣлъ быть безкорыст-

⁴⁾ Zinkeisen, t. IV, 870. — Sybel, *Революционная пропаганда въ 1793 и 1794 г.* *Revue historique*, t. XI, 112.

нымъ и смѣлымъ въ дѣлахъ своей профессіи; онъ никогда не забывалъ разъяснять правительствамъ, которымъ служилъ, значеніе предписываемыхъ ему мѣръ и могущія быть вызванными ими послѣдствія. Если въ настоящемъ случаѣ нетрудно было выяснить истинное положеніе вещей, то для того, чтобы высказать о немъ правду, требовалась извѣстная доля мужества. Дѣло въ томъ, что швейцарскіе кантоны не аккредитовывали официальнымъ образомъ французскаго посланника: можно ли было ожидать послѣ этого, что они примутъ делегатовъ Конвента? «На что можемъ мы рассчитывать, какъ не на то, что скомпрометируемъ себя въ высочайшей степени», писалъ Бартеlemi Дефоргу. Что же касается союза, то «предложеніе о трактатѣ можетъ навлечь войну на Швейцарію, если она его приметъ. Если же послѣдуетъ съ ея стороны отказъ, то это повлечетъ войну съ нами. Прямого отказа не будетъ, но проволочки... будутъ равносильны отказу». Швейцарія не нуждается въ приобрѣтеніи свободы, но рискуетъ все потерять, выходя изъ нейтралитета, а этотъ нейтралитетъ, ограждая французскую границу, болѣе полезенъ для республики, чѣмъ союзъ, который только открылъ бы Австріи путь къ новому нашествію. «Слѣдуетъ весьма остерегаться», заключалъ Бартеlemi, «того, чтобы, ища великихъ выгодъ и желая облегчить положеніе свободныхъ народовъ, не привести къ большому злу...» ⁵⁾.

Въ то время, какъ дипломатическіе переговоры останавливались, вслѣдствіе отсутствія импульса или дѣли, война также приостанавливалась и арміи распадалась за немѣнѣмъ руководства. «Мы употребили самыя энергическія усилія», писала Нижне-рейнская директорія, «для того, чтобы избавить нашихъ солдатъ отъ голода и отчаянія... Нищета такова, что безъ быстрыхъ и дѣйствительныхъ мѣръ мы не можемъ отвѣчать за спасеніе отечества: армія разбѣжится, и вскорѣ республика, покинутая собственными защитниками, подвергнется неминуемой гибели». Подобныя же горестныя заявленія приходили со всѣхъ границъ, изъ всѣхъ лагерей и гарнизоновъ. На осажденную Францію обрушилась ужасающая голодовка войскъ. Франція подвергалась вторженію непріятеля, изнурена была опустошеніями, анархіей и принуждена была для избавленія себя отъ голода поступать съ своими собственными департаментами и городами какъ съ завоеваннымъ краемъ. Однако Франція еще покорна и готова на патріотическія жертвы. Средства ея еще не истощены. Но рвеніе гражданъ парализовано, средствами не пользуются, по неспособности агентовъ и вслѣдствіе безпорядка въ администраціи. Бушоттъ, такъ называемый военный министръ, только креатура Коммуны; его сотрудники: Винцентъ, Геберъ и

⁵⁾ Дефоргъ Бартеlemi, 30-го августа. — Засѣданіе комитета Общественнаго спасенія. Донесенія Бартеlemi, 11 и 14 сентября. — Бумаги Бартеlemi, т. II.

Ронсенъ не болѣе, какъ слуги и поставщики. Комитетъ Общественнаго спасенія сознаетъ положеніе и имѣетъ мужество объявить о немъ: «Въ этомъ все зло», говоритъ Бареръ 13-го іюня; «если республика погибнетъ, то это произойдетъ по винѣ военнаго министерства». «Намъ нуженъ даровитый и дѣятельный военный министръ», заявляетъ Камбонъ: «Когда Комитетъ спрашиваетъ у министра, сколько имѣется въ его распоряженіи ружей для той или другой арміи, отвѣта приходится ждать двѣ недѣли, и все пребываетъ въ вялости и бездѣйствіи».

Бушоттъ и его помощники оставляютъ генераловъ безъ инструкцій, солдатъ—безъ оружія, обмундировки и провіанта; зато они ведутъ беспощадную борьбу съ прежними дворянами, сражающимися въ рядахъ республики. Всякую неудачу считаютъ измѣной. Кюстина, Бирона, Бертье, Мену, одного за другимъ, отрываютъ отъ войскъ, предають суду или требуютъ къ отвѣту передъ Конвентомъ. Подозрѣнія распространяются и на недворянъ: Гушаръ и Келлерманъ раздѣляютъ участь своихъ товарищей по оружію. Министерство вызываетъ доносы и находитъ деньги для платы доносчикамъ. Офицеры, желая избѣжать подозрѣній, уклоняются отъ службы. Никто не осмѣливается дѣлать распоряженія. Дисциплина исчезаетъ не столько вслѣдствіе отказа въ повиновеніи, сколько по отсутствію командованія. Въ средѣ этихъ войскъ,—которыя, какъ только имъ возвращена будетъ свобода движеній, проявятъ высокій героизмъ, выдѣлять столько гениальныхъ командировъ, обнаружатъ такое соревнованіе и такую изумительную предпримчивость,—происходитъ нѣчто неслыханное для французской арміи въ военное время, а именно—стачка офицеровъ. Въ рейнской арміи комиссары Конвента не находятъ желающихъ принять на себя главное командованіе. Отказывались всѣ старшіе офицеры. Пришлось обратиться къ капитану, завѣдывавшему какимъ-то складомъ. Комиссары, по неизбѣжной свѣдѣній, дѣлають назначенія не по старшинству чиновъ, а по старшинству службы, и во главѣ войскъ появляются люди не только неспособные ими командовать, но и неспособные сами двигаться. Желая пособить немоги этихъ старыхъ безвѣстныхъ солдатъ, комиссары создаютъ командировъ изъ молодыхъ, возвышаютъ ихъ на удачу, смѣняютъ, перемѣщаютъ, и усердіе солдатъ утомляется этими непрерывными перемѣнами. Въ рекруты идутъ неохотно; волонтеры расходятся по домамъ. «Никогда еще», замѣчаетъ одинъ изъ знаменитѣйшихъ воиновъ того времени ⁶⁾,—армія не находилась въ такой прискорбной дезорганизаціи». Такъ стояло дѣло въ августѣ 1793 г. Торжество монтаньяровъ повлекло за собою безпорядки и бѣдствія, болѣе опасные, чѣмъ тѣ, которые послужили предло-

⁶⁾ *Mémoires de Soult*, t. I, 63.—*Mémoires de Gouvion de Saint-Cyr*, t. I, p. 84—86, 106, 109—110, 229—230.

гомъ для проскрипціи жирондистовъ. Франція могла бы погибнуть вслѣдствіе неспособности своихъ новыхъ властителей и ихъ распрей, если бы раздоры въ средѣ самой коалиціи не были еще болѣе ожесточенны при паденіи, чѣмъ несогласія республиканцевъ при оборонѣ. Въ то время, какъ Конвентъ предавался внутреннимъ распрямъ въ Парижѣ, коалиція не сходила съ мѣста на границѣ, и можно сказать, что въ маѣ 1793 г. легче было вызвать столкновеніе между европейскими монархіями и поссорить ихъ, чѣмъ примирить соперничествовавшія партіи французской республики.

ГЛАВА III.

Террористическая война.

1793 г.

При томъ положеніи, въ какомъ находилась въ то время Франція, быстрое и прямое движеніе на Парижъ нанесло бы ей, быть можетъ, непоправимый ударъ. Но союзники не пришли по этому поводу къ соглашенію: они точно завязли на границѣ; алчность, приведшая ихъ сюда, не позволяла двинуться впередъ. Въ 1792 г. политика задерживала и замедляла движенія германцевъ; въ 1793 г. она же остановила ихъ.

Вѣнскій дворъ не хотѣлъ допустить, чтобы Россія и Пруссія доставили себѣ въ Польшѣ реальныя выгоды, между тѣмъ какъ Австріи пришлось бы довольствоваться и въ Германіи и во Франціи одними сомнительными комбинаціями. «Я настоятельно требую,—писалъ Францъ II Екатеринѣ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ,—чтобы Австрія приобрѣла равныя съ Россіей и Пруссіей во всѣхъ отношеніяхъ выгоды и территоріальныя приращенія». Тугутъ писалъ 14-го апрѣля Кобенцелю въ Петербургъ: «Обмѣнъ Нидерландовъ на Баварію не можетъ почитаться равнозначущимъ съ приобретеніями Россіи и Пруссіи въ Польшѣ. Обмѣнъ этотъ гадателемъ и во всякомъ случаѣ имѣлъ бы преимущество лишь въ смыслѣ округленія нашихъ границъ; императоръ заплатилъ бы за него потерю милліона поданныхъ и 4-хъ милліоновъ флориновъ годового дохода. Слѣдовательно, даже въ случаѣ осуществимости этого обмѣна, требуется компенсация для уравниенія приобретений всѣхъ трехъ дворовъ. Его величество съ сожалѣніемъ рѣшится некатъ въ Польшѣ, по примѣру двухъ другихъ дворовъ, приобретений, слѣдуемыхъ ему въ силу справедливости и законности, и за немѣнѣемъ лучшаго, такое рѣшеніе можетъ оказаться необходимымъ. Если императоръ ничего не возьметъ изъ польскихъ земель, то компенсация можетъ быть произведена только во Франціи; дѣло это не обойдется безъ затрудненій, если явится въ эту страну въ качествѣ освободителя народа и возстановителя монархіи. Въ виду этого было бы удобнѣе отложить признаніе дофина королемъ, а дяди его—регентомъ. «Впрочемъ,—заключалъ Тугутъ,—вопросъ этотъ связанъ съ другимъ, а именно: въ чемъ дѣль настоящей войны? Состоитъ ли она въ возстановленіи монархіи? Тугутъ

употребилъ реторическую фигуру сомнѣнія единственно въ видахъ смягченія своихъ словъ. На самомъ дѣлѣ, рѣшеніе его принято, и императоръ одобряетъ его. Австрія не только не признаетъ регентомъ брата Людовика XVI, но отклонить и заявленное имъ «нелѣпное притязаніе воспользоваться правами регента въ завоеванныхъ мѣстностяхъ»¹⁾.

Всего болѣе рассчитываетъ Тугутъ на Англію. Если ему удастся придти къ соглашенію съ нею, то онъ въ состояніи будетъ диктовать законы и Россіи и Пруссіи; но онъ желаетъ, чтобы Англія не только служила ему, но еще и платила. По поводу субсидій рѣшено было отправить Мерси въ Лондонъ. 14-го апрѣля, въ тотъ самый день, когда Тугутъ писалъ въ Петербургъ, требуя доли Австріи въ предстоящемъ раздѣлѣ Польши, онъ же поручаетъ Мерси объявить англичанамъ о замыслѣ этого раздѣла и постараться заставить ихъ воспротивиться ему или, по крайней мѣрѣ, ограничить его. Ограниченіе должно касаться долей Россіи и Пруссіи; но если эти дворы возьмутъ себѣ польскія земли, то и Австрія послѣдуетъ ихъ примѣру; если же, напротивъ, они ничего не возьмутъ, или возьмутъ немного, то Австрія ничего не потеряетъ. Тугутъ сказалъ 15-го апрѣля английскому посланнику Мортонъ Эдану: императоръ до такой степени дорожитъ англійскимъ союзомъ, что ради него готовъ отказаться отъ своего любимаго плана, обмѣна Нидерландовъ; онъ согласился бы сохранить Бельгію и вознаградить себя на счетъ Франціи, такъ чтобы образовался прочный оплотъ для Нидерландовъ. Такое заявленіе не мѣшаетъ однако предусмотрительному министру Франца самымъ подробнымъ образомъ освѣдомиться о ресурсахъ Баваріи и требовать завоеванія Эльзаса, хотя бы въ видѣ залога и средства обмѣна. Но, дѣлая такое множество конфиденціальныхъ сообщеній людямъ, склоннымъ къ подозрительности, невозможно избѣжать нескромной болтовни. Дѣйствительно возникли толки. Двоедущіе Австріи не только послужило задержкою для ея войскъ, но явилось препятствіемъ и для ведущихъ переговоры австрійскихъ дипломатовъ, впуснив опасенія и настоящимъ и будущимъ союзникамъ.

Германская имперія встревожилась. Германскій союзъ объявилъ войну по всѣмъ правиламъ актомъ 28-го апрѣля; но онъ объявилъ ее только для того, чтобы избавиться отъ необходимости вести ее. Сеймъ приказываетъ вооруженія и декретируетъ субсидіи: мелкія государства не вооружаются, ожидая полученія субсидій, а причитающіеся на ихъ долю взносы на общее дѣло также не уплачиваются, такъ какъ они ждутъ почина

¹⁾ Францъ II Екатеринѣ, ВЕР, *Léopold II, Franz II und Catharina*, 187.—Тугутъ Л. Кобенцелю, 14-го апр. ZEISSBERG, t. III, 13.—Тугутъ Коллоредо, 8-го іюня 1793 г.—VIVENOT. *Thugut*, t. I.

крупныхъ государствъ. За исключеніемъ гессенцевъ и саксонцевъ, уже имѣвшихъ контингенты въ союзныхъ арміяхъ, имперія выставила въ 1793 г. не болѣе 17.000 солдатъ. Большинство государей, долженствовавшихъ принять участіе въ имперской войнѣ, имѣли притязанія на права нейтралитета. Баварія уже неоднократно играла такую двусмысленную роль во время предшествовавшихъ войнъ. Теперь она была заинтересована въ такой роли болѣе, чѣмъ когда-либо. Потребовались серьезныя угрозы для того, чтобы побудить ее прислать свой контингентъ, а слѣдовательно и обезоружить свою границу со стороны Австріи. Старый курфирстъ Карлъ-Теодоръ, безъ особаго сопротивленія, дозволилъ бы перенести себя въ Нидерланды; по онъ желалъ, по крайней мѣрѣ, быть увѣреннымъ въ томъ, что можетъ тамъ остаться, и требовалъ гарантій. Наслѣдникъ его Максимилианъ Цвей-брюкенскій пахотилъ, что не можетъ существовать достаточно прочныхъ гарантій противъ французовъ и ихъ революціи: онъ предпочиталъ царствовать въ Мюнхенѣ, гдѣ его досуги казались ему болѣе обезпеченными, чѣмъ въ Брюсселѣ. Отправившись въ англійскій лагерь, онъ сообщилъ тамъ о заднихъ мысляхъ Австріи и увѣрялъ, что вѣнскій дворъ, вмѣсто того, чтобы посылать подкрѣпленія въ Бельгію, задерживаетъ свои войска и готовитъ ихъ для вторженія въ Баварію ²⁾).

Пруссакі были настолько опыты въ канцлерскихъ махинаціяхъ, что безъ труда распутали игру Тугута. Они поняли, что этотъ министръ отказываетъ въ ратификаціи польскаго раздѣла, побуждаетъ поляковъ къ сопротивленію, ведетъ интригу при лондонскомъ дворѣ единственно въ видахъ нанесенія ущерба и униженія Пруссіи. Онъ хочетъ удалить пруссаковъ изъ Польши и заставить ихъ завоевывать Бельгію для императора, чтобы облегчить Австріи обмѣнъ Баваріи и усилить ее на счетъ Германіи и Франціи. Не въ интересахъ Пруссіи было округлять австро-германскія границы и превращать Францію «въ австрійскую провинцію». Гаугвицъ далъ понять въ Вѣнѣ и въ Петербургѣ, что если Австрія будетъ продолжать противиться территоріальнымъ пріобрѣтеніямъ Пруссіи въ Польшѣ, то король почтетъ себя освобожденнымъ отъ обязательствъ союза 1792 г. и сведетъ свою армію къ размѣрамъ имперскаго контингента, т. е. къ 20.000 человекъ. Образъ дѣйствій прусскихъ генераловъ подтвердилъ заявленія дипломатовъ. Фридрихъ-Вильгельмъ имѣлъ передъ собою 20.000 блокированныхъ въ Майнцѣ французовъ и другія 20.000—разсѣянные и отгнанные къ границамъ. Онъ располагалъ, приблизительно, 80.000 солдатъ. Онъ сосредоточилъ половину этого числа подъ Майнцемъ и образовалъ изъ остального обсерваціонный кордонъ, тянувшійся отъ Крейцнаха къ Цвей-

брюкену. Если бы прусскій король присоединилъ эти войска къ арміи Вурмзера, союзники могли бы раздавить французовъ и овладѣть Эльзасомъ. Но именно этого и не желали совершить пруссаки до той поры, пока не будутъ улажены польскія дѣла.

Передъ самымъ Майнцемъ они проявляли вялость, стараясь принудить къ сдачѣ голодомъ. Фридрихъ-Вильгельмъ, его дворъ и главный штабъ думали болѣе о развлеченіяхъ, чѣмъ о битвахъ. Они часто ѣздили въ Дармштадъ, гдѣ ландграфъ давалъ блестящія празднества, по случаю обрученія прусскаго наслѣднаго принца съ принцессою Луизою Мекленбургскою. Самъ король также занятъ былъ новымъ негласнымъ матримоніальнымъ планомъ. Этотъ государь, очевидно, смотрѣлъ на полигамію, какъ на право королей; въ 1792 г. онъ разошелся съ графиней Денгофъ, увѣнчавъ морганатическимъ разводомъ рядъ своихъ брачныхъ эволюцій. Фридрихъ-Вильгельмъ предложилъ свое всегда свободное сердце и (освободившуюся лѣвую руку дочери франкфуртскаго банкира, дѣвицѣ Бетманъ. Онъ усердно ухаживалъ за нею; но эта молодая дѣвушка, хотя и «пылала нѣжною страстью», по словамъ англійскаго дипломатическаго агента, но вмѣстѣ съ тѣмъ отличалась и строгою религіозностью; у нея возникли сомнѣнія относительно прочности брака и постоянства супруга. Она отвѣтила отказомъ. Эта любовная неудача, казалось, могла бы внушить королю желаніе предаться благороднымъ военнымъ увлеченіямъ. Но этого не случилось. Фридрихъ-Вильгельмъ погрузился въ политику и сталъ искать утѣшенія въ расширеніи предѣловъ своего государства. Около этого времени стала замѣчаться нѣкоторая склонность его къ сближенію съ Франціей, и именно тогда-то графъ Луксбургъ отправился въ Мецъ. Но эти поползновенія разсѣялись послѣ паденія умѣренной партіи во Франціи. 10-го іюня прусское правительство объявило о своемъ согласіи предоставить Австріи вознагражденія на счетъ Франціи, подъ тѣмъ условіемъ, что Австрія, съ своей стороны, изъявитъ согласіе на актъ о раздѣлѣ Польши.

Еще разъ всѣ дѣла коалиціи сводились къ Польшѣ. А такъ какъ здѣсь все зависѣло отъ Россіи, то Екатерина оставалась верховнымъ арбитромъ на европейскомъ рынкѣ, существеннымъ двигателемъ коалиціи и высшей инстанціей для рѣшенія дѣла возстановленія французской монархіи. «Прочіе продолжали идти по проторенной дорогѣ»,— писала императрица Гримму, намекая на своихъ союзниковъ; «но если и я должна пристать къ этому дѣлу, то на путь глупостей не ступлю». Одною изъ такихъ глупостей, и весьма крупною, было бы привлеченіе австрійцевъ въ Польшу, между тѣмъ какъ ихъ можно было занять въ другомъ мѣстѣ. Другою глупостью было бы отнять у французскихъ эмигрантовъ иллюзіи, питаемыя ими относительно безкорыстія русскаго правительства. Екатерина обладала осо-

²⁾ SYBEL, t. II. HAEUSSER, t. I. PERTHES, t. II.

бою способностью справляться съ этими вздорными и пренебреженными самолюбивыми людьми. Она обращалась съ французскими эмигрантами совершенно такъ же, какъ въ былое время съ польскими конфедератами и, безъ сомнѣнія, имѣла въ виду распорядиться съ имѣющею быть возстановленною французскою монархіею такъ же свободно, какъ и съ Рѣчью Посполитою. Несмотря на щедрость императрицы, относительно французскихъ принцевъ, русское общество видѣло ясно, что эта щедрость не означала уваженія. Растопчинъ называлъ ихъ «именитыми бродягами». «Удивляюсь, — писалъ этотъ вѣзломанный московскій Сень-Симонъ, — какъ могутъ эти люди внушать искреннее участіе. Я никогда не могъ интересоваться ими иначе, какъ актерами, разыгрывающими трогательную пьесу; вѣдь этотъ народъ живетъ только комедіей и для комедіи. Къ тому же если пьеса и трогательна, изъ этого не слѣдуетъ, что нужно уважать актеровъ... Злодѣи и глупцы остались на родинѣ, — продолжалъ Растопчинъ, — а безумцы уѣхали для того, чтобы пополнить собою ряды шарлатановъ этого свѣта». Однако были въ Россіи французы, которыхъ нельзя было назвать ни шарлатанами, ни глупцами, напримѣръ, герцога Ришелье и его другъ Ланжеронъ, съ честью служившіе въ русской арміи. Но первый достоинствомъ своего характера, а второй своими дѣйствительными услугами еще рѣзче отбѣняли пустоту остальныхъ.

Интригуя наперерывъ другъ передъ другомъ, пробалтываясь, докучая, проявляя безмѣрное тщеславіе, держа себя въ гостинныхъ на подобіе разорившагося царедворца, обращающагося съ провинціалами какъ съ какими-нибудь готтентотами и въ то же время состоящаго при нихъ въ качествѣ паразита, эмигранты казались своимъ русскимъ хозяевамъ и пустыми и невыносимыми. Русскіе, гордившіеся тѣмъ, что читали Вольтера, смотрѣли на революціонеровъ какъ на плутовъ, а эмигрантовъ считали бездѣльниками. Въ особенности же удивлялись они безконечному роялистской партіи, упрекавшей революцію за то, что она раздираетъ Францію своими раздорами. «Роялисты, — передаетъ Ланжеронъ, — представляли въ то время при иностранныхъ дворахъ скандальное и даже комическое зрѣлище, что сильно вредило дѣлу и его рессурсамъ». Вездѣ, гдѣ появлялся агентъ Бретейлля, то есть покойнаго короля, рядомъ съ нимъ и противъ него интриговалъ агентъ принцевъ или Калонна. «Оба кабинета относились другъ къ другу съ немѣншей враждой, чѣмъ къ республиканцамъ». Бомбель былъ представителемъ котеріи Бретейлля въ Петербургѣ; Эстергази — представителемъ партіи принцевъ. Вкрадчивый, интересный собесѣдникъ, тонкій, несмотря на нѣкоторую вѣдливую грубость, онъ втерся въ кругъ приближенныхъ императрицы и приобрѣлъ вліяніе надъ Зубовымъ, «проповѣдуя деспотизмъ и приписывая, по словамъ Растопчина,

несчастія Франціи любви, которую питалъ къ народу ея король, забывшій о своемъ авторитетѣ и уронившій тѣмъ свое достоинство»³⁾).

Въ то время, когда Екатерина еще вѣрила въ пригодность принцевъ для своихъ цѣлей, она пригласила графа д'Артуа въ Петербургъ. «Впоследствии, — передаетъ Ланжеронъ, — она, повидимому, уже не такъ этого желала и нѣсколько ограничила свое первоначальное расположеніе». Графъ д'Артуа или не понялъ этого, или не желалъ понять, а графъ Эстергази, быть можетъ, не нашелъ нужнымъ объяснять перемѣну, и принцъ пріѣхалъ. Императрица была недовольна и дала это почувствовать окружающимъ; но она была слишкомъ ловка и дипломатична для того, чтобы обнаруживать свое перасположеніе передъ публикою. Графъ д'Артуа былъ встрѣченъ съ особыми почестями и вниманіемъ. «Ничто не было упущено изъ того, что могло удовлетворить его самолюбіе и заставить забыть о несчастіи». Братъ Людовика XVI развернулъ при русскомъ дворѣ всю свою утонченную и пустую вѣзливость, все очарованіе, которымъ вводилъ въ заблужденіе столько людей. Подобно большинству своихъ товарищей по изгнанію, принцъ отличался глубокимъ непониманіемъ положенія вещей и блисталъ умомъ только въ свѣтскихъ разговорахъ. Русскіе судили о французской аристократіи по Калонну и его сподвижникамъ; они были удивлены и ослѣплены величественнымъ обращеніемъ и превосходнымъ воспитаніемъ этого потомка знаменитѣйшаго въ Европѣ королевскаго дома. Онъ показался имъ «безыскусственнымъ, приличнымъ, скромнымъ, глубоко и искренно огорченнымъ, безъ всякаго задора и аффектаціи, выказывающимъ въ бесѣдѣ здравый и спокойный умъ; ему удалось заставить забыть обо всемъ, что передавали ранѣе, по поводу его легкомыслія и безпорядочной жизни, и внушить къ себѣ живѣйшее и почтительнѣйшее участіе». Недоброжелатели обратили всю свою злость на свиту принца, которая къ тому же доставляла не мало случаевъ къ пересудамъ. Епископъ Аррасскій, Конзіа, удивлялъ своею наружностью и слишкомъ воинственными рѣчами. Этотъ прелатъ въ партикулярномъ платьѣ, царедворецъ и политикъ, разстроивалъ представленіе русскихъ о духовномъ сановникѣ; герцогъ д'Эскаръ, находившій плохимъ столъ императрицы и не стѣснявшійся это высказывать, смущалъ такимъ нарушеніемъ свѣтскихъ обычаевъ.

Однако всѣ эти французскіе дворяне проявляли покорность и готовность служить русскимъ интересамъ, что должно бы было обезоружить слугъ Екатерины. Особенно отличался въ этомъ отношеніи епископъ: онъ елейно распространялся о благодарности со стороны французовъ за ожидаемую поддержку со стороны Россіи, на подобіе того, какъ русскіе и

³⁾ Письма Растопчина, Архивъ кн. Воронцова, т. XVIII, стр. 70—79. PINGAUD, *Les français en Russie*, p. 200—205. — LANGERON, *Mon retour en Russie*.

пруссаки расточали увѣренія въ дружбѣ и обѣщанія союза. Конзіе и его повелитель пока получили только немного денег и уже жертвовали всеми традиціями короны. «Союзъ съ Австріей былъ пагубенъ для Франціи,—говорилъ епископъ;—Франція нуждается въ союзѣ съ Пруссіей и Россіей, а потому раздѣлъ Польши и униженіе Турціи не представляютъ опасности для Франціи». Графъ д'Артуа прожилъ мѣсяцъ въ Россіи и уѣхалъ, осыпанный подарками. Екатерина ублажала его всячески, льстила его политическимъ предразсудкамъ, обличала алчныя поползновенія Австріи, указывала на собственное великодушіе, безкорыстіе и желаніе возстановить французскую монархію во всемъ ея блескѣ и неприкосновенности. Но она требовала сохраненія въ безусловной тайнѣ этихъ великодушныхъ намѣреній и оговаривала ихъ содѣйствіемъ Англіи. Эта оговорка замѣняла всевозможныя подразумѣваемые ограниченія и позволяла давать обѣщанія, не опасаясь неудобныхъ послѣдствій. «Если Англія не измѣнитъ намъ», писалъ графъ д'Артуа, «а этого, какъ мнѣ кажется, бояться нельзя,—я уже вижу двадцать русскихъ кораблей и многочисленную армію, направляющіеся вмѣстѣ съ нами къ берегамъ Нормандіи». Послѣдовавшія событія показали, что онъ такъ же мало спѣшилъ высадиться на эти берега, какъ мало спѣшили англичане везти его туда, а русскіе—сопровождать. Итакъ, онъ довольствовался малымъ и обманывалъ себя еще болѣе, быть можетъ, чѣмъ былъ обманутъ другими. «Графъ д'Артуа питаетъ ко мнѣ сыновнія чувства», писала Екатерина. «Надѣюсь, что онъ найдетъ наше отношеніе къ нему искреннимъ и лояльнымъ». Графъ д'Артуа дѣйствительно вѣрилъ расположенію къ нему съ полною паивностью и выразилъ это съ такимъ избыткомъ восторга, что превзошелъ ожиданія императрицы. «Клянусь тебѣ», писалъ онъ пріятелю своему Водрейлю, «что въ особенности за послѣдніе дни я смотрю на нее какъ на ангела». Если полиція, какъ то и было по всей вѣроятности, перехватила это письмо и распорядилась снятіемъ съ него копій въ черномъ кабинетѣ, то реторика французскаго принца не мало позабавила Семирамиду Вольтера и Дидро *).

Въ то время, какъ императрица и Платонъ Зубовъ осыпали придворными любезностями графа д'Артуа, министръ иностранныхъ дѣлъ Марковъ, креатура фаворита, дѣятельный и покорный слуга государыни, проникнутый идеей о государственной необходимости и круто руководившій дѣлами, совѣщался съ австрійскимъ посланникомъ Кобенцелемъ о дѣйствительномъ положеніи вещей. «Можно ожидать только пользы отъ предпріятія, на-

*) LANGERON, *Mémoires inédits, Lettres de Catherine à Grimm*. Донесеніе Штедингга 26 апр. 1793.—FERSEN, t. II, 415.—Le comte d'Artois à Vaudreuil 25 mars, 1 et 19 avril 1793. — PINGAUD, *Vaudreuil*, t. II, p. 124—125, 127, 133—136.

правленнаго противъ Франціи», говорилъ Марковъ; «все державы заинтересованы въ прекращеніи установившейся въ этой странѣ анархіи, такъ какъ она грозитъ цѣлой Европѣ; съ другой стороны, ни для вашего, ни для нѣкоторыхъ другихъ дворовъ не можетъ быть желательнымъ возвращеніе Франціи къ ея прежнему преобладанію; повидимому, эти обѣ вещи могутъ быть связаны и выполнены одновременно; овладѣвайте французскими провинціями, которыя найдете для себя пригодными; пусть Испанія и Сардинія, съ своей стороны, расширяются на счетъ этой державы; Англія также не забудетъ о своихъ интересахъ. По исполненіи этого, будемъ сообща трудиться надъ доставленіемъ прочнаго монархическаго правительства тому, что останется отъ Франціи; она сдѣлается второстепенной державой, перестанетъ быть опасной кому-либо, и мы уничтожимъ, такимъ образомъ, очагъ демократіи, грозящій объять пламенемъ всю Европу». Марковъ настойчиво требовалъ, чтобы Кобенцель высказался по поводу желаній и намѣреній своего двора.

Кобенцель попросилъ инструкцій у своего правительства. Онъ получилъ ихъ въ концѣ мая: «Австрія, — сказалъ онъ тогда Маркову, — предполагаетъ пока только обмѣнять Нидерланды на Баварію; но такъ какъ Пруссія расширится на счетъ Польши, то намъ понадобятся и дальнѣйшія вознагражденія. — Прекрасно, — отвѣтилъ Марковъ; — возьмите то, что найдете наиболѣе удобнымъ изъ французской Фландріи, Эльзаса или Лотарингіи». Кобенцель намекнулъ на возможное сопротивленіе со стороны Франціи и на то, что въ этомъ случаѣ Австрія принуждена будетъ обратиться къ Польшѣ. На это Марковъ не соглашался. «Для васъ было бы несравненно лучше искать своей доли въ Германіи или во Франціи». Зашла рѣчь о секуляризациі, т. е. о захватѣ Зальцбургскаго епископства, которое дополнило бы собою округленіе Баваріи и сдѣлало бы пріобрѣтеніе Баваріи болѣе выгоднымъ для Австріи *). «Если вы придете къ соглашенію съ нами и съ прусскимъ королемъ», сказалъ Марковъ, «то кто же можетъ помѣшать вамъ дѣлать изъ Германіи все, что вамъ угодно? Вы не встрѣтите тамъ болѣе затрудненій, чѣмъ сколько встрѣтили мы ихъ сами въ Польшѣ».

Но существовала Англія, о которой Марковъ не упоминалъ и съ которою Австріи приходилось считаться. Англія не хотѣла и слышать объ обмѣнѣ Нидерландовъ. Она соглашалась платить субсидіи Австріи, но дѣлала это только въ видахъ защиты Бельгіи противъ французовъ, а не для того, чтобы предоставить эту провинцію германскому князьку, неспособному удержать ее за собою. Лордъ Гренвилль весьма ясно далъ понять это

*) Австрія предоставляла себѣ это епископство въ 1797 г., пріобрѣла его въ 1805, потеряла въ 1809 и вновь пріобрѣла въ 1814 г.

Штарембергу, когда графъ пріѣхалъ посланникомъ въ Лондонъ въ послѣднихъ числахъ мая. Впрочемъ, хотя Англія и налагала свой запретъ на обмѣнъ Нидерландовъ, она напротивъ весьма желала упрочить австрійское господство въ этомъ краѣ. Въ ея планы входило созданіе грознаго оплота для Бельгіи и въ то же время «ослабленіе Франціи для воспрепятствованія отпугивъ ея вредному вліянію на Европу».

Графъ де-Мерси, отложившій свой отъѣздъ въ Лондонъ и слѣдившій изъ Брюсселя за переговорами съ Англіей, совѣтовалъ воспользоваться такимъ настроеніемъ англичанъ. Онъ составилъ планъ, по которому Австрія пріобрѣтала Эльзасъ, всю Лотарингію съ тремя епископствами, французскую Фландрію, Артуа и Пикардію до рѣки Соммы, предоставляя англичанамъ Дюнкирхенъ, осаждаемый ими въ то время и давно составлявшій предметъ ихъ желаній.

Тугутъ не любилъ пустыхъ умозрѣній. Планъ, который Мерси называлъ «исполнскимъ», казался ему если не слишкомъ узкимъ, то, по крайней мѣрѣ, слишкомъ мало бытовымъ. Въ сущности, предлагалось королевство *in partibus*, и долгосрочные векселя на такого несговорчиваго плательщика, какимъ была республика, не внушали ему довѣрія. Въ Польшѣ же, выражаясь принятою въ тѣ времена формулою, «стояло только нагнуться, чтобы поднять». Онъ «нагнулся» и написалъ 16-го іюня Кобенцелю, что императоръ находитъ себя выпущеннымъ обезпечить себя владѣніе Краковомъ. Это было бы концомъ для Польши; императоръ, безъ сомнѣнія, сожалѣлъ бы объ этомъ. Но, — прибавлялъ Тугутъ, — послѣ испытанныхъ уже ею расчлененій, «Польша можетъ служить лишь весьма слабою преградой между пограничными державами; окончательный раздѣлъ того, что остается отъ нея, едва ли повлечетъ бы за собою значительныя неудобства». Во всякомъ случаѣ, и даже если бы Австрія нашла себѣ удовольствіе во Франціи, «она не могла бы не воспользоваться обстоятельствами въ видахъ исправленія, улучшенія и укрѣпленія своей галиційской границы». Повидимому, Тугутъ принялъ твердое рѣшеніе по этому вопросу. Онъ увѣдомилъ Штаремберга, что не слѣдуетъ болѣе упоминать о Польшѣ въ Лондонѣ, а равно и побуждать англичанъ къ сопротивленію новому раздѣлу. Затѣмъ онъ отправилъ одного изъ своихъ агентовъ, Лербаха, въ прусскую главную квартиру съ «миссіей, цѣль которой заключалась въ томъ, чтобы выиграть время насколько возможно подъ разными предлогами», до той поры, пока вѣнскій дворъ получитъ точныя свѣдѣнія о намѣреніяхъ Россіи.

Русскій дворъ мало заботился о Баваріи и даже о Франціи: онъ далъ гарантіи Баваріи въ 1773 г., но дипломатическія гарантіи весьма часто не выполнялись. Императрица говорила графу д'Артуа о цѣлостности Фран-

ціи и огражденіи ея отъ австрійскихъ посягательствъ; по это было дѣломъ придворной любезности, не могущей имѣть серьезныхъ послѣдствій. Графъ д'Артуа къ тому же не имѣлъ никакого полномочія для того, чтобы принять подобныя заявленія къ официальному свѣдѣнію.

Въ Польшѣ дѣло стояло иначе: Россія дѣйствовала тамъ на свой страхъ, и императрица относилась тамъ ко всему вполне серьезно. 2-го іюля Кобенцель отправился къ Маркову и ознакомилъ его съ видами императора на Краковъ. При первыхъ же словахъ Марковъ остановилъ его. «Французская Фландрія, Эльзасъ, Лотарингія, Баварія и даже Турція», сказалъ онъ, «представляютъ для васъ несравненно болѣе удобные способы расширенія, чѣмъ Польша». — «Мы просимъ у васъ Польшу только за немѣнѣемъ лучшаго», возразилъ Кобенцель; «мы предпочитаемъ завоеванія во Франціи; по эти завоеванія еще не совершены и, несмотря на всѣ наши усилія и твердое намѣреніе ихъ продолжать, возможна и неудача, коль скоро сопротивленіе настолько упорно, какъ то, которое мы встрѣчаемъ на каждомъ шагѣ. Пфальцскій курфирстъ и его послѣдники, — продолжаютъ онъ, — отказываются обмѣнивать свои владѣнія на Нидерланды; прусскій король, подъ рукою, подстрекаетъ ихъ къ сопротивленію и оказываетъ имъ поддержку; для того, чтобы отрѣзать кое-что отъ Турціи, потребовалась бы новая война. Гдѣ же намъ взять наше вознагражденіе, какъ не въ Польшѣ? — Итакъ, это несчастное государство будетъ окончательно уничтожено! — воскликнулъ русскій министръ. — Все это ничего не значитъ въ сравненіи съ опасностью для насъ остаться безъ равносильнаго прусскому вознагражденія!» заключилъ австріецъ.

Аргументъ былъ вѣскій; его не легко было опровергнуть русскому министру; но онъ не могъ стѣснять англичанъ, нисколько не заинтересованныхъ въ существованіи Польши и не намѣревавшихся ничего въ ней завоевывать. Тѣмъ не менѣе англійскіе ораторы прониклись великодушнымъ негодованіемъ, по поводу новаго предполагавшагося раздѣла. Лордъ Гренвилль объявилъ Штарембергу, что если Австрія приметъ участіе въ этой операциі, то повредитъ тѣмъ союзу съ Англіей. «Такой образъ дѣйствій», сказалъ онъ, «могъ бы шокировать англійскій народъ, негодующій по тому же поводу на Россію и Пруссію; лондонскій дворъ не признастъ и никогда не захочетъ признавать такого несправедливаго захвата, а потому не могъ бы и обезпечить его» ⁶⁾. Тугутъ могъ бы отвѣтить, что слово «никогда» принадлежитъ въ дипломатическомъ словарѣ къ числу тѣхъ, которыя произносятся безнаказанно, такъ какъ еще не было примѣра, чтобы это слово остановило кого-нибудь или помѣшало чему-либо. Англія признала первый раздѣлъ Польши, она признала бы и второй: все

⁶⁾ Донесеніе Штаремберга 13-го іюля 1793. Zeissberg, t. III, 147.
Сорель, т. III.

это—дѣло времени и процедуры: существенный пунктъ заключается въ приобрѣтеніи, гарантія же явится его дополненіемъ.

Русскій уполномоченный Сиверсъ и прусскій Бухгольцъ заявили 9-го апрѣля тарговицкимъ конфедератамъ, собравшимся въ Гродно, о рѣшеніяхъ своихъ государей относительно расчлененія Рѣчи Посполитой. Территоріи уже были заняты войсками; по требовался еще формальный актъ, и его могъ составить по обычаямъ дипломатіи только сеймъ. Поэтому Сиверсъ и Бухгольцъ пригласили конфедератовъ приступить къ немедленному его созванію. Конфедераты протестовали, ссылаясь на то, что приносили присягу въ соблюденіи цѣлокупности Польши. Сиверсъ и Бухгольцъ отвѣтили, что ничего не знаютъ о такой присягѣ; тѣмъ не менѣе они согласились на лазейку, которая найдена была конфедератами удовлетворяющею ихъ чувство чести. Варшавскій сеймъ между прочими пагубными учрежденіями старой Польши упразднилъ постоянный Совѣтъ, который могъ дѣлать все, что ему вздумается, не отвѣчая ни за что. Конфедераты возстали противъ этого Совѣта. Сиверсъ посадилъ туда людей по своему усмотрѣнію, и этотъ Совѣтъ, некомпетентный ни юридически, ни фактически, созвалъ сеймъ. Въ средѣ конфедератовъ еще оставались непокорные: Валевскій, Ржевускій и нѣсколько другихъ. Сиверсъ велѣлъ наложить сеquestръ на имѣнія этихъ «ослабленныхъ гражданъ», и все уступили. Станиславъ-Августъ, пріѣхавшій 22-го апрѣля, пожелалъ сложить съ себя корону. «Мой долгъ», писалъ онъ Екатерины, «запрещаетъ мнѣ всякое личное участіе въ принятіи мѣръ, могущихъ навлечь бѣдствія на Польшу». Екатерина дала ему понять, что не для того доставила ему престолъ, чтобы онъ отрекался отъ него въ ту минуту, когда ему предстоитъ оказать услугу Россіи. Требовался король для санкціонированія разрушенія польскаго государства, и Станиславъ получилъ приказъ оставаться королемъ польскимъ до тѣхъ поръ, пока не погибнетъ Польша¹⁾.

Сиверсъ вмѣстѣ съ Бухгольцемъ основали фондъ для подкупа миролюбивыхъ членовъ польской оппозиціи. Русскій комендантъ Игельштремъ взялъ на себя убѣжденіе непокорныхъ. Войска получили приказъ «устранять людей, неблагопріятныхъ для нашихъ желаній, и допускать только покорныхъ», писалъ прусскій генералъ Меллендорфъ. Такимъ образомъ выборы совершились среди русскихъ войскъ и подъ давленіемъ военной силы. Войска окружали зданія избирательныхъ собраній. Офицеры указывали избирателямъ на подлежащихъ избранію кандидатовъ; Игельштремъ

¹⁾ Sybel, t. II, t. VII. ch. II—V. Письмо Меллендорфа, тамъ же. Hermann, *Russie*, t. VI, ch. VX.—FERRAND. t. III, l. XII. Манифестъ и замѣтка Сиверса. *Moniteur*, t. XVI. 317 et 549.—Донесенія Бухгольца у Hermann'a *Pol Corr.*

«допускаетъ къ подачѣ голоса только тѣхъ, кого желаетъ», писалъ прусскій агентъ. «Онъ опытенъ въ такого рода операціяхъ и проявляетъ изумительную дѣятельность». Русскіе сверхъ того наемкнули Сейму, что если онъ добровольно уступитъ Россіи, то взаменъ этого Россія поможетъ полякамъ въ сопротивленіи Пруссіи. Польскіе конфедераты, подобно французскимъ эмигрантамъ, всегда жили иллюзіями, но они были поистинѣ непасытны по части иллюзій. Сиверсъ къ тому же обѣщалъ награды, и выборы шли безъ затрудненій.

Сеймъ собрался 17-го іюня въ Гродно. Это было собраніе, составленное по заказу; однако и въ немъ нашлись люди, возмущавшіеся унижительною ролью, которую имъ навязывали. Пруссія не имѣла партіи въ Сеймѣ; на сторонѣ Россіи, напротивъ, стояла значительная партія, но были также и люди, желавшіе затянуть дѣло, устранить Пруссію, опереться на Австрію, апеллировать къ Англіи и спасти нѣсколько ключевъ королевства, разединивъ тѣхъ, кто хотѣлъ его узурпировать. 19-го іюня Сиверсъ и Бухгольцъ потребовали образованія комитета, которому было бы поручено вести съ ними сношенія. Сеймъ прислалъ 30-го іюня каждому изъ уполномоченныхъ по различному отвѣту. Онъ умолялъ царицу не требовать ратификаціи раздѣла; онъ приглашалъ прусскаго короля къ эвакуаціи занятыхъ его войсками мѣстностей. Сиверсъ и Бухгольцъ потребовали снова, 24-го іюня, образованія комитета отдѣльными нотами, а 29-го выразили въ коллективной потѣ свое «удивленіе» по поводу того, что Сеймъ «отдѣлялъ интересы обоихъ союзныхъ дворовъ».

Сеймъ могъ бы напомнить Сиверсу о недавнихъ намекахъ; но Сиверсъ не далъ открыть рта нескромнымъ. 1-го іюля, по его приказанію, было арестовано семь депутатовъ изъ наиболѣе упорныхъ, наложенъ сеquestръ на имѣнія нѣсколькихъ другихъ и конфискованы доходы короля. Сеймъ понялъ и назначилъ комитетъ. Однако, уполномочивая этотъ комитетъ сноситься съ Россіей, онъ запретилъ ему выслушивать что бы то ни было со стороны Пруссіи. Сиверсъ возразилъ, объявивъ Сейму проектъ общей для обоихъ государствъ конвенціи и прибавилъ, что Польшѣ предоставляется выбрать себѣ какую угодно конституцію, за исключеніемъ конституціи 3 мая 1791 года. Сеймъ отвергъ проектъ; Сиверсъ предупредилъ депутатовъ 11 іюля, что если они будутъ продолжать вести себя въ такомъ родѣ, то онъ будетъ вынужденъ «устранить подстрекателей и нарушителей мира и порядка, истинныхъ враговъ своего отечества». Угроза эта не подѣйствовала. Тогда русскій уполномоченный пришелъ къ необходимости обратиться къ военной силѣ. Онъ поступалъ съ гродненскимъ сеймомъ такъ, какъ поступилъ Анріо 2-го іюня съ народнымъ Конвентомъ. 16-го іюля Сиверсъ объявилъ, что будетъ смотрѣть на дальнѣйшія проволочки какъ на

объявленіе войны и приступить къ военнымъ экзекуціямъ «въ имѣніяхъ, владѣніяхъ и жилищахъ» тѣхъ членовъ Сейма, которые будутъ упорствовать въ сопротивленіи «всеобщему желанію благомыслящихъ представителей польскаго народа». Были и весьма краснорѣчивые протесты. «Намъ грозятъ Сибирью», воскликнулъ одинъ изъ депутатовъ, обращаясь къ королю; «ея пустыни не лишены для насъ привлекательности! Въ нихъ все будетъ напоминать намъ о нашемъ оскудѣніи. Да, уйдемъ въ Сибирь. Ведите насъ туда, государь! Ваша и наша доблесть заставитъ побѣднѣть нашихъ враговъ». Эти краснорѣчивые порывы во вкусѣ Верньо такъ же мало способны были смутить Пгелынтрема и его козаковъ, какъ не смутили Анріо и его канопировъ. Дobleсть, къ которой взывалъ польскій жирондистъ, не была свойственна Станиславу-Августу. Этотъ король былъ скептикомъ во все время своего царствованія; скептицизмомъ онъ отличался и теперь, доказывая тщету сопротивленія. Къ тому же большинство было на сторонѣ Россіи и находило, что честь депутатовъ будетъ спасена, коль скоро насилуется ихъ воля; Гродно находилось въ осадномъ положеніи, собраніе и депутаты подъ строгимъ надзоромъ могли выходить на прогулку не иначе, какъ съ пропускомъ русскаго коменданта. 23-го іюля Комитетъ подписалъ договоръ, которымъ уступались Россіи занятая ею территорія.

Сеймъ надѣялся, что этою жертвою побудитъ Россію покинуть пруссаковъ и что Австрія принудитъ Фридриха-Вильгельма къ отступленію. Пруссакъ Бухгольцъ весьма неохотно согласился на то, чтобы Сиверсъ подписалъ отдѣльный договоръ; но Сиверсъ увѣрялъ его, что Россія, добившись перваго договора, будетъ достаточно сильна, чтобы потребовать и втораго. Бухгольцъ потребовалъ этого 24-го іюля. Сеймъ отвѣтилъ жалобами на нарушеніе прусскимъ королемъ даннаго имъ слова. Только благодаря настояніямъ Сиверса, Сеймъ уполномочилъ комитетъ на веденіе переговоровъ съ Пруссіей не относительно трактата объ уступкѣ земель, а по поводу простого торговаго договора. Австрія, между тѣмъ, втайнѣ подстрекала несчастныхъ поляковъ къ сопротивленію: они были слишкомъ заинтересованы въ томъ, чтобы довѣрить ея искренности, а потому и не были въ силахъ распутать коварство внушеній, которыми обманывалъ ихъ Тугуть.

Этотъ министръ боялся, чтобы дѣло польскихъ депутатовъ не нашло отзыва въ Лондонѣ и не вызвало какого-нибудь крупнаго скандала въ парламентѣ. Его переговоры съ Англіей могли бы отъ этого пострадать. Онъ придумалъ коварную комбинацію, которая, по его мнѣнію, могла предотвратить опасность, обезпечить на всякій случай выгоды Австріи, уменьшить пріобрѣтенія Пруссіи и замаскировать со всѣхъ сторонъ дѣйстви-

тельные замыслы вѣнскаго двора. Онъ написалъ Кобенцелю 12-го іюля, что «было бы крайне неудобно прибѣгать въ Польшѣ къ слишкомъ явнымъ насиліямъ» въ такое время, когда «преступная партія» занимается «декламаціей противъ мнимыхъ насилій государей и, въ особенности, представляетъ въ гнусномъ свѣтѣ новый раздѣлъ Польши». Онъ привелъ «неприличныя и преступныя выходки» оппозиціи англійскаго парламента и, въ заключеніе, совѣтовалъ «не ускорять суровыми мѣрами послѣдняго дѣйствія раздѣла». Это во всѣхъ отношеніяхъ, прибавлялъ онъ, будетъ наиболѣе благоразумною мѣрою: Пруссію удалось бы держать въ ожиданіи; между тѣмъ, какъ если ее удовлетворять въ Польшѣ, она перестанетъ принимать дѣятельное участіе въ войнѣ, а можетъ быть и окончательно отпадетъ отъ коалиціи. Замедливъ ходъ дѣла, возможно будетъ достигнуть соглашенія между тремя дворами, и когда, въ моментъ заключенія общаго мира, они заявили бы о своей волѣ, никто не былъ бы въ силахъ ей противиться.

Когда эта депеша дошла до Кобенцеля, трактатъ былъ уже подписанъ. Узнавъ объ этомъ, онъ немедленно сталъ просить русское правительство объ отсрочкѣ приведенія его въ исполненіе во всемъ томъ, что касалось Пруссіи. «Вамъ представляется», сказалъ онъ канцлеру Остерману, «прекрасный случай быть намъ полезнымъ. Убѣдите пруссаковъ въ томъ, что они могутъ побѣдить сопротивленіе поляковъ не иначе, какъ путемъ соглашенія между тремя державами. Австрія, впрочемъ, имѣетъ притязаніе на пріобрѣтенія въ Польшѣ только въ томъ случаѣ, если ей не удастся ничего пріобрѣсти во Франціи. Сдѣлайте же ваши военныя операціи какъ можно болѣе дѣятельными и, доставивъ вѣнскому двору то, чего онъ желаетъ во Франціи, вы вполне достигнете и вашей цѣли». — «Вы ошибаетесь, отвѣчалъ ему Остерманъ; «ошибаетесь относительно вліянія, которое могло бы имѣть такой образъ дѣйствій на прусскаго короля. Коль скоро онъ увидитъ сопротивленіе поляковъ, онъ быстрѣе насъ приступитъ къ мѣрамъ строгости и насилія, и мы не будемъ въ силахъ этому препятствовать... Онъ найдетъ въ этомъ даже предлогъ употреблять менѣе военныхъ силъ противъ Франціи. У насъ имѣются достовѣрныя свѣдѣнія относительно крайняго недовольства въ его владѣніяхъ, по поводу этой войны... Напротивъ того, если польское дѣло будетъ вполне закончено, тогда прусскій король, не нарушая наиболѣе священныхъ обязательствъ, не можетъ уже заключить сепаратнаго мира съ Франціей... Вы просите теперь, прибавилъ Остерманъ, доли въ Польшѣ, а между тѣмъ всегда заявляли, что ея не желаете». — «Это только за неимѣніемъ лучшаго», сказалъ Кобенцель. — «Но кто можетъ помѣшать вамъ взять эту долю во Франціи?» — спро-

силъ въ заключеніе Остерманъ. И Англія и Пруссія одинаково согласны на это и желаютъ этому содѣйствовать...»

Но Пруссія желала содѣйствовать расчлененію Франціи только въ томъ случаѣ, если обезпечить себѣ предварительно раздѣлъ Польши; Австрія соглашалась утвердить этотъ раздѣлъ только подъ условіемъ полученія вознагражденія во Франціи. Россія, получившая то, чего желала, и державшая въ рукахъ трактатъ, была заинтересована дать отпоръ германцамъ и вовсе не намѣревалась посылать свои войска на Рейнъ, въ видахъ скорѣйшаго окончанія столь выгодной для нея войны. Дѣйствовала теперь одна Англія. Все, что было сдѣлано въ лѣтніе мѣсяцы 1793 г., было сдѣлано Англіей.

Фоксъ попытался еще разъ, 17-го іюня, склонить умы къ миру: цѣль войны, говорилъ онъ, достигнута, такъ какъ Голландія освобождена, а Бельгія вновь отвоевана. Боркъ возражалъ ему съ своей обычной горячностью. Питтъ объявлялъ, что Англія не можетъ вести сношеній съ Франціей до тѣхъ поръ, пока французы будутъ имѣть претензію навязывать такъ называемый принципъ *Права человека*, то есть принципъ завоеваній извнѣ и смуть внутри страны.—Да и съ кѣмъ же споспѣеся? Партіи рушатся одна за другой. Съ каждой почтой получаютъ извѣстія о новыхъ преступленіяхъ. «Если бы мы завели сношенія съ Маратомъ, то еще рапѣе окончанія переговоровъ онъ спустился бы въ тѣ подопки черни, изъ которыхъ вышелъ, и очистилъ бы мѣсто еще болѣе жестокому злодѣю». «Когда придется вести переговоры», заключилъ Питтъ, «необходимо будетъ для достиженія прочнаго мира, чтобы силы Франціи были достаточно ослаблены, а силы Англіи достаточно увеличены». Предложеніе Фокса было отвергнуто 187 голосами противъ 47, и сессія закрылась нѣсколько дней спустя.

Питтъ занимался усиленіемъ Англіи. Онъ могъ это дѣлать только давая субсидіи на наемныя войска. Главною поставщицею солдатъ была Германія. Если мелкіе государи этой страны неохотно готовились къ войнѣ за имперію, потому что это влекло за собою издержки на вооруженія, то, наоборотъ, они всегда готовы были драться за Англію, которая имъ платила. Король Георгъ, въ качествѣ ганноверскаго курфюрста, собралъ 14.000 человекъ. Ландграфъ Кассельскій обязался поставить 8000; герцогъ Брауншвейгскій уже получалъ субсидіи; Баденъ и Дармштадтъ вели о нихъ переговоры. Португалія, подъ вліяніемъ внушеній англійскихъ агентовъ, заключила 15-го іюля оборонительный союзъ съ Испаніей, а 26-го сентября—союзъ съ Англіей^{*)}. Испанія подписала свой трактатъ 25-го мая въ Аранхуэцѣ: мадридскій и лондонскій дворы обязывались

^{*)} SCHAEFER, *Geschichte von Portugal*, Gotha, 1854 t. V.

взаимно поддерживать другъ друга, заключить миръ не иначе, какъ по взаимному соглашенію, и гарантировать обоюдныя владѣнія. Этотъ трактатъ привелъ къ заключенію и другого, а именно съ Неаполемъ, 12-го іюля. Сардинія уже связала себя договоромъ съ 25-го апрѣля. Викторъ-Амедей обѣщаль содержать 50.000 войска для защиты собственного государства; Англія выплачивала ему по 5 милліоновъ франковъ и обѣщала послать флотъ въ Средиземное море. Условіемъ мира ставилось возвращеніе Ниццы и Савойи. Не обѣщая ничего положительнаго, Англія поощряла всѣ честолюбивыя стремленія Виктора-Амедея въ видахъ того, чтобы онъ принялъ наступательное положеніе по отношенію къ Франціи.

Пергаментъ было потрачено не мало, но это еще не доставляло многочисленныхъ армій, и Питтъ понималъ, что республика никогда не будетъ усмирена, если не двинуть массы австрійскихъ и прусскихъ войскъ. Это и было главною его заботою. Онъ старался связать австрійскій и прусскій дворы съ Англіей. 14-го іюля онъ договаривался съ прусскимъ королемъ на тѣхъ же основаніяхъ, на которыхъ договаривался 25-го марта съ Россіей: взаимная поддержка во время войны, общія мѣры для препятствованія общенію Франціи съ нейтральными державами, возвращеніе Франціей завоеванныхъ ею земель. Австрія оказалась менѣе сговорчивой: Тугутъ настаивалъ, чтобы въ трактатѣ были упомянуты вознагражденія, слѣдующія его двору; онъ требовалъ устройства прочной границы для Нидерландовъ на счетъ Франціи; подъ условіемъ такого общанія, онъ соглашался отказаться отъ обѣда Баварин на Бельгію, но не отъ обѣда Баварин на Эльзасъ и Лотарингію, по завоеваніи послѣднихъ двухъ провинцій. Но Англія не хотѣла и слышать объ этомъ, и договоръ былъ заключенъ 30-го августа въ такихъ же выраженіяхъ, какъ и прусскій. Обязательства были неопредѣленны и общи; они могли имѣть цѣну только при условіи искренности договаривающихся сторонъ: искренность же эта измѣрялась интересами; интересы союзныхъ державъ сосредоточивались на завоеваніяхъ, которыя могли быть ими пріобрѣтены во Франціи и Польшѣ, а несогласія по поводу ожидаемыхъ въ Польшѣ пріобрѣтеній не позволяли имъ сплотиться для завоеванія Франціи.

II.

Все, такимъ образомъ, оставалось въ неопредѣленномъ положеніи на востокѣ Европы, а вслѣдствіе этого пріостановились и всѣ операціи коалиціи на западѣ. Союзники овладѣли тремя укрѣпленными пунктами: Конде—12-го іюля; Валансьеномъ—28-го и Майнцемъ—22-го. Французы вышли изъ этого города съ вопиющими почестями, вынужденные сдать его только по причинѣ голода. Герцогъ Брауншвейгскій располагалъ всею совокуп-

постью прусских войск, т. е. 80.000 человек, которые вмѣстѣ съ подкрѣпленною арміею Вурмзера доводили силы союзниковъ въ этой мѣстности до 120.000 человекъ. Между Триромъ и Дюнкирхеномъ оперировало до 114.000 австрійцевъ, подъ начальствованіемъ Кобурга, отъ 40 до 46.000 англичанъ, ганноверцевъ, гессенцевъ и голландцевъ, а всего 160.000 человекъ. Слѣдовательно, коалиція имѣла въ своемъ распоряженіи около 280.000 человекъ. Франція противопоставляла имъ приблизительно равныя силы: 120.000 въ сѣверной и арденнской арміяхъ, 65.000 въ мозельской, 100.000 въ рейнской; но часть этихъ войскъ была удержана въ гарнизонахъ, и мы уже видѣли, въ какомъ бѣдственномъ положеніи находилось все это войско лѣтомъ 1793 г. «Союзники»,—по словамъ Жомини,—«могли бы образовать двѣ крупныя массы, быстро двинуться изъ Валансьена къ Суассону, съ одной стороны, и изъ Майнца чрезъ Люксембургъ къ Рейму—съ другой. Можно было въ пятнадцать переходовъ привести къ Парижу 180.000 солдатъ». Это—классическій планъ нашествій; великій Фридрихъ набросалъ его въ 1770 г., желая развлечься во время приступа подагры; его внуки выполнили этотъ планъ въ 1814, 1815 и 1870 годахъ. Но въ 1793 г. они отложили его. И это потому, что они, не менѣе австрійцевъ, русскихъ и англичанъ, сомнѣвались въ возможности серьезнаго отпора со стороны французскаго народа. Они уже рисовали себѣ Францію пизведенною къ положенію Польши и раздражающую себя внутреннею смутю; Европѣ, казалось имъ, стоило только напнуться, чтобы вырѣзать себѣ границы по своему усмотрѣнію. Кобургъ боялся неудачъ, подобныхъ тѣмъ, которыя постигли Брауншвейга въ 1792 г. Онъ хотѣлъ двинуться во внутрь Франціи, только обезпечивъ себѣ всю укрѣпленную линію Фландрій и Лотарингій. Это была осадная война; а такъ какъ она была двусмысленна и выгодна, то союзники и согласились на нее; но при этомъ каждый изъ нихъ содѣйствовалъ другимъ лишь въ размѣрахъ, предписываемыхъ его собственными интересами. Англичане помогли австрійцамъ овладѣть Конде и Валансьеномъ; они потребовали, чтобы австрійцы оказали имъ поддержку для взятія Дюнкирхена. Кобургъ соглашался на это весьма неохотно и сталъ осаждать за счетъ своего государя Ле Кеноа. Тѣмъ временемъ, 6-го августа, князь Вальдекскій предложилъ прусскому королю, отъ имени императора, комбинированіе атаки на Эльзасъ. Фридрихъ-Вильгельмъ, видѣвшій всегда за этимъ завоеваніемъ обѣщаніе Баваріи, пожелалъ присоединиться къ плану лишь до тѣхъ поръ, пока Австрія не удовлетворитъ его въ Польшѣ. Онъ далъ согласіе на предпріятіе, но видимо берегъ при этомъ свои войска ¹⁾).

¹⁾ JOMINI, t. IV, liv. VI, ch. XX; SOULT, t. I, 57; SYBEL, t. II, liv. VII, ch. VI. FERSEN, t. II. MALLET DU PAN, t. I, 353.

Каждый изъ союзниковъ имѣлъ въ виду исключительно собственныя дѣла и полагалъ, что проволочки не повредятъ имъ. Даже ловкіе и предусмотрительные люди находили, что было бы неосторожно, если не прямо опасно, поддерживать отнынѣ роялистскую партію во Франціи. Если республика рухнетъ, какъ въ томъ увѣрены были союзники, роялисты могли бы заявить претензію на возстановленіе монархіи во всей ея территоріальной цѣлокупности. Поэтому нужно было остерегаться отъ принятія на себя обязательствъ, могущихъ оказаться впоследствии стѣснительными. «Мы не поддерживаемъ дѣйствительнымъ образомъ ни одной партіи,—говорилъ лордъ Гренвилль графу Штадіону,—и нѣтъ ни одной, съ которою мы дѣйствовали бы сообща; но мы находимъ, что должны держаться около всѣхъ и подавать имъ надежды, ни къ чему насъ не обязывающія, въ видахъ возбужденія и поддержанія внутреннихъ смутъ, которыя составляютъ такую могучую диверсію во время войны».

Эту же диверсію проповѣдывалъ англичанамъ и Боркъ; Мерси не переставалъ совѣтовать се австрійцамъ. Но Тугутъ не желалъ ничего знать, а лондонскій кабинетъ, хотя и понималъ всю ея важность, занялся этою мѣрою, уже упустивъ удобное время ²⁾. За исключеніемъ адмирала Гуда, крейсировавшаго передъ Тулономъ, завязавшаго сношенія съ роялистами этого города и добившагося его сдачи 28-го августа, союзники не предприняли ничего существеннаго для того, чтобы воспользоваться раздорами французевъ. Можно даже утверждать, что поспѣшность, съ какою они овладѣвали крѣпостями, и облегченія, даруемыя при капитуляціяхъ, помогли республиканцамъ при подавленіи роялистскихъ возстаній. Гарнизоны, выходившіе изъ крѣпостей съ оружіемъ и обозомъ, были употреблены на службу внутри страны ³⁾.

Католическо-королевская армія составляла громадное полчище, приблизительно въ 50.000 человекъ. Неспособность командировъ, назначенныхъ въ вандейскую армію военнымъ министерствомъ, парализовала лучшіе элементы республиканскихъ войскъ. Что могли сдѣлать даже такіе помощники, какъ Груши, Канкло, Марсо, подъ начальствомъ такихъ «гепераловъ», какъ нелѣпый Россиньоль или разбойникъ Ронсенъ? Въ теченіе всего лѣта предпринимались неопредѣленные движенія, не мѣшавшія инсurreкціи распространяться среди притѣсняемаго и обираемаго населенія,

²⁾ ТИВНИКИМЪ, письмо Мерси отъ 24-го мая 1793 г. — Rémusat, *L'Angleterre au dix-huitième siècle*, t. II, p. 415. — STANHOPE, *William Pitt*, t. II, p. 206. Довѣщеніе Штаремберга, 6-го сентября 1793 г. ZEISSBERG, t. III, p. 260.

³⁾ Такъ, напримѣръ, валансьенскій гарнизонъ содѣйствовалъ подавленію возстанія въ Лионѣ, а тѣ 17.000 солдатъ, которые покинули Майнцъ и были затѣмъ переведены на западъ, самымъ рѣшительнымъ образомъ помогли усмирению Вандеи.

враждебность которого къ республикѣ постоянно возрастала. Вандейская мятежная армія могла сдѣлаться весьма грозною, если бы раздоры между командирами, отсутствіе дисциплины и высшаго руководства не превосходили въ средѣ роялистовъ тѣхъ же недостатковъ среди самихъ республиканцевъ. Борьба продолжалась, такъ сказать, оцупую и была свирѣпою и фанатичною съ обѣихъ сторонъ. Европа ничего не знала о ней, и вандейцы уже были близки къ полному истощенію силъ, когда въ европейскихъ канцлерствахъ еще спрашивали себя: кто же такіе эти инсургенты и чего они хотятъ? Въ этихъ вооружившихся на защиту своей вѣры крестьянахъ, въ этихъ безстрашныхъ вожатаяхъ, ведшихъ ихъ на междоусобную войну, европейскіе государи и ихъ министры видѣли только скопища бунтовщиковъ, увлеченныхъ бродягами-вожаками на подобіе того, какъ то нерѣдко случалось въ Польшѣ, Богеміи, Венгріи и Ирландіи. Политическіе дѣятели пользовались ими порою, чтобы причинить безпокойство противникамъ, но всегда смотрѣли на нихъ, какъ на средство и уловку. Самыя имена предводителей вандейскаго возстанія: Бошпапа, Лескюра, Кателипо, Шаретта, Стофле, д'Эльбе были неизвѣстны въ Европѣ. Приобрѣло извѣстность только одно имя, вслѣдствіе случайнаго отголоска одного изъ донесеній Конвенту, — имя цирюльника Гастона. Этотъ бѣдняга давно уже былъ убитъ и погибъ такъ же безвѣстно, какъ и жилъ, когда по странному возмездію судьбы въ немъ стали олицетворять всю ту армію, въ которой онъ былъ смиреннѣйшимъ изъ воиновъ. Когда въ 1793 г. заговорили о вандейцахъ, ихъ стали называть арміей г. де Гастона. Цирюльника разомъ возвели въ дворянское достоинство. Никому не приходило въ голову, чтобы можно было сражаться за вѣру и короля, не будучи человекомъ знатнаго происхожденія. А для того, чтобы придать Гастону надлежащія права на выполненіе задачи, за которую онъ взялся безъ всякаго полномочія, его смѣшали съ другимъ Гастономъ, бывшимъ нѣхотнымъ майоромъ, который изъявлялъ желаніе служить въ арміи принцевъ, но былъ удаленъ изъ Кобленца на томъ основаніи, что онъ служилъ ранѣе въ конституціонныхъ войскахъ. Дюмурье, котораго постигла неудача въ Лондонѣ, тотчасъ же предложилъ свои услуги въ дѣлѣ освѣдомленія «о проектахъ г. де Гастона, о степени ихъ серьезности и о средствахъ имъ содѣйствовать».

Это непониманіе и презрѣніе къ инсurreкціи, занявшей такое видное мѣсто въ исторіи, объясняются главнымъ образомъ глубокимъ разочарованіемъ въ эмигрантахъ, со стороны ихъ къ тому же немногочисленныхъ сторонниковъ въ Европѣ, и антипатіей, которую они внушали всѣмъ. Лучшіе изъ нихъ сторонились отъ политики, въ области которой они видѣли одни бѣдствія, измѣны, униженія и озлобленіе; они впадали въ страшную

нищету въ изгнаніи. Поддержка, которую они получали, была милостынею. Нашедшіи убѣжище въ Лондонѣ Шатобріанъ едва не умеръ тамъ отъ голода и холода. Въ Германіи, гдѣ скопилось значительное количество этихъ несчастныхъ, положеніе ихъ было еще тягостнѣе, потому что въ Англіи, если ихъ и оставляли безъ матеріальной поддержки, зато, по крайней мѣрѣ, отпосланы къ нимъ съ уваженіемъ. Нѣмцы же не могли забыть о заносчивости и праздной жизни веселой эмиграціи 1791 г. Они обращались какъ съ инцими, съ этими дворянами, нѣкогда смотрѣвшими на нихъ какъ на неотесанную деревенщину. Наиболѣе счастливыми были дворяне, служившіе отнынѣ въ павимомъ корпусѣ Конде: у нихъ была дѣла и они мужественно жертвовали собою въ столкновеніяхъ съ непріятелемъ.

Въ Бельгіи эмигранты то предавались отчаянію, то вели легкомысленную жизнь. Нѣкоторые отправлялись, рискуя быть задержанными и разстрѣлянными республиканскими патрулями, къ аванпостамъ, съ одной цѣлью прикоснуться къ французской землѣ или «только увидѣть французскія мѣстности». Люди, сохранившіе кое-какія средства, являлись и посѣщали театры. Процессъ королевы и смертный приговоръ были уже неизбежны, а между тѣмъ можно было «встрѣтить въ театрѣ всѣхъ французовъ, и даже жепцингъ!»¹⁾. «Великій Боже, какая нація!» — восклицалъ одинъ изъ немногихъ иностранцевъ, оставшихся вѣрнымъ Маріи Антуанеттѣ²⁾. Какіе монархи! — можно было бы въ то же время воскликнуть о политикахъ, которые думали не о поддержкѣ братьямъ Людовика XVI, а только о томъ, чтобы утилизировать ихъ въ свою пользу.

Графъ д'Артуа продолжалъ объѣзжать европейскіе дворы и начиналъ выслушивать рядъ отказовъ, казавшихся роялистамъ необъяснимыми. Зубовъ и Эстергази устроили ему побѣдку въ Лондонѣ, увѣряя, что англичане исполняютъ всѣ его желанія. Но едва онъ успѣлъ появиться на рейдѣ въ Гулль, на русскомъ фрегатѣ, какъ ему заявили, что онъ долженъ немедленно отплыть обратно, если не хочетъ быть посаженнымъ въ тюрьму за долги. Русскій посланникъ пріѣхалъ къ нему на корабль вмѣстѣ съ герцогомъ д'Аркуромъ, человекомъ прямымъ и спокойнымъ, сѣдившемъ въ Лондонѣ за дѣлами принцевъ. И тотъ и другой совѣтовали ему уѣхать. Графъ д'Артуа склонился, повиному, къ тому, чтобы показать себя въ лагерь Конде. Австрійцы запретили ему туда являться. Оставался только одинъ ресурсъ: ѣхать сражаться во Франціи въ средѣ вандейцевъ; но графъ хотѣлъ навести справки, прежде чѣмъ вступитъ съ ними въ общинчество. Онъ отправился въ Гаммъ, гдѣ нашелъ убѣжище его братъ. Онъ нашелъ его озабоченнымъ тѣми же сомнѣніями и спрашивающимъ

¹⁾ *Relation inédite de M. de Fontenay*, août 1793.

²⁾ *Journal de Fersen*, 11 août 1793; *Fersen*, t. II, 83.

себя не о томъ, ѣхать ли ему въ ряды вандейцевъ, — этого не позволяло его регентское достоинство, — а о томъ, можно ли ему признать эту такъ называемую «католическо-королевскую армию», о существованіи которой ему было извѣстно только по газетамъ. Братья Людовика XVI собрали свое маленькое канцлерство и приступили по всѣмъ правиламъ этикета къ методическому освѣдомленію о людяхъ и дѣлахъ въ возставшемъ краѣ. Графъ Прованскій сохранилъ со времени событія 1788 г. ⁶⁾ нѣкоторое недоверіе къ дворянству западной Франціи, и въ особенности къ бретонскому. Это было независимое провинціальное дворянство, державшееся всегда въ оборонительномъ положеніи по отношенію къ двору, отстаивавшее свои преимущества, преданное, но весьма часто непокорное, а потому подозрительное въ глазахъ государей, предпочитавшихъ покорность самой преданности. Принцы просмотрѣли королевскіе альманахи, ища въ нихъ имена людей, дравшихся, какъ увѣрили, за ихъ дѣло. «Всего болѣе сердитъ Эстергази, — писалъ одинъ русскій, — то, что Гастонъ умалчиваетъ о принцахъ, регентъ и всѣхъ эмигрантахъ». Графъ Прованскій рѣшилъ отправить въ Вандею двухъ дворянъ: Вожирара и д'Эрвиллы, которые должны были доставить свѣдѣнія о «принцахъ, успѣхахъ и положеніи г. де Гастона». Этимъ агентамъ вручены были форменныя инструкции. «Надлежитъ, — говорилось въ этихъ инструкціяхъ, — чтобы гг. д'Эрвиллы и де Вожираръ знали, что г. регенту неизвѣстенъ г. де Гастонъ, что онъ не получилъ о немъ никакихъ извѣстій и что благоприятное мнѣніе, которое онъ можетъ имѣть о немъ, происходитъ изъ свѣдѣній, указывающихъ на него какъ на человѣка, сражающагося во имя Бога и короля. Но для того, чтобы получить полное понятіе о его намѣреніяхъ, необходимо узнать, какому королю онъ желаетъ служить: королю конституціонному или королю древней французской монархіи? Во всякомъ случаѣ, посланные брата короля должны ободрить Гастона и объявить ему, что его не будутъ стѣснять въ его дѣйствіяхъ. Они должны совѣтовать ему призвать принцевъ; впрочемъ, если онъ конституціонистъ, то «эти господа должны ограничиться тѣмъ, что спросятъ у него письменнымъ образомъ... что именно разумѣетъ онъ подъ словомъ конституція». Предписана была «величайшая осторожность при началѣ сношеній съ г. де Гастономъ». Не слѣдуетъ, сказано было агентамъ, «приносить имя ихъ королевскихъ высочествъ ранѣе, чѣмъ приобретено будетъ довѣріе (Гастона) и увѣренность въ томъ, что онъ сознастъ, чѣмъ обязанъ принцамъ» ⁷⁾).

Вся эта пустая процедура не могла ни заинтересовать европейскіе

⁶⁾ CHÉREST, *La chute de l'ancien régime*, t. I, ch. XIII; t. II, ch. XIV.

⁷⁾ Instructions de M. M. d'Hervilly et de Vaugirard, 25 juin 1793. Note datée de Londres, 25 juillet 1793.

дворы Вандеей, ни поднять престижъ принцевъ. Тщеславные въ требованіи своихъ правъ, эти принцы окончательно отталкивали отъ себя Европу даже наиболѣе похвальными изъ своихъ поступковъ. Графъ Прованскій протестовалъ противъ занятія Тулона: оно было произведено именемъ короля французскаго, но англійскій адмиралъ не достаточно озабочился различіемъ дѣла короля отъ дѣла конституціи. Это было бы, — писалъ претендентъ на регентство, — неудобнымъ прецедентомъ для другихъ капитуляцій и могло бы породить затрудненія при заключеніи мира. «Вѣнскій дворъ, — прибавлялъ онъ, — дѣйствуетъ въ Генегаву въ совершенно иномъ направленіи; онъ искореняетъ, правда въ свою пользу, всѣ начала конституціи». Дѣйствительно, австрійскіе генералы овладѣли крѣпостями просто-на-просто именемъ императора, что освобождало ихъ отъ всякой двусмысленности, какъ по отношенію къ французской коронѣ, такъ и по отношенію къ конституціоннымъ сомнѣніямъ брата короля и основнымъ законамъ монархіи.

Графъ Прованскій протестовалъ еще разъ противъ такого способа дѣйствій во время сдачи Конде и Валансьена. Онъ протестовалъ только противъ формы, такъ какъ онъ не могъ сомнѣваться въ намѣреніяхъ императора. Францъ II написалъ ему 13-го іюля: «Тѣ самыя важныя соображенія, которыми я руководился до сихъ поръ по отношенію къ формальному признанію регентства и вашему присутствію въ союзныхъ арміяхъ, продолжаютъ оставаться во всей своей силѣ и не позволяютъ мнѣ слѣдовать моему искренней готовности удовлетворить ваши желанія». Эти важныя соображенія заключались именно въ завоеваніи и «благородной охранѣ» пограничныхъ крѣпостей. Принцы занимались декламацией противъ Австріи и заворедной системы 1756 г. Австрія не обращала на это ни малѣйшаго вниманія, а англичане не слушали. «Полагаютъ», — писалъ императорскій посланникъ въ Лондонъ, — «что если бы принцы дѣйствовали болѣе послѣдовательно и разумно, можно было бы воспользоваться ихъ содѣйствіемъ и оказать имъ покровительство; но ихъ легкомысліе и ихъ опасная неосмотрительность проявились слишкомъ явно, и они слишкомъ отделились отъ всѣхъ для того, чтобы могли надѣяться на что-либо, кромѣ формальной роли и выставленія ихъ представительства въ случаѣ благоприятнаго оборота дѣлъ». «Скажу вамъ кстати, — писалъ Мерси, — что доблестные эмигранты, присутствіе которыхъ мы переносимъ въ Брюссель съ такимъ терпѣніемъ, громко заявляютъ протестъ, а въ случаѣ надобности намѣреваются оказать и грозное сопротивленіе всякому завоеванію, которое мы могли бы сдѣлать на французской территоріи, принимаемой ими подъ свое непосредственное покровительство». Когда одинъ изъ эмигрантовъ выразилъ сѣтованіе по поводу валансьенскаго дѣла, Мерси отвѣчалъ ему: «Такъ

вы думаете, что мы ведемъ войну ради вашего удовольствія? Погодите, и пе то увидите!»

Европейскія монархія никогда не отставали искренно дѣла французской королевской фамиліи; теперь онѣ открыто покидали его. Маріи-Антуанетѣ оставалось нѣсколько недѣль, а можетъ быть и нѣсколько дней жизни. Она дошла до полного отчаянія. Нельзя было терять времени, если хотѣли спасти ее. Но европейскія канцлерства всего менѣе заботились именно объ этомъ. Имя французской королевы и не произносилось на совѣщаніяхъ союзниковъ⁸⁾. Въ іюлѣ одинъ изъ довѣренныхъ людей императора признается барону Бретейлю, что въ случаѣ освобожденія тамильскихъ узниковъ, австрійцы не рѣшатся, быть можетъ, принять ихъ. Бретейль справедливо заключилъ изъ этого, что причина тому—«нежеланіе быть стѣсненными въ мѣропріятіяхъ, которыя имѣются въ виду». У дочери Маріи-Терезіи оставалось только трое преданныхъ людей: Ферзенъ, Ла-Маркъ и Мерен. Этотъ посланикъ, утративъ всякую надежду побороть неслыханное безучастіе своего двора, пытался дѣйствовать лично отъ себя, при помощи нѣкоторыхъ косвенныхъ сношеній, которыя успѣлъ сохранить въ Парижѣ. Онъ сдѣлалъ попытку послѣдняго ходатайства предъ императоромъ, Тугуттомъ и генералами. «До тѣхъ поръ, пока опасность не грозила непосредственно королевѣ,—писалъ онъ Кобургу,—еще можно было храниль молчаніе изъ опасенія пробудить злобу окружающихъ ее дикарей; но теперь, когда она во власти кроваваго трибунала, всякая мѣра, подающая надежду на ея спасеніе, покажется вамъ, быть можетъ, прямымъ долгомъ... Повѣритъ ли потомство, что такое ужасное покушеніе могло совершиться въ нѣсколькихъ переходахъ разстоянія отъ побѣдоносныхъ австрійскихъ и англійскихъ войскъ, причемъ эти арміи не сдѣлали никакихъ успѣховъ для его предотвращенія». Ферзенъ съ мучительною тревогою требовалъ послѣднихъ средствъ: отправки агента къ Дантону, котораго считали доступнымъ жалости и политическому расчету; посылки денегъ въ Парижъ; манифеста, для обнародованія на границахъ; наступательнаго движенія войскъ, для подкрѣпленія всѣхъ этихъ махинацій⁹⁾. Ничто не подѣйствовало. Письма

⁸⁾ Весьма ярко свидѣтельствуетъ объ этомъ сборникъ документовъ тщательно составленный Vivienst и Zeissberg'омъ. Отъ 1-го января до 8-го ноября 1793 г., дня, въ который Тугутъ оповѣщаетъ о смерти Маріи-Антуанеты, сборникъ представляетъ 464 весьма убогихъ страницъ и 302 документа вѣнскаго канцлерства. Статья о *Политикъ* заключаетъ 99 ссылокъ на приложенія, изъ которыхъ нѣкоторыя представляютъ собою цѣлые документы; статья: *Эмзасъ*—46 страницъ; статья о *Маріи-Антуанетѣ*—только девять, причемъ содержитъ лишь сухія фактическія данныя. *Suum cuique!*

⁹⁾ Мерси Кобургу, 10-го августа 1793 г. ТИЮРНИМ. FERSEN. *Correspondance de la Marck*.—CHANTELAUZE, *Louis XVII*, p. 162.—DE LA ROCHEVERE, *Marie-*

оставались безъ отвѣта, генералы—безъ приказовъ и дипломаты—безъ инструкцій.

III.

«Все въ застоѣ»,—восклицалъ Дантонъ 1-го августа, когда, быть можетъ, еще надѣялся на возвращеніе къ нему власти; «правительство не располагаетъ никакимъ политическимъ средствомъ. Мы должны пользоваться тѣми же способами, къ которымъ прибѣгаетъ Питтъ, за исключеніемъ преступленія... Я требую, чтобы Конвентъ превратилъ свой комитетъ Общественнаго спасенія во временное правительство и чтобы въ распоряженіе этого правительство предоставлено было пятьдесятъ милліоновъ». Конвенту не была извѣстна слабая сторона коалиціи. Онъ видѣлъ одинъ ея призракъ, казавшійся огромнымъ, поглощающимъ и ужаснымъ. Онъ читалъ грозные манифесты. Коалиція желаетъ блокировать Францію, морить ее голодомъ, расчленивъ, разорить, уничтожить. Непріятель тѣснитъ Францію со всѣхъ ея границъ; междоусобіе повсюду тѣснитъ подъ неплотъ тамъ, гдѣ оно еще не успѣло разразиться, и отъ всѣхъ генераловъ, отъ всѣхъ находящихся при войскахъ комиссаровъ получаются извѣстія о бѣдствіяхъ и голодѣ, картины страшныхъ безпорядковъ, донесенія о заговорахъ, всякаго рода тревожныя вѣсти, подозрѣнія, слѣдная растерянность отчаянія. Государственному человѣку нужно было бы проявить не мало гениальности и твердости характера, чтобы среди такого кризиса сдерживать неистовавшую чернь, преобразовать распавшееся правительство, собрать націю, поставивъ ее въ кадры арміи, сражаться, конституируя государственное управленіе, и разъединить коалицію путемъ переговоровъ, не переставая утомлять ее нападѣніями. Дантонъ, задумавшій именно такой планъ, не былъ въ состояніи его выполнить. Послѣ него не нашлось человѣка, который пожелалъ бы сдѣлать такую попытку. То, что было сдѣлано, совершилось исключительно силою вещей и какъ бы роковою игрою событій, страстей и интересовъ. Угрожаемые одновременно союзными державами, роялистами, умѣренными республиканцами и демагогами, монтаньяры не видѣли ни для своего дѣла, ни для своего личнаго спасенія никакихъ иныхъ средствъ, кромѣ слѣдующихъ: поддержанія кризиса, доставившаго имъ власть, удовлетворенія пенстовыхъ крайними мѣрами, изгнанія или истребленія всѣхъ противниковъ, подчиненія себѣ всей Франціи путемъ устрашенія, а для мотивированія всѣхъ этихъ крайностей—возбужденія противъ Европы такой ожесточенной войны, чтобы нельзя было

Antoinette, Paris 1890, t. II.—ROBISSET, *Procès des Dantonistes*, p. 311, 315, 325, 452.

и подумать объ ея прекращеніи или даже смягченіи, не подвергнувъ Францію гибели подъ ударами репрессалій.

1-го августа во время преній, среди которых Дантонъ потребовалъ образованія новаго правительства, Бареръ, ставшій отнынѣ генеральнымъ прокуроромъ комитета Общественнаго спасенія, прочелъ длинный докладъ о положеніи дѣлъ. Онъ обличалъ «нечестивый заговоръ», составившійся противъ республики съ одного конца Европы до другого. Указаніе на этотъ заговоръ сдѣлалось главною государственною необходимостью революціоннаго правительства, общимъ двигателемъ террористскаго механизма; всѣ противники Комитета будутъ обвинены въ соучастіи и должны быть послѣдительно раздавлены, аристократы и демагоги, припцы и цареубійцы, жирондисты, Дантонъ и даже Геберъ. Въ своемъ первомъ обвинительномъ актѣ, комитетъ Общественнаго спасенія нападалъ еще только на монарховъ и роялистовъ. «Нужно»,—говорилъ Бареръ,—«чтобы въ одинъ и тотъ же день вы поразили Англію, Австрію, Вандею, Тампль и Бурбоновъ». Необходимо сразить Австрію и австріячку, эту «женщину, которая была причиною всѣхъ бѣдствій Франціи... которая усилила своимъ предательствомъ дѣйствіе губительнаго трактата 1756 г.: она будетъ предана суду революціоннаго трибунала. Слѣдуетъ разить королей и въ лицѣ ихъ потомковъ, и въ лицѣ предковъ, обрѣзать вѣтви, истребить корень: гробницы въ Сенъ-Дени будутъ уничтожены ¹⁾; всѣ оставшіеся въ живыхъ Бурбоны будутъ высланы, дѣти Людовика будутъ содержаться въ тюрьмѣ, и содержаніе ихъ будетъ ограничено необходимою пищею. Слѣдуетъ разить роялистовъ: имѣнія людей, поставленныхъ внѣ закона декретомъ Конвента, будутъ конфискованы въ пользу республики. Необходимо нака-

¹⁾ Оскверненіе гробницъ въ церквяхъ во время войнъ въ Пфальцѣ. Въ Шпейерѣ, въ іюнѣ 1689 г., соборъ былъ разграбленъ, а затѣмъ разрушенъ; гробницы восьми императоровъ были разграблены и прахъ ихъ развеянъ по вѣтру.—Darest, *Histoire de France*, t. V, p. 590. Въ Гейдельбергѣ въ іюнѣ 1693 г. женщинъ насильовали и убивали въ церквяхъ; могилы курфирстовъ были разрыты. «Отецъ герцогини Орлеанской былъ удостоенъ отличія. Ему отрубили голову, затѣмъ протащили его за ноги вокругъ церкви». Командовалъ Мелакъ, «страшный Мелакъ, грозный германскій палачъ, пользовавшійся большою извѣстностью». Миснелет, *Histoire de France*, t. XVI, p. 97. У этого Мелака, говоритъ Сенъ-Симонъ, была манія «пугать враговъ...» Ему удавалось заставлять трепетать при произнесеніи его имени... онъ первый смѣялся надъ этимъ... Впрочемъ это былъ кроткій и добрый человѣкъ, все прощавшій друзьямъ... воздержный, безыскусственный... онъ всегда о чемъ-то размышлялъ и говорилъ о войнѣ съ такимъ неподдѣльнымъ краснорѣчіемъ и такими мѣткими выраженіями, что повергалъ всѣхъ въ изумленіе...» *Mémoires de Saint-Simon*, année 1702. Однимъ словомъ, это былъ своего рода террористъ классической эпохи: чувствительный, рѣчистый и свирѣпый.

затъ иностранцевъ: «страшный законъ о репрессаліяхъ» будетъ приведенъ въ исполненіе; всѣ лица, принадлежація къ національностямъ, враждующимъ съ республикою и поселившіяся во Франціи послѣ 14-го іюля 1789 г., будутъ арестованы. Слѣдуетъ показать и Вандею: майнцскій гарнизонъ будетъ переведенъ въ возстаніе департаменты; будутъ жечь лѣса ²⁾; вырубая боры, уничтожать логовища бунтовщиковъ, уберутъ хлѣба, захватятъ скотину; женщины, старики и дѣти будутъ перевезены въ внутренніе департаменты ³⁾; имущество мятежниковъ будетъ конфисковано въ пользу республики. То была жестокая система прежнихъ губительныхъ войнъ. Комитету были извѣстны прецеденты и онъ опирался на нихъ. «Надъ Лувуа произнесла свой приговоръ исторія за его пожары въ Пфальцѣ, и Лувуа заслужилъ этотъ приговоръ: онъ работалъ на пользу деспотизма и грабилъ для тирановъ. Пфальцъ республики — это Вандея, и свобода, которая на этотъ разъ будетъ руководить исторіей, прославить ваше мужественное рѣшеніе, потому что вы будете карать во имя утвержденія правъ человѣка». Цѣль оправдываетъ средства. Такой же доктрины держался и Симонъ Монтфортескій во время своего крестоваго похода на альбигойцевъ. Но, совершивъ все предполагавшееся, все-таки дѣло не подвижется ни на шагъ впередъ. Надо поразить заговоръ въ самое сердце, т. е. въ Лондонѣ. Питтъ и Англія прибѣгаютъ противъ республики «ко всякимъ преступленіямъ: къ пожарамъ, убійству, подкупу, шпіонству, предательству»; ихъ пужно обличить предъ лицомъ всѣхъ народовъ и объединить весь континентъ противъ Англіи. «Когда-нибудь народы Европы, испугавшись торговой тираниі, политическаго деспотизма и крайней продажности англійскаго правительства, составятъ союзъ вслѣдствіе всеобщей потребности въ свободѣ. Утомленные гнетомъ Англіи и ея морскою тиранией, континентальные народы осуществятъ пожеланіе Катона: Современный Картагенъ будетъ уничтоженъ!» ⁴⁾.

²⁾ «Осмѣлюсь сказать вамъ нѣчто такое, что, быть можетъ, вамъ не понравится: на другой же день по взятіи Мангейма я расправился бы ножами и срылъ бы все до основанія». *Chamlay à Louvois*, 27 octobre 1688. Лувуа понялъ мысль Шамле... Баронъ Монкларъ получилъ приказъ занять Гейльброннъ, взорвать стѣны и башни, потребовать отъ жителей, подъ угрозой грабежа и полнаго уничтоженія, возможно болѣе денегъ, и въ то же время грабить и срывать до основанія въ Виртембергѣ, Штутгартѣ, Зелингенѣ, Тюбингенѣ... подкупать даже мѣстныхъ жителей, съ тѣмъ, чтобы они поджигали и путемъ устрашенія пожарами довести до небывалыхъ размѣровъ размѣры контрибуцій. *Samille Roussel, Louvois*, t. IV, p. 163—164.

³⁾ «Король желаетъ, чтобы жители Мангейма удалились въ Эльзасъ и чтобы всѣ аданія города были разрушены до основанія». Приказъ Лувуа, 10-го января 1689. *Roussel, id.*, p. 166, 178.

⁴⁾ «Такъ какъ ни одно правительство не имѣетъ права поступаться совѣстью, т. ш.

Всѣ статьи, предложенныя Бареромъ, были декретированы въ томъ же засѣданіи. 7-го августа Гарнье де Сентъ ⁵⁾ предложилъ довершить этотъ декретъ объявленіемъ Пিতта вѣтъ закона и что каждый имѣетъ право его убить. Кутонъ замѣтилъ, что это значить доходить слишкомъ далеко, и Конвентъ ограничился объявленіемъ Пিতта «врагомъ рода человѣческаго». Между тѣмъ все оставалось въ прежнемъ положеніи, и августъ прошелъ безъ какихъ бы то ни было мѣръ къ поднятію государства. 4-го сентября узнали о капитуляціи Тулона. Парижъ заволновался, и демагоги подготовили «день». Вступленіе Робеспьера и Сентъ-Жюста въ Комитетъ не удовлетворило ихъ. Отъ нихъ видѣли такъ же мало пользы, какъ отъ жирондистовъ и Дантона. Нужда росла, а съ нею росло и отчаяніе. Конвентъ подвергся нашествію толпы 5-го сентября. Папъ и Шометтъ, во главѣ депутаціи отъ парижской Коммуны, потребовали страшныхъ каръ для виновниковъ голода и измѣнниковъ. Дантонъ, появившійся теперь на трибунѣ только неожиданно и говорившій приступами, попытался еще разъ вернуть ускользавшую отъ него популярность. Онъ показалъ, что не утратилъ своего грознаго дара «волновать толпу», но утратилъ способность руководить ею. Ему рукоплескали, когда онъ потребовалъ проскрипцій. Бареръ методически подвелъ итоги дикихъ преній и безпорядочныхъ предложений. Онъ пустился въ разъясненія «великаго слова», которымъ республика обязана парижской Коммунѣ, и заключилъ свою рѣчь слѣдующимъ предложеніемъ: «Поставимъ на очередь терроръ!» Страхъ, управлявшій Конвентомъ, сдѣлался основою его управленія. Конвентъ пришелъ къ этому такимъ же путемъ, какимъ пришли и его руководители. Они испытывали страхъ, они внушали страхъ и, внушая его, продолжали ему подчиняться. «Къ этому были увлечены постепенно,—говоритъ одинъ свидѣтель;—слѣдовали за ходомъ этого террора, не зная сами, куда идутъ; шли впередъ, потому что боялись отступать и не видѣли никакого другого исхода» ⁶⁾.

Строгости по отношенію къ иностранцамъ удвоились: во Франціи ихъ имѣнія были конфискованы ⁷⁾, ихъ подвергли реквизиціямъ вездѣ, куда

своею независимостью... такъ какъ, если по непростительной слабости, которая была бы несмыслимымъ пятномъ въ глазахъ потомства, допустить въ принципѣ... подобную тираннію, англичане приняли бы это къ свѣдѣнію и превратили бы ее въ право, подобно тому, какъ они воспользовались снисходительностью правительствъ для установленія *иностраннаго правила*, гласящаго, что флагъ не ограждаетъ товара... декретируемъ блокаду Британскихъ острововъ на сушѣ и на морѣ. Декретъ Наполеона. Миланъ, 17-го декабря 1807 г.

⁵⁾ Президентъ гражданскаго суда въ Сентѣ (Saintes), кавалеръ ордена Почетнаго легіона въ 1806 г.

⁶⁾ ТИВОДЕАУ, *Mémoires*, т. I, р. 45.

⁷⁾ Декретъ 7-го сентября 1793 г.

проникали французскія войска. Декретъ 15-го декабря 1792 казался еще слишкомъ милостивымъ для завоеванныхъ народовъ. Агенты и комиссары исполнительной власти не переставали требовать болѣе дѣйствительныхъ мѣръ. «Бельгіецъ,—писалъ одинъ изъ этихъ агентовъ,—знаетъ только причастіе и деньги. Первое для него, пожалуй, даже важнѣе второго. Вотъ его наипростѣйшая характеристика». Берите заложниковъ,—отвѣчалъ министръ,—жгите магазины, налагайте контрибуціи, жгите корабли въ гаваняхъ. «Такой способъ дѣйствія, быть можетъ, противенъ вашимъ республиканскимъ чувствамъ, но слишкомъ долгое время ведемъ мы войну какъ философы, между тѣмъ какъ наши свирѣпые враги поступаютъ съ нами какъ пестые людицы... Будемъ цѣдить только хижину бѣдняка». «Тогда,—писалъ другой агентъ,—мы разбогатѣемъ на счетъ плодороднаго Пьемонта, мы перельемъ въ монету тяжелыхъ мадоннъ; скоро мы принудимъ его на колѣняхъ молить о мирѣ и почитать себя счастливымъ, если у него возьмутъ одно его Савойское герцогство» ⁸⁾. 15-го сентября, по настоянію Жанбона, было декретировано, что республиканскіе генералы, «отказываясь отнынѣ отъ всякой филантропіи, направленной къ разъясненію иностраннымъ народамъ преимуществъ и значенія свободы», будутъ дѣйствовать путемъ репрессалій и руководиться, «по отношенію странъ и отдѣльныхъ лицъ, покоренныхъ ихъ оружіемъ, обычными законами войны». Вслѣдствіе этого декрета, комитетъ Общественнаго спасенія составилъ инструкцію для армій ⁹⁾. Это было лишь примѣненіемъ къ республиканской войнѣ обычая, которымъ слѣдовали монархіи въ теченіе многихъ вѣковъ. Тѣми же обычаями руководились и союзныя державы ¹⁰⁾.

Вступая въ непріятельскую страну,—говорится въ означенныхъ инструкціяхъ,—генералы потребуютъ заложниковъ изъ числа именитыхъ людей и приступятъ къ обезоруженію жителей. Они наложатъ на города контрибуцію натурою или звонкою монетою, соображаясь съ размѣрами торговли, численностью населенія и всѣми извѣстными средствами страны; они разложатъ эту контрибуцію преимущественно на богатыхъ, привилегированныхъ и на духовныя корпораціи. Должны выдаваться расписки. Насколько возможно, слѣдуетъ доставлять себѣ въ странѣ жизненные припасы и экипировку войскъ. Лошади, провіантъ, фуражъ, скотъ, мѣдь, желѣзо, сѣнька, полотно, шерсть и прочіе предметы, не назначенные для немед-

⁸⁾ Гадоль Леброну, Дюнкирхенъ, 7-го мая 1793 г.; Лебренъ Гадолу 14-го мая. Шепа министру, Женева, 21-го іюня.

⁹⁾ Наличный составъ Комитета: Жанбонъ, Карно, Приеръ, Сентъ-Жюсть, Робеспьеръ, Геро, Билльо-Варенъ.

¹⁰⁾ HENRI HOUSSAYE, 1814, р. 44.—*Souvenirs du duc de Broglie*, т. I. Мѣры, принимавшіяся наполеоновскими генералами въ Испаніи въ 1810 г.

ленного потребленія, должны слѣдовать обозомъ за арміей. Должны быть отобраны и отсылаемы на территорію республики: церковная серебряная утварь, фискальныя суммы, движимая общественная собственность. Крѣпости должны быть срыты, мосты, каналы и шлюзы уничтожены, дороги размошены. Командующіе морскими силами должны будутъ дѣйствовать такими же способами въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ произведутъ высадку. Всѣ должны наблюдать за правильностью сбора контрибуцій, «согласно съ законами войны», стараясь не допускать грабежа и насилій надъ жителями покоренныхъ земель.

До сихъ поръ Англіи только грозили. 21-го сентября Бареръ предложилъ мѣры къ полному подрыву Англіи. Онъ напомнилъ, что Англія обязана своимъ благосостояніемъ навигаціонному акту, изданному «узурпаторомъ» Кромвелемъ, и привелъ слова, недавно произнесенныя, какъ увѣряли, Питтомъ: «Франція должна быть отдѣлена отъ торговаго міра; съ нею надо обращаться такъ, какъ если бы она была однимъ городомъ, однимъ портомъ, блокируемымъ и съ моря и съ суши». Бареръ прибавилъ: «Блокада Франціи! Такъ говорили о Римѣ предъ своимъ справедливымъ уничтоженіемъ честолюбивые и меркантильные карфагеняне!.. Декретирuemъ же торжественный навигаціонный актъ, и купеческій островъ будетъ разоренъ...¹¹⁾ Да погибнетъ Карфагенъ! Да будетъ уничтожена Англія! Это должно быть заключительною статьею каждаго революціоннаго декрета французскаго народнаго Конвента». Навигаціонный актъ былъ принятъ. Онъ запрещалъ всякую ввозную торговлю, производимую не при помощи французскихъ судовъ или же судовъ искони нейтральныхъ государствъ. «Франція, — сказалъ Бареръ, — испытаетъ лишь временное затрудненіе; она весьма скоро вознаградитъ себя удешевленіемъ своихъ средствъ и окончательно одолѣетъ соперницу¹²⁾. Поощримъ наши отечественныя мануфактуры собственнымъ потребленіемъ; умножимъ, усовершенствуемъ наши фабрики такъ, чтобы поставить въ зависимость отъ нихъ и иностранное

¹¹⁾ Принимая во вниманіе, что Англія «объявляетъ блокаду даже такихъ мѣстъ, которыя не въ состояніи были бы блокировать всѣ ея соединенныя силы, напримѣръ, цѣлыя побережья и цѣлое государство... что въ силу естественнаго права можно противопоставлять непріятелю оружіе, къ которому онъ самъ прибѣгаетъ... мы декретировали, что Британскіе острова объявлены въ состояніи блокады». Декретъ Наполеона 21 ноября 1806 г. Данъ въ Берлинѣ.

¹²⁾ «Если бы не моя неудача, я бы произвелъ коренной переворотъ въ торговлѣ и измѣнилъ бы пути для промышленности... Импульсъ у насъ былъ громаденъ; благосостояніе безмѣрно возрастало...» *Napoléon à Sainte Hélène*. Damas HINARD, p. 70. — THIERS, t. VIII, p. 130--131: *Blocus continental, son succès*, 1807.

потребленіе». Нейтральные народы приглашались къ содѣйствованію этой важной мѣрѣ: они должны были выиграть отъ нея наравнѣ съ Франціей. Въ тотъ же день комитетъ Общественнаго спасенія приказалъ морскому министру подготовить десантъ 100.000 войска въ Англію¹³⁾. 9-го и 10-го октября всѣ товары и естественныя произведенія, исходящіе изъ странъ, подчиненныхъ британскому правительству, были запрещены для ввоза на территорію республики.

Но недостаточно было пригласить нейтральныя государства къ замѣнѣ англійской торговли ихъ собственною торговлею; пужно было заставить ихъ прекратить всякія торговыя сношенія съ англичанами и преградить послѣднимъ доступъ на континентъ. Это неумолимо-логическое послѣдствіе должно было скоро заявить о себѣ политикамъ Комитета. На него указалъ, нѣсколько дней спустя послѣ провозглашенія «навигаціоннаго акта», мечтатель временъ Террора—Анахарсизъ Клоотцъ. «Чтобы восторжествовать надъ врагами, — воскликнулъ онъ 5-го октября, — намъ слѣдуетъ связать устья Рейна съ устьями Роны: устья Рейна необходимы для нашего благосостоянія... Въ Голландіи мы и уничтожимъ Карфагенъ... Наши революціонныя эскадры выйдутъ изъ Текселя...»¹⁴⁾. Такова сила вещей, таковы необходимыя войны и роковыя послѣдствія политики, что даже банальный риторъ и космополитическій террористъ могъ указать, какъ на единственный исходъ борьбы, именно на тотъ гиперболическій замыселъ, къ которому придетъ тринадцать лѣтъ позднѣе, среди завоеваннаго или подчиненнаго континента, политика величайшаго изъ военныхъ геніевъ и замѣчательнѣйшаго государственнаго спекулятора, когда-либо отмѣченнаго исторіей. Навести ужасъ на роялистовъ, устранить Бурбоновъ, уничтожить Англію, блокируя ее на ея островѣ, — вотъ въ чемъ заключалась въ августѣ и сентябрѣ этого года программа новаго комитета Общественнаго спасенія, выполненіе которой неизбежно выпадало на долю наполеоновской имперіи¹⁵⁾. Въ то же время и подъ такимъ же предлогомъ репрессалій, коа-

¹³⁾ GUILLOX, *La France et l'Irlande pendant la Révolution*, Paris, 1888 p. 74.

¹⁴⁾ *Moniteur*, t. XVIII, p. 296. Рѣчь Клоотца въ августѣ 1793 г. См. AVENEL, *Anacharsis Clootz*, t. II, p. 209—214. — «Голландія, въ дѣйствительности, не болѣе, какъ французская провинція. Можно опредѣлить эту страну, назвавъ ее наносной почвой Рейна, Мааса и Шельды, т. е. главныхъ артерій имперіи... Пора вернуть все это къ естественному порядку вещей...» *Exposé de la situation de l'Empire*, 12 déc. 1809.

¹⁵⁾ 20-го марта 1804 г. былъ разстрѣлянъ герцогъ Энгиенскій. — «Неаполитанская династія перестала царствовать». Прокламація 27-го декабря 1805 г. — 5-го и 10-го мая 1808 г. отреченіе отъ престола испанскихъ Бурбоновъ. — «Англія имѣетъ единственною цѣлью препятствовать сношеніямъ между народами и утверждать англійскую торговлю и промышленность на

лиция, съ своей стороны, принуждена была поставить на очередь терроръ своихъ армій и блокаду Франціи посредствомъ своихъ морскихъ силъ.

IV.

17 сентября, Мерси писалъ Тугуту письмо, полное отчаянія: «Неужели императоръ допустить гибель королевы, не сдѣлавъ ни малѣйшей попытки, чтобы вырвать ее изъ рукъ палачей?.. Миѣ извѣстно, что въ этомъ случаѣ общеевропейскія политическія мѣры были бы невозможны; по разнѣ глава августѣйшаго австрійскаго дома, племянникъ августѣйшей дочери Маріи-Терезіи, которой предстоитъ послѣдовать на эшафотъ за супругомъ, не въ правѣ вступить за королеву? Политика не можетъ порицать этого, къ тому же такое заступничество ни въ чемъ не противорѣчитъ политическимъ соображеніямъ. Неужели достоинство или даже интересы его величества повелѣваютъ воздержаться отъ попытки спасти августѣйшую тетку изъ рукъ палачей?» Мерси не переставалъ ходатайствовать съ пачала августа, но не получалъ отвѣта. Все убѣждало его въ справедливости вырвавшагося у него однажды признанія: «Съ сожалѣніемъ долженъ сказать, что если бы королева уже стояла на эшафотѣ, то и эта послѣдняя жестокость не могла бы ни остановить, ни измѣнить характера дѣятельности державъ»¹⁾.

Собственно дѣятельности не было никакой: союзники не двигались съ мѣста. Замыселъ же у нихъ былъ только одинъ, и они разумѣли его не въ переносномъ, а въ буквальномъ смыслѣ: то было уничтоженіе Франціи и терроръ, которымъ они намѣревались раздавить Францію. Эта мысль сдѣлалась ходячей въ то время и ее можно встрѣтить во всѣхъ документахъ дипломатической переписки 1793 г. Два года спустя краснорѣчивѣйшій изъ сторонниковъ контръ-революціи писалъ²⁾: «Мы увидимъ, что коль скоро установилось революціонное движеніе, Франція и монархія могли быть спасены только якобинствомъ... Къ несчастію, великія преступленія

развалинахъ промышленности и торговли европейскаго материка». Всѣ англичане, которые окажутся въ занятыхъ странахъ, будутъ взяты въ плѣнъ; всякая англійская собственность будетъ подвергнута конфискаціи. Декретъ 21-го ноября 1806 г.—«Слѣдуетъ, чтобы весь континентъ былъ запертъ для англійской торговли и чтобы эти враги всѣхъ народовъ были изъяты изъ международнаго права. Горе тому городу, который, уступая минутному эгоизму, вмѣнилъ бы общему дѣлу!» *Moniteur*, 11 novembre 1807.

¹⁾ Мерси Тугуту, 17 сентября и 11 октября 1793 г.: «Я указывалъ на все, что только могло быть внушено моимъ усердіемъ для предотвращенія великой катастрофы. Но до сихъ поръ не получалъ ни отвѣта, ни инструкцій по этому предмету». ZEISSBERG, t. III, p. 275, 320. — FERSEN, t. II, p. 90.

²⁾ JOSEPH DE MAISTRE, *Considérations sur la France*, ch. II.

требуютъ жестокихъ каръ... Необходимо было свершиться великому очищенію. Когда человѣческая душа утратила свою энергію, по причинѣ изнѣженности, невѣрія и разлагающихъ пороковъ, являющихся слѣдствіемъ избытка цивилизаціи, она можетъ вернуть себѣ эту энергію не иначе, какъ омывшись въ крови... Родъ человѣческій это—дерево, вѣтви котораго неустанно обрѣзаются невидимою рукою, причемъ само дерево только выигрываетъ отъ такой операціи... Новидимому, кровь питаетъ то растеніе, которое зовется гениемъ... Жозефъ де-Местръ былъ авторомъ мистической теоріи провиденціальнаго террора. Вожди коалиціи практиковали политическій терроръ подъ вліяніемъ инстинкта. Такъ же, какъ и парижскіе якобинцы, они не могли объяснить себѣ иначе, какъ существованіемъ неуловимаго заговора то странное обстоятельство, что нація, повергнутая въ анархію, не столько управляемая, сколько потрясаемая мятежными, злодѣйскими партіями, безпрестанно опрокидывавшими одна другую, не поддавалась усмиренію, несмотря на всѣ ихъ соединенныя силы, опытность генераловъ, превосходство ихъ организаціи, ресурсы ихъ ума и превосходство пачаль, которыми они руководились. Они ничего не понимали въ этомъ, а усматривали только одно средство для разрушенія воображаемаго заговора, а именно—истребленіе заговорщиковъ.

Эмигранты, безъ сомнѣнія, не желали уничтоженія Франціи, но соглашались съ необходимостью насильственныхъ мѣръ. Они совѣтовали прибѣгнуть къ такимъ мѣрамъ еще въ іюлѣ 1792 г.: то, что произошло затѣмъ во Франціи, еще болѣе утверждало ихъ въ этой мысли. Герцогъ Полиньякъ передалъ Тугуту въ апрѣлѣ записку, составленную герцогомъ де-Кастри: «Не нужно пошадѣ»,—говорилось въ этой запискѣ,—«довольно полумѣръ. Разбойники, опустошившіе Францію, мятежники, потрясшіе Европу, чудовища, умертвившія короля, должны исчезнуть съ лица земли»³⁾. «Я держусь того мнѣнія, что до тѣхъ поръ, пока не будетъ перебитъ Конвентъ, сопротивление не прекратится»,—писалъ Флаксланденъ герцогу Гаркуру. Такого же мнѣнія давно уже держался Мерси. Побуждаемый имъ и Ла Маркомъ, Кобургъ предлагалъ объявить, что если французы посягнутъ на жизнь королевы, Австрія «подвергнетъ колесованію четырехъ коммиссаровъ Конвента»; если же французы прибѣгнутъ затѣмъ къ репрессаліямъ, то Австрія отвѣтитъ избіеніемъ плѣнныхъ, «находящихся въ ея рукахъ и болѣе многочисленныхъ, чѣмъ находящіеся во французскомъ плѣну австрійцы».

Впрочемъ, достаточно было дать волю солдатамъ и слѣдовать всегдашнимъ обычаямъ войны для того, чтобы вселить ужасъ въ занятыхъ

³⁾ *De l'illégalité, du danger et de l'inutilité de toute négociation avec la France.*

краяхъ. «Обоюдный грабежъ отличаетъ эту войну»,—писалъ Моррисъ. «Беспорядокъ и грабежъ царятъ въ нашихъ арміяхъ»,—писалъ одинъ австріецъ.—«Мы уже заслужили всѣ тѣ упреки, съ которыми справедливо обращались къ разбойникамъ, къ нашимъ противникамъ. Мы обѣщаемъ Франціи порядокъ, миръ, общественное спокойствіе, охраненіе собственности, а солдаты наши грабятъ все, что имъ попадается подъ руку, и уничтожаютъ все, чего не могутъ унести» ⁴⁾. Въ австрійской арміи, въ которой служить Конде, есть отрядъ волонтеровъ, называемыхъ «красными плащами»: они обезглавливаютъ плѣнныхъ. Эти дикари и не думаютъ протестовать противъ якобинской гильотины; они не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о французской революціи. Это—турки, и они соображаются съ собственными обычаями. Въ корреспонденціи, присланной 1-го августа изъ Валансьенна въ одну нѣмецкую газету, читаемъ: «Если бы Кобургъ не проявилъ челоуколюбія, если бы онъ взялъ городъ приступомъ, на что имѣлъ возможность, въ городѣ не осталось бы ни единого живого челоука. Дѣти, женщины, старики, все было бы перерѣзано и Валансьеннъ извѣдалъ бы участь Очакова и Измаила» ⁵⁾.

Союзники примѣняли тѣ самыя, привычныя для завоевателей, мѣры, за которыя упрекали революціонеровъ, и это дѣлалось не на одной только французской территоріи, а на всѣхъ занятыхъ ими земляхъ. Прусскій король приказалъ 19-го мая, чтобы католическое польское духовенство вносило въ прусскую казну половину дохода со своихъ имѣній и чтобы имѣнія духовенства управлялись бы фискомъ ⁶⁾. Въ Торнѣ и Данцигѣ онъ присоединилъ эти имѣнія къ своимъ королевскимъ землямъ и выплачивалъ духовенству половину ихъ дохода.

Старый порядокъ одинаково нарушался и въ Польшѣ прусскими и русскими агентами, и во Франціи—якобинцами. Государствамъ, поступавшимъ такимъ образомъ, по предвзятому рѣшенію, не приходилось въ то время ни вводить социальную реформу, ни защищать отъ внѣшнихъ враговъ свое отечество. Они завоевывали. Законная собственность государства, торжественно подписанные трактаты, освященные обычаями законы, религія жителей, коронныя земли, имѣнія духовенства, собственность частныхъ лицъ, личная свобода, женская честь, семейный очагъ, все подвергается постояннымъ нарушеніямъ и оскорбленіямъ. Дождемъ сыпались клятвопре-

⁴⁾ Письмо Флаксландена, приведенное Jung'омъ въ соч. *Dubois Crancé*, t. I, p. 393. — Кобургъ Мерси, 16-го августа 1793 г. *Correspondance de La Marck*, t. III, p. 404.—Morris à Jefferson, janv. 1794. *Morris*, t. II, p. 381.—Мерси Тугуту, 15-го сентября 1793 г. *Correspondance de La Marck*, t. III, p. 431.

⁵⁾ Muret, *Histoire de l'armée de Condé*, t. I, 129. — *Politische Annalen*, 1793, t. IV, p. 19.

⁶⁾ PHILIPPSON, t. II, p. 126.

ступленія, насилія, секвестры и споліаціи. «Оставшіеся вѣрными отчизнѣ поляки были заключены въ тюрьмы или отправлены въ ссылку»,—пишетъ очевидецъ;—«частичныя конфискаціи возвѣстили, что не будутъ болѣе падать никакого рода собственности и что алчность царедворцевъ Екатерины скоро поглотитъ прекрасѣйшія имѣнія въ Лифлядіи, на Волыни и въ Подоліи» ⁷⁾.

Австрійцы, скорѣе по небрежности, чѣмъ изъ политическихъ соображеній, выказали въ Бельгіи сравнительную умѣренность. Они испытали тамъ рѣдкое въ ихъ лѣтописи удовольствіе быть встрѣченными какъ избавители. То было слѣдствіемъ шестимѣсячнаго якобинскаго завоеванія. Императорское правительство объявило амнистію и перестало прибѣгать къ высылкамъ. Но насилія вышли изъ среды самого народа. Дѣйствующимъ лицомъ явилась все та же чернь, которая, подъ вліяніемъ іезуита Феллера, стремилась предать смерти сторонниковъ и агентовъ Іосифа II. Въ Бельгіи только меньшинство стояло за французское завоеваніе: Австріи не приходилось прибѣгать къ репрессіи. Напротивъ того, въ лютихскомъ краѣ, воплѣ демократическомъ и еще взволнованномъ общиннымъ движеніемъ, пришлось прибѣгнуть къ силѣ для возстановленія епископскаго правительства. Епископъ также объявилъ амнистію, по изъ нея исключены были всѣ, кто въ ней дѣйствительно нуждался. Одинъ горожанинъ, согласившійся принять званіе муниципальнаго совѣтника и работавшій въ пользу присоединенія къ Франціи, былъ арестованъ, а затѣмъ и казненъ. Другіе вожаки эмигрировали. Это было для нихъ единственнымъ средствомъ спасенія.

Майнскимъ республиканцамъ также не оставалось иного исхода. Они смѣшались съ рядами французскихъ солдатъ и вышли изъ города вмѣстѣ съ удалявшимися съ воинскими почестями французскими войсками. Тѣ, которымъ не удалось ускользнуть, подверглись нападенію черни, пресѣдовавшей ихъ угрозами смерти и разграбившей ихъ дома. Потребовалось вмѣшательство принца Людовика Прусскаго, чтобы спасти рукописи Форстера. Заключили въ тюрьмы всѣхъ членовъ рейнскаго Конвента и всѣхъ клубистовъ, которыхъ только удалось разыскать. Затѣмъ епископъ-курфирстъ снова вступилъ въ свой дворецъ, при громкихъ привѣтствіяхъ черни, возстановилъ свою власть, а равно и всѣ прежнія злоупотребленія. Онъ поступилъ подобно всякаго рода эмигрантамъ, возвращающимся при содѣйствіи иностранной военной силы. Его ревностное стремленіе къ злоупотребленію властью во имя удовлетворенія мести было равно той па-

⁷⁾ *Mémoires inédits du comte de Langeron: Révolution et campagne de Pologne.*

никъ, которая заставила его ранѣе покинуть эту власть. «Насколько неразумно и беспорядочно было поведеніе майнцской демократіи, настолько грубо и беспощадно было замѣнившее ее правительство», замѣчаетъ одинъ нѣмецкій историкъ. Конфискаціи, тюремное заключеніе, всякаго рода суровыя мѣры продолжали практиковаться, причемъ не исключались и жепцины. Устроили пародію на зрѣлища, введенныя клубистами. Заставляли «патріотовъ», окруженныхъ солдатами, присутствовать при томъ, какъ вырывали «деревья свободы». Въ Ахенѣ горожане и крестьяне самымъ подлымъ образомъ выместили на французскихъ раненыхъ свою злобу по поводу собственной подачи голосовъ за присоединеніе къ Франціи, котораго они требовали ранѣе единственно въ силу малолушія. Въ Шнейерѣ, Вурмзеръ возстановилъ позорные столбы, ставилъ къ нимъ клубистовъ и жегъ деревья свободы. Въ Вормсѣ, развеселившіеся пруссаки принуждали жечь эти деревья жепъ патріотовъ; что касается мужей, то ихъ просто били палками, и счастливы были тѣ, которые отдѣлались только этимъ⁹⁾.

Республиканское завоеваніе принесло этимъ нѣмцамъ горькія разочарованія. Не видя нѣкоторое время своихъ прежнихъ властителей, они снова стали уважать ихъ. Когда же властители вернулись вмѣстѣ со всеми своими старыми порядками, обостренными злопамятствомъ и гнѣвомъ, впечатлѣнія среди населенія еще разъ смѣнились и его потянуло къ французамъ. Республика оставляла все-таки хоть какой-нибудь просвѣтъ, какую нибудь надежду на лучшее будущее, и нѣмцы лѣваго берега Рейна забыли о революціонныхъ излишествахъ и стали думать объ однихъ преимуществахъ революціи. «Страна, — пишетъ одинъ изъ нѣмецкихъ историковъ этого кризиса, — поняла всю несостоятельность своего прежняго правительства и въ то же время увидѣла возможность жить безъ этихъ притѣсненій, безъ сервиллизма и поборовъ, на которые смотрѣли ранѣе какъ на нѣчто совершенно неизбѣжное. Двойной опытъ не могъ остаться безъ послѣдствій». Послѣдствія распространились далеко за Рейнъ, и на правомъ его берегу, куда проникли революціонныя идеи, но гдѣ не испытывали неудобствъ господства революціонеровъ, стали возникать симпатіи къ французамъ. Исторія Майнца и его республики распространилась тамъ какъ бы въ видѣ романическаго и литературнаго вымысла, какъ неизданная глава какого-нибудь народнаго германскаго Плутарха, и сравненіе, которое дѣлали издали между реставраціей и республиканскимъ завоеваніемъ, не было выгодно для реставраціи. «Французскій народъ, — говоритъ Бруно Бауеръ, —

⁹⁾ HAEUSSER, t. I, 473, PERTHES, t. I, 99—100. KLEIN, 226, 560. VENEDEY, 127, 168. Сообщение Гёте въ его сочиненіяхъ. RAMBAUD, MARC DUFRAISSE, REMLING.

показалъ себя дикимъ и варварскимъ во время террора и бѣдствій; нѣмцы же проявили терроръ во время и среди своей побѣды»⁹⁾.

Сходство между террористами и коалиціей не ограничилось одними насиліями; въ совѣтахъ коалиціи, также какъ и въ комитетѣ Общественнаго спасенія, зародилось, появилось на свѣтъ и созрѣло страшное предложеніе, развитіе котораго должно было сдѣлаться какъ бы закономъ этой войны: предложеніе о *континентальной блокадѣ*. Уже весною 1793 г. Ферсенъ писалъ шведскому регенту: «Однимъ изъ дѣйствительныхъ средствъ обузданія Франціи была бы общая лига, объединеніе всѣхъ силъ и прекращеніе всякихъ торговыхъ сношеній съ этою державою, въ видахъ прекращенія доступа жизненныхъ припасовъ въ страну, которая уже въ нихъ нуждается... Если такой планъ будетъ одобренъ, то произойдетъ одно изъ двухъ: или расчлененная Франція сама предастъ себя въ руки анархіи, которая и уничтожитъ ее, или монархія будетъ возстановлена союзомъ державъ».

Формула готова. Англія безъ лишнихъ фразъ приступаетъ къ ея выполненію. Не имѣя возможности подѣйствовать на крупныя державы, она старается присоединиться къ второстепеннымъ и мелкимъ. Она принуждаетъ къ вступленію въ лигу тѣхъ, кого не удастся завербовать добровольно. Англійская торговля найдетъ въ этомъ только выгоды, и господство надъ морями будетъ для нея формою и условіемъ спасенія Европы. 8-го іюня, англійское правительство, слѣдуя правиламъ, которыхъ держалось съ самаго начала непріязненныхъ дѣйствій, и примѣняя къ борьбѣ противъ революціи тѣ средства, которыми пользовались Елизавета и Вильгельмъ III противъ испанской и французской монархій, обратилось къ своимъ офицерамъ съ инструкціей, оставшейся знаменитой въ дѣтописи морскихъ войнъ. Каждое судно, нагруженное припасами, назначаемыми для Франціи, будетъ захватываемо, подъ какимъ бы флагомъ оно ни шло. Всякое судно, которое пыталось бы войти въ объявленный находящимся въ состояніи блокады портъ, будетъ взято и продано¹⁰⁾.

17-го іюля англійскій посланникъ объявилъ объ этихъ мѣрахъ Данин. Онъ прибавилъ, что Франція сама поставила себя внѣ европейскаго публичнаго права, что во Франціи не существуетъ кѣмъ бы то ни было признаннаго правительства, съ которымъ возможно было бы поддерживать нейтральныя сношенія. «Извѣстно также, — сказалъ онъ, — что зерновая торговля съ Франціей сдѣлалась, въ силу военныхъ операцій, государствен-

⁹⁾ PERTHES, t. I, 100 BRUNO-BAUER, *Geschichte der Politik in XVIII Jahrhundert*, t. I, 160.

¹⁰⁾ MARTENS, *Causes célèbres du droit des gens*, 2 édition, 1859, t. IV, 45, et suiv.

ною торговлею; равно известно и то, что одно изъ наиболѣе дѣйствительныхъ средствъ для припужденія Франціи къ уступчивости заключается въ томъ, чтобы не допускать французовъ покрывать ввознымъ зерномъ недостатокъ въ хлѣбѣ, происходящій отъ войны». Въ томъ же духѣ составленная нота была вручена и въ Швецію. Россія поддержала требованія англичанъ угрозами своихъ агентовъ и демонстраціями своего флота на Балтійскомъ морѣ. Революціонеры, — заявляла нота русскаго посланника, — поставили себя во враждебное отношеніе ко всѣмъ державамъ. «Если есть державы, которымъ ихъ положеніе не позволяетъ столь энергичныхъ успѣхъ... то справедливость требуетъ, чтобы онѣ содѣйствовали зашитѣ общаго дѣла иными средствами, вполнѣ отъ нихъ зависящими, а именно: прекращеніемъ всякой торговли съ нарушителями общественнаго спокойствія». Пруссійскій король обратился съ подобными же совѣтами къ Даніи.

А такъ какъ республика, съ своей стороны, припимала аналогичныя мѣры, то Данія, находившаяся между блокируемой англичанами Франціей и блокируемой этою послѣднею Англіей, должна была ожидать репрессалій съ обѣихъ сторонъ и разоренія своей торговли и тою и другою державою. Министръ, правившій въ то время Даніей, Бернсторфъ, принадлежалъ къ числу наиболѣе «просвѣщенныхъ» политиковъ тогдашней Европы. Въ Германіи хвалили его образованность, во Франціи — его гражданскія добродѣтели. Онъ гордился этимъ двойнымъ признаніемъ его заслугъ, втайнѣ питая надежду воспользоваться такимъ двойнымъ кредитомъ для содѣйствія примиренію между монархіями, съ которыми былъ связанъ своимъ рожденіемъ, и республикою, началами которой не могъ не восхищаться. Онъ дѣйствовалъ во время грознаго кризиса 1793 г. настолько же съ достоинствомъ, насколько и осмотрительно. Онъ отвѣчалъ на англійскія, русскія и прусскія ноты, отстаивая права, признаваемыя за Даніей, какъ въ силу установившихся обычаевъ, такъ и въ силу трактатовъ. Онъ утверждалъ, что французскія суда, даже съ военною добычею, могутъ быть припимаемы въ норвежскихъ и датскихъ портахъ и уступилъ только въ томъ, что французская военная добыча не будетъ распродаваться въ этихъ портахъ и что датскія торговые суда, нанятые для Франціи, не будутъ конвоироваться военными судами; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ рѣшительно отказался отъ признанія фиктивной блокады и объявилъ, что будетъ смотрѣть, какъ на блокируемые, только «на тѣ порты, предъ которыми будутъ находиться превосходящія силы». Англичане не придали никакого значенія объясненіямъ Даніи. Ихъ крейсера захватывали датскія суда и конфисковали грузы, въ большинствѣ случаевъ не уплачивая никакого вознагражденія.

Въ Средиземномъ морѣ они поступали еще суровѣе, чѣмъ въ Балтійскомъ, такъ какъ тамъ существовало болѣе поводовъ для алчности и со-

перничества. Тоскана придерживалась такого же нейтралитета, какъ и Данія; она подверглась одинаковымъ непріязненнымъ дѣйствіямъ, и «мудрый» Манфредини, желавшій играть въ Италіи ту же роль, какую Бернсторфъ стремился играть на сѣверѣ, не сумѣлъ выйти изъ затрудненій съ твердостью датскаго министра¹¹⁾. Уже въ маѣ, англійскій посланникъ во Флоренціи, лордъ Гервей, извѣстилъ о предстоящемъ прибытіи англійскаго флота и потребовалъ полнаго прекращенія сношеній между Тосканой и Франціей. Манфредини, сильно подозрѣваемый въ снисходительности по отношенію къ республикѣ, ступался, чтобы не компрометировать своего правительства. Переговоры, касавшіеся нейтралитета, велись Серристоры, о малой склонности котораго къ Франціи и французскимъ идеямъ было всѣмъ извѣстно. Это не побудило однако англичанъ къ проявленію болѣе умѣренности и снисходительности. 14-го августа лордъ Гервей сообщилъ великому герцогу, что король Георгъ, приписывая образъ дѣйствій Тосканы по отношенію къ Франціи «боязни оскорбить націю убійцъ и разбойниковъ», предлагаетъ ему свое покровительство и приглашаетъ его условиться относительно подробностей. Тосканское министерство знало, что это покровительство равнялось бы деспотической опеке; оно ничего не отвѣтило и стало ждать событій. Англичане взяли Тулоу, и вскорѣ вслѣдъ за тѣмъ адмиралъ Гудъ явился съ своимъ флотомъ къ Ливорно. Тѣмъ временемъ, 7-го октября, Шовеленъ пріѣхалъ во Флоренцію. Неудача преслѣдовала этого злополучнаго дипломата; личность его была нестерпима для англичанъ. 8-го, лордъ Гервей повысилъ тонъ и обратился къ великому герцогу съ высокомѣрною нотою. Въ ней онъ жаловался на «пристрастіе, выказываемое велико-герцогскимъ правительствомъ по отношенію къ французамъ». Это «несправедливое и явное пристрастіе», а равно и проистекающія изъ него мѣры, — прибавлялъ онъ, — «являются очевидными доказательствами ущерба, наносимаго операціямъ союзниковъ подобнымъ нейтралитетомъ». Вслѣдствіе этого онъ объявилъ, что если Тоскана не поворветъ немедленно всякія сношенія съ Франціей и что если въ двѣнадцатичасовой срокъ не будетъ высланъ изъ Тосканы «г. де Ла-Флоттъ, со всѣми его приверженцами», то адмиралъ Гудъ «приступитъ къ наступательнымъ дѣйствіямъ противъ порта и города Ливорно». «Я буду считать не только часы, но и минуты», — сказалъ онъ Серристоры, объявляя ему о британскихъ требованіяхъ. Серристоры отвѣтили, что удовлетворить ихъ какъ возможно быстрѣе. Этотъ министръ не былъ республиканцемъ, но онъ былъ вѣрнымъ тосканцемъ и за нимѣніемъ «гражданскихъ добродѣтелей» обладалъ профессиональною честью. Онъ предупредилъ французовъ и попытался протянуть время. На слѣдующій день, 9-го октября, лордъ Гервей

¹¹⁾ REUMONT, *Geschichte Toscana's*, t. II, 259. BOTTA, FRANCHETTI.

написалъ ему, что со времени врученія его послѣдней ноты прошло двадцать четыре часа; тѣмъ не менѣе «гнусная эмблема мятежа и царевубійства еще продолжала находиться на домѣ г. де Ла-Флотта» и якобинцевъ еще не прогнали. Онъ далъ послѣдній сорока-восемь часовою срокъ и потребовалъ отъ великаго герцога безотлагательнаго заключенія договора, «въ видахъ избѣжанія на будущее время неудобствъ, могущихъ быть порожденными разногласіемъ во взглядахъ на дѣла». Серристоріи пригласилъ французовъ удалиться; онъ сдѣлалъ это съ возможною деликатностью и прибавилъ, что принимаетъ мѣры, необходимыя для «оказанія имъ всякаго требуемаго справедливостію и человеколюбіемъ содѣйствія». Французы эти были большею частью художники, укрывшіеся во Флоренціи послѣ убійства Басвиля. Ла-Флоттъ и Шовеленъ выѣхали 11-го. Какольтъ, проживавшій въ Тосканѣ съ титуломъ повѣреннаго въ дѣлахъ республики въ Римѣ, получилъ отсрочку на нѣсколько дней для устройства возвращенія на родину высылаемыхъ французовъ. «Въ настоящее время,—писалъ онъ 18-го октября,—Тоскана управляется двоякаго рода властью: великимъ герцогомъ съ совѣтниками, честными, униженными и поверженными въ уныніе, и лордомъ Гевеємъ, приказывающимъ что ему угодно, отъ имени союзныхъ державъ»¹²⁾.

Великій герцогъ былъ принцемъ австрійскаго дома. Лондонскій кабинетъ нашелъ, что лордъ Гевей отнесся къ нему слишкомъ высокомерно. Гевей былъ отозванъ за недостаточно скромный тонъ его нотъ; но въ сущности все осталось по прежнему, и принятія мѣры не были отмѣнены. Генуя была слабою республикою, растерявшеюся при видѣ грозившей ей съ двухъ сторонъ опасности. Англійскій адмиралъ Дрѣке потребовалъ, чтобы она выслала французскаго агента Тилли, а для того, чтобы заставить сенатъ привести эту мѣру въ исполненіе, онъ велѣлъ напасть въ самой генуэзской гавани на укрывшійся тамъ французскій фрегатъ *Modeste*. Часть экипажа была перебита 6-го октября, и Генуя, выпущенная терпѣть насилія англичанъ, дрожала при мысли о репрессаліяхъ республиканцевъ. Швейцарцы, къ счастью для себя, были недосыгаемы для ударовъ англичанъ, и они весьма мало взволновались, когда 13-го ноября лордъ Фицъ-Джеральдъ объявилъ имъ, что его правительство не можетъ допустить со стороны нейтральныхъ «никакихъ прямыхъ или косвенныхъ сношеній съ мятежниками, или же ихъ агентами», такъ какъ это «означало бы признаніе ихъ власти, а слѣдовательно представляло бы актъ, клонящійся къ ущербу союзныхъ державъ». Это была только принципиаль-

¹²⁾ Донесенія Какольта отъ 12, 15 и 18 октября; Ла-Флотта, отъ 10 октября, и Шовелена, отъ 11 октября 1793 г.

ная нота, но и она достаточно характеризовала такъ называемые принципы коалиціи.

V.

Походъ на нейтральныя державы и попытка блокировать Францію—вотъ единственная работа коалиціи лѣтомъ и осенью 1793 г. Осень застала союзныя войска топчущимися на французскихъ границахъ и приблизительно на тѣхъ самыхъ позиціяхъ, которыя они занимали три мѣсяца тому назадъ... «Наши арміи были громадны,—писалъ Мерси,—кампанія начата была удачно. Поэтому можно удивляться ничтожеству результатовъ, особенно же принявъ во вниманіе удобныя случайности и ошибки непріятеля... Причиною нашихъ малыхъ успѣховъ были не враги,—прибавлялъ онъ,—такъ какъ они не только ничего не сдѣлали для отпора нашимъ успѣхамъ, но можно даже сказать, что сдѣлали все для того, чтобы имъ содѣйствовать»¹⁾. Причины бездѣйствія оставались неизмѣнными: Пруссія хотѣла идти на Эльзасъ, только заручившись своею долей въ Польшѣ; Австрія протинилась предоставленію Пруссіи этой доли, рапѣ чѣмъ Фридрихъ-Вильгельмъ согласится содѣйствовать завоеванію для нея вознагражденій. Таковъ былъ, по выраженію Мерси, «лабиринтъ, въ которомъ путалась коалиція». «Нужно вооружиться терпѣніемъ,—писалъ Тугутъ, думая о пруссакахъ,—потому что мы должны выпить до дна горькую чашу нашего чудовищнаго союза съ ними».

Къ такому терпѣнію поощрялъ Тугута новый и весьма тонкій планъ, который былъ имъ задуманъ и, какъ ему казалось, способенъ былъ примирить всѣ интересы, обезпечивая въ то же время вѣнскому двору земли со всѣхъ сторонъ. Англія желаетъ, чтобы Австрія оставила за собою Нидерланды: Австрія сохранить ихъ, но подъ условіемъ, что Европа устроитъ для этой провинціи прочный оплотъ со стороны Франціи, т. е. линію Соммы. Удовлетворенная такимъ образомъ Англія заставитъ Пруссію завоевать въ пользу императора Эльзасъ и Лотарингію. Въ награду за это императоръ признаетъ раздѣлъ Польши, а далѣе, заручившись, благодаря пруссакамъ, Эльзасомъ и Лотарингіей, обмѣняетъ эти провинціи на Баварію, соединивъ, наконецъ, этимъ мастерскимъ ходомъ всѣ три части австрійской головоломки: обмѣнъ, *суррогатъ* и округленіе. Для своего успѣха, комбинація Тугута требовала безусловной тайны. Особенно же слѣдовало остерегаться пруссаковъ. «Они всегда,—писалъ Тугутъ,—будутъ идти наперекоръ всякому плану, клонящему къ какому-либо значительному урѣ-

¹⁾ Тугуту 2, 11 и 15 сентября 1793 г. *Correspondance de La Marck*, т. III, р. 411, 426.

званію французскихъ владѣній, и всегда будутъ стремиться къ поддержанію Франціи, насколько возможно, въ ея цѣлостности и прежней силѣ»²⁾).

Пруссакки приписывали Австріи подобныя же соображенія относительно Польши, и если «замѣчательное расчлененіе», предпринятое ими въ Польшѣ, встрѣчало затрудненія, они относили ихъ на счетъ интригъ агентовъ Франца II. Слѣдовательно приходилось и пруссакамъ держаться на сторожѣ. Политики, какъ и герои трагедій, всегда имѣютъ наперсниковъ, единственной задачей которыхъ бывасть обнаруженіе тайны пьесы. Такъ и Пруссію извѣстили объ обширномъ планѣ Тугута. Фридрихъ-Вильгельмъ не замедлилъ сообщить о немъ русской императрицѣ и заявилъ, что будетъ противиться такому непомѣрному расширенію Австріи³⁾. Партія мира пользовалась этими тревожными слухами и беспокойствомъ короля. Вліяніе этой партіи росло по мѣрѣ того, какъ неудачи охлаждали рвеніе Фридриха-Вильгельма по отношенію къ войнѣ и служенію принципамъ. Бишофвердеръ подвергся нѣкоторой опалѣ. Онъ ошибся во всѣхъ своихъ пророчествахъ, и его авторитетъ политическаго астролога былъ сильно поколебленъ. Сверхъ того онъ позволилъ себѣ надѣлавшія шума нарушения доброй нравственности, которыя, быть можетъ, согласовались съ его тайными услугами повелителю, но не гармонировали съ строгою нравственностью, которую онъ проповѣдывалъ публикѣ. Фридрихъ-Вильгельмъ находилъ, что онъ одинъ можетъ давать скандальныя зрѣлища своему народу. Онъ тѣмъ взыскательнѣе былъ относительно добродѣтели своихъ царедворцевъ, чѣмъ болѣе распущенности позволялъ себѣ самому при своемъ дворѣ⁴⁾. «Мрачный и ограниченный» Манштейнъ начиналъ заступать въ королевской милости то мѣсто, которое занималъ интриганъ и кудесникъ. Онъ дѣйствовалъ вмѣстѣ съ Луккезини, подготовлявшимъ всѣ крупныя дѣла, суфлеромъ и секретаремъ короля, избавлявшимъ Фридриха-Вильгельма отъ самой «тягостной для него обязанности: мыслить и разсуждать». Ненавидя Австрію, подобно тому какъ Тугутъ ненавидѣлъ Пруссію, Луккезини сошелся въ этомъ съ официальными министрами: Альвенслебеномъ, Гаугвицемъ и новымъ пришельцемъ, ганноверцемъ Гарденбергомъ,

²⁾ Мерси Тугуту; ZEISSBERG, t. III, 150. Тугутъ Коллоредо, 26 августа 1793; VIVENOT, *Thugut*, t. I, 35. Тугутъ Штарембергу, 13 и 31 августа; ZEISSBERG, t. III, 178, 180, 185, 231.

³⁾ Фридрихъ-Вильгельмъ Гольцу, 6-го августа 1793 г. HERRMANN, *Dipl. Corr.*, p. 393.

⁴⁾ Объ этой опалѣ Бишофвердера см. у PHILIPPSON'a, t. II, p. 145. — Донесеніе Лербаха, 23 августа 1793 г.; ZEISSBERG, t. III, p. 215. Донесеніе лорду Гренвиллю, 17 сентября; HERRMANN, *Dipl. Corr.*, p. 384. — SYBEL, t. II, p. 288.

недавно перешедшимъ на прусскую службу отъ герцога Брауншвейгскаго. Гарденбергу поручена была администрація маркграфствъ: Ансбахскаго и Байретскаго: эта служба приближала его къ королю, и государь начиналъ оцѣнивать его умъ, ловкость и дарованія. Этимъ кружкомъ, образовавшимся скорѣе подъ вліяніемъ событій, чѣмъ вѣдѣніемъ сознательныхъ и обдуманныхъ стремленій, руководило однако же одинаковое воззрѣніе на интересы Пруссіи. Люди, входившіе въ составъ этой категоріи, находили, что «первымъ и главнымъ условіемъ возрожденія прусской монархіи былъ бы выходъ прусскаго короля изъ коалиціи». Для нихъ, какъ и для ихъ вѣрныхъ товарищей, коалиція была «лабиринтомъ», изъ котораго необходимо было выйти какъ можно скорѣе. Союзъ, завлекшій въ этотъ лабиринтъ, казался имъ не только ошибкой, но, какъ и Тугуту, чудовищнымъ дѣломъ. Они склонялись къ переговорамъ съ Франціей, какъ только республика дастъ къ тому поводъ, и къ вознагражденію за всѣ немалыя военныя издержки единственно на счетъ Польши⁵⁾.

Такого рода взгляды имѣли большое распространеніе въ средѣ прусской арміи. Въ ней развлекались политикою среди досуговъ кампаній. Военное соперничество съ Австріей подливало масла. Среди офицеровъ болѣе чѣмъ когда-либо было въ модѣ щеголять французскими принципами, играть въ философію и «добродѣтель». Этимъ въ особенности отличались: Калкрейтъ, командовавшій на Рейнѣ, и Меллендорфъ, стоявшій въ Польшѣ. Они считались самыми «добродѣтельными» изъ пруссаковъ. Весь этотъ міръ интриговалъ противъ Брауншвейга; его упрекали и за излишнюю снисходительность къ коалиціи и за слабость принимаемыхъ военныхъ мѣръ. Этотъ генералъ, — говорили въ кружкѣ, — совершенно напрасно утомляетъ бесплодными движеніями армію, въ которой король можетъ нуждаться въ Польшѣ и которую Пруссія, во всякомъ случаѣ, должна беречь.

Поляки, дѣйствительно, рассчитывали на войну съ Франціей для отвлеченія пруссаковъ, продолжали отвѣчать глухимъ отпоромъ на повторенныя требованія посла Фридриха-Вильгельма. Такимъ образомъ прусскому королю одновременно давали отпоръ и французскій Конвентъ, и польскій Сеймъ. Сеймъ проявлялъ даже нѣкоторую дерзость: онъ осмѣлился напомнить Фридриху-Вильгельму о гарантіяхъ, обѣщанныхъ въ 1790 г.⁶⁾ Сеймъ пошелъ даже далѣе. Едва успѣвъ утвердить трактатъ, которымъ уступались Россіи польскія земли, онъ декретировалъ 19-го августа, что

⁵⁾ HÜFFER, *Oestreich und Preussen*, Bonn, 1868, 49. PERTZ, *Stein's Leben*, t. I, 73. HAEUSSER, t. I, 510. HERRMANN, *Dipl. Corr.*, 408. RANKE, *Hardenberg*, t. I, 139. PHILIPPSON, t. II, 171. FERSEN, t. II, 60.

⁶⁾ Ноты 26, 27 и 30 іюля 1793; FERRAND, t. III, 389.

будетъ считаться измѣнникомъ отечеству, со всѣми проистекающими изъ этого послѣдствіями, каждый, кто заявилъ бы о желаніи расчленивъ Рѣчь Посполитую въ пользу Пруссіи. Депутаты Сейма брали въ свидѣтели твердости своего рѣшенія Европу, весь міръ и Всемогущаго Творца. Прусскій посолъ Бухгольцъ могъ сослаться только на свидѣтельство своего коллеги Сиверса, а этотъ русскій, повидимому, только смѣялся надъ нимъ. «Мое положеніе ужасно и прискорбно»,—писалъ Бухгольцъ.—«Я не могу сдѣлать шага безъ русскаго посланника; всѣ вліятельные люди находятся у него въ зависимости».

Но вдругъ Сиверсъ сдѣлался благосклоннѣе. «Я получилъ приказъ»,—сказалъ онъ Бухгольцу,—«заключить съ Пруссіей договоръ о раздѣлѣ, но въ то же время и обезпечить полякамъ свободу и безпрепятственность торговли, безъ которыхъ Польша находилась бы въ слишкомъ безусловной зависимости отъ Пруссіи». Съ такими оговорками онъ составилъ проектъ договора и представилъ его Бухгольцу въ видѣ послѣдняго слова любезности русскаго двора. Бухгольцъ не былъ удовлетворенъ этимъ договоромъ, но, утомившись борьбою, принялъ его. Сиверсъ послалъ нѣсколько нотъ Сейму, 28, 29 и 30-го августа, приглашая это Собраніе къ утвержденію составленнаго имъ, Сиверсомъ, и подписаннаго Бухгольцемъ договора. Онъ далъ срокъ до 3-го сентября, чтобы депутаты могли собраться съ мыслями, успокоиться и принять рѣшеніе, по поводу новаго доказательства челоуколюбія, даваемого имъ царицею. Это новое доказательство подняло цѣлую бурю въ польскомъ Сеймѣ. Но Сиверсъ зналъ, какъ ему слѣдуетъ отвѣтить на этотъ шумъ. 2-го сентября онъ заявилъ депутатамъ, что ихъ поведеніе «слишкомъ ясно доказываетъ присутствіе зародыша якобинизма» въ Польшѣ; «что онъ не можетъ не искоренять этого пагубнаго бѣдствія»; что, впрочемъ, въ видахъ обезпеченія на завтра,—день окончанія срока, даннаго на размышленіе, — «спокойнаго обсужденія», онъ велитъ окружить залу засѣданія двумя батальонами гренадеръ и четырьмя пушками. Онъ прибавилъ, что все обличаетъ существованіе «заговора», составленнаго противъ короля и наиболѣе «мудрыхъ сенаторовъ». Въ видахъ разрушенія заговора, Сиверсъ объявилъ, что депутаты будутъ обысканы передъ входомъ въ залу, что носящіе оружіе будутъ арестованы, что двѣнадцать русскихъ офицеровъ займутъ мѣста среди депутатовъ, что командующій императорскими войсками сядетъ рядомъ съ королемъ, и что, наконецъ, будутъ приняты мѣры къ тому, чтобы «ни одинъ депутатъ не могъ тронуться съ мѣста». Впрочемъ будетъ «предоставлена полная свобода». Сеймъ принялъ трактатъ, съ введенными въ него Сиверсомъ оговорками по поводу торговыхъ сношеній, а депутаты воспользовались дарованною имъ русскимъ посломъ свободою слова для того, чтобы

еще разъ предъ лицомъ Европы сослаться на пресловутый прусскій договоръ 1790 года, которымъ гарантировалась неприкосновенность Польши.

Между тѣмъ прусскій король бесѣдовалъ съ дипломатомъ, посланнымъ къ нему Тугутомъ, съ цѣлью разсѣять его недовѣріе и протянуть время. Рѣчистый и вздорный графъ Лербахъ оказался способнымъ для выполненія такой роли. Онъ нашелъ пруссаковъ на-сторожѣ. 20-го августа, въ самый день его пріѣзда, Луккезини объявилъ ему, что король расчитываетъ на согласіе Австріи подписать трактатъ о раздѣлѣ. Этотъ трактатъ,—сказалъ Луккезини,—«въ настоящее время составляетъ единственную основу операций короля». Лербахъ не могъ не сомнѣваться въ искренности такихъ словъ. 27-го августа, Брауншвейгъ получилъ приказъ о прекращеніи наступательныхъ дѣйствій. Французы воспользовались этимъ и атаковали его, попытавшись выбить его изъ позицій, занимаемыхъ имъ въ Вогезахъ. Брауншвейгъ отразилъ нападеніе 14-го сентября у Нирмазена. Въ тотъ же день австрійскій офицеръ, графъ Феррари, пріѣхалъ въ королевскую квартиру, и ему удалось придти къ соглашенію по поводу плана нападенія на виссамбургскія линіи. Но едва успѣли принять это рѣшеніе, какъ прибыли курьеры изъ Гродно. Донесенія Бухгольца произвели на короля «глубокое и сильное впечатлѣніе»⁷⁾. Прусскому государю показалось, что недавніе успѣхи его войскъ даютъ ему право на высокомѣрные рѣчи и полное достоинства удаленіе. 22-го сентября, Луккезини въ нотѣ, обращенной къ Лербаху, напомнилъ, что король подчинилъ свое участіе въ кампаніи 1793 года согласію Австріи на Петербургскій трактатъ; что ложныя толкованія, выведенныя изъ пассивнаго положенія вѣнскаго двора, поощряютъ иллюзіи поляковъ; что вслѣдствіе этого король увидѣлъ себя вынужденнымъ «заставить поляковъ вернуться къ формѣ рѣшенія, предварительно принятаго тремя сосѣдними съ Польшею державами». Принужденный отдѣлѣть отъ своей рейнской арміи число войскъ, «соотвѣтствующее сопротивленію» поляковъ, обезпечивая себѣ, такимъ путемъ, собственными руками справедливое вознагражденіе, онъ «предоставляетъ своему союзнику поступить такимъ же образомъ по отношенію къ Франціи», оставляя за собою право утвержденія за Австріей ея завоеваній въ той мѣрѣ, въ какой она утвердитъ его собственныя. Долгъ короля повелѣваетъ налагать на свой народъ тягость только «полезной или неизбѣжной войны»; если союзники желаютъ сохранить для коалиціи содѣйствіе прусскихъ войскъ, необходимо, чтобы они вознаградили Пруссію за военные расходы. Заявивъ все это, Фридрихъ-Вильгельмъ выѣхалъ 29-го сентября въ Берлинъ.

Екатерина опасалась именно такого рода выходки. Она сказала себѣ,

⁷⁾ SYBEL, t. II, 179 (trad. fr.). ZEISSBERG, Донесенія Лербаха, т. III, 196.

что заставляла слишком долго ждать своего товарища и что если онъ покинетъ Австрію, вѣнскій дворъ, поставленный въ необходимость выносить исключительно на своихъ плечахъ всю тягость войны съ Франціей, перестанетъ колебаться и возпаградить себя на счетъ Польши. Вслѣдствіе такихъ соображеній, императрица написала Сиверсу, что слѣдуетъ отказаться отъ ограниченій прусской торговли и дать къ подписанію трактатъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ опредѣленъ въ Петербургѣ. Прусскій и русскій послы, находившіеся въ Гродно, тотчасъ же примирились, слили воедино фонды, которыми располагали для подкуповъ, выдали значительныя суммы депутатамъ русской партіи и рѣшили устроить остальныхъ классическимъ способомъ, то есть «днемъ». Сейму приказано было 21-го сентября приступить къ голосованію. Нѣкоторые изъ членовъ пришли въ негодованіе по поводу нарушенія Россіей принятаго обязательства. Они узнали по собственному опыту, что обѣщанія, данныя нѣкогда Сиверсомъ отъ имени императрицы, вышли изъ той же лабораторіи, изъ которой расточалъ свои обѣщанія Луккезини отъ имени короля прусскаго.

Въ ночь съ 22-го на 23-е, Сиверсъ велѣлъ арестовать депутатовъ, говорившихъ не то, что слѣдовало говорить. 23-го утромъ русскіе гренадеры и артиллеристы заняли позиціи, на которыхъ стояли 1-го сентября. Сеймъ нашелъ, что законъ запрещаетъ обсуждать дѣла подъ угрозами и требовалъ освобожденія арестованныхъ депутатовъ. Русскіе представили Сейму вести безплодныя пренія въ теченіе цѣлаго дня. Командиръ Раутенфельдъ, также находившійся на своемъ посту въ залѣ засѣданій, объявилъ, что депутаты не выйдутъ изъ залы до тѣхъ поръ, пока не покончатъ съ голосованіемъ. Онъ прибавилъ, что уполномоченъ прибѣгнуть въ противномъ случаѣ къ наиболѣе суровымъ мѣрамъ. Къ тремъ часамъ утра, въ ту минуту, какъ русскіе солдаты готовы были ворваться въ залу, маршалъ Сейма спросилъ, не противится ли кто-либо подписанію трактата? Депутаты отвѣтили молчаніемъ. Тогда маршалъ объявилъ, что трактатъ будетъ утвержденъ, такъ какъ Собраніе не протестуетъ. Такъ совершился, 25-го сентября, по отношенію къ Пруссіи, второй раздѣлъ Польши.

Фридрихъ-Вильгельмъ встрѣтилъ на пути курьера, везшаго это извѣстіе. Оно ничего не измѣнило въ его рѣшеніяхъ: ему предстояло заручиться согласіемъ Австріи и утвердить свою власть въ приобрѣтаемыхъ земляхъ. Онъ продолжалъ свой путь. За нѣсколько дней предъ тѣмъ, одинъ изъ прусскихъ высшихъ офицеровъ освѣдомлялся въ главной квартирѣ о томъ, слѣдуетъ ли перейти въ наступленіе. «Ничего не нужно дѣлать. — Значитъ миръ рѣшенъ? спросилъ посланный. — Рѣшено то, чего мы желали: намъ достался кусокъ Польши»⁹⁾.

⁹⁾ *Mémoires de Massenbach*, t. I, 196.

Но Австріи еще ничего не досталось. Пруссія, по выраженію одного русскаго дипломата, «помѣшала ей палочку лапу на Баварію». «Всѣ ея виды встрѣчаютъ противорѣчія», — прибавилъ онъ: «она ничего не получила въ Польшѣ... приобрѣтеніе Эльзаса мепѣ вѣрно, чѣмъ когда-либо. Можетъ быть она обратитъ свое вниманіе въ другую сторону.... то есть въ сторону Италіи. Желаю ей успѣха, гдѣ бы то ни было. Ея положеніе ужасно»⁹⁾.

Тугутъ думалъ о Венеціи, а въ ожиданіи лучшаго велѣ переговоры съ Сардиніей о союзномъ трактатѣ и объ обмѣнѣ. «Въ случаѣ, — писалъ онъ, — если туринскій дворъ приобрѣтетъ что-либо во Франціи, императоръ желалъ бы получить при этомъ свою долю, въ видѣ уступки равноцѣнной территоріи изъ числа расчлененныхъ округовъ Миланскаго герцогства». Тугутъ, дѣйствительно, находилъ, что если императоръ не можетъ «противиться вооруженною рукою возможнымъ успѣхамъ и завоеваніямъ Сардиніи», то долженъ, по крайней мѣрѣ, взять себѣ изъ нихъ долю. Подъ такимъ-то условіемъ Австрія, послѣ настоячивыхъ побужденій со стороны Англіи, согласилась послать отъ пяти до шести тысячъ человѣкъ на помощь къ Виктору-Амеду. Подобныя условія не могли успокоить сардинцевъ и послужили къ значительному замедленію ихъ предпріятій противъ Франціи¹⁰⁾. У сардинцевъ также имѣлась своя система естественныхъ границъ, извлеченная изъ латинскихъ авторовъ и основанная на законахъ природы; эта савойская природа вела сардинцевъ въ Дофинѣ, между тѣмъ какъ французская природа заводила республиканцевъ въ Савойю¹¹⁾. Только вооруженная сила могла рѣшить конфликтъ этихъ двухъ «природъ», и сила рѣшила въ пользу французовъ. Поэтому сардинцы предпочли бы нѣсколько клочковъ въ Медиоланскомъ краѣ.

Всѣ хотѣли брать много и давать мало. Голландцы также вмѣшались въ дѣло, а такъ какъ Австрія не соглашалась ничего уступить имъ въ Бельгіи и не позволяла ничего захватить въ Лютихскомъ епископствѣ,

⁹⁾ Кочубей Воронцову, въ январѣ 1794. Архивъ кн. Воронцова, т. XVIII, стр. 71—73.

¹⁰⁾ Письмо къ Штарембергу отъ 25-го сентября 1793; *Zeissberg*, t. III, 296. — Тугутъ Коппелредо, 23-го августа; *Vivenot*, *Thugut*, t. I, 31. — *Bianchi*, t. II, ch. II, III.

¹¹⁾ Во время малолѣтства Людовика XIII, Карлъ-Эммануилъ, желая воспользоваться смутами для раздробленія Франціи, говорилъ жителямъ Дофинѣ: «Природа создала изъ дофинцевъ и савойцевъ одинъ народъ. Когда вы дадите имъ и одного повелителя, они снова станутъ тѣми аллоброгами, которые были славой кельтовъ и гровою Рима. Свяжите вновь цѣпь временъ, примкните къ древней династіи вашихъ королей». *Нанотaux*, *Revue des Deux Mondes*, 15 juillet, 1799.

то они грозили отпадением от коалиции и приняли оборонительное положение. Что касается государств, которыя, не желая ничего захватывать, опасались, что их самих захватят, то они стремились лишь к сохранению своего нейтралитета, и в таких государствах повсеместно проявлялось настроение, замеченное Малле дю Паном у швейцарцев: «Захватъ Польши», — писалъ онъ, — «возмутитъ всѣхъ, дасть могучее орудіе въ руки сторонниковъ французской республики и внушитъ вообще желаніе уклониться отъ всякихъ сношеній съ ея врагами»¹²⁾.

Коалиція распадалась. Она одержала побѣду 13-го октября и овладѣла линіями Виссамбурга, но запоздавшая атака осталась безъ всякихъ результатовъ. Союзники упустили время для нападенія. Теперь имъ придется только отступать. Тугутъ раздражается, проклинаетъ, жалуется и сваливаетъ на другихъ ошибки, авторомъ которыхъ былъ онъ самъ. Его дипломатія заключается въ корыстолюбиво-завистливыхъ соображеніяхъ. Онъ упрекаетъ военныхъ за то, что они тратятъ силы на интриги. Дѣло въ томъ, что Кобургъ, Вурмзеръ, Клерфъ и Гогенлоэ доносятъ одинъ на другого и мѣшаютъ другъ другу въ военныхъ операціяхъ. Если бы ихъ и не задерживало недовѣріе и соперничество съ пруссаками, то ихъ собственная взаимная враждебность являлась бы достаточнымъ препятствіемъ для успѣшного хода военныхъ операцій. «Среди всѣхъ этихъ столкновеній тщеславія и личнаго интереса, — писалъ Тугутъ, — монархія быстрыми шагами близится къ своему паденію»¹³⁾.

Выказывая свое безсиліе предъ лицомъ катастрофы, угрожающей его достоинству, его имени, его крови, австрійскій домъ какъ бы отрекается отъ того императорскаго величія и того сунрематства надъ остальными дворами, которымъ такъ гордился. Для спасенія Маріи-Антуанеты въ ту минуту, когда она предстала предъ революціоннымъ трибуналомъ, не было сдѣлано рѣшительно ничего. Она была казнена 16-го октября и пала жертвою австрійской политики, которая сдѣлала ее королевой только для того, чтобы навлечь на нее ненависть французскаго народа, и, допустивъ даже до эшафота, пожертвовала ею неумолному закону, которому подчинялись принцессы австрійскаго дома: *Austria nube!* Когда извѣстіе дошло до границы, въ кружкахъ австрійскихъ офицеровъ было произнесено нѣсколько негодующихъ рѣчей. Клементій Меттернихъ, въ то время еще дебютантъ на политической сценѣ, сочинилъ пышную диссертацию, проклиная предъ лицомъ большаго свѣта это принесеніе въ жертву эрцгерцогини и готовясь принести въ жертву государственной же пользѣ и другую эрцгерцогиню, семнадцать лѣтъ спустя. У французской королевы не было приверженцевъ.

¹²⁾ SAYOUS, *Mallet du Pan*, t. I, p. 388.

¹³⁾ Письмо къ Коллоредо 16-го сентября 1793 г.; Vivenot, *Thugut*, t. I, 40.

Марія-Антуанета сохранила только нѣсколько друзей. «Я плакалъ вмѣстѣ съ ними, — пишетъ Ферзенъ... — Я не могъ думать ни о чемъ, кромѣ *моей* утраты»¹⁴⁾. Эти молчаливыя и человѣчныя слезы не смягчали равнодушія старой Европы. Эта Европа, дѣйствительно, была развращена до мозга костей. Она одновременно являла міру зрѣлище заблужденій государственной необходимости и развращенности политическаго чувства. Малле дю Панъ не преувеличивалъ, когда писалъ: «Дворы такъ мало занимались этою катастрофою, что публика скоро затеряла ея слѣды». Тугутъ сообщилъ вице-канцлеру извѣстіе о казни официально, назвавъ его *прискорбнымъ*, затѣмъ уже не упоминалъ о немъ болѣе. Марія-Антуанета была только женщиной и узницей; отъ нея уже нельзя было ожидать никакой пользы. Политики предоставили ее ея собственной участи. Вандейцы составляли вѣрную, фанатическую, грозную армію: долгое время не признававшіеся политики озаботились ею на минуту, но только для того, чтобы и ее, въ свою очередь, принести въ жертву.

VI.

Вандейцы призывали своихъ принцевъ: «Пріѣзжайте къ намъ, ваше высочество, пріѣзжайте!» — писали графу д'Артуа Ла Рошжакеленъ, Ла-Тремудль, Талмонъ, д'Эльбе, Лескюръ. Графъ д'Артуа получилъ это письмо къ концу августа¹⁾. Это уже не была армія какого-то Гастона. Въ числѣ подписавшихъ призывъ было нѣсколько громкихъ именъ, и принцъ могъ сражаться рядомъ съ ними, не роняя своего достоинства. Онъ не нашелъ это возможнымъ. Болѣе отважный, болѣе убѣжденный, а также и менѣе заботящійся о первомъ мѣстѣ человѣкъ, въ его положеніи, нашелъ бы эту возможность. Достаточно было для этого лодки и нѣсколькихъ матросовъ. Іаковъ Стюартъ въ 1716 г. и Карлъ-Эдуардъ въ 1745 г. прибѣгли къ такому средству. Но графъ д'Артуа былъ рыцаремъ только на словахъ и не обладалъ героическою предприимчивостію. Онъ вспомнилъ, что несмотря на флотъ Людовика XIV Іаковъ II не вернулся въ свое королевство, между тѣмъ какъ Карлъ II выигралъ все, выжидая событій, предоставляя дѣйствовать гражданской усобицѣ, французской дипломатіи и генералу Монку. Графъ Прованскій одобрилъ такой способъ дѣйствія и такъ же мало сѣвшилъ доставить славу брату, какъ и этотъ братъ не торопился ее завоевывать. Они написали г. Гаркуру, что слѣдуетъ позондировать англійское правительство относительно помощи, которую оно могло

¹⁴⁾ FERSEN, 20—21 octobre 1793, t. II, 96.

¹⁾ *Papiers inédits de Puisaye*, цитируемая у Луи Блана, Louis Blanc, t. XII, 255.

бы оказать имъ, и отправили г. де Тинтеніака въ Вандею для того, чтобы побудить предводителей «католическо-королевской» арміи принять помощь отъ Англіи. Дѣло это было не изъ легкихъ. Въ глазахъ роялистовъ западной Франціи, англичанинъ былъ наслѣдственнымъ врагомъ Франціи, въ глазахъ католиковъ—вѣроотступникомъ и гонителемъ ихъ вѣры. Но и у гражданской войны имѣется своя государственная необходимость, а у религиозной войны—своя казуистика. Вандейцы сказали себѣ, что существуютъ двѣ Франціи: «истинная», стоявшая за нихъ и за ихъ принцевъ, и «лже-Франція», мятежная и узурпировавшая власть, т. е. республиканская. Если англичанинъ придетъ на помощь къ королю, т. е. къ истинной Франціи, онъ перестанетъ быть врагомъ, и союзъ съ нимъ не будетъ въ такомъ случаѣ измѣной. Вандейцы пришли къ такому рѣшенію такимъ же путемъ, какимъ пришли къ ней до нихъ гугеноты и камизары, а послѣ нихъ—католики и роялисты Ирландіи, когда обратились къ союзу съ антихристіанскими парижскими республиканцами. Тѣмъ не менѣе недовѣріе къ Альбіону осталось въ умахъ; вандейцы пожелали какого-нибудь обезпеченія относительно заднихъ мыслей англичанъ; они думали найти его въ образованіи корпуса эмигрантовъ, который былъ бы вооруженъ на счетъ англичанъ, доставленъ ими къ французскимъ берегамъ, и во главѣ котораго стоялъ бы французскій принцъ ²⁾).

Въ то самое время, какъ принцы ходатайствовали объ англійской помощи, австрійцы, вслѣдствіе настояній Мерси, просили оказать ее въ возможно скоромъ времени. Они поняли, наконецъ, насколько эта помощь могла быть полезна и предлагали сформировать въ Остенде корпусъ, въ который наберено было бы «какъ можно болѣе благоразумныхъ эмигрантовъ», и просили у англичанъ переправить этотъ корпусъ въ Вандею. Англичане склонялись къ этому предпріятію, по имъ было желательно, чтобы вандейцы заручились сперва мѣстомъ высадки. А пока они послали имъ «транспортъ съ наиболѣе необходимыми предметами» къ Нуармутю и занялись сосредоточеніемъ въ Джерсеѣ элементовъ для небольшого отряда, предназначавшагося къ диверсіи въ Бретани. Отрядъ былъ организованъ маркизомъ дю Дренэ, пытавшимся связать его операциі съ возстаніемъ, подготавливаемымъ въ той же мѣстности графомъ де Пюизэ ³⁾).

²⁾ PUISAYE, *Mémoires*, Londres, 1803, t. II, 453—502.—MADAME DE LA ROCHEJACQUELEIN, *Mémoires*.

³⁾ Мерси Штарембергу, 8 ноября 1793. Тайннеим, р. 169. Кобургъ Валису, 9 октября; Тугутъ Штарембергу, 16 октября. Донесеніе Штаремберга, 8 ноября; донесеніе Кобурга, 12 ноября; ZEISSBERG, t. III, p. 318, 327, 366, 372—373. PUISAYE, *Mémoires*, t. II, p. 257—321, 460, 501. *Correspondance inédite du marquis du Dresnay avec les princes*. Арх. фр. мин. ин. дѣлъ.

Французскіе принцы вносили въ это дѣло болѣе осмотрительности, чѣмъ отваги, и это не согласовалось съ ихъ ролью. Англичане дѣлали выгодное для себя дѣло, а потому неудивительно, что дѣйствовали политично. Питтъ зналъ эмигрантовъ и былъ знакомъ съ ихъ химерическими фантазіями; онъ припалъ мѣры предосторожности. 29-го октября, обращенная къ вандейцамъ и бретонцамъ королевская декларація опредѣлила условія англійскаго вмѣшательства. Король Георгъ находилъ заключеніе мира съ Конвентомъ невозможнымъ. Онъ не имѣлъ притязаній на вмѣшательство во внутреннее управленіе независимаго государства, еще менѣе желалъ онъ оспаривать у французовъ «право на преобразование ихъ законовъ»; онъ одобрялъ Людовика XVI за стараніе устранивъ злоупотребленія и «установить на прочномъ основаніи личную свободу и права собственности». Сдѣлавъ такіе оговорки, онъ прибавлялъ: «Король обѣщаетъ прекращеніе непріязненныхъ дѣйствій и дружбу, безопасность и покровительство всѣмъ, кто, высказавшись за монархическій образъ правленія, избѣгнетъ деспотизма кровавой анархіи». Въ деклараціи намекалось на то, что Англія потребуетъ отъ Франціи «справедливаго вознагражденія» и обезпеченія мира. Лордъ Гренвилль объявился по этому поводу болѣе точно въ потѣ, которую вручилъ 15-го ноября герцогу Гаркуру. Британское правительство,—заявилъ онъ,—расположено облегчить графу д'Артуа возможность прибытія въ армію Пуату, по предварительному слѣдуетъ установить пѣкоторые «пункты и основанія», а именно: «по предмету общаго мира, въ которомъ его величество нашелъ бы для себя и для своихъ союзниковъ удовлетвореніе, вознагражденіе и безопасность на будущее время»; «по вопросу о средствахъ установленія во Франціи законнаго правительства, справедливаго и умѣреннаго, какъ единственнаго способа обезпечить спокойствіе остальныхъ націй». По этимъ двумъ статьямъ лондонскій кабинетъ ссылался на королевскую декларацію 29-го октября. Лордъ Гренвилль высказался въ такомъ же смыслѣ и Штарембергу ⁴⁾).

Союзники желали гарантій для мира; они усматривали ихъ въ расчлененіи Франціи и установленіи конституціонной монархіи. Эти два условія были для нихъ не раздѣльны. Именно вслѣдствіе этого и невозможно было соглашеніе между ними и претендентомъ. Принцъ видѣлъ обезпеченіе для реставрированной монархіи только въ сохраненіи цѣлостности монархіи, о чемъ судилъ совершенно правильно, и въ восстановленіи абсолютной монархіи, въ чемъ ошибался. Онъ не могъ придти къ соглашенію съ англичанами. Графъ д'Артуа отказался отъ намѣренія отправиться въ Вандею. Графъ Прованскій, послѣ ходатайства тулонскихъ роялистовъ, вы-

⁴⁾ Донесеніе Штаремберга, 13 ноября 1793 г. ZEISSBERG, t. III, p. 379.

казалъ нѣкоторое поползновеніе перенести свое регентство въ эту крѣпость. Занимавшіе Тулонъ англичане воспротивились, объявляя, что вопросъ о регентствѣ остается открытымъ и что если бы они водворили въ Тулонѣ принца съ титуломъ регента, то тѣмъ самымъ лишили бы его британское величество власти, которою онъ обладаетъ надъ этимъ городомъ и которую долженъ сохранить за собою вплоть до заключенія мира. Тѣмъ не менѣе, графъ Прованскій пустился въ путь и направился къ Турину. Онъ ѣхалъ медленно, отдыхалъ, организовалъ совѣтъ, долженствовавшій содѣйствовать ему въ управленіи Тулономъ, и ждалъ паспорта, котораго англичане ему не выдавали ⁵⁾).

Отношенія между принцами и лондонскимъ кабинетомъ все болѣе и болѣе ухудшались. Нѣкоторое время спустя, лордъ Гренвилль написалъ герцогу Гаркуру; онъ напомнилъ, что уже указывалъ ранѣе графу д'Артуа на способы вступленія въ командованіе вандейскою арміею въ 1793 г. и прибавилъ ⁶⁾: «Неожиданная поѣздка его высочества г. графа Прованскаго создала многія къ тому препятствія, а положеніе дѣлъ до такой степени измѣнилось съ тѣхъ поръ, что въ настоящее время не можетъ быть и рѣчи о проектахъ, составленныхъ при иныхъ обстоятельствахъ».

Дѣла не такъ измѣнились, какъ утверждалъ лордъ Гренвилль; напротивъ, они продолжали идти тѣмъ же кривымъ путемъ и съ такими же колебаніями. Коалиція ни мало не помышляла ни о Бурбонскомъ домѣ, ни о «католическо-королевской» арміи, ни о социальномъ и монархическомъ строѣ, угрожаемомъ французскою революціею. Она была исключительно поглощена заботой о европейскомъ равновѣсіи, т. е. о выгодахъ и завоеваніяхъ. «Мы полагаемъ»,—писалъ Тугутъ,—что при заключеніи мира существеннымъ предметомъ нашихъ желаній должно быть заключеніе Франціи въ надлежащія границы, въ видахъ предотвращенія отнынѣ возврата тѣхъ злоупотребленій своими силами, которыя постоянно совершались бывшимъ версальскимъ дворомъ, волновавшимъ Европу своими интригами и неугомонностью» ⁷⁾. Одинъ англійскій дипломатъ, Мальмсбери, имя котораго связано съ той поры со всѣми европейскими коалиціями, передавалъ лорду Гренвиллю о своемъ разговорѣ съ голландскимъ великимъ пенсіонаріемъ. Положеніе дѣлъ напоминало этимъ политикамъ времена 1701 г.; по ихъ мнѣнію, цѣлью коалиціи должно было быть приданіе восстанавливающему во Франціи правительству достаточной силы для предотвращенія

⁵⁾ 28 ноября 1793 г. Guillemy, *Papiers d'un émigré*, Paris, 1886, p. 45.

⁶⁾ 20 марта 1794 г.

⁷⁾ Штарембергу, 4 октября 1793 г. Zeissberg, t. III, 308—310. См. т. II наст. соч. о видахъ Кауница въ 1792 г.

возврата революціи; «но степень этой силы не должна позволять Франціи быть вѣчною нарушительницею европейскаго спокойствія, какъ то было въ теченіе полутора вѣка при трехъ послѣднихъ французскихъ монархахъ».

Воспользоваться кризисомъ, какъ для того чтобы низвести Францію къ роли второстепенной державы, такъ и для того, чтобы расширить собственные предѣлы на счетъ слабѣйшихъ государствъ, такова была первая мысль европейскихъ политиковъ при возникновеніи первыхъ волненій революціи. Постѣ весьма непродолжительнаго приступа монархическаго воодушевленія, въ февралѣ 1793 года неисправимые европейскіе эмпирики быстро пришли въ себя и вернулись къ своимъ старымъ привычкамъ. Подобно невѣжественнымъ врачамъ того времени, они знали только одно средство для излеченія всевозможныхъ болѣзней, а именно—кровопусканіе. Во Франціи они усматриваютъ только разрушеніе прежней власти: распространяющуюся анархію, междоусобицу, которая должна разложить страну, истощенную казну, государство, прибѣгающее къ дискредитированнымъ ассигнаціямъ, всеобщую голодовку, пустые магазины, голодный народъ, дезорганизованныя войска, лишенные боевыхъ снарядовъ, арсеналовъ, изнуренныя лишеніями, нуждающіяся во всемъ, и въ особенности въ командирахъ. Все это—классическія условія великихъ европейскихъ разгромовъ и дѣлежа добычи. Европа намѣревается ими воспользоваться, рассуждая о низверженной или разсѣянной въ 1793 году Бурбонской династіи совершенно такимъ же образомъ, какъ рассуждала о ней во времена бѣдствій и старости Людовика XIV. Совѣщанія въ Антверпенѣ представляются намъ повтореніемъ тѣхъ, которыя происходили въ Гагѣ и Гертруденбергѣ. И тамъ и здѣсь тѣ же англичане, тѣ же нѣмцы, голландцы. Не измѣнились и замыслы; перемѣна замѣчается только въ предлогахъ: въ 1709 и 1710 гг. союзники опирались на европейское равновѣсіе; въ 1793 году они ссылаются на революціонную заразу, но все это—лишь простыя формулы для манифестовъ, предназначенныхъ для назиданія публики и разочарованія народовъ, на которыхъ ложится вся тяжесть борьбы. Въ военныхъ совѣтахъ и совѣщаніяхъ не имѣется иныхъ мотивовъ для дѣйствія, кромѣ вѣчныхъ побужденій зависти и алчности. Всѣ протоколы 1793 года кажутся лишь развивающими тотъ документъ, который былъ представленъ въ 1709 году однимъ изъ союзниковъ на разсмотрѣніе уполномоченныхъ, собравшихся въ Гагѣ: «Франція»,—говорилось въ этой запискѣ,—«слишкомъ могущественна, слишкомъ сплочена, слишкомъ богата средствами. Она грозитъ постоянно, она повсюду дѣлаетъ захваты, она не хочетъ знать никакого закона, кромѣ собственнаго произвола. Необходимо обложить ее такъ, чтобы она не могла двинуться за свои предѣлы... Настало

время исправить столь великое злоупотребление; слѣдуетъ задержать теченіе быстрого потока этой державы и отвести назадъ его воды изъ прорытыхъ имъ рововъ и разоренныхъ имъ мѣстъ въ сосѣднихъ странахъ... Слѣдуетъ нанести ей столько кровопусканій, брешей и диверсій, чтобы самая власть ея короля сдѣлалась ничтожной даже въ центрѣ его собственнаго королевства». Достигнуть же этого можно не иначе, какъ «преградивъ ему входъ въ Лотарингію и принудивъ возвратить Эльзасъ и Франшъ-Конте, а равно и все узурпированное имъ въ Брабантѣ, Генегау, Артуа и Камбрезиѣ»⁸⁾. Однимъ словомъ, то, что предлагалось тогда, совпадаетъ во всѣхъ размѣрахъ и подробностяхъ съ «замѣчательнымъ проектомъ раздѣла», представленнымъ Тугутомъ въ 1793 году.

Но если Европа не измѣнилась, то и Франція осталась вѣрна себѣ. «То былъ»,—пишетъ Сентъ-Симонъ,—«общій крикъ негодованія и жажды мщенія; только и было рѣчей, что объ отдачѣ всего своего имуществъ для поддержанія войны и о тому подобныхъ крайностяхъ для доказательства усердія». Алчные поползновенія союзниковъ въ началѣ столѣтія превратили династическую войну Людовика XIV въ борьбу за національную независимость; такія же поползновенія коалиціи въ концѣ того же вѣка привели къ тому, что каждый вѣрный родинѣ французъ слилъ воедино дѣло революціи съ защитой отечества. «Враги»,—писалъ Торси въ своемъ дневникѣ⁹⁾,—«надѣялись проникнуть во Францію, не встрѣтивъ сопротивленія. Маршалъ Вилларъ (Villars) счумѣлъ запяты такія позиціи, что они нашли двери запертыми». Они нашли эти двери запертыми и въ 1793 году и узнали прежнихъ французовъ, чего никакъ не ожидали.

Конвентъ разоренъ, Франція теперь только па Рейнѣ, Парижъ—не что иное, какъ сборище злоумышленниковъ, опустошающихъ стадо рабовъ,—говорилъ Питтъ французскому дворянину эмигранту, но не изгнаннику, Нарбонну. — «Это»,—продолжалъ англійскій мипистръ,—«вопросъ жизни и смерти для цивилизаціи... Ради спасенія Европы и гражданскаго общества, мы должны рѣшиться на продолжительную войну, на неотложную войну, вплоть до полного искорененія зла»... «Не говорите о смертельномъ поединкѣ и беспощадной войнѣ»,—отвѣтилъ Нарбоннъ,—«вы возбудите отчаянное сопротивленіе. Честь еще не исчезла изъ лагерей республики... Берегитесь объединять, вопреки ихъ желанію, всѣхъ, на кого распространяется ваша ненависть... О Франціи, въ настоящую минуту, я знаю одно: крайняя

⁸⁾ *Mémoire sur la Franche-Comté*, par un agent du roi de Prusse, publié par Bourgeois, Neufchâtel et la politique prussienne, p. 245, № 8.—Marquis de Courcy, *La coalition de 1701*. Paris, 1886.

⁹⁾ *Journal inédit de J. B. Colbert*, marquis de Torcy, publié par F. Masson.

опасность можетъ сдѣлать ее неукротимой, а внутреннія тиранніи, которую она терпитъ во имя свободы, не исключаютъ страстной преданности къ территоріальной независимости... Что касается уязвимыхъ пунктовъ страны, плохо защищенныхъ проходовъ, невѣрныхъ людей, то я ничего такого не знаю; да я и не желаю говорить объ этомъ... Никто не продастъ вамъ тайны и силы Франціи. Эта тайна и эта сила разлиты повсюду»¹⁰⁾.

¹⁰⁾ VILLEMEN, *Souvenirs*, t. I, 62—63.

ГЛАВА IV.

Революціонное правительство.

1793 г.

I.

«Для образованія умѣренного правительства,—сказалъ Монтескье,—необходимо комбинировать силы и урегулировать ихъ: это *chef-d'oeuvre* законодательства. Напротивъ того, деспотическое правительство, такъ сказать, рѣжетъ глазъ; оно во всемъ однообразно; а такъ какъ для его установленія нужно только чувство, то всякій для этого пригоденъ»¹⁾. Конституція 1793 г. была подвергнута одобренію народа. Какъ только она была принята народомъ, монтаньяры упразднили ее. Это были люди, никогда не затруднявшіеся въ проявленіи власти. Руссо писалъ: «Во время опасности для государства, общій интересъ заключается въ томъ, чтобы не дать ему погибнуть: въ такомъ случаѣ «назначаютъ верховнаго главу, который распорядился бы введеніемъ новыхъ законовъ и приостановилъ бы на время дѣйствія прежней верховной власти»²⁾. 10-го октября Сентъ-Жюсть провелъ отъ имени Комитета декретъ о временной отміѣнѣ Конституціи и о томъ, что до заключенія мира устанавливается *революціонное* правительство. Громкое и трагическое названіе только прикрывало собою примитивную грубость несложнаго способа дѣйствій. Сентъ-Жюсть, быть можетъ, воображалъ, что воскрешаетъ Спарту и подражаетъ Ликургу. Въ дѣйствительности же онъ возобновлялъ способъ дѣйствій королей варварскихъ временъ. Онъ воскрешалъ Римъ временъ упадка и приспособлялъ къ революціи его выродившіеся учрежденія, на подобіе того, какъ франкскіе вожди приспособляли ихъ къ своему завоеванію»³⁾.

¹⁾ *Esprit des lois*, liv. V, ch. XIV,

²⁾ *Contrat social*, liv. ch. IV, ch. VI: *De la dictature*.

³⁾ «Они по произволу назначаютъ рекрутскіе наборы; достаточно, чтобы они прислали указъ своимъ графамъ, и все способное къ ношенію оружія населеніе становится подъ ружье. Они взимаютъ налоги со всего населенія, единственно по своему усмотрѣнію. Одинъ издаетъ ордонансъ по поводу ученія о св. Троицѣ... измѣняетъ азбуку... Всѣ эти короли, даже лучшіе изъ нихъ, казнили людей, имъ почему-либо непріятныхъ, хотя бы эти люди принадлежали къ числу знатнѣйшихъ и даже къ франкской расѣ. «Если вы осмѣливаетесь нашихъ королевскихъ приказовъ, знайте, что скира падетъ на

Вся государственная власть сосредоточилась въ комитетѣ Общественнаго спасенія. Число членовъ этого Комитета доведено было до двѣнадцати⁴⁾. Онъ присвоилъ себѣ королевскую самодержавную власть. Конвентъ санкціонировалъ совершившійся фактъ декретомъ 4-го декабря. «Всѣ конституированныя сословія и лица, несущія общественныя должности, подчиняются непосредственному наблюденію Комитета во всемъ, что касается правительственныхъ мѣропріятій и мѣръ общественнаго спасенія». Исполнительный Совѣтъ поставленъ отъ него въ зависимость. «На Комитетъ возлагается веденіе особо важныхъ дипломатическихъ дѣлъ; онъ будетъ вести непосредственные переговоры, относящіеся ко всѣмъ такого рода дѣламъ». Онъ сносятся съ находящимися въ командировкѣ депутатами, которые могутъ принимать безъ его одобренія лишь временныя мѣры. Ему принадлежитъ высшее и безусловное руководительство въ дѣлѣ военныхъ операций. Автократія Комитета ограничивается только формальностью отчета Конвенту въ принятыхъ имъ мѣрахъ.

Это было именно того рода правительство, которое не переставало превозносить Дантонъ. Монтаньяры осуществили его именно тогда, когда получили увѣренность въ исключеніи изъ него Дантона. Они выбрали его между 25 іюля и 8 августа президентомъ. Самые эти выборы были уже подтвержденіемъ потери кредита. Дантонъ получилъ 161 голосъ на 186 вотировавшихъ: менѣе этого числа не получалъ до сихъ поръ ни одинъ президентъ. Это было пораженіе. Дантонъ всегда любилъ пожить. Онъ нашелъ счастье дома и сталъ вести замкнутую жизнь, надѣясь въ то же время, что такое удаленіе освѣжить, такъ сказать, и возобновить его популярность. Онъ думалъ, что отказываясь отъ власти въ то время, когда диктатура казалась для него спасеніемъ, онъ станетъ выше клеветы. Быть можетъ, также ему вспомнились правила, которыя Монтескье приписываетъ Сулль: «Та самая смѣлость, которая была мнѣ такъ полезна и поддерживала мою диктатуру, оградила и мою жизнь въ тотъ день, когда я отказался отъ диктатуры, и этотъ день навсегда обезпечилъ мнѣ свободу». Если Дантонъ обманывалъ себя, то другіе нисколько не заблуждались по

вашу голову... если кто-либо пренебрежетъ нашими приказами, тотъ долженъ умереть». Въ то же время франкскіе короли воскрешали императорскіе законы о преступленіи оскорбленія величества (*lèse-majesté*). Подъ этотъ законъ подводились не только поступки, но даже намѣренія и слова. Кары назначались такія же, какъ въ римской имперіи, т. е. смертная казнь и конфискація имущества...» FUSTEL DE COULANGES, *La monarchie franque*, Paris, 1888, p. 123, 132.

⁴⁾ Жанбонъ, 10-го іюля; Бареръ, Кутонъ, Геро, Приеръ (Марнъ), Сентъ-Жюсть, Роберъ Линде, Робеспьеръ, 27-го іюля; Приеръ (Котъ д'Оръ) и Карно, 14 августа; Вилльо-Вареннъ и Колло, 6-го сентября.

его поводу. Весьма скоро пришлось ему убедиться, что въ революціонныя времена изреченіе Риншелье примѣняется къ трибунамъ въ такой же мѣрѣ, въ какой примѣняется къ государямъ: «*Qui quitte la partie la perd*» (кто уклоняется отъ игры, тотъ ее проигрываетъ).

Казнь жирондистовъ, происходившая 31-го октября, убѣдила Дантона въ его безсиліи извлечь отъ него какую бы то ни было пользу изъ демагогическихъ насилій. Онъ понялъ, что для него все кончено, старался быть спокойнымъ и потерялъ почву. «Паденіе его партіи, личное крушеніе, утрата популярности смутили его» и подавили въ немъ тотъ избытокъ силъ, проявлять который сдѣлалось для него потребностью⁵⁾. «Всѣ силы этого демократическаго атлета,—говоритъ очевидецъ,—рухнули подъ напоромъ сознанія преступленій и безпорядочности демократіи. Онъ могъ говорить только о сельской тишинѣ; онъ задыхался въ столицѣ; ему необходимо было бѣжать отъ людей, чтобы вздохнуть свободнѣе»⁶⁾. Дантонъ мечталъ о такомъ единеніи, которое было утопій: для такого союза нужны были апостолы съ чистымъ сердцемъ, безкорыстные и вѣрующіе люди, пламенные и гибкія души: но его собственное сердце было переполнено тревоги, душа его глубоко потрясена; и въ немъ самомъ и вокругъ него все дышало мятежемъ. Робеспьеръ желалъ единства и шелъ къ своей цѣли, истребляя диссидентовъ: цѣль его была парадоксальна и для ея достиженія требовались фанатизмъ и слѣпое повиновеніе, малодушные и корыстные люди, великій инквизиторъ во главѣ государства и прислужники напалачей. День Робеспьера насталъ.

Когда Конвентъ поставилъ на очередь Терроръ, онъ тѣмъ самымъ рѣшилъ, что Робеспьеръ будетъ диктаторомъ. Онъ былъ самымъ подходящимъ человѣкомъ для такого рода режима, или, вѣрнѣе, онъ самъ былъ терроромъ, олицетворенномъ въ его стремленіи управлять трусами путемъ страха, и въ его нелѣпой идее, что, истребивъ извѣстное количество французовъ, можно превратить остальныхъ въ спартанцевъ, какими изобразилъ ихъ Плутархъ, или въ женеццевъ, по отвлеченному представленію о нихъ Руссо. Все то, что погубило Дантона: его эмпиризмъ, безпорядочная жизнь, внезапные повороты, плодовитость рѣчи, самый престижъ его отваги, повелительный тонъ, несомнѣнныя дарованія государственнаго человѣка, проявившіяся даже въ самыхъ пылкихъ изъ его рѣчей и обличавшія въ трибунѣ правителя и главу, всѣ эти качества, въ силу противоположности, мало-по-малу отгѣснили и освѣтили какъ бы отблескомъ тусклое лицо и тѣдешную фигуру Робеспьера. Робеспьеръ являлся философъ, врагомъ великихъ міра, непризнаваемымъ счастливыми и богачами,

⁵⁾ MICHÉLET, t. VI, p. 297.

⁶⁾ GARAT, *Mémoires*, p. 451. Мюот, *Mémoires*, t. I, p. 40.

чувствовавшимъ себя привольно и на своемъ мѣстѣ только среди мелкаго люда, подозрительнымъ къ сильнымъ, жесткимъ съ высокомѣрными, внимательнымъ къ смиреннымъ, постоянно озабоченнымъ ихъ счастьемъ, суровымъ, «чувствительнымъ», серьезнымъ и прежде всего честнымъ, воздержнымъ, цѣломудреннымъ, бережливымъ и неподкупнымъ, что возносило его на высокій пьедесталъ въ томъ вѣкѣ безпутства, цинизма и корыстолюбія. Онъ—ревнитель того завистливаго равенства, которое подъ предлогомъ пивеллированія общества унижаетъ его до своего уровня. Но себялюбіе, ненавистничающее и достойное ненависти, изъ котораго онъ сдѣлалъ свое божество, скрывается подъ видомъ слиянія его души съ душою самого народа. Робеспьеръ впрочемъ былъ искрененъ, вѣря въ свою миссію возрожденія міра. Ему казалось, что онъ несетъ въ себѣ тайну спасенія человѣчества. Онъ откроетъ ее, когда наступитъ къ тому время, и потому дѣйствуетъ съ увѣренностью человѣка, обладающаго великою тайной. Въ его мысли присутствуетъ какой-то осадокъ таинственности, привлекающей воображенія; въ его рѣчахъ—догматическая подкладка, покоряющая умы, въ его поступкахъ—логика, которая приковываетъ ихъ. Ясность несетъ за собою пагубу въ революціонныя времена: она освѣщаетъ только бездны и полныя опасностей пути; этой ясности было слишкомъ много у Дантона. Онъ слишкомъ явно обнаруживалъ нетерпѣливое желаніе завершить революцію и оставлялъ слишкомъ мало простора для утопистовъ и вздорныхъ умовъ. Робеспьеръ явился на подобіе одного изъ тѣхъ привидѣній, въ которыхъ народное суевѣріе усматриваетъ образъ божества. Въ сущности, это была тщеславная и пустая душа одного изъ тѣхъ людей, которые оставляютъ громкое имя въ исторіи только потому, что олицетворяютъ собою на минуту роковую необходимость.

«Я былъ противникомъ Робеспьера,—писалъ монтаньяръ Бодо,—потому что никогда не видѣлъ у него опредѣленной цѣли. Неизвѣстно было, куда онъ идетъ». Весь его престижъ зависѣлъ отъ того, что онъ убѣдилъ народъ въ томъ, что къ чему-то придетъ и что эта цѣль будетъ царствомъ добродѣтели и общаго блаженства. Онъ возвѣщаетъ объ этомъ царствѣ, но не показываетъ его; онъ указываетъ только на препятствіе, отдѣляющее отъ этого царства народъ. Это препятствіе реально, очевидно, и народъ, столкнувшись съ нимъ, тѣмъ сильнѣе вѣритъ въ рай, скрывающійся за этою стѣною, чѣмъ болѣе жестокъ толчокъ, получаемый при столкновеніи съ преградой. Робеспьеръ—мессія, предтечею котораго былъ Руссо. Этого мессію ждутъ всѣ несчастные, и какое страждущее сердце не ощущало его откровенія? Это—вѣчный бредъ человѣческаго инстинкта, жаждущаго счастья, вѣчный обманъ человѣческой гордости, ведущей борьбу противъ безучастія явленій жизни! «Съ самой ранней молодости онъ несорель, т. III.

редко спрашивалъ себя, почему не всѣ люди добры, умны и счастливы, хотя они казались ему для этого созданными... Если бы всѣ люди походили на меня...—говорилъ онъ себѣ, — они жили бы счастливо и мирно. Почему же они такъ не живутъ ?) Почему? Потому что есть злые, и они вступили въ заговоръ противъ простоты, невинности и природы». «Вы спрашиваете, существуетъ ли такой заговоръ? — восклицаетъ Жапъ-Жакъ. — Да, конечно, существуетъ, и такой, подобнаго которому не было и не будетъ» *). Это—заговоръ природы вещей противъ утопіи. Этотъ заговоръ мѣшалъ вырости порядку изъ царства анархистовъ и счастью рода человеческого изъ господства революціонеровъ. Робеспьеръ непрестанно обличалъ именно этотъ заговоръ. А такъ какъ онъ возводилъ въ догматы всѣ свои личныя страсти, то включалъ въ кругъ заговорщиковъ всѣхъ своихъ недруговъ. Онъ преслѣдовалъ ихъ съ коварною реторикою прокурора, тонкостью казуиста, ожесточенностью сектанта, мнительностью инсхондрика, преслѣдуемаго призраками зависти и страха. Этотъ страхъ обуздываетъ его: онъ поглотить его. Въ своемъ тщеславіи, которое безмѣрно, онъ смѣшивалъ интересъ собственнаго существованія съ революціей, съ существованіемъ всего человѣчества. Онъ возводитъ такимъ путемъ до степени провиденціальной миссіи этотъ постоянно преслѣдующій его страхъ и эту заботу о своей личности, которая заставляетъ его непрерывно требовать новыхъ казней, ради уничтоженія новыхъ враговъ.

Обличеніе составляло сущность его ума; именно такого рода умъ требовался для того, чтобы сдѣлаться пророкомъ въ якобинскомъ клубѣ. Робеспьеръ слагалъ на враговъ этой секты всю несостоятельность, которая была ея собственнымъ порокомъ. Самолюбіе якобинцевъ, ихъ химеры, ихъ антипатіи, все побуждало ихъ вѣрить Робеспьеру. Каждый изъ нихъ экзальтировалъ и обоготворялъ въ немъ свою собственную личность. Робеспьеръ умѣлъ навязать себя съ тою ловкостью, которою обладали всѣ знаменитые фанатики-вожаки. Онъ являлся народу вѣрнымъ диктаторомъ народной воли. Идя впереди толпы и какъ бы предшествуя священному ковчегу, онъ сообщалъ толпѣ иллюзію самостоятельнаго, строгаго, поступательнаго хода. Въ противоположность тѣмъ военачальникамъ, которые приписываютъ себѣ честь побѣды, одержанной ихъ солдатами, и хвалятся тѣмъ, что предусмотрѣли движенія, тогда какъ на самомъ дѣлѣ были простыми ихъ свидѣтелями, Робеспьеръ превращалъ самое свое возвышеніе въ непрестанное жертвоприношеніе своей личности дѣлу цѣлаго народа. Онъ руководилъ якобинскимъ клубомъ, обуздывалъ Конвентъ и управлялъ комитетомъ Общественнаго спасенія; но его дѣйствія имѣли цѣлью одну ти-

*) Rousseau, *Deuxième dialogue*.

*) Rousseau, *Troisième dialogue*. См. QUINET, *La Révolution*, liv. XIV, ch. IV.

раннію, и онъ господствовалъ только путемъ гильотины. Въ то же время Конвентъ и комитетъ Общественнаго спасенія совершали дѣло другого рода: Конвентъ декретировалъ, а Комитетъ организовалъ національную оборону; Робеспьеръ и Терроръ были не при чемъ въ этомъ дѣлѣ.

Комитетъ Общественнаго спасенія, по своему внутреннему составу, былъ совѣтомъ крайне несогласнымъ. Онъ состоялъ изъ двѣнадцати человѣкъ съ самыми противоположными страстями; совмѣстная неограниченная власть этого совѣта только разжигала соперничества и обостряла раздоры. На первомъ планѣ стояли фанатики, *триумвиры*, какъ ихъ называютъ, завѣдывавшіе Терроромъ: Робеспьеръ съ своими двумя сподвижниками — Кутономъ, воплощавшимъ его дерзость, и Сепъ-Жюстомъ—его помыслы. Далѣе, шпіопившіе за ними, подстрекавшіе и паталживавшіе ихъ на убійства—кровожадные Билло-Вареннъ и Колло-Дербуа; Пріеръ де-ла-Марнъ, ихъ эмиссаръ, Геро Сешель—ихъ соумышленникъ, Бареръ—ихъ корифей дополняли группу террористовъ. Два послѣдніе были на все готовы: Геро, ради сохраненія своей жизни, Бареръ, ради свободы разглагольствовать передъ трибуной; то былъ работлиный умъ, распутное перо, подобострастный языкъ, вѣчно живыя уста и упраздненная совѣсть. Эти люди хотя и составляли большинство, однако существенныя дѣла государства велись помимо ихъ. Фактическое управленіе Комитетомъ сосредоточивалось въ рукахъ военныхъ людей: Роберта Линде, рожденнаго администраторомъ, Пріеръ де ла Котъ д'Оръ, военнаго инженера, и Жанбона-Сепъ-Андре, бывшаго проповѣдника въ пустынѣ, но человѣка, созданнаго для дѣла. Между ними Карно являлся представителемъ типа великихъ слугъ отечества эпохи революціи подобно тому, какъ Робеспьеръ олицетворялъ въ ней типъ пагубныхъ софистовъ.

Карно было сорокъ лѣтъ. Онъ вышелъ изъ среды инженеровъ, составлявшей интеллектуальный цвѣтъ старой арміи, былъ образованъ и великодушенъ. Однимъ изъ его первыхъ сочиненій была *Похвальная рѣчь Вобану*, котораго онъ взялъ себѣ за идеалъ героя и гражданина. Не уступая этому великому человѣку по своимъ патріотическимъ чувствамъ, онъ, быть можетъ, даже превосшелъ бы его услугами, оказанными родиѣ, но былъ ниже его по уму. Вобанъ обладалъ высокимъ умомъ и способностями государственнаго человѣка; Карно не отличался широтою взгляда и проявилъ себя только прекраснымъ министромъ, сомнительнымъ философомъ и посредственнымъ политикомъ. Равнодушный къ славѣ и личному честолюбію, но упорный въ своихъ намѣреніяхъ, онъ, какъ это свойственно людямъ его характера и профессіи, внесъ въ политику, въ которой мало смыслилъ, всю точность абстрактныхъ наукъ. Его метода дѣйствовать была превосходна въ дѣлѣ войны, такъ какъ тамъ она являлась экспериментальной и прилагалась къ положительнымъ даннымъ; въ общественномъ же управ-

леніи она становилась ложною, ибо примѣнялась къ области чисто произвольныхъ понятій и воззрѣній. Доктрина Карно открыла ему доступъ въ комитетъ Общественнаго спасенія, а его военныя познанія сдѣлали его «организаторомъ побѣды».

Его вступленіе въ Комитетъ, спасшее Францію и избавившее самый Комитетъ отъ позора въ исторіи, произошло вслѣдствіе своего рода неизбежной непоследовательности террористовъ. Это было въ срединѣ августа, послѣ пораженія, когда среди всеобщаго смятенія требовалось принять немедленныя мѣры къ защитѣ. Для войны нуженъ былъ человекъ, такъ какъ войну нельзя вести фразами, и декреты для нея не имѣютъ значенія. Террористы боялись военныхъ, они наполняли ими тюрьмы, приговаривали къ смерти генераловъ, потерпѣвшихъ пораженія, и не доверяли выигравшимъ сраженія. Но еще болѣе боялись они Питта и эмигрантовъ. Страхъ, рѣшающій все, рѣшилъ и избраніе Карно; его рекомендовалъ Бареръ. Этотъ хвастунъ трибуны самъ не вѣрилъ своимъ кровожаднымъ похвальбамъ. Карно и Пріеръ де ла Котъ д'Оръ были причислены къ Комитету 14-го августа. Карно стоялъ вѣдъ подозрѣній, имѣлъ скромный видъ и своею внѣшностью мало походилъ на военнаго. Конвентъ довѣрчиво принялъ его. Робеспьеръ вынужденъ былъ терпѣть его присутствіе. Карно былъ убѣжденъ, что революція не можетъ уступить, не погубивъ самое себя. Его республиканскій идеалъ заволакивалъ передъ нимъ всѣ ужасы происходящаго. При народномъ бѣдствіи онъ видѣлъ необходимость только обороны. Замкнувшись въ своей роли, онъ смелъ своего рода государственнымъ стоицизмомъ и долгомъ принять слѣдующую сдѣлку своего чувства человѣчности: предоставить террористамъ свободу рубить головы, лишь бы они не мѣшали ему защищать Францію⁹⁾. Такимъ образомъ Робеспьеръ и Карно около года уживались рядомъ, все болѣе и болѣе ненавидя другъ друга: Робеспьеръ — чѣмъ болѣе услугъ оказывалъ Карно, Карно — чѣмъ болѣе злодѣяній совершалъ Робеспьеръ. «Въ разговорѣ съ нимъ мнѣ постоянно приходилось называть его тираномъ», — сообщаетъ Карно. — «Въ Комитетѣ его терпятъ — говоритъ Робеспьеръ — только потому, что онъ нуженъ, но при первомъ пораженіи нашихъ армій его голова слетитъ съ плечъ».

Итакъ, они постоянно враждовали и совмѣстная ихъ работа ограничивалась одними формальностями. Комитетъ, низведя министровъ на степень

⁹⁾ «Я совершенно погрузился въ дѣло, которое было на меня, возложено, и, занимаясь по шестнадцати часовъ въ день, былъ глухъ ко всему, что не касалось занятій отдѣленій моего вѣдомства». CARNOT, *Discours du 9 prairial an III* — 28 mars 1793, *Moniteur*, t. XXIV, p. 570. — См. MALLET DU PAN, *Sayous* t. II, p. 44.

канцелярскихъ чиновниковъ, вскорѣ былъ заваленъ дѣлами. Раздѣленіе труда произошло само собой, и дробленіе дѣлъ все болѣе и болѣе увеличивалось, благодаря самому свойству учрежденія и противоположности характеровъ. Каждый нашелъ здѣсь себѣ поприще: одни — для своихъ страстей, другіе — для своихъ способностей. Триумвиры забрали въ свои руки высшую революціонную политику — изданіе великихъ декретовъ о проскрипціи и убійствахъ. Изъ ихъ-то лабораторій исходили химерическія или жестокія мѣры, изобрѣтаемыя изо-дня-въ-день подъ вліяніемъ то ярости, то страха и впускаемыя завистью или приступами горячечнаго пенствованія. Робеспьеръ, въ болѣе крупныхъ случаяхъ, Бареръ — въ обыкновенныхъ излагали съ трибуны эти предложенія и, смотря по обстоятельствамъ, то оправдывали ихъ смутными теоріями управленія человѣчества, то прикрывали въ нихъ лицемерными предлогами своеволіе тираніи. Бильо и Колло завѣдывали террористической корреспонденціей съ департаментами. Геро, по расчету, Пріеръ де-ла-Маръ, по влеченію, охотно приняли на себя управленіе внутренними дѣлами. Жанбонъ завѣдывалъ морской частью; Линде и Пріеръ де ла Котъ-д'Оръ — провіантской; Карно — организаціей и расположеніемъ армій. Подъ управленіемъ каждаго имѣлось особое бюро: для набора рекрутъ, сосредоточенія пѣхотныхъ и морскихъ войскъ, для заготовки оружія, провіанта и боевыхъ снарядовъ.

Комитетъ собирался, особенно въ первые мѣсяцы, въ 8 часовъ утра и занимался разсмотрѣніемъ общихъ дѣлъ. Затѣмъ комиссары шли заниматься въ свои отдѣленія или секціи, какъ ихъ называли. Въ часъ они являлись въ Конвентъ, гдѣ засѣданія были непродолжительны. Къ 7 часамъ комиссары возвращались въ свои секціи и ночью собирались всѣ для совмѣстнаго рѣшенія дѣлъ. Скоро собранія эти потеряли всякое значеніе. Въ сущности, Комитетъ дѣлился на два совѣта, засѣдавшихъ и рѣшавшихъ дѣла самостоятельно: террористы, избѣгавшіе компрометировать себя въ военномъ дѣлѣ, и военные, боявшіеся опозориться участіемъ въ дѣлахъ Террора¹⁰⁾. Но такъ какъ пужно было сохранить внѣшній видъ правильности совѣщаній, то было рѣшено, что для законности рас-

¹⁰⁾ «Совѣщанія Комитета по всѣмъ дѣламъ, кромѣ дѣлъ, относящихся къ государственной полиціи, рѣшались единогласно; постановленія же государственной полиціи подписывались только Робеспьеромъ, Кутонемъ и Сень-Жюстомъ». PRIEUR DE LA CÔTE-D'OR, 12 vendémiaire, an III. «Государственная полиція сподилась только съ революціоннымъ Трибуналомъ». — COLLOT, id. «Рѣшенія государственной полиціи всецѣло принадлежали Робеспьеру», VILLAUD, id. «Самая строгая справедливость требуетъ ограничить отвѣтственность каждаго только за тѣ дѣла, рѣшеніе которыхъ дѣйствительно отъ него зависѣло... Преступленія остаются за тѣми, которые ихъ совершили, т. е. за триумвиратомъ...» CARNOT, 9 germinal, an III, *Moniteur*, t. XXIV, p. 50.

поряженія достаточно трехъ подписей: изъ этихъ трехъ, только первая—спеціального комиссара—была дѣйствительна, другія въ большинствѣ случаевъ были не что иное, какъ засвидѣтельство (visa)¹¹⁾. «Каж-дый—по словамъ Карпо,—самъ заготовлялъ въ своей канцеляріи или дѣ-лалъ распоряженія объ изготовленіи бумагъ, подлежащихъ его вѣдѣнію, и приносилъ ихъ къ подписи обыкновенно около 2—3 часовъ утра»¹²⁾.

По своей мнимой солидарности, по своимъ дѣйствительнымъ раздорамъ, по огласкѣ своихъ пагубныхъ мѣропріятій, по маловажности своихъ полез-ныхъ дѣяній, по деспотизму фанатиковъ и по раболѣпству большинства, Комитетъ представлялъ собою Конвентъ въ миниатюрѣ. Тамъ мы также видимъ, рядомъ съ небольшою группою ослѣпленныхъ и догматическихъ террористовъ, двѣтъ горячихъ патріотовъ, посвящающихъ себя войнѣ. Ко-рифеемъ между ними былъ Мерленъ де Тіонвилль,—типъ вооруженнаго и за-каленного закоповѣда, поколѣнія Ногаре (Nogaret), но просвѣщеннаго духомъ времени и полного горячности; искренній и прямой въ своемъ горделивомъ патріотизмѣ, способный вести на приступъ, рожденный для побѣдъ, онъ сошелъ со сцены, какъ только потухъ въ умахъ людей духъ экзальтаціи, который и вызвалъ его къ жизни. Другіе, болѣе испорченные, болѣе корыстолюбивые, кровожадные интриганы видѣли въ революціи и въ тер-рорѣ только путь къ возвышенію: таковъ былъ напрімѣръ Фуше, бѣглый монахъ, проконсулъ Робеспьера, соперникъ Марата и Шометта, сдѣлавшійся герцогомъ при императорѣ и министромъ при Бурбонѣ; въ неумирающемъ поколѣніи хитрыхъ честолюбцевъ, онъ былъ тѣмъ, чѣмъ былъ Лобардемонъ при Ришелье и Дюбуа при Филиппѣ Орлеанскомъ. Наконецъ, составлявшіе большинство, люди добрыхъ намѣреній и слабого характера пристраивались съ самаго начала въ спеціальныхъ комитетахъ и ступенькивались тамъ на-сколько было возможно. Они посѣщали какъ можно рѣже Собранія, чтобы избѣжать необходимости подачи голосовъ и встрѣчъ, могущихъ ихъ ком-прометировать.

«Дѣятельно участвовать въ Террорѣ, облекшемъ въ трауръ всю Фран-цію, было бы страшною подлостью,— говоритъ Тибодо. — Отстраняясь же совершенно отъ дѣла, я навлекъ бы на себя подозрѣнія, не принеся пользы никому... Второстепенные Комитеты были предоставлены толпѣ; достаточно было выбрать одинъ изъ нихъ и подписать свое имя, чтобы сдѣлаться его членомъ. Я занялся общественнымъ образованіемъ». Такъ думали лучшіе умы Собранія и такъ совершались во время Террора, но помимо его уча-стія и, такъ сказать, въ ущербъ ему, полезныя мѣропріятія, на которыя террористы ссылались при случаѣ, чтобы загладить свои ошибки и иску-

¹¹⁾ *Déclarations de Carnot. Moniteur*, t. XXIV, p. 50, 74 et 570.

¹²⁾ *Discours du 27 mai 1793. Moniteur*, t. XXIV, p. 50.

пить жестокость своей политики. Такимъ образомъ, съ іюня по декабрь 1793 г., былъ обнародованъ цѣлый рядъ отчетовъ, проектовъ и мѣро-пріятій, имѣвшихъ цѣлью возстановленіе упраздненнаго народнаго образо-ванія и съ которыми связаны имена Лаканала, Шенье и Ромма. Въ фев-ралѣ основанъ Національный архивъ, въ іюнѣ издано постановленіе о со-храненіи памятниковъ и объ учрежденіи Музея естественныхъ наукъ, въ іюль—Луврскаго музея; въ августѣ вышелъ декретъ объ единообразіи мѣры и вѣса; организовано телеграфное сообщеніе, предпріятое въ апрѣлѣ; на-конецъ, изданъ 5 октября республиканскій календарь, который измѣнялъ въ самой основѣ вѣковые національные права, общественные и религіоз-ные обычаи; уже одно это обрекало его на уничтоженіе, несмотря на то, что вмѣсто безобразныхъ названій прежнихъ классическихъ мѣсяцевъ, онъ предлагалъ красивыя, звучныя и полныя значенія названія, открытыя, такъ сказать, для поэзіи великихъ воспоминаній¹³⁾. «Большая часть на-шихъ трудовъ,—говоритъ одинъ изъ членовъ Комитета народнаго образо-ванія,—ограничивались только тѣмъ, что мы противились, насколько было возможно, злу разрушенія... Мы были въ ежедневныхъ сношеніяхъ съ за-служенными людьми, достойными всякаго уваженія, каковыми были: До-бенотъ, Лагранжъ, Монжъ, Прони, Корвизаръ, Бернардень де-Сенъ-Пьеръ... Одни—движимые патріотизмомъ, другіе—во избѣжаніе проскрипціи, но все съ любовью къ наукѣ и искусству приносили намъ дань своихъ знаній и дарованій. Впрочемъ, декреты, въ большинствѣ случаевъ, выражали лишь пожеланія или обѣщанія. Конвентъ вотировалъ ихъ, не разбирая дѣла, на удачу, во время ежеминутно прерываемыхъ засѣданій и какъ бы по раз-сѣянности. Они были осуществлены позже, послѣ Террора; было важно уже и то, что находили время для законодательныхъ трудовъ и ихъ принци-пальныхъ обоснованій; для примѣненія же необходимы были миръ и устойчивое правительство.

Финансовыя мѣры, и въ особенности знаменитые декреты 13-го сен-тября, о государственномъ бюджетѣ и 26-го сентября—объ обезпеченіи го-сударственного долга; безчисленныя постановленія о залоговомъ правѣ, о счетоводствѣ, о бумажныхъ деньгахъ, о регистратурѣ, объ управленіи и продажѣ національныхъ имуществъ, т. е. собственно административныя распоряженія, дѣлавшіяся правительственными актами, вслѣдствіе нестрой-ности тогдашняго режима были, почти исключительно, дѣломъ трехъ чле-новъ Комитета финансовъ: Камбона, Рамеля-Ногаре, бывшаго каркасонскаго адвоката и депутата въ Учредительномъ собраніи, и адвоката гренобль-

¹³⁾ Республиканскій годъ начался 22 сентября. Годъ II республики на-чался 22 сентября 1793 г. Съ этого времени я буду употреблять республи-канскія названія.

скаго парламента Реаля. Камбонъ и Рамель, демократы оба, но далеко не геніальные, трудолюбивые, честные и устойчивые въ своихъ узкихъ воззрѣніяхъ, естественно были склонны къ уравнилельнымъ мѣрамъ. «Уравниатели» комитета Общественнаго спасенія шли въ нихъ незамѣнимыхъ агентовъ для исполненія своихъ плановъ въ дѣлѣ соціальной реформы. Принудительный заемъ, падавшій на богатыхъ, помощь немущимъ, вспомошествованіе жертвамъ войны, требованіе всякаго рода продовольствія для арміи и содержаніе рабочаго населенія въ большихъ городахъ: всѣ эти мѣры были связаны съ намѣреніемъ урегулировать богатства и, посредствомъ внимательства государства, улучшить па счетъ богатыхъ благосостояніе самыхъ бѣдныхъ и вообще большинства народа. Химерическія мѣры только ускорили банкротство государства, разоряя гражданъ и истощая всѣ источники податныхъ сборовъ. Тѣмъ не менѣе, изъ трудовъ Камбона и Финансоваго комитета сохранили значеніе, сильно способствовали установленію новой Франціи и нѣкоторымъ образомъ заинтересовали политическую экономію въ дѣлѣ революціи: роспись государственнаго долга и раздробленіе конфискованныхъ имѣній, связавшее народное сбереженіе съ государственнымъ долгомъ и съ упраздненіемъ привилегированныхъ классовъ ¹⁴⁾.

Подобное же смѣшеніе идей проявилось и въ первомъ планѣ гражданскаго свода законовъ, который былъ принятъ по докладу Камбасереса лѣтомъ и осенью 1793 г. Камбасересъ, въ видахъ огражденія основныхъ правственныхъ принциповъ, которыхъ держался, ввелъ въ свой проектъ извѣстное число собственныхъ громкихъ пововведеній, чтобъ польстить народу. Онъ составилъ сводъ законовъ изъ постановленій, уже принятыхъ по частямъ или проявившихся въ видѣ циркуляровъ; такъ, легкость развода санкціонировала брачную распущенность; права, присвоенныя дѣтямъ, рожденнымъ внѣ брака, а равно и отъ прелюбодѣянія, распространяли на всѣхъ незаконнорожденныхъ французовъ чудовищныя преимущества, дарованныя Людовикомъ XIV своимъ собственнымъ батардамъ; сюда же отпосится и чрезмѣрное ограниченіе права завѣщанія и распоряженія своимъ имуществомъ; безконечное дробленіе наслѣдства; абсолютное равенство между наслѣдниками. Но рядомъ съ этими законами, обусловленными требованіями времени, среди занятій Законодательнаго комитета продолжался великій трудъ преобразованія гражданскихъ законовъ, задуманный законовѣдами стараго режима и законченный юристами Консульства. Въ этомъ заключается главное значеніе труда Камбасереса; онъ внушаетъ тѣмъ осно-

¹⁴⁾ Декреты 8 апрѣля и 18 сентября 1793 года, о продажѣ небольшими участками конфискованныхъ имѣній и облегченіи уплаты для недостаточныхъ покупателей.

нымъ принципомъ революціи 1789 г., что въ дѣлѣ собственности непосредственное владѣніе не можетъ быть отдѣлено отъ непосредственной эксплуатаціи ¹⁵⁾.

Террористы не всегда довольствовались молчаливымъ согласіемъ своихъ членовъ; имъ недостаточно было видѣть одно только снисхожденіе, они желали имѣть соучастниковъ. Законовѣды Конвента, чтобы сохранить свою жизнь въ это опасное время, не одинъ разъ были вынуждены расплачиваться за то своимъ перомъ и законовѣдѣніемъ, распределяя по статьямъ и примѣняя къ практикѣ указы триумвировъ. Они покорно исполняли это; привычныя орудія верховной воли, искусившіеся въ дѣлѣ юридическихъ толкованій, они безъ малѣйшихъ затрудненій вносили въ демократическій деспотизмъ прецедентъ деспотизма королевской власти. Такимъ-то образомъ Камбасересъ продолжалъ составлять послѣдовательный рядъ декретовъ, организовавшихъ Революціонный трибуналъ ¹⁶⁾, а Законодательный комитетъ соединилъ въ одинъ общій законъ всѣ частныя мѣры, принимавшіяся противъ эмигрантовъ ¹⁷⁾. Мерленъ де Дуэ, съ своей стороны, предложилъ свои обширныя свѣдѣнія въ юридическихъ наукахъ и свою удивительную юридическую ловкость для составленія того образцоваго произведенія коварной тиранніи, которое носитъ имя «закона о подозрѣваемыхъ» ¹⁸⁾. Этотъ законъ былъ главнымъ поставщикомъ жертвъ гильотины. Ни одинъ гражданинъ не былъ гарантированъ отъ подозрѣній ¹⁹⁾; каждый общинный Революціонный комитетъ могъ распорядиться арестованіемъ подозрительнаго. Это было, такъ сказать, предоставленіемъ черни права выдавать запечатанные приказы (*lettres de cachet*) прежней королевской власти. Тюрьмы переполнялись. Трибуналъ дѣйствовалъ не-

¹⁵⁾ См. VALETTE: *De la durée et de la persistance de l'ensemble du droit civil français pendant la Révolution. Mélanges de droit*, Paris. 1880.

¹⁶⁾ Декреты 10 марта, 7 мая и 23 іюля 1793 г.

¹⁷⁾ Общій законъ 5 апрѣля 1793 г. Отъ января до іюня можно насчитать 4 общихъ закона, 18 уголовныхъ, 20 имущественныхъ, 5 законовъ о кредиторахъ эмигрантовъ.

¹⁸⁾ Законъ 17 сентября, дополненный закономъ 16 декабря 1793 г.

¹⁹⁾ «Слово—подозрительные люди—было невѣрно истолковываемо. Полагали, что подъ нимъ подразумѣвались только дворяне и лица духовнаго званія... Изъ среды бывшихъ дворянъ эмигрировала почти вся молодежь: въ странѣ остались только дѣти, старики и женщины, управлявшіе имѣніями и передававшіе деньги другимъ... священники были высланы почти всѣ... Были другія лица, считавшіеся подозрительными: лавочники, крупные торговцы, спекулянты, экзъ-прокуроры, пристава, дерзкіе слуги, управляющіе и дѣлцы, крутые собственники». BAZIRE, 4 сентября, 1793. *Moniteur*, т. XVII, р. 584.

прерывно и неистово приговаривалъ ²⁰⁾. Все дворянство, оставшееся во Франціи, находилось подъ подозрѣніемъ; эмигранты считались преступниками. Не признавалось никакого различія между тѣми, кто уѣзжалъ, чтобы бороться съ революціей въ союзѣ съ иностранцами, и тѣми, кого революція принуждала скрываться; всѣ одинаково считались вѣчными изгнанниками и приговоренными къ гражданской смерти. Ихъ имущества конфисковались республикой. Всякая попытка эмигрировать наказывалась смертью ²¹⁾.

Однакожь число эмигрантовъ постоянно увеличивалось, приближалось къ цифрѣ 150.000 человекъ; лѣтомъ въ 1794 году ²²⁾, число эмигрантовъ достигло этой цифры. Повторилось то ужасное зрѣлище, которое представляла Франція за столѣтіе предъ тѣмъ ²³⁾: народонаселеніе подверглось гоненію, уничтоженію, ограбленію, не только путемъ насилія со стороны деспота, но и въ силу ученаго и многосложнаго законодательства. Такъ было и въ прошедшемъ вѣкѣ, когда всѣ слабые и беспомощные: женщины, бѣдняки-ремесленники, вѣрные слуги и весь униженный и безвѣстный народъ составляли главный контингентъ жертвъ ²⁴⁾.

²⁰⁾ Въ сентябрѣ, въ Парижѣ было 62 обвиняемыхъ и 17 приговоренныхъ; отъ 22 сентября до 20 октября (завдемьера) 53 обвиняемыхъ, изъ нихъ 23 осужденныхъ; отъ 22 октября до 20 ноября (брюмера), 121 обвиняемыхъ, 65 осужденныхъ; отъ 21 ноября до 20 декабря (фримера), 166 обвиняемыхъ и 67 осужденныхъ.

²¹⁾ Декларациі въ октябрѣ 1685, май 1686 и октябрѣ 1687 гг.: смертная казнь для мужчинъ, пожизненная каторга для женщинъ, которые захотятъ эмигрировать; смертная казнь для пособниковъ при эмигрированіи.

²²⁾ TAINE. *La Révolution*, t. III, p. 381.—Къ концу 1795 г. было 170.000 эмигрантовъ. SYVEL, trad., t. IV, p. 4—7.

²³⁾ По наиболѣе достовѣрнымъ исчисленіямъ, эмиграція реформатовъ доходила до 200.000 душъ. DARESTE. *Histoire de France*, année 1686, t. V, p. 564.

²⁴⁾ Сравните послѣднее, самое полное, ужасающее и раздирающее душу описаніе гоненій времени Террора, описаніе Тэна, съ разсказами наиболѣе умѣренныхъ и безпристрастныхъ историковъ эпохи Людовика XIV. Напримѣръ, DARESTE, *Histoire de France*, t. V, p. 562 и слѣд.; о тюремномъ заключеніи, о конфискаціяхъ, секвестрѣ и похищеніи дѣтей реформатовъ. TAINE, *La Révolution*, t. III, p. 382—385, тюремныя заключенія въ 1793—1794. CAMILLE ROUSSET, *Louvois*, t. III, ch. VII, p. 496, реформатскія собранія, и TAINE, t. III, p. 381—391. «На всемъ протяженіи границы были разставлены часовые, на всемъ побережьи—вооруженныя суда, читаемъ у Rousset, t. III, p. 496, 502—513. Задержанные бѣглецы, безъ всякой пощады, безъ различія происхожденія, воспитанія, достатка, отправлялись на галеры и заключались въ одни казематы съ уголовными преступниками». Женщины не дворянки подвергались наказанію розгами и клейменію. «Тѣ, кому удавалось перебраться чрезъ границу, весьма часто оставляли кровавый слѣдъ своего перехода и почитали себя счастливыми, избѣжавъ смерти подъ ударами кре-

Но вотъ въ чемъ заключалось различіе между старымъ и новымъ временемъ: при монархіи служба въ иностранныхъ войскахъ, заговоры съ врагами государства, открытыя возстанія провинцій—все это было лишь слѣдствіемъ преслѣдованій. Реформаты давно уже не составляли политической партіи въ государствѣ; они не только не стремились къ узурпированію общественныхъ вольностей, но требовали для себя священнѣйшаго изъ правъ—свободы совѣсти. Во время республики, напротивъ, гоненія возникли послѣ вооруженнаго возстанія и заключенія союза съ чужеземцами одной изъ французскихъ партій, имѣвшей притязаніе на управленіе государствомъ и возстановленіе при помощи иностранцевъ привилегированнаго режима, котораго лишила ее революція. Тѣмъ не менѣе, хотя эти мѣры были законны по своимъ мотивамъ при республикѣ, чѣмъ при монархіи, скандалъ получилъ большую огласку. Людовикъ XIV только злоупотреблялъ принципомъ своего правительства, заключавшемся въ государственномъ вѣроисповѣданіи: онъ оставался вѣрнымъ своей профессіи деспота и послѣдователя Θεодосія ²⁵⁾. Республика же нарушала собственное публичное право и собственный принципъ *правъ человека*. Революція совершена была именно для того, чтобы навѣки искоренить излишества абсолютной власти. «Есть государства»,—писалъ Монтескьё, размышляя о худшихъ дняхъ своего отечества, «въ которыхъ законы не имѣютъ никакого значенія или отождествляются съ прихотливою волею монарха» ²⁶⁾. Именно этого рода порядокъ и стремилась упразднить республика. Она поставила изображеніе закона въ видѣ покровительствующаго божества у

стыганъ, свирѣпость и корысть которыхъ разжигали противъ нихъ... Казалось, что Франція была при послѣднемъ издыханіи... Начиная съ 15 июня 1686 г. постановлена была единообразная для мужчинъ и женщинъ кара—смертная казнь». TAINE, t. III, p. 381—385: «Ихъ было бы еще болѣе (эмигрантовъ), если бы границу не охраняли патрули, если бы для перехода чрезъ нее не приходилось рисковать жизнью, тѣмъ не менѣе многіе рѣшаются рисковать жизнью и переходятъ границу ночью, переодѣтые, бродя по неизвѣстнымъ дорогамъ, чтобы бѣжать въ Швейцарію, Италію, Германію и даже въ Венгрію, въ надеждѣ найти тамъ безопасность и возможность молиться по-своему. Если кто либо изъ изгнанниковъ или высланныхъ отваживается вернуться на родину, его преслѣдовали какъ дикаго звѣря; за арестомъ немедленно слѣдовала гильотина... Съ этими государственными преступниками обращались хуже, чѣмъ съ ворами и убійцами при старомъ порядкѣ».

²⁵⁾ «Скажемъ этому новому Константину, этому новому Θεодосію, этому новому Карлу Великому: «Вы утвердили вѣру, вы истребили еретиковъ; это—достойный трудъ вашего царствованія, это—отличительная черта его... Одинъ Богъ въ силахъ былъ совершить такое чудо». BOSSUET, *Oraison funèbre de Michel Letellier*, 1686.

²⁶⁾ *Esprit des lois*, liv. XXVII, ch. II.

порога конституции. Она возвела закон на степень истинного монарха Франции и, поднявъ его на эту высоту, желала придать ему царственный, неизблемый и религиозный характер древних конституций²⁷⁾. Но легисты привыкли подчинять закон произволу государства; они продолжали слѣдовать своему обычаю, и внѣшнее величіе, заимствовавшее у древних республикъ, сдѣлалось маскою, прикрывавшею рутину цезарскаго деспотизма. Самое понятіе о законѣ исчезло, когда, такъ сказать, подкупленный законъ пересталъ быть непоколебимымъ правиломъ правосудія, чтобы превратиться въ орудіе господства въ рукахъ партій. Законъ сдѣлался бичомъ.

II.

Еще существовавшій министр иностранныхъ дѣлъ, Дефоржъ, пребывалъ въ бездѣйствіи и только умолялъ Комитетъ о приказаніяхъ. Комитетъ же занятъ былъ дѣлами иного свойства. Бареръ, котораго помѣстили въ отдѣленіе внѣшнихъ дѣлъ, не понималъ въ нихъ ровно ничего; Геро, назначенный въ то же отдѣленіе еще во времена Дантона и оставленный въ немъ, думалъ только о томъ, чтобы путемъ бездѣйствія избѣгнуть подозрѣнія въ дантонизмъ и дипломатичности, что было уже опасно и что скоро будетъ грозить смертью. Переговоры фактически уже были прерваны. Робеспьеръ постановилъ, что въ принципѣ ихъ не должно существовать. 16-го сентября 1793 г. онъ провелъ постановленіе, устанавливавшее «временныя дипломатическія основанія»: во все время продолженія войны, республика будетъ вести правильныя сношенія только съ американскими Соединенными Штатами и Швейцарскими кантонами; во всѣхъ прочихъ странахъ она будетъ пользоваться услугами тайныхъ агентовъ, секретарей посольства и повѣренныхъ въ дѣлахъ. Агенты не будутъ снабжаться писанными инструкціями. Это распоряженіе было вызвано хищеніемъ Маре и Семонвиля. Правительство, лишенное союзниковъ и политическихъ видовъ, безъ сомнѣнія, могло довольствоваться этими «дипломатическими основами» Робеспьера. Постановленіе 16-го сентября равнялось, въ сущности, признанію собственнаго безспія. Въ тотъ же день всѣ эксъ-дворяне, еще занимавшіе дипломатическіе или консульскіе посты, были отозваны. Агенты доказывали свой демократизмъ, но это не вело ни къ лучшему руководству ими, ни къ лучшей оцѣнкѣ ихъ труда. Они получали свое жалованье крайне неправильно и много теряли вслѣдствіе паденія курса ассигнацій. Съ той поры, какъ Дантонъ удаленъ отъ дѣлъ, агенты не получали никакихъ инструкцій. Ихъ переписка, начиная съ іюля

²⁷⁾ FUSTEL DE COULANGES, *La cité antique*, p. 223.

1793 г., представляетъ рядъ жалобъ, по поводу неполученія ни денегъ, ни приказаній. Въ Константинополѣ Декоршъ, котораго всѣ обвиняли въ томъ, что онъ подкупаетъ Диванъ, на самомъ дѣлѣ вынужденъ былъ занимать деньги у турокъ. Французскіе фрегаты, стоявшіе въ Левантѣ, обратились къ нему за денежною помощью: «Я самъ лишенъ всякихъ средствъ, — передавалъ онъ, — какое затруднительное положеніе! Торговля не даетъ никакихъ ресурсовъ. Я сообщилъ о своемъ затрудненіи Рейсь-Эффенди, и султанъ тотчасъ же велѣлъ выдать мнѣ необходимую сумму. Уже два раза оказалъ онъ мнѣ подобную услугу»¹⁾.

4-го октября Дефоржъ просилъ о рѣшеніи по дѣламъ его вѣдомства, такъ какъ «съ нѣкоторыхъ поръ въ ходѣ этихъ дѣлъ замѣчается застой». Тогда Комитетъ сдѣлалъ слабую попытку дипломатическаго дѣйствія. Онъ занялся организованіемъ тайныхъ миссій, о которыхъ упоминалось въ постановленіи 16-го сентября. Цѣлью этихъ миссій было сообщеніе Комитету свѣдѣній о несогласіяхъ союзниковъ и подготовленіе для республики средствъ воспользоваться раздорами коалиціи. Дефоржъ написалъ по этому поводу Бартеlemi, который, оставаясь при своемъ посольствѣ въ Швейцаріи, фактически и былъ министромъ иностранныхъ дѣлъ республики: «Если бы, — писалъ онъ, — дали надежду одной изъ державъ на вознагражденіе за убытки, а другой — на расширеніе предѣловъ на счетъ одной изъ союзницъ, то весьма вѣроятно можно было бы поселить между ними раздоръ». Денеша эта показываетъ, что еще были люди, готовые пожертвовать принципами ради интересовъ. Сдѣлки такого рода обусловливались политической необходимостью, но онѣ не согласовались съ «Общественнымъ договоромъ» и если легко уживались съ замыслами Дантона, то никакъ не могли быть согласованы съ догматами Робеспьера. Какъ бы то ни было, онѣ остались безъ послѣдствій. Бартеlemi отвѣтилъ, что имъ не получено никакихъ миролюбивыхъ заявленій, что онъ не поддерживаетъ «никакой переписки» съ враждующими державами, что вообще находитъ невозможною какую бы то ни было корреспонденцію, по причинѣ «инквизиціи», практикуемой правительствами относительно «всѣхъ движеній патріотовъ, иностранцевъ, путешественниковъ и, въ особенности, письменныхъ сообщеній».

Подъ вліяніемъ тѣхъ же соображеній, которыя побудили писать Бартеlemi, Комитетъ рѣшилъ 11-го октября, что Декоршъ будетъ открыть четырехмилліонный кредитъ «для устраненія затрудненій и побужденія Турціи къ объявленію войны Австріи. Кромѣ того рѣшено было, что, по тре-

¹⁾ *Revue historique*, t. X, p. 339, статья: «*La diplomatie secrète du Comité du salut public*». *Papiers de Barthélémy*, t. II et III, Rivalz à Deforgues, 23 octobre 1793.

бованію Дивана, будетъ отправлено въ Турцію четырнадцать флотскихъ, артиллерійскихъ и инженерныхъ офицеровъ²⁾. Успѣхъ коалиціи равнялся бы разоренію Турціи, — писалъ Дефоргъ: — Австрія и Россія раздѣлили бы ее, Англія взяла бы себѣ Египетъ и обезпечила бы себѣ плаваніе по Красному морю. Порта должна высказаться: дѣло идетъ объ ея собственномъ интересѣ. «Не щадите стараній и денежныхъ средствъ для подготовленія этого дѣла. Если оказалось бы недостаточно тѣхъ четырехъ милліоновъ, которые Совѣтъ предоставляетъ въ ваше распоряженіе... вы уполномочиваетесь припестить и болѣе крупныя жертвы... Услуга, которую оказала бы намъ Порта, нападая на Австрію, имѣетъ столь важное значеніе, что республика не могла бы сожалѣть о слишкомъ высокой платѣ за нее»³⁾. Но Диванъ колебался между желаніемъ возвратити себѣ Крымъ, при содѣйствіи французскаго флота, и страхомъ предъ нападеніемъ союзныхъ державъ рапѣ прибытія этого флота. «Другъ нашъ Декоршъ долженъ вникнуть, — говорилъ Рейсъ-Эффенди, — въ то, что наша Турція — слонъ, котораго нельзя заставить бѣжать зайцемъ».

Взятіе Тулона англичанами разрушило всякую надежду на морскую демонстрацію республики на Черномъ морѣ. Польша была уничтожена и нельзя было уже ожидать никакой диверсіи съ ея стороны. Русскій посланникъ Кутузовъ, пріѣхавшій въ концѣ сентября, весьма быстро успѣлъ внушить туркамъ благоразумную осторожность, при помощи угрозъ и подарковъ. «Я почитаю напрасными, — писалъ прусскій агентъ, — всѣ плоды интригъ господина Мураджи и подкуповъ господина Декорша. Прибытіе русскаго посланника окончательно отрезвить турокъ»⁴⁾. Впрочемъ, обѣщанные четыре милліона не были посланы, а когда Декоршъ получилъ письмо Дефорга, дѣло было уже проиграно. Онъ вручилъ Рейсъ-Эффенди 16-го ноября записку, на которую турецкій министръ отвѣтилъ только въ январѣ 1794 г. Декоршъ, послѣ свиданія съ нимъ, пришелъ къ такому заключенію: «При настоящемъ настроеніи умовъ, рѣшеніе задачи, повидимому, исполнѣ зависитъ отъ событий. Если Тулонъ будетъ возвращенъ, какъ мы на то и теперь надѣемся, если флотъ республики откроетъ для насъ вновь Средиземное море, тогда мы будемъ дѣлать здѣсь, что захотимъ»⁵⁾. Однако, старанія Декорша не остались исполнѣ безплодными. Они доставили Екатеринѣ предлогъ не посылать русскихъ войскъ на Рейнъ: «Это невозможно, — писала она въ январѣ 1794 г., — такъ какъ я еже-

²⁾ Дефоргъ Декоршу, 7-го октября. Постановленіе Комитета, 11-го октября 1793 г.

³⁾ Дефоргъ Декоршу, 23-го и 25-го октября 1793.

⁴⁾ Zinkisen, t. VI, p. 844—877.

⁵⁾ Донесеніе Декорша, 16-го ноября 1793, 14-го января 1794.

минутно ожидаю, что придется имѣть дѣло съ турками. Декоршъ проповѣдуетъ войну съ обоими императорскими дворами. Изъ всего этого слѣдуетъ, что я должна быть на-сторожѣ и не могу послать въ далекіе края многочисленнаго войска»⁶⁾.

Переговоры съ Швеціей, являвшіеся дополненіемъ къ константинопольскимъ, были также приостановлены. Сталь требовалъ ратификаціи подготовленнаго имъ трактата между Франціей и Швеціей. Республика слишкомъ пуждалась въ деньгахъ для того, чтобы платить субсидіи. Комитетъ удовлетворился тѣмъ, что совѣтовалъ шведамъ и датчанамъ отстаивать ихъ собственный нейтралитетъ, т. е. ихъ независимость и интересы. Онъ урегулировалъ весьма сократившіеся французскія торговыя сношенія съ обоими сѣверными народами⁷⁾. Грувелль продолжалъ оставаться офиціознымъ образомъ въ Копенгагенѣ, а Бернсторфъ былъ по прежнему расположенъ содѣйствовать заключенію общаго мира, лишь только настанетъ къ тому время. Но Грувелль не зналъ, что отвѣчать на дѣлаемые ему намеки, имѣя о планахъ республики «лишь весьма ограничєнные свѣдѣнія». Онъ просилъ, чтобы его просвѣтили въ этомъ отношеніи. Дефоргъ написалъ ему 23-го ноября, что «до окончательнаго приптія общаго плана», ссылается на свои предыдущія разъясненія.

Польскіе патріоты волновались и замыслили возстаніе противъ Россіи. У нихъ имѣлись эмиссары и въ Парижѣ. Остававшійся въ Лейпцигѣ Парандье продолжалъ свои сношенія съ ними. Они просили о субсидіи въ размѣрѣ двѣнадцати милліоновъ. Парандье поддерживалъ ихъ ходатайство: «Революція въ Польшѣ, — говорилъ онъ, — была бы поддержкою для французской политики: она удержала бы русскія войска на сѣверѣ, привлекла бы туда же пруссаковъ и потревожила бы австрійцевъ. Независимая Польша входитъ въ систему Франціи, заключающуюся въ окруженіи себя по ту сторону Рейна «поясомъ федеративныхъ республикъ»⁸⁾. Но и изъ этого ничего не вышло: «Польскія дѣла, разсматриваемыя въ отдѣльности, казались столь безнадежными, — писалъ очевидецъ; — положеніе польскихъ выходцевъ, хотя и пострадавшихъ за болѣе благородное дѣло, до такой степени казалось сходнымъ съ положеніемъ нашихъ эмигрантовъ, а наши собственные средства прямого воздѣйствія были такъ скудны и слабы, что министръ не нашелъ возможнымъ, при данныхъ условіяхъ, поощрять надежды, которыя, быть можетъ, невозможно было бы осуществить»⁹⁾.

⁶⁾ Екатерина Гримму, 25-го января 1794. Sybel, t. III, 31.

⁷⁾ Дефоргъ Грувеллю, 12-го ноября 1793. По вопросу о торговыхъ сношеніяхъ съ сѣверомъ, смот. Коси и Сноелл, *Histoire des traités*, t. VI, cb. XXX.

⁸⁾ Донесеніе Парандье, 26-го ноября 1793; *Mémoire sur la Pologne, Plan insurrectionnel de la Pologne*, его же.

⁹⁾ Перечень дѣлъ по отношенію къ Польшѣ, 4-го апрѣля 1794 г. Рейн-

Какольтъ, котораго только терпѣли въ Флоренціи, присылалъ обширныя донесенія; но,—замѣчали въ министерствѣ,— было бы можетъ быть удобнѣе, если бы Флоренція и Генуя стали къ намъ въ прямо враждебныя отношенія, «такъ какъ чрезъ нихъ-то, рано или поздно, придется проникнуть въ Италію для отмщенія за многочисленныя оскорбленія римскаго епископа». Въ Венеціи Ноэль, исключенный изъ общества членовъ сената и изгнанный въ качествѣ француза изъ общества дипломатическаго корпуса, не былъ въ сношеніяхъ ни съ кѣмъ и обреченъ былъ на «унизительное и изолированное существованіе». Сулави, въ Женевѣ, дѣлалъ только нелѣпости. Женэ, превзошедшій его въ этомъ отношеніи на своемъ посту въ Соединенныхъ Штатахъ, былъ отозванъ 16-го октября: «Наши отношенія къ иностраннымъ державамъ,—писалъ Дефоржъ,—напоминаютъ положеніе осажденной крѣпости».

Таково было положеніе дѣлъ. Робеспьеръ, формулировавшій ихъ основу послѣ того, какъ они опредѣлились, нашелъ своевременнымъ развитъ ихъ теорію. Ему необходимо было выступить государственнымъ человѣкомъ. Онъ желалъ доказать Франціи, что политическій геній революціи не умеръ вмѣстѣ съ Бриссо и не ступивался съ Дантономъ. Онъ имѣлъ претензію удивить Европу, доказавъ, что человѣкъ, всего менѣе доступный подкупу дворовъ, въ то же время есть и наиболѣе проникательный судья ихъ двора. Онъ велѣлъ собрать свѣдѣнія иностраннымъ агентамъ. Сулави, неистощимый по части совѣтовъ, развивалъ для него правила Фавье¹⁰⁾. Такимъ образомъ Робеспьеръ составилъ пространную рѣчь, которую прочиталъ въ Конвентѣ 27-го брюмера — 17-го ноября 1793 г. Онъ хвалилъ въ ней мелкія нейтральныя государства, мелкую европейскую буржуазію. Эта традиція королевской политики вполне согласовалась съ его темпераментомъ. Онъ ободрялъ швейцарцевъ, задобривалъ американцевъ, обличалъ честолюбіе и ухищренія Екатерины и указывалъ второстепеннымъ державамъ на опасность, которая грозила бы имъ вслѣдствіе паденія Франціи. Вся эта половина рѣчи, впрочемъ, вполне классическая, была канцелярскимъ произведеніемъ: «Предположимъ Францію уничтоженною или расчлененною, — это повело бы къ крушенію политическаго міра. Отнимите

гарда. Рейнгардъ возвратился въ Парижъ въ ноябрѣ 1793 г. и былъ опредѣленъ въ третье дипломатическое отдѣленіе, завѣдывавшее Швеціей, Даніей, Польшей, Россіей. Masson, *Affaires étrangères*, p. 290—292.

¹⁰⁾ Мют, *Mémoires*, t. I, p. 45.—Masson, *Affaires étrangères*, p. 295.—Avenel, *Lundis révolutionnaires*, p. 21, Id., Clootz, t. II, 219. Въ бумагахъ Робеспьера найдена была замѣтка, озаглавленная: «*Alliance avec les petites puissances*», и другая: «*Aperçu de la politique du peuple français à l'égard des puissances*», 6 novembre: chercher à détacher la Prusse, à écraser l'Autriche, réduire l'Angleterre à l'impuissance.

этого могучаго и необходимаго союзника, обезпечивавшаго независимость среднихъ государствъ отъ посягательствъ крупныхъ деспотовъ, и вся Европа подвергнется порабощенію; мелкіе германскіе князья, такъ называемые вольные германскіе города, поглочены будутъ соперничающими австрійскимъ и бранденбургскимъ домами, турки отброшены будутъ за Босфоръ, Венеція потеряетъ свои богатства, торговлю и уваженіе... Генуя утратитъ всякое значеніе...» Робеспьеръ подчеркивалъ похвальный отзывъ о туркахъ—«полезныхъ и вѣрныхъ союзникахъ Франціи». Дѣйствительно, великій учитель писалъ въ свое время: «Не надѣйтесь и не довѣряйте ни вашимъ союзникамъ, ни вашимъ сосѣдямъ. У васъ только одинъ союзникъ, на котораго вы можете вполне положиться, это—турецкій султанъ...»¹¹⁾. По внушенію Робеспьера, 18-го ноября было декретировано, что «грозная по отношенію къ врагамъ, великодушная съ союзниками, справедливая по отношенію ко всѣмъ народамъ» республика будетъ соблюдать въ точности и постарается еще болѣе укрѣпить трактаты, связывающіе ее съ Швейцаріей и Соединенными Штатами, и заставить уважать территоріи союзныхъ и нейтральныхъ націй. Комитетъ сообразовался съ этимъ декретомъ въ своихъ сношеніяхъ съ Швейцаріей и Соединенными Штатами¹²⁾. Во всемъ остальномъ рѣчь Робеспьера не представляла ничего существеннаго.

Изъ всего послѣдовавшаго за этой рѣчью ничто не указываетъ на намѣреніе Робеспьера договариваться съ Европою, вести переговоры о мирѣ на основѣ *statu quo ante* и прекратить войну прозелитизма противъ европейскихъ государствъ; ничто не указываетъ также на его желаніе сдѣлать Францію охранительницею европейскаго равновѣсія и отказаться отъ революціонныхъ завоеваній,—однимъ словомъ, усвоить себѣ ту политику, которую Дантонъ освящалъ декретомъ 13-го апрѣля. Исторія революціи, въ сущности, мало извѣстна, и мы поймемъ изъ нея еще менѣе, если будемъ основывать наши сужденія на буквальной смыслъ ораторскихъ рѣчей, на объявленіяхъ и манифестахъ. Необходимо обратить вниманіе на поступки. Дѣйствія правительства II года вели къ ожесточенной войнѣ и къ потрясенію всей Европы. Робеспьеръ былъ недостаточно дальновиденъ для того, чтобы замѣтить, что приписываемые имъ монархіямъ завоевательные планы будутъ выполнены республикою въ пользу Франціи. Логическими были однѣ его формулы; линіи его мысли походили на линіи геометрическія, которыя не имѣютъ ни ширины, ни глубины и идутъ, по-

¹¹⁾ Rousseau, *Gouvernement de la Pologne*, ch. XV.

¹²⁾ Дефоржъ Бартелеми, 18-го ноября 1793. *Papiers de Barthélémy*, t. III, 228 et suiv. Статьи о Робеспьерѣ и о пропагандѣ.—Cornélis de Witt, *Jefferson*, p. 557 et suiv.

видимому, далеко только потому, что ни къ чему не приводятъ. Робеспьеръ такъ мало думалъ о переговорахъ и о прекращеніи, кромѣ развѣ въ Швейцаріи и въ Соединенныхъ Штатахъ, прозелитской войны, что три недѣли послѣ своей канцелярской диссертациі 17-го ноября, онъ произнесъ 15-го фримера — 5-го декабря — горячую обвинительную рѣчь противъ всѣхъ монарховъ. Это произведеніе песомпѣнно принадлежало его творчеству. «Монархи», — сказалъ онъ, — «представляютъ шедевръ человѣческой испорченности... Смертный приговоръ тиранамъ дремалъ въ забвеніи въ унылыхъ сердцахъ робкихъ смертныхъ, мы привели его въ исполненіе». Конвентъ вотировалъ напечатаніе и переводъ рѣчи 17-го ноября, отвергавшей пропаганду и приглашавшей Европу къ миру; онъ вотировалъ также напечатаніе и переводъ рѣчи 5-го декабря, не оставлявшей монархамъ крупнымъ и мелкимъ иного выбора, кромѣ побѣды или гильотины. Соображенія Робеспьера о европейскомъ равновѣсіи имѣли столь же малое значеніе въ смыслѣ миролюбія, какъ мало филантропичны были и его гуманитарныя разсужденія.

Дефоржъ продолжалъ составлять планы переговоровъ и просить правительство о распоряженіяхъ¹³⁾. Замыслы его, по собственному его признанію, имѣли чисто макіавелистическій характеръ; но, говорилъ онъ, «съ чудовищами, правящими Европой, слѣдуетъ говорить на понятномъ для нихъ языкѣ». Онъ предлагалъ завязать переговоры одновременно со всѣми и обманывать всѣхъ, за исключеніемъ Пруссіи; но и эту державу необходимо сперва разбить, а потомъ уже заставить ее договариваться. Австрію совѣтовалъ онъ обольстить, предлагая ей Баварію; Англію — предложеніемъ Антильскихъ острововъ; Сардинію — обѣщаніемъ Медіолана. Проектъ сводился къ слѣдующему: истребить Австрію и Англію; низложить испанскихъ Бурбоновъ; разорить Голландію; побѣдить Пруссію; слѣдить за Россіей; устроить и сдерживать Португалію, Италію и Германію; объединить союзомъ, по крайней мѣрѣ въ смыслѣ нейтралитета: Швецію, Данію, Соединенные Штаты, Геную, Венецію, Женеvu, Швейцарію и Порту. Это было примѣненіемъ къ обстоятельствамъ того плана, который не переставало совѣтовать министерство иностранныхъ дѣлъ съ самаго начала революціи, который Дюмурье пытался превратить въ систему, а Дантонъ принималъ отчасти. Дефоржъ представилъ изложеніе этого плана 2-го декабря 1793 г.; онъ повторилъ его 24-го января 1794 г., но и на этотъ разъ безъ успѣха.

«Не дай Богъ», — писалъ одинъ изъ наиболѣе склонныхъ къ дипломатіи членовъ Комитета, Геро, — «чтобы мы предприняли какіе-либо перего-

воры съ свирѣпыми и тупыми деспотами, которые должны ждать отъ насъ смерти, вмѣсто всякой сдѣлки! Но, по крайней мѣрѣ, мы должны желать лучшаго, чѣмъ то было до сихъ поръ, ознакомленія съ дѣлами»¹⁴⁾. Карно также требовалъ точныхъ свѣдѣній для своихъ операцій. Снова вернулись къ мысли о тайныхъ агентахъ, что было единственно исполнимое въ то время комбинаціей. Въ Страсбургѣ существовало развѣдочное бюро, руководимое нѣкимъ Бланію; этотъ полицейскій агентъ занимался не столько собираніемъ военныхъ свѣдѣній, сколько революціонною пропагандою. Геро отправился въ командировку въ восточную Францію, доѣхалъ до Гунингена и встрѣтился тамъ съ Бартеlemi. У этого посланника имѣлись весьма обстоятельныя справки, и его переписка, полная фактическихъ свѣдѣній и отличавшаяся большою разсудительностью мнѣній, свидѣтельствовала въ его пользу. Онъ ознакомилъ Геро съ мѣрами, уже предлагавшимися имъ ранѣе для организаціи тайныхъ агентствъ. Геро остался доволенъ этими предложеніями, и 5-го декабря Дефоржъ писалъ Бартеlemi: «Ты пользуешься довѣріемъ комитета Общественнаго спасенія и Исполнительнаго совѣта. И тотъ и другой отдають справедливость тѣмъ чувствамъ, которыя ты проявляешь постоянно, а равно и отличному рвенію и духу, которые руководятъ твоимъ образомъ дѣйствій». Дефоржъ поручилъ Бартеlemi отправить трехъ предложенныхъ имъ эмиссаровъ, вѣрныхъ и понимающихъ дѣло: двухъ въ Гагу и одного въ Берлинъ. Въ дѣлѣ собиранія справокъ и свѣдѣній большую помощь оказывалъ Бартеlemi Ривальзъ, и въ особенности секретарь и переводчикъ посольства Бахеръ. Бахеръ родился въ Тапѣ въ 1748 г. Онъ служилъ въ военной службѣ, получилъ образованіе въ Берлинѣ, имѣлъ связи въ Пруссіи и принималъ участіе въ Семилѣтней войнѣ. На дипломатическое поприще вступилъ онъ въ 1777 году. Бартеlemi засталъ его въ Швейцаріи; онъ прекрасно зналъ страну, имѣлъ множество знакомствъ, способенъ былъ къ самостоятельнымъ наблюденіямъ и умѣлъ пользоваться чужими. Невозможно было пайти человѣка, болѣе способнаго для руководства агентурою военныхъ и политическихъ наблюденій. Назначенный агентомъ при Базельской республикѣ, онъ долженъ былъ слѣдить за соблюденіемъ гельветическаго пейтралитета, наблюдать за движеніями непріятельскихъ армій и оказывать помощь французскимъ плѣннымъ въ Германіи. По совѣщаніи съ нимъ относительно средствъ, необходимыхъ для устройства тайныхъ агентуръ, Бартеlemi предложилъ поручить ему управленіе ими. Дефоржъ согласился подъ условіемъ, что Бартеlemi оставитъ за собою высшее руководительство въ этомъ дѣлѣ и будетъ держать въ своихъ ру-

¹³⁾ *Considérations sur la politique de la République française à l'égard des puissances alliées*, 12 frimaire an II — 2 décembre 1793.

¹⁴⁾ *Hérault à des collègues du Comité*, 11 novembre 1793. *Papiers de Barthélémy*, t. III, p. 215.

кахъ всё его нити ¹⁵⁾. Устройство этихъ агентуръ заняло всю зиму 1793—1794 г.; но по отсутствію импульса, а въ особенности за неимѣніемъ денегъ, дѣятельность агентоу оставалась безсвязной и безплодной. Со временемъ, донесенія Бахера, Бартелеми и Ривальза значительно расширились ¹⁶⁾; они сдѣлались болѣе частыми, болѣе точными и опредѣленными. Грекъ Стамати присылалъ по временамъ письма изъ Гамбурга; въ Англіи находилось три агента. Дипломатъ по профессіи, и весьма опытный, Калляръ, писалъ изъ Альтоны. Переписка Грувелля изъ Копенгагена и Парандье изъ Лейпцига дополняли совокупность свѣдѣній о сѣверѣ Германіи и, благодаря имъ, можно было слѣдить изъ Парижа за движеніями коалиціи и даже предусматривать ихъ.

Но простые наблюдатели, люди осторожные и по профессіи и по темпераменту, не могли отвѣчать духу сентябрьскаго постановленія. Они увѣдомляли, но не дѣйствовали. Дефоргу поручено было приготовить планъ дѣйствія болѣе широкій, болѣе революціонный, однимъ словомъ, болѣе соответствующій если не рѣчи 17-го ноябля, то, по крайней мѣрѣ, общему характеру робеспьеровской политики. Въ *Запискѣ о планѣ надзора*, выработанной въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, читаемъ: «Агенты, находящіеся за границей, не могутъ рассчитывать на богатые результаты своей миссіи, по крайней мѣрѣ въ настоящее время; нельзя ожидать, чтобы они приобрѣли намъ друзей. Народы ослѣплены деспотизмомъ, а событія не способствуютъ ихъ прозрѣнію. Но если агенты не могутъ принести намъ непосредственной пользы, слѣдуетъ, чтобы они принесли какъ можно болѣе вреда нашимъ врагамъ; необходимо отказаться на нѣкоторое время отъ принципа деликатности по отношенію къ столь свирѣпымъ врагамъ, каковы наши враги. Всякія средства дозволены противъ этой нечестивой расы. слѣдуетъ жечь ихъ гавани, арсеналы, мастерскія, корабли; слѣдуетъ даже рубить вѣнценосныя головы; у насъ есть Курціи, воспользуемся ихъ услугами, обдумаемъ вмѣстѣ съ ними самые разрушительные планы по отношенію къ англичанамъ и испанцамъ». Агенты, которыхъ выберутъ изъ «неустрасимыхъ» людей, должны во что бы то ни стало подкупать начальниковъ крупныхъ военныхъ мастерскихъ; они будутъ дѣйствовать и на умы населенія, указывая на недостатки правительствъ, на тягость и бесполезность войны. Комитетъ рѣшилъ, что агенты такого рода будутъ отправлены къ главнымъ пограничнымъ сухопутнымъ

¹⁵⁾ Дефоргъ Бахеру, 17-го февраля; Бартелеми Дефоргу, 24-го февраля; Дефоргъ Бартелеми, 2-го апрѣля 1794 г.

¹⁶⁾ *Papiers de Barthélémy*, t. III, о корреспондентахъ Бартелеми и министерства; статьи о тайныхъ агентахъ и Венетѣ (Лованна), Стюрлерѣ (Бернѣ), Гельфингерѣ (повѣренный въ дѣлахъ въ Валлисѣ).

и морскимъ пунктамъ, гдѣ они обязаны и дѣйствовать, и собирать свѣдѣнія. Въ декабрѣ всѣхъ агентоу было сорокъ пять. Затѣмъ число ихъ возросло до ста двадцати. Переписка ихъ весьма объемиста, но она почти исключительно посвящена шпіовству и террористической пропагандѣ ¹⁷⁾. Лишь немногимъ удалось перебраться чрезъ границу. Въ Испанію не проникъ никто изъ нихъ. Нѣсколько человекъ разбрелись по Германіи. Изъ этихъ не болѣе пяти-шести оставили донесенія, и только одинъ, Стамати, вышелъ изъ неизвѣстности ¹⁸⁾. Около тридцати агентоу отправились въ неизвѣстныя мѣста назначенія и не прислали никакихъ донесеній. Тайные расходы, отъ октября 1793 г. до мая 1794 г., не превышали, впрочемъ, 500.000 ливровъ ассигнаціями, и эта сумма была израсходована главнымъ образомъ внутри страны ¹⁹⁾.

Не было, въ сущности, ничего опредѣленнаго, сообщая обдуманнаго и направляемаго даже въ этихъ попыткахъ космополитической революціи. Вся полиція Террора занята была травлею противниковъ самихъ террористовъ. Остальное было въ пренебреженіи и шло по усмотрѣнію агентоу, безъ денежныхъ средствъ и порядка. Бахеръ писалъ 3-го февраля 1794 г. Дефоргу: идти рѣчь о выпускѣ въ Германію на пять милліоновъ фальшивыхъ ассигнацій. «У французской республики есть два врага, болѣе опасныхъ, чѣмъ всѣ союзныя державы,—это голодъ и ввозъ фальшивыхъ ассигнацій. Вотъ уже два мѣсяца, какъ представляются всякаго рода ресурсы, а наше правительство не заботится о доставкѣ жизненныхъ припасовъ, т. е. не присылаетъ звонкой монеты въ Швейцарію. Были предложены хорошо рассчитанныя мѣры для прегражденія доступа фальшивымъ ассигнаціямъ, и ни одна изъ этихъ мѣръ не была принята, даже первая и самая необходимая: назначеніе лица для провѣрки ассигнацій въ Базель».

Тѣмъ не менѣ старанія Бартелеми, Бахера, Грувелля, Парандье и ихъ сподвижниковъ не остались безплодными. Стратеги Комитета принимали къ свѣдѣнію донесенія, и какъ ни были они ограничены, а заключенія агентоу рискованы, однако Карно и его сотрудники воспользовались ими самымъ удачнымъ и блестящимъ образомъ.

¹⁷⁾ *Inventaire sommaire des archives des affaires étrangères*, Mémoires et documents, France, t. I, p. 322—324. Среди этихъ агентоу встрѣчаемъ Шепи, въ Греноблѣ, Мандрильона, въ Дюнкирхенѣ, Мурга, въ Булони, Перейра, въ Калѣ, Дона, въ Живе.

¹⁸⁾ Пробстъ, въ Штутгартѣ и Нюрембергѣ, Франкъ, въ Страсбургѣ и Вѣнѣ, Стамати, въ Гамбургѣ. *Papiers de Barthélémy*. Fournier, *Historische Studien*, Prag, 1885. Авторъ этой книги разыскалъ слѣды агентоу пропаганды въ южной Германіи и Венгріи.

¹⁹⁾ Masson, *Affaires étrangères*, p. 300.

III.

Августъ мѣсяцъ былъ временемъ наибольшей опасности для Франціи. Бѣдствія, волненія, безпорядки слѣдовали одни за другими. Импровизированные комиссарами, на основаніи старшинства службы, генералы дрожали передъ гильотиной и не смѣли предпринимать ни одного движенія. Они старались избѣгать отвѣтственности, такъ какъ не было ни знанія, ни справедливости у тѣхъ, передъ кѣмъ приходилось отвѣчать. Когда Гушаръ былъ назначенъ командующимъ сѣвѣрною арміею, онъ остоленѣлъ, несмотря на то, что самъ былъ солдатомъ революціи. Пріѣхавъ въ свою главную квартиру, онъ узналъ, что въ предшествовавшую ночь Билло-Варенпъ распорядился арестованіемъ двадцати двухъ штабъ-офицеровъ—всего главнаго штаба. Ему сообщили и о казни Кюстина. «Такъ, значитъ, рѣшились гильотинировать всѣхъ генераловъ?»—сказалъ онъ. —«И тебя также,—отвѣтилъ ему конвентистъ Левассеръ,—тебя гильотинируютъ, если ты измѣнишь». Гушаръ одержалъ побѣду 8-го сентября при Гондшоотѣ, но потерпѣлъ пораженіе 15-го и 20-го, и Комитетъ рѣшилъ арестовать его. Такъ было и со всѣми, какъ съ эскъ-дворянами, такъ и съ патріотами. «Или Франціей правятъ Питтъ и Кобургъ? вѣдь у республики отнимаютъ ея лучшихъ защитниковъ»,—воскликнулъ Гошъ въ ту минуту, какъ уводили его генерала Ле Венера. Питтъ же и Кобургъ въ это время бездѣйствовали и этимъ могли, безъ сомнѣнія, только служить интересамъ Франціи. Въ замѣткѣ, написанной однимъ французскимъ офицеромъ послѣ взятія Тулона, читаемъ: «Если нельзя сомнѣваться въ крайней ответственности нашихъ генераловъ, то бездарность непріятельскихъ не менѣе очевидна; ихъ успѣхи нисколько не соотвѣтствуютъ ихъ силамъ и превосходятъ дѣйствія ихъ войскъ надъ нашими. Если бы они были хотя третьестепенными людьми, они давно были бы внутри нашей территоріи».

«Ограничимся самозащитою,—писали члены Комитета представителямъ, находившимся при сѣвѣрной арміи, послѣ пораженія Гушара.—Будемъ довольствоваться окопами, сбереженіемъ своихъ силъ и утомленіемъ непріятеля...» Слѣдуетъ, — прибавляли они, —сосредоточиться на сѣвѣрной границѣ. Кобургъ грозитъ Парижу, «а слѣдовательно и всей республикѣ, о которой почти можно сказать, что ея настоящее существованіе зависитъ отъ безопасности Парижа... Важность такихъ соображеній налагаетъ на васъ ежечасную и ежеминутную отвѣтственность. Отложите всякія другія заботы; встрѣьте Кобурга съ значительными силами, которыя могли бы съ успѣхомъ сразиться съ нимъ, и вы будете спасителями отечества. Иначе республика погибла и останется только закрыть лицо свое...» Эта депеша была бы только свидѣтельствомъ отчаяннаго положенія дѣлъ и

могла бы только усилить неурядицу среди войскъ и комиссаровъ, если бы по отправкѣ ея Комитетъ не рѣшилъ, 23-го сентября, что Карпо немедленно отправится къ сѣвѣрной границѣ. Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль положеніе измѣнилось. Утвердившись на Шельдѣ, обладавъ Конде и Валансьеномъ, Кобургъ осаждалъ Мобежъ. Битва при Ватиньи, 16-го октября, принудила австрійцевъ снять осаду этой крѣпости и отправиться на зимнія квартиры. Въ рукахъ хорошаго военнаго министра республика могла привести въ порядокъ силы, безпорядочно призывавшія къ арміямъ со всѣхъ концовъ страны и терявшіяся среди непрерывныхъ столкновеній избалованныхъ и напуганныхъ генераловъ съ деспотическими и неспособными правителями.

Рекруты декретированнаго въ августѣ набора находились въ самомъ жалкомъ положеніи; приходилось ихъ одѣвать, образовывать кадры, обучать и приучать новобранцевъ къ огню посредствомъ небольшихъ сраженій, бывшихъ въ дѣйствительности кровавыми маневрами. Подготовленію этихъ новобранцевъ на столько, чтобъ ихъ можно было ввести въ составъ старыхъ волонтеровъ, и затѣмъ включенію этихъ послѣднихъ въ прежніе линейные батальоны происходило медленно. Декретъ 7-го января 1794 г. далъ санкцію этому дѣлу военнаго комитета, создавшему національную армію и включившему національную гвардію, то есть самъ вооруженный народъ, въ линейное войско. Дѣйствительный составъ едва доходилъ до 400.000 человекъ въ маѣ 1793 г.; онъ достигъ въ августѣ 533.000, въ октябрѣ—549.000 и къ концу года—569.000 человекъ. Обстоятельства, позволившія организовать эти войска, дали возможность и пайти имъ командировъ или, вѣрнѣе, позволили людямъ, способнымъ для командованія, проявить свои дарованія, сформироваться, отличиться въ тѣхъ самыхъ стычкахъ, которыя образовывали солдатъ. Главная заслуга Карно состояла въ томъ, что онъ умѣлъ оцѣнить по достоинству этихъ людей, двигать ихъ, поддерживать и сосредоточить ихъ усилія въ одномъ общемъ импульсѣ, которымъ онъ руководилъ. Журданъ назначенъ былъ главнокомандующимъ сѣвѣрною арміею 22-го сентября, а 26-го австрійцы уже принуждены были отступить. Пишегрю былъ назначенъ главнокомандующимъ рейнскою арміею 2-го октября, Гошъ—главнокомандующимъ мозельскою арміею 22-го; они атаквали пруссаковъ и преслѣдовали ихъ мелкими стычками въ продолженіе всего ноября; 25-го декабря, Гошъ получилъ главное командованіе надъ двумя арміями; 26-го началось нападеніе на линіи Виссамбурга. Французскія войска овладѣли ими. Союзники отступили. Эльзасъ возвращенъ Франціи и, за исключеніемъ трехъ крѣпостей: Валансьенна, Ле Кенонъ и Конде, которыя непріятель еще удерживалъ за собою, французская территорія была освобождена отъ чужеземцевъ на сѣвѣрной и восточной гра-

ницахъ. 29-го октября, Бонапартъ назначенъ командующимъ артиллеріей и ему поручена осада Тулона; 18-го декабря Тулонъ взятъ снова французами. Бонапартъ произведенъ въ генералы, и его имя дѣлается историческимъ. На Пиренейхъ данъ отпоръ испанцамъ, а такъ какъ они не получаютъ подкрѣпленій, то опасность перестаетъ грозить Франціи съ этой стороны. На западѣ, несмотря на помѣхи отъ нелѣпыхъ и свирѣпыхъ представителей Коммуны, Клеберъ и его майнцское войско сломили сопротивление вандейцевъ. Побѣжденная при Шоле, 18-го октября, лишенная своихъ лучшихъ командировъ, Боншана и д'Эльба, католическо-королевская армія перешла черезъ Луару и направлялась къ Котантену, въ надеждѣ укрѣпиться тамъ и получить изъ рукъ одного изъ принцевъ помощь англичанъ. Но это было не столько движеніемъ арміи, сколько переселеніемъ цѣлаго населенія, съ женщинами и дѣтьми, всего около 80.000 человекъ, идущихъ волнообразною линіей къ сѣверу, къ морю, съ вѣрой найти тамъ защиту и продовольствіе. Стоффле и Ларошжакелянъ ведутъ, доблестно сражаясь, этотъ злополучный исходъ народа. Вандейцы добрались до Гранвилля 14-го ноября. Это уже преддверіе моря. Несмотря на свое разстройство, они атакуютъ городъ. Республиканцы отбиваютъ нападеніе. Парусовъ английскихъ кораблей однако не видно; ожидаемый припцъ не является. Тогда несчастными вандейцами овладѣваетъ отчаяніе; они хотятъ вернуться на родину и требуютъ отступленія, которое превращается въ бѣгство. Толпы разсѣиваются по дорогамъ. Марсо, принявшій главное командованіе, разбиваетъ на голову 12-го декабря при Мансѣ главные вандейскіе отряды. Остальное было истреблено имъ при Савенѣ, 23-го декабря.

Терроръ не содѣйствовалъ этимъ побѣдамъ ¹⁾. Избѣнія организовались одновременно съ національною обороною, но не при помощи ихъ она совершалась. Террористы шли за войсками и избивали плѣнныхъ и побѣжденныхъ. Стоитъ только сопоставить числа. Поголовное ополченіе было декретировано 23-го августа; Терроръ—5-го сентября; установленіе революціоннаго правительства рѣшено было 10-го октября; оно было организовано 4-го декабря и только съ этого времени начинаетъ дѣйствовать съ полною энергіей; слѣдовательно, нельзя видѣть въ измѣненіи системы правительства причину военныхъ движеній, совершенныхъ 16-го октября, при Ватиньи, и 26-го октября—при Виссамбургѣ. Въ октябрѣ Сентъ-Жюсть пріѣзжаетъ въ Страсбургъ, Каррье—въ Нантъ, Талльенъ—въ Бордо; Фуше и Колло прибыли въ Ліонъ 9-го ноября; въ то же время Гошъ, Пишегрю, Бонапартъ, Журданъ и Марсо появляются во главѣ войскъ, и каждый дѣ-

¹⁾ См. THIBODEAU, *Mémoires*, ch. V.

лаетъ свое дѣло. Между тѣмъ какъ Клеберъ и Марсо разбиваютъ вандейцевъ, Каррье избиваетъ плѣнныхъ; первая нойяда плѣнныхъ (потопленіе) совершается имъ 7-го ноября, другая—10-го декабря; но онъ еще не признается въ нихъ и приписываетъ ихъ несчастному случаю; только 31-го декабря, то есть тогда, когда вандейцы были уже въ конецъ раздавлены, Каррье признается въ умышленномъ потопленіи и возводитъ его въ систему, не устрашенія, такъ какъ оно отнынѣ оказывалось бесполезнымъ, а въ систему мести ²⁾. Въ Парижѣ головы самыхъ славныхъ дѣятелей революціи, жирондистовъ, какъ наприимѣръ Барнава, падаютъ въ октябрѣ и ноябрѣ; но великія избѣнія начнутся только въ серединѣ февраля 1794 г.: число жертвъ трибунала удвоится тогда и дойдетъ до 116 на 206 обвиненныхъ. Въ то время, какъ Гошъ и Пишегрю дѣйствовали противъ Брауншвейга, Сентъ-Жюсть навелъ ужасъ на Страсбургъ, гдѣ работала гильотина ³⁾, а копенвистъ Лакостъ писалъ Комитету: «Въ городѣ Страсбургѣ нѣтъ и четырехъ патриотовъ. Единственная необходимая мѣра—гильотинировать четвертую часть жителей этого края и оставить въ живыхъ только тѣхъ, кто принималъ дѣятельное участіе въ революціи; остальныхъ слѣдуетъ выгнать, наложивъ секвестръ на ихъ имущество» ⁴⁾. Вслѣдствіе этихъ мѣръ 25.000 эльзасцевъ эмигрировали въ Германію ⁵⁾. Чѣмъ же содѣйствовали подобныя мѣры возвращенію виссамбургскихъ линій? Возставшій Ліонъ былъ взятъ 8-го октября; массовыя казни начались тамъ 4-го декабря. Надо быть такимъ человекомъ какъ Фуше, чтобы осмѣлиться писать, будто бы эти избѣнія плѣнныхъ просвѣтили здравомысліе Дюгомье, помогли проявиться генію Бонапарта и привели къ возвращенію Тулона. «И мы также, другъ мой», извѣщалъ этотъ будущій министръ Людовика XVIII бывшаго странствующаго актера Колло д'Эрбуа, «и мы также содѣйствовали взятію Тулона... представивъ подлецамъ, въ него вошедшимъ, зрѣлище тысячъ труповъ, ихъ соучастниковъ... У насъ есть только одинъ способъ празднованія побѣды: сегодня вечеромъ мы отправимъ подъ небесныя громы сто тринадцать мятежниковъ... Прощай, другъ мой, слезы радости текутъ изъ моихъ глазъ и наполняютъ душу» ⁶⁾.

Между терроромъ и національною обороною нѣтъ причинной связи: но оба событія происходили одновременно и въ своей основѣ происходили изъ однихъ и тѣхъ же общихъ условій. Дѣйствительно, одни и тѣ же обстоятельства приводили якобинцевъ и къ организованію террора, и къ извле-

²⁾ *Moniteur*, t. XVIII, p. 541, 670; t. XIX, p. 102.

³⁾ *Moniteur*, t. XVIII, p. 500, письмо 19-го ноября.

⁴⁾ Лакостъ Комитету, 24-го ноября 18-го декабря, 1794.

⁵⁾ См. докладъ Варера 27-го января 1794.

⁶⁾ *Moniteur*, t. XIX, 37.

ченію изъ французскаго народа грозной организаціи республиканскихъ армій. И въ правительственномъ дѣлѣ и въ дѣлѣ обороны имъ приходилось предотвращать опасность, побѣждать препятствія и побороть врага. Но въ дѣлѣ управленія государствомъ они затерялись среди крайне сложнаго кризиса, надъ которымъ не были въ силахъ одержать верхъ. Они желаютъ единства и разъединены между собою; желаютъ покорности, и всѣ въ заговорѣ одинъ противъ другого; желаютъ, чтобы ихъ любили, и ненавидятъ другъ друга; желаютъ уничтожить партіи, и каждый олицетворяетъ собою партію; желаютъ довѣрія, а сами проповѣдуютъ подозрѣнія; желаютъ убѣдить, и вмѣсто того только наводятъ ужасъ; возвыщаютъ свободу, и навязываютъ диктатуру; объявляютъ о необходимости своей диктатуры, и не умѣютъ оправдать ее. Народъ хочетъ спасти родину и защищать республику, но онъ хочетъ также, чтобы имъ руководили искусною рукою; хочетъ, чтобы имъ хорошо управляли и, какъ выражался Дантонъ, хочетъ пользоваться революціей: они же превращаютъ республику въ тюрьму, а революцію—въ чистѣйшій адъ. Народъ оказываетъ имъ сопротивленіе; они намѣреваются его передѣлать; вмѣсто того, чтобы управлять посредствомъ этого народа и для него, они истощаются въ усиліяхъ втиснуть его насильно въ узкую форму своей утопіи, а эта форма трещитъ въ ихъ рукахъ. Ихъ правительственное безспіе кажется имъ необъяснимымъ, потому что объясненіе существуетъ только одно, и его не допускаетъ ихъ тщеславіе и ихъ чувство самосохраненія; объясненіе это заключается въ ихъ собственной неспособности. Возставъ противъ силы вещей, они видятъ единственное средство въ примѣненіи къ цѣлой Франціи системы кроваваго принужденія, которое примѣняютъ къ Вандеѣ, «необъяснимой Вандеѣ», какъ называетъ ее Бареръ, единственный разъ обмолвившійся правдою, помню своего вѣдома, въ этомъ осуждающемъ его признаніи¹⁾. Препятствіе скрывалось въ нихъ самихъ; оно могло быть устранено не иначе, какъ ихъ гибелью, и они одни могли взаимно истребить другъ друга.

Напротивъ того, въ борьбѣ съ внѣшнимъ врагомъ, препятствіе стоитъ прямо передъ ними, матеріальное, осязаемое и очевидное. Поле дѣйствія ограничено, средства опредѣлены. Самъ врагъ указываетъ на нихъ. Война имѣетъ свои правила и требованія, которымъ необходимо подчиняться, подъ страхомъ пораженія. Террористы могутъ декретировать, что враги стоятъ внѣ закона и что они будутъ уничтожены; но они знаютъ, что декретъ лишенъ всякаго значенія, коль скоро не имѣется организованныхъ армій для его выполненія. Слѣдовательно нужны арміи, и самыя условія войны требуютъ военнаго правительства, то есть диктатуры съ надлежащею іерархіей. Такое правительство, самое простое и элементарное изъ

¹⁾ Донесеніе 1-го октября 1793. *Moniteur*, t. XVIII. 51.

всѣхъ, осуществляется въ комитетѣ Общественнаго спасенія. Этотъ Комитетъ сводитъ всю политику къ силѣ и всѣ доблести—къ повиновенію: онъ естественнымъ образомъ царитъ въ лагеряхъ, но является чудовищнымъ въ государственномъ управленіи. Онъ правитъ страной на подобіе завоевателя. Онъ дѣйствуетъ повсюду какъ въ завоеванномъ краѣ. Это военный совѣтъ, на войнѣ онъ въ своей стихіи; поддерживая желѣзную дисциплину, производя неумолимыя реквизиціи, онъ поступаетъ согласно съ природою вещей и ему все повинуется. Прибавьте къ этому и возбужденныя революціей страсти: въ государствѣ онъ порождаетъ анархію; на войнѣ онъ плодотворенъ. Эта неслыханная увѣренность въ своихъ силахъ и въ своихъ замыслахъ, этотъ слѣпой и неустрашимый фанатизмъ, это всепоглощающее и властное я; эта твердая вѣра въ справедливость дѣла и въ его конечный успѣхъ; это сознаніе необходимости побѣдить или умереть, истребить врага, или самимъ быть уничтоженнымъ—все это дѣлаетъ революціонеровъ предприимчивыми и героями. Одинъ и тотъ же духъ родитъ сектанта и воина, якобинца и завоевателя. И всѣ традиции народа, возстающія противъ нихъ въ государствѣ, на войнѣ, напротивъ того, являются поддержкой и оказываютъ содѣйствіе. Дѣятельная мысль, всѣ дѣйствительныя доблести націи живутъ въ средѣ войскъ. Счастливыя случайности удесятерятъ силы и открываютъ остававшіеся невидимыя дарованія. Чѣмъ болѣе растетъ отвращеніе къ террору, тѣмъ сильнѣе развивается въ молодежи страсть къ битвамъ. Здѣсь долгъ каждаго гражданина ясенъ, исполненіе его приноситъ нравственное удовольствованіе и славу.

Якобинцы отправили въ лагеря всѣхъ, кто подавалъ поводъ къ ихъ подозрѣніямъ въ городахъ, т. е. цвѣтъ французскаго народа. Они оставили себѣ для управленія Франціей только своихъ сендовъ и подопки черпи. Послѣ этого можно ли удивляться тому, что войска были доблестны, а правительство—жалко; что никто не противодействовалъ якобинскому гнету въ странѣ и никто не могъ одолѣть стремительности войскъ на границѣ? Вся здравая, сильная и интеллигентная Франція была на войнѣ; остальное было немощно, безоружно и подавлено, но, не утративъ патріотическаго чувства, подчинялось, чтобы не мѣшать войнѣ. Такимъ-то образомъ національная оборона совершилась, подъ руководствомъ Карно и его сотрудниковъ, путемъ естественнаго импульса французскаго народа. «Общая воля всегда справедлива и клонитъ къ общественной пользѣ»,—писалъ Руссо. Это была основная аксіома его утопическаго государства. «Если желаете,—прибавлялъ онъ,—чтобы общая воля исполнялась, старайтесь, чтобы воля отдѣльныхъ лицъ согласовалась съ нею, а такъ какъ добродѣтель есть не что иное, какъ согласованіе личной воли съ общей, то распространяйте добродѣтель». Добродѣтель—это я!—думалъ Робеспьеръ.

Изъ этого опять выводилъ то заключеніе, что общая воля требуетъ его господства. А такъ какъ Франція противилась, то онъ казнилъ для того, чтобы страхъ принудилъ французовъ къ доброй нравственности. Между тѣмъ во Франціи дѣйствительно существовала въ то время общая воля, наиболѣе явная, постоянная и здоровая изъ всѣхъ проявляемыхъ какою-либо націей. Эта воля не заблуждалась. Но эта воля не желала, чтобы царили во Франціи и раздирали ее террористы. Эта воля требовала, чтобы Франція была независима, чтобы непріятель былъ удаленъ съ границъ, чтобы эмигранты не возвращались и не приносили съ собою стараго порядка, чтобы *права человека* одержали верхъ, чтобы республика восторжествовала, а революція была обезпечена. Все это могло быть достигнуто только посредствомъ войны; вотъ почему достаточно было призвать къ руководству военными дѣйствіями способнаго и добросовѣстнаго государственнаго дѣятеля для того, чтобы народъ сгруппировался въ дисциплинированныя и доблестныя арміи и чтобы война велась съ энтузіазмомъ.

Террористы могли только ослабить этотъ энтузіазмъ, потому что ихъ фанатизмъ требовалъ рабскія души, а ихъ тщеславіе — униженія личностей. Нужны были пламенные души, изумительнаго закала характеры, чтобы сохранивъ — среди допосовъ снизу и зависти сверху — хладнокровіе, изобрѣтательность, инициативу и не только одно стойческое мужество, но и свободный полетъ генія, который не можетъ быть вызванъ успіями воли. Это чудо было совершенно патристическимъ чувствомъ. Всѣ молодые командиры, всѣ бойцы несли въ сердцахъ ту рѣшимость, которую одинъ изъ славнѣйшихъ изъ нихъ выразилъ въ ту минуту, когда, арестованный въ 1793 г. за порицаніе бездарности мѣръ проконсуловъ, писалъ Кутону: «Какая бы участь ни ожидала меня, да будетъ спасена родина, и я почти себя удовлетвореннымъ... Но опасность растетъ съ каждою минутою: у вашихъ генераловъ нѣтъ никакого плана... Я прошу, чтобы меня выслушали... Пусть позволяютъ мнѣ работать въ моей комнатѣ хоть съ кандалами на ногахъ до тѣхъ поръ, пока непріятель будетъ за предѣлами Франціи. Я увѣренъ, что могу указать способы прогнать его ранѣе, чѣмъ въ шесть недѣль. Потомъ пусть дѣлаютъ со мною, что хотятъ». Это писалъ Гошъ. Кутонъ велѣлъ освободить его. Карно назначилъ его главнокомандующимъ; онъ прогналъ непріятеля, а нѣсколько недѣль спустя Комитетъ приказалъ снова посадить его въ тюрьму. Карно подписалъ это распоряженіе: независимый характеръ Гоша, а можетъ быть и его геніальность возбуждали зависть Карно. Это была одна изъ темныхъ сторонъ его характера; эта черта замѣчалась у весьма многихъ знаменитыхъ военныхъ людей, исключая, быть можетъ, Вобана, котораго онъ бралъ себѣ за образецъ.

Но завистливыя чувства проявлялись у Карно довольно рѣдко. Онъ не побоялся окружить себя превосходными сотрудниками: Лакюз де Сессакомъ, Монталамберомъ, Фаваромъ, Лафиттомъ-Клаве, д'Арсономъ, — людьми, обладавшими знаніемъ и дарованіями и образовавшими къ концу 1793 г. первый въ Европѣ генеральный штабъ. Они дѣйствовали на извѣстной имъ по опыту почвѣ; по корреспонденціямъ дипломатовъ различали они перемѣны въ политикѣ союзниковъ; угадывали и опредѣляли постоянныя передвиженія войскъ, вызываемыя польскими дѣлами; спекулировали на несогласіи противниковъ, пользовались ихъ колебаніями и основывали всѣ свои планы на этихъ расчетахъ.

Ихъ стратегія вполне согласовалась съ качествами молодой арміи, болѣе способной на увлеченія, чѣмъ на требующія терпѣнія и выдержки медленныя движенія, могущей закалиться только побѣдами, побѣждающей только при нападеніяхъ и одерживающей верхъ только въ силу порыва и многочисленности; именно такого рода стратегія могла оказаться успѣшной противъ коалиціи съ ея тяжелыми, разрозненными силами, искусными детальными движеніями и неумѣньемъ наносить удары дружно сплоченнымъ натискомъ. Въ началѣ своей карьеры Конде спрашивалъ Тюренна, какого образа дѣйствій долженъ онъ держаться въ войнѣ съ Фландріей? «Какъ можно менѣе осадъ, — отвѣчалъ Тюреннъ, — и какъ можно болѣе сраженій. Когда вы успѣете сдѣлать вашу армію превосходящею непріятеля численностью и качествомъ солдатъ (что почти достигнуто вами битвой при Рокруа), когда вы овладѣете мѣстностью, тогда простыя деревни будутъ исполнять вамъ такую же службу, какъ и крѣпости». Эти правила сдѣлались классическими. Дюмурье вдохновлялся ими при Жемаппѣ. Карно и его главный штабъ обратили ихъ въ систему и измѣнили способъ веденія войны. Комиссары Конвента нерѣдко помогали имъ, но еще чаще мѣшали.

Въ лицѣ этихъ комиссаровъ самъ Конвентъ переносился въ лагери вмѣстѣ со своимъ самовластіемъ, энергіей и партійными раздорами. Дѣло ихъ было сложное, какъ и дѣло Собранія, представителями котораго они явились. Въ ихъ средѣ мы видимъ то же самое, что находимъ въ комитетѣ Общественнаго спасенія: деспотовъ и военныхъ, дѣйствующихъ рука объ руку, сталкивающихся между собою и нерѣдко находящихся въ разладѣ съ самими собою; этотъ внутренній разладъ, быть можетъ, былъ еще сильнѣе, чѣмъ партійные раздоры, и слѣдствіемъ его являлись порою самыя неожиданныя превращенія. «То были грозныя обязанности, — говорилъ одинъ изъ нихъ, — размышленіе непрерывно поглощалось необходимостью дѣйствія»⁸⁾. Задачею ихъ было концентрировать людей и припасы, поддер-

⁸⁾ JEANBON SAINT-ANDRÉ, *Discours à la Société des sciences de Mayence*,

живать дисциплину, не давать угасать воодушевлению, не допускать солдат до излишней привязанности къ командирамъ, а командировъ—слишкомъ дорожить славой; заставлять генераловъ энергично стремиться къ цѣли, войска—повиноваться и всѣхъ—побѣждать. Въ общемъ они давали мощный импульсъ; но въ то же время излишнюю снисходительностью къ доносчикамъ, лъстецамъ, пристрастіемъ, произвольными смѣщеніями, склонностью раздувать соперничество между генералами, политическою нетерпимостью, духомъ раздоровъ, безсвязностью и деспотизмомъ приказовъ, они создавали почти столько же препятствій, сколько и помогали ихъ устраненію.

Непріятель, получая удары, не обманывался относительно руки, ихъ наносившей. Офицеръ бывшей королевской арміи, перешедшій на русскую службу, и, по порученію Екатерины, слѣдившій за операціями союзниковъ, писалъ послѣ кампаніи 1793 года ⁹⁾: «Вѣдствія этой кампаніи имѣли главными причинами изумительную дѣятельность французовъ, ихъ смѣлость и упорство, а также медлительность и нерѣшительность австрійцевъ». Если атакуютъ французовъ, если застаютъ ихъ врасплохъ, они плохо защищаются; но они сильны въ атакѣ. Изумительное зрѣлище, — продолжаетъ Ланжеронъ, — представляютъ эти необразованные, темнаго происхожденія, генералы, командующіе почти невооруженными солдатами. И однако неучи-генералы составляютъ планы, а солдаты выполняютъ эти планы. Загадка объясняется, быть можетъ, природною геніальностью французовъ и ихъ стремительностью въ атакахъ, а прежде всего составомъ руководящаго Комитета, состоящаго изъ инженерныхъ и артиллерійскихъ офицеровъ, которые соединяютъ съ полнымъ знаніемъ театра войны знакомство съ превосходными записками генераловъ Людовика XIV и Людовика XV и ихъ главныхъ штабовъ... Слѣдуя планамъ этого Комитета, генералы во всякомъ случаѣ могутъ искусно вести кампанію, если даже составъ арміи не позволяетъ сдѣлать ее блестящею... Французы выбираютъ мѣсто дѣйствія, укрываютъ массы своихъ войскъ за окопомъ и энергично направляютъ всѣ свои силы на одинъ пунктъ... «Неразумный и громко заявленный планъ расчлененія Франціи» взволновалъ умы. «Война сдѣлалась для французовъ національнымъ дѣломъ; каждый французъ, къ какой бы партіи онъ ни принадлежалъ въ глубинѣ души, взялся за оружіе для борьбы противъ хищниковъ». «Республиканскія арміи, сильныя множествомъ людей, храбрыхъ отъ природы и доведенныхъ до бѣшенства пуждою, голодомъ и страхомъ передъ гильотиной, отличаются отъ тѣхъ, которыя дѣйствовали при

1804, привед. у Сентъ-Бѣва въ его *Nouveaux Lundis*, t. VIII, статья: *Jeanbon*, см. *WALLON, Les représentants en mission*, 5 vol. Paris, 1890.

⁹⁾ *Mémoires de Langeron: Campagnes de 1793 en Flandre et en Alsace — Mémoires sur la guerre*, janvier 1794.

началѣ войны: уступая имъ вначалѣ численностью, дарованіями, ресурсами и опытностью въ военномъ дѣлѣ, онѣ превосходятъ ихъ въ пастоящее время всѣмъ, исключая храбрости». На сторонѣ французовъ «превосходство и пылкость руководящей мысли, дѣятельность и упорство исполнителей, отвага, не останавливающаяся ни передъ чѣмъ, самое безуміе, порывы котораго ведутъ къ успѣху, единство и согласіе, потребность войны и необходимость побѣды...» «Комитетъ, руководящій военными операціями, настолько же выше генераловъ коалиціи, насколько Конде, Тюреннъ и Люксембургъ превосходили Жуапа Австрійскаго и принца Оранскаго» ¹⁰⁾.

Итакъ, въ январѣ 1794 г. территорія Франціи была освобождена, вандейская армія раздавлена, роялистскіе мятежи задушены, федералистскія возстанія уничтожены. Людовикъ XVI и Марія Антуанета перестали существовать, братья Людовика XVI были покинуты или отвергнуты Европою, эмигранты разсѣяны или служили въ наемныхъ войскахъ, Франція ненавидѣла ихъ, Европа отвернулась отъ нихъ. Весь французскій народъ былъ поголовно вооруженъ; войска образовывались быстро подъ начальствомъ прославленныхъ начальниковъ. «Годъ испытаній миновалъ, — передаетъ Сульть. — Теперь роли перемѣнились». Республиканскія арміи созрѣли для наступленія и готовились къ нему. Коалиція, бывшая грозною лишь короткое время, колебалась и распадалась. Если терроръ былъ орудіемъ общественнаго спасенія, то теперь государственная необходимость уже не требовала его примѣненія. Но общественное спасеніе всегда было лишь предлогомъ для террора; истинною причиною его была безопасность самихъ террористовъ и ихъ тираннія: она удвоилась помимо внѣшнихъ вліяній; она становилась тѣмъ свирѣпѣе, чѣмъ менѣе была полезна, и какъ бы для того, чтобы обнаружить всю свою чудовищность, она, поразивъ враговъ республики, съ ожесточеніемъ обратила свои гоненія на самихъ республиканцевъ.

К О Н Е Ц Ъ Т Р Е Т Ъ Я Г О Т О М А .

¹⁰⁾ ZEISSBERG, t. IV, 117 и слѣд., донесеніе Макка въ мартѣ 1794: «Дисциплина никогда не была такъ строга ни въ одной французской арміи; ихъ новаго типа генералы, быть можетъ, стоѣтъ болѣе прежнихъ». Мерси, въ одномъ изъ донесеній своихъ императору, подтверждаетъ это мнѣніе; 9 марта 1794, Id., p. 128 и сл. Mallet du Pan передаетъ подобные же отзывы. SAYOUS, t. II, 23 и сл. Сравн. съ впечатлѣніями простаго французскаго рядового: «Мы обязаны всѣми нашими успѣхами дисциплинѣ; благодаря ей, мы вызвали восторженное удивленіе Европы». LORÉDAN LARCHEY, *Journal de Fricasse*, p. 35.

ОПЕЧАТКИ.

Напечатано:

Стр.	84, строка	28	палатината
»	—	»	29 ратисбонскій
»	94	»	35 Швейцарій
»	101	»	15 преисполненнаго
»	146	»	1 Конвертъ
»	—	»	12 руководились
»	205	»	22 спасеніе
»	241	»	8 операцію
»	258	»	7 хотя даже
»	352	»	29 идахъ
»	357	»	27 могло-бы
»	364	»	18 принципахъ
»	402	»	15—16 обустпаетъ
»	—	»	17 смѣшиваеаъ

Читаетъ:

Пфальца
регенсбургскій
Швейцаріей
преисполненнымъ
Конвертъ
руководилось
опасеніе
операціи
хотя бы и
видахъ
могъ-бы
принципахъ
обстпаетъ
смѣшиваеаъ

